

ТРЕНЧЕНИ-ВАЛЬДАПФЕЛЬ ИМРЕ

МИФОЛОГИЯ

Trencsényi-Waldapfel Imre

MITOLÓGIA

BUDAPEST 1956

ТРЕНЧЕНИ-ВАЛЬДАПФЕЛЬ ИМРЕ

МИФОЛОГИЯ

Перевод с венгерского

Е. Н. ЕЛЕОНСКОЙ

Редакция и предисловие

ПРОФ. В. И. АВДИЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА • 1959

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всякое подлинное искусство восходит в конечном счете к народному творчеству. Эпос, лирика, театр, сказка, басня, орнамент, возникшие в глубокой древности из чистого и глубокого источника художественного гения народа, до сих пор оказывают мощное воздействие на сознание и чувства людей, доставляя им истинное художественное наслаждение. И только тот художник создает подлинные произведения искусства, живущие в веках, который творит их, вдохновляясь народным творчеством, как бы впитывая в себя мудрость всего народа, и тем делает их понятными и близкими всем людям.

Так думали древние художники. Так думали и поэты Древней Греции, положившие в основу своих поэтических произведений древнейшие мифы, народные предания, в которых перводовые люди своего времени пытались объяснить явления природы, загадки жизни и смерти, тайны человеческой души, важнейшие события в жизни народа. Поэтому изучение мифотворчества древних времен представляет большое историческое и историко-литературное значение. Подвергая сравнительно-историческому изучению мифы различных народов, например древних египтян, вавилонян, греков, римлян, евреев, персов, индийцев, китайцев и многих других народов, можно проследить, как в мифах нашли свое отражение такие события, как переход от матриархата к патриархату, от культа природы к обоготворению царей, от родового строя к рабовладению. Открытие огня и металлургии, изобретение гончарного и ткацкого ремесла, мечты о полетах, ожесточенные войны, осады крепостей, странствия купцов-мореходов в далекие страны — все эти важные исторические факты нашли свое отражение в мифах различных народов. Но в то же время, пожалуй, только греческая мифология, впитавшая в себя многообразные восточные элементы и в

свою очередь оказавшая сильное воздействие на развитие римской и средневековой мифологии, дает возможность проследить, как древние, созданные аэдами мифы в течение веков стали почвой и основой для творчества поэтов, драматургов и философов. В этом великая и художественная и историческая ценность античной мифологии.

О мифологии, в особенности античной, написано множество самых разнообразных трудов. Вопрос о возникновении и развитии самых различных мифов изучался как с исторической, так с историко-литературной и в особенности историко-религиозной точек зрения. Наиболее распространенные мифы излагались часто в переводах или в вольном переложении, более или менее близком к античному оригиналу. Так, в книге проф. Н. А. Куна, вышедшей в первом издании в 1914 году, в художественной форме, хорошим литературным языком пересказываются различные греческие и римские мифы¹. В 1939 году проф. С. И. Радциг в своей ценной и содержательной книге² дал серьезный историко-литературный и историко-религиозный анализ античной мифологии, во многом основанный на важнейших высказываниях основоположников марксизма-ленинизма.

Большой интерес и большую ценность среди трудов в области античной и сравнительной мифологии представляет книга выдающегося венгерского специалиста по истории античной литературы проф. Имре Тренчени-Вальдапфеля. Этот несомненно научно-популярный труд основан на глубоком и оригинальном изучении огромного количества первоисточников, которые автор тщательно исследовал в ряде специальных научно-исследовательских работ, посвященных мифотворчеству Гомера и Гесиода³, мифам о золотом веке и «Островах блаженных», легенде о Беллерофонте⁴ и мифологическому образу Афины Тритогенеи⁵. Исходя из марксистско-ленинской методологии, автор стремится в нескольких обобщающих главах показать происхождение, развитие и значение мифов, вскрыть в них исконные элементы народного творчества и в то же время показать дальнейшее использование и переработку мифологических сюжетов и мотивов в эпосе, трагедии, лирике, связь мифологии с религиозными

¹ Н. А. Кун, Что рассказывали греки и римляне о своих богах и героях, М., 1914; см. также последнее издание: Н. А. Кун, Легенды и мифы Древней Греции, М., 1955.

² С. И. Радциг, Античная мифология. Очерк античных мифов в освещении современной науки, М., 1939.

³ И. Тренчени-Вальдапфель, Гомер и Гесиод, авторизованный перевод с венгерского под редакцией проф. В. И. Авдиева, М., Издательство многостранной литературы, 1956.

⁴ И. Тренчени-Вальдапфель, Беллерофонт. *Acta Ant. Hung.*, t. I, fasc. 3—4, Budapest, 1953.

⁵ И. Тренчени-Вальдапфель, Tritogeneia, *Acta Ant. Hung.*, t. III, fasc. 1—2, Budapest, 1955.

позрениями и культом, взаимоотношения мифа и сказки. Подходя к анализу мифов с точки зрения историка, проф. Имре Тренчени-Вальдапфель глубоко и порой остроумно вскрывает социальную основу того или иного мифа и не только ставит, но и серьезно разрешает сложные исторические проблемы о взаимодействии между греческой мифологией и римской литературой, религией и мифологией, а также о проникновении восточных влияний в римскую мифологию.

Наряду с этими обобщающими главами, несомненно имеющими научное значение, автор дает в виде иллюстраций вольное, но в то же время и близкое к подлиннику переложение большого количества древнегреческих и римских мифов, а также некоторых мифов и легенд других народов, в том числе славянских, грузинских, казахских, германских, индийских и т. д. Таким образом, книга И. Тренчени-Вальдапфеля является хорошим научно-популярным введением в сравнительную, главным образом античную, мифологию, доступную для широких масс читателей, в особенности для юношества.

На протяжении всей книги автор старается показать, что мифы возникли из глубин народного творчества в глубокой древности, в ту эпоху, когда люди обоготворяли природу. И действительно, во многих греческих сказаниях боги олицетворяют собой стихии, явления и силы природы. Вся природа казалась грекам как бы живой и населенной богами и сверхъестественными существами. В глубине морской стихии живет великий бог морей Посейдон. В древних мифах рассказывается о том, как «пеннорожденная» богиня Афродита появилась из морской воды, выйдя на берег Кипра, где находилось одно из ее главных святилищ. В морских волнах вечно плескались прекрасные Нереиды, дочери морского старца Нерея. В стране, иссушенной солнцем, где всегда не хватало воды, каждая речка считалась божеством, в каждом «священном» источнике жила божественная нимфа. А над всем миром, думали греки, господствует могучий бог грома и молний, «громовержец» и «тучегонитель» Зевс, верховный бог, царивший на горной вершине — Олимпе. В огромном количестве мифов нашел свое отражение этот древний культ природы, существовавший у всех народов земного шара на определенной ступени их исторического развития. В этом отношении особенно интересен миф о любви нимфы Эхо к прекрасному юноше Нарциссу. В нем рассказывается, как нимфа Эхо, наказанная Герой за болтливость, лишилась дара речи и могла лишь повторять последние слова своего собеседника. Страдая от того, что самовлюбленный красавец Нарцисс не отвечает на ее пылкую любовь, Эхо изнемогает, и «от постоянных забот истощается бедное тело». Все соки ее тела «в воздух ушли». Остался жить лишь ее голос, который все слышат. Один

лишь звук ее голоса остался жить. В узких глубоких долинах Греции эхо — обычное явление. Больше того, в древнегреческой архитектуре иногда использовался либо природный, либо искусственно созданный резонанс. Об особом портике «Эхо» сообщает греческий писатель Страбон. А в огромном театре Эпидавра природная акустика так хорошо была использована, что в последнем ряду громадного амфитеатра можно было явственно слышать слова, даже шепотом произносимые актером со сцены. В этом же мифе об Эхо, который так художественно переложил Овидий, рассказывается о том, как отвергший любовь Эхо самовлюбленный Нарцисс погиб, как бы превратившись в белый цветок.

Вскрывая древние корни народного творчества в античных мифах, проф. И. Тренчени-Вальдапфель признает, не впадая, однако, в крайность, что мифы даже в древние времена широко использовались в художественной, подчас весьма утонченной литературе. И это совершенно правильно. Миф об Эхо и Нарциссе, в котором столь явственно видны древние корни народного творчества, в римской поэзии I века до н. э. превратился в «Метаморфозах» Овидия в изящный поэтический эпизод. И именно поэтому античная мифология и древняя литература, выросшие на почве подлинного народного творчества, оказывали в течение двух тысячелетий столь сильное влияние на развитие позднейшего эпоса, лирики и театра.

Поэтические образы Овидия сохранились и в рыцарской поэзии средневековья. Вергилий был как бы глубокомысленным наставником Данте. Шекспир, Гёте и Пушкин нередко прибегали к образам античной мифологии и литературы. Очевидно, античная мифология и древняя поэзия обладают прелестью вечной юности, ибо они неразрывными нитями связаны с глубокой стихией подлинно народного творчества.

В главе «Миф и сказка» автор, несомненно, правильно утверждает, что и сказка и миф в конечном счете восходят к устному народному творчеству и поэтому теснейшим образом связаны между собой. И в то же время автор прав, говоря, что между мифом и сказкой имеются глубокие различия. Ведь не каждый миф превращается в сказку и не каждая сказка развивается на почве мифологического восприятия жизни и природы. Конечно, все эти сказки далеко не всегда сохраняют свой народный характер. Использованные в качестве сюжетов или отдельных эпизодов античными историками, философами и писателями, они часто превращались в изящные новеллы. И, конечно, знаменитый рассказ об Амуре и Психее, столь удачно вставленный Апулеем в его философско-приключенческий роман «Метаморфозы», нельзя считать в полной мере народной сказкой, хотя в нем и имеются некоторые типично сказочные мотивы,

как, например, мотив о злых сестрах доброй и невинной героини. Прославленная новелла Апулея об идеальной, «неземной» любви Амура и Психеи, конечно, лишь в своем сюжете восходит к мифологическим корням. На самом же деле это утонченная, почти аллегорическая повесть, созданная рукой опытного, литературно искушенного мастера, знаменитого бытописателя II века н. э., впитавшего в себя эллинскую и эллинистическую культуру Карфагена и Афин. Поэтому изучение этих поздних рассказов позволяет проследить лишь перерождение древних форм народного творчества в виде сказок и мифов в высокоразвитую, но в то же время тенденциозную и манерную художественную литературу правящего класса рабовладельческой аристократии.

Сознательное использование элементов народной сказки и древнего мифа можно найти в некоторых образцах древневосточной литературы, как, например, в древнеегипетской «Повести о двух братьях» или в сказках папируса Весткар. Характерно и то, что эти фантастические рассказы, полные описаний различных «чудес», имеют иногда свои параллельные варианты в почти аллегорических новеллах, как, например, в египетской сказке о «Правде и Кривде». Наконец, как правильно указывает проф. И. Тренчени-Вальдапфель, некоторые греческие полумифы и полусказки попадают в число «генеалогических преданий», характерных для господствующего класса. Так, основатель македонского царства Пердикка изображается Геродотом в качестве наделенного «сверхъестественной силой» кудесника, почти полубога, который властвует над хлебом и солнечными лучами. Равным образом и герой египетской «Повести о двух братьях» носит почти аллегорическое имя «Бата» (душа хлеба) и в конце концов таинственно превращается в египетского фараона, которого обычно отождествляли с великим богом Египта Озирисом. Так же и в сказках папируса Весткар повествуется о том, при каких таинственных обстоятельствах рождаются первые фараоны V династии от чудесного брака бога солнца Ра с женой простого жреца. Конечно, все эти сказки, как и легенда о Пердикке, имели своей целью лишь доказать божественное происхождение царя и царской власти и должны были служить для укрепления авторитета обоготворявшегося монарха.

Уже со времен античной древности мифы сперва истолковывались, а потом изучались. В мифах, сказках и пословицах отразились народная мудрость, художественное восприятие природы и древнейшие нравственные законы, созданные гением народа. Этим объясняется то пристальное внимание, которое всегда уделялось мифам. В своем вступительном очерке проф. И. Тренчени-Вальдапфель дает краткий обзор того, как изучались и понимались мифы и в древности и в наши дни. Но, ко-

нечно, мифы представляют огромный интерес не только для историка литературы и религии и не только для специалиста по истории народного мифотворчества. Мифы являются ценнейшим источником, который дает обильный материал историку для характеристики важнейших исторических фактов, относящихся к глубокой древности. Глубокий анализ исторического значения некоторых античных мифов, как, например, мифа об Оресте, дал в свое время Ф. Энгельс, вскрыв в этом древнем сказании отголоски той ожесточенной борьбы, которая происходила некогда в период перехода от материнского права к отцовскому. Проф. И. Тренчени-Вальдапфель дает в своей содержательной книге интересное социально-историческое истолкование некоторых древних мифов, которые всегда в той или иной мере отражают определенные исторические факты. Так, например, разъясняя взаимную связь между мифологическими образами богини Земли — Геи и ее дочери — богини законности и правосудия Фемиды, автор пишет: «Порядок Земли представляет собой неизменную закономерность, поэтому порядок Геи (Земли) и Фемиды (Закона) связаны друг с другом. Они связаны также и потому, что с возникновением частной собственности на землю урегулирование прав пользования землей в первую очередь потребовало законов» (стр. 241).

Конечно, ограниченный рамками сравнительно небольшой научно-популярной книги, автор не смог дать во всех необходимых случаях глубокого исторического анализа приведенных им мифов. Но, вдумываясь в отдельные, мельком брошенные мысли автора, внимательно вчитываясь в содержание увлекательных античных легенд, читатель, у которого пробудится интерес к великим цивилизациям древности, несомненно, ознакомится с соответствующими историческими трудами, произведениями античной литературы, археологическими памятниками. И тогда он, конечно, убедится в том, что в замечательных поэмах Гомера, например в «Одиссее», или в таких мифах, как миф об Аргонавах, отразились такие важнейшие исторические события, как возникновение древнегреческой морской торговли, мореходства и колонизации, связавшей в единое культурное целое весь средиземноморский мир, связанный многочисленными и древними экономическими и культурными взаимодействиями.

В некоторых мифах, сохранившихся в позднейшей художественной обработке, в частности у римских поэтов, мы найдем наряду с древним слоем народного мифотворчества и культа природы более поздние наслоения, характеризующие эпоху морских путешествий, экспедиций в далекие заморские страны. Так, в мифе о Демофонте и Филлиде, изложенном в трогательной поэме Овидия, рассказывается, как афинский царевич, сын Тесея, был занесен во время своего морского страдания во Фракию,

к устью Стримона, где находились богатые золотые рудники. Там его полюбила царица — девушка Филлида. Демофонт, уезжая, обещал ей вернуться, но Филлида, не дождавшись его, покончила самоубийством. Боги превратили невинную страдалицу в миндальное дерево. В этой древней мифической поэме, несомненно обработанной опытной рукой Овидия, все же чувствуются древнегреческие мотивы, противопоставляющие афинских моряков, стремящихся к золотым сокровищам Пангейской горы, сказочной далекой Фракии, где царствует добродетельная и невинная девушка Филлида.

Таковы сложные напластования различных элементов и мотивов в мифологической литературе, которые отражают различные эпохи, культурный уровень различных народов, настроения и интересы различных социальных групп и классов. Для объяснения всех этих напластований, возникших в процессе развития мифологии, в буржуазной литературе были выдвинуты многочисленные теории, как, например, расовая теория, теория миграций, или идеалистическая, почти мистическая и в основе своей реакционнейшая теория, которая «стремилась представить мифологию областью иррациональной познавательной способности духа, «к сожалению», утраченной человеком в ходе развития цивилизации» (стр. 25). Подвергая справедливой и обоснованной критике эти идеалистические буржуазные теории, проф. И. Тренчени-Вальдапфель всегда стремится вскрыть историческую основу мифов, отделяя элементы народного мифотворчества от позднейшей художественной обработки древних мифологических сюжетов и мотивов.

Стремясь разоблачить тенденциозный характер тех буржуазных теорий, которые используют мифологию с расовой точки зрения и рассматривают греческую культуру и мифологию как создание якобы «чисто арийского гения», проф. И. Тренчени-Вальдапфель вполне обоснованно указывает на те очень древние и значительные культурные взаимодействия, которые соединяли греческий мир с миром восточным и которые нашли свое яркое отражение в античной литературе и мифологии. В маленькой, но содержательной и интересно написанной главе «Восточные боги на Западе» автор ясно показывает, как восточные культы и связанные с этим восточные мифологические сюжеты и мотивы проникали в Рим, оказывая влияние на развитие мифологии и литературы. К сожалению, автор в этой главе коснулся лишь вопроса о связях Востока с Римом, совершенно обойдя вопрос о связях Востока с Грецией, будучи, видимо, ограничен сравнительно небольшим объемом данной научно-популярной работы. Но в некоторых местах своей книги автор говорит о тех восточных влияниях, которые можно проследить в некоторых греческих мифах. Так, например, на стр. 173 он упоми-

нает о том, что Аполлон привлек в Дельфы критских моряков, чтобы они служили ему в качестве племени жрецов. И действительно, в «Гимне Аполлону Пифийскому» говорится о том, что Аполлон назначил первыми жрецами Дельф, где находилось знаменитое святилище этого бога, критских моряков, неожиданно приплывших из Крита. В словах этих моряков, сказавших Аполлону, что они «из Крита, быть родом с которого все мы гордимся», как бы звучит законная гордость критян древней цивилизацией своего народа, внушавшей глубокое уважение даже образованным грекам классической эпохи. Не только Дельфы, но и другой не менее известный религиозный центр Древней Греции, Элевсин, прославившийся своими знаменитыми мистериями, был тоже в какой-то степени связан с Критом. В мифе о Персефоне-Коре рассказывается о том, что богиня земли и земледелия Деметра (Богиня-Мать) в поисках своей дочери Персефоны пришла в Элевсин, назвав себя «старухой из Крита». В гомеровском гимне Деметре богиня говорит:

Ныне из Крита сюда по хребту широчайшему моря
Я прибыла не по воле свсей.

Мысль о тесных связях между греческой религией и Критом выражена и в труде известного греческого историка Диодора, считавшего, что весь мир богов и с ними все мистерии явились в Грецию с острова Крита. Конечно, эти взгляды объясняются тем, что Крит был связующим звеном между Грецией и великим восточным миром, который многочисленными и древними культурными взаимодействиями был связан с Элладой и эллинской цивилизацией. В Элевсинских мистериях, в культе Деметры и Диониса, в легендах о критском Лабиринте можно найти много параллелей восточным религиям и мифам восточных народов.

Все эти взаимодействия между миром античным и миром восточным получили четкое и ясное выражение в эпоху Римской империи. Возможно, именно поэтому проф. И. Тренчени-Вальдапфель сосредоточил свое внимание на этом периоде, приводя краткое изложение трех восточных мифов, переработанных в рамках античной мифологической литературы, — о Кибеле, об Озирисе и Изиде, наконец, о пещере бога вечности Аиона.

Выбор автором этих мифов вполне обоснован. Ведь, действительно, оргиастический культ Кибелы, египетские культы Озириса и Изиды, наконец, культы персидских божеств получили очень широкое распространение в Римской империи и оказали значительное влияние на развитие античной мифологии и религиозной философии. Имеются все основания утверждать, что некоторые восточные культы начали проникать в Грецию задол-

го до образования Римской империи. Мифы об Изиде и Озирисе и культ этих богов, получившие столь широкое распространение в Египте в Саискую эпоху, были известны грекам уже в V веке до н. э., что, конечно, объясняется развитием уже в те времена торговли между Грецией и Египтом, проникновением греков в долину Нила и широким распространением греческой колонизации. В это время возникает греко-египетский религиозный синкретизм, и греческие писатели, которые иногда, как, например, Геродот, посещали Египет, находят возможным сопоставлять египетского Озириса с греческим Дионисом, а египетскую Изиду с эллинской Деметрой, так как обе эти богини считались как бы олицетворением материнства и в них видели по преимуществу Богиню-Мать, обычно изображавшуюся с ребенком на руках. В V—IV веках до н. э. культ Изиды проникает в материковую Грецию. В греческих городах строят храмы великой египетской богине. А в 333 году до н. э. египетским купцам было разрешено построить такой храм даже в афинской гавани, в Пирее.

Около II века до н. э. культ Изиды проникает через греческие колонии в Сицилии и в Южной Италии в пределы Римской республики. Очевидно, уже приблизительно в это время существовал в Помпеях храм Изиды, где совершались те мистерии в честь египетской богини, которые столь подробно описаны Апулеем в уже упоминавшемся нами его романе «Метаморфозы». Постепенно культ Изиды получает все более широкое распространение. Храмы, часовни и небольшие святилища в честь египетской богоматери строятся не только в Риме, но и по всей Италии. Наконец, культ Изиды проникает и в римские провинции, например в Паннонию. Так, в римской военной колонии Савария, на месте которой построен теперешний венгерский город Сомбатхэй, не так давно были обнаружены развалины святилища Изиды, в котором были найдены ценнейшие рельефные изображения, среди которых выделяется изображение самой богини Изиды, сидящей на собаке Сотис.

Все эти факты ясно указывают на широкое распространение восточных культов в Римской империи, главным образом в I—III веках н. э. Об этом же свидетельствуют и разнообразные произведения античной литературы, в частности религиозно-философский трактат Плутарха «Об Изиде и Озирисе». Таким образом, в религии, мифологии и литературе мы найдем яркое отражение тех древних культурных взаимодействий, которые прочно соединяли античный мир с Египтом, Финикией и Малой Азией. Конечно, этот исторический факт нельзя не учитывать при изучении античной мифологии.

Большое внимание обращает проф. И. Тренчени-Вальдапфель на связь греческой мифологии с римской. Справедливо по-

лагая, что греческая мифология, как и другие виды древнегреческой культуры, оказала сильное влияние на развитие римской мифологии и художественной литературы, автор все же далек от того, чтобы всю римскую мифологию свести к перепевам эллинистических мифологических сюжетов. Вполне обоснованно венгерский исследователь отмечает типичные, характерные черты римской мифологии и указывает, в каком направлении работала творческая мысль римских писателей, художественно перерабатывавших греческие мифологические мотивы. Одной из типичных черт римской мифологии является, по мнению автора, преобразование греческой мифологии природы в римскую историческую мифологию, которая уделяет особое место обожествлению правителя или основателя государства. Так, в римском сказании об Энее, которое, по словам автора, является «крохой с богатого стола Гомера», Эней, бежавший из-под стен Трои и после долгих странствий принеший в Италию троянские святыни, основывает здесь город Лавинию и сам становится божеством. Такое же обожествление основателя города и государства можно найти в римском сказании о Ромуле и Реме, в котором ярко и образно описывается чудесное превращение Ромула в божество, в бога Квирина, покровителя Рима и Римского государства.

Не менее интересно объяснение, которое дает проф. И. Тренчени-Вальдапфель римской модификации греческого мифа о чудесной западной стране Гесперии, которая казалась грекам божественным плодовым садом. По мнению автора, миф о прибытии Сатурна в Италию, восходящий к некоему греческому прототипу, в римской поэзии был значительно видоизменен. Чудесная западная страна превратилась в типично римский земледельческий «рай», который должны любить истинно добродетельные римские граждане. Так, древнегреческие мифические представления о золотом веке были использованы римскими поэтами, в частности Вергилием в «Георгиках» и в «Энеиде», для укрепления патриотических настроений в римских гражданах и для возвеличения императора Августа, при котором, несомненно, должен был возродиться древний золотой век Сатурна.

Другой чертой, типичной, по мнению проф. И. Тренчени-Вальдапфеля, для римской мифологии и религии, было то, что «признание новых богов никогда не означало вытеснения старых» (стр. 374). И действительно, наряду с римскими образами богини Матери-Земли (Теллус, Терра-Матер, Опа и Анна Перенна) римляне почитали греческую Деметру и египетскую Изиду. Но, конечно, эта черта своеобразного религиозного синкретизма не является характерной для одной лишь римской религии и мифологии. Мы найдем ее и в вавилонской ре-

лигии, воспринявшей многие элементы более древней шумерийской религии, и в религии древних египтян, в которой наряду с образами египетских богов уживались культы иноземных богов, как, например, сирийских Ваала, Астарты, Кадеша и Решефа.

Наконец, аналогичный религиозный и мифологический синкретизм можно обнаружить и в христианстве, в которое проникли многочисленные элементы восточных культов, получивших столь широкое распространение в Римской империи.

Все эти интереснейшие вопросы, касающиеся того, в силу каких причин и как возникают древнейшие мифы — эти произведения народного художественного творчества — и каким образом впоследствии перерабатываются в позднейших литературах древние мифологические сюжеты, если не полностью раскрыты и объяснены автором, все же с достаточной ясностью им поставлены и частично разрешены в этой книге, посвященной мифологии.

Самым ценным в этом труде является то, что автор ставит все эти вопросы и стремится их хотя бы отчасти разрешить, опираясь на высказывания основоположников марксизма-ленинизма. Наконец, переложение античных мифов, сохранившихся в трудах многих древних писателей, несомненно, пробудит среди широких масс читателей живой интерес к тем древним истокам народного мифологического творчества, которое с таким искренним энтузиазмом и с такой любовью исследует выдающийся венгерский специалист в области античности проф. И. Тренче-ни-Вальдапфель

В. И. Авдиев

ПРОИСХОЖДЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ МИФОВ

1. МИФЫ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ

За полгода до великих мартовских событий, осенью 1847 года, Шандор Петефи в поэтическом письме, обращенном к одному из своих друзей по совместной борьбе за освобождение венгерского народа Габору Казинци, восклицал:

Там лежит, как новый Прометей,
С давних пор закovaný в кандалы народ;
И клюет его печень коршун,
И окровавлены руки и ноги в цепях.

В этом сравнении народа с Прометеем он обращается к многотысячелетнему древнегреческому преданию. В греческих преданиях, к числу которых принадлежит и легенда о Прометее, наряду с героями, наделенными сверхъестественными способностями, фигурируют вечно юные бессмертные боги и богини. Предания, повествующие о богах и героях, мы называем мифами (греческое слово), а их совокупность, точнее, науку, исследующую мифы, мы называем *мифологией*. Для того чтобы понять приведенную выше цитату Петефи, а также многочисленные произведения венгерской поэзии и мировой литературы вообще, в которых также используются мифологические образы, следует обратиться к науке о мифах, к мифологии. Тогда мы узнаем, что в соответствии с представлениями древних греков родственник богам Прометей защищал людей от богов. Мы узнаем также, что люди вначале очень нуждались в таком покровительстве. Они были неумелы и невежественны, беспомощны перед силами природы, бессильны перед животными, от которых они едва отличались, а если и отличались, то

лишь тем, что были более беспомощны и беззащитны, чем большинство из них. Прометей сжался над людьми и похитил с неба огонь, который до того был собственностью блаженных богов. Дар Прометея возвысил человека над миром животных. В холод человек мог теперь развести огонь, на огне он мог приготовить более подходящую для себя пищу. Вместо сырой пещеры и дупла дерева, где до сих пор человек находил убежище, он выстроил себе дом из кирпичей, сделанных из обожженной глины. Он расплавил руду, которая была скрыта глубоко в земле, и выковал оружие для охоты и орудия труда. Каким бы быстрым ни был олень, все же гораздо быстрее летели стрела или копье с наконечником из металла, брошенные человеком вслед преследуемому животному. Если шкура пушного зверя была тепла, то человек, который стал теперь сильнее зверя, мог изготовить для себя теплую одежду из меха покоренных им животных. Если до сих пор человек вынужден был довольствоваться тем, что ему земля сама отдавала, то теперь он вспахивал землю железным плугом и заставлял ее давать более изобильный урожай. Благодаря огню появились различные ремесла. Возникновение кузнечного ремесла дало возможность производить оружие и разные орудия труда, а гончарного промысла — глиняную посуду больших и малых размеров. Теперь, собрав осенью урожай, человек мог сделать запасы на весь год, убрав в сосуды зерно, масло, вино. Человек при помощи огня мог теперь перерабатывать в соответствии с собственными потребностями те естественные материалы, которые ему давала природа. Но, перерабатывая эти материалы, человек преобразовывал самого себя, его руки становились все более приспособленными к труду, все больше накапливалось опыта и знаний. Человек продолжал совершенствовать орудия труда, но в то же время сам развивался еще больше, научившись предвидеть все возможности и последствия своей созидательной деятельности. Поэтому-то греки считали, что Прометей, подарив человеку огонь, в то же время зажег в людях искру человеческого сознания.

Но боги — разворачивается далее мифологическая фантазия — возмутились даром Прометея и наслали на людей различные горести — болезни, старость и смерть, а самого Прометея наказали за то, что он похитил огонь. Владыка богов Зевс, который с вершины Олимпа правит вселенной, велел Гефесту — богу-кузнецу — приковать благодетеля людей к одиноко высящейся скале в безлюдной местности. Прикованный к суровой скале Прометей тысячелетиями страдал от летнего зноя и от зимних бурь; его печень все это время клевал коршун — птица, насланная на него Зевсом, пока Геракл, сын Зевса, рожденный от смертной матери, не освободил Прометея.

Теперь нам уже вполне понятен образ, данный в стихах Петефи. Трудовой народ — это новый Прометей. Это люди, своим созидательным трудом служащие человеческому прогрессу. Но в классовом обществе эксплуататорские классы заковали в цепи трудовой народ и обрекли его на тяжелые страдания, которые длятся из поколения в поколение. И если Петефи сравнивает угнетенный народ с мифическим Прометеем, то прообразом тех героев, поэтов и борцов за свободу, которые сражаются за правду народную, является Геракл, освобождающий землю от злобных царей и сверхъестественных чудовищ. Геракл убил орла, терзавшего печень Прометея, и снял оковы с великого страдальца. Мифологическое действие в стихотворении Петефи продолжается в героическом акте борьбы за свободу:

Мы сбросим с него оковы
И отгоним от него коршуна!
Нашей, нашей будет победа,
Потому что право то дело,
Которое заставляет нас братья за оружие,
Потому что правое дело
Должно победить¹.

Сравнение, полное глубокого смысла, но, конечно, для венгерского поэта миф о Прометее мог быть тогда только символом, каким он был в Германии для Гёте, в Англии — для Шелли, у которых, однако, более ярко освещена другая сторона мифа. Они выдвигают Прометея прежде всего как героя, ведущего борьбу против богов, освобождающего человеческое сознание от власти религии, что по существу совпадает с трактовкой Маркса, который говорил, что Прометей «самый благородный святой и мученик в философском календаре»².

В определенном смысле этот миф имел символическое значение уже в V веке до н. э. и для великого древнегреческого поэта Эсхила, который в драматической трилогии разработал тему страданий прикованного Прометея и его освобождения. В первой части трилогии «Прикованный Прометей» (единственно сохранившейся) перед нами предстает любящий людей гордый титан, который скорее готов принять на себя страдания, чем унизиться перед Зевсом: тем самым он подает людям пример сознательности, той сознательности, которую он вместе с огнем принес им в дар. В те времена, когда была представлена эта драма, греческие философы уже резко выступали против всего устаревшего, препятствующего прогрессу, и среди объектов их нападков не последнее место занимала традиционная религия. Слова, которые поэт влагает в уста непокорного Прометея, мы вправе рассматривать как противопоставленную традицион-

¹ Ш. Петефи, К. Казинци Габору.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 26.

ным религиозным представлениям поэтически выраженную точку зрения философов, стремящихся познать природу и общество с помощью научного метода. Именно об этом писал Маркс, говоря, что боги Греции были ранены на смерть в «Прикованном Прометее» Эсхила³.

Однако в общем точка зрения Эсхила, не совпадающая с традиционной религией, далеко не совпадает и с мифологией, переплетающей религиозные представления с фантастическими историями, не совпадает, хотя поэт и выносит на сцену миф о Прометее. Прометей выступает против богов вместе с людьми, и только поэтому Эсхил открыто высказывает ему свое сочувствие; однако Гесиод, умерший двумя столетиями раньше, считал, что Прометей справедливо понес наказание, так как обманул богов. Конечно, в суждениях такого рода можно проследить классовые корни. У Гесиода это в первую очередь недоверие беотийского крестьянского поэта к ремеслу. В Афинах же, где во времена рабовладельческой демократии в действительности господствовали владельцы ремесленных мастерских и торговцы изделиями афинского ремесла, вывозившие эти изделия в далекие страны, Прометей пользовался божескими почестями вместе с покровителями кустарей-ремесленников Афиной-Палладой и Гефестом. В роще, названной именем героя Академа, в которой позднее философ Платон устроил свою школу, всем известную «Академию», стояло общее святилище трех божеств. Прометей здесь почитался как «бог, приносящий огонь» («*pyrophoros theos*») * с алтаря, где стояла его статуя с факелом в правой руке; ежегодно в праздник возжигания огня участники факельного шествия брали огонь и несли его в городской квартал ремесленников; кузнецы и гончары несли огонь в свои мастерские в память того первого возжигания, которое традиция приписывала Прометею. Есть все основания считать, что третья часть трилогии о Прометее Эсхила «Прометей, приносящий огонь» (которая утрачена так же, как и вторая часть «Освобожденный Прометей») заканчивалась примирением Зевса и Прометея и учреждением в Афинах праздника возжигания огня.

Таким образом, Эсхил вместе со своей философией, смело штурмующей божественный трон и освобождающей человеческое сознание, все же отдает дань уважения традиционному афинскому институту — празднику, именуемому *Прометейи*. Единственную, полностью сохранившуюся до наших дней драматическую трилогию «Орестея» Эсхил также заканчивает легендой об основании другого старинного афинского институ-

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 403.

* Здесь и далее все греческие термины даются в латинской транскрипции согласно венгерскому оригиналу книги. — *Прим. ред.*

та — высшего законодательного органа ареопага (Areiopagos). «У меня есть собственное мнение, которое расходится с мнением других», — так говорит Эсхил устами хора аргосских старцев в трагедии «Агамемнон». Он высказывает свои личные убеждения, отрицая суждение об изменчивости счастья — «старое поверье, издавна повторяемое людьми», и утверждает новое учение о личной ответственности, о нравственных принципах вместо религиозно-суеверного страха. Драма «Прометей» противопоставляет веру человека в себя, в свою творческую силу и разум унижительному страху перед богами. Но Эсхил относится с уважением к традиционным институтам родного полиса и укрепляет основу этого уважения, восстанавливая миф, объясняющий причину возникновения афинских институтов, то есть восстанавливая так называемое этиологическое предание (по-гречески *aitia* — причина).

Перед научной мифологией стоит двойная задача: с одной стороны, выяснение отношения между мифом, мифическим действием и религиозным обрядом (*ritus*), регулярно повторяющимся в строго установленных рамках (бесчисленные примеры таких обрядов известны из истории религии, начиная с афинского праздника *Прометейи* и кончая ежегодным представлением в католической церкви «страстей господних» на страстной неделе), с другой стороны, выяснение отношения между мифом и его поэтическими разработками, нередко противоречащими традиционным толкованиям мифа. *Научная мифология должна, с одной стороны, исследовать — в рамках истории религии — происхождение мифов, их формирование, а также изменения их смысла в ходе историко-религиозного развития, большей частью бессознательно отражающие общественные изменения; нужно исследовать, с другой стороны, мифы как необходимую дополняющую часть истории литературы и истории искусства, как образы и мотивы, созданные устной народной поэтической традицией в историко-религиозных условиях, но в большей или меньшей степени освободившиеся от религии и представляющие материал для дальнейшего сознательного поэтического развития и художественного творчества.*

Мы говорим о двоякой задаче мифологии; что же касается античной эпохи, то в этот период эти две задачи неотделимы одна от другой, неотделимы, во-первых, потому, что большей частью мы в состоянии объяснить формирование мифов и их первоначальное религиозное значение только при помощи данных литературы и искусства. Кроме того, любой античный поэт требует особого исследования, чтобы мы могли определить, в какой мере он принимает мифы в религиозном духе, то есть «всерьез»; когда он обращается к мифу, чтобы в иносказательной форме делать свои нападки на религию; и, наконец, когда

поэт рассматривает — подновляя памятник античной мифологии в духе новейшей поэзии — мифологические образы только как своего рода украшения, как имеющийся в распоряжении каждого поэта литературный и тематический ассортимент, пользуясь которым поэт может испытать свои собственные поэтические силы на мифе, уже обработанном его предшественником.

2. НАПРАВЛЕНИЯ В МИФОЛОГИИ

Греческая наука, рассматривавшая мифы уже в определенной критической перспективе, считала основоположниками мифологии Гомера и Гесиода; это в сущности подчеркивал и «отец истории» Геродот; это признавал, сопровождая свое признание тяжелыми упреками по адресу Гомера и Гесиода, Ксенофан и другие философы. Насколько справедливо это мнение?

Древние формы мифов — те основные формы, которые сходны в том или другом отношении у самых различных народов, что определяется сравнительной мифологией, — возникли на той ступени человеческого сознания, когда переплетались, еще не отделившись, фантазия, познание и вера, позднее обособившиеся друг от друга. Их обособленность, дифференциация в ходе развития греческой культуры определилась и, вероятно, достигла довольно значительной степени уже за несколько столетий до Гесиода и Гомера. В том поэтическом устном предании, обильным, красочным, но изменчивым материалом которого в VIII и частично в VII веках до н. э. пользовались Гомер и Гесиод, древние формы мифа (то есть те примитивные формы, которые при одинаковых условиях развития составляют более или менее идентичное содержание в преданиях самых различных народов) уже обогатились собственным историческим опытом греческих племен, а отчасти традицией более развитых народов. Заслугой Гомера и Гесиода является то, что они усмотрели значение мифа для поэзии именно в бесконечной возможности его вариантов. Этой возможностью Гомер и Гесиод пользовались с поразительным художественным чутьем. На основе расплывчатого, аморфного устного предания они впервые создали такие поэтические произведения, которые сами по себе требовали определенной формы и в то же время побуждали других создателей к выявлению все новых и новых возможностей мифа.

Так попадает мифология — и более всех греческая — в сферу воздействия воображения, хотя параллельно с этим в рамках верований древние формы мифа застывают в ритуале именно благодаря ритуалу, то есть религиозному обряду, суеверному действию, обязательному повторяющемуся установлению. Само собой разумеется, что поэзия, основанная на мифологии, может

полностью оторваться от религии только в очень редком случае — большей частью тогда, когда она прямо выступает против религии — например во II веке до н. э. в сатирическом диалоге, в мифе, обработанном Лукианом, — однако она с течением времени все больше освобождается от религиозных пут.

Значение вполне объективного познания мира раскрывается гораздо позднее. Гесиод, по-своему даже и Гомер, а после них крупнейшие поэты, воспроизводившие мифы в своем творчестве, не без основания указывают, что в чудесных словах мифов сияет свет правды. Все же, как только греческая философия заложила первые методологические основы научного познания природы и общества, что имело всемирно-историческое значение, она прежде всего резко выступила против поэзии из-за ее мифологического содержания. Среди греческих философов самым решительным образом выступал против мифологии Ксенофан (VI—V века до н. э.). По его мнению, Гомер и Гесиод выдумали мифы и оклеветали богов, приписав им все людское коварство: боги воруют, обманывают друг друга, нарушают святость брака, и люди привыкают считать поэтические образы богов за действительные. Но Ксенофан ведет борьбу не только против тех черт богов, которые вызывают возражения с моральной точки зрения, он вообще отвергает мифологию из-за ее антропоморфизма, то есть изображения богов в человеческом облике, наделения их человеческими свойствами (по-гречески *antrópos* — человек; *morphé* — образ). Он уже понял, что люди создали богов по образу своему и подобию, и поэтому эфиопы представляют богов курносыми и черными, подобными эфиопам, а фракийцы представляют их голубоглазыми и рыжеволосыми, как фракийцы. И даже — Ксенофан направляет эту острую насмешку против стоящих в одном ряду с поэтами художников — если бы быки и лошади умели рисовать и ваять статуи, то их боги приняли бы вид лошадей и рогатого скота.

Правда, греческая философия, особенно космогония (учение о происхождении мира) вначале сама не порывала нитей, связующих ее с мифами, как с древнейшей формой познания и объяснения мира. Гомер, например, говорил, что древнее море, охватывающее весь мир, — Океан является отцом мира, а матерью мира — супруга Океана, морская богиня Тефия. Фалес, с которого обычно начинают историю греческой философии (VI век до н. э.) вопреки поставленным чисто научным целям, не расходится все же с этой мифологической точкой зрения, когда учит, что все происходит из воды — первоэлемента. Но философы скоро поняли, что их объяснение мира может обрести силу только путем вытеснения мифологии; поэтому-то они и стали самыми настоящими «иконоборцами»

мифа. Были философы, которые пробовали обезвредить мифы тем, что старались дать разумное объяснение возникновению мифов. Тем самым они стали основателями научной мифологии*. Метродор, лампсийский ученик Анаксагора (V век до н. э.), первый стал толковать мифы Гомера как аллегорическое изображение явлений природы. Евгемер (III век до н. э.) полагал, что в богах раскрываются образы исторических личностей, благоговейно хранимые в памяти людей, он ищет в мифах воспоминаний, об исторических событиях. По имени последнего мы и называем евгемеризмом такое толкование мифов, которое определяет миф только как воспоминание об исторических событиях, расцвеченное народной фантазией и видоизмененное в процессе передачи от поколения к поколению. Имена Метродора и Евгемера стали нарицательными для господствующих направлений современной мифологии, которые нередко догматически противопоставляют одно другому. Приверженцы первого все мифы сводили к наблюдениям первобытных людей за небесными телами и другими природными явлениями.

Сторонники второго старались в каждом отдельном случае извлечь из мифа зерно исторического события. Согласно толкованию первых, борьба двух богов в мифологии всегда олицетворяет борьбу дня и ночи, света и тьмы; в соответствии с мнением вторых, это всегда сохранившееся воспоминание о столкновении двух народов, почитавших различных богов, — двух религиозных общин. «Солярное» толкование мифов (от латинского слова *sol* — солнце) приводит, например, к тому, что двух детей Латоны, сверкающих близнецов Аполлона и Артемиду, рассматривают не более как солнце и луну. Согласно современному евгемеризму, кентавры были народом всадников, которых древнее население, еще не знавшее лошадей, считало сросшимися с конями. Сторонники метода сравнительной мифологии или сопоставляли мифы тех народов, которых сравнительное языкознание считало родственными, и таким образом старались «воссоздать» мифологию «первобытного народа» или собирали данные среди самых различных народов во всех концах мира для выявления общих черт «примитивной культуры». Но в большинстве случаев, к сожалению, и они довольствовались тем, что объясняли первоначальное содержание мифов движением небесных тел и другими природными явлениями или впадали в другую крайность и выводили из страха смерти «первобытного человека» и из его представления о загробной жизни все религиозные понятия, а вместе с ними также и мифологию.

* Основатели самой ранней научной мифологии, возникшей еще в древности, в отличие от современных ученых не умели еще пользоваться научными методами исследования. — *Прим. ред.*

В результате упадка буржуазной науки в период империализма направление сравнительной мифологии, особенно направление, развивающееся бок о бок со сравнительным языкознанием, не раз брало на себя обслуживание расовой теории. А общая мифология, хотя и опиравшаяся на более обширные данные, стала расценивать миф почти как источник, приравняемый к лишенным контроля разума душевным переживаниям нервных больных, и стремилась представить мифологию областью иррациональной познавательной способности духа, «к сожалению», утраченной человеком в ходе развития цивилизации.

По существу подлежит критике и то этнологическое направление, которое видит в мифах проявление закономерностей «примитивного разума», совершенно отличного от нашего мышления; это направление только потому можно назвать более «трезвым», чем предыдущее, что оно ни от кого не требует возвращения назад, к примитивному образу мыслей, и, во всяком случае, считает обязательным это возвращение назад лишь для тех, кто хочет проникнуть в «сущность мифа». Однако этот метод, как отрывающий законы «мышления» от законов действительности и таким образом отрывающий миф от его исторической среды, от его связей с обществом, этот чисто идеалистический метод непригоден для научного исследования происхождения, развития и значения мифа. Мало того, утверждая принципиальное различие между мышлением так называемых примитивных народов и цивилизованного человека, это направление приходит к ложным выводам, которые во многих отношениях напоминают выверты сравнительной мифологии, и поставляет свою фальшивую аргументацию на службу политике колониального угнетения.

3. РЕЛИГИЯ И МИФОЛОГИЯ В СВЕТЕ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Разобраться в путанице различных научных и псевдонаучных направлений в мифологии, как и во всех других науках, мы можем, лишь имея в руках верный компас диалектического и исторического материализма. Так как мифологические образы богов и героев божественного происхождения связывают мифы с религиозными представлениями народов, то вопрос о происхождении мифов неотделим от вопроса о происхождении религии. *«Религия, — говорит Энгельс, — является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни [подчеркнуто мною. — Т. И.], — отражением, в котором земные*

силы принимают форму неземных»⁴. Эти неземные силы, боги и богини, которых люди стараются приблизить к себе при помощи молитв и других обрядов магического характера, и являются главными действующими лицами мифологии. А мифологическая фантазия по своему происхождению тесно связана с такого рода религиозными действиями. «*Всякая мифология, — учит Маркс, — преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении и при помощи воображения* [подчеркнуто мною. — Т. И.]; она исчезает, следовательно, с действительным господством над этими силами природы»⁵.

Энгельс дает важное указание относительно главных этапов развития религии, а вместе с ней и мифологии; он говорит: «В начале истории объектами этого отражения являются прежде всего силы природы, которые при дальнейшей эволюции проходят у различных народов через самые разнообразные и пестрые олицетворения... Но вскоре, наряду с силами природы, выступают также и общественные силы, — силы, которые противостоят человеку и так же чужды и первоначально так же необъяснимы для него, как и силы природы, и подобно последним господствуют над ним с той же кажущейся естественной необходимостью. Фантастические образы, в которых первоначально отражались только таинственные силы природы, приобретают теперь также и общественные атрибуты и становятся *представителями исторических сил*» [подчеркнуто мною. — Т. И.]⁶. Из этого со всей определенностью следует, что природа и история не являются двумя взаимно исключаящими друг друга критериями при изучении мифологии — как даже в наше время утверждают современные сторонники Метродора и Евгемера, — но являются факторами, последовательно действующими, не уничтожая один другого, действующими как в процессе формирования мифологии, так и в процессе развития отдельных мифов и образов богов. Энгельс упрекал сравнительную мифологию (современные ему успехи которой были ему известны и во многих отношениях признавались им) как раз в том, что она продолжала односторонне видеть в богах только «отражение сил природы» и не замечала «двойственного характера, «который впоследствии приобрели образы богов»...⁷

Рассмотрим несколько характерных примеров.

Для греческой мифологии характерно отождествление Зевса и его римского аналога Юпитера с небосводом, а также присвоение ему целого ряда эпитетов («громовержец», «тучгонитель») и наделение его божественными символами, атрибутами,

⁴ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, М., 1950, стр. 299.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 203.

⁶ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, М., 1950, стр. 299.

⁷ Там же.

и прежде всего молнией, которую Зевс посылает с высоты (Юпитер — *Dies-piter, Jov-piter*, то есть первоначально «отец неба»; родственные индоевропейские понятия — *dyauh* в санскритском языке, то есть «небесный свод», *dies* в латинском языке, то есть «день», *Zio* в германской мифологии — бог войны, наделенный признаками грозового неба). Но с течением времени метеорологические черты Зевса получили общественно-моральную трактовку. Он — царь на Олимпе, который изображали по образцу человеческого мира. Молния стала символом его власти, наподобие скипетра земных царей. Этой молнией он поражал преступных людей, оскорбивших его дочь Дикэ, олицетворявшую справедливость. На то, что Тесей первоначально был божеством моря, указывает его благополучное странствование, подтверждающее его божественное происхождение, так же как его тесные связи с типично морскими богами, прежде всего с Посейдоном, которого часть наших источников считает отцом Тесея. Недалеко ушли от этой версии происхождения Тесея и общепризнанные предания, согласно которым отцом Тесея был афинский царь Эгей. Эпитет *Эгейский* (*Aigaios*), однако, относится к Посейдону и к другому морскому царю — Нерею, поскольку этот эпитет первоначально обозначал такое свойство моря, как прыгающие, словно барашки, волны, хотя миф дает и другое толкование происхождения этого эпитета, повествуя о том, что Эгейское море (*Aigaion pelagos*) получило свое название от афинского царя, нашедшего свою смерть в его волнах. Далее на основное напластование мифов о природе наслаивались исторические мифы. Тесей убивает чудовища и жестоких царей, препятствующих мирному развитию человеческого общества. Убив Минотавра, он освободил Афины от позорного налога кровью. В этих мифах уже отразились достоверные события древней истории Афин, запечатлевшиеся в памяти греческого народа: борьба за свою независимость греков, живших на материке, с приходившим в упадок Критом, чаяний народа, связанные с героями-освободителями, теми идеальными героями, которые вновь и вновь выступают в героических сказаниях под разными именами. Здесь мы уже можем заметить, что в рамках исторического мифа, в основе которого был миф о природе, божество нередко, хотя и не в силу необходимости, очеловечивалось, так что образ бога превращался в образ человека-героя, хотя и обладающего особо выдающимися качествами и большей частью происходившего от богов.

Имя библейского Самсона означает по-еврейски солнце, если не считать последнего звука, характеризующего имя собственное. Это имя тождественно с именем бога Солнца в месопотамской мифологии — Шамаша. С солнцем связаны и основные мифологические черты Самсона: его длинные волосы символизируют

солнечные лучи. Они напоминают нам золотые кудри греческого Аполлона, солнечного по своей природе. Как сила солнца заключается в его лучах, так и сила Самсона была скрыта в его длинных волосах. Самсон потерял из-за предательства женщины свои длинные волосы, а вместе с ними и свою силу. Его судьба напоминает судьбу Ниса, царя Мегары в греческой мифологии, которого предала собственная дочь Скилла его врагу — критскому царю Миносу: утратив свои багряные локоны, Нис потерял и жизнь⁸. С точки зрения первоначального «солнечного» мифа существенна такая черта: вскоре после потери своих кудрей и своей чудесной силы Самсон теряет и зрение. Так, во время самого короткого зимнего дня солнце, теряя свои лучи, меркнет. Подобные воззрения объясняют и те изображения двуликого римского бога Януса — бога начала года—января,— на которых один из ликов бога имеет бороду, а другой ее не имеет. Ведь один из ликов этого бога обращен в сторону старого года, заканчивающегося самым коротким зимним днем, а другой — в сторону наступающего нового года, который начинается одновременно с увеличением продолжительности дня. Или мы можем сослаться на данные, отмеченные в прошлом столетии, согласно которым в неаполитанском храме («Santa Maria di Carmine») был обычай на рождество подстригать статую Христа. Венгерское название рождества — *karácsony* (карачонь) происходит, вероятно, от старого славянского названия «самого короткого зимнего дня» (перевод латинского слова *bruta*) — 25 декабря; до того как этот день стал христианским праздником, он у римлян уже считался «днем рождения всепобеждающего Солнца» (*natalis Solis invicti*). Неаполитанский обычай ясно свидетельствует о том, что Христос унаследовал черты героев старинных мифов о солнце, что подтверждается и другими данными из истории религии. Неаполитанский обычай указывает также на хронологическую близость рождества и самого короткого зимнего дня. Статую Христа подстригали тогда, когда солнце теряло свои лучи, или соответственно другому мифологическому образу: после увядания, смерти старого солнца, сейчас же наступает рождение нового солнца. Я мог бы по своему усмотрению увеличить число параллелей в отношении «солнечной» природы Самсона. Нам следует считаться также с тем, какое отражение нашли силы природы в основной канве еврейского мифа. В ходе исторического развития, а вместе с тем и в дальнейшем развитии мифа бог-Солнце получил человеческий облик, а то мифологическое действие, в центре которого он находился, получило историческую окраску. Образ Шамаша-Самсона принял черты героя-освободителя, борющегося с вра-

⁸ Ср. Goldziher Ignác, *Der Mythos bei den Hebräern*, 1876, 160 l.

гами своего народа. Даже самые жестокие его поступки получили характер справедливой мести. Его героические подвиги, прославившие его сверхъестественную силу, нашли место среди действительных событий в истории Палестины. Его трагическая гибель явилась отражением одного из важных моментов в истории семьи: защиты внутриродовой *эндогамии* — то есть разрешения браков только внутри рода, — поскольку герой гибнет из-за чужеземной женщины.

Менее ярко, хотя ее всегда можно обнаружить, проступает основная канва мифологии, то есть миф, отражающий природу, в грузинском цикле сказаний об Амиране, в цикле, который можно поставить в параллель, например, с мифом о Самсоне и с другими греческими мифами — с человеколюбце Прометее и мужественном Геракле. О чрезвычайно широком распространении этого цикла сказаний свидетельствуют, с одной стороны, изображения, найденные археологами и относящиеся как ко второму тысячелетию до н. э., так и к VIII — VI векам до н. э., а с другой стороны, эпические предания, записанные уже в средние века и бытующие и поныне в устном творчестве грузинского народа⁹. Амиран, совершая один из своих подвигов, сохранил для мира солнце. Злой дух — дэв, представляющий темные силы природы и общества, проглотил солнце, но оно сожгло тот деревянный скелет, который Амиран вставил взамен настоящих ребер дэва. Что бы ни послужило основой для этого мотива — исчезновение ли солнца на ночь, или самый короткий зимний день, или солнечное затмение, наполнявшее ужасом человека, еще не обладавшего достаточными естественно-научными познаниями, — второе, менее яркое повторение того же мотива в пределах того же цикла характеризует Амирана уже не просто как защитника солнца, а прямо как воплотившееся в человеке-герое Солнце. Сам Амиран также освобождается из утробы дэва и не только всему приемному отцу Иаману возвращает зрение, но и сам чудесным образом снова обретает зрение, утраченное им в утробе злого духа. Обстоятельства его рождения также указывают на зимний поворот солнца: его мать, красавица Дали, должна умереть прежде, чем он родится. Причиной ее смерти является утрата ею своих золотых волос. Однако о Боге-Солнце напоминают только некоторые подробности этого цикла сказаний, борьба же Амирана против сил мрака приобретает моральное значение; даже самые жестокие его поступки, а также трехкратное нарушение клятвы вызывают симпатию народа: ведь, как и в мифе о Прометее, человек

⁹ Ср. «Грузинские народные сказки». Сборник составлен и переведен Н. И. Долидзе. Под редакцией проф. М. Я. Чиковани, Амиран, стр. 173. Тбилиси, 1956. См. также «Поэзия Грузии», ГИХЛ, 1949, стр. 8.

борется против богов в конечном счете за то, чтобы трудящемуся народу не приходилось добывать свой хлеб потом и кровью. И если за борьбой Прометея последовало наказание Прометея, то освобождение Амирана народ связывал с надеждой на собственное освобождение. Согласно одному из преданий, во время тысячелетнего пребывания Амирана в рабстве у него непрерывно рос ноготь. Наконец он вырос настолько, что Амиран добыл с его помощью чудесное оружие, которое много раз при различных обстоятельствах выручало Амирана из беды. Пришло время, и Амиран разрубил этим оружием собственные цепи — символ цепей угнетенного народа. Широко распространенное во всем мире суеверие запрещает срезать ногти в определенные дни года, месяца, недели. Не столь давно на Кавказе бытовало суеверное запрещение срезать ногти в один из дней недели, чтобы таким воздержанием способствовать росту ногтей Амирана. Народное верование испытало влияние так называемой *подражательной магии* также и в противоположном направлении: если кузнец в великий четверг бьет кувалдой по наковальне, то с каждым ударом молота он еще крепче сковывает цепи Амирана. И в этом веровании сохранилось воспоминание об очень древних временах в истории общества: мастер, который мог обращаться с загадочной силой огня, который мог сгибать твердый металл, словно воск, и придавать этому металлу нужную форму, обладал волшебными свойствами. Из рук этого мастера выходили не только орудия мирного труда, но также и оружие, и рабские оковы, используемые для подчинения трудового народа. Это обстоятельство объясняет двоякую роль богов-кузнецов и героев-кузнецов в мифах, таких, как Велупд в германской мифологии и, в определенном смысле, как Гефест в мифологии греческой. Добавим также, что имя библейского братоубийцы *Каина*, по свидетельству сравнительного семитского языковедения, означало первоначально кузнеца. Библейский же текст называет изобретателя кузнечного мастерства Тубал-Каином, потомком Каина, носящего его имя¹⁰.

Ленин указывает, что образование классового общества определяет границы двух этапов в формировании религии, а вместе с тем и мифологии. Энгельс считал характерным для одного из этих этапов олицетворение в образе богов сил природы, а для другого — олицетворение в этих же образах общественных сил. Эти два этапа в отношении религиозных представлений очень различаются между собою: «Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бес-

¹⁰ Ср. Goldziher, op. cit., 132 l.

силie дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.»¹¹. Сталин говорит о том, что в мире «рабов и рабовладельцев, крепостных и крепостников, крестьян и помещиков, рабочих и капиталистов, угнетенных и угнетаемых», в классовом обществе революционные выступления эксплуатируемых, терпевшие поражение, возбуждали надежду на справедливость потустороннего мира: «Десятки и сотни раз пытались трудящиеся на протяжении веков сбросить с плеч угнетателей и стать господами своего положения. Но каждый раз, разбитые и опозоренные, вынуждены были они отступить, тая в душе обиду и унижение, злобу и отчаяние и устремляя взоры на неведомое небо, где они надеялись найти избавление»¹². Это было «царство божие», куда, согласно евангелию, богачу попасть труднее, чем верблюду пройти через игольное ушко.

Загробная жизнь — мыслилась ли она под землей, в подземном мире, или на далеких островах, или же раздельно — для благочестивых после смерти место в царстве небесном, а для грешников — в подземном аду, — во всех случаях эта жизнь являлась в представлении людей исправлением несправедливостей классового общества. В загробной жизни должна была осуществиться безусловная справедливость. В древнем Египте, например, рядом с набальзамированным телом умершего клали сборник своеобразных формул, так называемую *Книгу Мертвых*, чтобы у покойника под рукой был защитительный текст, если перед судом в загробном мире ему придется давать отчет в своей земной жизни. Ибо, по верованию египтян, блаженства потустороннего мира удостоится только тот, кто с помощью этих формул сможет доказать перед владыкой потустороннего мира Озирисом и его сорока двумя судьями, что он не делал ничего дурного людям, никого не убил, не заставлял своих работников трудиться в течение целого дня, никогда не мучил рабов, не подделывал весы, не перемещал межевые камни на пахотной земле и так далее. Согласно одному из греческих мифов, правосудие потустороннего мира было еще более «демократическим»: души умерших являлись голыми перед судьями потустороннего мира, чтобы последние не догадались об их происхождении, об их имущественном положении, а судили бы только души. Если душу находили праведной, то умерший попадал на острова Блаженных, если же грешной, то в тюрьму потустороннего мира — в Тартар. И недаром греки переносили на обиталище благочестивых душ на островах Блаженных благодать золотого века, утраченную в классовом об-

¹¹ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 65.

¹² И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 47.

шестве, мир и изобилие природы. Не без основания еврейское, а затем и христианское представление о небесной стране, жилище благочестивых после их смерти, отождествляли с садами Эдема, с Раем, где первая человеческая чета, Адам и Ева, могли жить без забот и трудов, пока не вкусили запретного плода. Многие черты потустороннего мира мифов сохранило также Волшебное царство (страна фей) народных сказок. И в произведении Петефи Витез Янош, народный герой, находит свою возлюбленную, замученную до смерти злой мачехой, в этом царстве. Однако в народной сказке большей частью подчеркиваются те завершающиеся победой поступки, когда сказочный герой, по прекрасному определению Ленина, воплощающий в себе «ожидания и надежды» угнетенного народа, благодаря собственным силам и находчивости, презирая силу власть имущих, завоевывает для себя путь в Волшебное царство. Сказочный герой не ослабляет волю народа обещаниями удовлетворения его нужд в потустороннем мире. В земной жизни, равнодушные к которой провозглашала религия, такой сказочный герой поддерживает уверенность среди угнетенных и эксплуатируемых в их собственных силах. Ибо этот сказочный герой, путь которого ведет в Волшебное царство, является потомком героев народных легенд и мифов, потомком героев, преодолевавших все препятствия, таких, как Самсон и Амиран или герои греческой мифологии Геракл, Тесей, Персей и Беллерофонт.

Энгельс различает внутри второго большого этапа развития религии, начинающегося с образования классового общества, еще одну ступень развития; на этой ступени «вся совокупность природных и общественных атрибутов множества богов переносится на одного всемогущего бога, который, в свою очередь, является лишь отражением абстрактного человека»¹³. Вера в одного бога (монотеизм) в принципе исключает мифологию, и только политеизм (вера во многих богов) имеет дело с той многособразной серией сверхъестественных существ, которые необходимы для развития мифологических действий, с вереницей богов и богинь, которые противостоят друг другу, вступают в союзы или даже любовные связи. В этом смысле следует понимать утверждение Маркса, что греческое искусство и литература, для которых мифология «составляла не только арсенал... но и его почву», ни в коем случае не могли бы существовать на основе такого общественного развития, «которое исключает всякое мифологическое отношение к природе...» Ниже Маркс добавляет, что под природой «понимается все предметное, следовательно... общество»¹⁴. Требование «независимой от ми-

¹³ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, М., 1948, стр. 300.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 203

фологии фантазии», предъявляемое художнику, является результатом длительного развития общества, результатом распространения монотеистических религий. В ходе этого развития светскому искусству пришлось завоевывать свои права прежде всего в борьбе против церкви. И среди этих прав не последнюю роль играет именно право поэзии и искусства вообще на использование силы воображения. В процессе этой борьбы, что заметнее всего в эпоху Возрождения, классические мифологические сюжеты стали арсеналом светского искусства. Чтобы подчеркнуть вместе с тем вторую сторону определения Маркса, отметим, что они стали именно «арсеналом», но не «почвой» светского искусства.

Однако миф продолжал жить в культуре и искусстве после распространения монотеистических религий не только как классическое мифологическое наследие, а в народной традиции — не только как сказочный мотив, сохранивший в большей или меньшей степени следы своего мифологического происхождения. Можно утверждать, что и в самих монотеистических религиях мифология продолжала в известной мере свое существование, так как распространение господства монотеистических религий было по меньшей мере относительным. С точки зрения истории религии веру в единого бога можно рассматривать не более как требование, осуществляемое в сравнительно узком кругу. На это указывает и библейское предание. Пока Моисей принимал на горе Синае от Яхве каменные скрижали с десятью заповедями, народ с помощью священнослужителей Яхве сделал своим кумиром золотого тельца и стал поклоняться этому тельцу. Изучение истории религии показывает, что сам Яхве, как и другие боги народов Передней Азии, почитался первоначально в образе быка, и народу трудно было отказаться от этого мифологического образа. Пророк Иеремия порицал иудейских женщин, бежавших от вавилонян в Египет, за то, что они приносили жертвы Царице Неба и в знак почитания ее пекли хлеба, изображающие эту богиню. Точно так же немецкий народный обычай связывал приготовление праздничного хлеба с образом германской богини по имени Берхта. Еще и поныне некоторые сорта праздничного хлеба немцев напоминают женскую косу. Нам известны фрагменты древнееврейской литературы, имеющие форму ветхозаветного канона, в которых резко выражена идея монотеизма, но сохранившие в то же время и многочисленные мифологические черты. Не всегда эти черты проявляются в такой согласованности с монотеизмом, как, например, в сказании о Самсоне, где длинные волосы героя — атрибут, ведущий свое происхождение из цикла мифов о Солнце, — становятся символом исполнения героем его благочестивого аскетического обета, или, как в мифах о сотворении мира, имеющих яркие па-

раллели во всех странах, или же в мифе о Ноевом ковчеге, родственном месопотамскому мифу о потопе. О большом разнообразии богов и героев божественного происхождения, смешавшихся с людьми, свидетельствуют отрывочные сведения в библейской Книге Бытия, совершенно не соответствующие своему нынешнему каноническому оформлению. Согласно этим данным, «когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери, тогда сыны божьи увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал... В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны божьи стали входить к дочерям человеческим и они стали рождать им»*.

Наряду с позднейшей популярной греческой философией и религией Яхве как главными источниками христианского монотеизма нам следует считаться и с влиянием на христианство различных мифов. Что же касается жизнеописания Иисуса Христа в Новом завете, то следует принять во внимание прежде всего мифы о различных героях-избавителях, а также те легенды, которые уже за несколько столетий до возникновения христианства связывали наступление нового золотого века с младенцем, рождающимся при чудесных обстоятельствах. С распространением христианства его мифологические черты стали более явными. Этому содействовало тайное и явное примирение церкви с прежними верованиями, религиозными обычаями и устными преданиями народов, принявших христианство; там, где церковь не могла вытравить из памяти народов этих верований, обычаев и преданий, она терпела их, придавая им либо поверхностную, либо более или менее глубокую христианскую окраску, скрывавшую их первоначальный характер, даже отводила им место среди своих официальных обрядов и среди своих признанных подлинными легенд.

Мы уже говорили о рождестве, которое первоначально было днем рождения сына Солнца. Пасха также заменила праздники воскресения богов, олицетворявшие возрождающуюся весной природу. И поныне в день евангелиста Марка, 25 апреля, устраиваются различные шествия, освящающие пшеницу. Они преследуют магические цели: отведение опасности, угрожающей посевам. Точно так же 25 апреля римляне справляли в древности праздник робигалий (robigalia), во время которого шествие проходило по полям и главный жрец, принося жертву, просил бога, олицетворявшего ржавчину, Робига, или богиню, Рсбигону, чтобы они накладывали свои знаки не на зерно, а на сружие, мешающее мирному труду земледельцев. Легенды о святых изобилуют мифическими чертами. Святой

* Библия. Книга Бытия, гл. 6

Георгий сражался с драконом, как и бог Индра в мифологии индийской, Персей — в греческой, Один-Вуотан или Сигурд-Зигфрид — в мифологии германской. Христофор, который превратился в человека из гиганта с головой животного в тот момент, когда он переносил на своих плечах младенца Иисуса через воду, угрожавшую смертельной опасностью, унаследовал черты различных мифологических персонажей, выполнявших службу перевозчиков на реках подземного мира. И не случайно, что в церковном календаре ему посвящен день 25 июля. Древние римляне в этот день чествовали богиню подземного царства Фуррину. В связи с этим следует также подчеркнуть, что вместе с Христофором в этот день поминают святого Кукуфатуса, о котором можно сказать, что он состоит в родстве с демоном смерти, носящим капюшон. Изображение этого демона обнаружено среди находок эпохи каменного века в районе Ангары; он сходен с Телесфором древних греков и римским гением с капюшоном (*genius cucullatus*), изображенным на барельефе каменной гробницы, найденной в Аквинкуме, а также со знаменитыми карликами германской мифологии, Нибелунгами, шапка-невидимка которых скрывала того, кто ее надевал, подобно шлему владыки подземного мира греков, Гадеса (Аида).

Одним из постоянных факторов, оказывающих влияние при перенесении действий одного мифологического персонажа на других, являлось то обстоятельство, что народное воображение невольно заменяет незнакомое знакомым. Во всяком случае, нам следует считаться с такого рода явлениями в некоторых народных сказаниях, по-видимому новых по своему происхождению и стоящих обособленно. Так, например, в прошлом столетии в Сёреге (Венгрия) объясняли происхождение паука общеизвестным греко-римским мифом об Арахне, вероятно ставшим известным учащимся латинской школы из «Метаморфоз» Овидия. В этом мифе заменили лишь богиню Афину-Палладу — Минерву, завидующую девушке, которая хвасталась своим искусством прядения и ткачества, девой Марией. В окрестностях Буды могли впервые услышать от какого-нибудь классически образованного человека о герое известного романа Апулея «Золотой осел». Этого героя одна фессалийская женщина колдовством превратила в осла. Благодаря тому, что осел съедает венок из роз, надетый на жреца, участвовавшего в шествии на празднике в честь богини Изиды, окруженной в императорском Риме большим почетом, он снова возвращает себе человеческий облик. Несколько десятилетий тому назад в Теке (комитат Пешт) была записана эта история уже как устное предание, с тем лишь отличием, что заколдованный осел снова превращается в человека, когда он надкусывает цветы, разбросанные перед алтарём во время про-

цессии в день католического праздника «Тела господня». Роль Изиды, египетской матери-богини, изображаемой с детьми на многих руках, взяла на себя в некоторых отношениях дева Мария, среди атрибутов которой фигурирует также венок из роз. Любопытные результаты дали раскопки в Болгарии, обнаружившие вблизи реки Топольница следы источника, известного своими целебными свойствами. Здесь еще в недавнем прошлом существовал среди ищущих исцеления обычай бросать в воду источника в знак благодарности деньги. Болгарский археолог Кацаров сообщает, что во время раскопок были найдены и римские монеты, которые, естественно, могли попасть в русло источника в то время, когда эта территория была еще римской провинцией. По мнению Кацарова, в римскую эпоху здесь могло находиться святилище Изиды, поскольку здесь же найдено ее скульптурное изображение. Все это ясно указывает на то, что когда-то богине Изиде приписывали целебную силу этого источника. Имя богини могло измениться, но верования, связанные с ее прообразом, в неизменном виде передались по наследству и далее.

Маркс утверждает, что религия является «опиумом народа»¹⁵. Безусловную справедливость этого утверждения не умаляют и те исключительные примеры, которые приводит Энгельс, когда говорит, что антифеодальные движения, революционные по своему характеру, в условиях средневековья могли выработать для себя лишь религиозную по своей окраске идеологию¹⁶. Точно так же мы должны отнестись и к пророкам Ветхого завета или к Гесиоду, выступавших в условиях рабовладельческого строя и считавших божественным требованием требование справедливости по отношению к угнетенным и эксплуатируемым. Прогрессивную роль мифологии, с другой стороны, признает и Маркс, говоря о классической ее форме, составившей эпоху в мировой истории, то есть об эпосе, возникшем на почве мифологии, и вообще о греческом искусстве, предпосылкой которого, по мнению Маркса, «является греческая мифология, т. е. природа и общественные формы, уже переработанные бессознательно-художественным образом народной фантазией»¹⁷. Энгельс методически, на примерном анализе одного конкретного мифа, показывает, как следует понимать прогрессивный характер мифологии. Преследование Ореста, мстящего своей матери за смерть своего отца, древними богами — Эринниями и спа-

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 399.

¹⁶ См. Ф. Энгельс; Крестьянская война в Германии (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 128—131); его же, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 674—675).

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 203.

сение его новыми богами — Фебом-Аполлоном и Афиной-Палладой ярко отражает общественное развитие внутри древней родовой общины, поскольку в мифе отдается предпочтение патриархату как более развитой стадии родового строя, а не матриархату, выдвигавшему женщину на первое место и утверждавшему материнское право, то есть признававшее происхождение по материнской линии¹⁸.

Как мы видели, мифологию не ограничили ее тесные связи с религией, ее роль не была сведена к роли факторов, тормозящих развитие самосознания, вводящих в заблуждение и утверждавших власть богов, веру в силу магических обрядов, ожидание чудес. Мифология, хоть она и возникла на почве религии, все-таки впервые стала творчески представлять и объяснять с прогрессивных позиций явления природы и общества. Воображаемые победы мифических героев служили ободряющим примером в борьбе против слепых сил природы и общества. В мифологии засверкала утренняя заря человеческого самосознания. И хотя несомненно, что значение греческой мифологии — по крайней мере с точки зрения развития европейской культуры — бесценно, было бы опрометчивым приписывать все прогрессивные черты мифологии греческой, а разлагающее влияние, питающее религиозные воззрения, — всем прочим мифологиям.

Те историки и историки религии, которые исходят не из действительного исторического значения рабовладельческого общества как необходимого звена в развитии человечества, а из антиисторической идеализации греческого мира, вообще забывают о том, что религия, а в особенности государственные культы и в греческой истории играли реакционную роль. Достаточно напомнить о тех процессах по обвинению в оскорблении религии, которые не единожды греки возбуждали против своих самых великих мыслителей, а также об общеизвестной роли жреца в комедии Аристофана «Мир». Вспомним, как появляется, почуввав запахи пира, Гиерокл за жреческой десятиной и как он выдвигает священные доводы в пользу партии войны против жаждущих мира земледельцев. Маркс ссылается с убийственной насмешкой на греческого писателя Плутарха (II век н. э.), который, будучи философом, не постеснялся в качестве доказательства справедливости провиденциализма заявить, что виноградники, удобренные трупами кимвров, побежденных римским полководцем Марием, принесли невиданно обильный урожай¹⁹. Мы можем сослаться также на такие греческие мифы,

¹⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, М., 1952, стр. 165.

¹⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 83.

которые до конца служили лишь целям религиозных обрядов и никогда не стали материалом для греческого искусства и литературы, всегда прославлявших человека. Такова, например, легенда о возникновении праздника Дииполий, сохранившего в период расцвета афинской демократии пережитки тотемизма, характерного для родового строя первобытного общества. Эту легенду сохраняли для чествования Зевса в древнем образе быка, из года в год возобновляя и разыгрывая миф в форме жертвоприношения как основы сбрада.

Согласно этой легенде, в те времена, когда люди приносили в жертву богам только растения — сами люди тогда еще не употребляли в пищу животных, — один чужеземец, по имени Сопатр, живший в Аттике, в гневе убил вола за то, что тот частью съел, а частью выгоптал приготовленный для жертвоприношения хлеб. Убийца священного животного, сознавая всю тяжесть своего преступления, спустя некоторое время бежал на остров Крит; начиная с этого момента всю Аттику охватила засуха. В Дельфах, где находился оракул Аполлона, жрица пифия заявила, что от этой кары жители Аттики будут освобождены только в том случае, если они накажут преступника, а также повторят убийство животного, причем каждый должен будет съесть кусок его мяса. Найденный на Крите Сопатр согласился повторить свой поступок при условии, что ему предоставят право афинского гражданства и чтобы теперь все члены общины, к которой и он будет принадлежать, приняли участие в этом поступке, совершение которого одному человеку запрещено; как установлено этнографией, такой же порядок соблюдается и при других подобного рода обрядах тотемического характера²⁰, в известных случаях он является религиозной обязанностью для всего племени в целом. С того времени на празднике Диипслий всегда повторялось то действие, которое в качестве образца для обряда, вероятно, было совершено в древние времена. Девушки приносили воду, чтобы наточить топор и нож, затем точили эти орудия, один человек передавал их, другой оглушал животное ударом топора, третий разрезал вола ножом, а после того как каждый съедал кусок его мяса, набивали шкуру вола, ставили его чучело и даже впрягали, словно живого, в плуг. Затем начиналось судебное разбирательство и поиски преступника. Девушки, приносившие воду, сваливали вину на тех, кто точил орудия, точильщики — на того, кто передавал их, а этот — на того, кто резал вола; Сопатр же сваливал вину на нож. Таким образом в конце концов наказание обрушивалось на нож, который и выбрасывали в море. Мы можем

²⁰ Ср. W. Robertson Smith, *Lectures on the Religion of the Semites*. 3 ed., 1927, p. 304.

добавить также, что нам известны такие мифы, которые подобным образом мотивировали человеческие жертвоприношения или, в лучшем случае, обряд, символически заменявший принесение в жертву человека. Все это свидетельствует, что греческая религия, как и всякая религия, законсервировала давно пройденный этап общественного развития, а греческий миф, поскольку он не вышел за рамки ритуала, стал уже реакционной силой.

Если же коснуться другой стороны вопроса, то не только греческие мифы, но и мифы других народов, как только они вышли из связывающей их религиозной сферы, как только они перестали быть догмами, обосновывавшими религиозные обряды и магические действия, стали образцами, убеждавшими в бесконечных возможностях человеческого прогресса, прекрасными образцами, зовущими к далеким целям, свидетельствующими о наивысшем подъеме человеческих сил в борьбе за овладение природой и за собственное освобождение.

Об этом говорит Максим Горький, лучше которого никто не оценил общественного значения мифа и народной сказки, выросшей из одного корня с мифом, отделившейся от мифа лишь на более развитой ступени классового общества, сохранившей среди своих мотивов как живое народное предание многочисленные элементы самых древних слоев мифологий: «Миф — это вымысел. Вымыслить — значит извлечь из суммы реально данного основной его смысл и воплотить в образ, — так мы получили реализм. Но если к смыслу извлечений из реально данного добавить — домыслить, по логике гипотезы — желаемое, возможное и этим еще дополнить образ, — получим тот романтизм, который лежит в основе мифа и высоко полезен тем, что способствует возбуждению революционного отношения к действительности, отношения, практически изменяющего мир»²¹. О том, что здесь речь идет не только о греческой мифологии, но вообще об «устном творчестве трудового народа», которое, по мнению Горького, создало «наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев», свидетельствует следующее, с очевидностью не претендующее на полноту, но тщательно отбирающее различные типы краткое перечисление: «Совершенство таких образов, как Геркулес, Прометей, Микула Селянинович, Святогор, далее — доктор Фауст, Василиса Премудрая, иронический удачник Иван-дурак и наконец — Петрушка, побеждающий доктора, попа, полицейского, чорта и даже смерть, — все это образы, в создании которых гармонически сочетались рационализм и интуиция, мысль и чувство. Такое сочетание возможно лишь при непосредственном участии созда-

²¹ М. Горький, Литературно-критические статьи, М., 1937, стр. 643.

теля в творческой работе действительности, в борьбе за обновление жизни» *.

В другом месте Горький упоминает в одном ряду с героями народной сказки библейского царя Давида, бывшего сыном пастуха, победившего при помощи пращи гиганта Голиафа²².

Чрезвычайно поучительны указания Горького на обнаружившуюся в мифологии «дальнозоркость образного, гипотетического, но уже технологического мышления первобытных людей», благодаря которой фантазия древнего человека ставила цели, для достижения которых потребовались тысячелетия. «Уже в глубокой древности люди мечтали о возможности летать по воздуху, — об этом говорят нам легенды о Фаятоне, Дедале и сыне его Икаре, а также сказка о «ковре-самолете». Мечтали об ускорении движения по земле — сказка о «сапогах-скороходах», освоили лошадь; желание плавать по реке быстрее ее течения привело к изобретению весла и паруса; стремление убивать врага и зверя издали послужило мотивом изобретения пращи, лука, стрел. Мыслили о возможности прясть и ткать в одну ночь огромное количество материи, о возможности построить в одну ночь хорошее жилище, даже «дворец», то есть жилище, укрепленное против врага, — создали прялку, одно из древнейших орудий труда, примитивный, ручной станок для тканья и создали сказку о Василисе Премудрой»²³. Несомненно, к этим примерам мы можем добавить сверкающую искрами кузницу Гефеста на Олимпе, в которой труд рабов был заменен действовавшей самостоятельно машиной, то есть отлитыми из золота девушками, так что великий греческий философ Аристотель признавал, что, если будет осуществлен этот сон, то это приведет к освобождению рабов²⁴. Но это было не специфически греческой, а общей мечтой всех народов: герой-кузнец из песен финской «Калевалы», Ильмаринен, создает чудесную мельницу — Сампо, которая в сказочных количествах производит все необходимое и из-за обладания которой разворачивается борьба между добром и злом, между народом и поработителями народа. Как отмечает Отто Куусинен: «Поэтическая фантазия облекла эту мечту не в форму отвлеченных мыслей, а в конкретный образ Сампо... в эпоху, когда люди еще не знали никаких механизмов, они уже слагали руны о новых орудиях, которые освободили бы людей от чрезмерно тяжелого труда и

* М. Горький, Литературно-критические статьи, М., 1937, стр. 638.

²² См. М. Горький, О литературе, М., 1953, стр. 404.

²³ М. Горький, Литературно-критические статьи, М., 1937, стр. 633.

²⁴ См. К. Маркс, Капитал, К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 449.

дали бы возможность создавать все, что нужно для благосостояния народа»²⁵.

Религия подчиняет человека тайным силам. Мифология же дает крылья человеческому самосознанию, поскольку она создает положительных героев и даже прекрасные образы богов как высшую ступень самосовершенствования человека. Именно поэтому мифология могла стать основой таких гуманистических искусств и литературы, какими были греческое искусство и литература. Но противоречия между реакционной ролью религии и прогрессивной ролью мифологии, зарождавшейся в рамках религии — о чем свидетельствуют приведенные выше примеры, — нельзя разрешить лишь ссылкой на присущий греческому искусству гуманизм. Решение это лежит глубже, и мы сможем достигнуть его, лишь развернув чрезвычайно сжато сформулированное, но наполненное глубоким смыслом положение Маркса.

«Религия, — говорит Маркс, — есть самосознание и самочувствие человека, который или еще не отыскал себя, или снова уже потерял себя»²⁶. Такое определение ясно указывает на тот начальный период развития человечества, когда человек, едва выйдя из животного состояния, приобрел первый опыт как в отношении природы, так и самого себя. Этот первый человеческий опыт показал, что человек бесконечно слабее природы, слабее диких лесных зверей, как слабее и тех физических явлений природы, воздействие которых на себе человек ощущал со страхом и которые он мог представлять себе лишь в виде живых существ, подобных или ему самому, или животным. От этой первоначальной эпохи определение Маркса отличает период классового общества, разделившего людей, в которых уже проснулось сознание возможности бесконечного развития, на противостоящие друг другу классы эксплуататоров и эксплуатируемых. Таким образом, между людьми возникли такие отношения, при которых одна из сторон была заинтересована в том, чтобы самосознание другой стороны оставалось на низкой ступени развития. Для обоих этих периодов — для бесклассового первобытного общества и для классового общества — одинаково действительно и другое определение Маркса, согласно которому религия — *«фантастическое воплощение человеческого существа, ибо человеческое существо не обладает истинной действительностью»* *. Различие заключается лишь в исторических условиях. В начальный период духовная деятельность человека, еще не принявшая определенных форм, но в основе своей

²⁵ О. Куусинен, Эпос «Калевала» и его творцы, «Калевала», М., 1956, стр. 16.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 399.

* Там же.

имеющая религиозную окраску, оказывала стимулирующее влияние на развитие человеческого самосознания; в классовом же обществе религия, вторгшись в духовную деятельность человека, стала на пути к прогрессу, затемняя человеческое самосознание и стремясь удержать человека на низшей ступени развития, укрепляя тем уже сложившиеся позиции эксплуататоров.

Человеческая фантазия создала образы богов и богинь еще в тот древний период, когда человек владел лишь примитивными орудиями труда и чувствовал, что он беззащитен и беспомощен, что он подчинен неведомым силам природы. О том, что процесс формирования человеческого самосознания был постепенен, свидетельствует также то обстоятельство, что представлению о богах в образе человека (по-гречески антропоморфизм) предшествовало представление о богах в образе животного (териоморфизм). Человек, обожествляя животных, возвышал их над собой, ибо в них он непосредственное всего мог познать власть над собой враждебных ему сил природы. Некоторые племена старались доказывать собственное превосходство над другими происхождением от предка животного — тотема (слово это взято из языка индейского племени оджибве). Племя старалось укреплять свое единство и в то же время обновлять в каждом члене племени выдающиеся качества тотема, уже приобретенные некогда благодаря общему происхождению, принесением в жертву тотемного животного, убиваемого время от времени согласно ритуалу на общеплеменной охоте (хотя в других случаях охота на него запрещалась) и съедением его мяса во время жертвенного пира. На этой начальной стадии религия при всех своих фантастических чертах была весьма практичной, то есть была подчинена определенной цели. Первобытный человек хотел оказывать свое воздействие на тайные силы природы прежде всего в благоприятном для себя направлении. Так, на служивших этой цели магических церемониях изображали, например, на стенах пещер благополучную охоту или воспроизводили охотничье действие мимическими танцами, произнесением заклинаний или пересказом приукрашенных легенд с обязательно благоприятным исходом действия.

Так, в эпоху первобытного общества миф развивался в тесной связи с другими элементами религии — с обрядами жертвоприношений, с магическими действиями, с молитвенными заклинаниями. На грани бесклассового и формирующегося классового общества мифотворчество вместе с искусством отделилось от религии, и это было такое развитие человеческого сознания, при котором художественное воображение, все более освобождавшееся от религии, одерживало свои первые победы. Так мифология стала свободной и прогрессивной областью

фантазии, такой областью, в которой человеческое самосознание со временем смогло вступить в борьбу против пут религии. Религия, с другой стороны, стараясь связать крылья мифологической фантазии, порождала в человеке чувство незащищенности и зависимости от внешних сил. Из магических действий и заклинаний (некоторые из них выдают их общее с мифом происхождение) образовалась строго регламентированная система обычаев и обрядов, сковавшая самосознание человека с целью примирения человека с господством этих внешних сил. Так прогрессировала мифология в развитии человеческого самосознания, религия же освящала утрату человеком своей сущности как человека.

4. СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ

Результатом развития первобытных обществ, протекавшего в общих чертах одинаково, неизбежно явилось то, что образы богов и богинь, а также мифы о них явились порождением фантазии не только греческого народа, но и народов всех стран мира; они возникали всюду, где люди, объединившись в большие или меньшие племена, вели борьбу за свое существование, делая в ходе этой борьбы попытки заставить силы природы служить себе. Из общей закономерности общественного развития вытекает и следующий вывод сравнительной мифологии: нередко случается, что нам бросается в глаза совпадение мифов различных народов; это можно объяснить не только общим происхождением родственных народов, а там, где такого древнего родства не существовало, не только взаимными влияниями соприкасавшихся друг с другом народов, заимствованиями и передачей мифов, хотя, несомненно, можно привести многочисленные примеры того и другого. Так, некоторые родственные черты греческого Зевса, римского Юпитера, славянского Перуна, германского Тора или Донара, Одина или Вуотана и даже Цию объясняются, вероятно, их общим индогерманским происхождением. Греки, с другой стороны (в первую очередь, конечно, при посредничестве финикийцев, а частично и хеттов), очень рано познакомились с месопотамскими мифами. Определенная вероятность заимствований подтверждается, например, тем, что индогерманский по своему происхождению миф о похищении огня в сказочной Колхиде (на территории современной Грузии) в мифе о Прометее получил черты известного кавказского мифа. Греческий миф о Персее мог дойти в Среднюю Азию тем самым путем, каким дошла туда романтическая

биография Александра Великого, чтобы, восприняв потом исторические черты Чингис-хана, поддерживать во времена до Великой Октябрьской социалистической революции в казахском народе, страдавшем от двойного гнета, надежду на лучшее будущее легендой о существовавшем в сказочной древности справедливом царствовании, возникшем при чудесных обстоятельствах.

Но стоящей на позициях исторического материализма сравнительной мифологии следует уделить особое внимание третьей группе совпадений в мифах различных народов, тех совпадений, которые нельзя объяснить ни общим происхождением, ни взаимным влиянием. Такого рода совпадения следует объяснять тождественностью природных или общественных условий, нашедших отражение в мифах. Само собой разумеется, что, говоря о естественных условиях, отраженных в мифах, мы имеем в виду отношения природы и человека, характерные для определенной ступени общественного развития. Так, в чрезвычайно распространенных группах мифов о добывании огня или о животных-прародителях нашли отражение не просто представления о таинственной природе огня или об особенностях животных, но в них отразились и первые шаги человека на пути преобразования природы, ведущие к преобразованию природы и самого человека. Эти мифы документальны в отношении истории племенной организации и характерных для периода тотемизма стадий ее развития и при научном их использовании могут служить в качестве достоверных исторических источников.

«...человек создает религию, религия не создает человека», — учит Маркс²⁷. Исходя из этого положения, Энгельс поставил с «головы на ноги» известную теорию швейцарского правоведа и историка религии Бахофена о материнском праве и об его отношении к истории религии. Энгельс соглашается с тем, что в мифе, который был разработан Эсхилом в его драматической трилогии «Орестейя», нашла отражение победа отцовского права над матриархатом. Но он не согласен с таким идеалистическим изображением исторического процесса, которое выводит изменения, происходящие в обществе, из изменений, происходящих в религиозных воззрениях людей. Как раз наоборот: «развитие действительных условий жизни людей», а не «религиозное отражение этих условий жизни в головах тех же людей вызвало исторические изменения во взаимном общественном положении мужчины и женщины»²⁸. Миф является именно

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 399.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, М., 1952, стр. 164.

отражением действительных условий жизни людей. И так как на базе этих условий возникают одинаковые закономерности развития, мифологическое отражение аналогичных стадий развивающегося общества неизбежно обнаруживает более или менее схожие черты. Матриархат является всюду закономерным этапом развития родового строя. Мы должны особенно подчеркнуть это положение в противовес открытым или замаскированным утверждениям расистов-индогерманистов, которые рассматривают матриархат как общественное устройство, характерное только для «низших рас» и чуждое для первобытной ступени общественного развития индогерманских народов²⁹. Матриархат является неизбежным этапом развития родового строя, мы встречаем следы матриархата в различных мифологиях. Имеется также множество мифов, сохранивших следы поражения матриархата и победы над ним отцовского права.

Так мы расцениваем, например, тот факт, что, кроме греческого мифа, в целом ряде переднеазиатских, американских, африканских, финноугорских и других мифов и сказок — в том числе и в венгерских народных преданиях — женское любопытство, в большинстве случаев любопытство первой женщины, навлекло на людей множество бед и несчастий. Добавим, что в этом цикле мифов имя греческой Пандоры и библейской Евы было на ранней стадии развития мифологии равнозначно имени Богини-Земли, матери-природы. Из этого явствует, что различные аналогии мифу о Пандоре у различных народов всюду возникли тогда, когда почитание Богини-Матери имело первостепенное значение в условиях матриархата. Впоследствии роль женщины стали оценивать не так высоко. Воспоминания об этом сохранились в мифах, созданных позднее. К числу таких мифов относится индийско-иранская сказка о вырезанной из дерева женщине, возбудившей ссору между друзьями. По всем данным, эта сказка является новеллистической переработкой космогонического мифа о первой женщине.

Конечно, сравнительная мифология не удовлетворяется сопоставлением таких основных мотивов мифов, которые на начальной ступени развития возникали большей частью на почве религии; следует обратить внимание на такие мифологические композиции, которые, почерпнув свои основные мотивы из религиозной сферы, продолжали свободно разворачивать их на последующих этапах общественного развития и часто уже не только бессознательно отражали действительное состояние общества на данном этапе, но сознательно занимали определенную позицию в вопросах, выдвигаемых развитием общества. Но здесь уже — и это прежде всего касается греческой мифо-

²⁹ См. М. О. Косвен, Матриархат. История проблемы, М.—Л., 1948, стр. 174—175, 252—255.

логии — сознательное развитие мифа вызывало к жизни чрезвычайное богатство художественных форм и еще более — относящихся к ним мифологических вариантов. Для того чтобы сравнение мифов в их самой развитой форме могло привести к определенным выводам, нам следует припомнить единственный пример параллелизма двух мифологических фигур, не находящего объяснения ни в общем происхождении, ни в заимствовании фигур, отстоящих далеко друг от друга и в пространстве, и во времени, и даже в отношении стадий общественного развития, продуктом которого они явились.

Русская былина о Садко, богатом новгородском госте, на каждом шагу напоминает хорошо известные из греческой мифологии черты, хотя эта былина не содержит ни одного указания на памятники классической древности. Сам Садко родственен таким героям греческой мифологии, как Орфей или Амфион, которые были способны своей музыкой очаровывать природу, но гораздо более он родственен Одиссею, герсю, объехавшему по морю множество земель, узнавшему обычаи многих народов. Морскому царю с его трижды тремястами морских дев можно найти параллель среди греческих морских богов и прежде всего в Нерее и его бесчисленных дочерях — Нереидах, олицетворявших играющие волны величественно пугающего моря. Морской царь, желающий заманить к себе Садко, останавливает посреди моря тридцать кораблей так же, как это сделал Посейдон с кораблями феаков, хотя последний опоздал, ибо преследуемый мстью Посейдона Одиссей, обманув бдительность морских богов, уже высадился на берег. Задержанный в глубине моря Садко был вынужден взять в жены одну из морских дев, но он не касается ее поцелуем, ибо тоскует по своему родному городу Новгороду, где его ожидает жена. Эту морскую деву зовут Черnavой. Имя ее, вероятно, указывает на мрак смерти. Образу Черnavы можно найти параллель в образе нимфы Калипсо, которая на далеком морском острове удерживает своей двусмысленной любовью, означающей одновременно и смерть и бессмертие, Одиссея, стремящегося на остров Итаку, к Пенелопе. Имя ее (*kalüptein* означает «спрятать») указывает на все скрывающую смерть. Родство отдельных мотивов, несомненно, указывает на очень древние мифологические представления. Но еще более существенным является сходство общего настроения быliny о Садко и «Одиссеи», что и позволяет поставить эти два произведения рядом, причем вовсе не следует думать, что при составлении быliny был известен гомеровский эпос. Впрочем, Садко является историческим лицом: новгородские хроники отмечают, что богач Садко Ситинич в 1167 году построил новгородскую церковь святых Бориса и Глеба.

Общественным фоном «Одиссеи» Гомера является греческое рабовладельческое общество. Записанная в XIX веке былина, сделавшаяся всемирно известной благодаря опере Римского-Корсакова, сохранила в устном предании русского народа исторические воспоминания о раннем феодализме на Руси. Следует, однако, сказать, что в развитии ионических торговых городов и средневекового Новгорода существовала общая черта — то значение, которое имела в этих местах торговля. Естественные условия малоазийского греческого побережья так же способствовали морской торговле, как и благоприятное положение Новгорода близ озера Ильмень, откуда по реке Волхову, соединяющему озеро Ильмень с Ладожским озером, и по Неве, вытекающей из Ладожского озера, открывался выход в море. Условия плавания новгородцев под парусами и еще без компаса не отличались по существу от условий плавания малоазийских греков. Эти условия превращали морскую торговлю в героические походы, которые в случае благоприятного исхода обещали герою, кроме богатой прибыли, славу и чудесный опыт. Двойственность морских чар, суливших и далекие красоты и смертельную опасность, непримиримые противоречия сменяющих друг друга в душе морехода жажды приключений и тоски по родине — вот те переживания, которые возникали если не в тождественных, то, с известной точки зрения, в аналогичных общественных условиях и нашли для себя, независимо друг от друга, по существу тождественное мифологическое выражение при новой группировке древних мифологических элементов.

Однако в исторической обстановке греческой мифологии было присуще некоторое своеобразие, которое подчеркивает Маркс, говоря, что материалом греческого искусства являлась именно греческая мифология: «Не любая мифология, т. е. не любая бессознательно художественная переработка природы (здесь под последнюю понимается все предметное, следовательно, включая общество). Египетская мифология никогда не могла бы быть почвой или материнским лоном греческого искусства» *. Такого рода искусство, основанное на свободном развитии мифологии (а мы можем добавить — и поэзия, которую Маркс в своих высказываниях всюду включает в понятие искусства), нигде не могло существовать в Европе средних веков и нового времени. Это станет само собой понятным, если мы примем во внимание роль церкви. Ролью церкви объясняется по крайней мере состояние литературы указанного периода: господствующий класс в средние века повсюду обладал более или менее международной по своему характеру литературой.

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 203.

которая основывалась именно на традициях греко-римской культуры, но в пределах этой литературы классическую мифологию самое большее можно рассматривать как систему образов, лишенных свободной гибкости живой мифологической традиции. Те элементы мифологии, которые могли еще продолжать свое существование в изменившихся условиях, жили, постоянно меняя свои образы, лишь в эпической устной традиции народа. По крайней мере кельтские и германские мифы в средние века получили даже литературную обработку, но они не имели такого исключительного значения, какое имела греческая мифология в свое время. Важнейшим источником мифологии различных народов являются те устные предания, которые были записаны учеными-собирающими в новое время или обработаны такими великими поэтами, как Пушкин или Петерфи, которые этой обработкой выражали свои демократические чаяния.

Таким образом, с точки зрения выдвинутой Марксом проблемы, мы можем сравнивать своеобразие греческой мифологии лишь с мифологией народов древности. Что имел в виду в этом отношении Маркс, ясно видно особенно из того, что он противопоставлял греческую мифологию египетской, которая с ее богами и богинями в образах животных или с головами животных была в глазах древних греков хотя и достойна некоторого уважения, но тем не менее представляла собой чуждый грекам архаизм. У каждой подлинной поэзии и у каждого подлинного искусства есть что высказать о человеке и для человека. Греческую мифологию пригодной для такого высказывания о человеке и для человека делало в первую очередь именно то, за что осуждал ее Ксенофан: пластичный антропоморфизм ее богов, то есть их человеческий облик, в сущности человеческие рамки их деятельности. Греческая мифология быстрее других мифологий прошла стадию териоморфизма. Неясные упоминания в отдельных мифах о Посейдоне в образе коня, о Зевсе в образе древнего быка, о «совиных глазах» Афины-Паллады, о «коровьих глазах» Геры, а также и другие подобные этим пережитки, свидетельствующие о териоморфном происхождении антропоморфных богов, уже в самых древних памятниках греческой поэзии не мешали поэтам выражать в поступках богов столкновения подлинно человеческих страстей, видеть человеческие возможности в божественных деяниях.

Боги греческой мифологии не давили кошмаром на человеческую душу в отличие от образов, созданных религией. Так, например, в легенде о происхождении фессалийского праздника Пелории дана разновидность Зевса в образе чудовища-гиганта Зевса Пелора. У Гомера этот эпитет (пелор, *pelóros*), несомненно, как остаток древнего наслоения мифологии, только в

особом случае относится к Аресу, кровожадному богу войны, и к Гефесту, хромому богу-кузнецу, которым противопоставляется прекрасный девический облик Афины-Паллады, покровительницы достойной человека организованной борьбы, богини, разумно управляющей тонким искусством ремесла в противовес грубой физической силе бога-кузнеца. В греческой мифологии, поднявшейся над уровнем религиозных представлений, чудовищные образы фигурируют лишь в исключительных случаях, большей частью в качестве врагов богов; их побеждают или сами боги, или сыновья богов — герои, так что эти образы не подавляют человека. Наоборот, их падение освобождает человека от гнета ужасов, связанных с религиозными верованиями. Это обстоятельство, а также веселость греческих богов, их жизнерадостность, проливающая на весь мир олимпийский свет и в то же время не застилающая сентиментальной пеленой более грустную действительность человеческого существования, — все это позволило Марксу увидеть в греческой мифологии самые прекрасные формы «детства человеческого общества», а в греках — «нормальных детей» истории в противоположность тем народам древности, которых он назвал «невоспитанными детьми» и «старчески умными детьми»³⁰. Греческая поэзия и греческое искусство, наставники поэзии и искусства всех более поздних эпох, неизгладимо запечатлели в памяти людей самые прекрасные сны детства человечества, греческие мифы.

Все это и явилось причиной того, что в нашей книге мы занимаемся прежде всего греческой мифологией и непосредственно к ней примыкающей римской, которая в ряде случаев выступает в качестве посредницы между греческой мифологией и нами. Мы излагаем несколько отрывков из мифологии других народов перед изложением греческих мифов лишь для сопоставления с ними, а также в первую очередь для иллюстрации теоретических положений данного введения.

СОТВОРЕНИЕ МИРА

Мифы ацтеков

Первая чета богов — «господин и госпожа нашей плоти» — Шочикецал — долго жила на тринадцатом небе, о происхождении которого никому никогда не удалось узнать. У них родилось четверо сыновей; самым старшим был Красный Тескатлипока, которого называли так потому, что он был совершенно красный, когда родился. Вторым сыном был Черный Тес-

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 204.

катлипока — из всех сыновей он был самым большим и самым злым, ибо обладал наибольшей силой, он все знал и на многое был способен в отличие от остальных троих сыновей, так как находился в центре всего сущего; был он совершенно черный, когда родился. Третьим сыном был Кецалкоатл, которого называли также Ночью или Ветром, а самым младшим, четвертым сыном был Уицилопочтли, которого звали также Двуглавой Змеей и которого мексиканцы почитали самым главным своим богом.

Уицилопочтли, когда он родился, представлял собою совершенно голый скелет, мяса на нем не было, и таким он оставался в течение шестисот лет. За это время боги ничего не совершали.

По прошествии шестисот лет четверо богов собрались на совет и сочли нужным принести в мир порядок и законы. Кецалкоатлу и Уицилопочтли поручили установить порядок в делах. Эти двое богов по поручению двух других и в согласии с ними прежде всего сотворили огонь, а затем одну половину солнечного диска, но Солнце, так как оно не было еще полным, светило слабо.

* * *

Богиню земли спустили с неба двое богов — Кецалкоатл и Тескатлипока. Вода уже существовала ранее, и никто не знает, кто ее создал. Сначала богиня лишь плавала по поверхности этой воды, и когда увидели это боги, то сказали друг другу:

— Пришло время создать землю.

Тогда двое богов превратились в огромных змей, одна из них схватила богиню за правую руку, вторая — за левую ногу и, разорвав ее таким образом, они создали землю из той ее половины, которая начинается у лопаток, а вторую половину возвратили на небо. Разгневались за это остальные боги и, чтобы умиловить Богиню Земли, они решили, что из нее произойдет вся та пища, в которой будет нуждаться человек для сохранения своей жизни.

Затем боги создали из волос Богини Земли деревья, цветы и травы, и из ее покрытой пушком кожи — все мелкие растения и небольшие цветочки, из ее двух глаз — источники, ручьи и маленькие пещеры, из ее рта — реки и большие пещеры, из ее носа — долины, из ее плечей — горы.

Иногда Богиня Земли кричала в ночи и тосковала по человеческим сердцам. Она не могла успокоиться до тех пор, пока ей не дали того, чего она просила, и она не желала приносить урожай, пока не напилась крови.

Однажды рано утром Бог Солнца пустил с неба стрелу и эта стрела упала на место Тетцкально, туда, где сейчас находится город. Там, где стрела вонзилась в землю, образовалось отверстие, и из этого отверстия вышли мужчина и женщина. Мужчину называли Кобчиком, а женщину — Длинным Волосом.

* * *

Сказали однажды боги друг другу:

— Люди всегда будут печальны, если мы не дадим им того, чем они могут утешать свои сердца, наполнять радостью свою жизнь на земле, а также прославлять нас, петь и танцевать.

Когда услышал это Кетцалкоатл, бог Ночи и Ветра, он стал упорно ломать себе голову, где найти такой напиток, который он мог бы даровать людям, чтобы принести им радость. Вспомнил он об одной божественной девушке по имени Маяуэл, которая жила далеко-далеко под охраной своей бабушки, богини Цицимиме.

Не долго думая, он отправился к ним. Их обеих он нашел спящими. Он разбудил божественную деву и сказал ей:

— Я пришел за тобой, чтобы отвести тебя в мир.

Девушка с радостью согласилась. Кетцалкоатл посадил ее на плечи, и они вместе спустились с неба на землю. Когда они прибыли на землю, то превратились в дерево, имевшее две ветви: одна ветвь была ветвью ивы, которая представляла самого бога — Кетцалкоатла, а другая была ветвью цветущего дерева, это была божественная дева Маяуэл.

Между тем проснулась Цицимиме и, не найдя рядом с собой своей внучки, воплями собрала нескольких богинь, которые назывались также Цицимиме, и все они сошли на землю, чтобы найти бога Ночи и Ветра, который заставил бежать Маяуэл. В тот момент, когда они достигли земли, дерево раскололось надвое, и ветвь ивы отделилась от цветущей ветви.

Старая богиня тотчас узнала в цветущей ветви свою внучку, разломала эту ветвь на несколько мелких кусков и раздавала богиням, чтобы те съели их. Ветвь же ивы они не разломали, а оставили лежать на земле, и, как только богини отправились обратно на небо, Кетцалкоатл снова принял свой божественный облик и собрал кости Маяуэл, которые разбросали по земле Цицимиме и другие богини.

Кетцалкоатл зарыл в землю эти кости, и из них выросла агава, из сока которой индейцы готовят опьяняющий напиток *.

* W. Krickeberg, Märchen der Azteken und Inkaperuaner Maya und Muisca, Jena, 1928, S. 3—6, 12—14

ЖЕНЩИНА, ВЫТЕСАННАЯ ИЗ ДЕРЕВА

Иранский вариант индийской сказки

Случилось когда-то, что ювелир, плотник, портной и отшельник путешествовали вместе. Остановившись однажды вечером на отдых в пустынном месте, они сказали друг другу:

— Отдохнем здесь и выставим охрану: будем сторожить все четверо, сменяя друг друга.

Первым сторожил плотник. Чтобы не уснуть, он взял топор и вытесал из дерева женскую фигуру. Когда пришла очередь сторожить ювелиру, он нашел на посту эту фигуру и, заметив, что на ней нет драгоценностей, подумал:

— Плотник показал свое искусство, вытесав из дерева эту статую. Покажу и я свое умение и приготовлю драгоценные украшения для ушей, шеи, рук и ног и надену все это на статую, чтобы сделать ее красивее.

Так он и сдался. В третьей смене пришла очередь сторожить портному. Тот проснулся и увидел перед собой женщину с прелестным лицом и изящной фигурой, на ней были драгоценности, но она была голая. Тогда портной в свою очередь приготовил для этой женщины прекрасную одежду, подобающую невесте, тотчас же нарядил статую, и она стала еще прекрасней, чем прежде. Четвертым сторожил отшельник. Когда он занял свой пост, то увидел соблазнительно прекрасный образ. Он совершил ритуальное омовение, произнес молитвы, а потом обратился к богу с мольбой:

— Боже мой, дай жизнь этой статуе!

И в статую вселилась жизнь, она стала говорить, подобно дочери людской.

Но вот минула ночь и взошло солнце; и все четверо оказались смертельно влюбленными в эту ожившую статую. Сказал плотник:

— Эта женщина моя, ведь я вытесал ее собственными руками. Я беру ее себе в жены.

— Женщина принадлежит мне, так как я украсил ее драгоценностями,— ответил на это ювелир.

— Женщина моя, ибо, когда она была голая, я сшил ей одежду и одел ее,— высказал свое мнение портной.

В ответ на это отшельник заявил:

— Она была просто вытесанной из дерева фигурой, но благодаря моей молитве она получила жизнь, поэтому я настаиваю на том, чтобы она стала моей.

Так они спорили долго, пока им не попался какой-то человек, которого они и попросили рассудить их. Но когда тот увидел лицо женщины, он воскликнул:

— Да ведь это моя законная жена! Вы заставили ее бежать из моего дома и разлучили со мной.

С этими словами он схватил женщину и повел ее к владельцу замка. Когда же владельец замка увидел лицо женщины, он воскликнул:

— Ведь это жена моего брата, которую он взял с собой, когда уезжал, а вы убили моего брата и насильно увели его жену.— И повел он их всех уже к царю.

Когда царь увидел лицо женщины, он допросил всех и сказал так:

— Кто вы такие? Давно уже я ищу эту женщину, ибо она моя рабыня, скрывшаяся вместе с моими деньгами. Куда вы девали мое золото и драгоценности? Отвечайте!

Ссора длилась уже долго, множество народу собралось, чтобы посмотреть, что же будет дальше. Сказал тогда один старец из толпы:

— Этот спор человек не может разрешить. Но есть один город и в нем дерево, оно называется Деревом Приговора. Каждую тяжбу, которой человек не может дать справедливого решения, разбирают перед этим деревом, из дерева раздается голос, возвещающий, на чьей стороне правда и чьи требования ложны.

Чтобы не откладывать дела, все семь человек пришли к дереву и привели с собой женщину. Каждый сказал то, что собирался сказать. В этот момент ствол дерева раскололся, а женщина одним прыжком оказалась в образовавшейся трещине, после чего ствол снова сросся. И из дерева прозвучал голос:

— Каждое существо возвращается снова к тому изначальному материалу, из которого оно произошло.

Так были пристыжены все семь женихов женщины*.

ПОТОП

По вавилонскому эпосу о Гильгамеше

Собрались боги и решили, что они нашьют потоп на грешный мир. Были при этом Ану, отец богов, Энлиль, царь богов, их сопровождали бог войны Нимурта и владыка подземного мира Эннуги. Но присутствовал там и прекраснооккий Эа, бог мудрости, любивший людей. Он и выдал благочестивому Утнапиштиму замысел богов.

* C. J. L. Iken, Das persische Papagaienbuch (Tuti Nameh), Neu-druck mit einer Einleitung von R. Schmidt, Berlin—Leipzig, é. n., S. 60 - 65.

— Сын Убара-Туту,— сказал Утнапиштиму бог, — разрушь свой дом и построй вместо него корабль. Не заботься о своем имуществе, радуйся, если сможешь спасти свою жизнь. Но возьми с собой на корабль различные живые существа!

Ответил Утнапиштим богу:

— Я понял твои слова и буду действовать по твоему указанию. Но что я скажу в городе народу и его старейшинам, если они заметят мои приготовления?

Тогда научил Эа человека, которого он решил спасти:

— Скажи им следующее: «Я увидел, что Энлиль, бог Ниппура, разгневался на меня. Поэтому я не могу более оставаться здесь, в вашем городе, в земле Энлиля. Я перехожу на священную воду моря, чтобы жить у Эа, моего господина. Но на вас боги нашлют дождь богатства, вследствие чего ваша жатва будет еще богаче».

На следующий день на рассвете Утнапиштим приступил к работе, как ему приказал Эа. На пятый день определилась форма судна; стены его были высотой в сто двадцать локтей, крыша — шириной в сто двадцать локтей. Построил Утнапиштим шесть ярусов, внутри судна сделал девять отделений и снаружи — семь.

Перед заходом солнца корабль был готов. Утнапиштим устроил прощальное торжество, принес жертвы богам, а народ угостил вином, мясом и маслом. Затем он нагрузил корабль, собрав туда все, что у него было,—серебро, золото и различных животных. Привел он на корабль и всю свою семью, весь свой род, а с ними различных ремесленников.

Шамаш, бог Солнца, так определил время отправления в путь:

— В один из вечеров тот, кто покрывает мир мраком, прольет страшный дождь, тогда ступай сам на корабль и запри хорошенько на засов двери.

Это время пришло; тот, кто покрывает мир мраком, в один из вечеров пролил страшный дождь на землю, но вскоре черные тучи так закрыли небо, что Утнапиштим боялся взглянуть на него. Он перешел на корабль, запер двери и вручил себя самого со всем своим имуществом Пусур-Амурри, корабельщику.

К рассвету из черной тучи загремел гром Адад, бог бури, перед ним побежали, перескакивая через горы и долины, посланцы богов Шуллат и Ханиш. Иррагаль, бог подземного мира, снес все строения. Нимурта, бог войны, разрушил плотины, боги подземного мира, по имени Аннунаки, схватили факелы и осветили дальние края ужасным светом. Адад дошел до неба, закрыл все сумраком и разбил землю, словно дрянной глиняный сосуд.

Самих богов наполнил ужасом страшный вихрь, они прибежали на небо к Ану и присели на корточки у стены, как перепуганные псы. Иштар, звонкоголосая богиня, неистово завыла от огорчения:

— Как же я могла согласиться в совете богов на такое опустошение! Ведь я сама породила людей, а теперь они словно рыбы кишат в море!

Шесть дней и шесть ночей продолжалась буря, а на седьмой день утих южный ветер, обладавший разрушительной силой, успокоились морские волны и отступили назад в свои берега.

Утнапиштим поглядел через маленькое отверстие своего корабля и лицо его залили слезы, когда он увидел, какие опустошения произошли вокруг. Буря утихла, но потоп опустошил весь человеческий мир. Корабль остановился на горе Низир. Гора Низир задержала его, корабль не качался, но и не мог двигаться далее в течение нескольких дней.

Так прошло еще шесть дней и шесть ночей.

На седьмой день Утнапиштим выпустил голубя с корабля, голубь вылетел и вскоре вернулся назад, потому что нигде не нашел себе места, чтобы отдохнуть. Тогда Утнапиштим выпустил ласточку. Ласточка вылетела и вскоре вернулась, так как нигде не нашла себе места, чтобы отдохнуть. Выпустил наконец Утнапиштим ворона, ворон полетел и, увидев, что вода пошла на убыль, быстро отыскал себе пищу и уже не вернулся назад.

Тогда Утнапиштим отпустил с корабля на все четыре стороны живые существа и принес на вершине горы жертву богам. Почувствовали боги аромат жертвы и пришли на этот аромат все до одного. Пришла Иштар и, подняв высоко свои драгоценные украшения, сказала:

— Послушайте меня, боги! Как не забываю я о драгоценном ожерелье на своей шее, так никогда не забуду я и об этих днях. Пусть все боги придут на жертвенный пир, но Энлиль пусть остается вдали, так как это он решил устроить потоп и погубить моих людей.

Но пришел также и Энлиль, он увидел корабль, и сердце его наполнилось гневом:

— Так все-таки одно живое существо спаслось! Но ведь было решено, что ни один человек не останется в живых!

Сказал на это Нимурта:

— Кто другой, кроме Эа, мог это придумать!

Заговорил Эа и сказал Энлилю:

— Как ты мог быть столь безрассудным и затопить весь мир? Кто грешен, пусть тот и будет наказан, но ведь Утнапиштим ты не хотел гибели. Вместо потопа можно было бы

наслать на людей львов или волков, чтобы звери произвели среди них опустошения. Вместо потопа можно было бы устроить у людей голод или мог бы напасть на них Ирра, бог губительного мора, и ряды людей поредели бы. Впрочем, я не сам выдал тайну великих богов, я ниспослал лишь сон Утнапиштиму, и он, самый мудрый среди людей, познал во сне тайну великих богов. Теперь же примите его благосклонно!

Сказал так Эа и вступил на корабль, взял за руку Утнапиштима и свел его на сушу вместе с его женой. Затем Утнапиштим и его жена опустились на колени, между ними стал Эа, коснулся их лбов и благословил их:

— До сих пор Утнапиштим был человеком, теперь же Утнапиштим и его жена будут подобны нам, богам! Пусть Утнапиштим живет в отдалении, около устья рек!

И увели тогда боги Утнапиштима далеко, к устью рек, и приказали ему поселиться там*.

САМСОН

Библейское предание

Жил когда-то человек из племени Данова в Цоре, звали его Маной. Жена его была неплодной: не было у нее детей. И явился однажды женщине ангел господен и сказал ей:

— Вот, ты до сих пор была неплодной, но скоро ты родишь сына. Только остерегайся, не пей вина и не ешь ничего нечистого, а когда родишь ты ребенка, пусть не коснется его головы бритва, потому что уже от чрева матери ребенок этот будет назорей, избранник божий, и начнет он спасать Израиль от руки филистимлян.

Пришла жена и сказала своему мужу:

— Приходил ко мне человек божий, весьма почтенный и похож он был на ангела Яхве, и я не спросила его, откуда он пришел, а он не сказал имени своего. Обещал он мне, что будет у меня сын, только не должна я пить вина и других опьяняющих напитков и есть нечистое, потому что ребенок от самого чрева матери до своей смерти будет назореем.

Помолился Маной Яхве и сказал:

— Прошу тебя, господи, пусть придет к нам опять божий человек, которого посылал ты, и научит нас, что делать с имеющим родиться ребенком.

Услышал бог голос Маноя и снова послал божьего послан-

* A. Ungnad, Die Religion der Babylonier und Assyrier, Jena, 1921, S. 102—109.

ца к жене его, когда та была в поле, а мужа ее Маноя не было рядом. Побежала жена быстро к мужу и сказала:

— Снова явился человек, который приходил ко мне.

Встал Маной, пошел с женой своею, подошел к человеку и сказал ему:

— Ты ли тот человек, что говорил с этой женщиной?

Тот ответил:

— Да, я.

Тогда сказал Маной:

— Пусть сбудутся твои слова. Но что делать нам с младенцем, как с ним поступать?

Ответил посланник Яхве Маною:

— Пусть остерегается всего того, о чем я говорил твоей жене. Не ест ничего, что производит виноградная лоза, не пьет вина, не ест ничего нечистого, соблюдает все, что я приказал ей.

Сказал Маной:

— Позволь удержать тебя, пока мы приготовим для тебя козленка, чтобы почтить тебя.

Но ответил посланник Яхве Маною:

— Хотя бы ты и удержал меня, но я не буду есть хлеба твоего, если же хочешь совершить всесожжение господу, то вознеси его.— Маной же не знал, что перед ним ангел господен. И спросил:

— Как твое имя? Если сбудутся слова твои, как прославить тебя?

Но ответил ангел Яхве:

— Что ты спрашиваешь об имени моем? Оно чудно.

Взял тогда Маной козленка и хлебное приношение и вознес на камне жертву Яхве, и произошло там чудо, которое видели Маной и жена его. Как только поднялось от жертвенника к небу пламя, поднялся в пламени жертвенника посланник Яхве. Видя это, Маной и жена его пали ниц на землю. И невидим стал Маною и его жене посланник Яхве, но тогда узнал Маной, что был это ангел господен.

И сказал Маной жене своей:

— Верно, мы умрем, ибо видели мы бога.

Но ответила жена:

— Не может бог хотеть нашей смерти, не принял бы он из наших рук всесожжения и хлебного приношения и не показал бы нам всего того и теперь не открыл бы нам сего.

И родился сын, и назвали его Самсон, рос он, и благословлял его Яхве...

Пошел Самсон в Тимнафу и увидел там среди филистимских девушек одну. Вернулся и сообщил об этом отцу и матери:

— Видел я в Тимнафе среди филистимских девушек одну, возьмите мне ее в жены.

Напрасно говорили ему отец и мать:

— Разве нет для тебя подходящей жены между дочерьми братьев твоих во всем народе нашем, что идешь ты искать жену среди иноплеменников филистимлян?

Но Самсон ответил отцу:

— Ее возьми мне, потому что она мне понравилась...

И пошел Самсон с отцом своим и матерью в Тимнафу, дошли до тимнафских виноградников, и вдруг идет ему навстречу молодой рыкающий лев. И сошел на Самсона дух Яхве, и растерзал он голыми руками льва, как козленка. Но не сказал он отцу и матери, что произошло. Пошел он дальше, поговорил с девушкой, и понравилась она ему. Спустя несколько дней опять пошел он, чтобы взять ее в жены, и свернул с дороги посмотреть на мертвого льва, и нашел в трупе льва рой пчел и мед. Набрал он меду и пошел дальше, по дороге ел его, пришел к отцу и матери и им дал меду, ели и они, но не сказал он им, что взял мед сей из трупа льва.

Пошел его отец тогда к девушке, и устроил Самсон пир, как и подобает жениху. Тридцать филистимских брачных друзей пировали с ним, и сказал им Самсон:

— Загадаю я вам загадку, и если отгадаете вы мне ее за семь дней пира, то дам я вам тридцать полотняных рубах и тридцать перемен одежд. Но если не сможете отгадать, то тогда вы мне дайте тридцать полотняных рубах и тридцать перемен одежд.

Сказали филистимские юноши:

— Загадай загадку твою, послушаем.

Тогда сказал Самсон:

— Из съдающего вышло съедомое, из сильного вышло сладкое.

Напрасно ломали себе головы филистимские юноши целых три дня, не смогли они отгадать загадку. На седьмой день сказали они жене Самсона:

— Уговори мужа твоего, чтобы разгадал нам загадку, иначе сожжем огнем тебя и дом отца твоего. Разве затем нас сюда позвали, чтобы обобрать нас?

В слезах уговаривала Самсона жена:

— Ненавидишь ты меня и не любишь, загадал загадку сынам народа моего, а мне не раскроешь ее.

Самсон ей ответил:

— Отцу и матери не раскрыл, и тебе ли раскрою?

В слезах уговаривала его жена, пока продолжался пир, до тех пор выпрашивала, что наконец, на седьмой день, сообщил он ей разгадку. А жена сообщила ее сынам народа своего. Так

в седьмой день, еще не село солнце, сказали граждане города Самсону:

— Что слаще меда и что сильнее льва?

— Если бы вы не пахали на моей телке, то не отгадали бы мою загадку! — сказал им Самсон. И сошел на него дух господен, пошел он в Аскалон, убил там тридцать человек, снял с них одежду и отдал тем, кто разгадал загадку. Затем в гневе покинул их и вернулся в дом своего отца. А жена Самсона вышла за брачного друга, что был на пиру.

Через несколько дней, во время жатвы пшеницы, вспомнил Самсон о своей жене, принес ей в подарок козленка и говорит:

— Я войду к жене моей в спальню!

Но отец ее не разрешил ему войти и сказал:

— Я думал, что ты возненавидел ее, и поэтому отдал ее другу твоему. Но вот ее младшая сестра, еще красивее, чем она, бери ее вместо нее.

Говорит тогда Самсон:

— Теперь я буду прав перед филистимлянами, если сделаю им зло.

Пошел Самсон, поймал триста лисиц и связал их хвост с хвостом и привязал по факелу между двумя хвостами и зажег и погнал лисиц на нивы филистимлян. Так сжег он и копны, и несжатый хлеб, и виноградные сады и оливковые. Спросили филистимляне:

— Кто это сделал?

И сказали:

— Самсон, зять человека из Тимнафы, потому что тесть взял у него жену и отдал ее другу его.

Пошли филистимляне и сожгли и женщину и дом ее отца. А Самсон им сказал:

— Хоть вы и сделали это, но я не успокоюсь, пока вам не отомщу. — И перебил он им голени и бедра, и пошел и засел в ущелье Етама.

Поднялись все филистимляне, расположились станом в Иудее и растянулись до Лехи. Спросили их жители Иудей:

— Зачем вышли вы против нас?

Филистимляне им ответили:

— Мы пришли связать Самсона, чтобы поступить с ним так, как он поступил с нами.

Пошли тогда три тысячи человек из Иудей к ущелью скалы Етама и сказали Самсону:

— Разве ты не знаешь, что филистимляне господствуют над нами? Что ты сделал с нами!

Он сказал им:

— Как филистимляне меня оскорбили, так и я их оскорбил.

Сказали ему иудей:

— Мы пришли затем, чтобы связать тебя и отдать в руки филистимлян.

Самсон на это ответил:

— Поклянитесь, что не убьете меня.

— Нет,— сказали те,— мы только свяжем тебя и отдадим в руки их, а не умертвим.

Самсон позволил себя связать двумя новыми веревками, а затем его вывели из ущелья. Когда подошел он к Лехе, филистимляне с криком встретили его. Тогда сошел на него дух Яхве, и веревки, бывшие на руках его, сделались как перегоревший лен и упали с рук его. Нашел он ослиную челюсть, поднял ее и одним взмахом убил тысячу человек...

После этого почувствовал он сильную жажду и воззвал он к господу, и сказал:

— Ты соделал рукою раба твоего великое спасение сие, а теперь умру я от жажды и попаду в руки филистимлян.

Тогда сотворил бог в Лехе источник, и потекла из него вода, напился Самсон, и вернулась к нему бодрость... И в течение двадцати лет был он судьей Израиля во дни филистимлян.

Пришел однажды Самсон в Газу и вошел к одной женщине. И сказали жителям Газы: «Самсон пришел сюда!» После чего собрались они и подкарауливали его у городских ворот всю ночь. Оставались они там всю ночь, говоря: «До света утреннего подождем и убьем его». А Самсон спал до полуночи, а в полночь встал, схватил двери от городских ворот с обоими косяками и вырвал их вместе с запором, положил их на плечи свои и отнес их на вершину горы, которая на пути к Хеврону.

Случилось затем, что полюбил он одну женщину в долине Сорек. Звали ее Далилой. Пришли к той женщине правители филистимлян и сказали ей:

— Прельсти его и выведай, в чем таится его великая сила и как нам одолеть его, чтобы связать и усмирить его. А мы бы дали тебе каждый по тысяче сто сиклей серебра.

Спросила у Самсона Далила:

— Скажи мне, в чем великая сила твоя и чем можно было бы тебя связать и усмирить?

Ответил ей Самсон:

— Если связать меня семью сырыми тетивами, которые еще не засушены, то ослабею и стану таким, как прочие люди.

Тогда принесли женщине правители филистимлян семь сырых тетив, которые еще не засохли, и женщина связала его ими. Между тем один скрытно сидел у ней в спальне, и женщина закричала:

— Самсон! На тебя идут филистимляне!

Но разорвал Самсон тетиву, как рвут нитку из пакли, когда пережжет ее огонь, и не открылась его сила. Сказала тогда Далила Самсону:

— Ты обманул меня и говорил мне ложь, но теперь скажи мне правду, чем можно тебя связать?

Сказал ей Самсон:

— Если свяжут меня новыми веревками, которые еще не были в деле, то я сделаюсь бессилен и буду как прочие люди.

Теперь принесла ему Далила новые веревки и связала ими его, после чего сказала ему:

— Самсон! На тебя идут филистимляне!

И теперь некто сидел в засаде в ее спальне, но Самсон сорвал со своих рук веревки, словно нити.

Третий раз сказала Далила Самсону:

— До сих пор ты обманывал меня и лгал, теперь скажи же мне правду, чем бы связать тебя!

— Если ты семь прядей моих волос воткешь в ткань и прикрепишь ее к ткацкому стану,— ответил ей Самсон.

Так и сделала женщина и даже укрепила ткань гвоздем к стану и сказала ему:

— На тебя идут филистимляне, Самсон!

Пробудился ото сна Самсон и выдернул ткань вместе со станом.

Сказала ему Далила:

— Хоть ты и говоришь, что ты любишь меня, но сердце твое не со мною, ведь трижды ты обманывал меня и не сказал мне, в чем же великая сила твоя.— И смущала его своими словами день за днем, уговаривала так, что душе его стало тяжело до смерти. Тогда открыл Самсон перед женщиной все свое сердце и сказал ей:

— Бритва не касалась головы моей, ибо с рождения я назорей божий. Если же остричь меня, то уйдет от меня моя сила и сделаюсь я слаб и буду как прочие люди.

Увидела Далила, что теперь он все сердце открыл перед ней, и послала она весть филистимским правителям, говоря:

— Придите сегодня еще раз, ибо он полностью открыл свое сердце.

И пришли к ней правители филистимлян и принесли серебро в руках своих. И женщина усыпила Самсона на своих коленях и призвала одного человека, и остригла семь прядей с его головы, и начал он ослабевать, и отступила от него сила его. Сказала тогда Далила.

— На тебя идут филистимляне, Самсон!

Проснулся ото сна Самсон и так сказал:

— Пойду, как и прежде, и освобожусь,— ибо он еще не знал, что господь отступился от него.

Тогда схватили его филистимляне и выкололи ему глаза и отвели в Газу, заковали в цепи, и он молот в темнице.

С течением времени, однако, начали отрастать волосы, которые остригли ему. И вот правители филистимлян собрались, чтобы принести великую жертву Дагону, богу своему, и чтобы повеселиться, и сказали:

— Бог наш предал в наши руки врага нашего, Самсона!

Увидел это народ и восславил своего бога, говоря:

— Бог наш предал в наши руки врага нашего и опустошителя земли нашей, который побил многих из нас.

И когда развеселилось сердце их, сказали они:

— Позовите сюда Самсона, чтобы он всех нас позабавил!

И позвали Самсона из темницы, и смеялись над ним и поставили его между столбами. Сказал тогда Самсон отроку, который вел его за руку:

— Подведи меня, я нащупаю столбы, на которых утвержден дом, а затем прислонюсь к ним.

Дом был полон мужчин и женщин, были там все правители филистимлян, а на кровле дома было до трех тысяч мужчин и женщин, смотревших на забавляющего их Самсона. И воззвал Самсон к Яхве, и сказал:

— Господи боже мой, вспомни обо мне и укрепи меня только теперь, чтобы мне в один раз отмстить филистимлянам за глаза мои!

И обхватил Самсон два средних столба, на которых держался дом, один — правой рукой, другой — левой, и сказал:

— Пусть умру я вместе с филистимлянами.

И уперся всею силою на столбы, и обрушился дом на правителей филистимлян и на весь народ, который был в доме.

И мертвых, убитых Самсоном при его смерти, было больше, чем тех, кого он убил в течение жизни своей*.

АМИРАН

Грузинская сказка

В одном густом дремучем лесу, где верхушки деревьев упирались в самое небо, стояла высокая, крутая скала. Недалеко от этого леса жил один охотник — Дарджелан. Он часто ходил в лес на охоту.

Однажды подошел охотник к этой скале, и послышалось ему, словно где-то женщина кричит. Посмотрел охотник на скалу, сморит все выше и выше, да не увидеть вершины —

* Изложено по Библии, см. Книга судей израилевых, гл. 13—16.

теряется она где-то высоко-высоко. Хочет взобраться охотник на скалу, но и это не удастся — такая она крутая и неприступная. Вернулся охотник домой, а дома у него жена очень злая и вдобавок хромая. Сказал охотник жене, чтобы приготовили ему еды на завтра в дорогу, сам пошел к кузнецу и заказал ему побольше долот да молот железный.

К утру приготовили ему все, забрал он еды на день, взял у кузнеца долота, молот и отправился к той скале. Пришел и стал вбивать долота в скалу. Вбивает охотник в скалу долота железным молотом и поднимается по ним, как по ступеням. Кончились у него долота, истерся железный молот, и добрался охотник до самой вершины. Осмотрелся, видит в скале вход выбит, словно двери. Вошел он туда, проник в пещеру, в пещере лежит Дали.

Лежит Дали — красавица неземной красоты, вокруг головы обвиты тяжелые золотые косы. Увидела Дали Дарджелана-охотника, и полюбили они друг друга с первого взгляда. Остался охотник у Дали. Не хотела Дали оставлять его, но победила ее любовь и уступила она. Наутро стала просить Дали охотника вернуться домой, но не согласился он и остался с нею. Теперь Дали еще сильнее просит его вернуться домой.

— Иди,— говорит Дали,— твоя жена ведунья. Привыкла она, что ты каждый вечер домой возвращаешься, не дожидается тебя, проводит про нас, пойдет по твоему следу, найдет и погубит нас.

— Нет,— сказал Дарджелан,— моя жена хромая, по дому еле ходит, где ей сюда добраться!

Жена Дарджелана и вправду очень дивилась, что ее муж домой не возвращается. Прождала она два дня, на третий день встала, взяла еды на дорогу и пошла по следам мужа. Привели ее следы к скале.

Вскарабкалась она по ступенькам на верхушку скалы и вошла в пещеру. Видит — крепко спят Дали и ее муж.

Отыскала жена охотника золотые ножницы Дали и обрезала ими ее золотые косы. Забрала с собой и ножницы и золотые косы и ушла. Проснулись Дали и Дарджелан. Приподняла Дали голову — что-то легкой она ей показалась. Провела рукой по волосам — нет ее золотых кос! Встала она, ищет ножницы — нет ножниц! Затосковала Дали, повернулась к охотнику и сказала:

— Ты причина моего несчастья; говорила я, что погубит нас твоя жена. Не жить мне больше на свете. Возьми нож, взрежь мне чрево — тяжела я — и достань моего ребенка. Будет дочь — назови ее как хочешь, а будет сын — назовешь его Амираном. Мой сын будет героем. Если бы дали ему дожить

до срока во чреве матери, он бы и бога поборол; теперь же он будет слабее. Слушай и исполни все, что я скажу. Как достанешь из моего чрева сына, три месяца храни его в телячьей требухе, чтобы вылежался и выгрелся он так, как ему во чреве матери вылежаться не пришлось. Потом уложи его в колыбель, отнеси с колыбелью к реке Иамана и оставь на берегу. Там найдет его и окрестит тот, кому должно. Он расскажет сыну все, что ему нужно знать.

Не хочет охотник резать возлюбленную, тоскует, горюет. Настояла на своем Дали, и пришлось ему сделать все, что она велела. Дрожащими руками взрезал он живот Дали и достал ребенка, прекрасного, как солнце.

Все выполнил охотник по приказу Дали, потом отнес ребенка в колыбели к реке Иамана, оставил колыбель на берегу и вернулся домой.

Проходят путники по берегу реки Иамана, видят — лежит в колыбели ребенок, спрашивают:

— Кто твой отец и мать или кто тебя должен крестить?

— Отец и мать — не знаю кто, а крестить меня должен сам ангел, — отвечает ребенок.

Вот идет ангел, спросил и он ребенка. Ответил ему ребенок так же, как и всем. Трижды спросил ангел, и трижды ответил ему ребенок. Открылся ему ангел, окрестил его, назвал Амираном. Дал ему кинжал, велел спрятать в ноговицу* и не доставать, если не придется очень тяжело; благословил Амирана, сказал ему, что на земле его никто не поборет, и оставил его.

Пришли за водой слуги Иамана, увидели Амирана в колыбели, стали смеяться над ним. Рассердился Амиран, встал, схватил насмешников, стукнул их лбами друг о друга, перебил им всю посуду и прогнал.

Пришли слуги домой без воды и с битой посудой, рассказали Иаману все, что с ними было. Рассердился Иаман, встал, пошел к реке, а как увидел ребенка в колыбели — обрадовался: «Будет товарищем моим Усиби и Бадри». Взял колыбель с ребенком и отнес домой.

И жена Иамана рада — будет мальчик качать ее Усиби и Бадри. Прошел день — ничего. На другой день вышла жена Иамана коров доить, уложила сыновей Усиби и Бадри в колыбель, Амирана посередке усадила и велела ему укачивать детей, чтоб не плакали. «А не сделаешь все, как я велю, — горе тебе», — пригрозила она.

Только отошла мать, нашел Амиран шило и стал колоть то Усиби, то Бадри. Заревели дети. Разозлилась мать и крикнула Амирану:

* Ноговица — род чулка из мягкой кожи. — *Прим ред.*

— Смотри, ходи за моими детьми как следует, не то вернусь — не одобровать тебе! Знай, я не только тебе, но и сыну Дали — Амирану не спущу! Проворчал Амиран:

— Не знаете вы, а я то и есть сын Дали — Амиран.

Услышала это жена Иамана, обрадовалась, бросила доить коров, подбежала к Амирану, обняла его и расцеловала, обмыла его молоком и обернула в самую тонкую и дорогую ткань.

С тех пор ходит жена Иамана за Амираном, как за своими детьми. Радуются Иаман и его жена, что у их сыновей такой славный товарищ растет.

Подросли все трое юношей, стали уже совсем героями, кого ни встретят — с востока или с запада, — со всеми вступают в борьбу, всех побеждают и обратно гонят.

Крикнули им однажды эти побитые люди:

— Что вы на нас силу свою показываете? Если вы такие молодцы, то узнайте, почему ваш отец Иаман слеп на один глаз, и расправьтесь с его обидчиком.

Как услышали это, побежали все трое к жене Иамана, стали просить ее: «Расскажи, как Иаман глаз потерял». Не говорит мать, скрывает правду, обманывает их:

— Болел Иаман оспой, тогда и потерял глаз. А больше, клянусь, ничего не было.

Дважды отвечала так мать, а в третий раз, чтобы выпытать у нее правду, придумали Амиран, Усиби и Бадри такую уловку. Вернулись они домой сердитые и велели ей выпечь им всем троим горячие хачапури. Только она засыпала хачапури углями, вытащили их Амиран и Усиби из огня, приложили к матери и говорят:

— Или скажешь правду про глаз Иамана, или всю грудь тебе сожжем.

Не выдержала жена Иамана и рассказала все, как было:

— С Иаманом давно враждовал один дэв, требовал с него оброк. Как родились Усиби и Бадри, пришел тот дэв и потребовал отдать ему одного из сыновей; а нет, так пусть Иаман отдаст ему свой правый глаз. Не смог Иаман расстаться с сыном, вырвал глаз и отдал дэву.

Как услышали это Амиран и сыновья Иамана, тотчас встали и собрались в путь — воевать с тем дэвом. Попросили они Иамана достать им лук и стрелы из чистого железа. Достал Иаман. Взяли лук, попробовали его — не выдержал лук руки Амирана и сломался. Взял тогда Амиран тридцать фунтов железа, отнес кузнецу и сам заставил его выковать лук по своей руке.

Наутро все трое отправились воевать с дэвом. Шли, шли — увидели в поле одного дэва. У дэва чудесный яблоневый сад,

под яблонями и овечьи отары его пасутся. Завидел дэв юношей и крикнул им:

— А ну, если вы молодцы, сбейте с моих яблонь хоть одно яблоко или забросьте хоть одно яблоко на яблоню.

Усиби и Бадри долго старались — ни одного яблока не сбили. Пустил стрелу Амиран, все яблоки с одной стороны яблони сбил и на другую сторону этой же яблони забросил.

Еще сказал дэв:

— Если вы молодцы, то хоть одну овцу из моего стада с земли поднимите, а другую наземь положите.

Ничего не сумели Усиби и Бадри. Амиран сперва заставил подняться всех овец с земли, потом как ударит их о землю — чуть всех не перебил.

Рассердился дэв, забрал всех своих овец и Амирана с ними и загнал всех в дом. Дверь изнутри запер, Усиби и Бадри одних во дворе оставил. Сварил себе дэв на ужин четырех овец. Сам мясо ест, кости через спину сестре кидает, а сестра дэва в углу железной цепью прикована. Собрался дэв спать и говорит:

— Сегодня мне на ужин хватит, завтра Амираном позавтракаю. Сказал и лег.

Заснул дэв, подошел Амиран к прикованной сестре дэва, попросил научить его, как с дэвом расправиться. Сказала сестра дэва:

— Моего брата ничем не убьешь, кроме как его мечом, который он в масле держит. Но меч так крепко держится в масле, что одному его не вытащить. Только есть у моего брата плетеный ремень, достань его, один конец к мечу привяжи, другой дай мне, потянем вдвоем — может, вытащим. Возьмешь в руки меч, подойдешь к брату, смотри — не ударяй его, а только приложи меч к шее, меч сам голову снимет.

Попросила она Амирана поклясться Христом, что он не обманет ее и, когда убьет дэва, отпустит ее на волю. Поклялся Амиран, отыскал тот ремень, привязал к мечу, отдал другой конец сестре, потянули оба, вытащили меч. Как вытаскивали меч, загремел он с такой силой, что проснулся дэв, да только заснул опять.

Поднес Амиран меч к дэву, приложил к его шее, стал меч резать сам, и замахиваться не пришлось. Резал-резал меч, дошел до середины. Почувствовал что-то дэв, стал ворочаться, да уже поздно, совсем перерезал меч шею. Так разделался Амиран с дэвом. Попросила Амирана сестра дэва освободить ее, но нарушил клятву Амиран и убил ее.

После этого все дэвово добро осталось Амирану и его товарищам. Что с собой взяли — взяли, остальное там оставили и дальше в путь отправились.

Шли-шли, пришли в густой еловый лес. Видят — в лесу скала, на скале огромный дэв-гвелешапи стоит и шерсть сучит. Веретенсм у дэва стеол ели, грузилом на веретене — мельничный жернов. Это и был тот дэв, который отнял глаз у Иамана.

Увидел дэв Амирана и его товарищей и крикнул:

— Эй, что там за мушки ползут? Поворачивайте сейчас же назад, не то и мясо ваше съем и кости ваши сгрызу.

Крикнул Амиран дэву:

— Ах ты мразь! Рано хвастаешь, подожди, не съел еще.

Рассердился дэв, бросил шерсть и спустился вниз. Долго они боролись и всевали. Амиран одну стрелу за себя пустит в дэва, две — за Усиби и Бадри. Утомились все. Подошел дэв к Амирану, раскрыл пасть и проглотил его. Проглотил и пошел домсй. Усиби и Бадри там остались. Как входил дэв в ворота, догнал его Усиби, схватил за хвост и отрубил его. Вошел дэв в дом, только вошел, разболелся у него живот.

— Горе мне, мать, живот болит! — закричал дэв, подбежал к дверным столбам, трется о них животом, чтобы облегчить боль, да не удержаться на ногах без хвоста, все наземь грохается. Видит мать сына в этих муках, спрашивает его:

— Что с тобой, сынок, не съел ли чего сегодня?

— Ах, мать, три мушки попались мне сегодня, проглотил одну.

— Горе твоей матери, сынок, если ты Амирана, сына Дали, проглотил.

Усиби и Бадри стоят под окном дома, слышат все, что мать с сыном говорят. Крикнули они Амирану:

Амиран, Амиран,
В ноговице твой кинжал,
Обнажи его скорей —
Проучи ты гвелешапи.

Услышал это Амиран и подумал: «И вправду, тяжелей этого вряд ли когда придется!» Достал кинжал и давай колоть дэва в пах.

Заревел дэв:

— Ой, не убивай только, а хочешь — выплуну тебя, хочешь — выброшу.

Рассердился Амиран:

— Ах ты мразь, негодяй! Ни выплунутым тобою жить не хочу, ни выбршенным.

— Хорошо, — говорит дэв, — вынь мне два ребра и выходи через бск.

Вынул Амиран у дэва весь бок и вышел. Только один свой глаз там оставил.

— Встагь мне сейчас же глаз, не то живым не уйдешь! — кричит Амиран.

Сказал дэв:

— Отрежь кусочек печени, кусочек легкого, помажь глазницу — лучше прежнего глаз станет.

Отрезал Амиран побольше печени дэва, еще больше легкого, помазал глазницу, и стал его глаз цел и невредим. Просит дэв Амирана пришить ему бок обратно. Взял Амиран и заложил ему бок деревянной заслонкой *.

После этого потребовал Амиран у дэва отдать ему правый глаз Иамана. Не хочется дэву отдавать глаз, да не смеет отказать Амирану. Указал дэв на столб и сказал:

— Вот в этом столбе заложен ящик, в ящике — еще ящик, достань его, там лежит глаз Иамана.

Отыскал Амиран глаз и взял с собой. Дэва там бросили, сами домой вернулись. Пришли, вставили Иаману его глаз, отдохнули немного.

Захотелось Амирану пойти и повоевать еще с кем-нибудь. Попросил он Иамана задержать дома Усиби и Бадри: «Мешают только мне они в трудную минуту». Услышали Усиби и Бадри, затосковали, стали просить Амирана не оставлять их дома.

— Мы без тебя жить не хотим!

Что делать? Опять взял их с собой Амиран. Долго ходили они и увидели в одном поле трех дэвов. Крикнули им дэвы:

— Хорошими вы были бы молодцами, если бы кто из вас сумел добыть себе в жены светлую Кету, дочь Кеклуц-царя. Много юношей добивалось ее, да никто не добился.

Спросил Амиран, где живет Кеклуц-царь, где он дочь свою прячет.

Указали дэвы путь к царю и сказали:

— А дочь свою Кету он держит в башне, и башня цепями к небу подвешена.

Оставили они дэвов и пошли в страну Кеклуц-царя. Шли, пришли к морю. Большое море, широкое, не пройти его. Увидели они там женщину-дэва. Спросил ее Амиран, как перейти через море. Сказала она, что через море нет пути, а если возьмут они ее в товарищи, то она поможет им. Поклялся Амиран Христом, что возьмет ее в товарищи.

Срезала она косу и проложила ее мостом через море. Прошли по мосту раньше Усиби и Бадри, потом Амиран. Последней стала переходить женщина-дэв. Но только она дошла до середины моря, хватил Амиран по косе своим мечом, перерубил ее, и упала женщина-дэв в море. Так Амиран во второй раз нарушил клятву Христом.

* Если бы у дэва не было деревянного бока, мир бы погиб. Когда бывает затмение, дэв (гвелешапи) глотает солнце, но оно прожигает деревянный бок дэва и опять выходит наружу.

Долго шли побратимы сушей, повстречали в поле человека, которого звали Андреробом. Андрероб был так велик, что девять пар волов и девять пар быков едва тащили арбу, на которой он лежал. Андрероба живого хоронить везли, мертвого бы его до кладбища не дотащить, так бы и остался несхороненным. У Андрероба одна нога с арбы свесилась, волочится по земле и своей тяжестью, словно плуг, роет землю. Столько народу за ним шло, и никак они его ногу поднять и на арбу уложить не могли. Увидел это Амиран, зацепил своим луком ногу Андрероба и забросил ее на арбу.

Удивился Андрероб:

— Кто это имеет такую силу, что мою ногу так легко на арбу забросил?

Указали ему на Амирана. Протянул Андрероб руку Амирану. Испугался Амиран: «Сожмет он мою руку изо всей силы и изломает ее». Взял Амиран и подал Андреробу базальтовую глыбу. Сжал глыбу Андрероб, сок из нее выжал. Опять протянул Андрероб руку Амирану. Подал ему Амиран руку. Попросил Андрероб Амирана взять с собой его сына и не предавать его, как брата его любить. Обещал Амиран и Христом поклялся. Повезли Андрероба, куда везли, а сын его пошел с Амираном.

Долго они ходили. Захотелось спать Амирану, лег он и заснул. А пока он спал, сын Андрероба голыми руками поймал двух оленей и повесил их там же на дереве. Проснулся Амиран, увидел оленей и спросил, как их поймали. Узнал Амиран, как сын Андрероба их поймал, не понравилось ему это, подумал: «Еще ребенок, а уж что делает, вырастет — меня победит». Решил Амиран убить сына Андрероба. Как решил, так и сделал. Так в третий раз нарушил Амиран клятву Христом.

Бросили они убитого и пошли дальше — искать дочь царя Кеклуца.

Ходили долго и нашли наконец ту башню, где дочь Кеклуц-царя, Кету, жила. Сказал Амиран Усиби:

— Прыгни, попытайся, может, достанешь до цепи и перерубишь ее саблей.

Прыгнул Усиби — и не дотронулся даже до цепи. Прыгнул и Бадри, но также безуспешно. Прыгнул тогда Амиран и схватил цепь. Замахнулся своим кинжалом, разрубил цепь, и упала башня на землю. Вошли все трое в башню. С одного взгляда полюбили Амиран и Кету друг друга.

Узнал Кеклуц про то, собрал все свои войска и в три ряда окружил башню. Увидел Амиран войска, не понравилось ему это. Приказал он Усиби выйти воевать с войском.

Вышел Усиби, прорвал одну цепь и подошел к Кеклуц-царю. Дунул на него Кеклуц-царь — замертво упал Усиби.

Вышел вторым Бадри, прорвал другую цепь, но только подошел к Кеклуц-царю, дунул на него Кеклуц и свалил его за-
мертво.

Рассердился Амиран, решил сам выйти воевать с Кеклуц-
царем.

Сказала Амирану Кету:

— У моего отца на голове стоит жернов, жернов привязан сзади к шее золотой цепью. Пойдешь к нему — постарайся перерезать эту цепь; потянет жернов голову отца вперед, обнажится шея, тогда кинжалом и руби голову. Если не так — не убить тебе моего отца.

Запс്മнил все Амиран, вышел к войскам, перебил всех, кто еще после Усиби и Бадри в живых остался, подошел к Кеклуц-царю. Дунул на него Кеклуц-царь, упал Амиран на одно колено. Размахнулся Амиран своим кинжалом и перерезал золотую цепь на шее Кеклуца. Потянул жернов голову Кеклуца вперед, обнажилась у него шея, вскочил Амиран, взмахнул кинжалом и отрубил Кеклуцу голову.

Вошел Амиран в башню к Кету и стал горевать, что Усиби и Бадри погибли.

— Не вернусь я домой без них. Что я скажу старикам родителей, когда ни одного сына не приведу?

Спросила Кету:

— Узнаешь ли ты их среди перебитого войска?

— Узнаю, — сказал Амиран, — у Усиби на камне в кольце знак солнца помечен, а у Бадри — знак луны.

Вышли Амиран и Кету к мертвым, стали искать среди них Усиби и Бадри. Отыскали, достала Кету свой платок, провела по лицам Усиби и Бадри и оживила их.

РадуетсЯ Амиран, что достал себе в жены Кету и что Усиби и Бадри живыми домой везет. Взяли они с собой все добро царя Кеклуца и поехали домой. Пришли к Иаману. Обрадовался Иаман, что и Амиран и его сыновья вернулись домой победителями. Только сказал Амиран Иаману, что уже больше никогда не возьмет с собой Усиби и Бадри, потому что не могут они быть такими же героями, как он.

После этого Амиран один ходил на геройские подвиги. Не было на свете никого, кто бы мог выдержать бой с ним — всех врагов победил и истребил Амиран. Остались на всей земле только три дэва, три кабана и три дуба. Даже с богом воевал Амиран, три раза нарушил клятву Христом и многое другое совершил*.

* «Грузинские народные сказки». Сборник составлен и переведен Н. И. Долидзе. Под редакцией проф. М. Я. Чиковани, Тбилиси, 1956, стр. 173—180.

Амиран борется с драконами, с дэвами, злыми духами. Героическая борьба Амирана вдохновлена чувством любви к людям.

Однажды, рассматривая хлеб, которым питались люди, Амиран сжимает его. Из хлеба начинает сочиться кровь. Амирана удручает, что хлеб, который едят люди, пропитан каплями крови. Он хочет, чтобы у людей был чистый, бескровный хлеб.

Великий герой-человеколюбец Амиран вступает в борьбу с богом, но его ожидает кара. Бог приковывает Амирана цепями в одной из пещер Кавказского хребта.

Вместе с Амираном в пещере находится верный ему крылатый Гошия, черный пес, созданный из орла. Рядом с Амираном валяется его меч «города», но Амиран не может дотянуться до меча, чтобы разрубить им оковы.

Целый год Гошия непрерывно лижет железную цепь, и она становится тоньше. Целый год Амиран расшатывает кол, которым цепь прикреплена к земле. И вот кол уже готов выскочить. Близится час освобождения героя. Но к концу года прилетает птица, клюющая сердце прикованного героя. Слуги бога, кузнецы, трижды ударяют молотом о наковальню, и тонкая цепь вновь восстанавливается в первоначальном виде, а кол снова глубоко уходит в землю. Так продолжается каждый год *.

* * *

Если Амиран когда-нибудь освободится, тогда начнется золотой век **.

КУЗНЕЦ ВЕЛУНД

Германский миф

Однажды три сына финского царя — известные охотники и лыжники Слагфидр, Эгилл и Велунд — пришли в Волчью долину и выстроили здесь себе дом. Тут они встретили трех валькирий. Валькирии принадлежали к свите верховного бога Одина, владыки войны. Для них не существовало тайн, они пряли на своих прялках военное счастье, они же приводили героев во дворец богов, в жилище избранных (Валгаллу).

* «Поэзия Грузии», под редакцией В. Гольцева и С. Чиковани, М.—Л., 1949, стр. 8.

** A. Ditt, *Kaukasische Märchen*, Jena, 1920, S. 241.

Три валькирии, Хладгудр, Хервер и Эльрун, летели к Черному лесу с юга. Жажда борьбы гнала их. Но в Волчьей долине они решили отдохнуть, сняли свои лебединые одежды на берегу Волчьего озера, положили их рядом с собой и, усевшись здесь, стали прясть нить судьбы. Тогда-то и увидели их три царевича, а так как валькирии сняли свои лебединые одежды, то не смогли сразу же подняться и улететь. Поэтому царевичи легко захватили девушек-лебедей и привели их в свой дом, построенный в Волчьей долине. Эгиллу досталась Эльрун, Слагфидру — Хладгудр, женой же Велунда стала Хервер.

В любви и счастье прожили они семь лет, а на седьмой год девушек-лебедей охватила тоска по Черному лесу и по шуму битв. На девятый же год, воспользовавшись тем, что три царевича отправились на охоту, девушки-лебеди вышли из дому, и направились к Черному лесу. Стоя в сених, Хервер напоследок прощалась с опустевшим домом, тихо шепча:

— Того, кто придет из леса, здесь встретит грусть. — И с этими словами она улетела.

Усталые возвратились из леса три охотника и нашли пустой дом. Они стали искать девушек-лебедей, но нигде их не нашли. Наконец Эгилл отправился на восток, чтобы разыскать Эльрун, Слагфидр пошел на запад искать Хладгудр, а Велунд остался один в Волчьей долине. Сидя в одиночестве и ожидая возвращения своей прекрасной возлюбленной Хервер, он занялся тем, что стал вставлять драгоценные камни в тонкую золотую оправу из колец и кольца нанизывал на нити.

Узнал Нидхудр, царь шведов, что Велунд остался один в Волчьей долине, и выслал против него войско. Щиты блестели при лунном свете, блестела чешуя на панцирях воинов, приближавшихся под прикрытием ночи. Сошли воины с седел и ворвались в дом. Увидели они кольца Велунда: было их нанизано на нить семьсот штук. Посмотрели они на кольца и ушли, взяв с собой только одно кольцо.

Усталый вернулся Велунд с охоты, принес убитую им медведицу и разложил огонь, чтобы зажарить мясо. Затем сел он на медвежью шкуру, пересчитал кольца и заметил, что одного кольца недостает. Ему пришло в голову, что возвратилась домой прекрасная Хервер и взяла это недостающее кольцо. Ждал он, ждал, когда она придет к нему, и в этом счастливом ожидании уснул.

Когда же он проснулся, то почувствовал, что проснулся не для счастливой любви, так как его руки и ноги оказались скованными тяжелыми цепями.

— Какие это разбойники осмелились заковать в цепи владельца золотых колец? — спросил он, оглядевшись. И тут увидел царя Нидхудра, владыку ниаров. Вслед за тем, как его

воины развели место, где находился дом Велунда, он сам пришел за ним. Теперь он стоял перед Велундом и говорил ему со злорадством:

— Ну как? Ты пришел в Волчью долину за нашим золотом?

Но ответил ему Велунд:

— Не брал я твоего золота, и страна твоя далеко от скал Рейна. Были у нас сокровища дороже, когда жили мы мирно в нашем доме!

Повел с собой Нидхудр закованного Велунда, считая его своим пленником. Меч его царь шведов также взял с собой. Узнал свей меч Велунд, узнал он и кольцо на пальце дочери Нидхудра Бедвидры, ей отдал царь то кольцо, которое его воины принесли из дома Велунда. И сказала королева, когда Велунд прибыл во дворец Нидхудра:

— Взгляните, рот его покрылся пеней, а глаза засверкали от ярости, когда он увидел меч и заметил кольцо на пальце у Бедвидры! Перерубите ему жилы в коленях и отвезите на остров посреди озера!

Так и сделали. Перерезали Велунду жилы в коленях и отвезли на остров, где он должен был работать на царя в кузнечной мастерской. Делал он для царя различные ценные вещи, но никто не смел заходить к нему в кузницу, кроме царя Нидхудра. И переполнила скорбь кузнеца Велунда:

— На боку у Нидхудра красуется меч, который я сам выковал. Отобрал он у меня меч, и никогда более не вернется меч ко мне! А Бедвидра носит на своем пальце то кольцо, которое я изготовил для моей возлюбленной, и я не могу надеяться на возмездие.

Не шел к нему сон, с изуродованными ногами сидел он около наковальни и работал молотом; но пришло время, и он смог поднять молот для мести.

Два сына было у царя Нидхудра. Как-то раз любопытство привело обоих детей в кузницу. Нашли они ключ, открыли сундук и, заглянув туда, увидели в нем множество драгоценностей. Сказал им кузнец Велунд:

— Приходите завтра утром рано, одни, но не говорите никому в отцовском доме, ни слугам, ни служанкам о том, что идете ко мне, а я вам изготовлю подарок из чистого золота.

Рано утром сказал один мальчик другому:

— Идем, брат, посмотрим скорее кольца! — И побежали они в кузницу, нашли ключ и с любопытством заглянули в сундук. Велунд воспользовался этим моментом и отрубил им головы, а тела их спрятал под раскаленными щипцами. Маленькие же черепа детей он отделал серебряной оправой, как кубки, и послал Нидхудру, а их прекрасные глаза в качестве драгоценных кам-

ней подарил злой жене Нидхудра, из белых же зубов он сделал ожерелье для дочери царя Бедвидры.

Тем временем Бедвидра хвасталась своим кольцом. Кольцо однажды сломалось, и она отнесла его Велунду.

— Только тебе я осмелилась показать его,— сказала она и попросила исправить кольцо.

— Я запаяю его золотом! — ответил с готовностью Велунд,— так что твои отец и мать найдут его еще более красивым.

Он льстиво предложил ей напиться и дал ей волшебного напитка, который усыпил ее. Девушка, сидя в кресле, погрузилась в глубокий сон. Теперь сказал Велунд удовлетворенно:

— Итак, я отомстил за все горести, которые сني причинили мне. Одно еще остается. Нельзя мне здесь медлить вечно, хоть и сделали меня хромым люди Нидхудра. — И, захохотав, он поднялся в воздух.

Когда Бедвидра проснулась, она увидела, что Велунд летает в вышине. В слезах вернулась она домой с острова, спасаясь гнева свсего отца.

Нидхудр был уже дома и отдыхал на своем ложе в спальне. Заглянула к нему его злая жена и, войдя, сказала:

— Бодрствует ли Нидхудр, владыка ниаров?

Ответил Нидхудр:

— Я всегда бодрствую, а если и отдыхаю, то душа бодрствует. Смерть двух моих сынков переполнила меня скорбью, мрачные мысли бродят в моей голове. Я должен заставить кузнеца Велунда признаться.

И он пошел в кузницу на остров.

— Мастер среди мастеров, ответь мне, куда девались мои дети? — спросил он Велунда, кузнеца, который в это время уже парил высоко в воздухе.

— Покаянись мне прежде всего,— ответил ему Велунд с высоты,— покаянись острием меча, бортом корабля, краем щита и спигой коня, что ты пощадишь и не убьешь жену кузнеца Велунда. Ибо знай, что твоя дочь стала моей и мой ребенок будет рожден в твоём царском дворце. А затем осмотри кузницу, которую ты мне подарил. Ты увидишь капли крови на кузнечных мехах. Здесь я отрубил головы твоим детям и спрятал их тела под раскаленными щипцами. Их черепа я оправил серебром и послал царю Нидхудру вместо кубков, а их блестящие глаза я подарил в качестве драгоценных камней злой жене Нидхудра, а из их белых зубов я изготсвил ожерелье для Бедвидры, и Бедвидра, дочь царя и царицы, носит моего ребенка у себя под сердцем.

Посмотрел Нидхудр в вышину, откуда доносился голос, и сказал:

— Более горьких слов ты не мог бы мне сказать! Если бы я мог тебя связать, я бы связал тебя так сильно, как никогда! Но кто так высок, чтобы дотянуться до тебя хотя бы со спины лошади? Кто так метко стреляет, чтобы поразить тебя стрелой, когда ты уже летаешь среди туч?

Хохоча, все выше поднимался в воздухе Велунд, а царь печально смотрел ему вслед.

Возвратился домой Нидхурд и послал своего самого верного воина Танкдра за Бедвидрой, своей прекрасной, нарядно одетой дочерью. Пришла его дочь, и Нидхурд с гневом спросил ее:

— Правду ли говорят, Бедвидра, о тебе, что ты была на острове у Велунда?

— Правда то, что говорят, — ответила печально Бедвидра. — Я была у Велунда, сидела у него на острове. О этот горький час, хоть бы не было его никогда! Я не владела собой, моя воля оставила меня, и я не могла воспротивиться ему!.. *

ЛИППО И ТАПИО

Финская сказка

Липпо, знаменитый охотник, отправился со своими двумя товарищами на охоту. Целый день бродили они по лесу, но не попалось им никакой добычи. В лесу застала их ночь, они расположились в лесной избушке на отдых, а на следующий день утром снова надели лыжи и двинулись дальше по белому снегу. Но теперь уже Липпо нетерпеливо налегал на лыжи:

— Сегодняшний день принесет добычу: на одну мою лыжу — одного зверя, на другую — другого, а третьего — на мою добрую палку.

Едва они выступили в путь, как заметили на снегу три ряда оленьих следов. Шли, шли они по следам и увидели трех северных оленей, двух — совсем близко друг от друга, а третьего подальше, на расстоянии одного броска камнем. Тогда сказал Липпо своим двум товарищам:

— Вы вдвоем идите за этими двумя оленями, они и будут вашей добычей, а я пушусь за третьим, одиноким оленем.

И он побежал и бежал на лыжах по белому снегу целый день, товарищи его остались далеко позади, и снова наступил вечер, а он не настиг оленя, хоть и был самым быстроногим охотником в том краю.

* Die Edda, Götterlieder und Heldenlieder. Aus dem Altnordischen von Hans von Wolzogen. Leipzig, 6. n., S. 216—222.

Посреди леса был хутор, олень и прибежал туда прямо в стойло, а Липпо напрасно спешил следом за ним. Во дворе стоял хозяин дома, почтенный старец, у которого борода из зеленого мха доходила до колен. Сильной рукой он схватил Липпо:

— Ха-ха! Куда ты? Посмотрим, что за человек загнал моего скакуна и вогнал его в пот?

Липпо с уважением поклонился старцу и сказал:

— Я с утра гоню его, но не смог поймать, потому я и попал на твой двор.

Старец, который был самим Тапио, старым Лесом, сказал в ответ на это:

— Ну, если ты с утра до вечера гнал моего скакуна, то ночью отдохни в моем доме.

Липпо вошел в дом Тапио и с удивлением огляделся вокруг. Эта была какая-то странная комната. В одном ее углу находились олени и лани, в другом — медведи, лисы и волки. Тапио радушно накормил его прекрасным ужином, а когда на утро следующего дня Липпо хотел двинуться дальше, Тапио не отпустил его. Липпо ушел бы, но Тапио спрягал его лыжи. Когда же Липпо спросил о них, он услышал в ответ:

— Не хочешь ли ты остаться у меня? Я отдам тебе в жены мою единственную дочь.

— Я бы остался у тебя с радостью, — ответил Липпо, — но ведь я бедный человек, как ты отдашь за меня свою дочь?

— Это уж моя забота, — проворчал Тапио. — Бедность — не грех, и у нас ты найдешь все, что тебе будет угодно: — И, как сказал, отдал свою дочь за Липпо. Так и остался знаменитый охотник, быстроногий Липпо зятем Тапио в лесном доме.

Через три года у Липпо и дочери Тапио родился сын. Тапио сбродовался маленькому внуку, но Липпо уже скучал по своему дому и лишь уговаривал Тапио, чтобы тот отпустил их. И наконец Тапио сказал:

— Если ты сделаешь мне такие лыжи, какие я хочу, то я отпущу тебя.

Поспешил Липпо к деревьям, начал высезать из них лыжи. Над головой его, сидя на ветке, пела маленькая синица.

Я маленькая синица,
Ти-ти, посмотри сюда.
Туда, где место для ноги.
Воткни острую ветку.

Липпо бросил в пещицу полено.

— О чем ты свистишь, маленькая глупышка? Не у тебя ли мне поучиться!

И он приготовил лыжи, обстругал их, разукрасил, как мог.

и принес Тапио. Тот хорошенько осмотрел их, немного испробовал, а затем одну за другой возвратил обе лыжи Липпо:

— Это не то, чего мне хочется.

Что было делать Липпо? Он снова пришел на следующий день к деревьям, чтобы выстругать лыжи. А маленькая синица снова запела:

Я маленькая синица,
Ти-ти, посмотри сюда.
Туда, где место для ноги,
Воткни острую ветку.

— Опять ты здесь! — закричал гневно Липпо и снова бросил полено в птичку. Ему и в голову не приходило послушаться совета маленькой синицы. Он приготовил по-своему лыжи и принес их Тапио.

— Это не то, чего я хочу, — затряс огромной зеленой бородой Тапио. И на третий день снова пошел Липпо, и маленькая птица снова запела свою песенку:

Я маленькая синица
Ти-ти, посмотри сюда.
Туда, где место для ноги,
Воткни острую ветку.

Теперь Липпо подумал про себя другое: «Хорошо же, я делаю так, как ты говоришь, ведь не без причины твердишь ты одно и то же». И он последовал совету маленькой синицы.

— Это подходит! — сказал Тапио, увидев новые лыжи. — Теперь я тебя отпускаю, вы можете спокойно возвращаться домой.

Липпо с женой и маленьким сыном собрались в путь. Тапио также надел новые лыжи, чтобы довести Липпо до дому, и сказал:

— Идите только по моему следу, а где я палкой выкопаю яму в снегу, там всегда останавливайтесь на ночлег. Но смотрите, каждый вечер делайте себе хижину из густых сосновых веток, чтобы вас не увидели звезды.

И Тапио уже заскользил по белому снегу, а Липпо пошел по его следу, взяв за руку жену и таща за собой в санках маленького сына. Только теперь понял Липпо синицу! Лыжи Тапио с воткнутыми в них ветками прокладывали глубокую борозду в снегу и обозначали следы ног старца так, чтобы Липпо не потерял пути.

К вечеру Липпо увидел маленькую яму там, где перед ними прошел Тапио: старец выкопал ее палкой в снегу. Рядом лежал целый зажаренный олень, которого хватило на ужин Липпо, его жене и маленькому сыну. Из густых сосновых ветвей они сделали хижину и остались здесь на ночлег.

На следующий день они продолжали свой путь, захватив с собой в дорогу остатки жареного оленя. К вечеру они снова увидели в снегу след от палки Тапио, и снова рядом лежал жаренный олень. Опять они сделали хижину из сосновых ветвей и установились на ночлег.

На третий день утром они снова двинулись в путь, всюду следуя за Тапио, пока к вечеру в третий раз не заметили след палки Тапио в снегу. Теперь рядом лежал им на ужин жаренный глухарь.

— Но, теперь уже недалеко до дома, — воскликнул радостно Липпо, — потому что сегодня старец приготовил нам всего одного глухаря.

И они соорудили себе хижину менее плотную. И звезды заглянули сквозь ветви и увидели Липпо и его спящую семью.

Когда Липпо проснулся на следующее утро, он нигде не нашел своей жены.

Липпо вышел из хижины, взглянул направо, затем налево, но уже больше не увидел следов Тапио. А без них Липпо не знал, куда ему идти. Ему не оставалось больше ничего другого, как только сесть с маленьким сыном перед избушкой и ждать удачи. Вот рядом с ними пробежал стройный олень, заревел и промчался дальше.

Ничего другого не появилось в окрестностях, а между тем уже наступил вечер. Здесь он должен был снова провести ночь. Наутро опять у входа лежал глухарь, опять поблизости от них пробежал и проревел олень.

Так много лет провел он в маленькой хижине, сделанной из сосновых ветвей. И каждый день перед входом лежал жареный глухарь, каждый день вблизи от них пробегал олень.

Здесь вырос его сын, ставший за эти годы умным, красивым парнем.

Однажды он попросил у отца длинный стебель камыша, чтобы сквозь него рассмотреть окрестности и определить, далеко ли они находятся от дома. Липпо приготовил стебель камыша и дал его сыну. Едва тот взглянул сквозь него, как сразу же воскликнул:

— Наш дом недалеко отсюда, мы находимся около нашей земли!

И действительно, едва они вышли из хижины и прошли вперед один или два шага, как тотчас же оказались дома.

Сын Липпо впоследствии стал родоначальником лопарей (лапландцев)

* Hunfalvy Pál, Finn olvasmányok, Pest, 1861, 230—234 l. (По изданию: A Suomen kansan Satuja Tarinoita)

ЧУДЕСНЫЙ ОЛЕНЬ

Венгерское сказание

Менрот, гигант, после вавилонского смешения языков поселился на земле Эвилат. Там у жены его Энех родились два сына — Хунор и Мадьяр. Однако у гиганта Менрота, кроме Энех, были другие жены и, кроме Хунора и Мадьяра, было еще много сыновей и дочерей. Эти сыновья и их потомки живут в Персии, лицом и фигурой они похожи на гуннов и лишь немного отличаются от них речью. Так как Хунор и Мадьяр были первенцами Менрота, то они жили отдельно от своего отца, в собственных шатрах.

Однажды они отправились на охоту и в пустынной местности увидели лань. Хунор и Мадьяр погнались за ней, но лань убежала. После того как она исчезла в меотидских болотах, они долго искали ее там, но найти не могли. Обходя в поисках лани меотидские болота, братья увидели, что этот край пригоден для пастбищ. Тогда они пришли домой к отцу и с его разрешения снова возвратились на меотидские болота со всем своим имуществом, чтобы поселиться здесь.

Этот край, если не считать одной узкой переправы вброд, со всех сторон окружен морем. И хотя там нет рек, он изобилует травой и деревьями, птицей, рыбой и различной дичью. Нелегко проникнуть туда и выйти оттуда. Хунор и Мадьяр, поселившись здесь, в течение пяти лет никуда не двигались с болот.

На шестой год они отправились оттуда побродить. В степи они нашли в шатрах на кочевье жен и сыновей Белара с их домочадцами. Самых мужей там в это время не было. Братья внезапно налетели на женщин и погнали их, захватив также их имущество, к меотидским болотам. Случилось так, что в числе рабынь они захватили двух дочерей аланского царя Дулы. Одну из них взял себе в жены Хунор, другую — Мадьяр. От этих-то женщин и произошли все гунны, то есть венгры.

В течение долгого времени гунны жили среди болот. Постепенно они размножились и стали многочисленным народом, так что этот край уже не мог ни вмещать их, ни кормить. Они послали своих разведчиков в Скифию и после того, как разведали эту страну, переселились туда со своими рабами и стадами на постоянное жительство*.

* Из хроники Симона Кезаи.

ЧИНГИС

Казахское сказание

Жил некогда хан по имени Алтын-Бел. Был у него единственный сын, которого звали Кайшилы-ханом. Других детей у него не было. Потом родилась у него дочь. Была она прекрасна, как луна, и ослепительна, как солнце. Ее собственная мать потеряла сознание, увидав новорожденную, столь ослепляющая была ее красота. Когда сообщили об этом хану, тот сказал:

— Не показывайте дочь людям. Чтобы никогда не узрел ее человеческий глаз, кормите и воспитывайте ее в подземном тайнике.

Позвала тогда жена хана одну старую женщину, стала платить ей по сотне дилл в год и поручила ей свое дитя. Старуха унесла его в мрачный железный дом и там воспитала.

Со временем дитя превратилось в прелестную девушку.

Однажды девушка спросила старуху:

— Куда ты постоянно ходишь?

Старуха ответила:

— Дитя мое, ведь, кроме нашего дома, существует солнечный мир, и в этом солнечном мире живут твои отец и мать, а также множество других людей. Туда я и хожу обычно.

— О матушка, я не скажу никому, только покажи мне этот солнечный мир.

Старуха согласилась:

— Хорошо, если ты никому не скажешь, я покажу тебе его.— И с этими словами она вывела девушку.

Выйдя из дому и увидев солнечный мир, девушка почувствовала головокружение и потеряла сознание. В тот момент, когда девушка вышла в солнечный мир, на нее упал взор бога, и по велению бога девушка стала беременной. Со страхом заметила старая женщина, что девушка носит под сердцем ребенка. Она испугалась, что ее накажут смертью. А потом она подумала:

— И жизнь у меня одна и смерть одна, расскажу я обо всем жене владыки.

Так она и сделала, пришла и сказала жене хана:

— Дочь ваша беременна, но я не показывала ее никому. Если вы меня за это убьете, то пусть прольется моя кровь, если же оставите мне жизнь, то это будет моим счастьем.

Спросила ее жена хана:

— Однако что-нибудь другое ты делала с моей дочерью?

— Я не скрываю того, что я делала, — ответила старуха. — Единственное преступление, которое я совершила, состоит в том, что я вывела ее под открытое небо. И с того дня она носит плод под своим сердцем.

— Если никакое другое преступление не тяготит твою совесть, то я беру на себя ответственность перед владыкой,— сказала жена хана и пошла к нему.

— Твоя дочь по воле бога стала беременной,— сказала хану жена.— Взор человека не касался ее.

— Если это так,— сказал хан,— то она должна умереть.

Но женщина взмолилась:

— Пойдет дурная слава, когда начнут говорить, что владыка убил собственную дочь.

Хан ответил на это:

— Пусть будет, как ты хочешь, только уйди с глаз моих.

Совесть не позволила жене хана убить свою дочь. Поэтому она заперла ее в золотой сундук, положила рядом с ней достаточно еды и питья, закрыла крышку, привязала снаружи ключ и пустила сундук по морским волнам.

Принесли морские волны золотой сундук в одну страну, где как раз охотились Домдагул Сокур и Токтагул Мерген. Увидали они посреди моря плавающий сундук. Токтагул Мерген заметил сундук раньше своего товарища и сказал:

— Посмотри, товарищ, что-то блестящее приближается к нам в волнах. Если бог того желает, вытащим этот предмет. Выбирай: если мы вытащим его, что будет твоим — то, что снаружи. или то, что внутри? Давай поделимся сейчас, так как, если это будет уже в наших руках, мы можем поссориться и нарушить нашу дружбу.

— Я выбираю то, что находится снаружи,— ответил Домдагул Сокур.

— Тогда мое то, что внутри,— сказал Токтагул Мерген.— Ведь что бы ни было внутри, это неожиданно найденное сокровище.

Они сделали из шелка шнур и конец его прикрепили к стреле. Токтагул Мерген пустил стрелу, она полетела, свистя, и вонзилась в стенку сундука. Таким образом они смогли подтянуть сундук к берегу и вытащить его из воды. Затем они открыли его, а открыв, увидели в нем девушку, прекрасную, словно полная луна. Увидев ее, они оба тут же потеряли сознание.

— Кто ты, девушка, и в чем ты согрешила, что тебя заперли в этот сундук? — спросили они, придя в себя от первого изумления.

Ответила девушка:

— Я дочь хана Алтын-Бела, меня воспитали в совершенно темном доме, там я по воле бога стала беременной. Поэтому отец мой хотел меня убить, но матери совесть не позволила этого, и она позаботилась о том, чтоб куда бы я ни попала, по крайней мере осталась бы в живых, поэтому она бросила меня в этот сундук в море.

Сказал ей на это Токтагул Мерген:

— Я хочу взять тебя в жены, примешь ли ты меня как своего мужа?

— Приму, — ответила девушка. — Если я произведу на свет того ребенка, которого ношу под сердцем, то я с радостью пойду за тебя замуж.

Токтагул Мерген остался доволен этим ответом. Когда пришло время, родился ребенок, и был он прекраснее своей матери. Тогда Токтагул Мерген взял в жены дочь Алтын-Бела и они, не желая жить в степи, поселились в городе, среди людей. Среди людей рос и ребенок. Из него вырос достойный и справедливый муж. Люди звали его Чингисом.

В это время случилось так, что умер правитель того города, где они жили. После него не осталось детей, и люди, не найдя другого достойного человека, подходящего для управления городом, сказали друг другу:

«Здесь есть человек, которого мы зовем Чингисом, пусть он будет нашим правителем». Так они избрали Чингиса своим господином и присягнули ему: «Если ты прикажешь нам умереть, мы готовы и это сделать!»

Чингис был очень справедливый владыка, никому он не причинял несправедливости, никого не оскорблял. Юрты при нем жили в мире, а в народе не было и помину о воровстве или лжи. После того как Токтагул Мерген взял в жены дочь Алтын-Бела, у них родилось еще три сына. Эти три сына также росли, а когда выросли, то начали обижать Чингиса, говоря:

— Ведь у этого Чингиса нет отца, мы не можем терпеть, чтобы он властвовал над нами. У нас же есть отец, пусть один из нас и будет правителем!

Так втроем они нападали на Чингиса. И подумал Чингис: «Ведь я совсем один. Придет время, и они меня убьют». И он решил бежать.

Пришел он к своей матери и так сказал ей:

— Мать моя, мне нужно бежать отсюда, так как три твоих злых сына угрожают моей жизни.

— Куда же ты пойдешь теперь, дитя мое? — спросила его мать. — Если уж тебе нужно скрыться, скажи мне, куда ты пойдешь. Как я узнаю, жив ты или нет?

И сказал тогда Чингис-хан:

— Куда мне идти? Хотелось бы пойти вверх по воде, туда, откуда ты когда-то прибыла сюда, и побывать в том месте, где живет мой отец; туда хотелось бы мне пойти и остаться там жить. Если отец мой живет за морем, то мне хотелось бы, если удастся, перебраться через море, а если нет, то я хочу жить на этом берегу. Но тебе, матушка, я любым способом дам знать, жив я или нет. На воду, которая тебя сюда принесла, я буду

бросать птичьи перья, и их будут приносить сюда волны. Если они будут приплывать сюда, значит, я жив, а если они сюда более не приплывут, значит, я умер,— пообещал Чингис, простился с матерью и отправился в путь.

Так спасся Чингис. Он отправился вверх по воде, туда, где жил его дед. Но море он не смог перейти и поселился поэтому на этом берегу. Живя там, он ходил на охоту, стрелял во множестве диких зверей и птиц, из шкур диких зверей он изготовил себе шатер, а перья птиц бросал на волны. Вода уносила их, птичьи перья плыли вниз по течению, мать Чингиса видела их и знала, что жив ее сын. Чингис же накопил птичьих перьев целую гору.

Однако после того, как Чингис ушел из города, люди остались без правителя и пребывали в большом затруднении, не зная, кого выбрать себе в государи. Пришло им в голову, что другой сын той же матери будет хорошим правителем, и поэтому выбрали они владыкой одного из трех братьев. Звали его Бергельтеи. Однако он оказался не способен защищать народ. Появились в юртах воры, грабители и лжецы, и никто уж не полагался на слова повелителя, так как был он сам несправедлив, принимал взятки. Население стало уменьшаться. Собрали тогда люди совет и сказали:

— Владыка наш несправедлив, нечестен и не способен управлять народом. Когда Чингис был нашим ханом, не было в наших юртах ни воров, ни лжецов, не было угнетения. Народ наш был плодовит, а ныне стал малочислен. Не можем мы допустить гибели нашего народа. Бергельтеи не способен быть нашим правителем. Поищем Чингиса. Но как мы нападём на его следы? Один только бог знает, куда он ушел. А из людей может знать только его мать. Ее и нужно спросить.

Собрался народ и подошел к дому матери Чингиса.

— Не знаешь ли ты, куда девался Чингис? Твой негодный сын не может более быть нашим правителем. Он не может защищать юрты, а при Чингисе народ был счастлив. Хотим пойти к Чингису! Но мы не знаем, куда он ушел отсюда, а ты наверняка знаешь, а если знаешь, то скажи нам.

Ответила им мать Чингиса:

— Я охотно скажу вам! Вдоль воды вверх ушел Чингис, вы его найдете, если пойдете туда, и он придет, если вы его хорошенько попросите, но если вы захотите притащить его силой, то он не пойдет. Будьте очень осторожны, не говорите ему злого слова, ибо он уже давно не видел людей и может испугаться.

Понравилась эта речь народу, и двадцать пять избранных, достойных мужей отправились в путь, чтобы разыскать Чингиса.

И вот в один прекрасный день они прибыли в страну, где жил Чингис. Увидели они шатер Чингиса, изготсвленный из шкур животных, увидели гору наваленных птичьих перьев, увидели и воткнутый шест, к которому Чингис привязывал лошадей.

— Здесь живет Чингис!— сказали они радостно, но тут же заметили, что Чингиса нет дома, что он ускакал на лошади охотиться.

— Не будем показываться ему на глаза,— сказали они друг другу.— Если он увидит нас всех, то убежит от нас. Спрячем наших лошадей, сами же укроемся в птичьих перьях. Если он придет, то мы захватим его неожиданно в постели.

Днем позже появился Чингис. Он подошел к воткнутому перед шатром шесту и сказал: «Держите поводья ханской лошади!» Сошел с коня и снова сказал: «Привяжите лошадь хана!» Вошел в шатер и опять сказал: «Откройте двери перед ханом!» Когда был уже в шатре: «Расстелите войлок перед ханом!» Затем он сел, говоря: «Принесите еду хану!» — и сам принес себе еды и стал есть. Насытился он, и одолела его усталость. Сказал он: «Принесите постель хана!» Сам он все тотчас же сделал и лег. Едва он только лег, как схватили его двадцать четыре мужа. Но стряхнул он с себя этих двадцать четыре человека так, что они полетели в разные стороны.

Но сказали люди:

— Господин наш, владыка наш, мы твои слуги, а пришли мы за тем, чтобы умолять тебя, ибо с того времени, как ты ушел от нас, наше кочевье распалось. Возвратись домой и останься нашим правителем.

Так они привели его домой и возвратили народу. Но когда они хотели снова возвести его в сан правителя, три брата сказали:

— Мы не признаем его нашим владыкой, пусть он уйдет с дороги, а если он не уйдет, то мы убьем его.

Собрался народ и стал советоваться:

— Что нам делать? Если мы сделаем его государем, то он будет убит своими братьями, братья же, если мы сделаем их повелителями, не смогут держать в порядке кочевье. Спросим их мать, кому быть правителем.

И пришли к матери четверо ее сыновей: все четверо, соперничая между собой, хотели быть государями. Но сказала мать своим четверем сыновьям:

— Все вы четверо мои сыновья, не ссорьтесь, я рассужу вас по справедливости. Вот солнечный луч, повесьте на него свои луки, и тот, чей лук удержится на луче солнца, будет государем.

Принесли все четверо свои луки и повесили их на солнечный луч. Луки трех сыновей Токтагул Мергена тотчас же упали на

землю, а лук Чингиса удержался на солнечном луче, хотя и снизу его ничто не поддерживало и сверху он ни на чем не висел. Женщина тотчас же призвала народ и сказала:

— Смотрите! По велению бога рожден этот мой сын и по повелению бога луч солнца держит его лук. Его и изберите правителем. Если же остальные трое захотят его обидеть, убейте их! Ведь народ состоит из множества людей, не позволяйте же, чтобы кто-нибудь обижал правителя.

Так Чингис стал правителем. Он объединил разбросанные кочевья и справедливо ими управлял. Он взял себе в жены достойную женщину, и родилось у них три сына и одна дочь. В те времена, когда он правил, это был самый лучший государь на земле. Ни в одной войне он не был побежден. Он не допускал, чтобы его народу наносили какую-либо обиду.

После того как о нем разнеслась слава как о выдающемся государе, из Византии пришел посланный просить, чтобы один из его сыновей стал там правителем. Так Чингис одного из своих сыновей отправил в Византию. Пришел посланный из Крыма просить кого-нибудь из сыновей Чингиса стать государем Крыма, и Крым также получил одного из сыновей Чингиса в качестве правителя. Пришли из страны халифа и сказали: «Хотим одного из твоих сыновей сделать нашим правителем!» Им Чингис также отдал своего сына. Тогда пришли с Руси: «Мы также хотим одного из твоих детей!» Так как, однако, сыновей к тому времени у него уже не осталось, то он отдал Руси свою дочь, которую русские приняли и сделали своей государыней.

После смерти Чингиса не осталось более достойного, справедливого правителя, так как все три его сына стали государями трех великих царств. Для казахов не осталась никого, кроме трех недостойных сыновей матери Чингиса. Все злые султаны казахов произошли от них*.

ЦАРИЦА НЕБА

Старинное китайское предание

Царица Неба, которую называют также Святой Матерью, в то время, когда она еще жила на земле, была фуцзянской девушкой и звали ее Лин. Это была чистая и благочестивая душа. Она умерла непорочной девушкой в возрасте семнадцати лет. С того времени ее божественная власть дает себя знать на море, почему особенно почитают ее мореходы. Если на них не-

* W. Radloff, Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens, III, 1870, S. 82—89.

ожиданно налетит буря, они просят о помощи Царицу Неба и она слышит их.

В Фуцзяни много моряков и не проходит года без жертв, без того, чтобы море не унесло кого-либо. Конечно, и в своей земной жизни Царица Неба относилась с глубоким сочувствием к своим соотечественникам, а так как она всегда стремилась помочь утопающим, то, разумеется, она и теперь имеет обыкновение чаще всего появляться на море.

В каютах кораблей, плывущих по морю, имеется изображение Царицы Неба. На кораблях имеются также три талисмана, изготовленные из бумаги. На одном из них Царица Неба изображена с корсной на голове и с царским скипетром в руке, на другом — в образе просто одетой девушки, на третьем она стоит босая, с распущенными волосами и мечом в руке. Если кораблю угрожает опасность, то сжигают первый талисман, и вслед за тем приходит помощь. Если же это не помогает, то сжигают второй талисман, а затем и третий. Если и после этого помощь не приходит, тогда уже ничего нельзя поделать.

Если налетает буря и небо закрывают темные тучи, так что моряки теряют направление, то обращаются к Царице Неба. Тогда она зажигает на поверхности воды лампаду, горящую красным светом. Если моряки следуют за пламенем лампы, то они избегают опасности. Случается, что видят и саму Царицу Неба среди туч, когда она своим мечом разделяет ветры. Тогда ветры рассеиваются, улетают на север и на юг, а волны успокаиваются.

Перед священным изображением находится на корабле палка. Часто случается, что рыбы-драконы играют на поверхности моря. Это две гигантские рыбы, которые одна против другой так высоко выбрасывают воду, что она закрывает солнце и глубокий мрак окутывает море. Издали в этом мраке виден иногда только сноп лучей. Если корабль плывет прямо на него, он спасается и буря неожиданно утихает. Если моряки оглядываются назад, то они видят, как две гигантские рыбы изрыгают воду: корабль проходит как раз меж их пастями. Где эти рыбы плавают, там неподалеку от них всегда бушует буря. Поэтому сжигают бумагу или шерсть, чтобы драконовы рыбы не увлекли корабль в глубину, или воскурят фимиам в каюте перед изображением Царицы Неба, а затем берут прислоненную к ее изображению палку и «палочный мастер» размахивает ею над водой. Тогда рыбы-драконы убирают хвосты и исчезают.

Случилось несколько столетий тому назад, что к Тайванюшло войско и военачальник освятил свое знамя кровью белого коня. Тогда внезапно на верхушке знамени появилась Царица Неба. Через мгновение она исчезла, но поход увенчался успехом.

В другую эпоху, во времена Куэн Луня, на министра Чжу Лина было возложено поручение торжественно ввести в исполнение обязанностей нового царя на островах Лиу-Киу. Флот двигался по морю к югу от Кореи, когда неожиданно налетела сильная буря и судно понесло к черному водовороту. Вода была черна, как чернила, солнце и луна утратили свой свет, и люди уже говорили, что судно попадет в черный водоворот, откуда не вышел живым ни один человек.

Моряки и путешественники с воплями ожидали смерти. Вдруг неожиданно неисчислимое множество маленьких огоньков появилось на поверхности воды, словно зажглось столько красных лампад. Это зрелище наполнило сердца моряков радостью.

— Мы останемся живы, — вздохнули они. — Это пришла Святая Мать.

И действительно, появилась прекрасная дева с золотыми серьгами, провела рукою по воздуху — и ветер утих, успокоились волны. И будто какая-то огромная рука повлекла корабль: с плеском разрезал он волны и неожиданно оказался вне черного водоворота.

Чжу Лин возвратился домой, рассказал о случившемся и просил воздвигнуть храм Царице Неба и причислить ее к сонму богов. И император исполнил его просьбу. С тех пор в каждом порту стоит храм богини Тьен-Хун — Царицы Неба. Каждый восьмой день четвертого месяца празднуется день ее рождения с принесением жертв и театральными представлениями*.

САДКО

Русская былина

Как во славном Новгороде жил гусляр Садко. Был он бедным человеком, ходил по честным пирам, веселил бояр знатных и купцов богатых своими песнями да игрой на гуслях. Но случилось однажды так, что не позвали Садко на пир, не позвали и на другой день, не позвали и на третий.

Пошел Садко от скуки к Ильмень-озеру, сел на берегу на горяч камень и заиграл на гуслях яровчатых. Играл с утра раннего до вечера позднего, а когда стемнело, взбушевались на озере волны и вода с песком сомутилася.

Одолеп Садко страх, покинул он берег озера и возвратился в Новгород. Прошла ночь, но опять не зовут Садко на пир, не зовут на другой день, не зовут и на третий. Снова заскучал

* R. Wilhelm, Chinesische Volksmärchen, Jena, 1917, S. 48—51.

Садко и пошел опять на берег Ильмень-озера, сел на горяч камень и снова заиграл на гусях яровчатых и играл с утра до ночи. А когда стемнело, взбушевались спять волны и вода с песком сомутилася, и устрашился вновь Садко и вернулся он в Новгород.

Но опять не зовут бояре Садко на пир, не зовут на другой день и на третий. Снова со скуки пошел Садко к Ильмень-озеру и играл там на гусях с утра до ночи. Опять к вечеру волны взбушевались и опять вода с песком сомутилася. Но на сей раз осмелел Садко, поборол в себе страх, остался на берегу озера, продолжая играть на гусях. Вышел тогда из озера царь водяной и такие слова говорил:

— Спасибо тебе, Садко, что потешил нас в озере. У меня во озере как раз пир был и всех гостей моих развеселил ты. И не знаю я, чем пожаловать тебя за это. Знаешь что? Ступай-ка ты домой в Новгород, завтра позовут тебя на пир к купцу. А когда все наедятся-напьются, то начнут по обыкновению хвастаться: один несчетнсь золотой казной, другой добрым конем, третий силой молодецкой; умный будет хвалиться старыми и честными отцом с матерью, а глупый — молодой женой. А ты скажи, Садко, лишь одно: «Знаю я, что в Ильмень-озере есть рыба золотая». А когда купцы богатые начнут с тобой спорить, ты побейся с ними об заклад: заложи свою буйну голову, а они пусть заложат лавки с дорогими товарами. Трижды закиньте потом невод шелковый в Ильмень-озеро, а я все три раза положу в невод по золотой рыбине. Так получишь ты в ряду гостином лавки с дорогими товарами и станешь богатым купцом новгородским.

Вернулся Садко в Новгород, а и в самом деле на другой день позвали его на пир к купцу богатому. Много собралось здесь на пиру честном богатых новгородских купцов, и когда все напились-наелись, начали по обычаю хвастаться. Один несчетной золотой казной, другой добрым конем, третий силой молодецкой, умный старым батюшксь да старой матушкой, глупый хвалился молодой женой. Один только Садко сидел среди них и ничем не похвалялся.

Тогда спросили у него купцы новгородские:

— Что сидишь, молчишь, Садко, что ничем не похвалишься?

Отвечал им на это Садко:

— А чем же я могу похвалиться? Нет у меня несчетной золотой казны, нет у меня красивой молодой жены. Могу я только одним похвалиться: в Ильмень-озере есть рыба золотая.

Как начали спорить с ним богатые новгородские купцы, не верили, что в Ильмень-озере есть рыба золотая. Тогда предложил им Садко побиться об заклад:

— Заложу свою буйную голову, больше нечего мне заложить.

А купцы заложили шесть лавок с дорогими товарами, что в гостинном ряду.

После того связали они невод шелковый и пошли к Ильмень-озеру. Забросили невод и видят — рыба золотая попала в него. Забросили второй раз — и во второй раз попала рыба золотая в невод. Забросили третий раз — и в третий раз вытащили золотую рыбу.

Делать нечего, отдали новгородские купцы шесть лавок с дорогими товарами в гостинном ряду и записался Садко в купцы новгородские.

С того времени стал Садко богатым купцом, а затем стал еще богаче, потому что торговал он в своем городе, ездил и в другие города далекие и всегда возвращался с большой прибылью. Взял жену Садко и построил себе палаты белокаменные, а палаты свои разукрасил по-небесному. Как в небе светит солнце красное, так и в теремах у него светило солнце красное, как на небе месяц светит, так светил месяц и в его теремах, как на небе звезды блещут, так и у него в терему звезды ясные. Так разукрасил Садко палаты свои белокаменные.

И устроил Садко у себя пир богатый. Много гостей собрал, богатых купцов и знатных бояр и еще настоятелей новгородских. Луку Зиновьева и Фому Назарьева. И когда на пиру у Садко напились-наелись, то начали по обычаю хвастаться. Кто золотой казной хвастался, кто добрым конем, один силой богатырской, другой родом-племенем, самый умный хвастался старым батюшкой да старой матушкой, а глупый хвалился молодой женой. И сказал тут Садко:

— Эй вы, гости новгородские, купцы и настоятели новгородские! Собрались вы сейчас у меня на честном пиру и в моем доме пьяны-веселы. А как напились и наелись, то расхвастались; один хвастает былью, другой небылицей. Чем же мне похвастаться? Есть у меня всего вдоволь, казна моя не убывает, славная дружина мне не изменяет, а скажу я вам вот что: не успокоюсь я до тех пор, пока не повыкуплю все товары новгородские, и худые, и добрые; и не будет больше товаров для продажи в городе.

Повскакали тут новгородские настоятели, поднялись Фома Назарьев и Лука Зиновьев и сказали:

— А что дашь в заклад, Садко? А если не сможешь повысить всех товаров в Новгороде?

И ответил им Садко:

— А назначьте заклад, какой надобен!

Согласились на тридцати тысячах золотых и разошлись все гости со славного пира по домам.

Рано утром на другой день поднялся Садко, разбудил свою дружину, дал каждому денег достаточно и отправил по городу, а сам пошел в гостиный ряд, чтобы и там повыкупить все товары новгородские. Так он сделал и на второй день, и на третий. Почти что не было уже товаров в Новгороде для продажи, как прибыли тут товары московские и заполнили весь гостиный ряд. И задумался тогда Садко:

— Если закуплю я все товары новгородские и вдобавок новые московские, а вскоре придут товары заморские, то ведь не смогу я один скупить товары со всего света. Пусть уж будет так для меня, купца новгородского, что богаче меня славный Новгород и не смог я повыкупить все товары в городе. Лучше отдам я те тридцать тысяч золотых, на какие бился об заклад!

Как решил, так и сделал: отдал тридцать тысяч золотых. Построил он затем тридцать кораблей и нагрузил тридцать черных кораблей новгородскими товарами. Поплыл он по Волхову, а с Волхова в озеро Ладогу, пересек Ладогу и выплыл в реку Неву, поплыл по Неве и вышел к синему морю. Плыл по синему морю и добрался до Золотой Орды, продал там с большой прибылью новгородские товары и много бочек-сороковок наполнил блестящим золотом, много бочек чистым серебром и крупным жемчугом.

Но как только корабли выехали в синее море, вдруг остановились они, волны хлещут, буря рвет паруса, ломает корабли. Стоят корабли на одном месте неподвижно; не идут корабли. Сказал тогда Садко своей дружине:

— Слушай, дружина моя хоробрая, сколько плавали мы по морю, а забыли дань уплатить царю морскому. Ныне требует он дани, какая ему полагается.— И приказал хороброй дружине своей корабельной бросить в море бочку с золотом.

Так дружина и сделала, бочку с золотом в море бросила, но буря не успокоилась. Налегают волны на корабли, буря рвет паруса и ломает черные корабли в синем море, а корабли стоят недвижимые. Опять сказал Садко своей дружине:

— Слушай, дружина моя хоробрая, видно, мало этой дани царю морскому. Бросьте-ка еще в море синее одну бочку серебра.

Так дружина и сделала, бросила в синее море бочку серебра. Но и тут буря не утихла, и корабли все стояли недвижимы. Тогда в третий раз сказал Садко своей дружине:

— Видно, и этого мало, бросьте еще в море одну бочку с жемчугом!

Бросили в море бочку жемчуга, но все так же недвижимы стояли черные корабли в море, волна била их со всех сторон, буря рвала паруса.

— Эй, дружина моя любезная, — сказал тогда Садко, — видно, требует царь морской живсы головы у нас. Бросим жребий: берите каждый по ивовой палочке, пишите на них имена свои и пустите в море; я же изготовлю жребий из золота. Чей жребий пойдет на дно, тому из нас идти в море.

Так и сделали, и поплыли по воде жребии всех дружинников, а жребий Садко с плеском пошел на дно.

И сказал Садко:

— Неправильно бросили мы жребий. Вы сделайте жребии из золота, пишите на них свои имена, а я сделаю себе жребий дубовый.

Так и сделали, золотые жребии дружины поплыли по воде, а жребий Садко снова с плеском пошел на дно.

Тогда спять сказал Садко:

— Неправильно мы и сейчас бросали жребий. Пусть каждый сделает для себя жребий дубовый, а я себе сделаю липовый.

Так и сделали, но жребии дружины опять поплыли по воде, а жребий Садко с плеском пошел на дно. Обратился тогда Садко к свсей дружине с такими словами:

— Видно, нечего делать, требует царь морской к себе самого Садко. Принесите-ка мне, любезная моя дружинушка, чернила, перо лебединое и лист бумаги гербовой.

Когда все принесли, сел богатый купец новгородский Садко на стул ременчатый ко столику дубовому. Потом стал писать завещание: отписал он все свсе состояние, что оставил церквам, что нищей братии, что молодой жене, а остальное дружине своей хороброй. Как закончил, заплакал и сказал свсей хороброй дружинушке:

— Ох, дружина моя любезная, положите вы доску дубовую на море, лягу я сначала на нее, чтсбы не так страшно было мне погрузиться в пучину смертельную.

Взял он еще гусли яровчатые, горько заплакал и стал прощаться с дружиной своей хороброй, со всем белым светом и родным своим городом Новгородом. Затем опустилс на дубовую доску, и понесло его по синему морю.

Быстро трснулись черные корабли, полетели, как вороны. А Садко остался в синем море.

Уснул Садко от страха на дубовой доске, а когда проснулся, то был он уже на дне морском. С удивлением увидел, что сквозь воду солнце светит, а сам он стоит как раз возле палат белокаменных. Вшел Садко в палаты, а там сидит царь морской и говорит Садко таковы слова:

— Здравствуй, Садко! Много ты по морю плаваешь, а морскому царю дани не платишь. А сейчас сам пришел ко мне во подарочек. Говорят, мастер ты играть на гусях яровчатых: так сыграй на них и мне что-нибудь!

Видит Садко, делать нечего: стал играть на гусях яровчатых, и как только зазвучали они, сразу пошел плясать царь морской. И от пляски его море синее всколебалось, расходились волны на море и стали разбивать корабли черные; много кораблей разбилось и народу много погибло в синем море. Было тогда в море много людей православных, и стали они молиться Николаю угоднику, чтобы спас он их от гибели.

Чувствует Садко, тронул его кто-то о правое плечо. Оглянулся — стоит сзади седой старичок и говорит ему такие слова:

— Довольно тебе, Садко, играть на гусях яровчатых.

— Не по своей воле играю я, — отвечает седому старичку Садко. — Заставляет меня играть морской царь.

Тогда говорит ему опять старичок:

— Слушай, Садко, купец богатый новгородский! Порви-ка ты струны у гуслей, сломай у них шпинечики и скажи царю морскому: «Нет больше струн звонких, не держатся шпинечики, не на чем мне больше играть». Скажет тебе тогда морской царь: «Не хочешь ли ты жениться в море синем?» Ты ответь ему так: «Как хочешь, так и делай, на то твоя воля». Тогда скажет он тебе: «Приготовься к завтрашнему дню, выберешь сам себе невесту». И проведут перед тобой на другой день морских девушек. Пусть пройдут первые триста девушек, пусть пройдут и вторые триста, а когда пойдут перед тобой третьи триста, в конце их будет идти одна, по имени Чернава. Ты эту Чернаву и выбери в жены и счастлив тогда будешь. Но когда в первую ночь останешься один с девицей, веди себя с ней честно, не касайся ее поцелуями, и тогда попадешь домой в Новгород. А если поцелуешь девицу морскую, то навсегда останешься на дне синего моря. А когда вернешься на святую Русь и снова будешь жить в своем городе, построй тогда церковь соборную Николаю угоднику, потому я не кто иной, как Николай угодник.

Сказал и пропал седой старичок. А Садко порвал струны, сломал у гуслей шпинечики и не смог больше играть.

— Что такое, почему больше не играешь? — спросил морской царь и плясать перестал.

— Отвечал ему Садко:

— Струны я порвал, шпинечики сломались, нечего даже и пробовать на гусях играть.

Но царь морской и дальше захотел его у себя оставить:

— Не хочешь ли ты жениться здесь в синем море на красной девице?

— В синем море должен я твою волю исполнять, — ответил Садко; и разрешил ему морской царь по собственному желанию выбрать себе жену из морских девушек.

На другой день утром повели перед Садко морских девиц-красавиц, чтобы мог он выбрать себе из них жену; стоял там рядом и царь морской. Прошли первые триста девиц, но Садко ни слова не вымолвил, пока они проходили. Прошли и вторые триста, а Садко снова ни слова не вымолвил, пока и эти проходили. А когда третья сотня пошла, то последней шла девица-красавица по имени Чернава, и тотчас же Садко ее облюбовал и попросил в жены.

Сказал тогда царь морской:

— Вот, Садко, нашлась и для тебя на дне синего моря жена под стать.

Сыграли веселую свадьбу, а когда кончился пир, богатый купец новгородский Садко отправился с морской девицей-красавицей в свою спальню на дне моря синего. Там заснул он глубоким сном и не пытался даже поцеловать новую жену.

А проснулся Садко — очутился в родном своем городе Новгороде на крутом склоне горы, где берет свое начало река Чернава. И видит — по Волхову бегут его черные корабли. Дружина думает, что Садко глубоко в синем море лежит, а жена Садко думает, что вместе с храброй своей дружиной Садко домой возвращается.

Прибыли все тридцать кораблей, и удивилась хоробрая дружина: Садко они оставили в синем море, а он уже стоит раньше их здесь, на крутом берегу реки Волхова. Радостно встретились они и пошли в палаты Садко, где богатый купец новгородский весело поздоровался со своей молодой женой.

Разгрузили затем корабли с драгоценным добром, с несчетной казной золотой, и построил Садко храм Николаю угоднику, а другой храм Божьей Матери, покаялся во своих грехах и мирно стал жить потом в Новгороде. И не ездил больше по синему морю, а прожил всю свою жизнь в родном городе *.

* Изложено по А. Ф. Гильфердингу «Онежские былины», т. 1, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 640—657.

МУЗЫ

Греки считали поэзию даром Муз, а мифы — истиной, изреченной Музами. Поэтому мы начнем подробное рассмотрение греческих мифов с Муз, подобно тому как два великих глашатая греческой мифологии Гомер и Гесиод также начинали свои песни с Муз.

Уже Гесиод перечисляет имена девяти Муз. Но лишь более поздняя традиция так разделила между ними роли: Клейо (по-латыни Клио) — богиня истории, Мельпомена — трагедии, Талейя (Талия) — комедии, Евтерпа — лирической поэзии и музыки, Терпсихора — танцев, Эрато — любовной поэзии, Каллиопа — эпоса, Урания — науки, главным образом астрономии, и Полигимния — богиня гимнов. Гесиод встретил Муз на Геликоне; Гомер называет их олимпийками, но они пребывали также и на горе Парнасе, где воды кастальского источника наделяли поэтическим талантом и даром пророчества того, кто пил их. В северной Греции музы обитали на горе Пинде, в Темпейской долине и вблизи этой долины, в Пиерии, почему и звали их Пиеридами. В общем они жили в горах, в местностях, где были кристально-чистые источники и многоводные реки, на лоне вдохновляющей природы. Их храмы обычно находились вне городов. Лавр был их священным деревом. Их священными животными были пчелы и стрекоды. Сами они в виде роя пчел привели ионийских колонистов на их новую родину, и пчелы же принесли дар Муз — медовый голос мальчику — избраннику Муз (в легенде о Пиндаре). Цикадой стал человек, превратившийся в маленькое звонкоголосое насекомое из-за своей любви к Музам, чтобы вечно петь «лилейно-чистым голосом». Когда Музы танцевали на Геликоне, то вся одушевленная природа наслаждалась их пением. Звенела

цикада, своим пением вызывая в памяти легенду о ней. Она как бы говорила: «И я была человеком, и пока я была им, я всегда пела. Теперь, когда со мной произошло превращение, я сохранила свою прежнюю страсть к пению». Жаворонки, ласточки и лебеди стаями танцевали вместе с богинями. Музы господствовали и над дикими силами природы. Если звучали их фанфары, то разлившиеся воды Нила возвращались снова в прежнее русло и снова становилось рекой то, что было морем, и волны вплоть до нового разлива пребывали с Музами. Музы укрощали грубые стремления людей. Граждане Кротона по совету Пифагора воздвигли Музам храм за то, что они, богини созвучия, гармонии, ритма, своим присутствием устанавливали согласие среди граждан. Музы всегда танцевали, всегда пели и перебирали струны лиры, но когда они видели, что Аполлон становился во главе их хора, они начинали петь еще лучше, чем прежде, создавая дивно прекрасные мелодии. Ибо Аполлон был Мусагетом — руководителем хора Муз. Атрибут «мусагет» прилагался и к имени Геракла, бого-человека, обладавшего могучим телом, потому что его сила приносила земле мир, освобождая ее от господства чудовищ в образе людей и животных. И вообще все то, что нарушало согласие, гармонию в мире, греки называли «амисон» (грубый, негармоничный).

Превосходство даров Муз над грубой силой наглядно показывает миф о близнецах Антиопы — Амфионе и Зете. Миф о братьях-близнецах, строящих городские стены, — это прежде всего и вместе с тем и миф о роковом соперничестве братьев (таковы предания о Ромуле и Реме, об Аттиле и Буде). Мотив соревнования прослеживается и в мифе о строительстве городских стен в Фивах, хотя в этом мифе между братьями не возникает соперничества. Амфион и Зет воспитывались среди пастухов, как Ромул и Рем. О них известно, что они были беспощадны, когда вместе выступили против царицы Дирке, преследовавшей их мать. Эту злую царицу они привязали к одичавшему быку и гнали быка до тех пор, пока измученная Дирке не превратилась в источник. Когда братья получили власть в Фивах и решили обнести незащищенный город стенами, то, соревнуясь между собой, они, однако, действовали в согласии. Зет, пользуясь своей чрезвычайной силой, катил к строительству огромные камни, а благодаря звукам лютни Амфиона камни еще большего размера сами двигались к городу и сразу же укладывались в ряд друг возле друга, в порядке, олицетворяющем гармонию строительства. Недаром женой Кадма, основателя города, была прелестная дочь Ареса и Афродиты — Гармония. В стенах города, возведенных благодаря мелодии семиструнной лиры, роковое соперничество

уже других братьев возникло впоследствии, его навлек на более позднее поколение Эдип, внук Лабдака, внука Кадма. Но в трагедии, повествующей о двух братьях, Этеокле и Полинике, павших от руки друг друга, пейзаж в глубине сцены напоминает о древней гармонии: это семь ворот Фив, которые предание связывает то с числом семи планет, выражающих самую высшую степень гармонии в мировом порядке, то с семью струнами лютни Амфиона.

Обращение к Музам (по-латыни *invocatio*), обязательное согласно правилам поэтики, осталось чуть ли не до наших дней в качестве начала эпических произведений. У Гомера такое обращение является в известной степени требованием религиозным: согласно этому Муза высказывается устами поэта, богиня поет гнев Ахиллеса, она же воспеваает странствия многоопытного Одиссея. Поэт должен быть покорен Музе или Музам (ибо наши источники говорят иногда об одной Музе, но иногда о трех или семи, а чаще всего — о девяти Музах). Музы — богини, дочери Зевса, и они принадлежат к счастливым обитателям Олимпа. Они всюду присутствуют и все знают, в то время как смертные люди лишь улавливают далекие вести, не обладают знанием и ни о чем не могли бы иметь ясного представления без Муз. Гомер упоминает о Фамириде, фракийском певце, осмелившемся соперничать с Музами, которые в наказание отобрали у него его божественный голос, сделав певца немым. Сам Гомер чувствует, что если бы даже у него было десять языков и десять уст, то и тогда он не смог бы перечислить все греческие корабли, стоявшие под Троей, если бы олимпийские Музы, дочери эгидодержавного Зевса, не вызвали в нем воспоминаний о них. Лишь в минуты творческого вдохновения из клубящейся туманной глубины неясных воспоминаний возникает поэтическое произведение с резко очерченными контурами, в безупречной ясности — Мнемосина, «память», то Гесиоду, — мать Муз. Греки приписывали присутствию Муз, связанному с субъективным чувством поэтического вдохновения, уверенность поэта в себе: удовлетворение найденным, а не придуманным образом, удовлетворение словом, единственно возможным, незаменимым никаким другим. Эта убежденность вселяла безусловное доверие к словам вдохновенного поэта. Поэтому поэт — святой человек, поднять руку на которого — преступление. И поэт при таком восприятии его деятельности взирает на себя как на автодидакта или только как на средство для передачи высказываний божества: «Я автодидакт (ученик самого себя), то есть не человек меня научил, а бог вложил в мою душу героические песни», — говорит Фемий, итальянский певец, приказывая этими словами Одиссею пощадить его.

Гесиод пас свое стадо как простой беотийский пастух под горой Геликон, когда он встретился с Музами. Их первые слова были словами упрека. Музы клеймили позором полуживотную жизнь пастухов, погрязших в ежедневных заботах о куске хлеба, их простые и грубые радости, состоявшие лишь в наслаждении едой и питьем. Так Гесиод осознал закономерность окружающего его мира. Он почувствовал, что посвящение Муз открыло ему глаза на более глубокую взаимосвязь природы и общества. Теперь он вдруг заметил танец Муз вокруг фиолетового источника. Своими нежными ногами дочери Зевса исполняли танец у источника и у алтаря Зевса. Об одном из источников существовало у пастухов предание: он бил там, где копыта чудесного коня Беллерофонта, Пегаса, коснулись известковой скалы, поэтому источник этот и назывался Гиппокреней, Конским источником. Здесь, а также в волнах реки Пермес купаются Музы. Отсюда Музы отправлялись в путь и, окутанные густым туманом, ночной порой посещали поэта, ибо тот, кто хоть раз подсмотрел танцы Муз в их жилище на горе Геликон вокруг фиолетового источника, тот уже всюду слышал их прекрасные голоса, воспевающие богов. Ведь Музы пели прежде всего о богах и о героях, ведущих свое происхождение от богов.

Античный поэт истолковывал покоряющую силу вдохновения как невозможность противостоять откровениям божества. Гесиод с той самой минуты, когда Музы вдохнули в него дар песни, пел о происхождении вечных, блаженных богов, начиная и заканчивая свои песни Музами. При этом едва ли он успевал спросить себя, какое он имеет отношение ко всему этому. Он стал слугой Муз, песнь для него стала превыше всего, хотя после того, как проходили часы священного вдохновения, поэт снова становился существом грубым и низменным, не умея в собственной повседневной жизни найти объяснение этому беспрекословному служению Музам, отодвигавшему на задний план все остальное. Эмблемой избранности служила, как скипетр в руке царя или как жезл, украшенный повязкой бога в руках жреца, покрытая листвою ветка лавра. Музы сами требовали, чтобы поэт срывал с зеленеющего лаврового дерева покрытую листвою ветвь, которую можно было ежедневно найти на склоне горы: лавровая ветвь будет «чудесной» в руках поэта. Символом библейского откровения было вырезанное на камне учение (десять заповедей), сила которого считалась неизменной, к которому нельзя было что-либо добавить, из которого ничего нельзя было отнять. Откровение же Муз — миф возрождался каждым поэтом и, обогащаемый новыми чертами, всегда представлял обновленным.

«Мы можем произнести немало лжи, похожей на правду, но мы можем также, если захотим, пропеть и правду», — говорят о себе Музы Гесиода. Гомер делает ударение на том, что словам Муз можно доверять. Одиссей испытывал Демодока как прорицателя, в словах которого он сомневался, и признал его божественным певцом лишь после того, как услышал из его уст правдиво переданный рассказ о собственных переживаниях Одиссея в Трое. Гесиод подчеркивает также другую сторону поэтической деятельности. Музы — дочери Мнемосины («памяти»), но их сущность, безусловно, выражается игрой фантазии. Начиная с Гомера и кончая поэтами поздней античности (например, римлянином Клавдианом), все поэты в течение более тысячи лет испытывали свои силы почти исключительно в том, что вновь и вновь разрабатывали мифы, нередко одни и те же. Но если это так, то не является ли мифология не более как совокупностью сюжетов, заслуживающих поэтической разработки? Ибо действительно в мифологии фигурируют одни и те же сюжеты, но в самой различной разработке! И это бесспорно. К этому можно добавить, что существующие различия проявляются не просто в незначительных деталях, не только в окраске. Более того, противоречащие друг другу варианты нельзя всегда разделить между различными эпохами и различными районами, а также между различными религиозными общинами, но часто признается подлинность всех противоречащих друг другу вариантов, так что противоречащие друг другу варианты мирно уживаются в произведениях одного и того же поэта.

Так, у Эсхила Фемида то дочь Геи, то тождественна с Геей, потому что связь этих богинь по происхождению, равно как их тождественность, хорошо выражает идею, что порядок общественной жизни, представляемый Фемидой, богиней справедливости, в конце концов основан на закономерности природы. С другой стороны, закономерность природы проявляется в более конкретных чертах и самым решительным образом требует от человека приспособления к ней. Это правильные, последовательные перемены, совершающиеся в природе от весны до весны, олицетворенные в женском божестве Геи. Далее, если Фемида — дочь Геи или даже тождественна с ней, то такое представление сейчас же заставляет нас предположить, что возникновение самой идеи закона тесно связано с возникновением собственности на землю.

Мифологический синоним, то есть тождество Фемида — Гейя, возможно, принимает во внимание уже Гесиод. Беотийский поэт, разработавший понятие справедливости как оружия классовой борьбы крестьян, воплотил это понятие в такой образ: Оры — дочери Фемиды, Оры — богини времен года.

Греки первоначально выделяли только три времени года, соответственно этому в их представлении существовали три Оры. Их имена: Дикэ — справедливость, Эвномия — законность, Эйрена — мир. Следовательно, Оры представляют собой не только законы природы, выраженные в смене времен года, они представляют и общественный порядок с его законами, осуществляемый человеком; присутствие Ор — гарантия общественного порядка. Между прочим, Гесиод показывает также очень поучительный пример в другом отношении, а именно: когда он ищет ответа на сильно занимающий мифологическую фантазию народа вопрос — почему человек должен вести борьбу с заботами и горестями и главным образом почему он должен тяжелым трудом добывать свой хлеб, он предлагает в качестве ответа для свободного выбора как равноценные два мифа, как бы исключаящие друг друга своими эпическими деталями: это — миф о мировых эпохах, начинающийся утраченным золотым веком, и миф о Прометее и Пандоре.

Теперь о мифе: греческая поэзия представляет собою равновесие благородной серьезности и легкой игривости, воплощенной в образе Муз, богинь поэзии. Греческая поэзия доказывает, что развертывающаяся в поэзии мифология, несмотря на пестрое разнообразие мифологических сюжетов, вместе со всей своей игривой изменчивостью пользовалась уважением в греческом обществе. Так же и поэт, не мудрствуя, принимал всерьез народное предание, которое олицетворяло в пестрой веренице богов и богинь еще не познанные силы как природы, так и общества. Миф не желает признания исключительно для самого себя и этим доказывает свою жизненность и свое право на существование. Миф далек от религиозной нетерпимости и религиозной исступленности, но он далек и от согласованности с научным знанием. О мифе нельзя утверждать, что только он — правда, и, пожалуй, правда мифологии ближе к правде искусства, чем к правде науки. «Бодрствующие видят всегда один и тот же мир, у мечтателей же всегда свой собственный, особый мир» — это изречение философии Гераклита; и поэзия, свободно развивающая миф, отражает также и его своеобразие. В этом смысле греческие поэты, хотя они и развивают далее ростки народной традиции, стоят на базе мифологии, на базе всех лучших мифологических источников, и неуместным является то бездушие, которое считает, что задачей мифологической науки является лишь восстановление ростков народного предания. Греческий поэт творчески использует мифологию и беспристрастен по отношению к ней; именно такой метод, переносящий в мир художественной свободы, бесповоротно освобождает миф от пут религии. Другими словами: наука о мифологии обращена в прошлое мифов затем, что-

бы в глубине минувших веков разглядеть первоначальную форму мифа, а также разгадать и общественные условия, создавшие эту основную форму; но не только для того она всматривается в прошлое, но также и для выявления чрезвычайно интересных все новых и новых вариантов основной формы. Следующие друг за другом поколения греческих поэтов отражали новые и новые черты окружавшей их действительности, неизменно полагая, что для этой цели мифология является самым подходящим средством выражения.

Если греческой мифологии (как никакой другой мифологии) в такой степени свойственно творческое разнообразие (что не свидетельствует о распаде старой формы), то греческая наука о мифологии должна считаться с этим. Таким образом, варианты мифов следует рассматривать не только в аспекте основной формы, из которой они возникли, но часто, наоборот, значение основной формы можно с полной уверенностью определить по числу, красоте и глубине ее вариантов. Впрочем, греческая мифология и самую поэзию также причисляла к миру реальностей, взаимосвязи которых она умела разворачивать в действии. Мы делаем резкое ударение на эпическом характере мифологических преданий и на их фабуле. Греческая поэзия очень рано осознала, что эпический, повествовательный характер — как аналогия фактических взаимосвязей реальной жизни — присущ изображению действительности и неотделим от мифологической формы; именно отсюда происходит, что миф, парящий между «правдой» и «вымыслом», отражает характерные черты действительности и фантазии вместе с ее игрой. Едва ли можно привести более яркое доказательство изобразительной ценности мифологии, чем тот факт, что Гесиод считается с возможностью представить именно в форме мифа запутанные взаимосвязи действительной жизни, представить реальное переживание в его действии парящим между «правдой» и «вымыслом», затканым блестящими нитями воображения. Поэтому мы усматриваем некоторый урок в «Геликонской сцене», на которую мы уже ссылались выше и которую как миф о поэтическом посвящении лично Гесиода выдвигает на первый план поэма Гесиода «Теогония» (представляющая собою стройное и систематическое обобщение греческой мифологии). С точки зрения сравнительной мифологии эта «сцена» не стоит совсем изолированно: ближайшую параллель мы находим в библейской книге «Исход». Моисей пасет свое стадо и подходит к горе Хорев, здесь божество открывает себя перед ним в горящем кусте шиповника. Неожиданно обнаружившаяся святость места одинаково заставляет и Гесиода и Моисея обратить внимание на присутствие божества. Но в этих двух повествованиях совершенно

различны признаки, доказывающие святыню: на горе Хороб это куст шиповника, который горит и не сгорает; таким образом, это — чудо, нарушающее порядок природы. На Геликоне это естественный порядок, но чрезвычайно усиленный, далеко продвинувшийся вперед, это — очарование бьющей через край красоты местности. В этом проявляется своеобразие греческого мифа, делающее возможным, чтобы миф служил основой искусства и поэзии, выражающих правду природы. С этим связано также призвание, предназначенное Гесиоду Музами; его задачей с этих пор будет воспевать богов и богинь, то есть в повествовании о рождении богов изображать существующий порядок природы и общества, главным образом в генеалогических мифах (в мифах о происхождении), в которых изображаемые поэтом боги и богини в своих взаимоотношениях отражают, по убеждению поэта, реальные, фактические взаимоотношения природы и общества. С другой стороны, живой мифический образ Муз, созданный Гесиодом, уясняет характерное для мифологии соотношение между воображением и действительностью, игривое парение между правдой и вымыслом. Музы полностью владеют правдой, поэту же достанется правды лишь столько, сколько Музы, вдохновительницы поэзии, подарят ему. Абсолютная правда и выраженная поэтом относительная правда отличны друг от друга не только по содержанию, но и по форме, и именно миф отличает определяющая его эпическая повествовательная форма. По мнению Гесиода, образцом для деятельности смертного поэта является бессмертное пение Муз, которым они услаждают Зевса на Олимпе. Гесиод говорит об этом пении почти то же самое, что и о своем поэтическом творчестве, но ведь только «почти то же самое». На первый взгляд кажется, что под слишком уже незначительным расхождением скрывается весьма значительный тезис о различии двух правд. В соответствии с этим музы призывают поэта, когда вдохновляют его на божественное пение, возвещать «то, что будет, и то, что было». Однако сами они в сверкающем дворце на снежной вершине Олимпа поют лилейно-чистыми голосами о том, «что есть, что было и что будет». Без сомнения, это различие означает, что в бытии смертного человека принимается в расчет только вечное становление, формирование же, изменение категорий «было» и «будет» не являются изменением сущности; то, «что есть», бессмертные боги оставляют для самих себя. Примерно двумя веками позднее Гераклит делает решающий шаг в философии истории, шаг, ведущий к материалистической диалектике, смысл которого заключается в том, что ничто не повторяется дважды; мир богов и людей, смертное и бессмертное бытие представляют собою только единую непрерывно формирую-

щуюся и изменяющуюся действительность. Точка зрения Гесиода, которая для эмпирического познания человека в этом мире выдвигает на первый план непрерывное изменение, является догераклитовским прогрессивным утверждением, так же как послегераклитовским шагом назад является идеализм Платона; Платон приписывает божественному неизменному миру идей подлинность существования и видит в вечной изменчивости, происходящей в мире и познаваемой смертным человеком, только несовершенное отражение подлинного бытия. Правда, язык мифа — как и во многих других случаях — здесь также находится в распоряжении Платона. Платон повествует о пещере, в которой спиной к выходу сидят прикованные люди — наше земное бытие, — и божество за нашей спиной являет истинно существующее, тень которого мы можем видеть отраженной на стене пещеры. У Гесиода еще нет ни слова о таком разрыве действительности на две части, скорее он говорит о том, что поэтическое воображение схватывает мир в его непрерывном движении, соответственно чему миф неизбежно принимает форму развивающегося действия и из трех категорий времени не нуждается в настоящем времени, что характерно для философского познания, признающего, что сущность мира — это вечная изменчивость.

Гесиод ссылается на эпический характер мифа; повествование в силу необходимости развертывает любое действие между двумя полюсами — прошедшего и настоящего времени. Преобладающее время в повествовании мифа, естественно, — прошедшее время; миф связывает с событием, совершившимся когда-то, в далекой древности, такие природные явления, которые в действительности повторяются изо дня в день, из века в век, как, например, смена дня и ночи или круговорот времен года; кроме того, те идеалы, на осуществление которых творец мифа только еще надеется, он изображает по большей части как уже некогда, в древности, осуществленные. Если, например, миф проповедует освобождение угнетенных и эксплуатируемых, наступление царства справедливости и мира, то картина далекого будущего дополняется мифом об исчезнувшем золотом веке древности. Такое осознание существа мифологии, связывающее действием прошлое и будущее, способствовало тому, что Гесиод, приближающийся к настоящему времени в философском понимании, излагает также в форме общепринятых поучений все то, что он знал и думал о правильных изменениях природы и о справедливом общественном порядке. Совсем другим по своей природе является настоящее время мифа в драме. Несколькими веками позднее драма, выступая первоначально в рамках обряда, развернула из сюжета мифа, повторяемого с магической целью — призвать богов

к людям, мифологическое действие, инсценированную игру. Однако для этого было необходимо, с одной стороны, чтобы ограничивающие рамки ритуала были расширены введением в праздничные игры гомеровской мифологии, с другой стороны, чтобы в мифологическом действии гераклитовская диалектика отвлекала внимание от события, совершившегося в прошлом, направляя его на процесс, развертывающийся перед глазами зрителей.

То обстоятельство, что Гесиод поэта, имеющего дело с мифологическим преданием, изображает знающим и воспевающим прошлое и будущее, делает само собою понятным, что в древности находили сходство между поэтом и пророком как в отношении их роли, так и в отношении их образа. Родственные черты давали почувствовать мифологическими средствами. Мы много раз слышим, например, о тех связях, которые и пророка и поэта соединяли с Аполлоном. Аполлон как руководитель «хора Муз» — божественный покровитель поэтов, который в Дельфах открывает будущее посредством неясных слов своей жрицы Пифии. И если мы еще можем говорить о родственных чертах поэта и пророка на более высокой степени общественного развития, то нам следует думать об их полном тождестве в первобытную эпоху. Роль, свойственная поэту как таковому, развертывается из древней недифференцированной основы, подобно тому как специфическая роль мифологии формируется, обособляясь от религии. Те современные исследователи, которые чрезмерно подчеркивают родственные черты поэта и пророка в понятии «поэта-жреца» (*vates*), неисторично смешивают обоих и волей-неволей судят о поэзии вообще и об античном поэте в особенности как о подчинившихся иррациональным влияниям. Греческая мифология с большей мудростью определяет здесь границы, чем современные мистики, желающие восстановить «утратившее свои права» мифологическое мировоззрение. Ибо греческие мифы, говоря о поэтах и пророках и отмечая их родственные черты, подчеркивают и типические особенности тех и других. Правда, попадаются среди греческих преданий и такие, которые, относясь к очень древнему слою воспоминаний о первобытной истории, указывают на недифференцированное древнее состояние поэта и жреца-пророка. Нечто подобное описывала новейшая этнография в связи с «шаманами» особенно отсталых в культурном отношении азиатских народов. Если считаться с пережитками и сохранившимися памятниками, то мы могли бы рассматривать развитую стадию такого «шаманизма» в древней истории греческой поэзии как побежденную еще задолго до Гомера. Геродот сообщает о некоем Аристее, который якобы, вдохновленный Аполлоном, достиг сказочного

края и прибыл к благочестивым жителям дальнего севера гиперборейцам, к одноглазым аримаспам и к сказочным грифам, стерегущим золотые сокровища, и пока он следовал за богом в образе ворона, его тело оставалось на родине в Проконнесе. По-видимому, во времена Геродота еще была известна поэма, озаглавленная «Аримаспея», которую предание приписывало Аристею и в которой как бы собраны «опыты» шаманов, приобретаемые ими во время «магического путешествия», то есть во время вызванного одурманивающими средствами бессознательного состояния; в поэме как бы подводятся итоги этим видениям. Но если верили тому, что Аристей был учителем Гомера, то, очевидно, этим хронологическим соотношением с древнейшим греческим поэтом хотели подчеркнуть, что образ пророка, раскрывающего человеку ограниченность его восприятия мира, в предании не более чем волнующее воспоминание, оставшееся от древних времен.

Уже Гомер резко различает поэта и пророка; с одной стороны, среди действующих лиц эпоса мы имеем образы таких пророков, как Мероп и Полиид, с другой стороны — избранных Муз Демодока и Фемия (Phemios). Пророчество, ясно-видение, бросающее взор в тайны будущего, всегда ведет к трагической изолированности; поэзия, освещающая полноту действительности необыденным светом, делает возможными для человека чувства захватывающей удовлетворенности, «автаркии», и восприятие полноты жизни. К существу пророка примешивается всегда что-то темное, так как он постоянно ходит по грани запретных сфер, касается тайн, сообщение которых означает взламывание роковых запоров. Но судьба неизменяема, и на дар пророчества давит как кара то обстоятельство, что пророк видит будущее, видит ужасные последствия каждого шага, но никто не слушает его предупреждающих слов. Кассандра, дочь царя Трои, может послужить примером: бог Аполлон полюбил ее и одарил способностью прорицания, но так как царица не отвечала на его любовь, бог дополнил свой дар жестоким жребием: никто не будет верить пророческим словам Кассандры. Кассандра видит, как подготавливается разрушение Трои, но не может ничего сделать, чтобы предотвратить его, так как ей никто не верит. Судьба Кассандры не является особенной и исключительной, это не только кара для сопротивлявшейся богу девушки, это типичная судьба пророка. Такова же судьба Лаокоона, и у Гомера неоднократно подчеркивается, что способность предвидеть будущее составляет трагедию отца, теряющего сына. Например, Мероп знал, что два его сына, Адрест и Амфион, погибли под Троей, Полиид («Многознающий») также предвидел смерть своего сына Эвхенора, но ни один из них не мог

удержать рвущихся в бой сыновей. Редко среди пророков встречается такой отважный и победоносный герой, как Меламп, образ которого напоминает сказочных героев, выполняющих свое исключительное назначение при помощи благодарных животных — например в венгерской сказке «Бедняк и сын змеиного царя».

Но только в образе Мелампа предание скорее восхваляет мудрость, близкую к природе, чем дар прорицания, стоящий над природой. Наоборот, «счастлив тот, кого любят Музы», — поет Гесиод; а позднее Каллимах и Гораций, варьируя гесиодовское положение, создают сияющий образ поэта, на которого Музы еще в пору его детства обратили благосклонный взор. Целый ряд мифов говорит о сынах Муз, в которых греки видели божественные образцы поэта и с которыми предание часто связывало возникновение поэтического жанра, представляющего основную форму народной поэзии. К таким избранникам прежде всего относится Лин, сын музы Урании, которого считают изобретателем пения и первым учителем пения среди людей и которого Аполлон убил, так как завидовал его искусству; таков Гименей, сын музы Терпсихоры, который на собственной свадьбе внезапно исчез из глаз людей, затем Иалем, сын Аполлона и музы Каллиопы, который также умер в юности. С именами первого и последнего предание связывало известные печальные песни — «лины» и «иалемы»; в воспоминание о Гименее, согласно преданию, поют свадебные песни «гименеи», с пением которых первоначально оплакивали и разыскивали прекрасного юношу Гименея.

Та печаль, которая окружает память умерших в юношеском возрасте сыновей Муз, никоим образом не может быть сравнима с тенью, сопровождающей мифических прорицателей. В образах сыновей Муз выражена неизменная связь красоты и юности; трогательная нежность поэтически прекрасного, сияющий отблеск которой хранит юность, — один из вечных образов поэзии. На это ссылается один из фрагментов Пиндара: трех смертных сыновей оплакивает бессмертная Муза; один из них — Лин, певец печальных песен, второй — едва вступивший в брак Гименей, которого похитила богиня судьбы Мойра, третий — Иалем, силы которого в юности изнурила болезнь... Мусей — не сын Муз, а только их ученик, но своим поэтическим полетом — согласно одному афинскому преданию, сам северный ветер Борей учил его взлетать в высоту — он заслужил то, что после смерти в подземном мире его лоб был обвязан снежно-белой повязкой, отмечавшей благодетелей человечества.

Здесь нам следует говорить не только о мифологических образах поэзии, но и о тех легендах, которые связаны с истори-

ческими личностями действительно живших поэтов, считавшихся избранниками Муз. Был ли Орфей исторической личностью или героем мифов, выражающих греческую оценку значения поэзии, героем, которому впоследствии приписывали создание мистической секты «орфики», в настоящее время не является окончательно решенным вопросом. Но несомненно, что вокруг образов Гомера и Гесиода сложился настоящий цикл преданий. Часть сохранившихся фрагментов хоровых песен Гомера и Гесиода история литературы считает принадлежащими Ивику. О поэте Ивике легенда рассказывает, что его жестоких, бесчестных убийц выдали правосудию единственные свидетели смерти поэта — журавли. Едва ли найдутся великие греческие поэты, биография которых не приняла бы в предании более или менее легендарного оттенка. Среди римских поэтов в первую очередь назовем Вергилия, вокруг образа которого быстро возникла легенда, продолжавшая развиваться даже в средние века.

Мы наметили основные черты науки о мифологии и дополнили свой очерк мифологическими представлениями греческого народа, выраженными в мифах о Музах и их избранниках. Наша цель была облегчить нашим читателям оценку с исторической точки зрения тех мифов, которые будут приводиться в дальнейшем. После всего сказанного мы теперь можем давать уже более краткие разъяснения. Греческую мифологию и почти непосредственно примыкающую к ней римскую в дальнейшем мы будем показывать по возможности на основе классических текстов, осторожно заполняя обнаруживающиеся то здесь, то там пробелы с помощью сличения данных, будем показывать и ту и другую мифологию такими, какими они, согласно нашим исследованиям, являлись в древности, служа основой поэзии и искусства; при этом исследователь классической мифологии не стыдится признаться, что ему хочется не только сообщить читателю сведения по мифологии, но и научить его любоваться ею. Любоваться уже и тогда, когда автор раньше классических мифов изложит несколько преданий, говорящих о поэтах, о детях и избранниках Муз. На фоне этих преданий также можно распознать там и здесь следы глубокой древности, представление о могуществе магических сил пения и музыки, влияющих на силы природы. Но в большей степени эти предания по своим мотивам, указывающим на древние образы мифов, выражают следующее: уважение народа по отношению к поэтам, которые верно охраняли мифологию и творчески ее перерабатывали, радовали своими произведениями сердце и душу, поднимали сознательность человека на более высокую ступень, возвращали народу, богато разработав, то, что получили от народа.

ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА

Орфей был сыном музы Каллиопы и речного бога Эагра, по другим данным — самого Аполлона. Его дивно-прекрасное пение смягчило даже владыку подземного мира. Однажды супруга Орфея, Эвридика, играла на берегу реки со своими подружками дриадами, богинями деревьев, как вдруг их застал врасплох Аристей, сын Аполлона, бог-пастух и любитель пчел. Эвридика убежала от него и на бегу не заметила среди высокой травы змею. Змея укусила ее, и змеиный яд стал причиной смерти Эвридики. Громким плачем хора дриад наполнились горы, с ними плакали кряжи горы Родопа, вершина Пангайон, воинственная земля Рес, народ гетов, река Гебр и вся Фракия. Сам Орфей искал утешения в музыкальных звуках лиры и, одиноко бродя по берегу реки, воспевал только Эвридику; он пел о ней, когда вставало солнце, он пел о ней, когда солнце садилось. Затем он отправился к пещере Тэнар, к зияющей пропасти входа в подземный мир, в ужасе перед мраком спустился туда и добрался до темнеющей рощи. Там он обратился к ужасному владыке подземного царства, чтобы умиловать его сердце, не знающее жалости к человеку. От пения Орфея пришли в движение легкие тени, покинувшие свои жилища в тайных глубинах Эреба; лишенные солнечного света подобия людей, они были подобны тысячам птиц, скрывающихся в листве ветвей, когда ночной или зимний вихрь с гор гонит их. Шли матери и мужи, великие герои, которые немало боролись в жизни, дети, незамужние девушки, юноши, которых раньше родителей возложили на погребальный костер, и все те, кого связывает стоячая вода илистой реки Кокита и отвратительного болота, кого держит поток Стикса, восемь раз обтекающий вокруг подземного царства. Пению Орфея дивились во дворце Аида, даже в наиболее отдаленном закоулке самого Тартара, дивились и Евмениды, в волосах которых извивались темно-синие змеи. Кербер забыл закрыть пасти своих трех голов, и остановилось колесо Иксиона. Персефона, царица подземного мира, также умилилась и разрешила Эвридике выйти из подземного царства, обязав ее оставаться позади мужа, когда она будет идти в дневной мир, и наказав, что, пока они не достигнут его, Орфей не должен оборачиваться. Но Орфей потерял разум в тоске по супруге — простительный грех, если бы вообще подземные боги могли признавать прощение, — они уже почти достигли дневного мира, когда Орфей вдруг остановился и обернулся назад. Этим он погубил все, чего достиг, он сам нарушил договор, заключенный с неумолимым владыкой Аорна; три раза раздался хрустящий звук, и Эвридика печально сказала: «И меня, твою несчастную супругу, и тебя, Орфей, погу-

било твое безрассудство! Вот уже призывает меня обратно беспощадный рок, и мои залитые слезами глаза уже снова застилает сон. Прощай, великая ночь охватывает меня и уносит с собой, я могу только протянуть к тебе мою бессильную руку, но я не могу больше быть твоей». И она исчезла из глаз Орфея, как дым, рассеивающийся в воздухе. Напрасно он спешил за тенью, напрасно хотел так много сказать ей; больше уж они не увидели друг друга, и Харон, подземный перевозчик, не согласился еще раз перевезти Орфея через замыкающее подземный мир болото. Что мог он сделать, куда мог направиться, он, у кого смерть дважды похитила супругу? Чем мог он умиловить души мертвых и богов подземного мира? Эвридику, как холодную тень, ужасно уносил челнок по водам Стикса. Говорят, что Орфей целых семь месяцев рыдал под скалами на заброшенном берегу реки Стримона и снова и снова воспевал свою печальную судьбу, и, слушая его пение, смягчались тигры и умилялись крепкие дубы. Так грустит в тени осины печальный соловей, потерявший своих птенцов, которых безжалостный земледелец вынул из гнезда еще не покрытых перьями, и всю ночь птица оплакивает их, сидя на ветке, не прекращая своего пения и наполняя окрестности унылыми жалобами.

Орфею больше не нужна была любовь, он не нашел утешения в новом браке. Одинокó смотрел он на пустынные льды страны гипербореев, на снежные окрестности реки Танаид и вечным инеем покрытые поля*.

АРИОН

В то время, когда в Коринфе правил Периандр, среди певцов не было никого, равного Ариону. Он первый написал дифирамб и научил исполнять его и других в Коринфе. Проведя много времени при дворе Периандра, он захотел побывать в Италии и Сицилии. Здесь он составил себе большое состояние и пожелал снова вернуться в Коринф, а так как он больше всего доверял коринфскому нарсду, то нанял для своего путешествия корабль коринфских моряков. Но эти моряки, когда корабль плыл в открытом море, посягнули на жизнь Ариона, связали его, чтобы выбросить в море и завладеть его сокровищами. Когда Арион понял злой умысел моряков, он стал умолять их, обещая отдать им свои драгоценности, лишь бы они пощадили его жизнь. Но те и слушать его не хотели и лишь разрешили ему выбрать: или он собственной рукой покончит

* Vergil., Georgica, IV, 453—527.

с собой и тогда они похоронят его, как только достигнут берега, или же он может броситься в море, но пусть делает это скорее. Арион находился в затруднительном положении, и ему ничего другого не оставалось, как попросить о единственной милости: если уж он должен умереть, то по крайней мере пусть разрешат ему еще один, последний раз, одевшись в парадные одежды, стоя на скамье для гребцов, спеть, и когда он пропоет свою последнюю песнь, он сам, собственной рукою покончит с собой. Это моряки охотно ему разрешили, даже порадовались, что услышат певца, величайшего из певцов. Они растянулись посреди корабля, Арион же надел нарядную одежду, взял в руки кифару и, стоя на скамье гребцов, пропел торжественную песнь, которой обычно славил Аполлона, а окончив пение, бросился в море, так как хотел умереть в полном наряде певца, с кифарой в руках. На пение Ариона к кораблю приплыл дельфин, он взял певца на спину и доставил его на мыс Тэнар. Там Арион вышел на берег и отправился в Коринф, невредимый, в одежде певца. Когда он прибыл туда, то все рассказал царю.

Периандр не хотел верить чудесной истории и поэтому взял Ариона под стражу и не отпустил его от себя. В то же время он усердно наводил справки о корабельщиках. И когда они также прибыли в Коринф, Периандр призвал их к себе и стал допрашивать, что они знают об Арионе. Эти, конечно, отвечали, что певец живет в Италии и что все у него благополучно, что они оставили его в Таренте в добром здоровье. Но тогда перед ними появился Арион в той же одежде, в какой он бросился в море. Корабельщики перепугались, увидели, что их преступление обнаружено, и больше уже не отрицали его. Так рассказывал народ в Коринфе и в Лесбосе, а во времена Геродота на Тэнаре показывали сделанного из бронзы дельфина средней величины, на спине которого стоял человек, и говорили при этом, что эту статую поставил Арион в память своего спасения*.

ПИНДАР

В Фивах жила супружеская чета — Дефант и Клеодика. У них было двое детей — Эритим и Пиндар.

Эритим посвятил свою жизнь служению богине Артемиде и целыми днями бродил по лесам, занимаясь охотой, Пиндар же был любимцем Аполлона.

Пиндар был еще ребенком, когда однажды он отправился

* Herod., I, 23—24.

в Фивы из предместья, где родился. Стояла жаркая летняя погода, солнце жгло поля. Пиндар устал и во время пути сел отдохнуть в тени густолиственного дерева.

Потом ему захотелось спать, и он так сладко заснул, что широко открыл рот от удовольствия. И тут ему приснилось, что его рот, подобно пчелиному улью, полным-полон жужжащими пчелами. Он очень удивился, пробудившись, так как то, что ему снилось, отчасти оказалось правдой. Одна заблудившаяся пчелка до тех пор порхала туда и сюда, между цветами и спящим мальчиком, пока не обрызгала медом раскрытых губ ребенка. С тех пор с уст Пиндара полились песни, слаще меда. Дефант, сам прекрасно игравший на флейте, истолковал это чудо так, что его сын, когда подрастет, будет мастером еще более известным, чем он сам. Некоторое время он обучал сына, но Пиндар так быстро усваивал знания, что отец скоро закончил свою науку. Он посылал сына к самым лучшим музыкантам Греции, чтобы тот учился у них, овладевал искусством создавать прекраснейшие песни, подобно тому как пчела вбирает в себя мед с цветов, и Пиндар от каждого своего учителя что-нибудь брал. Когда он вырос, то стал самым знаменитым певцом Греции. Прославленные герои и великие цари наперебой просили Пиндара, чтобы он воспел их славные деяния. И он воспевал каждого, кто выделился среди остальных людей каким-нибудь прекрасным поступком. Греческая молодежь через каждые четыре года собиралась на Олимпе, чтобы там в великий праздник Зевса устраивать состязания. Пиндар всегда присутствовал там, и лучшей наградой для соревнующихся была ода Пиндара в честь победителя.

Однажды случилось, что в Дельфы на праздник Аполлона пришла целая толпа паломников с богатыми дарами, с сотнями баранов для жертвоприношения. Среди них был также и Пиндар, но с пустыми руками. С насмешкой спрашивали его остальные: «А что же ты принесешь в жертву Аполлону?» — «Благодарственную песнь», — отвечал Пиндар с поднятой головой, так как знал, что певцы могут принести жертву богу звучными, мудрыми словами. Но паломники только смеялись над ним.

Аполлон же благосклоннее всего принял жертву Пиндара и приказал, чтобы жрецы в день его праздника, прежде чем закрывать храм, призывали у алтаря: пусть придет Пиндар, ибо он приглашен на пир богов! И Пиндар мог пировать вместе с Аполлоном и дельфийскими жрецами, поедая мясо жертвенных животных. В храме был установлен трон, и на него никто не смел садиться — он всегда был свободен и ожидал Пиндара; когда же Пиндар приходил, то, восседая на нем, он исполнял гимны в честь бога Аполлона.

Пиндар воспевал также Пана, и пение поэта так нравилось козлоному смеющемуся богу-пастуху, который сам умел прелестно играть на пастушьей свирели, что он выучил песни Пиндара, пел их и танцевал под их звуки, когда уходил вместе с горными нимфами в долину между горой Меналом и Кифероном.

Боги любили Пиндара, и люди уважали его, и так дожил он до прекрасной старости. Но и в преклонном возрасте он в сопровождении двух дочерей всегда шел туда, где мог прославить победы героических мужей. Ему было уже восемьдесят лет, когда во сне ему явилась Персефона, царица подземного мира, и так сказала ему: «Ты прославил всех богов, и лишь для меня ты за всю твою жизнь не написал ни одного гимна. Не поздно еще исправить свою ошибку, пока ты еще не прибыл в мои владения».

Спустя десять дней Пиндар умер — он как раз в это время принимал участие в праздничных состязаниях в Аргосе. Его сожгли на погребальном костре в Аргосе, а две его дочери собрали драгоценный прах в урну и, громко рыдая, принесли его домой в Фивы. В Фивах жила одна старая родственница Пиндара, которая очень любила исполнять его песни. С сияющим лицом встретила старая женщина двух опечаленных девушек и рассказала им, какой она видела ночью чудесный сон. К ней явился Пиндар и спел свою новую песнь, гимн Персефоне, в котором воспевалась также золотая колесница Аида. Старая женщина, встав утром с постели, записала песнь Пиндара, посвященную подземному миру. Она показала запись двум девушкам, которые утешились и вытерли свои слезы. Так бессмертен сладкозвучный поэт и не умирают его песни, переходя из уст в уста.

На доме, в котором жил Пиндар, жители Фив написали: «Пусть никто не сжигает дома поэта Пиндара!» После смерти поэта его дом чтили как священное место паломничества. Даже враг пощадил его: спустя сто лет после смерти Пиндара, когда завоеватель мира Александр Великий сжигал Фивы, он приказал своим солдатам, чтобы они берегли дом поэта как зеницу ока *.

* *Vitarum Scriptores Graeci Minores* (ed. A. Westermann), p. 90—102.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МИРА (космогония)

И ПОЯВЛЕНИЕ БОГОВ (теогония)

В мире прежде всего существовали Хаос — зияющая пуста-
та или, согласно более позднему толкованию, беспорядочная
путаница элементов, и Эрос, или Любовь, — первая действующая
сила. Источники противоречат друг другу в объяснении
происхождения Урана — Неба и Геи (Ге) — Земли: одни ут-
верждают, что Уран появился ранее Геи, другие говорят обрат-
ное, но в общем все они согласны с тем, что Гея была супру-
гой Урана. Дети Урана и Геи были сторукие великаны
(hekatonkheire) — Бриарей, Котт, Гиес. Их детьми были также
циклопы — Бронт, Стероп и Арг, у которых было по одному
глазу посредине лба. Они изготовили впоследствии для Зевса
молнии под руководством Гефеста в подземной кузнице. Их
кузница находилась, по некоторым преданиям, в глубине Этны,
а по другим местным преданиям — в огнедышащем кратере
другого вулкана. Первые дети Неба и Земли были суровыми
и грубыми великанами, чудовищными и бесформенными обра-
зами туманной древности, еще не сформировавшегося мира.
Среди них не было Полифема, с которым имел дело Одиссей
(гомеровский эпос): это также циклоп, жестокий великан
с единственным круглым глазом, но он сын Посейдона и ним-
фы Тоосы.

Сам Уран ужаснулся чудовищному виду своих детей —
они внушали ужас своей внешностью, отличающейся от облика
людей, — связал их и бросил в Тартар. Тартар представлял
мрачную бездну подземного мира, полную вечной тьмы, уда-
ленную от земли настолько же, насколько удалена земля от
неба. Возникновение Тартара, по некоторым источникам, пред-
шествовало рождению Урана и появлению Неба.

Кроме того, сыновьями Урана и Геи были титаны Океан, Кой, Гипперион, Крий, Иапет и самый младший — Крон. Дочерьми Урана и Геи были Тефия, Рея, Фемида, Мнемосина, Фойба (Феба), Диона и Тея.

Разгневалась Гея на Урана за то, что тот низринул первых их детей в Тартар, и подговорила титанов отомстить отцу. Титаны взялись отомстить за это — лишь Океан не принимал в этом участия, — самый же младший из братьев, Крон, взял у матери серп и изуродовал им своего отца. И в этот момент из пролитой крови Урана родились Эриннии, богини мщения, богини угрызений совести — Аллекто, Тисифона и Мегера. Титаны лишили Урана власти, извлекли из Тартара своих братьев, имевших чудовищные лики, и передали власть Крону.

Крон же снова заковал в цепи и упрятал под землю сторуких гигантов и циклопов. Рею он взял себе в жены. Так как Уран и Гея предсказали Крону, что собственные дети лишат его власти, то он сразу же после рождения своих детей — Гестии, Деметры, Геры, а затем и Аида (или иначе Плутона) и Посейдона — поглотил их. Поэтому Рея, когда ждала своего самого младшего сына, Зевса, скрылась от Крона на остров Крит, а когда Зевс родился, запеленала камень и передала его Крону. Крон проглотил камень. Когда же Зевс вырос, он осуществил пророчество. Зевсу помогла дочь Океана Метида (Мудрость): она дала Крону снадобье, от которого тот изрыгнул всех проглоченных им детей по порядку. На самом верху был камень. Он и вышел первым. Следом за ним снова увидели свет в порядке, обратном своему рождению, Посейдон, Плутон, Гера, Деметра и Гестия. Поэтому и можно было считать Гестию, или Гистию, богиню домашнего очага, одновременно и самой старшей и самой младшей в «третьем поколении богов».

Затем Зевс начал войну против Крона и титанов. Уже десять лет продолжалась война, когда Гея предсказала, что победит тот, кто призовет на помощь пленников Тартара. Зевс освободил из Тартара циклопов и сторуких великанов. Тогда то и изготовили циклопы Зевсу молнию, Аиду — шлем, делавший его невидимым, а Посейдону — трезубец. В ожесточенной борьбе, сопровождаемой громом, потрясавшим небо и землю, и ужасным шумом моря, Зевс победил Крона и остальных титанов. Теперь уже Зевс отправил их в Тартар, приставив к ним в качестве охраны сторуких великанов. Три сына Крона разделили между собой мир. Зевсу досталась власть на небе, Посейдону — на море, а Плутону — в подземном мире.

Потомками титанов являются дочери Океана и Тефии — три тысячи океанид, а также Азия, Стикса, Электра, Дорида, Эвринома, Амфитрита и Метида. Дочери Коя и Фойбы — Астерия и Латона. Дети Гиппериона и Теи — Эос (Рассвет),

Гелиос (Солнце) и Селена (Луна). Дети Крия и Еврибхи (дочери Понта) — Астрей, Паллант и Персей. Сыновья Япета и Азии — Атлант, который на своих могучих плечах держит Небо, Прометей, Епиметей и Менетий. Дети Эос и Астрея — Ветры и Звезды, дочь Персея и Астерии — Геката, трехликая богиня подземного мира. Дети Палланта и богини Стиксы — Ника (Победа), Кратос (Сила), Биа (Насилие), Зелос (Зависть).

Изо дня в день детьми Гиппериона и Теи разыгрывается величественное небесное представление, в котором второстепенные роли играют также звезды, бог Пан и земной охотник Кефал, человек, влюбленный в богиню Эос. Четверка крылатых коней влечет из пены морской огненную колесницу Гелиоса, с появлением которой на небосводе звезды одна за другой тонут в море. Лишь рассветная звезда Фосфор (по-латыни — Люцифер), «светоноситель», спокойно ожидает появления солнца. На другой же стороне небосвода на быстром коне удаляется Селена, богиня Луны, которой надлежит при появлении ее старшего брата удаляться. Пан, козлоногий бог полей, испуганно смотрит вослед неожиданно исчезающей своей возлюбленной. Впереди Гелиоса появляется Эос, розоперстая богиня рассвета, которая в это время встречается со своими земными возлюбленными Кефалом или с Орионом. Кефал и Орион смертные возлюбленные Зари, знаменитые охотники, уже на ранней заре нарушают со своими охотничьими собаками тишину леса. Однажды сын Гелиоса, Фаэтон, попытался выехать на огненной колеснице солнца на небосвод, но не смог удержать крылатых коней своими слабыми руками. Он слишком низко катил огненную колесницу, так что земля чуть было не вспыхнула. За это преступление Зевс поразил насмерть молнией дерзкого сына Гелиоса. Сестры Фаэтона оплакивали его, из их слез возник янтарь, а сами они превратились в ольхи.

В борьбе титанов, титаномахии, одного из младших титанов, Менетия, постиг гнев Зевса. Его вместе с братьями Крона низринул Зевс в Тартар. В то же время Стикса со своими четырьмя детьми — Победой, Силой, Завистью и Насилием — помогала Зевсу. В награду за это Зевс в ее честь сделал самой священной клятвой клятву водами Стикса, ниспадающими со скал подземного мира.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Было время, когда боги уже существовали, а поколения смертных — еще нет. Когда же пришло predetermined судьбой время для появления смертных существ, боги сотво-

рили их в глубине земных недр из земли и огня, из материала, полученного от смешения земли и огня. Но прежде чем выпустить их на свет, боги поручили двум братьям-титанам, Прометею и Епиметею, чтобы те украсили смертных и наделили их — каждый род и вид — различными способностями. Но Епиметей упросил Прометея поручить только ему наделение смертных способностями:

— Я займусь распределением, — сказал он. — Достаточно будет, если ты только последуешь за этим.

Прометей согласился, и Епиметей начал свое дело.

Одним существам он дал силу без быстроты, а слабых наделил быстротой. Были и такие, кому он дал оружие для самозащиты, других же оставил без оружия, снабдив их для защиты другими качествами. Тем из живых существ, которые имели малое тело, он дал крылья, служащие средством спасения, или предоставил им убежище в недрах земли. Тем же, кому он позволил очень вырасти, достаточной защитой служила их величина. Так поделил он и другие свойства, обеспечив их должное равновесие. Ибо он заботился о том, чтобы ни один из родов не был уничтожен. В первую очередь он стремился обеспечить безопасность живых существ в отношении друг друга. Но он подумал и об изменениях времен года, идущих от Зевса. Поэтому покрыл он живые существа густым мехом и толстой кожей для защиты от зимнего холода и летнего зноя. И когда они ложатся отдыхать, то мех и кожа служат им постелью. Ноги живых существ он защитил или копытами, или когтями, или твердой и бескровной кожей. Позаботился Епиметей и о различной пище: одним он предназначил в пищу траву, растущую на земле, другим — плоды деревьев или коренья, но были и такие, которым он позволил пожирать животных. Одним он дал меньшую плодовитость, другим же, которые подвергались большим опасностям, — большую, ибо во всех случаях он имел в виду сохранение каждого рода.

Однако Епиметей не был достаточно мудр. Он беззаботно расточил все способности и все свойства. Род же человеческий остался невооруженным и неодаренным. И теперь Епиметей уже не знал, что ему делать. В это-то время и пришел к нему Прометей, чтоб узнать, что вышло из этого распределения свойств. Прометей увидел, что все живые существа в меру снабжены всем необходимым, а человек гол, с головы до пят на нем нет ничего, что бы защищало его тело и ноги. Не имеет он ни меховой шубы, ни оружия, ни других средств для поддержания жизни. А день, предназначенный судьбой для выхода человека из глубин земли на белый свет, уже наступал. Тогда Прометей, оказавшийся в столь затруднительном

положении и не найдя другого выхода, который обеспечил бы сохранение человека, похитил у Гефеста и Афины искусство ремесел вместе с огнем — ибо без огня нельзя ни научиться ремеслам, ни пользоваться ими — и даровал их человеку.

Так человек получил мудрость, необходимую для существования, но он не владел еще искусством управления государством. Им владел Зевс, а Прометею нельзя было более входить во дворец Зевса. Да и стража Зевса была устрашающая. Он сумел лишь тайно пробраться в жилище Афины и Гефеста, в тот общий их покой, где они вдвоем занимались ремеслом. Похитив у Гефеста огненное ремесло кузнеца, а у Афины — ее мастерство, он передал их человеку. В результате жизнь человека была в значительной степени облегчена, а Прометея впоследствии постигло наказание за похищение огня и ремесел.

Получив часть того, чем владеют боги, человек впервые, единственный из всех живых существ, благодаря общему с богами достоянию уверовал в богов и воздвиг для них алтари и статуи. Вскоре он, занимаясь ремеслом, научился говорить, изготовил себе дом, одежду, обувь, ткани, а обрабатывая землю, стал добывать пропитание.

Так люди жили в самом начале, отдельно друг от друга, ибо города еще не были возведены. Дикие звери уничтожали людей, потому что люди были слабее зверей во всех отношениях. Ремесло помогало людям только доставать себе пропитание, но не могло помочь им в борьбе против диких зверей. Искусство управления государством также еще не было известно людям, а ведь военное дело составляет часть его. В одиночку люди ничего не могли достигнуть, поэтому они старались объединяться и основывали города, дабы защитить себя. Когда же люди собирались вместе, они обижали друг друга, ибо они еще не умели управлять государством. Снова рассеивались они и продолжали гибнуть. Зевс даже испугался, что окончательно погибнет род людской. Послал он Гермеса, чтобы тот принес людям Айдос (Совесь) и Дикэ (Справедливость). Они должны были установить среди людей порядок и объединить их узами дружеского согласия. И спросил Гермес Зевса, каким образом распределить среди людей совесть и справедливость.

— Должен ли я наделить ими так же, как мастерством. Мастерство распределено так: если есть среди людей один, способный врачевать, то его достаточно для многих людей. Так же обстоит дело с прочими мастерами. Должен ли я так же поделить между людьми справедливость и совесть или каждый человек должен получить их?

— Каждый человек — ответил Зевс, — ибо никогда не будут выстроены города, если совесть и справедливость получают лишь немногие, как это обстоит с мастерством. И объяви людям от моего имени закон, что тот, кто не способен внимать голосу совести и справедливости, тот должен быть удален из города как зачумленный*.

МОМ

Творения богов нашли судью в лице Мома, который первоначально сам обитал на Олимпе среди блаженных богов.

Зевс создал быка, Прометей — человека, а Афина — дом. Они спросили Мома, как он оценивает их работу. Но тот позавидовал богам в их творениях и тотчас начал с того, что Зевс ошибся: быку-де нужно иметь два глаза на рогах, чтобы видеть, кого бодать. Затем упрекнул Прометея, что тот не поместил сердце человека снаружи. Если бы он сделал это, то не оставались бы в тайне злодеяния и можно было бы видеть, у кого какие намерения. Афина же должна была снабдить дом колесами, чтобы легче было уехать от плохого соседа.

Но Зевсу уже надоели эти постоянные придирки, и он в гневе сбросил Мома с Олимпа, навсегда изгнав его оттуда**.

ПАНДОРА

Боги скрыли под землей то, что является жизнью для людей, то есть пищу. Иначе, конечно, легче был бы наш труд. Работой одного дня мы могли бы прокормиться в течение года, а все остальное время могли бы проводить в бездействии, не работая. Тогда моряк повесил бы в дыму очага корабельный руль, а земледелец не принуждал бы к тяжелому труду ни волов, ни мулов. Но Зевс разгневался и в гневе спрятал хлеб под землей, так как его обманул хитрый Прометей. За это Зевс и наслал на людей множество забот и бед.

Сначала Зевс спрятал огонь. Но Прометей, сын титана Иапета, похитил его у Зевса для людей, спрятав его в пустом стебле растения нартек, так что не увидел его любовавшийся молниями бог. Когда же Зевс заметил это, он в гневе пригрозил:

* Plato, Protag., 11—12.

** *Fabulae Aesopicae*, Ed. Halm, 155

— Сын Иапета, ты хитрее всех, но это напрасно. Теперь ты радуешься, что похитил огонь и перехитрил меня, но тебе это будет дорого стоить и люди за это поплатятся: я дам им нечто такое, что все они будут любить, не замечая того, что обнимают собственное несчастье.

Так говорил, смеясь, отец богов и людей и приказал Гефесту, знаменитому богу-кузнецу, быстро смешать землю с водой и из этой смеси вылепить прекрасный образ девушки, похожей на богинь. Афине он приказал научить ее женским работам, тканью и прядению, а золотой Афродите приказал излить на ее голову прелести Харит и неутолимую жажду любви, сладкие и изнурительные заботы любви. Гермес же должен был дать ей бесстыдство и двуличную, лживую душу. Боги повиновались Зевсу. Хромой кузнец быстро слепил из земли образ, подобный стыдливой деве. Афина опоясала и украсила ее. Хариты и царственная Пито, богиня убеждения, уговоров, надели на нее золотое ожерелье. Прекрасноволосые Оры, времена года, увенчали ее весенними цветами. В грудь ей Гермес вложил обманы, наделил ее речью, полную соблазнов, и хитрой, лживой душой, как приказал Зевс. Он же, посланец богов, дал устам ее голос и нарек ее Пандорой, Даром всех, ибо каждый обитатель Олимпа что-нибудь подарил ей на погибель бедным людям, питающимся хлебом. Гермесу же Зевс поручил отвести ее в дар Епиметею как первую женщину.

Епиметей же не принял во внимание предостережение Прометея. Ведь предусмотрительный титан говорил ему, чтобы он не принимал дара от олимпийского Зевса, а отослал бы его обратно, чтобы смертные не пострадали из-за этого дара. Епиметей же принял Пандору. И только когда зло было уже здесь, он спохватился.

Ведь до этого человеческие племена жили на земле без заботы и горя. Щадили их и болезни, приносящие смерть. Но вот женщина нашла дома сосуд и, несмотря на запрещение Епиметея, из любопытства открыла крышку и рассыпала все то, что было в сосуде: множество забот и бед. Одна Надежда осталась за краем сосуда и не успела вылететь из него, так как Пандора по воле Зевса захлопнула крышку сосуда. Но с того времени тысячи бед свободно блуждают среди людей, ими полны земля и море. Болезни сами приходят днем и ночью и приносят смертным множество страданий, крадучись в тишине, так как мудрый Зевс лишил их голоса, чтобы никто не смог избежать того, что ему предназначено*.

* Гесиод, Труды и дни, ст. 42—105.

ВЕКА ИСТОРИИ

Первое поколение людей жило в золотом веке. Правил ими еще Крон, так как он тогда был властелином неба. Люди в золотом веке жили беззаботно, словно боги, без трудов и без горя. Не было тогда печальной старости, руки и ноги людей, пока они были живы, всегда были сильны. Люди до конца своих дней не могли нарадоваться на свою цветущую молодость. Умидали же люди спокойно, как бы погружаясь в сон. Каждый из них имел свою часть во всяком благе. Плодородное поле само приносило обильный урожай, не вызывая ни в ком зависти. Люди же, имея достаточно времени, могли делать то, что хочется. Были они богаты и любимы блаженными богами. После того как это поколение приняла в себя земля, люди эти по воле великого Зевса превратились в добрых духов, в бродящих по земле защитников людей. Они охраняют справедливость и предупреждают злодеяния. Скрытые мглой, обходят они всю землю. Они же делят между людьми богатство, ибо им достался этот царский дар.

Затем олимпийские боги создали второе поколение, уже гораздо худшее. Наступил серебряный век. Люди этого века уже не могли сравниться с людьми золотого века ни телом, ни душой. Они все еще жили долгий век. До столетнего возраста они росли неразумными в доме своих матерей. Став же взрослыми, люди жили недолго, и много было у них горя из-за собственной глупости, потому что не могли они удержаться от насилия друг против друга. Не хотели они служить и бессмертным богам. Не хотели приносить им жертвы на алтарях, как надлежит людям по их законам и обычаям. Сын Крона, Зевс, запрятал их под землю в гневе за то, что они не воздавали почестей обитателям Олимпа. После того как земля приняла в себя людей серебряного века, смертные стали называть их блаженными подземными жителями. Занимают они лишь второе место, но все же и им воздаются почести.

Тогда Зевс-отец создал из ясеня* третье поколение владеющих даром речи людей. Это были люди медного века, уже несравнимые с поколением века серебряного. Это был страшный и жестокий род, радеющих только о гибельном искусстве Ареса и признающих лишь грубое насилие. Люди эти не ели хлеба. Их жестокие души были тверды, словно сталь. Никто не мог к ним приблизиться. Они обладали огромной силой, и неодолимые руки росли из их плечей. Их оружие было из меди, из меди же они строили себе дома и работали медными орудиями. Черного железа тогда еще не существовало. Люди

* Из древка копья.— *Прим. ред.*

медного века истребили друг друга собственными руками и так сошли в душное обиталище Аида, не оставив своего следа и имени. Черная смерть унесла их; как ни ужасны они были, но и им суждено было покинуть солнечный свет.

После того как земля приняла в себя и это поколение, Зевс снова создал на земле, дающей пропитание многим существам, четвертый род людской, более справедливый и более достойный, чем предшествующий. Это был божественный род героев, которых на земле зовут также полубогами. Их погубила тяжелая война, человекоубийственная борьба. Часть их погибла на родине Кадма, в семивратных Фивах, в борьбе за стада Эдипа, другая часть — под Троей, куда они прибыли по широкой поверхности моря на своих кораблях ради прекраснокудрой Елены. После их смерти Зевс установил для них образ жизни и обычаи, отличные от людских, и поселил их на краю земли, вдали от бессмертных богов, Крон стал их владыкой, после того как Зевс разбил его оковы. Там, на Островах Блаженных, рядом с глубокими пучинами Океана, живут с беззаботной душой счастливые герои; трижды в год плодородные поля приносят им сладостный урожай.

Теперь наступил пятый период — железный век. Угнетенным людям железного века усталость и нужда не дают покоя ни днем, ни ночью. Тяжелыми заботами наделили их боги. Но за это к множеству зол боги примешали им и кое-какие блага. Когда-нибудь и этот род людей будет уничтожен Зевсом, тогда и будет дан к тому знак: люди станут рождаться с седой головой. В течение этого последнего века будет усиливаться угнетение и всяческое зло. Отец и сын не смогут друг с другом поладить. Не будут любить друг друга ни хозяин и гость, ни друзья, ни братья, как это было раньше. Люди не будут почитать состарившихся родителей и даже будут бранить их нечестивыми словами, не боясь мести богов. Не будут воздавать старым родителям благодарности за то, что те воспитали их. Собственными руками будут творить суд друг над другом, разрушая города друг у друга. Не будет почета тому, кто хранит клятву, не будет почета ни правде, ни добру. Более всего будут чтить злодеев и насильников. Право будут держать в своих кулаках. Совесть исчезнет. Злодей будет вредить более достойному человеку, говоря ему лживые слова и произнося ложные клятвы. Зависть будет давать дурные советы несчастным людям, злорадно сопровождая их ехидным взглядом. Тогда, закутав свои прекрасные тела в белые одежды, покинув людей, уйдут с широкой земли на Олимп, к бессмертным богам, Айдос и Немезида — богиня целомудренной совести и богиня справедливого возмездия. Для людей останутся только ужасные страдания, и не будет ничего, что могло

бы устранить зло. Хорошо тем, кто умер до наступления железного века или кто родится в далеком будущем и доживет до золотого века *.

ПОТОП

Сохранился миф, согласно которому земля взрастила первых людей из пролившейся крови гигантов, восставших против олимпийских богов.

Этот род людской был безбожен и любил насилие, подобно самим гигантам. Видно было, что эти люди произошли из крови. Зевс с Олимпа увидел их преступления, в страшном гневе собрал богов на совет и объявил, что уничтожит этих людей. Были среди богов такие, которые одобряли слова Зевса и даже разжигали его гнев, но все же они не хотели полного уничтожения людей, с тревогой спрашивая: что будет с землей, если она останется без людей, и кто принесет тогда фимиам на алтари богов? Или Зевс хочет отдать всю землю диким зверям? Но царь богов остановил тревожные вопросы, заявив, что об остальном он позаботится сам, и обещал произвести чудесным образом новое поколение, которое не будет похоже на первых людей.

Он совсем уже было низверг молнии на землю, но побоялся, как бы от столь сильного огня не воспламенился священный эфир и не сгорела бы земная ось. Зевс вспомнил предсказание рока, что наступит время, когда море, земля и дворец владыки неба будут охвачены огнем, когда запылает небо и рухнет все искусно построенное здание мира. Он отложил оружие, приготовленное руками циклопов, и выбрал противоположный род наказания за грехи людей, решив пролить над всей землей такой дождь, чтобы весь род смертных утонул в волнах. Зевс запер северный ветер в пещеру Эола, царя ветров, а вместе с ними остальные ветры, которые только рассеивают собравшиеся тучи, и выпустил Нот, южный ветер, приносящий дождь. Вылетел Нот на своих влажных крыльях, пряча в кромешной тьме свой предвещающий беду лик. С его бороды, тяжелой от туч, и с седых волос полилась вода. Его лоб, грудь и мокрые крылья окутал туман. Как только Нот сжимал огромною рукою нависшие тучи, начинался треск и грохот и заключенный в тучах дождь ливнем низвергался с неба. Вестница Геры, Ирида, одетая в пеструю одежду, собирала отовсюду воду, чтобы напоить ею тучи. Вода смыла посевы, на которые надеялся земледелец, и унесла их, погубив все труды долгого года.

* Гесиод, Труды и дни, ст. 109—201.

Но Зевс не удовольствовался небом, свсей собственной державой. Его синий брат находился при нем со своим вспомогательным войском — с волнами. Посейдон созвал реки, и, когда те вступили в его дворец, он сказал им:

— Теперь не время для долгих речей. Выступайте из берегов со всей силой — так должно быть. Отворите все ваши источники и, срывая плотины, дайте свободу вашему течению.

Таков был приказ. Реки покинули дворец своего царя, расширили устья своих источников и в неудержимом беге сплошным потоком понеслись к морям. Сам Посейдон ударил своим трезубцем землю, потряс ее и этой встряской освободил путь воде. Выйдя из своих берегов, реки разлились по открытым полям, унося вместе с посевами вырванные из земли деревья, скот, людей, сорванные кровли, святилища с их алтарями. Если же оставались какие-нибудь дома неразрушенными, то и их, не разрушая, заливали огромные волны. Даже башни и те исчезали в потоке воды. Уже не стало разницы между морем и землей, всюду было сплошное зеркало воды, и у этого зеркала не было берегов.

Люди спасались кто как мог. Одни искали холмов повыше, другие садились в лодки и работали веслами там, где еще недавно они пахали. Одни плавали над своими посевами, над затопленными домами, другие снимали рыб с верхушек вязов. Бывало так, что люди бросали якорь на зеленеющем лугу или выгнутый киль их лодок задевал за виноградник. И там, где недавно грациозные козлята щипали траву, теперь разлеглись безобразные тюлени. Дочери Нерее с удивлением рассматривали под водсой рощи, города, дома. Дельфины заполнили леса, забрались на высокие ветви и толкали, сотрясая, стволы дубов. Там плавал волк среди овец, потоки несли желтых львов, тигров. Дикий кабан не пользовался более своей силой, а унесенный течением олень — своими быстрыми ногами. Не найдя ни кусочка суши, чтобы можно было на нем отдохнуть, тонула в море измученная птица. В своей безграничной свободе море скрыло холмы, а новые волны уже бились у горных вершин. Поток унес с собой большую часть людей, тех же, кого он пощадил, медленно погубил голод*.

ДЕВКАЛИОН И ПИРРА

Беотию от района Эты отделяет Фокида. Это была плодородная земля, пока она была землей, но во время потопа она стала частью моря, широкой поверхностью неожиданно раз-

* Ovid., Metamorph., I, 156—312.

лившихся вод. Там поднимались к звездам две вершины крутой горы. Называли эту гору Парнасом; вершины ее возвышались над облаками.

На этой горе остановились Девкалион, сын Прометея, и его жена Пирра, дочь Епиметей. Все другие места были уже покрыты морем. Они обратились с молитвой к нимфам пещеры Корикион и к богам этой горы, а также к провозвестнице решений рока Фемиде, оракул которой находился тогда в этом месте. Не было мужчины более доброго и справедливого, чем Девкалион, не было женщины, набожней его жены. Когда Зевс увидел, что всю землю уже покрыли болота и что из множества мужчин и женщин остались в живых только один мужчина и одна женщина, оба праведные и богобоязненные, он рассеял тучи и, разогнав северным ветром дождь, показал небу землю, а земле — чистое небо.

Ярость моря утихла, владыка моря, спрятав свой трезубец, успокоил морские волны. Он позвал шатавшегося без дела синего Тритона, плечи которого были покрыты пурпурными улитками, и приказал ему трубить в раковину, дав тем сигнал для возвращения на прежнее место морским волнам и разлившимся рекам. Взял Тритон свою выпуклую, расширяющуюся кверху, изогнутую трубу, которая, если дуть в нее, наполняет своими звуками берега сразу и на востоке и на западе. Так и теперь, как только труба коснулась уст Тритона, влажных от его мокрой бороды, и как только Тритон по приказу Посейдона заиграл отбой, трубу слышали все волны и на море и на земле. И укротила труба все волны. Потоки стали спадать, холмы постепенно стали выходить из воды. Море снова обрело берега, а реки вошли в свои прежние русла. Выступила земля; по мере того как вода убывала, все увеличивались пространства суши. Наконец по прошествии долгого времени показались вершины лесных деревьев, лишённые листвы. На их ветках висела тина.

Восстановился прежний мир, но был он пуст и безжизнен. Над опустошенными полями господствовала глубокая тишина. Увидел это Девкалион и со слезами на глазах обратился к Пирре:

— О сестра моя, супруга моя, единственная женщина на земле, с кем я связан племенными, родственными и, наконец, брачными узами! Ныне нас связывает еще и опасность. Мы вдвоем теперь составляем все население земли, простирающейся на запад и на восток, а все остальные люди сделались добычей моря. Но и наша жизнь в опасности, ибо тучи все еще пугают наши души. Что бы ты чувствовала, бедная, если бы судьба пощадила только тебя, не пощадив и меня? Как могла бы ты перенести страх, если бы осталась одна, кому бы ты тогда

стала жаловаться и кто бы тебя стал утешать? Ибо, поверь, если бы море взяло тебя, я последовал бы за тобой, супруга моя, и меня также взяло бы море. О, если бы я смог возродить человечество искусством моего отца, Прометея, если бы я мог, подобно ему, вдохнуть душу в глиняные слепки! Ныне род смертных состоит только из нас двоих, боги пожелали оставить нас в качестве образца людей.

Так говорил Девкалион жене, и оба они плакали. Затем они решили обратиться с мольбой к богам-небожителям и просить у них помощи при посредстве священного оракула. Не долго думая отправились они вместе к волнам реки Кефис, которые хоть и не были еще чисты, но текли по крайней мере уже в прежнем русле. Там они зачерпнули воды и окропили ею свои одежды и головы, а затем направились к храму Фемиды. На кровле его желтела грязная тина, а алтари стояли без священного огня. Достигнув ступеней храма, оба они склонили головы, пали ниц и, трепеща, стали целовать холодный камень. Они обратились к богине с такой молитвой:

— Если наша молитва смягчит непреклонную волю богов, если утихнет божественный гнев, то скажи, Фемида, каким образом можно поправить бедствия, принесенные гибелью нашего рода, и помоги затопленному миру, самая милостивая из богинь!

Поддействовали благочестивые слова на богиню, и она изрекла:

— Удалитесь из моего храма и покройте головы. Развяжите пояса ваших одежд и бросайте кости вашей великой матери себе за спину.

Долго они молчали в изумлении. Наконец речь Пирры нарушила тишину. Пирра отказывалась повиноваться такому приказу. Дрожащими устами она просила прощения у богини: она боялась потревожить тень своей матери, бросая ее кости. Затем они повторяли непонятные, туманные слова оракула, вновь и вновь обдумывая прорицание. Наконец сын Прометея кроткими словами успокоил дочь Епиметея:

— Или изменяет нам наша прозорливость, — сказал он, — или благожелательны слова прорицания и не советуют они нам ничего греховного. Великая Мать — это Земля, а кости в теле ее — это камни. Их и приказывает оракул кидать за спину.

Обрадовалась Пирра словам своего мужа, но оба они боялись, что надежда их обманчива, настолько они не были уверены в совете неба. Но что им стоит попробовать? Они сошли с горы, покрыли свои головы, распоясали свои одежды и, как требовало приказание, стали бросать камни себе за спину. И камни скал — кто бы этому поверил, если бы древнее предание не засвидетельствовало этого? — стали постепенно те-

рять свою твердость, все более размягчаться, а размягчившись, начали принимать определенные формы. По мере того как они вырастали и делались мягче, можно было узнать в них человеческий образ, как в скульптуре, формирующейся из куска мрамора в руках ваятеля. Из их более влажных, землистых частей образовалось мясо, мышцы, из более твердых, не поддающихся сгибанию частей вышли кости. Там, где в камне были жилы, остались они и в человеческом теле.

В скором времени по воле богов возродился человеческий род. Из камней, брошенных мужем, появились мужчины, а из камней Пирры — новые женщины. Потому-то мы, люди, стали стойким, терпеливо переносящим все трудности поколением. Этим мы свидетельствуем, что произошли от твердых камней*.

* O v i d., Metamorph., I, 313—415.

ОЛИМП

В самой северной части Греции на границе Фессалии и Македонии стоит Олимп, самая высокая гора Греции. Его вершины, поднимающиеся к небу, большую часть года покрыты снегом. Поэтому эпитеты, которыми Гомер наделяет Олимп, например «снежный» и «многовершинный», отражают действительность, так как вершина его покрывается снегом, а горный хребет расчленяется и как бы делится на несколько вершин. Но совсем иначе тот же Гомер, да и позднейшие поэты изображают Олимп как местопребывание богов. Это изображение не основано на физических познаниях, оно — творение греческой мифологии, не имеющее отношения к миру природы. Все же пленительно-величавое зрелище фессалийского Олимпа, открывающееся со стороны Термейского залива, приводит в восторг приближающихся к нему путников и делает понятным, почему мифы об Олимпе связываются именно с этой горой.

Характерно, что когда Греция находилась под турецким владычеством, турки также называли Олимп «Семоват еви», то есть «Жилище небесных».

Самые высокие вершины горы вечно окутаны облаками; понятно поэтому, почему уже Гомер вместо «Олимп» часто говорит «небо». «Небожители» и «олимпийские боги» у Гомера нередко одно и то же; поэт не видит противоречия в том, что он описывает вечную весну, царящую на Олимпе, и в то же время в другом месте упоминает о снежных вершинах Олимпа. Здесь, на мифическом Олимпе, находится вечное местопребывание богов. Ветра здесь никогда нет, дождя не бывает, снег не покрывает почву. Над Олимпом всегда расстилается ясное, безоблачное небо, и яркий блеск пронизывает всю вершину. На Олимпе Зевс созывает богов на совет. Олимп постоянное ме-

сто беззаботных пиршеств богов. На этих пиршествах Аполлон играет на лире и Музы, чередуясь, поют различные песни. Юная богиня Геба наполняет кубки пурпурным нектаром, или же их наполняет Ганимед — чудесный сын Троянского царя; орел Зевса, похитив Ганимеда, перенес его на Олимп, в общество бессмертных, чтобы здесь он стал виночерпием Зевса. Боги живут здесь в вечной беззаботности. Олимпийские боги — счастливые боги. Богиня Фемида, оплакивая судьбу своего смертного сына Ахилла, уже не могла подыматься на Олимп. Бессмертные боги вечно молоды и наделены всеми человеческими свойствами, доведенными до недостижимой степени совершенства. Они больше и красивее, чем люди, и хотя они, подобно людям, едят и пьют, но питаются не хлебом и вином; они пьют нектар и едят пищу бессмертных, амброзию, которую на Олимп приносят голуби. Кровь у них не такая, как у людей, в их жилах течет «ихор» (ikhor) — кровь богов. Язык богов — особый язык, он совершеннее и выразительнее, чем язык людей. Вместо того или другого наименования, этимологическое значение которого греки уже утратили, боги употребляли слова, обозначающие сущность вещей. Так, протекающую под Троей реку Скамандр боги называли Ксанф, что значит Золотисто-желтый. Ночную птицу темной окраски люди называли «кюминдис» (ночной ястреб), боги же — «хэлкис», что значит медная птица.

Земля и мрачный мир подземных божеств находились вдали от Олимпа. Олимп — родина света, там нет места ничему, что нарушает счастливую гармонию. Губительницу Ату, богиню обмана, Зевс низвергнул с Олимпа в среду людей. Когда сыновья Крона поделили между собою власть, то Посейдон завладел морем, Гадес (Аид) — подземным миром, а Зевс получил небо, Олимп же остался общим. Однако Зевс, владыка неба, господствует и на Олимпе. Посейдон, находящийся в глубине морской в Золотой пещере — своем дворце, иногда поднимается наверх, к богам на Олимп, но Гадес навек ограничен царством тьмы, и только однажды в виде исключения зашла речь о том, чтобы Гадес, страдающий от стрелы Геракла, явился к врачу Олимпа Пэану. Когда приведшая все в систему теология установила для богов число двенадцать, считая этих двенадцать также и олимпийцами, то чаще всего круг богов ограничивали таким образом: Зевс и Гера, Посейдон и Деметра, Аполлон и Артемида, Гефест и Афина, Арес и Афродита, Гермес и Гестия.

Власть двенадцати олимпийцев наиболее точно представляют три тройки богинь: три Оры следят за соблюдением порядка как в мире природы, так и в мире нравственности; они — богини чередующихся времен года, но они охраняют также ми-

ровой порядок и в сфере моральных устоев, на это указывают их имена: Эвномия — законность; Эйрена — мир; Дикэ — право. Три Мойры прядут нить судьбы. Если один из людей прожил долгую жизнь, а другой короткую, один был счастлив, а другой несчастлив, для человеческого разума и то и другое кажется одинаково необоснованным, воспринимается как случайность. Существование Мойр выражает то, что каждому предназначена определенная участь и она неизбежно должна свершиться. Имя одной из Мойр — Клото (пряжа), именно она прядет нить судьбы; другой — Лахесис, это богиня жребия, она определяет жребий человека; имя третьей — Атропос, то есть неотвратимая. Таким образом, при посредстве Мойр так или иначе утверждается определенный порядок, но этот порядок для человека непостижим. Для разума он недоступен и не может быть проверен в еще большей степени, чем порядок, осуществляемый Орами. Тюхэ (Случай) — капризная богиня судьбы, представляющая превратность; она стоит на шаре, у нее есть крылья, тыльная часть ее головы лишена волос, и когда нужно схватить ее за вихор, она поворачивается затылком. Тюхэ — это сравнительно поздний образ, чуждый мифу об Олимпе.

Третья тройка, выражающая господство Олимпа, это три Хариты: Эвфросюнэ (Счастье, Радость), Талия (Цветение), Аглая (Блеск). Так воздвигнутый над земной жизнью Олимп означал свет в мире и своим благородным порядком делал жизнь желанной. В окрестностях Олимпа, в Пиерии и в Темпейской долине, жили Музы, их число также трижды составляло тройку. Музы были «олимпийками», и господство благородного олимпийского порядка они утверждали при помощи песен избранных поэтов. Правда, среди двенадцати богов Гомер много раз упоминает Деметру, олицетворяющую землю, дающую хлеб, но на аристократическом Олимпе он не отводит ей места. В более значительной роли Деметра выступает у Гесиода; Гесиод изображает крестьянский мир, где возделывающий землю народ молит Деметру о хорошем урожае.

Гермес — олимпийский бог, но и не только олимпийский. Он весьма милостив к людям и является для них вестником и посредником между миром богов и миром людей, а также ведет души умерших в подземный мир. Дионис и Геракл — дети Зевса от смертных матерей; только земными страданиями и победами они заслужили Олимп.

Олимпийский мир — мир Зевса, его соговарищей по происхождению и его преемников. Неповоротливые и тяжеловесные дети Земли, естественно, с ненавистью относятся к эфирному сиянию и благородной гармонии олимпийских богов. Зевсу нужно одолеть не только Крона и титанов; Гея поддерживает

все новых и новых врагов против Зевса. Олимпийцы одерживают победу над сынами Земли, грубыми насильниками в «гигантомахии», то есть в битве с гигантами, но побеждают только тогда, когда рядом с ними становится смертный Геракл — защитник олимпийского мирового порядка. После избиения гигантов Гея производит на свет младшего из своих детей, Тифона, стоголового, извергающего пламя исполина, для того чтобы он также боролся против власти Олимпа. Боги бегут от Тифона в Египет. Наконец Зевс побеждает, повергая на него гору Этну: так объясняли вулканическое происхождение сицилийской Этны.

Тифон оставил после себя на земле детей от Эхидны, дочери Тартара, полуженщины-полузмеи и среди них немейского льва и лернейскую гидру. Их убивает Геракл. Истреблением этих порожденных Геей чудовищ, полулюдей-полуживотных, он утвердил на земле власть олимпийского порядка. Кто восстает против Олимпа — должен пасть, а смертный Геракл, борясь за олимпийский мировой порядок, удостоился Олимпа. Земля вскормила двух сыновей Алоэя, великанов Ота и Эфиальта. Последние уже в девятилетнем возрасте были ростом в девять футов и шириной в девять локтей и уже угрожали войной бессмертным жителям Олимпа. На Олимп они хотели взвалить гору Оссу, а на Оссу Пелион, чтобы таким образом добраться до неба. Если бы они достигли зрелого возраста, то осуществили бы свой дерзкий план, но молодой Аполлон убил обоих.

Гефест, бог-кузнец, построил на Олимпе для богов дворец из металла — величественный «мегарон» Зевса, — как для земных царей, с золотым тронном посредине; здесь Зевс со своими подданными мог устраивать советы и пиршества. Гере Гефест сделал потайной замок для ее опочивальни, его могла отпирать только сама богиня. Для Гефеста, помимо ужасных дымных мастерских в глубине вулканов, была оборудована на Олимпе чудесная мастерская, сверкавшая золотом.

Олимп неизмеримо высоко поднимается над землей. Когда однажды Зевс и Гера поссорились, а Гефест, вставший на сторону матери, вмешался в эту ссору, Зевс сбросил его с Олимпа и он летел вниз девять дней, пока не достиг земли, а именно острова Лемноса. Но эта безмерная высота не означает полной оторванности богов от мира людей. Боги не только управляют с высоты; в человеческих делах постоянно чувствуется их присутствие. Искусного ремесленника обучает Афина или Гефест, смелого охотника — Аполлон или Артемида. Правда, в своем прекрасном божественном образе боги появляются только перед избранными людьми, но их присутствие ощущают также и другие люди: неожиданный успех начатого человеком дела, подходящее к случаю слово или деяние, легкое волнение, ощущаемое

человеком, иногда какой-то особый аромат, чувствуемый им, — все это свидетельствует о близости богов. Если люди приносят жертву, боги всегда невидимо появляются, чтобы принять участие в жертвенном пиршестве, и ощущение их близости, вера в «теоксению» (священное гостеприимство, оказываемое богам) выражена во многих мифах. Существуют избранные благочестивые народы, которые особенно часто принимают в качестве гостей богов.

Таковы в особенности сказочные народы, живущие на краю земли: на западе и востоке — эфиопы, на севере гипербореи. Теоксения — повседневное явление также для сказочного народа феаков, для других же народов — это редкое, исключительное, приносящее благодать явление. Например, у Гомера в «Одиссее» мы видим, какое всепоглощающее счастье наполняет сердце престарелого Нестора, когда выясняется, что Афина-Паллада под видом Мента сопровождала в Пилос юного Телемаха и, очевидно, присутствовала на том жертвенном пиршестве, которое царь Пилоса устроил в честь Посейдона. Каждый чужеземец («ксенос») находился под покровительством Зевса; чужеземца надо было чтить потому, что никто не мог знать, не скрывается ли под изношенной одеждой путника или под рубищем нищего кто-нибудь из олимпийских богов, посещавших людские поселения, чтобы узнавать и благочестивые и недобрые замыслы людей. История Филемона и Бавкиды — наиболее яркий, неувядающий пример теоксии.

ГИГАНТОМАХИЯ

Гея, Мать-Земля, позавидовала царству олимпийцев и, желая им зла, вслед за своими детьми титанами произвела на свет гигантов — змееногих великанов. Звезды побледнели и Гелиос, Бог-Солнце, ужаснувшись, придержал своих коней, когда гиганты вышли из земли. Едва родившись, гиганты уже стали готовить к войне лучших из них. Их мать Гея поощряла их дышащими злобой словами: «Вы победите небесных богов, пусть сын Крона увидит, есть ли оружие против меня. Пусть будет решено, кто могущественнее — дети Реи или мои дети.

Теперь никто не питает должного уважения к Земле и Зевс неразборчив в средствах, борясь с титанами. У Прометея в Скифии орел клюет живую печень, Атлас в земле гипербореев поддерживает теменем огненный небесный свод, при этом на свои седые волосы и бороду он кладет крепкий лед севера. Еще есть Титий, у которого непрерывно возобновляются внутренности только для того, чтобы коршун вновь и вновь пожирал их. Но теперь здесь вы, мстящее войско. Освободите же ти-

танов от оков! Защитите вашу мать! Вот горы и реки; против Зевса вы можете использовать все члены моего тела, только победите олимпийских богов! Потом вы разделите их власть между собою; твоим, Тифоей, пусть будет свет неба и царский скипетр, тебе, Энкеладон, пусть служит море; один из вас пусть завладеет колесницей Эос (Рассвета); твоими, Порфирион, пусть будут дельфийская ветвь лавра и все храмы Кирры».

Легко было побудить к борьбе буйных гигантов. Глупцы, они уже думали, что победа в их руках. Один строил планы, как он будет вытаскивать из морской пены Посейдона, другой хотел повергнуть Ареса, третий уже ощущал в своих грубых руках прекрасные кудри Аполлона. Они уже предвкушали, как Афродита будет принадлежать им и как они насильно потащат к себе недоступную Артемиду и деву Афины-Палладу.

Между тем Ирида созвала богов в олимпийском дворце Зевса. На Олимп поднялись все боги морей и рек, явились даже боги подземного мира Гадес и Персефона. Кони смерти отпрянули от света на непривычном им пути, но затем двинулись дальше, извергая из ноздрей густую тьму. Когда все собрались, так обратился к ним отец богов и людей Зевс:

«О ты, никогда не погибающее божественное войско, вы, боги, которым принадлежит небо и которые не подвержены участи смертных! Взгляните, что делает Земля, какой заговор снова соткала она против нашего мира! Новых сынов произвела она на свет против нас, но лишь для того, чтобы настолько умножить могильные холмы на своей поверхности, сколько детей она породила».

И вот зазвучала труба в облаках; богам — эфир, а гигантам — земля подали громкий сигнал к бою. Природа снова превратилась в хаос, трепеща за своего властелина. Надменные гиганты сдвинули грани природы: острова оставили свое место в море, скалистые отмели оказались на поверхности, морские берега передвинулись, реки изменили свои русла. Одни из гигантов употребляли в качестве оружия гору Эту, другие — Пангайон, Оссу или покрытый льдами Афон. Этот вырвал скалистую гору Родопу вместе с источником Гебром, и на плечи гигантов наконец полилась вода Энипея. Сама Гея сидит на гладкой поверхности луга, на Земле больше нет возвышенностей, Мать-Земля разделена между ее же детьми.

Ужасный шум и грохот дикой битвы наполнил воздух. Арес первым направил на врага своих быстрых коней. Золото его щита во вспышках пламени сверкало еще ярче. Его шлем был украшен блестящей развевающейся гривой. Его меч поразил исполина Пелора в том месте, где к телу чудовища, у его бедра, присоединялись два змеиных тела, — все три существа были уби-

ты одним ударом. Потом Арес с триумфом прокатил свою военную колесницу по исполинским телам поверженных. Примчался Мимант, чтобы отомстить за смерть брата. Он уже подхватил Лемнос, остров-вулкан, вместе с мастерскими Гефеста и бросил бы его на Ареса, но бог предупредил его и острием копья пронзил его мозг. Человеческое тело Миманта умерло, но тело двух змей еще жило, и чудовище, извиваясь, шипело на победителя.

Афина-Паллада не воспользовалась копьем, она только показала гиганту Палланту свой щит с головой Горгоны. Достаточно было увидеть его; гигант впал в такой ужас, что все члены его тела окаменели и, не будучи даже ранен, он стал беспомощен и недвижим, как мрамор.

Как раз тогда Дамастор искал поблизости скалу, чтобы бросить ее в богов, и теперь вместо скалы он получил окаменевший труп брата Палланта.

Изумленный глядел на смерть брата Эхион и, чтобы испытать, богиня ли это, взглянул Афине в глаза, ей, которой никто не мог и дважды заглянуть в лицо. Дерзким взором он заслужил смерть и, только умирая, узнал богиню. Вслед за ним Палленей в ослеплении поднял руку на богиню; человеческую часть его тела Афина убила острием копья, змеиная же часть окоченела от ледяного взора Горгоны.

Порфирион произвел разрушения на острове Делосе, чтобы здесь развинтить и направить против богов ось мира. В ужасе смотрел на это Посейдон (или Эгейос), владыка моря; из влажной пещеры Фетида быстро ушла вместе с седым отцом Нереем, и дворец Посейдона был покинут.

Кроткие нимфы с вершины горы Кинт призывали на помощь Аполлона, те нимфы, которые некогда обучали Аполлона охотиться с простыми стрелами и которые стелили постель Латоне, когда она производила на свет двух блистающих детей—Аполлона и Артемиду (Солнце и Луну). В ужасе призывал на помощь Аполлона сам остров Делос: «Я принял в свое лоно Латону, когда она тебя рожала, теперь услышь меня и помоги, меня разрывает безжалостная рука, чтобы я снова скитался, как прежде». Остров Делос, раньше чем на нем родился Аполлон, не имея постоянного места, скитался по морю. Аполлон явился и убил Порфириона*.

Гиганты родились на полуострове Паллене (иначе называемом Флегрой). Они швыряли в небо скалы и горящие бревна. Порфирион и Алкионей были самыми сильными из них. Алкионей был бессмертен пока сражался на родной земле. В пророчестве богам была обещана победа лишь в том случае, если

* Claudianus, Gigantomachia.

в союз с ними вступит смертный. Гея узнала об этом и искала такого целительного снадобья, чтобы ни один смертный не смог убить ее сыновей. Но Зевс запретил Эос—Заре, Селене—Луне, Гелиссу—Солнцу давать Гее такое снадобье и сам поспешил опередить Гею: он послал Афины, с тем чтобы она призвала Геракла к союзу с богами. Геракл первый пустил стрелы в Алкионея, но тот находился на родной земле, и Геракл не мог справиться с ним; тогда, по совету Афины, Геракл увлек Алкионея с территории Паллены. Вне Паллены гигант лишился бессмертия, и Геракл смог его убить. У Эфиальта один глаз был прострелен Аполлоном, другой — Гераклом. Эвритиона убил Дионис своим тирсом, Клитиона Геката забросала раскаленными камнями. Энкеладон бежал, но Афина бросила на него остров Сицилию. С Паласа Афина содрала кожу. Полибот убежал от Посейдона через море и достиг острова Кос, но Посейдон отломил кусок острова и бросил его в Полибота. Гермес сражался в шлеме Гадеса, делающем воина невидимым, и убил Ипполита, Артемиду убила Гратиона, а Мойры — Агриона и Фоона, которые бились железными палицами. Остальных Зевс поражал молнией, а Геракл — своими стрелами *.

ФИЛЕМОН И БАВКИДА

На холмах Фригии стоит липа, а возле нее — дуб. Оба дерева окружены невысокой стеной. Поблизости находится болото. Некогда это была обитаемая земля, но теперь на болоте только во множестве плавают водяные птицы.

Когда-то здесь побывал Зевс. Он пришел сюда в человеческом образе. С ним был Гермес с жезлом вестника, но без крыльев, чтобы никто его не узнал. Они стучались в тысячи домов, прося ночлега как усталые путники, но двери тысячи домов закрывались перед ними; лишь один дом принял их: маленькая хата с крышей из соломы и тростника. Благочестивые старики — матушка Бавкида и отец Филемон провели в этой хижине свои молодые годы, здесь они и состарились вместе; они легче переносили свою бедность, довольствуясь тем, что имели, и никогда не стремились стать богаче. Только они двое и являлись обитателями хижины. Здесь не было господ и слуг, они отдавали распоряжения друг другу, и каждый слушался другого.

Как только небожители прикоснулись к гостеприимному домашнему алтарю и переступили порог, наклонивши головы, что-

* Apollod., Biblioth., I, 34—38.

бы не удариться о притолоку, отец Филемон принес скамью, чтобы усталые гости могли отдохнуть на ней, а заботливая Бавкида расстелила на ней простое домотканое сукно, затем раздула вчерашние тлеющие угли, положила на них сухих листьев и древесной коры и до тех пор, старчески нагибаясь, подкладывала паклю, пока все это не запылало. Потом она принесла с чердака сухих веток, наломала их и, кроме того, захватила небольшой медный котел. Ее муж принес овощей из хорошо возделанного огорода, Бавкида очистила их. Филемон достал с потолка двухзубыми вилами копченое свиное мясо, вырезал часть получше, которую давно приберегал, и бросил в кипящую воду.

При этом старики вели разговор, чтобы гости не замечали проходящих часов. Из мягкого камыша и ветвей ивы они устроили удобное сиденье, покрыли его ковром, которым обычно пользовались лишь по праздникам. Правда, этот ковер был изношен, это скорее были старые тряпки, пригодные лишь для того, чтобы покрыть ими ивовое сиденье. Боги удобно уселись за столом, который старушка подвинула к ним дрожащими руками. Одна из ножек стола была короче остальных, нужно было подсунуть под нее кусочек черепицы. Потом Бавкида цветущей мятой надушила приборы и подала кушанья: простые оливы, осенние вишни, цикорий, сладкие коренья и печеные в золе яйца — все это в простой глинянсь посуде; потом на столе появились серебряный кубок и обмазанная желтым воском буковая чаша. Вскоре была готова и горячая пища, после этого принесли вина. Морщинистыми руками были положены в плоские корзины разнообразные фрукты и плоды: орехи, фиги, сливы, ароматные яблоки и виноградные гроздья, сорванные с багряноокрашенных лоз. Посреди стола поставили мед в сотах. Хозяева глядели очень добродушно, а их сердечные заботы заставляли забывать об их бедности. Во время обеда, если кубок опорожнялся, он снова наполнялся сам собой. Старая супружеская чета с удивлением видела, что их вино в сосуде не только не убывает, но и прибывает. Оба были потрясены чудесным зрелищем и сложили руки для молитвы, так как по этому чуду узнали богов в своих гостях; трепеща, они просили прощения за то, что так просто и скромно приняли их. У них был гусь, бережно хранимый, единственное их имущество. Они хотели зарезать его в жертву богам, заглянувших в их приют, но гусек, конечно, проворно убежал, взмахнув крылами для полета, а старики были уже непозоротливы от старости; они тщетно старались поймать гуся, он все время убегал от них. Наконец он ринулся к богам, словно обращаясь к ним и ища защиты; боги взяли крылатого под свое покровительство, запретили убивать его и сказали так:

— Мы действительно боги. Весь край получит достойное наказание, но грядущее бедствие пощадит вас. Только следуйте за нами и взойдите на вершину горы.

Оба старика послушались этих слов и отправились в далекий путь, каждый опираясь на свою палку; с трудом поднялись они по склону горы и были уже недалеко от ее вершины — на расстоянии стрелы, пущенной из лука; тогда они обернулись и посмотрели назад. Весь край уже был поглощен болотом, и только их дом возвышался из воды. Пока они удивлялись и оплакивали судьбу своих родственников и соседей, их старый дом, который перед тем был тесен даже для двоих своих хозяев, превратился в храм, колонны подперли потолок, соломенная крыша превратилась в золотую, на двери появились прекрасные рельефные украшения и пол стал мраморным. Ласково обратился к старикам сын Крона с такими словами:

— Скажите, добрые люди, чего вы хотите?

Филемон переглянулся с женой, они обменялись несколькими словами, и старик изложил богам их общее желание:

— Позвольте, чтобы мы были служителями богов и охраняли ваши святыни, и при этом чтобы мы проводили нашу жизнь в полном согласии и умерли в один и тот же час, так чтобы мне не пришлось видеть праха моей супруги, а ей не пришлось бы хоронить меня.

Желания стариков были исполнены, они прислуживали в храме, пока были живы: когда же истекли назначенные им годы, то случилось так: прислуживая в храме, они стояли перед священными ступенями храмовой лестницы. Вдруг каждый заметил на другом листья дерева, у обоих над лицом выросла листва. Пришла пора в последний раз проститься друг с другом. «Прощай, супруг мой», «Прощай, супруга моя» — сказали оба сразу, и тогда уж древесная кора прикрыла уста каждого. Бавкида превратилась в липу, а Филемон — в дуб. Возле каждого дерева благочестивые руки часто кладут или вешают на ветви венки, а пришедшие сюда люди говорят: «Вы соблюдали благочестие к богам, а кто чтит богов, тот и сам достоин почтения»*.

* Ovid., Metamorph., VIII, 620—724.

ЗЕВС И ГЕРА

Зевс — отец богов и людей, «царь царей, счастливейший среди счастливых и совершеннейший среди совершенных, благословенный Зевс». Так возглашает у Эсхила хор дев, ищущих спасения у алтаря Зевса. Земные цари считали, что их власть происходит от Зевса, чаще же всего они старались вывести свой род от Зевса или же распространяли легенду, что их царский скипетр — дар Зевса. Вообще же считалось, что Зевс уделяет счастливым долю из своего счастья; как *ktesios* (покровитель имущества) он дает и оберегает богатство. Свое совершенство он присоединяет к совершенству человеческих начинаний, поэтому он и *teleios* — «совершенный», «дающий совершенство». Он единственный, кто абсолютно свободен (*eleutheros*), хотя он и не может изменить порядок в мире природы и в мире идей. Более того, его существование — залог мирового единства. Мсйры, богини судьбы, считались дочерьми Зевса, так же как и Оры, которых и признавали хранительницами установленного в мире порядка как в мире природы, так и в области морали, тесно связанных друг с другом.

Признание и уважение мирового порядка, соблюдение установлений Фемиды (Закона) почиталось безусловно необходимым. Фемида иногда считается дочерью Геи (Земли), иногда же отождествляется с нею и считается матерью Ор. Далее, единственно достойным образом жизни людей признавалась свобода, и хотя, по Эсхилу, «никто не свободен, кроме Зевса», все же среди даров Зевса имела значение также и свобода. Поэтому, когда Платейская битва против персов дала свободу грекам, в честь Зевса — Бога-Освободителя (*Zeus Eleutheros*) в Афинах был установлен праздник, повторяющийся каждые пять лет.

Универсальность значения Зевса выражается в его отношении к небесному своду. Ведь небесный свод — это «то, от чего нельзя убежать», то, что повсюду над нашей головой и от чего каждый может ждать как милости, так и разящих молний. Небосвод божествен, и его физическая природа проявляется в весьма определенных чертах. Он «тучегонитель» (*nephelégératés*) «сильногремящий», громовержец (*erigdupos*) «играющий молниями» (*terpikeraunos*), он насыляет дождь (*hyetios*), его первый посланец в радужных одеждах Ирида — радуга. Только позднейшая, приводящая всё в систему мифология, присоединила Ириду к свите богини Геры, введя Гермеса, бога-вестника, в круг богов. Ирида, отождествленная с радугой, отнесена к сфере власти владыки неба и дождя, грома и молнии. Радугу (по-гречески *iris*) Зевс извлек из облаков, «как знак людям», но Ирида означала не успокоение после бури, как библейская радуга, а скорее означала наступление периода дождей, останавливающих полевые работы людей и причиняющих ущерб стадам. Ирида также непосредственно означала войну, как в представлении венгерского народа войну предвещает кровавая окраска горизонта на закате. Пастухи Аркадии в особенности чествовали Зевса при совершении обрядов, связанных с метеорологическими явлениями. Если знаменитые аркадские пастбища посещала засуха, то на горе Ликее жрец слегка хлестал дубовой веткой священный источник Зевса (чистый) — священный дуб стоял там же, около источника, — это делалось для того, чтобы из источника поднялся туман, а из тумана бог образовал бы дождевое облако.

В дальнейшем метеорологические качества Зевса приобрели моральное значение. Как владыка небесных сил, Зевс одновременно и высший хранитель правды, он посылает разрушительные вихри на людей, которые не почитают Фемиду, извращают законы и изгоняют Дикэ — справедливость. В такое время с гор мчатся вздувшиеся реки и на своем пути губят труды человеческих рук. Все, что относится к мировому порядку, принадлежит ведению Зевса; так, проходящие годы — это «годы Зевса», а времена года — «Оры Зевса». Характерно, что грек называет мир «космосом», то есть «порядком». Мировой порядок требует того же и в человеческих отношениях. Несправедливость потрясает мир в самых его основах, и в этом опять проявляется требующая правды власть Зевса. Сыну Пелопса Атрею была предназначена власть над Микенами, так как ему принадлежал золоторунный овен, но другой сын Пелопса, Фиест, соблазнил жену Атрея, Аеропу, и с ее помощью похитил овна, благодаря чему и достиг власти. Зевс чудесным небесным знаком обратил внимание людей на то, что правда свернула на путь нечестивый: солнце и звезды сошли со своего обычного пути

и направились в обратную сторону. Так царская власть была возвращена Атрею, отцу Агамемнона и Менелая.

Всюду простирющийся небесный свод Эсхил называет «ραπορτας», то есть всевидящий. Другие поэты называют так все озаряющее Солнце—Гелиос. Зевс меряет равную мерой каждую из противостоящих друг другу сторон, и, если два героя выступают друг против друга, Зевс может беспристрастно судить об них. У Гомера истинный смысл всего сущего раскрывает тот момент, когда Зевс сидит на горе Иде, на вершине Гаргарон в своей блистательной славе и смотрит с равным спокойствием на город троянцев и на греческие корабли. Все другие боги в троянской войне разделились, одни оказались на стороне греков, другие — на стороне троянцев, у Зевса же в руках золотые весы, чтобы взвесить судьбу каждого из двух враждующих народов. Об Аресе, который в общем стоит за троянцев, так же слышат то здесь, то там, что он помогает и грекам, но это — не принимаемое во внимание «военное счастье», причуды Ареса, а вовсе не беспристрастие. Кто вступает в войну, тот всегда рискует, однако, если кажется, что Зевс склоняется даровать победу троянцам, то это только по просьбе Фетиды и делает он это не без «угрызений совести»; при этом характерно то, что Зевс — единственный бог, которого за это остальные могут упрекнуть. Задача Зевса и состоит в том, чтобы наблюдать за успехом Мойры Ананкэ, за свершением Судьбы. На горе Иде было святилище Зевса, как Зевса *Idaios*, и Гомер знает, что оно было именно там потому, что оттуда была видна вся Троя. Власть Зевса над миром обнимает целое, за интересами частей его виден весь мир, Зевс охраняет вечный порядок мира. Он стоит как бы выше противоречивых интересов людей.

Зевс всегда созерцает целое, меряет одинаковой мерой, самая его сущность заключается в том, что он, как Зевс *horkios* — высший хранитель и гарант клятвы и договора. Именно с точки зрения универсальности он гарантирует каждому надлежащую ему часть. Он защищает не только *horkos*, то есть договор, скрепленный клятвой, который кому-то устанавливает пределы прав и действий, но и *hekros*, то есть ограду, так же находящуюся под его защитой, ограду, которая в огромном мировом целом отгораживает какой-то участок земли для какой-то семьи, то есть, подобно тому как *hekros* (ограда) ограничивает территорию, *horkos* (договор) определяет право и сферу действий людей. Общий корень этих слов показывает, что греки чувствовали общую сущность этих двух элементов человеческой жизни. Алтарь Зевсу *hekkeios* (оградителю) находился внутри ограды дома. Правда, Зевс защищал также и бездомного странника, притесняемого чужеземца, нуждающегося нищего. Как *xenios* он защищал чужеземца (*xenos* — чужой, гость),

но также и наказывал его, если чужеземец злоупотреблял правом гостя. Под особой защитой находился *hiketes* — человек, просящий у кого-нибудь покровительства, спасаясь у алтаря города или дома. Ищущего покровительства, преследуемого *hiketes* сопровождает Зевс *hikesios*. В гомеровском мире достаточно было встретить такого *hiketes*, как уже приносилась жертва Зевсу, потому что возле гонимого всегда чувствовали присутствие Зевса, покровителя всех гонимых. Не принять ищущего защиты или оскорбить его считалось тягчайшим грехом, который всегда навлекал гнев Зевса.

Нищий также был от Зевса, это благой дар, если даже он и ничтожен. Эта черта в культе Зевса, повсеместность небесной власти в человеческих отношениях и проявление ее силы до известной степени заменяет «международное право». Под покровительством Зевса находится также посланец. Каждый человек, посланный с какой бы то ни было целью, откуда и куда бы он ни шел, пользуется покровительством свыше, он посланец Зевса — *Dios angelos*.

Очевидно, образ Зевса отражал серьезные моральные требования: ему приписывалось также наказание преступника (*Zeus timogos*: карающий). Но это ни в коем случае не означало, что добродетель всегда вознаграждается земными благами и что несчастья всегда постигают преступника. У порога обиталища Зевса находятся два больших сосуда: в одном — добрые дары, в другом — несчастья. Зевс распределяет их, смешав те и другие, и кого он таким образом наделит, у того в жизни встречаются то горе, то счастье. Но на вопрос о *theodice* (правосудии божием), то есть как согласуется с божественной справедливостью то, что праведного человека постигает беда, а дурного человека много раз сопровождает счастье, люди Греции не находили ответа, а Гомер даже и не искал его, а только, сознавая это противоречие, отражал его в мифах. Олимпийский Зевс сам наделяет счастьем хороших и дурных людей так, как он хочет, говорит Гомер. Поэтому с точки зрения всеобщего мирового порядка требование Зевса всегда таково, что нужно уважать *Мойру*, что каждому — своя доля, каждому — предназначенное состояние и удел. Несчастную судьбу нужно переносить терпеливо. Вызывает изумление только непрерывно преследующая злая судьба, так же как и превышающее меру человеческое счастье. Появление обоих исключительно и зловеще, оно означает положение, сложившееся помимо человеческих отношений, оторванное от людей. Совершенное счастье — удел богов и среди них в первую очередь — удел совершеннейшего бога, чья сущность — именно эта полнота совершенства Зевса. Относящийся к этой полноте совершенства атрибут Зевса *teleios* имеет двойной смысл: совершенный и делающий совершенным. За-

ставить признавать совершенства Зевса стремится и его любимая птица — орел, совершеннейшая птица, царский хищник. В мифах Зевс не раз выступает в образе быка или (если речь идет о мире растений) в образе дуба, дерева, которое по-латыни называется *gobur*, что означает сила. Подчеркнутое мужество Зевса выражает царственное стремление к победе. Он волей-неволей заставляет признавать свое совершенство. Поэтому он тяжело карает человека, осмелившегося соревноваться с ним. Так, он велел бросить в Тартар царя Элиды Салмоней за то, что тот захотел подражать грому и молнии при помощи факелов и грохочущих повозок. Даже таких маленьких людей, как Кеик и Алкиона, не пощадил его гнев. Счастливые супруги настолько были горды друг другом, что называли друг друга Зевсом и Герой. Зевс в наказание превратил жену в зимородка, а мужа в морскую чайку.

Подобного же рода мифы сообщают о ревности и других богов. Зевс должен был в упорной борьбе добиваться признания у своих суровых противников; он должен был выдержать борьбу с собственным отцом Кроном, с титанами, потом с гигантами. Это стремление к господству, целеустремленное мужество и выражают суровые черты статуи Зевса, находящейся в Отриколи.

Зевс помогает также человеческим стремлениям достигнуть цели, он дает *telos* — завершение, совершенство. Естественно, что он заранее знает конец каждого; дар прорицания у Аполлона также зависит от всезнающего Зевса. Но и сам Зевс подает людям пророческие знаки. Полет святой птицы — орла, грохот грома одинаково могут знаменовать благоприятное и неблагоприятное в зависимости от того, с какой стороны они идут, слева или справа. В шелесте священного дуба в Додоне улавливали предсказания жрецы Зевса, люди, ведущие простой образ жизни, «спящие на земле» селлы. Очень рано узнали греки об египетском боге Аммене, святилище и оракул которого находились в оазисе пустыни. Этого бога с рогами барана, отождествляли с Зевсом, и святилище Зевса — Аммона часто посещали путешественники из Греции ради пророчеств.

Любопытно отметить, как выражает сущность Зевса совершенного (*teleios*), то есть природу, все подводящую к благополучному концу, другой эпитет, редко употребляемый: Зевс, верховный бог, иногда выступает как *tritos* (третий). Весьма возможно, что этот эпитет восходит к глубокой древности, так как он встречается в германской мифологии в связи с Одином (*Thridhi*); далее, древнеиндийская мифология знает героя, именуемого *Trita Arya*, первая часть этого имени также означает «третий». Имена двух братьев Аптия — Эката и Двита — означают «первый» и «второй». Эти двое — подобно двум братьям библейского Иосифа — из зависти бросают «третьего» в яму,

откуда он освобождается при чудесных обстоятельствах, как традиционный герой народной сказки «младший сын», являющийся также «третьим» из братьев, который, одержав победу над всеми трудностями, в общем всегда завершает сказку счастливым концом. Зевс также после Посейдона и Гадеса — третий сын Крона; он избегает опасности, которой подвергались все его братья, однако своих братьев, а также трех сестер он освобождает из желудка Крона. Зевс — *tritōs*, то есть «третий», и в том отношении, что после Урана и Крона он тот, кто господствует в семье богов. При помощи мифологических данных можно обосновать моральное значение атрибутов, принадлежащих Зевсу, поскольку они выражают отношение Зевса к справедливости. Это отношение миф выражает словами, которые Зевс говорит своей дочери Дикэ. Судья и свидетель — это тот, кто стоит как беспристрастный «третий» на стороне справедливости, с этим связано латинское слово *testis* (свидетель), то есть третий; русское слово «третий» в древнерусском языке употреблялось со значением «третейский судья» и «свидетель». В дальнейшем Зевс *tritōs* — это тот, чье одобрение гарантирует совершенство, полноту, успех там, где уже действуют две силы или переплетаются два фактора.

По Эсхилу, бесполезно присутствие одновременно Кратоса и Дикэ, «Силы» и «Справедливости» — в классовом обществе они редко в союзе, — к успеху их присутствие приводит только тогда, когда Зевс «третий» также присутствует. У Гомера атрибут Зевса *tritōs* не встречается, он упоминается лишь постольку, поскольку Гомер называет Афину-Палладу, «третью» дочь Зевса, *Tritogeneia*. Но Зевс у Гомера много раз выступает перед нами в характерной роли «третьего». Когда борьба греков и троянцев разделила богов на две партии, Зевс не занимал определенной позиции, но смотрел на войну с горы Иды, с самой высокой точки развития действий, и только наблюдал за свершением Судьбы. Между прочим, когда греки и троянцы заключили скрепленный клятвой договор о перемирии, стоящий над обеими сторонами «третий», то есть Зевс, не допустил осуществления договора потому, что его нарушил со стороны троянцев Пандарос. На всех советах необходимо присутствие Зевса, дающего *telos* (решение); как *agoraios* он обеспечивает на народных собраниях удовлетворяющие постановления, а как *metieta* он дарует людям способность обдумывать; он дарует также одному из двух противников, тому или другому, военную славу, поэтому Фидий, создав статую Зевса, поместил на ладони бога летящую на быстрых крыльях непостоянную «победу». Эта статуя стояла на месте олимпийских состязаний, проводимых в честь Зевса каждые четыре года в провинции Элиде. Сама статуя разру-

шена, но до некоторой степени мы можем воссоздать ее образ, поскольку ее изображение сохранилось на многих элидских монетах; многие писатели также говорят о ней. А сравнительно недавно нашлась отлитая модель этой статуи. Статуя Фидия изображает Зевса уже не как олицетворение насилия, но как высочайшую силу, божественное могущество на той ступени, которая означает уже милосердие и покой, является залогом самого мирового порядка. Здесь уже нет никаких движений, отражающих насилие. Зевс управляет миром единственным движением—движением бровей. Страбон, который еще мог видеть статую, пишет, что следующие строки Гомера вдохновили Фидия

Молвил Кронион и иссиня-черными двинул бровями;
Волны нетленных волос с головы Громовержца бессмертной
На плечи пали его. И Олимп всколебался великий.
(Гомер. Илиада, I, 528—530, перевод В. Вересаева.)

На острове Крите владыку мира Зевса чтят как божественное дитя. Согласно мифу, он родился здесь, в пещере на горе Дикте. В то время как Крон поглотил пятерых старших детей. Зевса, младшего, спасла Рея и возложила на куретов и на двух нимф горы Дикты — Адрастею и Иду — воспитание ребенка. Его вскормила коза по имени Амалфея, а куреты, вооруженные юноши, охраняли его в пещере. Они ударяли копьями по своим щитам и шумом оружия заглушали плач ребенка, чтобы его не услышал Крон. О Зевсе-младенце сохранилось много сказочных преданий. Можно услышать даже о мяче, изготовленном для Зевса его няней Адрастеей. Рассказывали также, что Зевса вскормили пчелы. По-гречески пчела *melissa*, и по одним данным одну из нимф звали Мелиссой, по другим же — Мелисеем звали отца нимф Адрастеи и Иды. Из одного рога козы Амалфеи струился нектар, из другого — амброзия, отломленный же рог Амалфеи называли «рогом изобилия», или Плутосом (богатство), или Тюхе (счастье); этот рог изливал из себя пищу и питье в неисчерпаемом изобилии. Щит Зевса *aigis*, эгида, который первоначально означал темную грозовую тучу (*kataigis*), народная этимология также связывала с козой. *Aix* (корень — *aig*) означает «коза», почему эгиду называли также «козлинокожий щит» и утверждали, что он сделан из шкуры Амалфеи.

Супруга Зевса — лилейнорукая богиня. Триста лет Зевс и Гера любили друг друга, прежде чем могли заключить брак. На острове Эвбее, на вершине Охе, Зевс в первый раз заключил Геру в свои объятия. По другим местным преданиям, это было в другом месте и на другой горе, но всегда «священную свадьбу» представляли на вершине горы. Зевс, владыка мира, здесь, на горной вершине, встречается с Герой, которую много раз отождествляли с Землей; на горных высотах божественная

Земля встречается с Небом, когда золотые облака обнимают вершину. В такое время Земля порождает свежие луга, богатое цветение, покрытые росой лотосы, шафран и гиацинты. На жесткой земле мягким ложем Зевсу и Гере служит густая нежная растительность, золотое облако расстилается над ними и роняет искрящуюся росу. Праздник «священной свадьбы» греки отмечали весной, когда благодатный дождь оплодотворял землю. На это указывают эмблемы Геры: венок из цветов на голове богини и кукушки на ее державе. Миф передает, что Зевс приходит к супруге в образе кукушки, а кукование кукушки, согласно мудрости греческих крестьян, предвещает трехдневный дождь.

Но небесный свод — это лишь одно из проявлений божественности Зевса, владыки мира. Весенняя встреча Неба и Земли, Зевса и Геры, также лишь один из моментов в их союзе, и Земля, ожидающая в блаженном спокойствии оплодотворяющего дождя, только одно из проявлений женского божества Геры. Она — супруга владыки мира, и в ее олимпийском совершенстве она — вся воплощенная женственность. Наряду с кукушкой ее священной птицей является павлин, олицетворяющий блистательную женскую красоту и женское «павлинье» тщеславие. В то же время в ее больших коровьих карих глазах глубоко отражены материнство, спокойствие и печаль. Женская красота Геры именно поэтому определяется словом «волоокая» (*boopis*) даже тогда, когда из народной памяти давно уже исчезло представление о богах в образе животных и уже никто не принимал во внимание то, что когда-то Зевса чтили в образе быка, а его жену в виде коровы. Матери ждали в трудное для них время помощи Геры и ее дочь считали Илифию, которая присутствовала при рождении каждого ребенка. Гера с материнской гордостью взирала на свою дочь Гебу, богиню юности. Ее сыновья: Арес, бог войны, и Гефест, хромой бог-кузнец; недостаток Гефеста, его хромота, очень затрагивает материнское тщеславие Геры.

Гера охраняет святость супружества, поэтому в мифах рассказывается, как ее собственное супружество постоянно подвергается опасности; миф стремится таким путем живее и многостороннее показать нам, как защищает Гера семейный очаг. Сама Гера — образец супружеской верности, она требует от Зевса тяжелой кары для своего соблазнителя Иксиона. Зевс в меньшей степени считается с супружеской верностью. За спиной Геры он вступает в брачные отношения с богинями и со смертными женщинами. В таких случаях Гера энергично защищает свои супружеские права и безжалостно губит и преследует своих соперниц и их детей, родившихся от Зевса (например, Геракла).

Нередки и ссоры между олимпийскими супругами. Небольшие столкновения случаются и в самом лучшем браке. Брак Зевса и Геры не был образцом олимпийского совершенства, об этом ясно повествуется в мифах. Пирсы олимпийцев нарушаются пререканиями двух супругов. В такое время напряженность разряжает смех, когда Гефест вмешивается с какой-нибудь шуткой, но бывает также, что и он попадает в беду, если во время ссоры родителей становится на сторону матери. Случилось, что Гера удалилась и не вступила в разговоры с супругом. Но Зевс умеет воздействовать на женскую душу. Гера скрылась на гору Киферон, Зевс отыскал ее и прибег к хитрости. Ему помог царь этого края Алалкомен: из прекрасного дубового дерева он изготовил куклу, которую называли Дедалой, потому что ее изготовил «мастер» (da dalos). Ее нарядили в красивую одежду невесты, из соседней реки Тритон пришли нимфы, вместе с ними явились свадебные гости, и наконец все отправились с музыкой в Беотию. При этом Геру уже охватывает ревность. Она спускается с Киферона. В сопровождении платейских женщин она идет к Зевсу и тут только видит, что Зевс обманул ее: никакой невесты нет, есть только разодетая кукла. Гера прощает обиду, но уже ревнует и к кукле и требует, чтобы куклу сожгли, и только тогда дает позволение, чтобы в будущем в честь куклы платейский народ установил праздник. В этом городе действительно существовал праздник — Daidalé, «праздник куклы», выражавшийся в торжественном обряде сожжения кукол.

ЕВРОПА

Дочери финикийского царя прекрасной Европе богиня любви Афродита однажды ночью наслала чудесный сон: над ее постелью встали в образе женщин две части света и спорили из-за нее. Одна из них была Азия, у другой тогда еще не было имени.

— Она родилась на мсей земле, я воспитала ее, — сказала Азия и обняла девушку.

— Но мне приказал Зевс, и ее именем будут называть меня, — сказала неизвестная часть света и с неодолимой силой притянула к себе Европу.

Тогда царица внезапно пробудилась ото сна. Она долго молча сидела на краю ложа, протирала глаза, но не могла отогнать видения, так глубоко запали ей в сердце образы двух женщин.

«Какой бог мог послать мне этот сон? — размышляла она сама с собой. — И кем могла быть та неизвестная женщина,

раз уже сейчас тоска по ней овладела моим сердцем? С какой любовью она обняла меня! Она посмотрела на меня так, словно я ее дочь. Благие боги, направьте мой сон на доброе».

Затем она встала, отыскивала своих подруг и пошла с ними на луг, на берег моря, собирать цветы. Одна любила гиацинты, другая нарциссы, были и любительницы фиалок. Европа же, подобно Афродите среди Харит, была самая прекрасная и собирала она в свою золотую корзинку только красные розы.

Издалека увидел ее сын Крона Зевс, стрела любви пронзила его сердце, и он пожелал сделать эту девушку своей невестой. Много усилий приложил Зевс, чтобы перехитрить ревнивую Геру.

Стараясь скрыть свою божественную природу, Зевс принял образ быка, но не обыкновенного быка, который с хрустом поедает в хлеву свое сено или тащит в поле плуг. Этот бык был покрыт блестящей золотой шерстью и только на лбу у него сверкало снежно-белое круглое пятно. А рога! Они были изогнуты и походили точь-в-точь на серп серебряного полумесяца.

Вот он появился на зеленом лугу и даже не испугал девушек. Каждая хотела полюбоваться гладкой, блестящей шерстью, каждой хотелось погладить его. От его тела исходило благоухание, оно было лучше, чем ароматы цветущего луга.

Горделиво расхаживал он спокойным шагом среди девушек и остановился около прекрасной Европы. Ласково лизнул он снежно-белую шею царской дочери, она же обхватила его и осторожно обтерла пену с его морды и даже поцеловала его. Тихонько промычал на это бык, потом склонил колена, повернул назад голову и умными большими глазами как бы указал Европе на свою мягкую спину.

Царская дочь позвала своих прекрасноволосых подруг:

— Идите, идите, девушки, усядемся на спину быка, мы все удобно на ней поместимся, как на хорошем просторном корабле. Посмотрите, какой ласковый, умный у него взгляд, совсем как у человека, только говорить не умеет.

Сказав это, Европа со смехом уселась на спину быка. Остальные были готовы сделать то же, но бык уже не ждал. Когда на его спине оказалась та, которую он искал, он сразу вскочил и помчался к морю. Царевна обернулась и стала звать подруг, протягивая к ним руки, но подруги не могли догнать ее.

А бык мчался прямо к морю. Он не испугался пенившихся волн и вошел в воду, подобно дельфину. Волнение утихло. Бык плыл по гладкому, как зеркало, морю. Обитатели моря узнали бога в быке, киты играли на его пути. Веселые дельфины кувыркались в честь его, а на спине китов всплывали из-под воды прекрасные nereиды. Сам Посейдон, бог моря, выравнивал дорогу перед братом, тритоны всех возрастов толпились и тру-

били в свои трубы-раковины. Это была свадьба Зевса с финикийской царевной.

Европа одной рукой ухватилась за длинные рога быка, а другой придерживала свое пурпуровое платье, чтобы оно не попало в море. В ее легкий пеплум проник ветер и надул его, как парус. Родная земля уже исчезла из глаз, ни одной прибрежной скалы, ни одной горной вершины уже не было видно. Над ней — синее небо, под ней — безбрежное море.

Испуганно глядела вокруг себя царевна.

— Куда ты несешь меня, чудесный бык? Кто ты, что не боишься моря и так смело плывешь дорогой рыб морских? Море — для быстрых кораблей, быки боятся его. Где ты возьмешь пресной воды, если захочешь пить? Где ты возьмешь сладкой травы, если захочешь пастись? Или, может быть, ты какой-нибудь бог? Потому что достойно богов то, что ты делаешь. Пожалуй, если тебе захочется, ты сможешь подняться в синий воздух к летающим там птицам? Но, ах! что будет со мной? Я покинула дом отца и одиноко скитаюсь на спине быка и не знаю, куда направляюсь и до каких пор это будет продолжаться. Во всяком случае, пусть тебе поможет владыка моря, сотрясающий землю Посейдон. По крайней мере будь милостив ко мне и охрани меня! — сказала царевна.

Прекраснорогий бык ей ответил:

— Не бойся, прекрасная дева! И знай: я Зевс, я могу появляться среди людей в таком виде, в каком только пожелаю. Я люблю тебя, поэтому мы должны совершить этот долгий морской путь, но сейчас мы достигнем Крита, и благосклонный остров, где я рос, примет также и тебя. Там мы справим свадьбу, моя прекрасная невеста, и от нас потом произойдут знаменитые и великие цари.

Он сказал так, и действительно, вот уже появился и остров Крит. Там Зевс снова принял образ бога, и они отпраздновали свадьбу. Свадебными гостями были три Оры.

Так прекрасная финикийская царевна стала супругой Зевса и, как обещал Зевс, их дети стали знаменитыми, великими царями; это были Минос, Сарпедон и Радамант*.

ПЕРСЕЙ

Акрисию, царю Аргоса, было предсказано, что он будет убит внуком от дочери. Акрисий испугался. Он велел построить подземный дворец (по другим преданиям — железную башню)

* Moskhos, I, Idyl.

и запер туда девушку — свою дочь Данаю. Но Зевс превратился в золото и проник во дворец через крышу, пролившись на Данаю золотым дождем. Так справил свадьбу Зевс с дочерью царя Аргоса.

Когда родился сын Зевса и Данаи Персей, Акрий запер в ларь дочь и внука и бросил их в море. «Усни, дитя мое, пусть смолкнет море, пусть уйдет страшная опасность», — так убаюкивала ребенка Даная, запертая в ларь и брошенная в морские волны, молясь отцу ребенка, Зевсу. Ларь достиг берега, прибой пригнал его к острову Серифосу. Там ларь выловил Диктис, он взял и воспитал Персея.

Брат Диктиса, Полидект, был царем Серифоса. Когда Персей возмужал, Полидект позвал своих братьев, а вместе с ними и Персея и предложил, чтобы все они принесли ему свадебные подарки, так как он собирается жениться на Гипподамии, дочери Эномая. Персей гордо заявил, что он охотно принесет подарок, даже если царь потребует от него головы Горгоны. Полидект поймал Персея на слове: от других он потребовал верховых коней, а от Персея коня не принял, а приказал, чтобы тот принес ему голову Горгоны.

Руководить отправившимся в путь Персеем взялись Гермес и Афина. Так Персей прибыл к дочерям Форкия, которых называли грайями, то есть старухами, потому что они были стары от рождения. Грай было три: Энио, Пефредо и Дино, они были дочерьми Форкия и Кето и сестрами Горгоны. У них был один глаз и один зуб на всех трех, они пользовались ими поочередно, один раз — одна, в другой раз — другая. Персей отыскал и глаз и зуб и унес их, и только тогда отдал обратно, когда грайи указали ему путь к нимфам. Персей хотел добрать-ся до нимф потому, что у них были крылатые сандалии, волшебная сумка и шлем, делающий невидимым, необходимые ему для путешествия. Персей получил от нимф все, что искал, перекинул через плечо сумку, прикрепил к ногам сандалии и покрыл голову шлемом. Теперь он мог видеть все, что хотел, его же никто не мог видеть. Гермес дал ему еще металлический кривой меч в форме серпа. Теперь Персей мог лететь на крылатых сандалиях к Океану. Там на краю земли жили Горгоны; Персей застал их врасплох, во время сна. Их также было три: Стейно, Эвриала и Медуза, но из них лишь Медуза была смертной, поэтому Персей стал искать именно ее голову. Головы Горгон были покрыты змеиной чешуей, у них были большие зубы, как кабаньи клыки, руки из железа и крылья из золота, и всякий, кто осмеливался на них взглянуть, тотчас же превращался в камень. Персей обратился к Горгонам спиной и смотрел только на их отражение в медном щите; впрочем, его руку направляла сама Афина-Паллада. Так он обезглавил Медузу. В тот самый

момент, когда Персей обезглавил Медузу, из нее вышли Пегас, крылатый конь, и Хрисаор, златомечный отец Гериона — гиганта с тремя телами. Персей опустил в волшебную суму голову Медузы и отправился в обратный путь. Две другие Горгоны, проснувшись, стали преследовать его, но напрасно: Персей надел свой шлем, и это скрыло его от преследования.

По пути домой Персей попал в Эфиопию, где царем был Кефей. На берегу моря он увидел царскую дочь Андромеду как раз в тот момент, когда ее приносили в жертву морскому чудовищу. Дело было в том, что жена Кефея, Кассиопея, осмелилась соревноваться с nereидами и утверждать, что она красивее их всех. Дочери Нереев очень рассердились на это, на их сторону встал также разгневанный Посейдон, он затопил весь край водами прилива и послал с ними морское чудовище. За советом обратились в святилище Зевса-Аммона и там получили предсказание, что только тогда страна избавится от несчастья, когда чудовищу бросят дочь Кассиопеи — Андромеду. Царь Кефей очень жалел свою дочь, но его народ требовал, чтобы слова пророчества были исполнены и чтобы таким образом Эфиопия была спасена от разрушения. Итак, девушку прикрепили цепью к прибрежной скале.

Как раз в этот момент и явился туда Персей; когда он увидел девушку, он загорелся любовью к ней. Он тотчас же пообещал Кефею, что убьет чудовище и освободит девушку, если отец согласен отдать ее ему в жены. После того как они оба подкрепили клятвой свои обещания, Персей убил чудовище и тотчас же освободил девушку, разбив ее оковы. Однако ему еще нужно было рассчитаться с Финеем, родственником Кефея, потому что с Финеем прежде была обручена Андромеда и теперь он затевал ссору с Персеем. Персей лишь показал ему голову Горгоны, отчего Финей и его сообщники тут же превратились в камень.

Вернувшись домой, Персей застал в тяжелом положении свою мать Данаю и своего приемного отца Диктиса. Пока Персей отсутствовал, царь Полидект преследовал их так, что им пришлось искать защиты близ алтаря. Персей направился к царю, и тот пришел в ужас, увидев, что Персей возвратился домой. Царь же полагал, что Персей погиб. Полидект созвал своих друзей для борьбы с Персеем, но Персей показал им голову Горгоны, отчего они тотчас же окаменели. И тогда Персей сделал Диктиса царем Серифоса. Он отдал Гермесу сандалии, суму и шлем, а Афине-Палладе — голову Медузы. Гермес эти дары возвратил нимфам, а голову Горгоны Афина поместила в середине своего щита. Персей поспешил в Аргос с матерью и Андромедой, чтобы повидаться с дедом. Акрисий же с ужасом вспомнил о предсказании и, оставив Аргос, отправился в землю

пеласгов. Царь Лариссы Тевтамид как раз устраивал гимнастические игры в память умершего отца. Персей явился туда, чтобы принять участие в состязаниях. Когда он во время пятиборья метнул диск, то случайно попал в ногу Акрисию с такой силой, что Акрисий тут же пал мертвым. Теперь герой понял, что предсказание сбылось, и похоронил Акрисию вне города. После смерти деда он мог бы вернуться на трон Аргоса, но считал, что грешно наследовать тому, кто умер от твоей руки. Поэтому он отправился в Тиринф, где тогда царствовал Мегапент, сын Прэты, брата Акрисию. С ним Персей поменялся тронном, и таким образом Мегапент стал царем в Аргосе, а Персей царствовал в Тиринфе. Он обнес стенами Микены и Мидею.

Старшим сыном Персея и Андромеды был Перс, от которого произошли древние цари Персии. Его детьми были: Электрион — дед по матери Геракла, Алкей — отец Амфитриона и Сфенел — отец Эврисфея *.

* Appollod., Biblioth., II, 34—53.

АФИНА-ПАЛЛАДА, АРЕС И ГЕФЕСТ

Афина-Паллада — самое любимое дитя Зевса, она вышла в полном вооружении из головы самого Зевса, после того как Гефест расколол голову Зевса молотком. Ее рождение и вместе с тем ее сущность так описывает Гомер:

Славную петь начинаю богиню, Палладу-Афину,
С хитро-искусным умом, светлоокую. С сердцем не мягким,
Деву достойную, градов защитницу, полную мощи,
Тритогенею. Родил ее сам многомудрый Кронион,
Из головы он священной родил ее, в полных доспехах,
Золотом ярко сверкавших. При виде ее изумленье
Всех охватило бессмертных. Пред Зевсом эгидодержавным
Прыгнула быстро на землю она из главы его вечной,
Острым копьем потрясая. Под тяжким прыжком светлоокой
Заколебался великий Олимп, застонали ужасно
Окrest лежащие земли, широкое дрогнуло море
И закипело волнами багровыми; хлынули воды
На берега. Задержал Гиперионов сын лучезарный
Надолго быстрых коней, и стоял он, доколе доспехов
Богopodobных своих не сложила с бессмертного тела
Дева Паллада-Афина. И радость объяла Кронида.

Радуйся много, о дочь эгидодержавного Зевса!
Ныне ж. тебя помянув, я к песне другой приступаю *.

Афину-Палладу связывают в особенности с одним из свойств универсальности Зевса. Зевс *metieta* — господин разумного совета. Гесиод делает Метиду (Разум) матерью Афины и тем согласует рождение Афины из головы Зевса с мифом о том, что Зевс поглотил Метиду, когда она уже носила ребенка под сердцем; так стала Афина-Паллада дочерью могуществен-

* Гомер, Гимн к Афине, перевод В. Вересаева, «Эллинские поэты», М., 1929, стр. 65.

ного отца, говоря о которой поэты могли подчеркивать, что она родилась без матери, но, так или иначе, дочь Метис сама «полиметис» (многодумная, богатая размышлением). Сущность metis — размышление, которое в жизни может проявляться во многих отношениях. В «Илиаде» престарелый Нестор такими словами наставляет сына Антилоха, приглашенного состязаться на колесницах:

Значит, мой друг, постарайся, вложи себе в сердце сноровку
Всякого рода, чтоб лучших призов у тебя не отнял.
В деле своем лесоруб не силой берет, а сноровкой;
Той же сноровкой ведет по волнам винно-черного моря
Кормчий свой легкий корабль, бросаемый в стороны ветром;
Той же сноровкой и в гонках один побеждает другого.

И дальше:

Будь же поэтому, друг, рассудителен, будь осторожен! *

С полным правом можно сослаться на эти строки как на такие, которые раскрывают значение Афины и ее общую сущность с Зевсом **.

Уже миф о рождении Афины и ее наводящем страх появлении среди богов в полном вооружении говорит о военном характере этой богини. Ей полагался также щит отца — Эгида, в ее руках он стал еще ужасней, потому что на нем появилась голова медузы Горгоны, убитой Персеем. Афина, так же как Зевс, держит в правой руке крылатую Нику (Победу). Но как воинственное божество всего ярче ее характеризуют те черты, которые отличают ее от Ареса. В «Илиаде» это различие становится ясным из противоположных позиций греков и троянцев: троянцы, которых воодушевляет Арес, с диким воинственным шумом бросаются на врага. Греки же, руководимые совокой Афиной, следуют за своим вождем в полном достоинства безмолвном порядке. Арес — сын Зевса и Геры — дикий, «губящий людей» (brotoloigos) бог. Его спутники: Эрида (Раздор), Деймо (Ужас), Фобос (Страх) и Энио — богиня войны. Он ведет борьбу без разума (metis), «вслепую», вне порядка, так как Арес не признает никаких законов, «беспощадный Арес не узнает друга в пылу борьбы», в то время как Диомед, любимец Афины, протягивает Главку дружескую руку, узнав, что их отцы находились в приятельских отношениях. У Гомера сама богиня Афина бранит «безумным» Ареса, этого изменчивого бога, всегда вызывающего несчастья, потому что Арес «ненасытен» в борьбе и поддерживает то одну из борющихся сторон,

* «Илиада», XXIII, 313—318, 343, перевод В. Вересаева.

** Ср. W. F. Otto, Die Götter Griechenlands, 2 Aufl., Frankfurt, 1934, S. 67.

то другую; для обеих борющихся сторон Арес готовит «общую судьбу»: он поражает смертью всех, кто убивает. Афина тоже помогает в битве, но и в мирном труде она стоит возле человека, находящегося в затруднительном положении, чтобы дать ему совет. Арес — сама война, бог, который умеет только разрушать. Земля же всегда ждет мирных рук, чтобы они возделывали ее; и потому она ненавидит Ареса. Два сына Алоэя, От и Эфиальт, связали Ареса и тринадцать месяцев держали его в плену, но их мачеха выдала их. Тогда Гермес тайком освободил Ареса, которого совсем измучила тяжелая неволя. Этот миф указывает на противоположность интересов земледелия и войны. Сыновья Алоэя, того смертного, чье имя уже обозначает человека-земледельца, сумели на тринадцать месяцев устранить войну, чтобы обеспечить мирную работу земледельцев.

Появление Ареса подобно буре. Он умеет издавать вопль, подобный воплю девяти-десяти тысяч мужчин в пылу борьбы. Ужас овладевает станами обоих противников, когда они слышат его. Совсем другим было божественное появление — «эпифания» Афины на поле битвы. Богиня быстро спустилась с вершины Олимпа, подобно тому как посланная Зевсом падучая звезда — чудесный знак мореплавателям и стоящим широким станом воинам, — сверкающая звезда, оставляющая за собой искрящийся блеск. Так спустилась на землю Афина-Паллада. Когда оба стана поняли, что среди них внезапно появилась богиня, они в ужасе сказали: «Или снова начинается резня, или уже Зевс посылает нам мир, Зевс, управляющий нашими войсками». Ибо в то время, как появление Ареса означает начало резни, появление Афины означает только переломный момент, вмешательство богов, войну или мир, твердое решение, взвешенное божественными руководителями. Афина-Паллада вносила и в войну благословение разума — *metis*. Она для того появилась перед Ахиллесом, чтобы удержать его руку, чуть не поразившую в слепой ярости Агамемнона. Где она появляется — а никто из богов не появлялся столько раз на поле битвы, сколько она среди любезных ей греков, готовая помочь им, — всюду торжествует ее прафило: больше разума, чем силы. Так помогла она Диомеду и Одиссею, выполнявшим дело разведчиков в троянском стане; она особенно расположена к двум этим героям. Одиссею, как человеку разумному, Афина, как богиня разума, помогает во всех его приключениях в «Одиссее». Диомед же наследовал от своего отца Тидея особое покровительство Афины. Из мифа о Тидее выясняется, что Афина в битве защищала также идею человечности против животной дикости. Тидей — один из семи вождей, сражавшихся против Фив, которого в битве перед воротами ранил Меланипп.

Он лежал, уже умирая, когда там появилась Афина и принесла с разрешения Зевса волшебное средство, дающее бессмертие (у Афины нет сферы действий, независимой от Зевса: везде только по приказанию или скорее с разрешения Зевса вмешивается она в человеческие дела). Умирающему герою Амфиарай желал гибели потому, что Тидей заставил его принять участие в фиванских делах. Он принес Тидею отрубленную голову убитого Меланиппа. Тидей с жадностью хлебнул головного мозга врага, нанесшего ему смертельную рану, надеясь тем восстановить собственные угасающие силы. Афина почувствовала отвращение к этому каннибализму, отобрала свое благодетельное средство и бросила Тидея на произвол судьбы.

Среди эпитетов Афины, подчеркивающих ее отношение к войне, наиболее часто встречаются следующие: *atrytóné* (непобедимая), *ageleíé* (добычица), *laossoos* — что иногда означает «приводящая в движение народы», иногда же «спасающая народы». В общем же ее присутствие в бою скорее охраняет, воодушевляет и дисциплинирует; она действует на людей, как присутствие разума, и не только с тем, чтобы они не уподоблялись в дикости Аресу, то есть лишь богу войны, но и для того, чтобы Аполлон чаще помогал им своим оружием. Любви она не знает, и в этой связи нам нельзя предполагать в ней той формы женственности, которая — как это имеет место в германской мифологии и средневековом рыцарском романе — соблазняет победителя сладостной наградой после битвы. Но, во всяком случае, в битве она присутствует со всеми атрибутами своей женственности. В ее появлении Гомер подчеркивает ее красоту, мы сказали бы, грозную и неприступную. Великий немецкий поэт Шиллер наиболее полно выражает этот мифологический образ. С локонами, сжатыми под блестящим шлемом, со всей своей необычной красотой, с грозным взглядом появляется богиня-девственница в битве мужей. Но этот момент Шиллер, со смелостью великого поэта, по-новому связывает с народной героиней средневековой Франции. В его трагедии «Орлеанская дева» внезапное появление в критический момент Жанны д'Арк так описывает потрясенный этим зрелищем Рауль (*Действие I, явление 9-е*):

...Вдруг явился нам вдали
Равнину всю занявший неприятель.
Хотим назад... возвратный путь захвачен;
Спасенья нет; победа невозможна;
Храбрейшие упали духом; ратник
Оружие готов был кинуть; тщетно,
Советуясь, вожди искали средства
К отпору — средства нет... Но в этот миг
Свершается неслыханное чудо:
Из глубины густой дубовой рощи

Выходит к нам девица, яркий шлем
 На голове; идет, как божество,
 Прекрасная и страшная на взгляд,
 И темными кудрями по плечам
 Летают волосы... и вдруг чело
 Сиянием небесным обвилось,
 Когда она, приблизившись, сказала:
 «Что медлите, французы? На врага!
 Будь он морских песков неисчислимой —
 За вас господь и дева пресвятая!»
 И вмиг она из рук знаменосца
 Исторгла знамя, с ним вперед — и в страшном
 Величии пошла перед рядами.
 Мы, изумясь, безмолвные, невольно
 За дивною вонительницей вслед...
 И на врага ударили, как буря.
 Оторопев, ударом оглушенный,
 Недвижимый, испуганными смотрит
 Очами он на гибельное чудо.
 И вдруг — как будто стал господний ужас
 Ему в лицо — он дрогнул и бежит,
 Бросая щит и меч; и по равнине
 В единый миг все войско разметалось;
 Забыто все: невнятен клик вождей... *

Грозную красоту и вдохновенную женственность, неприступность и суровость девственности греческий воин представлял в пластическом образе Афины-Паллады; сила ее направляется разумом, и богиня благосклонно предоставляет ему, воину, нику (победу). Воин чувствовал присутствие богини, верил, что этот образ соответствует ее сущности, и полагал, что в этом божественном образе богиня является только перед немногими избранныками.

Зевс с недоступной высоты посылает metis (разум) и дарует победу. Афина же стоит рядом с тем и направляет руку того, кого она любит и к кому благосклонен Зевс. Возможно, что и сейчас она стоит около какого-нибудь вождя, так как тот обратился к ней с мудрыми словами, возможно, что она надела шлем Гадеса, делающий ее невидимой, поэтому воины не видят ее, но они ощущают атмосферу ее божественного присутствия среди них. Это ощущает также и враг; в смятении он бежит прочь. «В деле своем лесоруб не силой берет, а сноровкой», — цитировались эти слова Нестора из «Илиады». Афина-Паллада направляет руку всех художников, всех ремесленников как Афина ergané (от слова ergon — труд). Не имеет особого смысла ставить вопрос: в качестве кого она помогала Одиссею построить Ереios (Троянского коня), подготавливала ли она военную хитрость, как ageleie (добычица)

* Ф. Шиллер, Соч., т. III, М., 1956, «Орлеанская дева», перевод В. Жуковского, стр. 44—45.

или как *ergané* руководила плотничьими работами. Она присутствует как Афина-Паллада, она залог разума, *metis*. Она обучила Ферекла, сына Тектона (Строителя), разнообразным ремеслам, и Ферекл построил для Париса такие корабли, на которых Парис увез Елену из Греции. Она помогала и в постройке корабля Арго. От нее же женщины научились своим женским работам: прядению, тканью, вышиванью, все эти ремесла — ее дары, к которым поэтому и следует относиться с уважением, как к божественным дарам. Каждого ремесленника она награждает советом. Как богиня ремесла, она близка к Гефесту, но и здесь ее сущность так же резко отличается от сущности Гефеста, как и от Ареса, бога войны.

Афина — дочь Зевса, Гефест — сын Геры; Афина — грозная красота, Гефест — неловкий калека, чьи неуклюжие движения бессмертные боги встречают часто упоминаемым «гомерическим смехом». Когда Гефест родился и его уродство обнаружилось, его собственная мать стыдилась этого и хотела спрятать его от остальных богов. Она сбросила его вниз с Олимпа, но Эвринома, дочь Океана, и Фетида, дочь Нереея, то есть морские волны, подхватили его в свои объятия и спасли. Девять лет оставался Гефест у богинь моря в глубокой пещере, вокруг которой пенились волны океана, и за это время он ковал все лучше и лучше, выковывая различные предметы для своих спасительниц. Позднее на Олимпе у него была мастерская (согласно другим преданиям, его мастерские находились в кратерах различных вулканов), и там из золота он сделал себе слуг наподобие живых девушек. Они ему помогали в его олимпийской мастерской. Однако в глубине вулканов у него были более сильные помощники — циклопы. Гефест строил дворцы для богов, он изготовил для Зевса эгиду — щит, а также оружие для некоторых избранных смертных. Его имя вспоминали вместе с Афиной-Палладой; в Афинах существовал общий праздник для обоих — Халкии (праздник кузнецов), который устраивали ремесленники. Хромой бог Гефест и сверкающая дочь Зевса представляли две стороны ремесла. Афина — это духовные условия для развития искусства и ремесла, блестящий разум. Дочь разума (*metis*) противоположна Гефесту как представителю материальных условий ремесла: огня, силы, насилия, придающего форму материалу. Огонь — собственности хромого Гефеста, а *kratos* (сила) и *bié* (насилие) — помощники Гефеста. Противоположность Гефеста и Паллады состоит не только в противоположности «женственности» и «мужества», еще менее она в том, что Гефест владеет трудным кузнечным ремеслом и изготавливает оружие богам, в то время как упоминаемое мифом творчество Афины-Паллады сводится главным образом к красивым одеждам и прекрасным тканям. Эта про-

тивоположность дает себя чувствовать как нечто, вытекающее из самой сущности Гефеста и Афины, но проявляющееся в них еще не вполне. Гефест — сама нарастающая сила, но он неуклюже хромает вокруг наковальни: напротив, можно только полюбоваться великолепным движением Афины Εργαπέ, как она держит в руке изготавливаемую статую в то время, когда художник работает над ней.

Афина — дочь Зевса, и ее совершенство не нуждается в дополнении; это подчеркивается и ее сияющей девственностью, она сама дает совершенство, благородную форму ремеслам. Работа Гефеста еще нуждается в дополнении красотой, чтобы стать искусством: в «Илиаде» — Харита, в «Одиссее» — Афродита выступают как его супруги. Афродита изменяет неуклюжему богу-кузнецу со стройным Аресом, и когда Гефест мстит за это, он же остается в дураках, по крайней мере его же поднимают на смех. Харита (Грация) — это любезность, очарование, она дарит удовольствия, она сама признательность, она дает все то, что делает прекрасными и желанными дары богов и людей. Харита — верная супруга, однако рядом с Гефестом она не более чем болтливая женщина-ремесленница. Кругом столько дела, надо же, чтобы подле медлительного кузнеца был кто-нибудь, кто по крайней мере сказал бы несколько любезных приветливых слов посетителям, которые приходят в мастерскую с заказами.

Когда мы сопоставляем Афины с Аресом, мы познаем человечность требований Афины среди ужасов войны. И вот, при сравнении Афины с Гефестом сущностью Афины также оказывается человечность, придающая благородные формы материалу, ею оказывается разум (*metis*), возвышающий силу искусством.

Гефест, напротив, представляет стихийную сторону ремесла, не только силу и насилие, но и «огонь» как таковой, то есть стихийное условие ремесла, представляет настолько, что иногда самое имя Гефест — издавна, но не так часто, как латинское Вулкан, — пишется с маленькой буквы и означает просто огонь.

Словом, нет ни одного бога, не исключая и Гермеса, из числа двенадцати олимпийцев, кто бы настолько был связан с миром людей и был бы так чужд стихийности, природе, независимой от человека, как Афина-Паллада. Мало того, сущность Афины-Паллады — это разум (*metis*), проявляющийся в человечности, обуздывающий силы природы и помогающий человеку.

Афина не только обучает Эрехтея пользоваться повозкой, но и дает первую узду для сдерживания коня Беллерофонту. Конь — сын Посейдона или его дар, но Афина-Паллада своим подарком, уздой, ограничивает его природную дикость и за-

ставляет служить человеку. *Khalinitis* (державший узду) — этим прилагательным в Коринфе выражают уважение по отношению к Посейдону. Эта же черта Беллерофонта отмечена в мифе о Беллерофонте, а значение *metis* (разума) в обуздании коня подчеркивает Нестор в цитированных выше словах.

Коринфский Беллерофонт — сын Главка, а по другому преданию — сын Посейдона. После совершенного им кровавого преступления он искал защиты у тиринфского царя Пройта, но здесь жена Пройта, Антея, возбудила против него ложное обвинение. Пройт послал Беллерофонта к отцу Антеи Иобату, царю Ликии, с письмом, написанным на табличке неизвестными посланцу знаками; в нем сообщалось, что доставивший письмо должен быть убит. Иобат в течение девяти дней чествовал посланца пирами, а потом возложил на него такие поручения, при исполнении которых — в этом царь не сомневался — Беллерофонт должен был погибнуть. Прежде всего Беллерофонт был послан сражаться против Химеры — это было чудовище с головой льва, туловищем козы и хвостом дракона; затем Беллерофонт должен был выступить против древних врагов Ликии — народа солимов. Потом он должен был победить амазонок, воинственный народ женщин. Когда же все испытания были закончены, царь направил против Беллерофонта все силы своей страны; отборные воины Ликии устроили ему засаду, но Беллерофонт один справился с ними и перебил всех. Когда Иобат узнал о божественном происхождении Беллерофонта, он удержал его при себе, дал ему в жены свою дочь и с нею полцарства. Боги сопровождали Беллерофонта, помогая ему своей властью, без этого он не смог бы победить уже и Химеру. Посейдон даровал ему Пегаса, крылатого коня, но Беллерофонт не смог бы справиться с конем, если бы не подарок Афины-Паллады — золотая уздечка.

Греческие боги поддерживают в своих почитателях сознание постоянного присутствия стихийных сил. Но божественность Афины-Паллады свидетельствует о том, что в мире существует человечность, которая наряду с разумом — таким же даром богов — обуздывает стихийные силы. Во время войны Афина заботится о дисциплине и приносит примирение. Ее дар обуздывает оба проявления силы Посейдона — море и коня. Афина не только построила первый дом. (Впрочем, в других мифах говорится, что строительству домов научил людей титан Прометей. Афина соприкасается с Прометеем. Разница в том, что в мифе о Прометее овладение ремеслом изображается как восстание против небесных сил, против стихий, в то время как мифы об Афине учат, что сам Зевс послал в среду людей *metis* (разум), обуздывающий стихии.) Город поднимает человека, выводит его из состояния подчинения природе не только потому, что дает

защиту против стихий, но и потому, что выделяет человека среди остальных существ и создает рядом с миром природы новый мир человечности, возможность культурного развития. Соответственно этому для почитания Афины характерен городской культ. Гомеровский гимн наделяет Афины атрибутом «градо-защитницы» (*erysiptolis*). В «Илиаде» троянские женщины молят Афины защитить их город.

Все города находятся под защитой Афины, но под особой ее защитой, под ее эгидой, спасительным щитом, находится город, носящий ее имя, — Афины. Из-за Афин, главного города Аттики, спорят два бога — Посейдон и Афина. Посейдон извлек своим трезубцем «море», то есть соленый источник в Акрополе — афинской крепости (следы источника существуют до сих пор). А Афина посадила оливковое дерево.

Двенадцать богов, на которых было возложено вынесение приговора, сочли дар Афины лучшим, потому что «море имеется и в другом месте», а разведение маслины — источник богатства Аттики. Так по имени богини был назван главный город Аттики. Позднее культ Афины еще укрепил Эрехтей (или Эрихтоний). Это был сын Земли и воспитанник Афины-Паллады. Отец Эрехтея — Гефест, но заботилась о нем Афина. Эрехтей был положен в корзину и отнесен к трем дочерям Кекропа, коренного жителя Афин, который сам произошел от Земли. Самой младшей дочери, по имени Пандроса (вся в росе), доверила Афина корзину и запретила открывать ее. Но две старшие сестры, Херса и Агравлида, открыли корзину; с ужасом увидели они рядом с ребенком знак его происхождения из земли — извивающуюся змею. От ужасного зрелища девушки потеряли рассудок и бросились вниз с Акрополя. Богиня Афина сама воспитывала Эрехтея в священной роще, а когда он вырос, он стал царем в Афинах. Ему приписывают установление большого праздника в честь Афины — Панафинеи, а в древнейшем храме Афины, Эрехтейоне, он пользовался наряду с богиней божескими почестями.

Миф вовлекает в сферу Афины и Дедала, делая его правнуком Эрехтея. Дедал (Мастер) — величайший художник, построивший, между прочим, лабиринт для сына Пасифаи — жены Миноса — царя Крита; сын Пасифаи Минотавр — чудовище, наполовину бык, наполовину человек, Минотавра убивает афинский герой Тесей, опять с помощью Афины-Паллады.

Вся помощь Афины-Паллады Афинам представлена античной традицией как действие разума против грубой силы. Об этом свидетельствует и предание о Тиртее. Когда Спарта — стойкий и воинственный дорийский город-государство — во время мессинской войны обратилась за помощью к Афинам, то Афины вместо вспомогательного войска послали Спарте хромого

школьного учителя Тиртея, и тот своей вдохновенной песнью воодушевил спартанцев и тем привел их к победе. Что Афины действительно были городом Афины-Паллады, ясно по многим признакам. Не только священное дерево Афины — олива — цвело в городе на каждом шагу, но и священная птица Афины — сова, в больших и ясных глазах которой афиняне видели лучи разума Паллады, — повсюду пользовалась таким же уважением, как в наши дни голубь в Венеции. Поэтому для греков поговорка «принести сову в Афины» значила то же, что для венгров значит «принести воды в Дунай» или «принести дерево в лес». Защитница города — Афина Промехос (передовой боец), ее статуя исполинских размеров стоит в Акрополе, и ее сверкающее копье и блестящий шлем уже за пять миль видны кораблям, приближающимся к мысу Суний. Это творение Фидия было богато изукрашено золотом и слоновой костью, подобно статуе Афины Парфенос (Девы) в храме, называемом Парфенон.

Наряду с этими величественными памятниками греческого искусства классической эпохи в Афинах благоговейно хранили древнюю деревянную статую богини «Ксоанон» (хоапон) или «Палладион», о которой существовало предание, что она упала с неба; греки верили, что от сохранности этого памятника зависит благополучие Афин. Такой же «Палладион» хранился и в Трое, и занятие Трои только тогда могло быть осуществлено, когда Одиссей и Диомед похитили его из крепости. Существовало еще предание, которое отождествляло эти два «Палладиона», по которому после занятия Трои «Ксоанон» снова оказался в Афинах.

Почитание такого предмета культа, как «Палладион», не имевшего прекрасной формы и созданного человеческими руками, как-будто находится в противоречии с почитанием божественной статуи, грубый материал которой обработан рукою мастера, в первую очередь скульптора, и которой были приданы благородные человеческие черты. Предметы культа, якобы «упавшие с неба», в действительности являются предметами, чтимыми народами примитивной культуры, их фетишами. Точно так же магометане чтят «черный камень», хранящийся в их святилище Каабе в Мекке. Все же по преданиям, относящимся к «Ксоанону» — хотя искусство, создавшее эту статую, и стоит на значительно более низком уровне, чем искусство классической поры, — мы можем уже судить о первых намеках на ту роль, которую позднее стала играть Афина-Паллада. Сама же статуя «Ксоанон» принадлежит к тому этапу развития греческого искусства, для которого характерна еще более низкая ступень, к которой мы относим, например, необработанный камень, в котором в беотийских Феспиях чтили Эрота, древнего бога любви

и причину всякого зарождения, до тех пор пока Пракситель не создал из куска мрамора свой шедевр — сияющего сына Афродиты, таинственно улыбающегося; он-то и занял место камня. Таков же конусообразный камень в знаменитом святилище Аполлона в Дельфах, служивший символом присутствия самого бога. «Палладион» отражает уже более развитую ступень искусства, чем эти два камня и чем целый ряд подобных же предметов; в этой статуе в несколько увеличенном виде наглядно представлен человеческий образ; в соответствии с ритуалом статую одевали и увешивали драгоценностями, совсем как настоящую женщину, подобно тому как, по преданию, сама Афина-Паллада одевала и украшала Пандору, первую женщину, вылепленную из глины рукой Гефеста. Миф о Пандоре родствен мифу о выточенной из дерева и оживленной мастером женщине в индийской и персидской сказках; эта женщина, как и Пандора, принесла горе людям. Греческий миф о Пигмалионе также рассказывает о чарах искусства, оживляющих мертвый материал. В том или ином плане все эти мифы родственны библейскому мифу о первой человеческой паре.

Все же и в культе нехудожественной «Ксоанон» можно видеть почитание искусства Афины-Паллады, хотя бы потому, что женщины, которые для статуи «Палладион» в определенные праздники в качестве даров ткнут новую одежду, в высоком мастерстве тканья и прядения подражают самой Афине-Палладе.

Мало того, нам известно предание, согласно которому «Палладион», или «маленькую Палладу», первоначально вытесала сама Афина-Паллада в память о своей подруге по играм, дочери Тритона, по имени Паллада, которую Афина нечаянно убила. Именно этим произведением Афина-Паллада дает пример земным скульпторам, той первой статуей, которая примитивностью своей обработки свидетельствует о начале искусства ваяния, однако указывает также на один из основных стимулов всякого искусства — стремление увековечить преходящее и смертное.

Таким образом, предания, относящиеся к статуе «Ксоанон», созданной Афиной-Палладой, показывают уже богиню представительницей ремесла и искусства, дающей пример людям.

Из афинских преданий, относящихся к «Палладион», мы можем сделать и дальнейший вывод. То обстоятельство, что древнее происхождение «Ксоанон» старались подтвердить различными эпическими повествованиями, заставляет предполагать, что некогда «Ксоанон», как сравнительно новый предмет культа, нуждалась в объяснениях такого рода. Среди этих повествований имеется много таких, которые с большими или меньшими отклонениями, обходным путем подтверждают ее древнее про-

исхождение тем, что отождествляют афинскую «Палладион» с троянской и сообщают в различных вариантах о факте возвращения ее из Трои в Афины. Не только почитание «Палладиона», но и культ самой Афины-Паллады встречается уже в относительно ранний период истории греческой религии (если, конечно, не восходить при этом к гораздо более отдаленным эпохам).

На это указывает также негативный момент: в мифах об Афине-Палладе мы едва ли найдем такие мифологические черты, которые могли бы быть истолкованы независимо от их общественного значения. Та хронология, которая может быть высчитана по самой мифологии, относит возникновение образа Афины-Паллады к более развитому периоду национальной истории, к периоду, когда отцовское право уже восторжествовало над матриархатом.

Говоря о Зевсе, мы уже ссылались на имя Афины-Паллады — Tritogeneia. Еще в древности выдвигались различные объяснения происхождения и значения этого имени. По мнению одних, Афина, дочь Зевса, потому получила это имя, что воспитывалась у морского божества Тритона вместе с его дочерью, носившею имя Паллады; другие предания указывают на то, что Tritogeneia означает дочь Посейдона и Тритонии — богини озер. Однако, не говоря уже о непреодолимых языковых трудностях этих объяснений, не следует забывать, что у Гомера и Гесиода много раз встречается имя Tritogeneia, причем поэт всегда этим именем подчеркивает существующие отношения богини с ее отцом Зевсом. Итак, имея в виду то, что мы знаем уже значение атрибута Зевса tritos, мы едва ли смогли бы дать другое объяснение для Tritogeneia, кроме значения слова Tritos; Tritogeneia — дочь Зевса tritos'a или еще точнее: третья дочь Зевса. К тому же Tritogeneia играет соответствующую роль «третьей»; например, у Гомера, она поднимает перед своим отцом голос в защиту интересов своего любимца — мудрого Одиссея; в споре Одиссея и Каллипсо она призывает к тому, чтобы у них был «третейский судья», при раздорах Посейдона и Одиссея она — беспристрастное «третье лицо». Богиня ссылается также на благочестие Одиссея, указывая, что он еще под Троей приносил жертвы богам; этим она добивается для него расположения богов. (Эта ссылка Гомера на идею добрых взаимных отношений между богами и людьми далека от правды, от тех общественных требований, которые выставляет Гесиод по отношению к попирающим право господам.) Афина-Паллада в ее роли ходатая перед отцом живо напоминает вторую дочь Зевса, деву Дикэ и ее значение. В изображении Гесиода Дикэ поднимается на Олимп и, сидя рядом с Зевсом, громко жалует на всякие несправедливости.

На отношение Афины-Паллады к отцу именно как Тритогенеи и намекает афинский обычай, в основе которого лежат семейные возлияния Зевсу «тритосу», как «третьему» богу; на этих возлияниях дочь-девушка совершает возлияние третьего кубка в честь главы семьи. Обряд — характерный для патриархальной семьи — совершенно очевидно выражает идею происхождения от отца, восторжествовавшую после преодоления матриархата: девушка чтит авторитет отца — главы семьи.

В мифе об Афине-Палладе этот так называемый патрилинейный счет происхождения по отцовской линии, как мы уже видели, представлен в своей крайней форме: Афина не нуждалась в матери для того, чтобы родиться.

Из аристотелевского определения биологического соотношения между мужчиной и женщиной в позднейшей философии возникли схоластические споры о том, что первенствует: «движение» (мужское начало) или «материя» (женское начало). Обстоятельства рождения Афины-Паллады, изложенные в мифе, не соответствуют естественной науке; однако для своего времени этот миф являлся выражением чрезвычайно актуальной общественной проблемы, становясь на сторону патриархата против матриархата. Еще яснее подчеркивает эту точку зрения другой миф: ревнивая Гера, соперничая с мужем, сама пробует поступить подобным же образом и производит на свет Гефеста — без отца. Однако в то время как Зевс без Геры дает жизнь сверкающему образу Афины-Паллады, Гера без Зевса способна дать жизнь лишь хрому Гефесту, при виде уродства которого она сама приходит в ужас.

Хромота Гефеста независимо от мифа о его рождении требует объяснения. Мы знаем уже хромого кузнеца германской мифологии Велундра (Völundr); его сухожилия были подрезаны в плену, для того чтобы он не смог уйти с острова, где он занимался своим ремеслом для рабовладельца. В конце концов он покинул остров воздушным путем, совсем как легендарный греческий мастер Дедал, которого царь Крита Минос держал в плену. Древние черты в новом освещении дает христианская легенда о Северине. Гисо, король-варвар, держит в жестоком рабстве кузнецов, изготавливающих золотые предметы, с тем чтобы они работали только для него. Доведенные до отчаяния кузнецы стали угрожать жизни маленького королевского сына. С помощью святого Северина (святой Придунайской области Норик) они вынуждают королеву — мать мальчика, дрожащую за жизнь своего ребенка, — освободить их. Вероятно, еще до общего распространения рабства было в обычае препятствовать свободному передвижению кузнецов. Иногда это делалось так, что, сохранив в неприкосновенности необходимую для занятия кузнечным делом верх-

нюю часть тела мастера, калечили ему ноги. Жестокая цель этого мероприятия состояла в том, чтобы использовать умение кузнецов исключительно для собственных нужд рабовладельца; такое умение было чрезвычайно ценным, но в то же время в руках врага чрезвычайно опасным. Позже, в условиях военной демократии, люди, искалечившие ноги в битвах, старались прежде всего приспособиться к изготовлению и содержанию в исправности оружия, так же как потерявшие зрение — к обработке и сохранению песенных преданий, восхваляющих героическую битву.

Так можно объяснить ту более или менее подчиненную роль, которая соответственно тогдашним общественным отношениям пришлась на долю Гефеста в мире богов: Гомер смеется над ним даже тогда, когда он как обманутый муж требует удовлетворения от Ареса, мужественного бога войны.

Афина-Паллада превосходит Гефеста как богиня, достигшая высокой степени совершенства в области ремесла; точно так же она превосходит проливающего кровь Ареса как богиня, требующая человечности даже и на войне. Этот образ Афины-Паллады отражает новые условия ведения войны и новые производственные отношения, уже сложившиеся условия рабовладельческого общества. Энгельс разъяснил значение рабства как необходимого звена в цепи общественного развития, показав, что «какими люди первоначально выделились из животного (в более узком смысле слова) царства, такими они и вступили в историю» * и что поэтому им нужны были для своего развития варварские, почти зверские средства, «чтобы вырваться из варварского состояния» **.

«При исторических предпосылках древнего, в частности греческого, мира переход к основанному на классовых противоречиях обществу мог совершиться только в форме рабства» ***. С другой стороны, «производство развилось уже настолько, что человеческая рабочая сила могла произвести теперь больше, чем требовалось для простого поддержания ее» ****. Поэтому «рабочая сила приобрела стоимость», что было важно с моральной точки зрения, ибо приводило к уважению человека даже в побежденном противнике, что также означало прогресс; ведь пленным, которые пополняли массу рабов, теперь по крайней мере могла быть сохранена жизнь. «До того времени не знали, что делать с военнопленными, и потому их попросту убивали, а еще раньше съедали» *****.

* Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, М., 1950, стр. 167.

** Там же, стр. 170.

*** Там же.

**** Там же, стр. 169.

***** Там же.

Древний мир находился на такой ступени развития, на которой рабовладельческое общество противостояло прежнему бесклассовому обществу, как отмирающему старому противостоит развивающееся новое. Так, грабительская война, имеющая целью физическое уничтожение противника, противоположна войне, доставляющей рабов. Эта последняя является более прогрессивной.

Таким образом, мы видим, что развитие производительного труда и рост уважения к противнику как к человеку взаимно связаны. В греческой мифологии эта взаимосвязь — вернее, две стороны одного и того же явления — воплотилась в прекраснейшем образе Афины-Паллады. Образ Афины-Паллады как женского божества, зависимого от отца, в развитии первобытного общества выражал наиболее прогрессивную точку зрения, утверждающую патриархат в противовес матриархату. В мифе о Тидее появление Афины-Паллады означает протест против достойного презрения каннибализма, перешагнувшего через нравственные нормы поведения человека. У Гомера из уст Афины-Паллады мы слышим, что боги не оставляют безнаказанным употребление отравленных стрел. И та богиня, которая считает отвратительным преступлением унижение мертвого врага, призывающая уважать жизнь врага, сопровождает пленных к месту их будущего рабства для того, чтобы оказать им покровительство и прежде всего — чтобы научить их полезным и прекрасным ремеслам. Ее отец Зевс как *xenios* требует от людей уважения к праву гостя, чужеземца; она сама как *xenie* в качестве женщины прежде всего является помощницей и образцом для женщин-рабынь, приведенных на чужую землю, и учит их прясть и ткать.

Когда римляне в образ богини Минервы вкладывали черты греческой Афины-Паллады, наверное, этот ее атрибут (*xenie*) они перевели как «*capta*» (то есть пленница), словом — *Minerva Capta*; так «плененная Минерва» в Риме стала покровительницей ремесленников. Для уяснения этого нам следует знать, что в мифологии боги обладают чертами того человеческого типа, который находится под их особым покровительством. Так бог Гермес, покровитель воров, сам вор; Артемида, богиня охотников, сама охотница, Гефест — бог кузнецов и тоже сам кузнец, а Дафнис, охранявший мирную жизнь пастухов, сам был сельским пастухом.

Таким образом, Афина-Паллада выражала новое отношение к труду, свидетельствовала о более высокой, чем прежде, степени уважения к ремеслу и вместе с тем выражала требование смягчения военного права, требование более человеческих форм его. Эти два явления в период формирования рабства были тесно связаны между собой. Из всего сказанного

нам ясна теперь та выдающаяся роль, которую в гомеровском эпосе играла богиня. В «Илиаде» также отражено уважение к человеку. Гомеровский гуманизм — это ярко выраженное прогрессивное мировоззрение, переход от варварства к цивилизации. Гомер выражает этот гуманизм с помощью своеобразного художественного приема — «симметрической композиции», то есть с помощью последовательного применения такого принципа поэтического построения, который представляет противостоящего врага отражением другой стороны, или, иначе, показывает равно и греков и троянцев людьми.

Характерно, что произведением изобразительного искусства, ближе всего стоящим к гомеровской композиции, являлась скульптурная группа, находившаяся на острове Эгине, на южном фронте Архаия — храма богини Афины. Афина-Паллада стоит в центре справа и слева от нее расположенных групп греков и троянцев, повторяющих движения друг друга; вся скульптура представляет как бы равнобедренный треугольник и размещена в осевой симметрии. Богиня стоит в спокойной и умиротворяющей позе и держит свой щит так, чтобы грозная гибелью голова Медузы не была на нем видна.

АРАХНА

Арахна была дочерью простого ремесленника, колофонского красильщика. Но хотя она и принадлежала к низшему общественному слою, ее искусство все же делало ее известной не только в городе Гипэпах, где она жила, но и во всей Лидии.

Нимфы горы Тмол бросили свои виноградники, а нимфы Пактола — речные волны, для того чтобы навестить Арахну и посмотреть на ее искусную работу. Можно было любоваться не только изготовленной Арахной одеждой, сама она также представляла прелестное зрелище, когда ткала или вышивала. Каждая ее работа и каждое ее движение, казалось, свидетельствовали о том, что она училась мастерству у самой Афины-Паллады. Но Арахна, хоть ее и называли ученицей Афины-Паллады, не принимала этого во внимание и даже самонадеянно это отрицала. «Разумеется, я могу соревноваться с Афиной в любом рукоделье», — отвечала она, обижаясь.

Тогда Афина приняла образ старой женщины, прикрепила к вискам чужие седые волосы, взяла в руку палку, точно ее слабые члены нуждались в опоре, и в таком виде пришла к Арахне.

— Не только дурное приносит старость, — сказала богиня. — Длинная жизнь многому учит. Так не пренебрегай моим

хорошим советом. В тканье и прядении тебе легко стать самой известной среди смертных женщин, но не состязайся с богиней, дерзкая, и обратись к ней с мольбой, проси прощенья за чванство. Она еще простит тебя, если ты обратишься к ней с испускительной молитвой.

Но девушка неприветливо обошлась со старухой и, выпустив из рук пряжу, в гневе чуть не подняла на нее руку; в старой женщине она не узнала богини и, осердясь, стала гнать ее.

— Глупая старуха, раздавай советы своим невесткам и дочерям. Я же в них не нуждаюсь. Не подумай, что твое предупреждение изменило мое желание. Почему не придет сама богиня? Почему она откладывает состязания? Так ли уж она уверена в своей рабстве?

— А вот и я сама! — сказала богиня и сбросила с себя облик старухи.

Перед Арахной стояла Афина-Паллада. Нимфы и лидийские женщины, пришедшие полюбоваться работой Арахны, преклонились перед появившейся богиней, но сама Арахна не испугалась. Она вскочила с своего сиденья, лицо ее покрылось внезапным румянцем, а затем оно снова побледнело подобно тому как разливается багрянец по небу, когда занимается день, а немного времени спустя восходящее солнце озаряет все белым дневным светом. Арахна возвысила голос и из глупого самомнения пошла навстречу свсей гибели. Дочь Зевса не тратила больше предостерегающих слов на Арахну и уже не откладывала состязания. Обе они уселись около ткацкого станка, быстро заходили их руки, и рвение было так велико, что они не замечали усталости. Пурпуровую пряжу соткали они в материю и красиво оттенили ее тысячью оттенков, подобных радуге, причем переходы тонов были незаметны. Обе лежащие рядом ткани были почти одинаковы, но все-таки края их резко отличались друг от друга. Обе примешали к пряже золота, а на образцах ткани изобразили старинные истории. Афина выткала на материале изображение двенадцати богов в тот момент, когда они присуждают ей город Афины против Посейдона. А по четырем углам, чтобы дать урок соревнующейся с ней девушке, она выткала четыре картины, изображающие то, что бывает с людьми, соревнующимися с богами. В первом углу Родопа и Гемос: они теперь превращены в скалы во Фракии, а некогда были живыми людьми, супругами, совершившими такое же преступление, как Алкиона и Кеик: ведь они называли друг друга именами высших богов. Во втором углу она изобразила печальную судьбу матери пигмеев: Гера, после того как она победила эту женщину в соревновании, превратила ее в журавля, поэтому она из года в год должна теперь воевать против своих же собственных

детей — карликов размером с большой палец. В третьем углу была изображена Антигона, дочь троянского царя Лаомедонта, превращенная в аиста. В четвертом — Кинир, жрец Афродиты на острове Кипре, плача обнимает ступени храма — тела собственных дочерей, превращенных в камень. Свое изделие Афина закончила изображением своего священного дерева: кайму украшали ветви оливы. Арахна же выткала на своей ткани любовные похождения богов: Европу, которую соблазнил Зевс под видом быка, и Леду, соблазненную им под видом лебедя, историю Посейдона и Тиро, Диониса и Эригоны и еще многое в том же роде. А кайму украсили вытканые цветы, перевитые плющом. Ткань Арахны также была прекрасна, Афина не нашла в ней недостатков, но и сама зависть не нашла бы их. В гневе Афина поняла, что рукоделье смертной девушки не уступает ее собственному, и разорвала то, что соткала Арахна, а так как боги были изображены на сотканном материале непочтительно, то за это она еще ударила Арахну челноком.

В отчаянии Арахна пыталась повеситься. Но тут Афина пожалела Арахну и, высвободив из петли ее шею, сказала при этом: «Живи, если можешь жить дальше, но виси в воздухе, и это наказание понесут все твои потомки».

Вслед за тем совершилось превращение Арахны. Она сделалась пауком (по-гречески паук — *arakhné*), который и продолжает до нынешних дней старое мастерство Арахны: прядение и ткачество*.

ДЕДАЛ И ИКАР

Дедал из-за совершенного им убийства был безжалостно изгнан из родного города — Афин. Дедал отправился в чужие края, на остров Крит, и там поступил на службу к Миносу. Когда жена Миноса, Пасифая, произвела на свет сына — полу-быка Минотавра, Дедал построил для него лабиринт. Минос не хотел отпустить от себя Дедала. Но Дедалу наскучил Крит и продолжительная ссылка. Его душу охватила тоска по родине. Однако со всех сторон путь ему преграждало море. «На земле и на воде Минос может задержать меня, — думал про себя Дедал, — но небо-то, безусловно, открыто. Убежим туда. Все можно захватить, но воздуха Минос не захватит».

Сказал и занялся до сих пор неведомым еще искусством,

* Ovid., *Metamorph.*, VI, 1—145.

внеся нечто новое в природу. Он укладывал перья одно подле другого, сначала самые маленькие, потом несколько побольше, затем самые большие. Перья ложились друг на друга, как бы нарастая, подобно пастушьей свирели, сделанной из различной величины тростниковых стеблей, которые следуют один за другим, постепенно повышаясь. Потом он связывал перья посредине льняной ниткой, внизу скреплял воском и, приладив их, немного сгибал, наподобие крыла птицы. Рядом с Дедалом был его сын Икар, он наблюдал за работой отца, не зная, что любит себя собственной гибелью. С сияющим лицом он то спешил подобрать легкие пушинки, то разминал большим пальцем желтый воск, своей игрой задерживая чудесную работу отца.

Когда художник закончил свое творение и вполне отделал его, он прикрепил к плечам изготовленные крылья, дал толчок своему телу и, повиснув, остался парящим в воздухе. Он учил летать также и мальчика, говоря: «Всегда держись посредине. Если будешь лететь низко, брызги морских волн отяжелют твои перья, если же поднимешься выше, жар солнечных лучей сожжет их. Двигайся вперед, избегая этих крайностей. Не нужно заглядываться на звезды, чтобы определить положение, достаточно, если будешь следовать за мной». Затем он показал, как нужно летать, и прикрепил к плечам мальчика крылья.

Пока он возился с этим и наставлял мальчика, слеза смочила морщинистое лицо старика и рука его дрожала. Он поцеловал мальчика, как будто чуял, что это их последний поцелуй, и, поднявшись на своих крыльях, полетел вперед; он испытывал тревогу за своего спутника и был подобен птице, выпускающей своих птенцов из высокого гнезда в небесные дали. Он велел мальчику следовать за ним и снова наставлял его в этом роковом искусстве, махал собственными крыльями и часто оборачивался назад, чтобы взглянуть на сына.

Дивился на них рыбак, подстерегавший добычу со своей камышовой удочкой, и пастух, опиравшийся на палку, и земледелец, идущий за плугом. И все, кто их видел летящими таким образом в воздухе, думали, что это боги. Вот уже слева от них остались остров Геры, Самос и Делос, и Парос, направо был Лебинф и богатая медом Калимна; тут мальчик начал развлекаться смелыми взлетами, он оставил своего наставника и, стремясь к небу, направлял свой путь все выше и выше. Вблизи от огненно-пламенеющего диска солнца воск, скреплявший перья, растаял и перья распались. Потеряв крылья, мальчик напрасно размахивал голыми руками, он не мог более держаться в воздухе. Стремительно падая вниз, он громко звал отца, но его подхватила лишь синяя волна. С тех пор

это море называется Икарийским. Несчастный отец — уже более не отец — звал сына: «Икар! Икар! Где ты? Где искать тебя? Икар!» — повторял он громким голосом, пока не заметил перьев на волнах. Тогда только он понял все, проклял свое искусство и предал земле труп сына. Край, где был похоронен Икар, получил название от его имени*.

* Ovid., Metamorph., VIII, 183—235.

АПОЛЛОН И АРТЕМИДА

Зевс, «отец богов и людей», — верховный бог. Но в жизни Греции не культ Зевса играл самую значительную роль, а культ сына Латоны — Феба-Аполлона. Характерно, что всякий раз это обнаруживается при сопоставлении греческого мира с восточным миром. Правда, у Гомера Аполлон стоит на стороне троянцев, но зато Геродот, отец истории, устами варвара Креза дает определение Аполлона, как «бога эллинов». Так, помимо остальных атрибутов, как господствующее божество греческой религии может быть охарактеризован только Аполлон. Святилище Аполлона, куда отовсюду стекались греческие паломники, наряду с олимпийскими играми в честь Зевса являлось высшим залогом единства греческого народа, разделенного на племена и мелкие города-государства. Каждое греческое племя чтит Аполлона. В этом греки видели воплощение того, что по их убеждениям отличало греков от варваров: уважение благородной свободы духа.

Аполлон — это небесный образ сверкающего Солнца, которое вечно шлет издали на землю свои лучи в виде огненных стрел. Сам Аполлон почти не соприкасается с землей и никогда не соприкасается с темным подземным миром; Аполлон также *hekatos* — «вечно отдаленный» и *hekebolos* — «издали разящий стрелой». Его серебряный лук нередко посылает смерть человеку, но сам он отводит взор от оскверняющего вида смерти. Аполлон первоначально не был тождествен Гелиосу, который являлся исключительно богом Солнца и который на блестящей колеснице ездил с утра до вечера по небесному своду. Но что бросается в глаза, сущности Аполлона, его сверкающей чистоте, вечной отдаленности от земных дел весьма соответствовали солнечные качества, поэтому со вре-

менем Гелиос был оттеснен на задний план, а относящиеся к нему черты были воплощены в образе Аполлона.

На греческой земле солнце посылает вниз не только благодатные лучи. Зной юга может также убивать, он приносит чуму и засуху, палящими лучами причиняет моментальную смерть. В образе Аполлона выражено то, что эта двойственная сила блестящих лучей Солнца соответствует неумолимой ясности духовного зрения. Свободный дух может отчетливо установить различие между подлинной и мнимой ценностью, Дух знает, по отношению к чему он обязан проявлять преданное и благоговейное уважение, он знает также, что он должен отбросить, против чего должен беспощадно бороться с помощью силы сребролукого Аполлона. С такой же беспощадной суровостью нам нужно судить о себе самих. *Gnóthi seauton* (познай самого себя) — таков наказ дельфийского оракула. Отсюда следует познание нашего человеческого несовершенства. Идею непреодолимости расстояния между миром богов и миром людей резко подчеркивает представление об «отдаленности» Аполлона в сравнении с другими греческими богами. Двойное имя, по представлению греков, указывало на две стороны божественности Аполлона. «Феб» — светлый и «Аполлон» — имя, уже в древности разъясняемое в смысле «губитель». Эта двойственность выражена и в подборе священных животных Аполлона; светлая чистота — в лебеде, беспощадность — в волке *. Если Аполлон натягивает свой лук, взор его страшен. Даже боги приходили в ужас, когда он с серебряным луком за плечами и с колчаном, в котором звенели стрелы, проходил по олимпийскому дворцу Зевса. Все вскакивали со своих мест, только Латона оставалась спокойной. Она отбирала оружие у сына, закрывала колчан, ослабляла натянутую тетиву лука и вешала все это на золотой гвоздь одной из колонн. Потом она подводила Аполлона к трону отца и усаживала его, Зевс протягивал ему нектар в золотом кубке, и лишь тогда остальные боги осмеливались сесть. И Латона, счастливая, видела, что ее сын, носитель лука, — суровый бог. В так называемом Аполлоне Бельведерском дан образ бога, обладающего пронзительным взглядом меткого стрелка из лука. Но руке Аполлона привычен не только лук, ей подходит также и лира, потому что Аполлон — руководитель хора муз — именуется Мусагетом. Согласно представлению греков, лук и лира — родственного происхождения. В руке мастера натянутая тетива лука зазвучит так, как звенят струны лиры, когда их перебирает певец-мастер,

* Ср. Kerényi Károly, *Halhataatlanság és Apollon-vallás*, 1933, 121.

тетива издает музыкальный звук, напоминающий пение ласточки, и в то же время хорошая песня попадает в цель так же, как стрела меткого стрелка. Лук и лира: оба они — натянутая жила и оба — инструмент для дали. Один из них несет издалека губительную стрелу недруга, другая — вызывает далекие красоты, весьма отличные от осязаемости сходных с землей картин и статуй, вызывает звучащую вдалеке музыку. Оба относятся к божественной сущности «отдаленного».

Таким образом, не вся музыка находится в ведении Аполлона, а только музыка струнных музыкальных инструментов; их чистое, ясное звучание в восприятии греков находилось в прямой противоположности с более мягким и более расплывчатым звуком флейты. Последняя относилась к восточным, варварским инструментам, внутри Греции ее правомерность признавалась только в мире Диониса. Аполлону, богу лиры, во всяком случае, противопоставлен Марсий, мифический флейтист, которого миф считает то фригийским, следовательно восточным, пастухом, то сатиром — следовательно, спутником Диониса. Флейту изобрела Афина-Паллада; когда она стала на ней играть, Гера и Афродита высмеяли ее раздувшееся лицо, почему Афродита и забросила этот уродующий лицо инструмент на гору Иду. Там нашел ее Марсий и до тех пор играл на ней, пока не осмелился вызвать на соревнование Аполлона. Аполлон победил — Музы и Афина-Паллада были судьями — и заживо содрал кожу с дерзкого Марсия. Это соревнование было не только соревнованием Аполлона и Марсия, но и двух музыкальных инструментов. Аполлон доказал превосходство лиры над флейтой следующим образом: если лиру держать перевернутой, то все-таки можно играть на ней, в то время как на флейте можно играть только дую в один конец; далее, перебирая струны лиры, можно петь при этом, в то время как совершенно невозможно одновременно играть на флейте и петь. Второе доказательство в особенности заслуживает внимания. Ценность лиры в аполлоновом мире интеллектуальной чистоты подтверждает также то, что звуки лиры, сопровождающие человеческую песню, рациональнее, чем флейта, не обращающаяся к словам. (Странно, что часть художественных памятников, а именно изобразительное искусство, все же дает в руки Марсию лиру.) В мифе о Мидасе лира Аполлона защищает свое первенство, выступая против невзыскательного музыкального инструмента пастухов — тростниковой свирели. Этот варвар, царь Фригии, сын богини Кибелы, проявил алчность, достойную лишь варвара. Когда Мидас привел к Дионису его любимого учителя Силена, заблудившегося во владениях Мидаса, обрадованный Дионис обещал Мидасу исполнить все, что он пожелает. И Мидас

пожелал, чтобы все, к чему он прикоснется, превращалось в золото; поэтому до тех пор, пока Дионис не освободил его от чар, Мидас не мог ни есть, ни пить, потому что пища и питье превращались в золото, как только он протягивал к ним руку. Когда Пан, козлоногий, козлорогий бог-пастух, гордясь своей пастушьей свирелью, вызвал Аполлона на соревнование, один только этот глупый варварский царь отдал предпочтение свирели Пана перед лирой Аполлона. Он понес за это кару: по слову Аполлона у него выросли ослиные уши.

Аполлон «далновержец» насылает заразные болезни и внезапную смерть, но как Пэан, то есть целитель, он дает также и лекарства. Его сын Асклепий — бог врачебного искусства, а дочь Асклепия, Гигия, — богиня здоровья. Аполлон вообще приносит исцеление от болезней, в особенности же приносит просветление и исцеляет от безумия; по представлению греков, состоянием, подобным безумию, было сознание тяжести совершенного кровавого преступления; Аполлон избавляет от преследования Эриний, змееволосых богинь, пробуждающих угрызения совести; избавление это приходит путем «очищения» — катарсиса.

Признанным центром культа Аполлона были Дельфы, а в средней Греции — южный склон Парнаса. Здесь, где, согласно преданию, был «пуп земли», первоначально Гея посылала полные значения сновидения тем, кто здесь засыпал. Потом ее дочь Фемида — богиня закона, давала здесь предсказания. Фемиду вытеснила вторая дочь Земли — Феба, мать светозарной Латоны, и здесь она предсказала рождение своего внука. Аполлон, носящий имя своей бабки — Феб, уже четвертый бог, дающий предсказания на этом месте. Только ценой тяжелых битв Аполлон смог овладеть перешедшим к нему от бабки наследием. В пятидневный срок он убил преградившего ему путь дракона по имени Пифон и в воспоминание о победе учредил возле святилища повторяющиеся каждые пять лет игры-состязания — Пифийские игры. Аполлон, принявший образ дельфина (как Аполлон Дельфийский), привлек сюда критских моряков, чтобы они служили ему как сословие жрецов. (Народная этимология этим мифом объясняла название Дельфы.) Эти моряки первыми стали петь пэаны — песнопения, восхваляющие чудодейственную силу бога Аполлона. Одержавши победу над драконом Пифоном, Аполлон поднялся к Зевсу на Олимп. Отец богов и людей по просьбе Аполлона сам перестал посылать пророческие сны, чтобы этим усилить уважение к любимому сыну; люди, желающие узнать будущее, собирались теперь вокруг трона Аполлона и доверчиво ждали предсказания.

Дельфы были самым чтимым местом прорицаний в Греции; не только греки, но также и варвары и их правители стремились туда, принося за предсказания богатые дары — трехногие золотые сиденья и котлы, священные сосуды и другие подобные же предметы. Прорицательница Пифия, прежде чем начать пророчества, молилась не только Аполлону, но и Зевсу, ибо Аполлон как бог-прорицатель объявляет волю Зевса. С молитвой обращаются также к Дионису, во власти которого все виды бессознательного состояния, равно как и к нимфам источников Корикийского грота, и к царю таинственных морских глубин — Посейдону. Сама Пифия пила воду из таинственных глубин источника Кассотиды и таким образом черпала свою силу пророчества. Окончив молитву, она садилась на треножник, и только тогда могли приблизиться к ней люди, ожидавшие прорицаний и по очереди вынимавшие жребий. Треножник стоял над расселиной в скале, прорицательница жевала лавровый лист и вдыхала в себя поднимающиеся из расселины испарения, ожидая «наития духа», то есть бессознательного состояния, наступавшего в результате вдыхания ядовитых испарений из земли. Находясь в полусознательном состоянии, она произносила отрывочные слова. Рядом стояли жрецы, они дополняли эти отрывочные слова, связывали их в целые фразы, чаще всего придавая им стихотворную форму гексаметра. Пророчество и в таком виде оставалось неясным и двусмысленным (ιοχον), отсюда прозвище Аполлона — Локсий. Прорицания Пифии — это в полном смысле слова загадки. Кто мудр и сумеет проникнуть в скрытый смысл пророчества, тот будет удовлетворен и старания его увенчаются успехом, кто же не сумеет правильно понять их, тот обречен на неудачу. Например, гражданам Афин Пифия дала пророчество, что деревянные стены защитят город против персов. Фемистокл понял, что под «деревянными стенами» пророчество разумело военные корабли, Афины укрепили свой военный флот и в морской битве при Саламине победили персов. Наоборот, Крезу прорицание Пифии принесло гибель; лидийскому царю было сказано жрецом Аполлона: «Если ты перейдешь реку Галис, то погубишь великое царство». Крез, по-своему поняв пророчество, переправился через реку Галис, выступив против Кира, но этим погубил свое собственное великое царство и свое войско.

И на Парнасе, вблизи Дельф, обитали Музы; Аполлона как бога поэзии сопровождали девять Муз; как бога-прорицателя его сопровождали Сивиллы.

Знаменитым местом паломничества для поклонения Аполлону был остров Делос, самый малый из Кикладских островов. Он приобрел такую славу потому, что дал приют гонимой все-

ми Латоне, когда она ждала ребенка. Существовало также предание, что Делос раньше был плавающим островом и только после рождения Аполлона стал устойчив и неподвижен. На склоне горы Кинт показывают пальму, к которой прислонилась Латона, когда рожала Аполлона. Остров был священной землей, на нем нельзя было соприкасаться со смертью, поэтому умирающих переносили с острова Делоса на ближайший остров Рению. Уже в древности здесь собирались на соревнование ионийцы и, согласно преданию, сам Гомер обучал делосских девушек гимну Аполлона.

Из Афин из года в год прибывал на остров корабль с паломниками. По преданию, Афины обязаны были когда-то уплачивать критскому царю Миносу ужасную дань: из года в год доставлять двадцать одного юношу для порожденного Пасифаей чудовища, полубыка Минотавра. Это повторялось до тех пор, пока царский сын Тесей не пожелал отправиться в числе юношей, обреченных на смерть, и не убил Минотавра в его Лабиринте. Корабль, на котором Тесей проделал свой путь на Крит, охранялся потом как священный корабль Аполлона. Он был посвящен Фебу, так как юноши, прежде чем отправиться, молились Аполлону и дали обет, что, если бог спасет их, они будут совершать паломничества на Делос. Тесей спас товарищей и освободил родину от кровавой дани; афинский народ точно исполнял обет: из года в год на Делос отправлялся корабль. Начиная с того момента, когда жрец Аполлона увенчивал готовый в путь корабль, и до момента прибытия его на Делос в Афинах не разрешалось выносить смертных приговоров. Делосский праздник Аполлона очищал город именно от преступления пролития крови. В Кларосе, на малоазиатском берегу Ионийского моря, по преданию, Манто, дочь знаменитого фиванского слепого прорицателя Тиресия, основала посвященный Аполлону оракул.

Аполлон, таким образом, чтился больше, чем Гелиос. Свет, который связывают с его именем, не только свет в мире природы. В мире духовном к сфере влияния Аполлона относится всякого рода проницательность, в первую очередь та проницательность, которая отличает пророка и поэта от обыкновенного человека. Так или иначе, божественность Аполлона, определяемая светом, предполагает, что в его ведении находится та часть года, когда господствует свет. Все празднества Аполлона падают на период между весной и осенью; всю зиму Аполлон проводит далеко на севере, среди сказочного миролюбивого народа гипербореев. На лето он возвращается обратно в золотой колеснице, запряженной лебедями. В сиянии лета появляется Аполлон, и лира поэтов звучит песнями в честь бога. Для бога поют жаворонки, и кажется, будто пение

птиц звенит в лире поэтов. Поют ласточки и малиновки — когда-то они были людьми, но теперь они воспевают не свою человеческую судьбу, но все славят бога. Серебряными волнами катится Кастальский источник, пенятся и настигают друг друга багряные волны Кефиса: вода также чувствует присутствие бога.

Артемиды, сестра-близнец Аполлона, — богиня лесов. Ее свежая девственность родственна нетронутости полей и рощ. Жилище Афродиты — пышный сад, жилище Артемиды — девственный луг, где пастух никогда не пасет свои стада, куда не проникает железо плуга, где только пчелы разыскивают свежие весенние цветы. Там *aidos*, источник, «целомудренно» обрызгивает росой цветы, и только тот может сорвать их, кому от природы дано в удел *sophrosyné* — благоразумие, ясность духа в противоположность инстинкту.

Аполлон и Артемиды по их сущности родственные божества, и миф выражает это тем, что делает их близнецами.

Чаще всего встречаются такие атрибуты Артемиды: *iokheia* (роняющая стрелы) и *keladeiné* (шумная); последний обозначает тот ликующий шум, который наполняет горы, когда богиня-охотница со своей свитой охотится там. Артемиды постоянно развлекается охотой, и знаменитые земные охотники у нее научились своему мастерству. Она идет на покрытые лесом вершины гор, на высокий Тайгет или Эриманф, и преследует диких кабанов или быстрых оленей. С ней — нимфы, дочери Зевса, живущие в лесах и лугах. Латона радуется тому, что ее дочь на голову выше остальных. От нимф, сопровождающих ее, Артемиды требует девственности, и та из них, которую охватывает огонь любви, должна оставить подруг. На тенистых горах и на незащищенных от ветра вершинах Артемиды натягивает тетиву своего целиком золотого лука и шлет вдаль свои звенящие стрелы. Вздрагивают вершины гор, испуганно гудит глубь тенистого леса от гомона диких животных. Богиня, сильная и бодрая, повертывается во все стороны и, радуясь по-мужски, убивает различных диких животных. Когда она насладится охотой, то ослабляет тетиву красиво изогнутого лука и направляется к брату в большой дворец Феба-Аполлона, в Дельфы, чтобы принять участие в хороводе прекрасных Муз и Харит. Она бросает свой упругий лук и свои стрелы, надевает простой, но красивый наряд, становится впереди танцующих и заводит хоровод. И Музы начинают бессмертное песнопение, они поют гимн прекрасного Латоне, ибо двое ее детей достойны хвалы более чем все другие.

Богиня лесов не только меткий охотник: с девичьей нежностью она ухаживает за дикими животными. Она осторожно

берет на руки их детенышей и порой жалеет маленького зайчонка, когда его уносит неумолимый хищник — орел. В священной роще, где не ступает нога человека, животные делаются кроткими; волк и олень мирно живут рядом, они доверчиво протягивают свои шеи под ласкающую их руку. Для охотников было законом: дикое животное, которое укрылось в священной роще, нельзя более преследовать.

Златокудрая богиня и к людям также относится двояко, и здесь она проявляет и неумолимую беспощадность и девичью мягкость. В обрядах, посвященных Артемиде, дольше всего держались человеческие жертвы. Память о них была сохранена в исторические времена в одном спартанском обряде. На чествовании Артемиды Ортии бичевали мальчиков и их кровью обрызгивали алтарь богини. Во время обряда жрица держала в руках статую Артемиды. При этом верили, что если одного из мальчиков пожалеют и будут бичевать только для вида, то небольшая статуя станет такой тяжелой, что жрица не сможет ее дольше держать. Когда нравы смягчились и ужасные обряды с человеческими жертвами прекратились, это изменение отразилось и в мифах. Так, когда более поздний культ Яхве объявил борьбу с ханаанскими жертвоприношениями детей, библейское предание сложило миф о жертвоприношении Исаака. Божественное испытание, посланное Аврааму, состояло в том, что Авраам должен был исполнить повеление бога и принести в жертву своего сына. Но когда Авраам был уже готов исполнить это повеление, бог сам воспротивился жертвоприношению. «Посланник» Яхве, ангел, указал на барана, появившегося поблизости в кустарнике, как на жертву, которую следовало принести вместо мальчика. У греков подобное же требование обнаруживается в мифах об Ифигении, в некотором отношении напоминающей библейскую дочь Иефта. Агамемнон дает обет принести в жертву Артемиде самое прекрасное существо, родившееся в данном году. Он не знает, что в этом году у него родится дочь Ифигения. Она-то и оказывается прекраснейшим существом этого года. Но Агамемнон отказывается пожертвовать ребенком. Когда спустя годы под его предводительством собирается в авлидской гавани готовый плыть под Троию греческий военный флот, греки напрасно ждут благоприятного ветра. Калхас вещает, что богиня Артемида требует исполнения старого обета. Агамемнон по настоянию войска приносит в жертву прекрасную девушку-подростка Ифигению, но богиня похищает с алтаря обреченную на смерть девушку и вместо нее посылает лань. Богиня требует исполнения обещания, но противится человеческой жертве и провозглашает, наперекор прорицанию, что, по ее мнению, лань более умиловительная жертва и что она

не хочет, чтобы кровь благородной девушки осквернила алтарь. Артемида уносит Ифигению из Авлиды в варварскую страну, к таврам, чтобы там девушка стала ее жрицей. Там Ифигения снова нарушает жестокий закон человеческих жертвоприношений: в чужеземце, обреченном на жертву, жрица узнает своего брата и спасает его от смерти, богиню же смягчает тем, что уносит в Аттику, находившуюся у варваров, древнюю, упавшую с неба деревянную статую богини, «Ксоанон», себя же посвящает служению Артемиде Таврической.

Артемида неумолимо, с ненавистью, до конца преследует тех смертных, которые оскорбляют так или иначе ее недоступную святость; с другой стороны, она окружает добротой и заботой своих почитателей. Стрелы Артемиды чувствуют также матери, ожидающие рождения ребенка, и поэтому они молятся ей наряду с Илифией (богиня родов), а самоё Артемиду, девственную покровительницу матерей, называют даже Артемида-Илифия. Посылать безболезненную тихую смерть, когда смертному внезапно смежает глаза вечный сон,— это также назначение детей Латоны. Аполлон посылает внезапную смерть мужчинам, Артемида — женщинам. Именно о такой смерти молились греки.

Если Аполлон, лучезарный бог света, вобрал в себя черты Гелисса, то его сестра Артемида в свою очередь усвоила девственную чистоту сестры Гелиоса, Луны. Им обоим родственен, даже тождествен, более холодный лунный свет. Но подобно тому как первоначально Гелиос не был тождествен Аполлону, так в некоторых мифах и Селена не связана с Артемидой. Мифы о Селене изображают лунный мир миром мечтаний и грез.

Селена — богиня, обещающая любовь. В нее влюблен Эндимион, прекрасный юноша, его удел — бессмертие и вечный сон. Во сне его посещает Селена, преданная, кроткая, светящаяся серебряным светом богиня.

РОЖДЕНИЕ АПОЛЛОНА

Блаженна ты, Латона, мать богов, ибо твой сын — серебролукий Аполлон, а твоя дочь — Артемида, богиня стреловержица! Латона ждала ребенка, он должен был родиться, согласно священным прорицаниям. Но пока Латоне приходилось много терпеть, потому что ее преследовала Гера, безжалостная богиня. Когда Латона уставала, то не было и пяди такой земли, где бы она могла склонить голову, чтобы уснуть;

когда ее мучила жажда, то не было источника, где бы ее могли напоить, ведь все боялись мести Геры. Из страны в страну, от острова к острову скиталась бедная беглянка, и не находилось такого клочка земли, который принял бы ее. Так добралась она до Делоса. Делос не имел плодородных земель, на Делосе не паслись тучные стада, среди камней на нем едва росла трава, и никто его не возделывал.

«Делос, каменистый остров, не хочешь ли ты стать родиной Аполлона? Теперь никому нет дела до тебя, если же ты меня примешь, то здесь родится Аполлон и будет возведен храм далеко разящего бога»,—так воззвала Латона.

Обрадованный Делос отвечал ей, что, конечно, хотел бы, но вот что его беспокоит: «Ты говоришь, Латона, что твоим сыном будет бог беспредельной силы. Будет ли он удовлетворен таким маленьким островом, как я? Не будет ли он презирать мою каменистую, голую землю? Я боюсь, что он столкнет меня могучей ногой в глубь морских волн и поищет себе другой родины, где можно возвести храм среди тенистых деревьев. А на мне, в воде, найдут приют только черные тюлени». Но Латона поклялась: «Так пусть же услышит небо и земля и текущие в подземном мире воды Стикса — большей клятвы не знают боги,— что здесь навеки будет воздвигнут алтарь Феба-Аполлона, здесь будет священная роща, и люди на всех других островах будут восхвалять тебя». Делос успокоился. Он радовался уже до рождения Аполлона и тепло принял Латону. И Латона ждала ребенка на Делосе. Все богини были с ней: Диона, и Рея, и Фемида, которая всему белому свету несла справедливость, и Амфитрита, богиня шумного моря, а также и многие другие богини. Только белорукая Гера находилась вдали, а с ней и Илифия, потому что ревнивая Гера скрывала от нее рождение Аполлона, так что она, ни о чем не догадываясь, сидела на высоком Олимпе под золотыми облаками. Но богини отправили за ней легкокрылую посланницу Ириду, наказав ей, чтобы она осторожно, без ведома Геры, снеслась с Илифией, ведь они знали, что иначе Гера тоже пустится в путь. Ирида так и сделала и, как распорядились богини, пообещала Илифии прекрасное, со всех сторон отделанное янтарем, золотое ожерелье, девяти дюймов в длину, лишь бы Илифия поспешила на Делос. Илифия согласилась, и теперь они уже вдвоем отправились в обратный путь и, как испуганные голуби, быстро летели, рассекая крыльями воздух. Когда приносящая благословение детям Илифия достигла Делоса, на склоне горы Кинт у корней пальмового дерева уже родился Аполлон. Земля улыбалась под ним, а богини ликовали от радости. Богини нянчили, омывали Аполлона, пеленали его снежно-белым полотном и золотыми лентами. Он

не плакал, требуя молока, как другие дети. Его бессмертные уста богиня Фемида смазала нектаром и сладостной амброзией. Как только Аполлон отведал пищи богов, он сейчас же начал вертеться, маленькой, но сильной ногой сбросил с себя пеленки, разорвал также и золотые ленты и с веселыми словами обратился к богиням: «Вот и я пришел к вам! Я буду богом лиры и изогнутого лука, я буду богом прорицаний, буду сообщать людям неизменную волю Зевса». Так сказал златокудрый Аполлон и тотчас же начал свое шествие по земле Делоса. Богини изумлялись, удивлялись, а счастливый остров, как только почувствовал на себе бога, сразу расцвел блестящими золотыми цветами*.

ДАФНА

Первая любовь Аполлона — Дафна была дочерью речного бога Пенея; ее не какая-нибудь случайность, но ярость безжалостного Эрота привела к Аполлону.

Делосский бог, преисполнившись гордости после победы над драконом Пифоном, увидел бога любви, который натягивал свой изогнутый лук.

«Шалун, что ты делаешь с оружием героев? — спросил он его. — Такое оружие более подходит к моему плечу, я могу верной рукой с помощью лука ранить дикое животное или врага; я тот, кто только что убил стрелой Пифона, он, как чума с раздутым телом, покрывал собой сразу столько земли! Вот я свалил его бесчисленными стрелами! Довольствуйся твоим факелом и радуйся, если им можешь чуть-чуть разжечь пламя любви, но не покушайся на мою славу стрелка». Сын Афродиты только засмеялся: «Твоя стрела, Феб, попадает во всякого, а моя попадет в тебя». Сказал и проворно рассек крыльями воздух, сразу же оказавшись на тенистой вершине Парнаса. Там он вынул из колчана две стрелы. Одна из них заканчивалась крючковатым и блестящим острием, другая была тупа, и ее стержень был отягчен свинцом. Одна — будила любовь, другая — гнала любовь. Последней он выстрелил в нимфу реки Пеней, а первой пронзил Аполлона до самого мозга костей. Аполлон почувствовал любовь к Дафне. Но едва лишь услышав слова любви, нимфа бежала. Только мрак леса и охота с ее добычей радовали ее, деву, желающую сопровождать Артемиду; она и волосы свои просто подвязывала лентой. Много раз просили ее руки, но она отказывала просителям, не хотела знать мужа и искала только глухих рощ. Ее отец напрасно

* Изложено по гимну Аполлону Гомера.

ждал себе зятя и внуков, она и слышать не хотела о свадебном факеле; если заходила об этом речь, ее красивое лицо покрывалось стыдливым румянцем. Заискивающе, охватив руками шею отца, она иногда просила позволить ей последовать примеру Артемиды. Пеней соглашался, но согласия не давала ее собственная красота. Феб, лишь только увидел Дафну, вспыхнул к ней горячей любовью. Как вспыхивает легкая солома или подобно тому как воспламеняется придорожный плетень от факела, брошенного путником на рассвете, так вспыхнул бог, так загорелось у него в груди, и огонь его любви питала надежда. Он глядел на локоны девушки, свободно ниспадавшие на шею, на ее глаза, сиявшие, как две звезды, на ее руки и кисти рук, но быстрее легкого ветерка она убегала и не останавливалась, и напрасно звал ее Феб: «Пенейская нимфа, остановись, останься со мной, я не враг, останься, не бойся меня, как ягненок волка, олень — льва, орла — трепещущие всеми своими перышками голуби. Я люблю тебя и потому преследую тебя здесь в лесу. Не беги так от меня! Ты упадешь, ранишь ногу колючкой, и я буду причиной боли. Там, где ты бежишь, земля неровная, не беги так, и я тоже остановлюсь. Спроси, кто я, кому ты понравилась: я не житель гор, не пастух. Ты не знаешь, легкомысленная, не знаешь, от кого ты бежишь, ведь тебе не нужно бежать. Дельфийская земля, Кларос и Тенедос и царский дворец в Патарах принадлежат мне, Зевс — мой отец, через меня открывается разумным людям то, что будет, было и есть, и благодаря мне созвучны песни и струны. Метка моя стрела, но, увы, одну стрелу встретил я еще более меткую, ту, которая ранила мою беззаботную грудь. Я изобрел врачевание, земной круг называет меня богом целителем, я повелеваю лечебными силами трав. Но, ах, травы не излечивают любви, у меня нет средства для самого себя, хотя всякому другому помогают мои изобретения!» Он говорил еще многое, но дочь Пенея, дрожа, убегала прочь и оставляла недосказанными его слова. Она на бегу была еще прекраснее, ветер развеивал ее одежду, раздувал разметавшиеся по спине кудри. Но юный бог дальше не тратил понапрасну нежных слов, он также бросился бежать туда, куда гнала его любовь. Так охотничья собака, увидевши на лугу зайца, ищет добычи, а заяц ищет свободы; собака догнала, но заяц отпрыгнул от жадных зубов: так было с богом и девушкой; одного заставляла быть проворным надежда, другую — страх. Все же крылья любви безостановочно несут преследователя, вот-вот он настигнет убегающую, девушка чувствует уже его дыхание на своей шее, на которую ниспадают локоны, она бледнеет, силы оставляют ее, преследователь догоняет. Глядя на волны Пенея, девушка воскликнула: «Отец, помоги! Мать-Земля, расступись или измени

мой прекрасный девичий облик, приносящий беду!» Едва она произнесла эти слова, как уже тяжелое оцепенение охватило ее члены, жемчуг нежной груди одела кора, волосы превратились в листву, руки — в ветви, только что бежавшие быстрые ноги сделались корнями, и лишь прежняя красота осталась неизменной. Но Феб и такой еще любил ее. Он положил правую руку на ствол и почувствовал под свежей корой как бы трепет девичьей груди, он обнял рукою ветви, поцеловал дерево, и дерево еще отступало перед его поцелуями. И сказал бог: «Если уж я не могу сделать тебя своей супругой, все же ты будешь моим деревом. На свей голове, на своей лире, на своем колчане всюду я буду носить тебя, лавровое дерево. И как на моей юной голове всегда вьются неподрезанные кудри, так и ты всегда будешь иметь славную крону вечно зеленой листвы». Аполлон кончил, и только что получившая дары Дафна — лавровое дерево — сделала ему знак ветвями, закачала кроной листвы, точно кивала головой*.

МЕЛАМПОД

Биант и Мелампод были братья. Биант жил в городе, Мелампод — в лесу. Перед хижинкой Мелампода стоял большой дуплистый дуб. В дупле дуба жила семья змей. Однажды Мелампод заглянул за дверь хижины и увидел, что люди убили двух больших змей. Мелампод набрал хворосту и сжег их. Потом он посмотрел в змеинье гнездо и увидел, что после змей остались сиротами два беспомощных детеныша. Он пожалел их, взял к себе в хижину и вырастил. Когда два змееныша выросли, они отблагодарили Мелампода за доброту. Однажды ночью, когда Мелампод еще спал, они подползли к его постели. Очень тихо взобрались на его плечо, осторожно, чтобы не испугать своего благодетеля, что, конечно, было нелегким делом, потому что теперь они были уже двумя сильными змеями и их змеиное естество давало себя знать. Но они так осторожно обошлись с Меламподом, что он даже не проснулся. А две змеи прямо подползли к ушам и стали лизать оба уха. Мелампод очень рано проснулся, потому что он вдруг понял каждый звук в щебегании птиц перед хижинкой. Оказывается, змеи до тех пор лизали по ночам огненными языками уши Мелампода, пока его слух не прочистился так чудесно, что он стал понимать разговор всех животных. Так из птичьих разговоров

* Ovid., Metamorph., I, 452—567.

он стал узнавать все будущие тайны. Сразу же далеко по земле пошел о нем слух как о знаменитом прорицателе. Чего он не знал, тому его обучил бог Аполлон, когда они однажды встретились на берегу реки Алфея.

Биант между тем жил в городе и в один прекрасный день пленился Перо, дочерью пилосского царя. У Перо, царской дочери, было много поклонников. Царь Нелей никого не хотел обидеть и поэтому сказал, что он тому отдаст в жены свою дочь, кто пригонит ему коров Филака. Коров сторожила гигантская собака, к которой не осмеливался приблизиться ни один человек, ни одно животное. С грустью узнал об этом Биант, потому что он уж очень был влюблен в пилосскую царевну. Он отправился в лес, к всезнающему младшему брату, чтобы попросить у него помощи. «Не печалься, брат, — сказал ему Мелампод, — через год я пригоню тебе коров Филака. Но до тех пор мы не увидимся, потому что мне придется целый год провести в мрачной тюрьме». Так и случилось, как Мелампод пообещал старшему брату. Он пришел в страну Филака. Но не очень-то старался добыть стадо, так как знал, что не сможет обмануть бдительности гигантской собаки; он лишь ходил вокруг коров до тех пор, пока туда не пришли слуги Филака. Те стали расспрашивать его, зачем он сюда пришел.

Мелампод даже не отрицал, что он очень бы хотел увести коров. Слуги Филака с большим торжеством принесли известие царю, что поймали вора. Мелампод, как он это и предсказывал, был посажен в тюрьму. Но он из-за этого не впал в отчаяние, а спокойно ожидал в тюрьме своего срока и только считал дни. И вот, когда прошел почти целый год, без трех дней, он всю ночь не смыкал глаз. Беспреданно в балках потолка скрипел жучок-древоед. Мелампод знал, что сейчас жучки беседуют друг с другом, и в тишине всю ночь подслушивал их. «Что, еще много осталось балок?» — спросил один жучок другого. «Совсем немного, совсем немного, малость осталось», — отвечал другой. Мелампод на основании этого понял, что нужно делать. Он тут же разбудил весь дворец. «Скорее, скорее, давайте переселяться в другой дом!» И как только семья Филака со слугами и рабами переселилась, дворец рухнул со страшным шумом. Множество жучков коварно источили все балки. Филак позвал к себе Мелампода, потому что он видел, что имеет дело не с простым смертным, а с любимцем богов, с выдающимся, великим прорицателем. Царь подумал, что Мелампод сможет, пожалуй, излечить его больного сына. Конечно, Мелампод пообещал это сделать, но зато потребовал в качестве награды коров Филака. Царь согласился на торг. Мелампод вылечил сына Филака, Ификла, получил коров и благополучно удалился с ними. Когда истек год, Мелампод пригнал Бианту коров Фи-

лака, и Биант, не мешкая, доставил коров на Пилос. А пилосский царь не мог не выполнить своего обещания и отдал в жены Бианту свою дочь*.

КИРЕНА

Любимый город Аполлона, Кирена, получил свое имя от нимфы Кирены. Златокудрый сын Латоны похитил из незащищенных от ветра долин Пелиона лесную деву и увез ее на золотой колеснице в далекую Ливию, чтобы она стала там владелицей богатых стад овец и обильно рождающей хлеба земли. Кирена была дочерью лапифского царя Гипсея, а Гипсей — сыном нимфы Крейсы — дочери Океана и Геи — и реки Пенея. Царь сам воспитал свою лилейнорукую дочь. Кирена не любила сидеть дома с подругами и не очень то была привязана к ткацкому станку. С мечом и копьем в руке она все время посвящала охоте в лесу, чтобы избавить стада своего отца от диких зверей. Она не желала давать и самой себе сладостного покоя, и лишь на рассвете на одно мгновение подкрадывался к ней сон.

Так увидал ее ширококолчаный Аполлон как раз в тот момент, когда девушка боролась с свирепым львом, один на один, без оружия, голыми руками. Громким голосом стал вызывать Аполлон из пещеры кентавра Хирона, который тогда, до битвы лапифов и кентавров, жил в Фессалии на горе Пелион. «Оставь пещеру, Хирон, сын Филиры, и подивись на храбрость и великую силу девушки. Она не знает страха, ее мужество выдержало испытание, ее сердце не охвачено ужасом. Чья она дочь? Из какого племени происходит? Что за убежище в тенистых горах служит ей жилищем? Что было бы, если бы я сорвал сладостный цветок любви вместе с нею?»

Умный кентавр даже брови свои поднял в добродушной улыбке. «У достойной Пито, богини убеждения, имеются тайные ключи к священной любви, Феб, а это и боги и люди одинаково уважают. И тебя также, от кого далеко отстоит всякая ложь, сладкая страсть побуждает к разговору с девушкой. Ты спрашиваешь у меня о семье девушки? Но ведь именно ты знаешь конец всего и каждую тропинку. Знаешь, сколько весенних листьев породит земля, сколько песчинок смешают в реках и в море волны и ветер, что замышляет и откуда идет тот, кого ты видишь. И все же, если ты хочешь, чтобы с тобой, мудрым, я соревновался в мудрости, могу вы-

* Гомер, Одиссея, XV, 225—238; Apollod., Biblioth., I, 96—102.

сказаться и я. За девушкой-невестой ты прибыл в эту долину, и ты отвезешь ее за море, в пышный сад Зевса-Аммона, и там сделаешь ее владицей города. Ты соберешь вокруг нсе на холме, на гладких равнинах, народ, живущий на острове. Обширная, изобильная полями Ливия заботливо и с любовью примет мудрую нимфу в золотой дворец. Из своей земли народ выделит ей долю, чтобы Кирена всегда полноправно царила в Ливии и в изобилии пользовалась приносящими плоды лозами и лесными дикими животными. Там родится у нее сын, приняв которого из объятий матери славного Гермеса, она отнесет его к Орам и Гее. Вот они держат ребенка на своих коленях и капают по капле на его губы нектар и амброзию и делают его бессмертным на радость достойным людям; он будет хранителем их стад, это будет Агрей, бог схоты, и Ном, бог пастухов, другие же будут называть его Аристей». Хирон кончил и своими словами еще больше возбудил страсть бога, а если богов вынуждают спешить, все сразу приходит к концу и коротки бывают пути. За один день все было сделано. Аполлон отвез Кирену в золотой повозке в богатую золотом Ливию, там златообутая Афродита приняла делосского гостя, помогла легкой рукой сойти с повозки и справила свадьбу нимфы и бога. Вслед за тем Кирена стала править прекрасным городом, который Аполлон основал для нее. И, пожалуй, поэтому так часто возвращались на родину со славой киренские юноши с состязаний в Дельфах, именуемых Пифийскими, учрежденными в честь Аполлона *.

НИОБА

Однажды случилось, что фиванские женщины собрались у алтаря Латоны. «Идите, идите, фиванские женщины, — звала их Манто, дочь Тиресия, украсьте головы лавровыми венками и принесите усердные моления, воскурите благовонный фимиам Латоне и ее двум блистательным детям. Сама богиня моими устами дает приказ!» Царем Фив был Амфион, а царицей — Ниоба. Ниоба не была уроженкой Фив. Царь привел в свой дом жену из далекой Азии. Здесь боги благословили ее счастьем. Весь земной круг знал, что среди детей смертных женщин у Ниобы самые прекрасные дети. Но Ниоба в преступной гордости захотела соревноваться с богиней. Уже все женщины собрались вокруг алтаря Латоны, когда среди них появилась

* P i n d., Pythia, IX, 1—75.

Ниоба. Все взоры обратились к ней, стоящей среди семи мужественных сыновей и семи прелестных дочерей. И Ниоба выскомерно сказала им. «Безумие то, что вы делаете, женщины Фив, более прославляя невидимую богиню, чем меня, которая стоит перед вами. Мне — жертвы Латоны, меня чтите благовонным фимиамом и усердными молитвами. На что вам прекрасная богиня? Лучше передо мной склонитесь на колена. Я происхожу из славного царского дома, в светлом дворце рождаю моих детей. Вы все, конечно, помните как бездомную гонимую всеми женщину ни один остров, за исключением ничтожного Делоса, не хотел принять. Да и только двое у нее детей. У меня же их четырнадцать! Семь сыновей и семь дочерей, один лучше другого. Достаточно уже принесли вы жертв матери только двоих детей! Снимите лавры с ваших голов!» Фиванским женщинам не оставалось ничего другого, как исполнить повеление царицы. Они оставили жертвоприношения, сняли праздничные венки и отправились по домам, тайно посылая свои мольбы оскорбленной богине.

Латона увидела, что ее алтарь был всеми покинут. Разгневанная, явилась она немедленно на Делос, на гору Кинт, и пожаловалась своим детям — Аполлону и сребролукой богине Артемиде. «Вы были до сих пор моей славой, а теперь унизила вас надменная фиванская царица. Она осмелилась своих смертных детей поставить выше вас, а женщин своего народа она отогнала от моего праздничного алтаря. Где же после этого мое достоинство богини?» Аполлон и Артемида не тратили много слов, чтобы утешить свою мать. Вместо этого они взяли в руки свое серебряное оружие и, закутавшись в темное облако, понеслись в Фивы. Большое ровное поле простиралось у городских ворот. Здесь как раз развлекались старшие сыновья царя; в пурпуровых плащах носились они на великолепных скакунах, сдерживая их золотой уздой.

«Увы мне!» — вдруг воскликнул Исмен, самый старший сын царя, схватился за сердце и упал с лошади. В ужасе бросился к нему Сипил, младший брат, но не успел он и наклониться, как уже невидимая стрела поразила и его в сердце. Горючая алая кровь его смешалась с песком ипподрома.

Файдим и Тантал в это время грудь с грудью боролись на арене, состязались в силе, обхватив друг друга могучими руками. И тут их пронзила беспощадная стрела Аполлона. Вскрикнули они одновременно, оба разом упали на землю и тут же испустили дух. Разгневанные боги отыскивали также Альпенора, Дамасихтона и Илионея. Семерых юных богатырей оплакивал город. Над телами семи сыновей стояла бедная Ниоба. Одного за другим целовала она их, припадая похолодевшими губами к тем из них, к кому могла дотянуться, и, пораженная, таила

гнев в своем сердце за то, что так жестоко стомстили ей боги. Но собрала она остатки своей материнской гордости и подняла к небу ослабевшие руки: «Теперь, беспощадная, Латона, любуйся на мою боль! Но даже и так я победила: и ограбленная, я все же еще имею больше детей, чем ты, счастливая!» И снова выпрямившись, оглянулась вокруг. Там стояли девушки в черных одеждах, с распущенными волосами, оплакивая своих братьев. Но вдруг из неведомой дали послышался звон натянутой тетевы. И каждый содрогнулся, за исключением ослепленной матери. Одна из девушек, горячо целовавшая холодный труп брата, также упала бездыханной рядом с мертвецом. Вторая, утешавшая в этот момент мать, вдруг оборвала свою речь. Остальные пытались убежать, но стрела всюду настигала их. Напрасно металась одна из дочерей, Артемида все же нашла ее. В окружении шести мертвых дочерей пришла в чувство для новых слез несчастная царица. Всего одна лишь дочь еще оставалась жива одна, самая младшая. Как дрожащая птица прикрывает всем телом своих птенцов, так прикрывала Ниоба своей распахнувшейся одеждой, подобно крыльям, последнюю дочь. «Хоть эту, единственную из стольких детей, по крайней мере эту, одну-единственную, самую младшую, оставьте мне!» — кричала она жалобно, но уже ни звука не произнесла та, самая младшая, падая мертвой в объятия матери. Так стояла Ниоба над развалинами своего материнского счастья, медленно выпуская из своих рук безжизненный труп младшей дочери, и ее члены также застывали. Остановившимся взглядом смотрела она на трупы, и жалобы смолкали на ее губах. Стоящие вокруг не осмеливаются что-нибудь сказать ей, а она уже не шевелится. Ее ноги перестали двигаться, с лица исчезла жизнь, вместо сердца у нее образовался камень, холодный камень. Поднимается легкий ветерок, но распущенные волосы Ниобы уже не шевелятся. Пораженная жестокой болью фиванская царица превратилась уже в камень:

Легкий ветерок усилился, и поднявшаяся буря подхватила окаменевшую царицу и унесла ее на глазах изумленных людей. Унесла через море на гору Сипил, на родину царицы, в далекую Азию.

Неподвижная скала, принявшая облик женщины, находится вблизи Трои, она издали видна, блистая своим белым мрамором. Жизнь давно ушла из ее членов, но слезы до сих пор не иссякли. Из пустых глазных впадин все катятся слезы, подобные жемчужной росе мрамора*.

* Ovid., *Metamorph.*, VI, 146—312.

КАЛИДОНСКАЯ ОХОТА

Дионис принес в дар Ойнею, калидонскому царю, первый виноградный куст. Жену Ойнея звали Алфея, их детьми были Деянира, жена Геракла, и Мелеагр — храбрый охотник. Когда Мелеагру было семь дней, у его колыбели появились Мойры, богини судьбы. В комнате в печи горел огонь. Мойры указали пальцем на одно из поленьев и сказали: «Как только сгорит это полено, умрет и Мелеагр». Алфея тотчас же вытащила из огня полено и заперла его в ларь, куда уже никто не мог ничего положить. Когда Мелеагр вырос, он стал славным героем, которому раны не могли причинить вреда. Ежегодно Ойней приносил богам установленные жертвы из раннего урожая винограда. Но он всегда забывал об Артемиде. Разгневанная богиня наслала на калидонскую землю гигантского дикого кабана. Кабан подрывал бережно охраняемые виноградные лозы Ойнея, губил скот, а если встречал людей, то не щадил также и их. Ойней созвал героев со всей Греции и объявил им, что тот, кто убьет кабана, в награду получит содранную с него шкуру. Многие пришли на калидонскую охоту. Впереди всех был сын Ойнея Мелеагр и родственники Ойнея. Пришли также два сына Зевса и Леды — Кастор и Полидевк из Спарты, Тесей из Афин, Адмет из Фер. Амфиарай из Аргоса, Пиритой, царь лапифов, из Лариссы, Пелей из Фтии, Теламон с острова Саламина, Ясон из Иолка, Ификл, младший брат Геракла, из Фив и многие другие. Из Аркадии прибыла также одна храбрая девушка, Аталанта. Герои вначале держали себя по отношению к девушке недостойно, но по слову Мелеагра они приняли ее в свою среду. Девять дней пировали собравшиеся герои в гостеприимном доме Ойнея, на десятый же день они отправились на кабана. Вскоре они встретили его в окрестностях Калидона и окружили его все, сколько их было. Охотники еще не все натянули тетивы своих луков, как кабан уже бросился на двух из них, но его сразил мощный удар двух стрел. Первой была стрела Аталанты, ранившая кабана в спину, второй — стрела Амфиарая, поразившая кабана в глаз. Наконец, Мелеагр вонзил ему в бок свое копье, после чего кабан испустил дух. Таким образом, содранную шкуру кабана следовало отдать Мелеагру, но Мелеагр, влюбленный в Аталанту, уступил награду девушке. Дяди Мелеагра, братья Алфеи, и раньше были недовольны тем, что им пришлось взять с собой на охоту девушку, теперь они резко выразили свое недовольство: «Где собралось столько мужчин, все, конечно, согласятся, чтобы награду получила девушка».

Заявив, что если Мелеагр пренебрегает шкурой кабана, то по семейному праву она принадлежит им и никому другому,

они подошли к Аталанте и забрали у нее шкуру. Мелеагр страшно рассердился на это, в бешенстве убил своих дядей и шкуру кабана отдал обратно девушке. Когда Алфея услышала, что ее братья убиты ее собственным сыном, она сгоряча схватила полено, которое в течение многих лет хранила в ларе, и бросила его в огонь. Огонь быстро охватил полено и сразу поглотил его. Мелеагр как раз в это время находился на пути домой. Когда полено окончательно сгорело, он внезапно упал мертвый на дорогу. Алфея осознала, что она сделала, только тогда, когда принесли труп ее сына. Она не смогла перенести этой ужасной муки и вместе с женой Мелеагра, Клеопатрой, повесилась*.

АКТЕОН

На горе Киферон охотился внук фиванского царя Кадма — Актеон. Гора уже во многих местах была обрызгана кровью диких лесных животных, дело шло к полудню, и тени стали короче. Актеон и его товарищи усталые брели без дороги среди кустарников. Актеон мягко сказал своим спутникам: «Наша одежда промокла от пота, а оружие — в крови диких животных, нас сопровождала удача, но на сегодня довольно добычи. Потом, когда на шафранноокрашенной колеснице грядущий рассвет возвестит для нас новый день, мы сможем продолжать охоту. Теперь же полуденное солнце своим горячим дыханием жжет луга, надо отдохнуть, развяжите ваши полотняные одежды, друзья!»

Охотники в тот момент находились в долине Гаргафии, в густой роще среди сосен и кипарисовых деревьев, в местности, посвященной богине Артемиде. Здесь в самом укромном уголке долины находилась пещера богини, изукрашенная не рукой человека, но самой соревнующейся с искусством природой; свод в пещере был образован из легкого пористого камня. Направо был виден источник чистой воды, журча бежавший среди лужайки. Утомившись на охоте, богиня лесов любила здесь омыться свежей водой источника свое девственное тело. Пока Артемида совершала омовение в источнике, одной из нимф она поручала свое героическое оружие — копье, лук и колчан; на руки другой бросала она свою одежду и сандалии; самая ловкая нимфа свертывала в узел распущенные волосы богини. Актеон неуверенными шагами брел по роще незнакомой долины, куда его привела судьба. Когда, следуя за источником, он вошел

* Apollod., Biblioth., I, 64—73.

прямо в грот, его заметили нагие нимфы. Увидев мужчину, они в отчаянии стали бить себя в грудь, пронзительным визгом наполнили рошу и все сбежались вместе, чтобы по крайней мере прикрыть своими телами Артемиду. Но богиня была выше их всех на целую голову. Когда обнаженная Артемиде увидела юношу, ее лицо покрылось краской досады, подобно тому как краснеют облачка, пронизанные лучами солнца, или как розовеет рассвет. «Теперь ты расскажешь, что видел меня обнаженной, если только ты вообще сможешь рассказывать», — сказала, пророча гибель, разгневанная богиня. У нее не было в руках стрел, и она могла только издали обрызгать водой Актеона: тогда она зачерпнула горсть воды и плеснула ее в лицо и на голову юноши. Как только вода источника обрызгала юношу, на его лбу выросли ветвистые рога оленя, его уши заострились, шея вытянулась, руки и ноги превратились в стройные ноги животного, а тело медленно стало покрываться пятнистой шерстью. В душу ему вселилась робость оленей, он побежал и сам дивился, как быстро несут его ноги. На бегу он обнаружил, что у него изменилось лицо и что ветвистые рога украшают лоб, — он увидел себя в зеркале потока. «Горе мне! Что со мной случилось?» — хотел он крикнуть, но увы, он не мог вымолвить слова. Он застонал и заплакал, но то были не человеческие слезы, а слезы оленя. Остался прежним только человеческий разум. «Что делать? Вернуться ли обратно в царский дворец или спрятаться в лесу?» — размышлял он; вернуться было бы стыдно, оставаться же в лесу он не осмеливался. Пока он так колебался, выбежали его собственные охотничьи собаки, громким лаем они подали знак охотникам, те радовались прекрасной добыче и погнались за оленем без дороги и по дороге, по острым камням, через почти неприступные скалы. Актеон бежал, как гонимое дикое животное. Там, где он столько раз сам гнал животных, он должен был убегать от собственных верных слуг. Тщетно он пытался сказать им: «Я — Актеон, узнайте же своего хозяина!» Но человеческие слова не слетали с его уст, лишь окрестности оглашались лаем собак. Собаки догнали его, хотя и бежали медленнее его, — они нашли более короткий путь среди извилистых тропинок и окружили его. Одна из них вцепилась ему зубами в спину, другая в грудь, и когда уже три напали на него, он не мог бежать дальше, а собаки кусали и рвали его, как только могли. Уже не было ни одного целого пятна на его пятнистой шкуре, в последний раз он простонал, но не человеческим голосом, а голосом оленя, и горькой жалобой огласился горный склон. Опустившись на колена, с мольбой во взоре, он испуганно оглядывался. Когда возле него оказались его спутники по охоте, они искали глазами Актеона, звали Актеона и не знали, что он сам лежит перед ни-

ми. При звуке своего имени он поднял голову, но товарищи не обратили на это внимания и только сожалели, что среди них нет Актеона и что он не может полюбоваться вместе с ними прекрасной добычей. Собаки все еще рвали своего несчастного хозяина, которого не узнали в олене. Гнев Артемиды только тогда утих, когда Актеон истек кровью от нанесенных ему ран *.

* Ovid., Metamorph., III, 138—252.

АФРОДИТА

*

Афродита, богиня любви, рожденная из пены морской, соприкоснувшейся с молнией Зевса, приплыла в раковине на остров Киферу, где ей был выстроен первый храм. От этого острова ее и называют Киферийской. И так как она сразу во всей своей сияющей красоте возникла из пены морской, подобно тому как вдруг возникает в душе человека любовь, то прозвали ее еще Анадиомена, то есть «возникающая». Постоянно повторяющееся символическое рождение Афродиты в природе — это чудесное возникновение жемчуга. В греческом понимании природы это объясняется следующим образом: во время бури открывается раковина и принимает в себя оплодотворяющую молнию, встреча моря с небесным огнем дает жизнь жемчугу, находящемуся внутри раковины, жемчугу, который светится чистым и мягким блеском, пронизанный лучами солнца, луны и звезд. Где не знают этого мифа, там называют прекрасную богиню любви дочерью Зевса и Дионы, следовательно, внучкой Океана и Тефии. Все подчиняющая себе сила Афродиты повелевала также морскими волнами, и от нее же ждали тишины моря и благополучного плавания. В Сесте, на берегу Геллеспонта, был храм Афродиты, маяк, с которым связано грустное предание о Герионе и Леандре.

Все наиболее известные храмы Афродиты находились в непосредственной близости от моря, в первую очередь на островах. По острову Кипру Афродиту часто называют просто Кипридой. Здесь в самом большом городе острова, Пафосе, было будто бы сто алтарей Афродиты. Богатую кипрскую растительность считали достойной чудесной красоты богини (в Афинах поклонялись Афродите среди садов): кипарис, кедр, миндальное дерево, гранатовое дерево, пальма придавали пейзажу свя-

щенного острова Афродиты одновременно сладостный и величественный характер.

Самая высокая гора Кипра называлась Олимпом, так же как гора богов на севере Греции. Поэты кипрскому саду Афродиты придали красочные олимпийские черты. Одну из сторон острова осеняла обрывистая гора, непроходимая для человека, белый иней не осмеливался вступать на эту гору, боязливо обходили ее вихри, не осмеливались касаться и дождевые облака. Более суровая половина года изгонялась с этой горы, там было обиталище вечной весны. На вершине горы простиралось широкое плоскогорье, его окружала золотая изгородь, и блестящие ярко-красные ворота вели в сад. Супруг Афродиты, Гефест, изготовил все это, чтобы угодить своей прекрасной подруге. За оградой цвели вечнозеленые растения, хотя никто не обрабатывал землю для них; на них не веял ни один Зефир, за исключением южного теплого ветра. Около пышно цветущего сада находилась тенистая роща, в которой не могли летать любые птицы. Сначала птицы соревновались, дабы узнать, которая из них поет прекраснее всех. Сама Афродита решала это, и те птицы, чье пение нравилось богине, могли уже вить гнезда среди ветвей рощи, те же, которые проигрывали в соревновании, смущенно улетали обратно. Чтя Афродиту, в вечной любви жили здесь и деревья: как верные союзники, кивали друг другу пальмы, осины обнимали друг друга своими ветвями, платаны шептались с платанами, ольха с ольхой. Два источника брали здесь начало: один из них был сама сладость, из другого тек горький яд. В эти два источника обмакивал свои стрелы сын Афродиты, шалун Эрот: он то горящим факелом разжигал огонь любви, то как меткий стрелок посылал свои стрелы в сердца влюбленных. Эрот одновременно обмакивал стрелы в оба источника, поэтому к сладкому меду любви не раз примешивалась горечь печали. Эрот, маленький крылатый бог, сын золотой Афродиты. Вместе с ним резвилась тысяча маленьких товарищей, у каждого, как и у Эрота, имелся лук и колчан, и каждый был ровесник Эроту, но все эти «эроты» были не детьми богинь, но детьми нимф, сопровождающих Афродиту. Сын Афродиты — сама любовь, заполняющая вселенную. Эрот управляет движением звезд и посылает своими стрелами любовь в сердца богов и происходящих от богов царей. В сердца же простых смертных стреляют только дети нимф.

Выплывает ли Афродита из моря, или спускается с Олимпа, из золотого дворца Зевса, или из кипрского сада, она летит по воздуху и в ее золотую колесницу запряжены воробьи или голуби. Ее путь — настоящее триумфальное шествие. Где она пролетает, там начинает пышно расцветать растительность, дикие животные в лесу становятся ручными и ищут себе пару, в

душу человека проникает свет счастливой любви. Завораживая, очаровывает каждого появление ее золотого блеска, она — «любящая улыбку» и «любезно улыбающаяся», «золотая» богиня. Ее «эпифания», божественное появление, так успокаивает волнения человеческой души, как Афродита Понтийская (то есть «морская» Афродита) после бури успокаивает море, устанавливая тишину надо всем господствующей улыбкой. Она появляется в ответ на жалобную мольбу тех, кого она любит, и мягко спрашивает: «Кто тебя обидел?» И так как ей служит Пито (Убеждение) как надежный союзник, она может обещать, говоря: «Если теперь избегает тебя тот, кого ты любишь, то скоро он будет искать тебя; если он не принимает от тебя подарков, то потом будет принимать; если теперь он не любит тебя, то скоро полюбит, если бы даже и не желал этого, даже и в этом случае». К ее окружению принадлежат «эроты», три Хариты, Нимеиос (Страсть) и Гименей, сын одной из Муз, бог, проявляющий себя в радостном ликовании свадебных песен. Но любовь поселяется в душе человека не только как праздничный приход сияния Афродиты. Бывает так, что влюбленные сами не помнят, когда их сердце запылало; бывает так, что человек сохраняет в сердце только приятное настроение и лишь позднее, изумленный, замечает, что оно в нем разрослось и превратилось во все сметающую страсть. Как бы ожидая ласки, полный прелести (kharis), приближается дитя Эрот, и лишь только человек дал ему приют, он проявляет действительную сущность — бога-насильника. Ночной порой он стучит в дверь, гонит сон от твоих глаз и просится к тебе, как заблудившийся маленький ребенок. Ты жалеешь его, даешь ему место у огня, и, так как он продрог холодной ночью, ты берешь в свои ладони его охваченные руки, чтобы согреть их. Но едва согревшись, Эрот с видом невинного ребенка пробирается к тебе поближе и ранит твое сердце стрелой любви.

Афродита дарит людям красоту и любовь. Под видом старой женщины она пришла к Фаону, паромщику богов, и, когда тот очень охотно перевез ее на другой берег, она в награду сделала его самым красивым мужчиной. Когда Гера, Афина и Афродита явились на гору Иду к царскому сыну Парису, занимавшемуся пастушеством, и попросили, чтобы он присудил яблоко Эриды самой красивой из них, то богиня любви привлекла Париса на свою сторону, обещав ему самую красивую женщину в мире, и отдала ему в руки жену Менелая — Елену. Но дары Афродиты не всегда и не всякому приносят счастье. Муки неразделенной любви также находятся в ведении Афродиты, а за преступной любовью следует тяжелая кара богов. О Сафо легенда рассказывает, что именно неразделенная любовь к Фаону довела ее до смерти: прекрасный юноша не ответил взаим-

ностью на ее любовь, и великая лесбосская поэтесса бросилась в море с белой скалы Левкады на острове Лесбосе.

Парис соблазнил жену своего гостеприимного хозяина, спартанского царя; из-за его преступной любви была разрушена Троя. Согласно мифу, любовь самой богини возникла в результате огорчения. Ее возлюбленного Адониса на охоте растерзал дикий кабан, и Афродита добилась у Зевса, чтобы Адонису ежегодно разрешено было на полгода подниматься к ней вновь из подземного мира. С этим мифом связывается праздник Адоний. Преимущественно женщины усаживались тесным кругом и оплакивали умершего, а потом, ликуя, принимали его, когда он возвращался живым; уже в древних толкованиях говорится, что здесь имеется в виду осенняя смерть природы и ее весеннее возрождение. Однако противоположность между бессмертной божественностью любви и любящим смертным человечеством, взятая сама по себе, трагически окрашивает даже самую счастливую любовь. Смертного возлюбленного Афродиты ждет общая человеческая судьба. Мужественный Анхиз стареет, красота, молодость, сила исчезают. Бессмертие без вечной юности — такова судьба Тифона; с точки зрения Афродиты, большую ценность имела бы для него пришедшая вовремя смерть.

Священное животное Афродиты — голубь, он нежно целуется со своей голубкой, это верная в любви птица. В мире растений пышная роза и в особенности яблоко выражают желанную красоту Афродиты. Яблоко почти у всех народов в любовном очаровании, в любовном языке жестов играет большую роль. «Девушка, как сладкое яблоко, краснеет на высокой ветке, на кончике самой высокй ветки, его не видят сборщики яблок, а если и видят, то не могут достать», — говорит Сафо. Для робкого влюбленного нельзя представить более обнадеживающего подарка, чем румяное яблоко, на котором остался след милых зубок или на коже которого наколото имя сделавшей подарок. Изобразительное искусство часто представляет Афродиту с яблоком в руке, и по мифу известно также, что яблоком богиня помогла влюбленному Гиппомену. Аталанта, беотийская царевна, объявила, что она только за того выйдет замуж, кто ее победит в соревновании по бегу, но того, кто отстанет, ждет смерть. Гиппомен согласился состязаться с девушкой, но победил только потому, что этого пожелала Афродита. Она бросила на пути Аталанты три яблока, и, пока девушка их поднимала, Гиппомен опередил ее. Аталанта не обиделась, так как сама была влюблена в юношу. И все же они не могли принадлежать друг другу: Афродита жестоко разлучила их, так как в своем счастье они забыли воздать благодарность доброй Афродите.

АНХИЗ

Златая Афродита, владычица Кипра, господствует над всем живым. Только сердца трех девушек не ведают того, как она побеждает своими сладкими угрозами. Одна из них, дочь Зевса, совоокая Афина, не знала любви, она находит удовольствие лишь в войне да в ремеслах. Афина прежде всего научила земных ремесленников изготавливать военные колесницы из железа, а нежных девушек она учила великолепным домашним рукоделиям, обучая каждую в отдельности. Улыбающаяся Афродита никогда не побеждает Артемиду, богиню, мчащуюся, звеня золотым луком, ведь Артемида любит свой лук и любит гонять диких животных в горах, любит она еще лиру и хороводы с ликующими девушками, а еще тенистые рощи и города праведников. Третья, кто не думает об Афродите, — это Гестия, самая старшая и самая юная дочь Крона, славная дева, из-за руки которой спорили Посейдон и Аполлон. Но она отказала им и дала крепкую клятву, касаясь рукой головы Зевса, что навсегда останется девой. И отец Зевса дал ей вместо замужества прекрасный дар: он предоставил ей место в середине каждого дома, чтобы жертвенные животные домашнего алтаря принадлежали ей; особого храма у нее нет, но в храме каждого бога чествуют также и ее, а в глазах каждого смертного она первая среди богов как богиня домашнего очага. И только над этими тремя богинями власть Афродиты не имеет силы. Но никто другой не может избежать этой власти — ни блаженные боги, ни смертные люди.

Зевсу еще иногда случалось перехитрить Афродиту, он сам также мог посеять любовь к смертным в души богов. Но ведь Зевс — величайший бог и пользуется величайшим почетом. Зевс бросил и в сердце Афродиты томительную страсть к смертному мужчине, когда однажды Афродита, лукаво посмеиваясь, расхвасталась, что она много раз вселяла в сердца богов и богинь любовь к смертным. Теперь Зевс сделал так, что Афродита влюбилась в смертного Анхиза. Анхиз на высоких вершинах многоводной горы Иды пас своих коров, он был красив и мужествен, подобно бессмертным богам. Когда улыбающаяся Афродита увидела его, она влюбилась в него, страсть охватила ее сердце. Она вернулась домой на остров Кипр, в свой благоухающий храм в Пафосе, где была ее священная роща и стоял благоухающий алтарь. Она вошла и закрыла за собой блестящую дверь. Там Хариты омыли ее и умастили елеем, которым пользуются только бессмертные боги. Она надела красивые одежды и богато украсила себя золотом, затем поспешила в Трою, оставив ароматный Кипр и прокладывая свой путь через облака.

Прибыв на гору Иду, которая была питающей матерью для диких животных благодаря своим многоводным источникам, она прямо отправилась к загону скота. Ее руки лизали серые волки, ласково помахивая хвостами, а также хищные львы, медведи и кровожадные, истребляющие оленей барсы. Богиня отыскала шалаш Анхиза и самого героя, которому боги дали такую красоту. Он был один, все другие его товарищи пасли коров на обильных травяных лугах. Анхиз ходил по своему шалашу, непрерывно играя на лире. Внезапно перед ним предстала дочь Зевса, Афродита, в образе обыкновенной девушки, не отличающаяся от них ни ростом, ни лицом, — она не хотела испугать смертного. Анхиз был удивлен, когда заметил ее, он поразился ее красотой и сверкающей одеждой. Пеплум богини был ярче огня, и красиво изогнутые серьги звенели, сверкая. Ожерелья на нежной шее были прелестны, все из золота и разноцветных камней. На мягкой груди, казалось, светился месяц, взглянешь — настоящее чудо! Анхиза охватила любовь, и он сказал гостье: «Привет тебе, царица, кто бы ты ни была среди блаженных богов, ты, которая теперь явилась в этот приют. Ты Артемида, или Латона, или золотая Афродита, или благородная Фемида, или совоокая Афина, или одна из Харит, которые сопровождают каждого бога и сами бессмертны, или ты одна из нимф, живущих в рощах, источниках и лугах. Тебе на горной вершине, откуда все видно и которая отовсюду видна, я воздвигну алтарь и буду приносить во все времена года прекрасные жертвы. Только и ты будь расположена ко мне душой и сделай, чтобы среди троянских мужей появился выдающийся герой, сделай, чтобы после меня остались цветущие потомки и чтобы я сам долго жил и долго наслаждался дневным светом, чтобы я счастливо жил среди моего народа и так достиг бы порога старости». Дочь Зевса Афродита отвечала на это: «Анхиз, славнейший из всех, рожденных на земле, из всех людей, я не богиня. Почему ты сравниваешь меня с бессмертными богинями? Я смертная девушка, моя мать — земная женщина. Имя моего отца Отрей. Ты мог слышать о нем, ведь он царь всей Фригии. Но я могу разговаривать с тобой на твоём языке, так как моей няней была троянская женщина. Теперь златожезлый Гермес выхватил меня из свиты Артемиды, где мы — нимфы и дочери богатых царей — все вместе танцевали и играли. Отсюда похитил меня златожезлый Гермес-Аргифонт и повел через далекие земли, по возделанным человеческими руками краям и через непроходимые, незаселенные, ничьи земли, где лишь хищные дикие животные с шумом пробираются сквозь чащу кустарников. Вел быстро, почти не касаясь земли, и сказал мне Гермес, что ведет меня к Анхизу, чтобы я стала супругой этого юноши и чтобы я подарила ему прекрасных детей. Потом он указал мне твой шалаш,

и вернулся обратно к бессмертным богам могучий Аргифонт, а я вошла в твой приют; в силу необходимости я вынуждена прийти к тебе. И, охватив твои колена, заклинаю Зевсом, заклинаю твоими славными родителями, ведь только сын славных родителей может быть таким, как ты, покажи меня твоему отцу, и гвоей благородной матери, и твоим родственникам, пусть они решат, достойна я быть их невесткой или нет. Пошли скорее посланца во Фригию, пусть отнесет известие моему отцу и моей престарелой матери. Они тогда пришлют с ним в изобилии золота и тонкотканых одежд, и ты получишь мое богатое приданое. Но тогда устрой свадебный пир, которого мы оба так жаждем и как того требует честь перед людьми и богами». Сказала все это, и сладостная страсть охватила ее душу. Анхиз тоже вспыхнул любовью и сказал ей: «Если ты смертная девушка и твоя мать земная, а твой отец Отрей и, как ты говоришь, ты пришла в мой приют по желанию бога, ведомая Гермесом, ты будешь моей супругой до конца моих дней. Нет такого бога или человека, которые могли бы разлучить нас, даже если это далекоразящий Аполлон, который пустил бы в меня свою стрелу из золотого лука. Только ты хоть на миг стань моей, вслед за тем я готов сойти, если нужно, даже в покои Гадеса». Так подарила Афродита любовью Анхиза и только потом обнаружила свою божественную сущность. Она встала в хижине, коснулась головой балки потолка, и бессмертная красота засияла на ее лице, такая красота, которая могла принадлежать только богине Киферы Афродите, увенчанной лучезарным венком. Она разбудила спящего Анхиза: «Вставай, кровь Дардана, почему ты спишь так глубоко? Взгляни, я ли это, та ли я, какой ты видел меня раньше?» Анхиз пробудился ото сна и, когда увидел сияющие очи Афродиты, испуганно отвратил взор, закрыл лицо плащом и такими словами стал умолять ее: «Как только я увидел тебя в первый раз, я понял, что ты божество, но ты отрицала правду. Но теперь я заклинаю тебя эгидоносителем Зевсом, не оставляй меня, несовершенного человека, жить здесь среди людей, лишенного силы, ибо силы теряет тот, кто, как я, разделял супружеское ложе с бессмертной богиней». Афродита возразила: «Анхиз, достойнейший из смертных, будь мужественным и не бойся ничего. Не жди ничего плохого ни от меня, ни от кого другого из блаженных богов, потому что боги к тебе благосклонны. У тебя будет сын, который станет царем троянцев, а после него останутся сыновья и внуки, непрерывная вереница потомков». Но тут богиня, содрогнувшись, вспомнила о том, что Анхиза также постигнет когда-нибудь общая участь смертных — старость. И ей пришел на ум Тифон, муж богини Эос — Рассвета. Тифон также был смертен и происходил из семьи троянского царя. Эос влюбилась в него и пожелала иметь

его своим мужем. Она явилась к Зевсу с просьбой сделать Тифона бессмертным. Зевс кивнул головой и исполнил просьбу. Но неразумная Эос забыла попросить для своего мужа также и вечной юности. Тифон не умер, но стал стареть и, все более и более высыхая, дряхлел. Эос держала его в своем жилище, но от него остался только голос, подобный треску кузнечика, силы в нем не осталось нисколько.

«Если бы ты мог всегда оставаться таким красивым и мужественным, как теперь, я была бы счастлива и всегда признавала бы тебя своим мужем, тогда бы грусть не омрачала моего сердца, но мне не нужно, чтобы ты жил вечно, подобный Тифону, лучше уж не будь бессмертным», — печально сказала Афродита, а с богами она не осмелилась заговорить о смертном муже, так как боялась, что они будут смеяться. Ведь и она также много раз смеялась над богами, когда они влюблялись в смертных женщин.

Когда у Афродиты и Анхиза родился сын Эней, богиня отнесла его к живущим на горе нимфам-дриадам, «древесным девам», чтобы они воспитали ребенка. Дриады жили вдали от богов и людей, только Силен и Гермес веселились с ними. Они жили подолгу, но не были бессмертны, хотя питались пищей бессмертных — амброзией. Сколько бы ни рождалось дриад, с каждой из них рождалось дерево — сосна или дуб. Эти деревья вместе с дриадами росли на высоких горах и имели стройные стволы; бессмертные боги считали их своей рощей. Смертные не рубили их своими топорами. Но когда эти деревья постигла участь смертных, предназначенная Мойрой, прекрасные деревья засыхали на корню, сохла их кора, их ветви падали и вместе с деревьями душа дриад покидала дневной свет. Эти-то девушки кормили и растили сына Афродиты. Только через пять лет снова появилась Афродита перед Анхизом и привела ему сына, чтобы мальчик дальше воспитывался около отца. Она сурово внушала Анхизу, чтобы он никому не выдавал тайны — чей ребенок Эней, а если спросят, то говорил бы, что мать его прекрасноокая нимфа, одна из нимф, живущих здесь на склоне горы, покрытой лесом, что это она подарила его сыном. Если же он откроет, что это сын, увенчанный венком Киферийской богини, его супруги, то в наказание его убьет молния Зевса. Богиня молвила это и возвратилась на небо*.

ПИГМАЛИОН

Пигмалион, царь Кипра, долго оставался неженатым. Однажды он вырезал резцом из белой, как снег, слоновой кости

* По гимну Афродите Гомера.

дивно прекрасную статую. Сам он был вдруг поражен, когда его искусство придало слоновой кости такую прекрасную форму: такой красоты женщины не было на земле. Творец статуй воспылал любовью к собственному созданию. У этой статуи, выточенной из слоновой кости, было лицо настоящей девушки; черты ее лица были совсем живые; казалось, она хочет двинуться, и лишь стыдливая робость предписывает ей спокойствие. Удивляясь, смотрел на нее Пигмалион и много раз трогал ее рукою, чтобы еще раз проверить — живое ли это тело или безжизненная слоновая кость, и он не мог примириться с тем, что статуя не живет. Он касался ее лица поцелуями и иногда почти ощущал, что она ему отвечает, разговаривал с ней и обнимал ее, однако касался ее очень осторожно, опасаясь, что от прикосновения его пальцев останется пятно на ее нежной коже. Он осыпал ее ласковыми словами. Как маленькой девочке приносил он ей небольшие приятные подарки — раковины, круглые камешки, маленьких птичек, ярких окрасок цветы лилии и пестрые мячи, а также солнце девушек — рожденный из слез янтарь. Он нарядил ее в дорогие одежды, на палец ей надел кольцо с драгоценным камнем, на шею — длинную цепочку. пурпурное покрывало набросил на прибранное ложе. Но статуя оставалась немой и бесчувственной.

Подошел праздник богини Афродиты, который с большим блеском праздновал весь Кипр. Коров с вызолоченными рогами и белыми шеями закалывали близ жертвенного алтаря и курили благовонный фимиам. Принеся жертву, Пигмалион встал около алтаря и, боясь высказать свое истинное желание, молился так: «Если вы, боги, способны дать все, пусть будет моя жена похожей на статую из слоновой кости...»

Златая Афродита, которая сама являлась на праздник, устроенный в ее честь, поняла затаенное желание кипрского царя, она знала, что он мечтает о том, чтобы сама статуя из слоновой кости стала его женой. И жертвенный огонь трижды вспыхнул, и развевающееся пламя высоко поднялось своим острием в воздух: это был знак того, что богиня услышала молитву.

Пигмалион поспешил домой и бросился к девушке-статue. И вот, лишь только он коснулся ее, как почувствовал, что слоновая кость делается мягче, она словно тает, подобно воску на солнце, что лучше всего говорило о том, что статуя оживает: в ее жилах стала пульсировать кровь. И когда Пигмалион коснулся ее поцелуем, она порозовела и превратилась из статуи в девушку; испуганно открыла она глаза, вдруг увидела солнечный свет и своего милого, которому внушила любовь на всю его жизнь.

Полными признательности словами высказал Пигмалион свою благодарность благодетельной богине и вступил в брак с

чудесной девушкой. На свадьбе присутствовала богиня Афродита. Через год у царской четы родился сын Пафос, который впоследствии на острове Кипре, на месте святилища Афродиты, основал знаменитый город Пафос*.

НАРЦИСС И ЭХО

После того как Зевс даровал слепому Тиресию дар прорицания, первой попросила у Тиресия предсказания нимфа Лейриопа — супруга реки Кефис. У прекрасной нимфы родился прелестный маленький сын Нарцисс, и она просила предсказать, доживет ли он до старости. «Если не узнает самого себя», — прозвучал неясный ответ, который долго считали пустой болтовней.

Так прелестный ребенок дожил до шестнадцати лет. Он вырос стройным юношей, и многие девушки обращали на него свои взоры, но он надменно отвергал любовь. Целыми днями он охотился в лесу; однажды он загонял в сеть пугливых оленей, когда вдруг его заметила нимфа Эхо. Она была очень разговорчива, но всегда только повторяла слова других. Гера отомстила этой девушке-болтушке: Эхо не могла оставить без отклика слова других людей, но сама не могла начать разговор и всегда только повторяла слова других. Это было вызвано следующей причиной: когда Зевс в горах любезничал с нимфами, хитрая Эхо часто задерживала Геру своей надолго затянувшейся болтовней и, когда ревнивая богиня спохватывалась, нимфы уже разбежались; таким образом, Гера никогда не заставляла мужа на месте его любовных походов. «Пусть же ты не сможешь свободно пользоваться своим языком, который меня обманывал умышленно или неумышленно! В будущем ты станешь говорить короче», — сказала разгневанная дочь Крона, когда поняла, что ее перехитрили. Слова богини не остались пустой угрозой. С того времени Эхо могла повторять только конец разговора других и всегда только на это давала отклик. Эхо лишь тогда с болью почувствовала, что проклятие Геры осуществилось, когда увидела Нарцисса. Юноша бесцельно бродил по дорогам и без дорог, и влюбленная нимфа украдкой шла вслед за ним, и чем ближе она подходила, тем сильнее от этой близости разгорался огонь ее любви, совсем так, как вспыхивает факел, пропитанный серой, если к нему приблизить пламя. О, сколько раз ей хотелось обратиться к Нарциссу с нежными словами и, забежав вперед него, начать ласковый, заискивающий

* Ovid., *Metamorph.*, X, 243—297.

разговор, но ее природа не позволяла более, чтобы она заговаривала с другими, она должна была ждать слов, которые могла лишь повторить. Однако однажды юноша заметил, что кто-то неотступно сопровождает его и крикнул в лесу: «Эй, кто здесь?» — «Здесь!» — отвечала Эхо. Удивляясь, Нарцисс оглянулся вокруг, но никого не увидел, куда ни обращал свой взор. «Иди сюда!» — крикнул он громким голосом, и нимфа ответила призывом на призыв. Юноша обернулся, но никто не приходил. «Почему ты избегаешь меня?» — спросил он, но снова получил обратно только собственные слова. Он еще упрямее стал искать, кто это, кто так отвечает ему, и еще раз крикнул в том направлении, откуда в ответ на его слова раздавались такие же слова обманщика. «Пусть мы здесь встретимся!» — «Встретимся», — отвечала Эхо, у которой никогда еще ни одно слово не вырывалось в ответ охотнее, чем это. И чтобы исполнилось тут же то, что было сказано, она протянула из чащи деревьев свои руки, держа их, как для объятия. Но Нарцисс выскользнул из обнимающих его рук и крикнул на бегу: «Прочь с моего пути! Лучше умру, чем буду твоим!» — «Буду твоим», — только и сказала нимфа и стыдливо скрылась в густом лесу, пряча среди листвы вспыхнувшее лицо, и с этого времени одиноко жила в заброшенной пещере. Но любовь не оставила ее, а боль отказа даже усилила любовь в ее сердце.

В любовных думах нимфа не спала ночами. Тоска изнуряла ее тело. Она вся исхудала, кожа ее сморщилась, жизненные соки ушли из ее тела, остался только ее голос и кости. Наконец, и кости превратились в камень, но голос пережил ее. С тех пор как нимфа скрылась в чаще леса, никто уже не видит ее в горах, но каждый слышит ее отклики. Голос — это то, что осталось от нее и что вечно живет.

Как обманулась Эхо в красоте надменного Нарцисса, так обманывались в любви к нему и другие нимфы до тех пор, пока одна из отвергнутых им и влюбленных нимф не подняла руки к небу и не взмолилась: «Пусть он полюбит себя самого и никогда не будет счастлив в любви». Эту мольбу услышала Немезида, богиня мщения, святилище которой находилось в Рамнунте. Оттуда журча бежал нетронутый-чистый ручей с серебристыми сверкающими волнами. Его никогда не касались ни пастухи, ни пасущиеся в горах козы, ни какой-либо другой скот, ни птица, ни дикое животное, и даже упавшая с дерева ветка никогда не всколыхнула его светлого зеркала. Мягкая мурава окружала источник, и сам же источник питал ее свежей водой; во время полдневного жара густая листва деревьев бросала на источник прохладную тень.

Однажды, утомившись на охоте и изнемогая от жары, Нарцисс прилег здесь, соблазнившись чудесным местом и сверка-

ющим потоком. В то время как он утолял жажду свежей водой, жажда другого рода проснулась в его сердце. Пока он пил, он увидел в зеркале воды свой собственный прекрасный образ. Бесплотное видение вызвало в нем любовь, он дивился и изумлялся, глядя на самого себя. Он почти окаменел, мускулы лица его не шевелились, он стал недвижим, подобно высеченной из паросского мрамора статуе. Примяв траву, он глядел в собственные очи, сиявшие, как две звезды — два близнеца, любовался кудрями, достойными быть кудрями Диониса или Феба-Аполлона, смотрел на подбородок, еще лишенный растительности, на шею, белую, как слоновая кость, на нежный румянец, покрывающий прекрасное снежно-белое лицо. Он изумлялся, глядя на все то, что делало его самого дивно прекрасным, он страстно стремился к самому себе и сам собой любовался. Он хотел поцеловать обманчивое отражение, но тщетно! Сколько раз ни погружал он обе руки в волны, чтобы обнять шею, которую видел в зеркале воды, не мог коснуться самого себя. Он не знал, что такое то, что он видит, он лишь ощущал, что весь горит, устремляясь за обманчивым образом, он не понимал, что того, к кому он так страстно стремится, нет нигде, что это всего лишь призрачная тень, ни одно движение которой не принадлежит ей. Если он делает шаг, делает шаг и она, если он задерживается, задерживается и она, и она ушла бы вместе с ним, если бы он только мог уйти отсюда. Но Нарцисса не мог отвлечь отсюда ни голод, ни то, что уже было время вернуться на отдых; он распростерся на тенистой лужайке и не мог наглядеться на обманчивое отражение. Так собственные глаза стали причиной его гибели. Он лишь немного приподнимается и протягивает руки по направлению к окружающим его деревьям: «Скажите, деревья, любил ли когда-либо и кто-нибудь более жестоким образом? Вы, конечно, знаете, вы, конечно, столько раз предлагали любящим укромное убежище! Вы прожили сотни лет, вспоминаете ли кого-нибудь, кого так мучила любовь? Я вижу, но того, кого я вижу и кого люблю, я никогда не встречу, настолько любовь затуманила меня. Но пусть еще больше будет боль: нас не разделяет бесконечное море, нет между нами длинного пути, ни высоких горных вершин, не высятся стены с запертыми воротами, лишь немного воды служит преградой к тому, чтобы мы соединились. И он так же хочет, чтобы я коснулся его. Каждый раз, как я наклонялся к волнам, чтобы поцеловать его, он всегда протягивал мне губы!»

И снова, обращаясь к колышавшемуся в зеркале воды образу, он продолжал свою жалобу: «Зачем ты играешь со мной, куда убегаешь от меня? Я сам не урод, нимфы любили меня. Своим приветливым лицом ты вселяешь в меня неведомую надежду, и, когда я протягиваю к тебе руки, ты протягиваешь мне

свои; если я улыбаюсь, ты тоже улыбаешься мне, когда я плачу, я вижу слезы и у тебя, когда я даю тебе знак, ты тоже даешь мне знак, и сколько раз по движению твоих прекрасных губ я угадывал, что ты отвечаешь, но мое ухо не улавливает твоих слов!»

Задумался Нарцисс и понял тогда, что это его собственное отражение вызывает неугасимое пламя в его сердце. Он лил горькие слезы, от потока слез замутилось чистое зеркало источника и на поверхности шевельнувшейся воды потускнел прозрачный образ. «Куда ты исчезаешь от меня? — крикнул Нарцисс с болью, увидев разбившееся отражение. — Не покидай меня, безжалостный, останься со мной! Если уж я не могу коснуться тебя, пусть я хоть посмотрю на тебя с наслаждением и болью!» В горе он бил кулаком свою обнаженную грудь, которая была бела и холодна, как мрамор; удары оставляли красные следы, как на яблоке, когда у него одна половина красная, а другая белая, или как на виноградной лозе: пурпур на грозди, созревшей наполовину. Поверхность воды в это время снова выровнялась, и Нарцисс вновь видел каждое движение своего отражения.

Но Нарцисс не мог более выносить этой боли: как тает на огне желтый воск или как испаряется на солнце утренняя роса, так постепенно таял юноша, пожираемый огнем слепой любви. Исчез с его кожи смешанный с белизной румянец, нет больше и следа прежней живости и прежней силы, исчезла его красота, уже не осталось ничего от того, что когда-то любила в нем Эхо. Все же, когда Эхо видела Нарцисса, то, хоть и не забыв прежней обиды, она жалела несчастного юношу, и сколько бы раз ни вздохнул он, столько раз повторяла она его вздохи; даже когда он бил себя в грудь кулаком, Эхо откликалась на звук ударов.

«О ты, кого я напрасно любил!» Это были последние слова Нарцисса в то время, как сам он еще раз бросил привычный взгляд на волны, а все его слова повторили окрестности. И когда он произнес слова прощанья, Эхо повторила последнее его слово — «Прощай!» Затем юноша склонил усталую голову на зеленый луг, и вечная ночь закрыла глаза того, чей прекрасный образ восхищал его самого до самого конца дней. И даже когда Нарцисса принял подземный мир, в зеркале вод Стикса он искал только самого себя.

Водяные нимфы — наяды оплакивали своего брата, умершего молодым, и в знак траура посвятили ему свои срезанные локоны. Оплакивали умершего и нимфы леса — дриады, и Эхо откликалась на их печальные песни. Нимфы сложили костер и приготовили похоронные факелы и траурные носилки. Но нигде не было тела Нарцисса. Вместо него нимфы нашли цве-

ток, у которого была желтая чашечка, окруженная снежно-белыми лепестками. Люди и теперь еще называют этот цветок нарциссом*.

ГЕРО И ЛЕАНДР

На обоих берегах Геллеспонта друг против друга стоят два города, Сест и Абидос. Здесь Геллеспонт всего уже, и таким образом эти города — соседи, между ними только узкая полоса моря. Эрот послал по одной стреле в оба города. В Сесте на берегу моря находится башня, поставленная в честь Афродиты. Там, в этой башне, жила Геро, прекрасная дочь царя, жила одна со служанкой, ибо родители пожелали, чтобы Геро была жрицей Афродиты. Она не проводила времени среди женщин, не искала девушек-подруг с их хороводами, но постоянно молилась Афродите и Афине, а также обращалась, принося жертвы, к находившемуся подле матери маленькому Эроту, потому что боялась его колчана, приносящего огонь. Но, конечно, она не спаслась от его пламенной стрелы.

Наступил большой праздник, который из года в год устраивали в Сесте в честь Афродиты и Адониса. Люди из дальних земель собрались в Сесте, пришли также люди с острова Афродиты — Кипра, не говоря уже о местных жителях; не отставали и жители Абидоса. Пришли женщины, пришли также молодые люди, если и не для того, чтобы приносить жертвы Афродите, то, пожалуй, затем, чтобы посмотреть на народ: нигде не увидишь столько красивых девушек, как на таком празднике. Наконец, в храм Афродиты пришла Геро. Прелесть Харит сияла на ее лице, подобном бледноликой луне в момент ее восхода. По снежно-белому лицу разливался румянец; так распускающаяся роза — одновременно и белая и розовая. Все члены ее тела были полны прелести; при виде ее вспоминались три Хариты древности, но, конечно, ей об этом не говорили. В одном смеющемся взоре Геро жило сто Харит.

Более достойная жрица не могла бы достаться и самой Киприде, богине любви. Жрица Киприды! Как-будто сама новая Киприда находилась среди людей. Только к ней обращались, за ней следовали взоры юношей, их сердца и их помыслы. Был и такой, который говорил себе: «Я ходил в Спарту, видел звезду Спарты — Лакедемон, знаменитый город, где, как говорят, женщины одна лучше другой. Но я нигде не видел такой красивой девушки, такого прекрасного стана и такой нежности. Пожалуй, Афродита приняла к себе в услужение самую млад-

* Ovid., Metamorph., III, 339—510.

шую из Харит. До тех пор буду вертеть шеей, чтобы увидеть ее, пока не изнемогу, но и глядя на нее, не смогу наглядеться. С радостью умер бы, лишь бы она стала моей, и я не поменялся бы даже с олимпийскими богами, если бы Геро стала моей женой и жила бы в моем доме. И если нельзя, Киприда, твоей жрице быть моей женой, тогда по крайней мере дай мне жену, подобную ей». А Леандр, едва лишь увидел Геро, так полюбил ее, что не пожскал задушить в себе любовь. Огненные стрелы Эрота победили его, и он уже не хотел более жить без Геро. Глаза — врата любви, сквозь глаза проникает в сердце юношей стрела Эрота. Любовь победила стыдливую нерешительность Леандра, он глазами дал знак Геро, Геро ответила ему немым знаком. Душа юноши согрелась от счастья, он решил, что девушка отвечает на любовь. Когда Эос потушила свой свет, закатилось солнце и на небе появился Геспер — вечерняя звезда, Леандр смело отправился в храм к девушке. Когда же спустилась темно-синяя ночь, Леандр тихо сжал розовые пальцы девушки и глубоко вздохнул. Девушка молчала и потянула обратно руку. Но Леандр увлек ее в угол храма, там поцеловал ее душистую шею и так сказал ей: «Киприда, идущая вслед за Кипридой, вторая Афина (ибо я не называю тебя именем земных женщин, а только именами дочерей Зевса, которым ты подобна), счастливы твои родители. Выслушай же мои мольбы: ты жрица Киприды, не отвергай же дара Киприды — любви. Я молю тебя, как ищущий защиты, поддержи меня и, если хочешь, прими меня как своего мужа. Для тебя пронзили меня стрелы охотника Эрота. Киприда, богиня любви, послала меня к тебе, а не Гермес, бог играющего случая. Знай, что героическую девушку Аркадии Аталанту гнев богини Афродиты вынудил ответить на любовь Мелания. Уступи же и ты, возлюбленная, моей мольбе и не буди гнева Киприды». Так он говорил, и каждое его слово будило любовь в сердце девушки. Безмолвно Геро устремила свой взор в землю, чтобы Леандр не увидел, как целомудрие окрасило ее лицо румянцем, она крепче стянула на плече хитон, но в нее уже проникла эта горькая и все же сладостная любовь, и ее сердце согрел любовный пламень. Лишь очень не скоро ответила она Леандру нежным голосом, и на ее лице сиял румянец девственной стыдливости: «От твоих слов растрогалась бы и скала, чужеземец. Однако, кто на твоем пути научил тебя таким подкупающим словам? Кто привел тебя в мой родной дом? Я никогда не смогу быть твоей женой, ты здесь неизвестен, нельзя доверять твоим словам, и мои родители никогда не согласятся на наш брак. Если же ты будешь часто приходить в наш город, то мы погибнем из-за злоречия людей, потому что люди рады, если можно о ком-нибудь позлословить, и о том, что случилось тайно, скоро начинают говорить на всех пере-

крестках. Скажи мне, не таясь, свое имя и где твоя родина. Мое имя — Геро, и я живу с одной-единственной служанкой в знаменитой, поднявшейся к небу башне перед городом Сестом, на омываемом приливом берегу. Только море мой сосед. Таково было жестокое решение моих родителей. Нет вблизи меня друг, меня не ждут танцы с молодыми людьми, только шум бурного моря день и ночь раздается в моих ушах». Она сказала это и спрятала свое пылающее лицо в платок, смутившись, что слишком много сказала, как будто бы так и нужно было. По счастью, Эрот, всепобеждающий маленький бог, также и исцеляет того, кого ранил своей стрелой, помогая любящим добрым советом. Леандр, прислушиваясь к советам Эрота, так отвечал девушке: «Прекрасная дева, ради твоей любви я охотно переплыву море во время прилива, когда не плавают по нему корабли. Я не боюсь ни глубокой пучины, ни рева бури, я буду приходить к тебе каждую ночь, переплывая воды Геллеспонта, я живу недалеко, здесь, против твоего города, в Абидосе. Я прошу тебя только о том: зажигай факел на высокой башне и указывай в темноте свой берег, чтобы я видел, куда зовет меня любовь, чтобы, как звезда, светил мне твой факел. На него я хочу смотреть, а не на созвездие Волопаса, не на Орион, не на созвездие Колесницы. Так я вернее достигну противоположного берега и сладостной пристани любви. Следи, возлюбленная, чтобы ветер не потушил факел, это единственный мой светоносный водитель, которому я вверяю свою жизнь. Если ты хочешь знать мое имя, вот оно: Леандр, муж прекрасной Геро». Так любящие тайно вступили в брак. Единственным их свидетелем был факел, когда они клялись, что будут хранить свою любовь и супружескую верность. Геро клялась еще, что будет каждую ночь зажигать факел, а Леандр — что будет каждую ночь переплывать море. Затем Леандр возвратился в Абидос и с этого момента изо дня в день поджидал ночи, когда он мог увидеть свою супругу.

Приходила ночь в темно-синем покрывале тумана, принося людям сон, но Леандру его страстно тоскующая душа не давала спать. Он приходил на берег шумного моря и ждал, когда появится факел. Геро, как только замечала, что уже спустился сумрак ночи, выставляла факел и, как только зажигался факел, Эрот зажигал пламенем нетерпеливую душу Леандра, которая горела вместе с факелом. Слыша в море шум бешеных волн, в первый раз Леандр содрогнулся, но затем собрал все свое мужество и так ободрял себя: «Страшна любовь и беспощадно море, но в море вода, любовь же горит внутренним огнем. Сердце, храни огонь и не бойся прибывающего моря. Любовь ждет тебя на противоположном берегу. Что тебе до неистовых волн? Разве ты не знаешь, что Афродита рождена из волн? Та же

богиня управляет и морем и нашей страстью». Он раздевался, привязывал одежду на голову и одним прыжком бросался с берега в море. Он упорно плыл, бросая взор вперед, на горящий факел. Геро в башне высоко держала факел и с той стороны, откуда дул ветер, заботливо прикрывала пламя платком, пока Леандр не достигал берега. Потом она шла ему навстречу, вела к башне и в дверях молча обнимала Леандра; он еще задыхался от усталости и в намокших его волосах блестели крупинцы морской соли. Геро приводила его в комнату, очищала его кожу от морских растений и натираала его душистым розовым маслом, чтобы заглушить запах соленой морской воды. Уложив его на ложе, она склонялась над ним со словами любви: «Любовь моя, как сильно ты страдаешь из-за меня, ты страдаешь так, как никто не страдал из-за любви. Возлюбленный мой, ты много вытерпел, но теперь уже не бойся соленой воды, запаха рыбы и бушующего моря, отдохни в моих объятиях, склони ко мне твой увлажненный лоб».

Так шли день за днем, и только ночью Леандр мог видаться со своей супругой, и никто не узнал от Геро, что у нее есть муж. Но пришла покрытая инеем зима с холодными ветрами, и поверхность моря взрывали дикие зимние ветры. Моряк не надеялся более на море и вытащил на сушу свой черный корабль. Однако Леандра теперь не охватывал страх, башня звала к тому, чтобы он пренебрегал буйным волнением моря. Знакомый факел звал к себе, но, увы, теперь его мигание было неблагоприятным и ненадежным. Лучше было бы бедной Геро оставаться без Леандра до весны и не зажигать до тех пор факела! Но судьба и страсть непреодолимо звали к обратному. И в зовущей руке сверкал уже не факел Эрота, а соблазняющий знак Мойры.

Была ночь, когда поднялся сильнейший ветер и сразу хлестнул по волнам. Леандр в это время на поверхности морской стремнины пробирался вперед по направлению к берегу и мечтал о возлюбленной. Уже волна набегала на волну, вода клубилась и море взлетало до неба, отовсюду слышался рев борющихся ветров. Зефир дул против Эвра, Нот шумно угрожал Борею, и страшно бушевало море. Леандр среди неумолимых пучин много раз обращался с мольбой к морской Афродите и много раз к самому владыке моря Посейдону. И беспощадному северному ветру Борею напоминал, что он тоже был влюблен в Оритию, прекрасную дочь афинского царя. Но ничто не помогало, и Эрот не защищал от Мойры. Отовсюду навстречу громоздились волны, и уже силы ослабевали, загрязненный поток вливался в рот, и приходилось глотать соленую воду. В отчаянии искал он берега, но злой ветер потушил факел, и вместе с факелом погасла жизнь и любовь Леандра. Горькими словами упрекала

ветры Гери. Леандр был уже мертв, а она все еще ждала его. Сон не приходил к ней, в беспокойстве стояла она и смотрела на море, и, как морская волна, ее душа металась среди скорбных мыслей. Наступил рассвет, но Гери и тогда не увидела своего возлюбленного. Она смотрела туда и сюда, пристально оглядывая широкую поверхность моря, — не увидит ли где-нибудь мужа, не сбился ли только с пути Леандр, когда погас факел. И когда она увидела у подножия башни выброшенное на берег, израненное острыми скал мертвое тело мужа, она разорвала на груди вышитый хитон и бросилась вниз с высокой башни. Она мгновенно умерла рядом со своим мертвым мужем. Так, верные своей любви, они и в смерти не оставили друг друга*.

* Musaios, Hérō kai Leandros.

ГЕРМЕС

Отец Гермеса — Зевс. Мать — Майя, дочь титана Атланта, держащего на своих плечах небесный свод. Гермес родился в знаменитой своими пастбищами Аркадии, на горе Киллене. Он — бог изворотливости, ловкости, хитрости: Гермес — *dolios* (коварный). Еще будучи грудным младенцем, он уже угнал целое стадо и своей сметливостью много раз помогает равно и богам и людям. Он изобрел целый ряд средств для украшения и облегчения жизни. Он первый сделал лиру из щита черепахи и овладел тайной письма по журавлиному полету — в строе журавлиной стаи воображение венгерского народа также усматривает букву V. Все его многосторонние качества можно свести к одному свойству — сметливости. Он — удача, счастливое мгновение, неожиданно подвернувшийся хороший случай. Его всегда готовая к услугам сметливость уживается с плутовством. Его желание делать подарки восхитительно наивно, его прозвище *kharidotes* (податель радостей), в котором *kharis* (по латыни *gratia*) выражает его приятное свойство — благо дарующий жест. Но и тот, кому он наносит ущерб, не может на него сердиться всерьез, как нельзя сердиться на шаловливого ребенка. Он — бог воров и отец знаменитейшего греческого вора Автолика, деда хитроумного Одиссея по матери. Кроме того, от него ждут — в особенности на его родине в Аркадии — прироста стад и полезных пастушеских забот. Бог-пастух Аркадии, козлоногий Пан, — его сын. И как *kriophores*, то есть пастух, несущий на плече барана, Гермес — залог счастливых розысков пропавшей скотины. В общем он тот, кто выручает в запутанных случаях. Он направляет на дорогу сбившихся с пути, и поэтому путешественник, готовый отправиться в дорогу, молится в первую очередь Гермесу. В дороге тоже можно приносить ему

жертвы, потому что на перекрестках стоят его статуи. Дорожные камни также украшены головой Гермеса, это так называемые «гермы». Гермес известен еще как *psykhopompos*, «проводник душ», он спускается в подземный мир и приводит души умерших к вечному судие. Как бог наживы и благополучного пути, Гермес — покровитель торговцев. Как посланец, заслуживающий наибольшего доверия, он часто состоит на службе у самого Зевса. Каждая счастливая идея и каждый счастливый случай идут от него: *hermaion* (подарок Гермеса) — так называли греки всякий найденный предмет. Он дает меткие слова человеческим устам — «слова Гермеса». Он — бог делового разговора; трудно понятная, неясная речь внезапно проясняется благодаря вмешательству Гермеса. Поэтому мы называем всякое разъяснение текста наукой Гермеса — «герменевтикой». Но имеется также и более темная наука Гермеса; в течение всего средневековья хранились воспоминания именно об этой науке. Как Гермес «трисмегист» (трижды величайший Гермес), он высший мастер колдовских чар, и если мы что-нибудь почти совершенно закрываем от внешнего мира — «чтобы даже воздух не имел доступа», — мы говорим, что это «герметически» закрыто.

Гермес «трисмегист» в глазах средневековых алхимиков — величайший мифологический авторитет. Его волшебный жезл знаком уже и классическому воображению; любитель темноты, он вовлекает в круг волшебства образ ночной природы. Действительное царство Гермеса — это ночь, готовящая на каждом шагу неожиданности и закутанные в сумрак ловушки. Нам известен также атрибут Гермеса *nyktios* (ночной), и на вечерних пиршествах в честь Гермеса совершают возлияния из последнего кубка. Гермес своим жезлом приносит людям очарование сна, часто даже в такое время, когда благоразумнее было бы оставаться бодрствующим. Но, «кто рано встает, находит золото», и счастливый случай, представившийся вследствие внезапного пробуждения, снова свидетельствует, что здесь присутствует Гермес.

Эмблемы Гермеса: жезл вестника, на конце которого иногда сплетаются две змеи и *petasos*, дорожная шляпа, — в Греции такими шляпами покрывали головы только больные и путники; и на шляпе, так же как на сандалиях, видны крылья, которые указывают на расторопность. У Гомера мы нередко читаем о золотых, сандалиях Гермеса, несущих его быстро, как ветер, по суше, воде и воздуху. Сначала Гермеса изображали бородатым мужчиной, и эту древнюю традицию в общем сохранили на «гермах» — на них изображали Гермеса с остроконечной бородкой, — но уже в V веке до н. э. было распространено изображение Гермеса — юноши-подростка. В IV веке Пракситель уреко-

вечил этот идеал, который чутье греческого народа связывало с именем Гермеса. Этот скульптурный образ уже подготовил Гомер, у которого Гермес чаще всего появляется в образе совсем молодого человека с едва опущенным подбородком; он всегда готов прийти на помощь находящимся в затруднительном положении смертным (Приаму, Одиссею).

После Праксителя этот тип в изобразительном искусстве является преобладающим. Гибкий телом, с упругими мышцами эфеба, то есть юноши, едва вступившего в пору зрелости, в котором гимнастика, физические упражнения развили не столько физические силы и природную выносливость, сколько физическую ловкость, физическое здоровье человеческого тела, освещенное духом, способность быть полезным, дисциплинированность. Во всяком случае, в Афинах именно этот «герметический» идеал имели в виду, занимаясь физическими упражнениями, поэтому здесь был установлен праздник Гермеса — Гермеи, проводимый в гимназиях и на палестрах (площадях для борьбы).

ПЕРВЫЕ ДЕЯНИЯ ГЕРМЕСА

В Аркадии на горе Киллене, в тенистой пещере жила Майя, мать Гермеса. Когда родился ее сынок, она положила его в колыбель. Но маленький Гермес недолго в ней оставался. Он вылез из колыбели и перешагнул через порог пещеры. Как раз перед пещерой паслась черепаха, по-барски расставляя свои ноги на цветущем лугу. Гермес много смеялся, увидев ее, и не утерпел, чтобы не сказать: «Ты во время пришла, бог тебя к нам привел, милая маленькая скотинка. Что за прелестная игрушка! Но куда и откуда ты идешь? Маленький обломок панциря, но есть ноги и умеет ходить. Нет, постой, я тебя возьму, я как раз тебя ждал, посмотри, как я тебя ценю, ты первая, но не последняя, из которой я извлеку пользу. Ну, иди, тебе лучше будет у нас в пещере, ибо здесь, снаружи, с тобой легко может случиться что-нибудь дурное. Ты будешь волшебным средством против чар, несущих зло, пока ты живешь, а если умрешь, то и тогда тоже все будет хорошо, ибо ты будешь исполнять прекрасные, звучные песни». Сказавши так, он обеими руками схватил черепаху и притащил ее с собой в пещеру. Там он захватил ее мягкое тело под панцирем и потом вырезал его умелой рукой: сказать и сделать для Гермеса было одно и то же. Он нарезал колышков из стеблей тростника, симметрично воткнул их на поверхности жесткого, как камень, панциря, приспособил к этому дужку, изогнутую в виде локтя, на нее уложил остов черепахи и натянул на него семь штук прекрасно звуча-

щих струн, изготсвленных из кишок овцы. Лишь только он это сделал, как тут же и испробовал. Он перебирал струны и при этом чудесно пел обо всем, что только приходило на ум. Воспевал свою мать, горных нимф в прелестных башмачках, Зевса, сына Крона, воспевал по очереди слуг и служанок матери, свое светлое жилище и драгоценные сокровища в пещере.

Но вскоре эта забава ему наскучила. Он оставил музыку и засунул в свою колыбель новую игрушку. Гермес проголодался, ему захотелось мяса, и он одним прыжком снова внезапно появился у входа пещеры и оттуда стал обозревать окрестности. И когда Солнце уже отдыхало в Океане, Гермес под покровом ночи отправился в Пиерию.

В Пиерии паслись стада, принадлежащие богам. Гермес быстро забрал пятьдесят коров Феба-Аполлона и угнал их. Дорога была песчаная, на ней оставались следы ног. Но с ним были хитрость и ловкость. Он сбросил сандалии, затем связал две охапки древесных ветвей с листвой вместе с гибкими прутьями тамариска и мирта и вместо сандалий приспособил все это к своим ступням. А коров повернул задом наперед и так погнал их дальше, чтобы следы их ног вели в противоположную сторону. На всем пути ему встретился один только старик, работавший на гумне. Гермес сказал ему: «Добрый человек, твою работу благословят боги, если ты меня слушаешь; то, что ты видишь, — пусть ты этого не видел; что ты слышал — не говори никому». И поспешил дальше с коровами. И хорошо, что поспешил, потому что время Ночи, союзника воров, уже истекло.

В Пилосе около реки Алфея Гермес нашел хороший, просторный хлев, туда он и загнал широколобых коров Аполлона. Напоил их, заботливо накормил душистым сеном, росистым клевером, потом собрал кое-что пригодное для огня и сложил большой костер. Так и развевалось пламя, так и трещал и шипел хороший, смолистый хворост. Он тут же изжарил на костре двух коров.

Прежде чем удалиться, он сжег остатки пиршества и уголья прикрыл песком. И уже встало солнце, когда он вернулся на гору Киллену. По счастью, он больше ни с кем не встретился на своем длинном пути, ни с богом, ни с человеком, даже и собаки не лаяли на него. Вот только мать закрыла дверь в пещеру. Ему туда не войти. Но Гермес съежился и через замочную скважину проскользнул в комнату. А там на цыпочках подкрался к своей колыбели, залез в свои пеленки и невинно улегся, подобно тому, кто не умеет сосчитать до двух. Он шевелил своими пальчиками тесьму пеленок, под которую была засунута вчерашняя игрушка: лира, сделанная из панциря черепахи. Матери не под силу было его перехитрить.

«Где ты пропадал всю ночь, негодный? — строго спросила она. — Ай, сколько с тобой горя! Только вчера родился, и я уже должна бояться, чтобы не пришел из-за тебя Аполлон. Он наденет на тебя тяжелые оковы, от которых ты никогда не освободишься». Гермес только засмеялся: «Никогда за меня не бойся! Если сын Латоны будет очень за мной следить, я поступлю с ним не так. Я отправлюсь в Дельфы, вторгнусь в его светлое жилище, найду там много такого, что можно утащить: прекрасные треножники и котлы, золотые и железные, и множество одежды. Ты все это увидишь, если захочешь!»

В это время Аполлон заметил, что пятьдесят его прекрасных коров исчезли с пастбища. Только черный бык гулял там с важностью да еще четыре овчарки, а о стаде, доверенном их надзору, — ни слуху, ни духу. Аполлон также встретился с согбенным стариком, который день и ночь беспрерывно работал на гумне. В тот момент он как раз прилаживал бревна для ограды. Аполлон спросил его: «Послушай, старик, не видел ли ты кого-нибудь, кто бы гнал отсюда пятьдесят прекрасных, криворогих коров?» — «Я видел все это, но ведь трудно было бы обо всем подробно рассказать. Я день за днем рабстаю здесь до поздней ночи, а начинаю с рассветом, так сколько же здесь людей проходит по дороге! Есть люди, у которых хорошее на уме, но больше таких, у которых замыслы черные, но трудно таких распознать. Ты спрашиваешь о коровах, и мне сдается, как будто я вчера ребенка видел с коровами, в руках у него был прут, и коров он гнал задом наперед». Как только старик кончил, взлетела вещая птица. Аполлон понял, что вором мог быть только новорожденный сын Зевса. Он видел следы в пилосском краю и не понимал: следы копыт все ведут в Пиерию, на пастбище. А след ноги вора чудовищно велик и неопределенной формы! Он не может быть ни человеческим, ни волчьим, ни львиным, но и медвежья ступня не такая бесформенная.

Аполлон быстро примчался на гору Киллену и тотчас переступил каменистый порог прохладной пещеры Майи. Гермесу не нужно было большего. Как только он увидел разгневанного бога, он натянул до самых ушей свои пеленки, а сам свернулся, подобно беспомощному малютке, когда тот сладко засыпает после теплого омовения. Да нет, уже заснул! А лиру он теперь прижал к себе рукой. Аполлон поглядел на Майю, горную нимфу, и ее маленького сына Гермеса. Но раньше осмотрелся в пещере, заглянул во все закоулки и блестящим ключом открыл три двери. Но находил везде только нектар, ароматную амброзию, золото, серебро и пурпуровые, украшенные серебром одежды нимфы. Когда он подошел к колыбели, то закричал на Гермеса: «Отдай немедленно моих коров, негодный, а не то я поступлю с тобой иначе — схвачу тебя и сброшу в темный Тар-

тар, откуда потом ни мать, ни отец не смогут тебя вытащить!» Гермес только моргал, не понимая: «Что такое? Коров? Каких коров? Дай мне спать спокойно. Я только этим занят. Не встречал никогда ничего похожего на корову, даже и не понимаю, чего ты от меня хочешь, ведь я только вчера родился, у меня еще слабые ноги для того, чтобы вылезти из колыбели и ступить на землю. Я люблю спать, еще люблю я сладкое материнское молоко, теплое омовение, но ни до чего другого мне нет дела. Все боги над тобой будут смеяться, если узнают, что ты требовал от меня своих коров». С этими словами он отвернулся и стал посапывать, точно все это его совсем не касалось. Но тут уж рассмеялся Аполлон. «Не притворяйся, маленький плут, что ты только из колыбели! Я все равно знаю, кто ты: ты бог воров, и пока мир есть мир, это будет твоим прозвищем среди богов. — И он схватил Гермеса. — Теперь ты, может быть, покажешь, куда ты загнал моих коров?» Но Гермес не смутился: «Чего ты от меня хочешь? Почему ты так груб со мной? Если бы их даже земля поглотила, разве на свете только и есть, что эти коровы? Впрочем, я-то еще не видал ни одной за всю мою жизнь! Но пойдем к Зевсу, пусть он нас разберет». И два прекрасных сына Зевса, сребролукий Аполлон и Гермес, маленький плут, поднялись на Олимп. Яркий свет заливал высокую вершину; когда они появились, там как раз собралось несколько богов. Отец Зевс гневно обратился к Аполлону: «Феб, какую славную добычу ты принес с собой — новорожденного младенца! Неужели у тебя такая срочность, что ты приносишь его на совет богов?» — «О отец, выслушай, — отвечал Аполлон, — и не насмехайся надо мной, как над любителем добычи. Этот маленький ребенок, новорожденный, невинный, угнал у меня прекрасных коров с ловкостью, которая вызвала бы замешательство и у старых воров. Сделав это, он вернулся обратно и улегся в колыбель, натянул до ушей пеленки, и когда я требовал у него коров, он только тер глаза двумя своими маленькими кулачками и знать ничего не хотел». Так сказал Аполлон и сел среди остальных богов. Теперь попросил разрешения ответить Гермес: «О отец, выслушай, я расскажу все как было, чистую правду, ведь не могу же я солгать! Аполлон вдруг ворвался в дом моей матери на горе Киллене, в тенистую пещеру, и вот он здесь! Он злобно напал на меня, чтобы я возвратил его коров. Да еще угрожает, что сбросит меня в подземный мир. Ему конечно, это легко, ведь он сильнее, он мужественный, прекрасный юноша, а я только вчера родился, и это он также знает. Может ли такой вор, как я — маленький слабый ребенок, — угнать скотину? Защити меня, отец, против более сильного!» И Гермес перебросил свою пеленку через правую руку. Но Зевса нельзя обмануть. Он уже все знал и в душе смеялся над маленьким озор-

ником. И Зевс повелел, чтобы Гермес сопровождал Аполлона и чтобы они вместе отыскиали коров. А затем Зевс определил Гермесу его обязанности: когда тот вырастет, он будет посланцем и проводником богов. Повеление Зевса надо было выполнять. Аполлон и Гермес отправились в Пилос, к месту переправы через реку Алфей. Там Гермес вывел коров из-под высокого навеса хлева. Тут Аполлон увидел, что из пятидесяти коров двух не хватает. Он спросил Гермеса: «Как мог ты, негодный, в однодневном возрасте содрать шкуру с двух коров? Ты обладаешь чудовищной силой, я сам уже боюсь тебя». И, сказав это, Аполлон тут же крепко связал веревками руки Гермеса. Но не тут-то было! Гермес хоть и был связан, однако сил у него было достаточно, чтобы заколдовать коров. Коровы остановились как вкопанные и не могли двинуться ни туда ни сюда. Аполлон не скрывал изумления, но был неумолим и не соглашался освободить Гермеса даже для того, чтобы тот снял с коров колдовство. Теперь настала очередь Гермеса вымаливать прощение у Аполлона за все причиненные ему неприятности, ну и, конечно, за нехватку двух коров. По счастью, с ним была лира, которую Гермес не выпускал из рук ни на одну минуту. Он стал перебирать струны и при этом запел. Сладкая тоска затопила сердце Аполлона, а сияющее лицо его засветилось радостью. А Гермес все перебирал струны и пел звучным голосом, воспевал Землю и Небо и поочередно рождение каждого бога. «Золотой плут! — вырвалось с восхищением у Аполлона. — Я не пожалею пятидесяти коров ради этой песни! Где ты взял этот инструмент? Я руководитель хора Муз на Олимпе, но и среди них не слышал я никогда подобной музыки. Будем друзьями ради нее! И клянусь на моем кизиловом жезле, я введу тебя в сонм великих богов, и тогда твоя слава и слава твоей матери навеки сохранятся». — «Я охотно научу тебя музыке, даже отдам тебе лиру, — сказал Гермес и заискивающе прижался к стройному старшему брату. — Только в другой раз не нужно из-за двух коров сразу поднимать такой шум». Потом они пригнали коров на пастбище и рука об руку вернулись вдвоем на высокий Олимп. Зевс, их отец, был счастлив и любовался ими *.

ГЕРМЕС И ДРОВОСЕК

Однажды один дровосек уронил в реку свой топор. Бедняга не знал, что ему делать. Сел на берегу и загрустил. Гермес пожалел его и, когда услышал, что за горой у дровосека, нырнул

* По гимну Гермесу Гомера.

в реку и вытащил оттуда золотой топор. Спросил он у дровосека, этот ли топор он потерял. Дровосек ответил, что не этот. Гермес снова опустил в воду и вытащил серебряный топор. И когда дровосек сказал, что и это не его топор, Гермес принес ему его собственный, оброненный им топор. Этот топор дровосек уже признал, и Гермес, как только увидел, насколько честен бедный человек, в награду отдал ему и другие два топора. Наш дровосек пришел домой и рассказал своим товарищам, что произошло с его топором. Один из его товарищей задумал тоже попытать счастья. Пришел на берег реки и нарочно бросил свой топор в волны, а потом сел и заплакал. К нему также явился Гермес и, выслушав жалобу, спустился в реку, принес ему золотой топор и спросил, тот ли это топор, который он уронил. А дровосеку больше ничего и не нужно было: обрадованный, он схватил топор и сказал, что да, это тот. Но бог так возмутился бесстыдством дровосека что не только не отдал ему золотого топора, но не вернул лжецу и его собственный. Эта сказка свидетельствует, что бог — даже Гермес, бог счастливого случая, приносящего прибыль! — желает, чтобы человек был честен и помогает правдивым, а лгунов презирает *.

* *Fabulae Aesopicae*, Halm Aufl., 308.

ПОСЕЙДОН И БОЖЕСТВА МОРЯ

Нам достаточно бросить взгляд на географическую карту, чтобы понять, какое исключительное значение имеет море в жизни греческого народа. Греция южной частью Балканского полуострова глубоко вдается в море, берега ее изрезаны заливами, окаймляющими их, точно кружево, и имеют много удобных бухт. Особенно глубоко врезалась в сушу Коринфская бухта — настолько, что Южная Греция, Пелопоннес, только узким Истмийским перешейком связана со Средней Грецией, перешейком, похожим на черенок зубчатого листка земляники вместе со стеблем; поэтому позднее эта часть называлась Морейя, от латинского слова *moenium* (земляника).

Западное побережье Малой Азии, находящееся против собственно Греции и также богатое заливами, многочисленные острова Эгейского моря, несколько островов, лежащих близ западного побережья Греции, и рано колонизованная греками южная часть Италии — вот географические рамки исторического развития греческого народа. Если к этому мы еще добавим, что земледелие и скотоводство были развиты в Греции в значительно меньшем объеме, чем того требовалось бы для жизни народа, то, естественно, мы должны будем признать, что море не только постоянно притягивало и звало к новым и новым приключениям молодые силы гениального, одаренного воображением народа, но что мореплавание непосредственно являлось одним из условий существования греческого народа.

Греческий народ моряков, для которого мореплавание было одним из первых переживаний, знал море как помощника на пути корабля, как доброжелательную стихию со спокойной и сияющей бесконечной зеркальной поверхностью, но в то же время и как беспощадную, неизмеримо могучую силу, которая грозит тысячью опасностей. Мифология отразила в пластиче-

ских образах богов весь тогдашний опыт, приобретенный человеком в мире природы и в обществе. Это воображение населило богами и море.

Владыка моря Посейдон управляет морем с помощью трезубца: трезубцем он взбаламучивает волны, трезубцем же он касается моря, когда хочет успокоить бурю. Внешность Посейдона подобна внешности Зевса, но черты его грубее, его власть капризней и беспощадней, подобно тому как законы таинственных глубин моря темнее и ненадежнее, чем законы небесного свода. Господство Зевса выражает вечный мировой порядок, господство Посейдона — мощь воды, благополучное плавание и риск возможного кораблекрушения; с этой мощью нужно считаться всем, кто пускается в море, но силу которой никто не может вычислить заранее. Дары моря — благосостояние и опыт, но сколькими опасностями оно угрожает предприимчивому мореплавателю! Губительные водовороты и мели, бури, бросающие корабль, как игрушку, морские чудовища и неизвестные народы, к которым могут попасть потерпевшие кораблекрушение! Это могут быть гостеприимные феаки, народ богов, но могут быть и жесткие гиганты или варвары, приносящие своим богам человеческие жертвы и влекущие на кровавый алтарь заброшенных к ним чужеземцев. Еще в древности взор ученых останавливался на том, что смертные сыновья Зевса все человечны, мудры, это герои, полные благородных сил, в то время как дети Посейдона по большей части жестокие, бесчеловечные исполины, как, например, Бусирис и Антей, с которыми мы встретимся в мифе о Геракле. Таков сын Посейдона Полифем, таковы лестригоны — пожирающий людей народ гигантов, или Амик, который вызывал на борьбу и убивал каждого чужеземца и делал это до тех пор, пока сын Зевса Полидевк не убил его; Прокруст, который хоть и давал приют чужеземцам, но только затем, чтобы подвергнуть их бесчеловечной пытке и мучительной смерти. Этот Прокруст таким образом укладывал на ложе своих гостей: у людей высокого роста он отрубал от туловища столько, сколько не помещалось на ложе, людей же меньшего роста он вытягивал до тех пор, пока тело их достигало длины этого ложа. С ним покончил Тесей, афинский герой, которого некоторые предания именуют также сыном Посейдона. Но образ Тесея уже не отражает необузданной силы Посейдона, он отражает черты, общие с морской богиней Афиной-Палладой, и произошло это потому, что постепенно море заняло одно из первых мест среди факторов, развивавших и цивилизовавших греческий народ. Поэтому Посейдон и Афина-Паллада уже могут соревноваться за обладание Афинами: только дар Посейдона — море может быть поставлен рядом с даром Афины.

Одним из символов все сметающей силы потоков воды является бык, поэтому богов, олицетворяющих реки, изображают с бычьими рогами или просто в виде быка. Таков, например, Ахелой, соперник Геракла по сватовству к Деянире. Это объясняет выдающуюся роль быка и в культе Посейдона. В честь Посейдона были установлены состязания быков; темных быков приносили ему в жертву и местами «на празднике быка» — на так называемых Таургеия — юношей, прислуживавших во время обряда жертвоприношения, также называли «быками» (tauros). Еще чаще мы встречаемся с конем в сфере влияния Посейдона — это мчащийся скакун с гордой гривой; в этом пластическом образе обобщается не только дерзкий натиск волн, но и игра скачущих, кудрявых, пенистых гребней. «Hippios» — это конь, поэтому один из атрибутов Посейдона — hippios. Посейдон подарил Беллерофонту Пегаса, но золотую узду, при помощи которой герой заставил крылатого скакуна служить ему, он получил от Афины-Паллады, подобно тому как на морских волнах только тот корабль уверенно идет вперед, где рулевой заручился мудрыми советами и благоразумными указаниями Афины-Паллады. В различных мифах кони Посейдона одинаково выражают и разрушительную силу моря и его благотворительную силу, помогающую человеку. Ипполит невинно оклеветан своей мачехой Федрой перед отцом Тесеем. Опрометчивые проклятия Тесея накликali месть Посейдона: море неожиданно начинает волноваться, волны вздымаются до неба, дико ревущий бык появляется из глубин моря, обезумевшие при виде быка кони Ипполита понесли и разбили насмерть невинного юношу; по другому, вероятно наиболее раннему, варианту, из моря внезапно появляются кони и уносят Ипполита. Напротив, в том мифе, в котором греки видели мифологический прообраз знаменитых олимпийских игр, крылатые кони Посейдона несут его любимца Пелопса на состязание. Гипподамия, дочь Эномая, царя элидского города Писы, была обещана в жены тому, кто победит Эномая, сына Ареса, в состязании на колеснице; в случае неудачи побежденного ждала неумолимая смерть. Эномай уже поместил черепа тринадцати искателей руки Гипподамии в храме Ареса. Сын Тантала, Пелопс, на берегу моря обратился с мольбой к Посейдону, и бог выслал ему из моря золотую колесницу и крылатых коней. Пелопс снискал любовь Гипподамии благодаря дарам Посейдона и благодаря помощи вероломного возницы Эномая — Миртила: Миртил вынул чеку из колеса хозяйской колесницы, отчего злой царь остался позади. Пелопса же божественные кони уверенно примчали по воздуху к цели, на берег реки Алфея, туда, где позднее происходили олимпийские игры и где Пелопсу, как основателю этих игр, в святили-

ще, именуемом Пелопион, воздавали почести, подобающие божественному герою.

Особые морские божества — нереиды — и сам Посейдон часто появлялись или на коне, или на колеснице, запряженной конями — конями с рыбьим хвостом. Если земля сотрясалась, значит, их колесница мчалась с грохотом под землей.

По представлению древних, земля покоится на море, поэтому Посейдон *gaiéokhos* («державший землю» бог); если море волнуется в глубине, земля также вздрагивает *Enosikht-hòn* — также атрибут Посейдона, что означает «сотрясающий землю».

В Эгее в глубине моря находился золотой дворец Посейдона, но Посейдон появлялся также и на Олимпе, на пирах богов и на их сблищах, обсуждающих судьбы мира. Это значит, что Посейдон представлял собою подлинное божество, а не только одностороннее проявление силы, не только олицетворение божественной мощи, связанное лишь с одной определенной стихией, как, например, Гея, связанная с землей, или Зефир — с западным ветром. Гея неотделима от земли, ибо она тождественна с ней, Посейдон же может оставить свои владения, но отрешиться от своей морской природы не может и он. Где бы и в каком бы качестве ни выступал он в мире, его сущность связана с морем. У Гомера Посейдон из Самофракии с самой высокой горной вершины смотрит на троянскую войну и, когда видит, что троянцы берут верх, спешит на помощь грекам. Как говорит Гомер, Посейдон три раза вытянулся, а на четвертый — попал из Самофракии в Эгей. Гомер этими словами дает почувствовать беспредельность раскинувшегося моря и до известной степени — змееподобное движение воды, а не только масштабы богов в сравнении с людьми. Здесь в морских глубинах находится дворец Посейдона. Посейдон запрягает златогривых коней, сам одевается в золото и гонит коней по поверхности волн; киты, морские чудовища веселыми прыжками приветствуют своего владыку, и море в блаженной радости расступается, чтобы дать ему дорогу. Так несут его великолепные резвые кони к стоянке греческих кораблей. Вблизи Трои, между Тенедосом и Имбросом, в глубине моря находится просторная пещера. Здесь сотрясатель земли Посейдон распрягает своих коней, кидает им амброзийный корм, заковывает ноги коней в золотые цепи, чтобы они не убежали, пока он будет отсутствовать, а сам в образе прорицателя Калхаса идет к грекам, чтобы ободрить их. Но он сохраняет свою морскую природу и на троянском поле битвы. Слушая рассказ Гомера о том, как Посейдон, заморозив взоры троянцев, сковав их члены, поставил их перед копьями греков, обитатель древней Греции вспоминал о соблазнительных, затягивающих опасностях моря.

Жена Посейдона, Амфитрита, синеокая (κυανόρις) и звучно шумящая (agastonos) богиня. Возлюбленная Посейдона, Амимона, одна из пятидесяти дочерей Даная, разыскивает источник, чтобы принести для своих преследуемых сестер освежающей воды. Посейдон на этот раз дает Амимоне свой трезубец, чтобы она высекла источник из скалы.

Посейдон — царя моря, но, кроме него, моряки чтут и многих других богов и рассказывают об этих удивительных существах. Так, это прежде всего два «морских старца» — Протей и Нерей. Оба умеют прорицать, живут в таинственных глубинах моря, облик обоих быстро и многократно меняется, когда они стараются выскользнуть из рук человека, принуждающего их к прорицанию (это потому, что у воды нет устойчивого образа, она приспосабливается ко всем руслам и, когда разливается, принимает самые капризные очертания). Дочери Неря, нерейды, — добрые морские богини, сами они — играющие волны, которые поднимают корабль на свои молочно-белые, пенистые плечи и так, качая, заставляют скользить Их называли «белые богини», а одну из них, Галатею, — «молочно-белая». Среди них была и Фетида — жена смертного Пелея и мать Ахиллеса. К морскому игривому населению, к окружению Посейдона относится также Тритон — бог, имеющий облик наполовину человека, наполовину рыбы; он дует в раковину-трубу, сообщая повеления Посейдона, так что Восток и Запад сразу откликаются ему. Все позднейшие поэты говорят о Тритоне, приписывая ему этот облик и эту роль. Среди морских божеств больше таких, о которых миф рассказывает, что раньше они были смертными людьми и, только когда бросились в морские волны, стали морскими богами. Таков прежде всего Главк (Синий) и Ино, которая со своим сыном Меликертом бросилась в море. Как смертная женщина, Ино была злой мачехой Фрикса и Геллы, но как богиня она помогает своим чудесным покрывалом, выброшенным на берег потерпевшим кораблекрушение. Как богиню ее называли Левкотеей, «белой богиней», а ее сына — Палемоном. Многие морские имена миф выводит из имен тех смертных, которые сами бросились в море или упали в морские волны; таких мы называем «героями, дающими имена» (hērós eronutos).

Из имеющих отношение к морю наиболее известны герои-эпонимы: Эгей, Гелла, Икар, Миртил. Эгей — афинский царь, сын Пандиона, отец Тесея. Когда Тесей отправился на Крит, чтобы убить Минотавра, он обещал старому отцу, что он черные паруса своего корабля заменит белыми, если спасет жизнь себе и своим товарищам и победоносно вернется в Афины. Но по дороге домой он забыл о своем обещании. Отец увидел, что корабль возвращается под черными парусами, следователь-

но, извещает о смерти сына, и в отчаянии бросился в море. По его имени море и называли Эгейским.

Геллеспонт — это море Геллы. Со спины золоторунного барана маленькая Гелла упала в море, по ее имени море получило свое название. Икарийское море называется по имени несчастного сына Дедала. Миртила бессмертный Пелопс сбросил в море между Эвбеей и Критом; часть Эгейского моря якобы по этому и называется *Myrtoum mare*.

Среди опасностей, угрожающих морякам, чаще всего упоминаются Сцилла и Харибда. По мифу, Сцилла — это скалистая отмель, Харибда же — водоворот ужасающей силы. Обе находятся одна против другой: кто хочет обойти одну из них, непременно попадает во власть другой. Манящие соблазны и вместе с тем губительную силу моря выражает миф о сиренах. Чарующие песни сирен увлекают моряков и ведут их к гибели. Моряки, помимо осторожности, должны еще заручиться поддержкой богов. Благодаря богам они благополучно достигают берега. Афродита устанавливает спокойствие на море, nereиды тихо качают корабли, Левкотея помогает потерпевшим кораблекрушение; помогают морякам также два сияющих брата-близнеца — Диоскуры, сыновья Зевса и Леды, — Кастор и Полидевк. Зевс снизошел к Леде, спартанской царице, в образе лебедя. От бога она имела двух детей — Полидевка и Елену, а от смертного мужа у нее было также двое — Кастор и Клитемнестра. Полидевк — сын бога, из любви к брату он разделил с Кастором свое бессмертие: один из них спускается в подземный мир, на один день, на другой же день это совершает второй. Так они переходят из царства Аида на Олимп и пользуются жизнью бессмертных. Греки ждут их помощи в бою и в состязаниях. Но в особенности часто обращаются к ним с молитвами моряки. Их чтят как богов-«спасителей» (*sótér*) против необузданной мощи Посейдона, ибо Полидевк спасает путешественников от злобного сына Посейдона — Амика. Спасает он и от двух других проявлений необузданности Посейдона: в смертном бою — от спустошения, причиняемого одичавшими конями, а на море — от диких вихрей, бросающих корабль из стороны в сторону. При появлении Диоскуров стихает буря, выравнивается поверхность морская, рассеиваются темные тучи и сразу появляются звезды. Два божественных брата уводят корабль от глубин, спасают мореплавателей, которые уже не верили, что доберутся до берега живыми. Как «эпифанию» Диоскуров, как обнадеживающее предзнаменование всегда приветствовали греческие моряки появление на какой-либо выдвинутой или поднимающейся вверх части корабля — на мачте или на носу — своеобразного светового, лучистого феномена, который теперь хорошо известен морякам Средиземного моря под названием огней святого Эльма.

Нам известно древнее китайское предание, согласно которому богиня Тиен Ху, царица неба, в виде такого же светового явления появлялась на море, чтобы оказать помощь зачарованным мореплавателям. Возможно, что подобное же верование лежит в основе обращения христиан к богородице. — «Звезда моря» (*Stella Maris*); точно так же свое прозвище «царица небесная» (по латыни *Regina Coeli*) богородица унаследовала от различных восточных женских божеств (вавилонских, финикийских, египетских). Вдали от играющего и опасного бурления морского живет Океан и его жена Тефия. Океан — один из титанов, это — обнимающее землю море, переходящее за пределы, доступные реальному опыту мореплавателей. Местопребывание умерших героев, «Острова блаженных», находится в западном направлении, там находятся и другие сказочные края с чудесными существами. Сам Океан — бесконечное пространство — не принимает участия ни в каких общих начинаниях богов. «Без Океана» — часто добавляют поэты, когда они повествуют об оживленных встречах всех титанов или всех богов. По Гомеру, от этого простирающегося за пределы земли моря происходят все живые существа; Океан — прародитель, а Тефия — прародительница всех. Реки по преимуществу считаются детьми Океана.

АКИД И ГАЛАТЕЯ

У Пана, козлоногого бога пастухов, и у нимфы Симефиды был сын Акид. На радость отцу и матери он рос и достиг восемнадцати лет; в этом возрасте он воспылал любовью к Галатее, дочери Нерея и Дориды. Нереида также любила его, но нериду преследовал своей любовью Полифем, одноглазый циклоп, сын Посейдона. Вот когда обнаружилась действительная власть Афродиты, богини любви, вот когда она овладела грубым гигантом!

Раньше циклоп жил совсем один в своей глубокой пещере, и его не мог смутить забравшийся в пещеру гость — одиночество. Теперь Полифем забыл о своей пещере, забыл он также о своем стаде, и если раньше даже лес ужасался, глядя на его неряшливую внешность, то теперь Полифем стал заботиться о себе. Он расчесывал свои лохматые клочья волос — вот-вот и бороду подстрижет! — и оглядывал себя в зеркале вод.

Убийственная кровожадность затихла в нем, и уже без страха могли проплывать мимо острова корабли — Полифем не тревожил находящихся на них путешественников. Знаменитый прорицатель забрел в окрестности сицилийской Этны, это был Телем, которому будущее открывали птицы. Телем предсказал

будущее и Полифему — «твоего единственного глаза, находящегося в середине лба, лишит тебя Одиссей». Но Полифем обратил эти слова в шутку «Моим глазом уже завладела одна девушка», — сказал он и не обратил внимания на предсказание. Целый день он шагал вдоль берега моря, потом, усталый, возвращался в свою темную пещеру. Холмистый полуостров, на котором жил циклоп, вдавался в море, его со всех сторон омывали морские волны. Однажды Полифем поднялся на холм и сел там, но он не сторожил своих густошерстных баранов и не пас их. Они сами брели за своим хозяином. Циклоп положил к своим ногам огромное сосновое бревно, которое служило ему дубиной; составленную из сотни тростниковых стеблей свирель поднес он к губам и заиграл на ней. Ему вторили горы, повторяли и морские волны печальные напевы пастушеской свирели. А в это время за той же скалой скрывалась Галатея, а обнимавший ее Акид издали прислушивался к жалобе Полифема.

«О Галатея, ты чище, чем снежно-белый цветок крушины, ты цветешь прекраснее, чем луг, ты стройнее ольхи, ты сверкаешь ярче, чем хрусталь, ты шаловливее козочки, слаще спелого винограда, мягче, чем лебединый пух или свежий творог, и, конечно, ты была бы прекрасней, чем орошенный сад, если бы ты не убегала от меня! Но ты строптивее, чем не знавший упряжки бычок, и тверже столетнего дуба, обманчивее волн и непоколебимей утеса, надменнее павлина! О, любовь моя к тебе стала бы еще больше, если бы ты изменилась. Ты проворнее не только убегающего от собак оленя, но крыльев и ветра, ты исчезаешь быстрее воздушного ветерка! Ведь ты пожалеешь, что избегаешь меня, и сама пойдешь против себя, если узнаешь, кто я. Половина гор принадлежит мне, а также пещеры, прохладные, когда солнце печет, и теплые, когда стоит холодная зима; мои деревья гнутся под тяжестью плодов, золотистый и багряный виноград растет на моих виноградных лозах, и я берегу его только для тебя. В тенистом лесу собственными руками ты могла бы срывать душистую землянику, а также осенние черешни и терн; у тебя будет множество каштанов; если ты когда-нибудь станешь моей женой, каждое дерево будет к твоим услугам. Еще у меня есть целое стадо, оно бродит здесь, в долине или в чаще леса, или стоит в хлеву, в пещере. Если ты спросишь, сколько голов в этом стаде, я не смогу тебе ответить — это лишь бедным людям приходится считать свой скот. Но не надо, чтобы ты верила на слово: приходи, посмотри собственными глазами! Всегда есть у меня молоко, его тоже много, и мы сможем пить его сколько захочется и готовить из него сыр. Ты не соскучишься: тебя ждут лани, зайцы, козлята, пара диких голубей, у тебя будут и товарищи для игр, я только что нашел на горной вершине двух маленьких медвежат-близнецов.

Они так похожи друг на друга, что ты не сможешь различить одного от другого. Только яви свою светлую голову, покажись из морских волн, о Галатея, приди ко мне и не отвергай моих даров. Я знаю себя, я только недавно смотрелся в зеркало вод и могу сказать — я понравился себе, ведь ненамного лучше меня и Зевс, которого привыкли называть владыкой мира. Правда, я волосат и космат, но бывает ли красиво дерево без листвы или скакун без гривы? Правда, у меня только один глаз, но ведь и щит бывает только один! И у дня только один солнечный диск, а все же день все видит им. Не забудь и о том, что в море, где ты живешь, царствует мой отец: Посейдон будет твоим свекром, если ты придешь ко мне как жена. Лишь послушай меня, погляди, я не боюсь даже Зевса с его молнией, перед тобой же, чтя тебя, я склоняюсь до земли, а если ты сердисься, это потрясает меня больше, чем молнии. Ты отказываешь мне, но я бы не обижался на это, если бы знал, что ты никого не любишь. Но если ты меня избегаешь, то за что ты любишь Акида? Пусть он только попадется мне в руки — я раскрошу его и разбросаю его члены, а тебя все равно достану из волн. Потому что огонь жжет меня! Будто Этну, вулкан, я ношу в груди».

Так изливал свои жалобы Полифем, потом он встал и пошел. Неожиданно он сбегнул скалу и за скалой сразу увидел Акида и Галатею. Они заметили приближение циклопа, но было уже поздно. «А, я вижу вас! — закричал он таким громовым голосом, каким только мог кричать разъяренный циклоп, — я постараюсь же, чтобы это был ваш последний счастливый час!»

Галатея одним прыжком очутилась дома, среди волн, но Акид напрасно искал спасения в бегстве. «Помоги мне, Галатея! — в отчаянии закричал он. — Помогите мне вы, родители! Если уж нужно погибнуть, возьмите меня в свои владения!» Циклоп погнался за ним, отломил кусок горы и бросил его в Акида. Для циклопа это был небольшой кусок, но все же он целиком накрыл Акида. Алая кровь пррссочилась и потекла из-под камня. Немного времени спустя красный цвет стал бледнеть и принял такой оттенок, какой бывает у потока воды. Стройный тростник быстро вырос среди расселин, и в отверстии скалы шумно заплескался источник. И чудное дело — внезапно из источника поднялся по пояс в воде юноша, венком из тростника обвивший свои молодые рога. Это был Акид, он был несколько больше, чем прежде, и лицо его светилось голубоватым светом. Но и так можно было догадаться, что это он. Он превратился в воды реки, сохранившей его прежнее имя *.

* Ovid., Metamorph., XIII, 750—896.

ТЕСЕЙ И МИНОС

Андрогей, сын критского царя, был вероломно убит в Афинах. Царь Минос начал войну против убийц, чтобы отомстить за сына, боги же наказали Афины за грубое нарушение прав гостя. Они послали мор и засуху на всю Аттику, даже реки иссякли. Бог Аполлон объявил, что гнев богов сменится милостью и Афины избавятся от несчастий только тогда, когда афиняне вымолят прощение у Миноса.

Критский царь потребовал тяжелой дани. По условиям мирного договора Афины должны были каждые девять лет отправлять на Крит семь юношей и семь девушек. Их ждала ужасная судьба: они отдавались на съедение Минотавру, сыну критской царицы Пасифаи, дочери Гелиоса. Минотавр был чудовищем — полубыком, получеловеком. Его название и означало: «бык Миноса». Жил он в зигзагообразной пещере — лабиринте. Уже третий раз подходил срок для ужасной дани. Минос сам прибыл в Афины, чтобы отобрать из афинской молодежи лучших юношей и девушек. Юноши должны были безоружными подняться на корабль. На этот раз среди них был сын царя, Тесей. Он был убежден в том, что Афина-Паллада поможет ему убить чудовище-людоеда, надеясь спасти жизнь своих товарищей и избавить родину от траура и позора. Быстро скользил мрачный корабль с героем Тесеем и четырнадцатью прекрасными юношами и девушками. Корабль уже резал волны Киприйского моря. Северный ветер надувал парус — так задумала грозная в битвах Афина. А на корабле критский царь воспластал любовью к афинской девушке Эрибее и уже касался своей рукой ее белого лица. Испуганная девушка позвала на помощь Тесея. Внук героя Пандиона, увидев, что случилось, бросил сумрачный, гневный взгляд из-под бровей, и с сердцем, разрывавшимся от боли, сказал Миносу: «Кротость больше не руководит страстью твоей души, сын Зевса! Если ты герой, сдержи в себе высокомерие и не чини насилия! Поскольку божественная судьба управляет нами и поскольку нас связывает договор Дики, мы принимаем судьбу, раз она приходит. Но ты сдержи здесь намерение! Пусть ты действительно родился от союза дочери финикийского царя с богом, пусть ты сын Зевса, но все же знай: я тоже происхожу от бога. Мою мать Этру, дочь трезенского царя Питфея, любил Псейдон, и фиалковолосые nereиды принесли ей в дар покрывало невесты. Поэтому говорю тебе: насилие приносит несчастье, сдержи высокомерие. Я соглашусь лучше не видеть больше лучей божественной Эос (Рассвета), если ты пожелаешь по отношению к одной из наших молодых девушек прибегнуть к насилию. Померяемся сначала силой наших рук, и пусть ре-

шают боги, что будет потом!» Так сказал смелый герой, и моряки удивлялись его мужеству. Но в Миносе вспыхнула ярость и, замыслив козни против Тесея, сказал он: «О Зевс, отец мой всесильный! Если я действительно твой сын, пошли мне с высоких небес внезапную молнию, огненный чудесный знак в подтверждение». Затем он снял с пальца блестящее золотое кольцо и обратился к Тесею: «Если ты действительно отпрыск богов, сын колебателя земли Посейдона, то достань это кольцо из морской глубины. Ведь ты же, конечно, свободно можешь входить во дворец твоего отца».

Лишь только Минос произнес эти слова, в небе сверкнула молния: Зевс услышал дерзкую молитву и пожелал, чтобы всякий видел, как он оказывает внимание своему любезному сыну. Минос же, как только мелькнул желаемый чудесный знак, поднял руки к небу и сказал: «Ты можешь видеть, Тесей, как мой отец дает мне знать о себе. Теперь твоя очередь, бросайся в пучину моря. Если Посейдон действительно твой отец, он прославит тебя по всей земле». И тут же бросил кольцо в море. Тесей не отступил: с борта корабля он бросился в зеленые волны моря. Сын Зевса, Минос, ликуя, увидел это, а затем, успокоенный, отдал приказ, чтобы корабль повернули в направлении ветра и поплыли дальше. Но судьба распорядилась по-иному. Быстро скользил корабль, в тыл ему дул северный ветер и гнал его вперед. Афинская молодежь содрогнулась от ужаса, когда увидела, что герой, на которого до сих пор возлагались все надежды, бросился в море. Из их чистых глаз хлынули слезы, все они теперь ждали свершения всей тяжелой участи. А в это время в морской глубине дельфины подвели Тесея ко дворцу его отца. Он вступил в божественные палаты, увидел дочерей Нерея, и его сердце затрепетало: их блестящие тела светились, как огонь, в их волосы были вплетены золотые ленты, и они водили веселый хоровод, легко ступая сверкающими водяными ногами. Он увидел во дворце также милую супругу своего отца, достойную уважения волоокую Амфитриту. Богиня набросила пурпуровую мантию на плечи ласково глядевшего юноши, а на его слипшиеся волосы надела венок из темно-красных роз, на которых не видно было и следа увядания, хотя этот венок Амфитрита получила когда-то как свадебный подарок от коварной Афродиты. Так боги приняли Тесея под свое покровительство.

Царь Минос с ужасом вдруг увидел, что Тесей, сухой, поднялся на корабль, держа в руке золотое кольцо. На стройном юноше сверкали подарки богов: на плечах — пурпурсвая мантия, на голосе — венок из темно-красных роз. Юноши и девушки шумно радовались и уже издали ликующими песнями приветствовали Тесея, и море вторило их песням. А корабль сколь-

зил все дальше и дальше. Юноши и девушки с растущей уверенностью глядели в будущее, ведь Тесей снова был среди них *.

ФРИКС И ГЕЛЛА

Женой царя Атаманта была Нефела — женщина «Облако». У них было двое детей — сын по имени Фрикс и маленькая дочь Гелла. Супруги долго жили счастливо, но потом Атамант изгнал жену «Облако» и взял в жены Ино. Женщина «Облако» поднялась обратно в небо и там отдала повеление остальным златокудрым облакам, чтобы они ни капли дождя не посылали на землю Атаманта. Напрасно пахал и напрасно сеял в этот год народ Атаманта, облака не проливали благодатного дождя на посевы. Засуха и голод начались в стране. Народ роптал, и царь Атамант послал паломников в Дельфы, в святилище Аполлона, чтобы попросить совета Аполлона через прорицательницу Пифию. Того, что ответила Пифия, Атамант никогда не узнал, потому что возвращавшихся домой паломников на границе города задержала Ино и сладкими словами и дорогими подарками подкупила их. Паломники послушались ее и вместо пророчества Аполлона сообщили Атаманту, что до тех пор в стране не будет дождей и земля до тех пор не будет приносить урожая, пока царь не принесет в жертву Зевсу детей «Облака».

Фрикс и Гелла в это время жили не во дворце, они пасли на лугу стадо, так как их злая мачеха Ино все время строила козни против них и не хотела, чтобы они даже находились во дворце. Дети жили среди пастухов и слуг и играли с овнами. В особенности они любили ласкать одного прекрасного кроткого овна, ибо у него шерсть до последнего волоска была из блестящего золота.

Однажды, когда никто не обращал на них внимания, злато-рунный овен все терся о колени дегей и вдруг сказал человеческим голосом: «Слушайте меня, маленькие сироты, лишенные матери, ведь я не обыкновенный баран, я сошел сюда со златокудых облаков. Меня прислала ваша мать, чтобы я следил за вами, она смотрит на нас сверху и не велит вам оставаться в царском дворце. Злая мачеха хочет вашей смерти. Сейчас придут сюда царские слуги, чтобы вместе со стадами сторожить и вас. Ино вместо пророческих слов Аполлона через паломников объявила, что вас нужно принести в жертву на алтарь Зевса. Ну-ка, не дожидаясь их, быстро садитесь ко мне на спину. Ты, Фрикс, схватись хорошенько за рога, а ты, маленькая Гелла, са-

* Bakchylides-Plutarkhos, Théseus.

дись позади и держись за шею брата». Дети послушались его, овен пустился бежать с ними и, когда пастухи спохватились, овен уже исчез у них из глаз. Вместе с обоими детьми овен прибежал прямо к морю, бросился в синие волны и быстро поплыл к берегам Азии. Детям некоторое время нравилось это чудесное плавание, но они не говорили ни слова, только глаза их светились радостью. Но среди дороги маленькая Гелла вдруг сказала: «Хорошо было бы отдохнуть, потому что у меня рука устала держаться». — «Еще немного, собери все твои силы, маленькая сестренка», — сказал ободряюще Фрике. Проплыли еще немного, и Гелла снова вскрикнула: «Ай, у меня онемели руки, я больше не могу!» — «Скоро мы достигнем цели, сейчас мы отдохнем», — ободрял ее Фрике. Но Гелла не могла больше держаться. У Абидоса она отпустила шею брата и соскользнула со спины овна. Она еще успела крикнуть Фриксу: «Прощай, милый братец! Доберись счастливо до цели!» Фрикс хотел схватить ее, но напрасно — девочка уже скрылась в синих волнах. То место, где погибла маленькая Гелла, теперь называется Геллеспонтом, то есть «Морем Геллы». А Фрикс на спине злато-рунного овна достиг берега Колхиды. Тотчас же явился он к царю Эту и рассказал ему, как он прибыл в Колхиду. Эг принял его очень любезно, привел к нему и отдал в жены свою старшую дочь. Златорунный овен в качестве благодарственной жертвы был принесен Фриксом на алтарь Ареса, а его золотое руно было подарено Эту. Царь Эг повесил руно на один из дубов в священной роще Ареса и приставил к нему в качестве сторожа извергающего пламя драксна. Боги предсказали Эту, что он только до тех пор будет царем Колхиды, пока в Колхиде будет находиться золотое руно» *.

АРГОНАВТЫ

Царю Пелию, владыке Иолка, боги предсказали, что его господству положит конец человек, у которого обуга будет лишь одна нога.

«Ну, — раздумывал царь, — такого чуда я никогда не видел в своей жизни, с этой стороны нечего опасаться, я могу спать спокойно». Проходили месяцы, приближался праздник бога Посейдона. Пелий готовился к блестящим жертвоприношениям и созывал на праздник знать страны, среди которой он пригласил также своего славного племянника, сына Эсона, Ясона.

Ясон охотился в ближайшем лесу и теперь поспешно устремился в город, чтобы исполнить желание царя. В горах как раз

* Аристофан, Облака.

наступило таяние снегов, отовсюду бежали вздувшиеся потоки, неся воды свои в долину и в реку Анаур. Река выступала из берегов и с шумом мчалась вдаль. Ясон, лишь только пришел сюда, увидел, что на берегу стоит старая женщина. Бедняга испуганно смотрела, прищурившись, направо и налево и, заметив богатыря, обратилась к нему с жалобными словами: «Послушай-ка, благородный охотник, не перенесешь ли ты меня на другой берег? Когда я выходила из дому, я сама могла перейти реку вброд, а пока я шла, река так вздулась, что я и не знаю, как я одна доберусь до своей избушки». «Я охотно тебя перенесу, матушка», — сказал Ясон и тотчас же поднял старушку на плечи и понес ее через реку. Бешеные волны били ему в ноги, но не могли сбить его, так как он твердо стоял на ногах. Когда же он благополучно достиг противоположного берега старушка внезапно исчезла, а перед удивленным взором Ясона появилась белорукая Гера. «Это я и была старушкой, которой ты помог, — сказала богиня. — Я затем и пришла на берег Анаура в образе старой женщины, чтобы испытать человеческую доброту. Я долго ходила по берегу, многих просила, чтобы меня перенесли на другой берег, но все бессердечно проходили мимо, пока не пришел сюда ты». Ясон еще не пришел в себя от удивления, как вдали сверкнула молния, небо загрохотало и отец Зевс громовыми знаками призвал домой свою супругу. Белорукая Гера вернулась на Олимп, а Ясон продолжал свой путь по направлению к городу. Только теперь он заметил, что одна из его сандалий осталась в Анауре. «Теперь уже бессмысленно возвращаться назад, кто знает, куда понесли ее волны», — думал он про себя, да и ему надо было спешить, чтобы не опоздать на праздник Посейдона.

Но когда Пелий вдруг увидел Ясона, обутого на одну ногу, то сразу вспомнил пророчество, по которому ему помешает господствовать человек, обутый на одну ногу. Испуганный, он не мог и слова выговорить, но потом все же, заикаясь, спросил Ясона: «Что бы ты сделал, племянник, будучи царем, с человеком, о котором было предсказано, что он убьет тебя?» Не долго думая, Ясон молвил в ответ, ничего не подозревая, то, что ему пришло в голову: «Я, конечно, приказал бы, чтобы он достал мне золотое руно, потому что в Иолке, да и повсюду, всякий знает, что золотое руно колхидского царя Ээта день и ночь сторожит извергающий пламя дракон». — «Ну, — сказал на это царь Пелий, — ты сам произнес свой приговор. Собирайся в путь и принеси мне из Колхиды золотое руно». Ясону это и во сне не снилось, но что поделаешь, раз тебе это приказывает царь! Старые родители, услышав, куда он собирается, оплакивали его уже как мертвеца. Но Ясону некогда было плакать. Он немедленно велел строить себе корабль, который должен был

перевезти его через море в Колхиду. Мάстера, который взялся за постройку корабля, звали Аргос, поэтому и корабль называли «Арго», то есть «корабль Аргоса». Сама Афина-Паллада, мудрая богиня благородных ремесел, учила Аргоса плотничьему искусству и доставила ему дерево из Додоны, от священного пророческого дуба Зевса. Когда корабль был готов. Ясон собрал вокруг себя героев со всей Греции. Пришел Орфей, божественный певец, пришли два близнеца Зевса — Кастор и Полидевк, затем сыновья Борея, потом Тесей и Пелей и еще много других. Явился также Геракл, он шагал могучим шагом, так что земля под ним дрожала, и когда он вступил на корабль, то «Арго» застонал, еле-еле выдерживая на себе тяжесть Геракла. С Гераклом был и его милый оруженосец Гилас. Все они назвались аргонавтами, то есть моряками с «Арго». Вечер перед отъездом они провели в гавани, устроив прощальный пир с шумными возлияниями. Родители, братья, сестры, жены и дети моряков также пришли сюда, чтобы еще раз увидеть героев перед опасным походом, пришли и старики родители Ясона, обливаясь горячими слезами. Спустился с гор, из горной пещеры, Хирон, мудрый кентавр; он быстро скакал на своих лошадиных копытах по направлению к гавани и уже издали высоко поднимал человеческими руками своего маленького воспитанника Ахилла, чтобы тот простился со своим готовым к отплытию отцом Пелеем. Во время пира Орфей играл на лире и воспевал историю золоторунного сына и бегство Фрикса и Геллы. Потом народ разошелся, а герои пошли отдохнуть. Только Ясон не спал. Корабль шептал ему: «Не правда ли, ты удивляешься, героический вождь, что слышишь мои слова? Но Афина-Паллада принесла кусок дерева, взятого от додонских мудрых дубов, для того чтобы Аргос вырезал меня из этого дерева, поэтому я могу говорить, я вижу будущее и потом, в пути, всегда буду извещать об опасности. В противном случае ты не достиг бы Колхиды; ведь столько опасностей подстерегают корабль на море! На рассвете надо сняться с якоря, и мы отправимся в путь, пока дует благоприятный ветер». Ясон так и сделал. Рано утром он разбудил товарищей, они подняли якорь, взяли весла в руки и отправились в путь. Каждому заранее было назначено место на скамье около весел, только Орфей был освобожден от работы на веслах, потому что он должен был всю дорогу перебирать струны и петь героям песни. А Тифий сидел за рулем.

Они отбывали утром, и поэтому гавань была полна народа. Оставшиеся здесь со слезами на глазах подавали прощальные знаки приветствия отплывавшим героям. Во время пути в могучей руке Геракла, разломилось весло. Когда моряки приблизились к берегу Мизии, то здесь они отдохнули, а Геракл сошел с корабля, чтобы отыскать для весла подходящее дерево.

С ним сошел также Гилас. Как только они вышли на берег, там внезапно появился прелестный олень. Гилас сейчас же схватил свой лук и бросился преследовать великолепное животное. Геракл еще подбодрил своего милого оруженосца, потом повернул в другую сторону и пошел в чащу леса. Он думал, что, пока Гилас справится со своей добычей, он сам отыщет то, что ему нужно, а затем они снова встретятся, чтобы вместе вернуться на корабль. А Гилас с призывными криками гнался за оленем, олень же то исчезал среди деревьев, то опять появлялся. Гилас следовал за ним всюду. Так они добежали до источника с прозрачной водой, и Гилас, задыхаясь, уже был не в силах бежать дальше. Олень же внезапно бросился в волны источника и в волнах чудесным образом превратился в прекрасную нимфу. Ее блестящие волосы рассыпались по поверхности воды, казалось, лунные лучи играли на волнах. Гилас встал на колени около источника. Измученный погоней за оленем, он хотел холодной водой источника освежить себя. Нагнувшись к воде и вдруг увидел нимфу. Теперь нимфа звала и манила его, протягивала к нему руки и всячески старалась привлечь к себе прекрасного юношу. То ли сам Гилас потянулся к нимфе, то ли нимфа потянула к себе Гиласа, но только оба они исчезли в кристальной глубине.

В это время Геракл нашел подходящее дерево — ясень, вытащил его с корнями из земли, взвалил целиком на плечо, а затем стал оглядываться кругом и разыскивать Гиласа, но его нигде не было видно. «Гилас, Гилас, Гилас! — кричал Геракл, так что все побережье сотрясилось. Но Гилас не отвечал, ведь он уже был пленником нимфы.

Пока Геракл разыскивал своего милого оруженосца, моряки снялись с якоря и поплыли дальше по направлению к Колхиде. Они были уже далеко, когда заметили, что Геракла и Гиласа нет с ними. Засуетились они, глядя то направо, то налево; были и такие, которые хотели повернуть корабль обратно к берегу, другие же считали, что прежде всего надо спешить в Колхиду. Моряки разделились на две партии и уже все рассорились, когда вдруг среди волн показался Главк, мудрый слуга Нереея, и так сказал морякам: «Не думайте даже поворачивать обратно из-за Геракла. Было бы против желания Зевса, если бы вы взяли Геракла с собою в Колхиду. Геракла ждет другая задача: он должен выполнить двенадцать подвигов на службе у Эврисфея. А в Гиласа влюблена прекрасная нимфа, избравшая его своим мужем, и он добровольно бросился в кристальную глубину источника». Аргонавты успокоились, слыша эти слова. Обе партии примирились и в полном согласии поплыли дальше, ударяя своими веслами по багряным волнам. А Геракл в это время шагал огромными шагами, продолжая свой путь.

ему ведь нужно было достать для Эврисфея золотые яблоки Гесперид.

«Арго» же достиг берегов Фракии. Как раз в это время во Фракии жил старый прорицатель по имени Финей, которого боги наказали слепотой, так как он открыл людям то, что Зевс желал сохранить в тайне. Слепоту дополнило другое несчастье: как только Финей садился за накрытый стол, гарпии, крылатые чудовища Зевса, спускались с высоты и пожирали добрую часть приготовленной для Финея пищи, а то, что оставалось, они так загрязняли, что уже издали от всего этого распространялось такое зловоние, что бедному Финею нельзя было съесть ни кусочка, приятного на вкус. Финей уже ждал аргонавтов на берегу, ведь он и слепой мог предвидеть будущее и знал, что аргонавты несут ему освобождение. С радостью услышал он издали удары весел по воде и с радостью принял героев. «Освободите меня, славные герои, от гарпий», — умолял он, рассказывая, сколько он страдал от них, и прибавил, что, согласно предсказанию, освобождение ему обещано от руки двух сыновей Борея. Два сына Борея, Зет и Калаид, находились тут же среди героев, и так как они были быстры, как сам Борей, северный ветер, то и взялись помочь старому Финею. Они сели за накрытый стол Финея. Тотчас же прилетели гарпии. Какие только были на столе хорошие куски, они похватили, а остальные так загадили, что бедный Финей должен был затыкать нос, чтобы проглотить хоть кусочек. Хорошо еще, что он совсем с голоду не погиб.

Сыновья Борея вовсе не были ленивы, они бросились преследовать гарпий и гнали их до островов, называвшихся Строфады, и только там оставили гарпий в покое, так как гарпии поклялись, что больше никогда не будут мешать Финею. Финей не знал, как и благодарить героев. Он немедленно велел принести для себя еды и питья и наелся досыта, потом дал добрый совет аргонавтам на дорогу, потому что недалеко были Симплегады — две «сталкивающиеся скалы». Эти скалы беспрерывно двигались туда и сюда по морю; если живое существо оказывалось между ними, они сталкивались друг с другом и раздробляли это существо, как гигантские мельничные жернова, а потом снова расходились.

Аргонавты последовали совету Финея и сначала пустили пролететь между скалами голубя. Скалы столкнулись друг с другом и раздробили бедного маленького голубя, а когда они снова разошлись, «Арго» благополучно проскользнул между ними.

В скором времени аргонавты прибыли к устью реки Фазис, в Колхиду. Там они хорошо скрыли «Арго» в зарослях тростника, чтобы жители Колхиды не заметили корабля. Никто не по-

мешал героям, и они смогли хорошо отдохнуть после долгого пути. Всю эту ночь они проспали, чтобы восстановить свои силы. Они знали, что все, что было с ними, — это еще цветочки, а ягодки впереди. К этому времени богиня Гера уже взялась руководить ими, так как она помнила доброту Ясона. Она рассказала это Афине-Палладе, и они вместе думали, как бы помочь Ясону.

У царя Ээта была дочь Медея, которая была известна как волшебница. И вот две богини придумали, что помощь Ясону должна оказать Медея. «Мы отправимся к Афродите, — сказала Гера, — и попросим, чтобы она велела своему сыну Эроту пустить стрелу в сердце Медеи и разжечь в ней любовь к Ясону». — «Я в этом ничего не понимаю, я не признаю Эрота, — отвечала Афина, которая никогда не была влюблена, — но, если ты веришь в это, пойдем к Афродите». Они отыскиали богиню любви и попросили, чтобы она рассказала Эроту об их деле. «Он скверный мальчишка и шалун, — отвечала сердито Афродита, — он кого угодно скорее послушается, чем родную мать. Несколько дней назад он так меня рассердил, что я в гневе хотела сломать его лук и стрелы. А он стал угрожать, сказал, что я раскаюсь, если так поступлю. Но ради вас я попробую, пожалуй; теперь он послушается меня».

Афродита ищет сына, но нигде его не находит. Искала повсюду — и дома, и в олимпийском дворце, пока не встретила его на цветущем лугу Зевса. Там он валялся в траве и играл в кости с Ганимедом, миловидным виночерпием Зевса. Бедняжка Ганимед уже скривил рот, собираясь заплакать, так как Эрот все время выигрывал. У Эрота, конечно, были полны руки выигранных костей, и он громко хохотал. Как раз в это время к нему подошла Афродита. «Что ты хохочешь, плутишка? — спросила она, потрепав сына по пухлым щечкам. — Уж не обманул ли ты товарища?» Эрот ничего не отвечал, только смеялся и смеялся, из его рта, звеня и булькая, вырывался смех. Афродита сообщила, для чего она пришла. Но сначала привлекла внимание избалованного ребенка заманчивыми обещаниями.

«Послушай меня, сынок, я у тебя кое-что попрошу, а потом подарю тебе нечто такое, что тебе понравится. Я дам тебе мяч, который принадлежал Зевсу, когда отец богов и людей еще был ребенком. Он играл этим мячом, когда еще воспитывался на Крите. Для него этот мяч смастерила преданная ему няня Адрастея, и могу сказать, что такой прекрасной игрушки никогда не сделал бы для тебя и мой муж Гефест. Мяч весь золотистосиний с небесно-голубыми полосками, и ты увидишь, когда будешь играть в него, что от него потянутся светлые борозды, как от падающей звезды. Я тебе подарю этот мяч, если ты пронзишь стрелой сердце взрослой дочери Ээта и разожжешь в

ней любовь к Ясону; сделай это поскорее, ты ведь знаешь: чем скорее оказана услуга, тем она приятнее». Эрот начал торговаться. Он прижался головой к груди матери и требовал, чтобы она прежде дала ему мяч. Но Афродита оставалась непреклонной. «Ты получишь мяч, но сначала, пожалуйста, выстрели в сердце Медеи», — сказала мать, улыбаясь, и поцеловала сына. Эрот подобрал кости, которыми играл, высыпал их матери на колени, чтобы она их поберегла, пока он не вернется, схватил лук и колчан с золотыми стрелами, спустился с высокого Олимпа и отправился в Колхиду. А в это время в гавани проснулись аргонавты. Сам Ясон, взяв с собою несколько товарищей, отправился в город. Прочие остались в гавани, чтобы присматривать за кораблем, пока Ясон не вернется. Во время дороги за Ясоном следила Гера. Она окутала его и его спутников густым туманом, чтобы их никто не увидел, пока они не явятся к царю Колхиды. Так они спокойно дошли до города, и только перед дворцом Ээта туман над ними рассеялся. Дворец Ээта был прекрасен, его строил сам Гефест! Вокруг был разбит пышный сад. Виноградные лозы густо переплетались зелеными ветвями, образуя красивые беседки, а под ними шумели четыре потока; в одном из них текло молоко, в другом — вино, в третьем — густой мед, а в четвертом — кристально чистая вода. Правда, Ясон не очень дивился всему этому множеству чудес. Он поспешил к царю и рассказал ему, для чего он явился с товарищами-героями из далекой Греции в Колхиду. Царь Ээт разгневался, его охватила самая безудержная ярость. «Что? Чтобы я отдал вам золотое руно? Убирайся с глаз моих долой, наглец! Ты думаешь, я не понимаю, что ты пришел не за золотым руном, а затем, чтобы ограбить мою страну?» Но Ясон не остановился на этом. «Все это не так, господин мой, мы не пришли бы только для легких приключений в твою страну. Боги послали меня и грозное повеление иolkского царя. Если ты отдашь нам золотое руно, то тебе это принесет выгоду, ведь в нас ты приобретешь преданных и храбрых союзников, ибо выдающимися героями являются все те, кто пришел со мной, все они происходят от богов».

Царь Ээт призадумался и так сказал Ясону: «Если ты говоришь правду, чужеземец, если вы происходите от богов, тогда я вам отдам золотое руно, охотно уступаю его храбрым героям. Но сначала мы проведем испытание: если ты сможешь запрячь моих медноногих быков в плуг и вспахать поле бога Ареса и сумеешь засеять это поле зубами дракона, а потом собрать с него урожай, то я разрешу тебе взять золотое руно». Ясона огорчили эти слова. Он стоял, устремив взгляд в землю, но потом поднял голову. «Тяжелой работы ты желаешь, — сказал он и смело посмотрел царю в глаза, — но я беру это на себя,

пусть будет, что будет». По счастью, в это время шалун Эрот уже выполнил то, что ему поручила Афродита. Медея стояла тут же, около трона своего отца, и с сияющим взором слушала Ясона. Эрот незаметно послал стрелу ей в сердце, и колхидская царевна сразу влюбилась в благородного чужеземца. И когда Ясон оставил палаты, Медея украдкой последовала за ним. Прежде всего она дала ему волшебную мазь, чтобы он намазал себе тело, а также намазал щит и оружие. От этой мази Ясон сделался неуязвимым, а его оружие нерушимым. Потом Медея научила Ясона, как нужно запрягать медноногих быков, как сеять зубы дракона и — что было всего труднее — как собрать урожай с этого посева. На другой день утром все пришли на поле Ареса. Здесь был царь Ээт с семьей, здесь был Ясон и аргонавты. Привели медноногих быков. Быки били ногами, рыли землю, острыми рогами бодали Ясона, но волшебная мазь, которую герой получил от Медеи, сделала его на целый день неуязвимым. И щит его не сломался, потому что и его Ясон заботливо намазал мазью; таким образом легко было запрячь быков в плуг и вспахать раз-другой поле Ареса. Тогда Ээт наполнил шлем Ясона зубами дракона. Ясон засеял ими поле. И вот, поле еще не было засеяно до конца, а уже в начале поля из земли стали пробиваться всходы: сначала показывалась большая голова, затем плечи, руки и туловище. Здесь один, там другой из земли, среди глыб, стали появляться огромные гиганты. Ясон поспешил вперед и дальше сыпал зубы дракона, но все время оглядывался назад — не нападают ли на него гиганты сзади. Когда же все они вылезли из земли, Ясон схватил огромную каменную глыбу и, как его научила Медея, бросил ее среди гигантов. Те сразу набросились на эту глыбу, как собаки бросаются на кусок мяса, грызли ее, дрались из-за нее, так что Ясону легко было справиться с ними. Ему нужно было лишь хватать меч и сразу косить гигантов так, как косит хлеб земледелец. Царь Ээт заметался в беспокойстве, когда вечером Ясон объявил ему, что на поле Ареса уже собран урожай от посева драконовых зубов. Он сразу же догадался, что чужеземцу помогала его собственная дочь Медея. А Медеи уже не было в царском дворце. Ночной порой, когда все спали, она встала с постели, быстро оделась, прикоснулась губами к постели, двери, срезала длинный локон своих волос и оставила его в постели. «Прощай, матушка,— шептала она про себя,— вместо себя я оставляю тебе этот локон. Я должна идти, должна бежать из отцовского дворца и следовать за героем-чужеземцем». И вышла на цыпочках. Она пробралась в гавань, отыскала Ясона, с шумом разбудила моряков: «Примите меня в свою семью, спасайтесь от мести Ээта и бегите, потому что Ээт не сдержит слова и не захочет теперь отдать золотое руно. Но я отведу

тебя, отважный вождь Ясон, в рощу Ареса и достану тебе золотое руно, только ты поклянись мне, что возьмешь меня в жены». Ясон поклялся Зевсом и Герой — богиней, охраняющей брак, что, как только они вернутся на родину, в Грецию, Медея станет его женой. Вслед за тем Ясон вместе с Медеей покинул корабль и под покровом ночи они отыскиали рощу Ареса. Роща была погружена во тьму, но золотое руно издали светилось среди ветвей высокого дуба, подобно золотому облаку, когда его освещают огненно-красные лучи заходящего солнца. У корней дуба лежал дракон с вечно недремлющими очами, он наполнял воздух ужасным шипением. Из его пасти извергались потоки пламени. Но Медея не затем была волшебницей, чтобы не суметь расправиться с драконом. Она помолилась Гекате, царице ночи, богине волшебства, потом совершила заклятье над драконом, от чего он затих и допустил, чтобы царская дочь смазала его глаза волшебной мазью, приготовленной из ягод можжевельника. От этого дракон так крепко уснул, что его храпом огласился весь край. Ясону ничего больше и не было нужно. Он быстро снял с дуба золотое руно, схватил Медею за руку, и они побежали обратно на корабль. Пока они шли, путь перед ними освещал блестящий сноп лучей из золотого руна. Аргонавты снялись с якоря и поспешно уплыли из Колхиды. Но тут проснулся царь Ээт. Он не нашел золотого руна в священной роще Ареса, не нашел в гавани и греческих моряков. Поэтому он повелел немедленно отправляться в путь своим самым проворным морякам. Он отдал им строгий наказ, чтобы они не возвращались обратно, пока не разыщут Медею и золотое руно. Люди царя Ээта догнали аргонавтов как раз у островов страны феаков. Но аргонавты были в это время гостями царя Алкиноя, и им никак нельзя было повредить. Поэтому колхидяне, явившись к Алкиною, объявили, что Ээт требует обратно Медею и золотое руно. Алкиной был мудрым и справедливым царем. Он выслушал колхидян, затем аргонавтов и вынес такой приговор: «Золотое руно принадлежит Ясону, потому что он ради него послужил Ээту, запряг медноногих быков, засеял зубами дракона поле Ареса и снял урожай с этого посева. Труднее решить, как быть с Медеей. Если она уже жена Ясона, то она принадлежит ему, если же она еще не замужем, то ее следует отправить обратно к отцу». Царица Арета слышала приговор мужа, и так как она видела, что Медея действительно любит Ясона, то очень умно придумала такую хитрость: она решила, что им не для чего ждать возвращения в Грецию. Молодые люди прекрасно могут отпраздновать свою свадьбу и на острове феаков. Она быстро призвала людей для подготовки к свадьбе, изложила им свои соображения относительно Ясона и Медеи, и, когда пришло время отправлять Медею обратно к отцу, Ясон уже был

супругом Медеи и она должна была следовать за ним в Грецию. Колхидяне остались ни с чем, не осмеливаясь вернуться к царю Ээту. Часть из них отправилась на соседние острова и там основала новый город, другие же просили царя Алкиноя, раз уж так сложились обстоятельства, разрешить им поселиться среди феаков. Агронавты же, щедро отблагодарив феаков за их гостеприимство, поплыли дальше по направлению к Греции. Но они вернулись на родину только круглым путем, и еще во многих опасностях им пришлось испытать свое мужество. Во время пути они встретились с сиренами, обольстительными, но коварными девами, которые своим чарующим пением привлекают моряков к себе на скалистую отмель, где корабль разбивается, а моряки неизбежно погибают в море. Но аргонавты не обратили внимания на волшебное, чарующее пение сирен, ведь с ними был Орфей, а он мог петь лучше сирен. Он все это время пел, чтобы моряки не слышали сирен и не обратили на них внимания. Аргонавты видели также Сциллу и Харибду, там на невысоких скалах восседала эта злобная пара, они устраивали водоворот в глубине морской и подстерегали моряков, попавших между скал, чтобы схватить их своими прожорливыми зубами. Но с аргонавтами ничего такого не случилось, потому что дочери Нерее, добрые нимфы моря, по указанию богини Фетиды подняли корабль на свои колеблющиеся плечи и так проскользнули с ним между Сциллой и Харибдой. Фетида же уже успела подать знак своему находящемуся на корабле смертному мужу Пелею, повелев ему никому другому не открывать того, что он видел.

Наконец аргонавты прибыли на родину в Иolk. Ясона ждала печальная весть: царь Пелий так преследовал старых родителей Ясона, что они умерли. Ясон отомстил за них Пелию. Он показал царю золотое руно, но потом обратился за помощью к Медее, и она, коварно увлекши дочерей Пелия, заставила их убить собственного отца помимо их желания. Так сбылось прозвание, что царствованию Пелия положит конец человек, обутый в одну сандалию. Но свершилась также и судьба царя Ээта. Как только увезли из Колхиды золотое руно, на Ээта напал с войском его младший брат и отнял у него Колхиду*.

МЕЛАНИППА

У царя Десмонта была дочь — прекрасная Меланиппа, которую полюбил бог Посейдон. В результате этой любви у Меланиппы родились два сына-близнеца — Эол и Беот. Десмонт не подозревал, что отец близнецов — Посейдон, и когда он

* Apollonios Rhod., Argonautica; Valer. Flacc., Argonautica; Hyginus, Fabulae, II—XXIV; Apollod., Biblioth., I, 107—144.

узнал, что у его дочери родились сыновья, он ослепил Меланиппу, запер ее в башню и почти не кормил, а новорожденных выбросил на съедение диким зверям. Но Посейдон не забыл о своих сыновьях. К младенцам подошла корова и тихонько протянула им свои сосцы. Так нашли их пастухи. Они взяли к себе близнецов, чтобы их вырастить. Как раз в это время случилось так, что царь Икарии очень грустил, что его жена Феано была неплодна, и уже решил изгнать жену из своей страны за то, что она не подарила ему сына. Феано послала своих слуг к пастухам попросить у них какого-нибудь новорожденного младенца, с тем чтобы потом выдать его за собственного сына. Пастухи отправили царице обоих найденных младенцев, и царица так представила дело царю, будто эти близнецы родились у нее самой, и очень обрадовала этим царя. Немного времени спустя у царицы действительно родились два сына, но найденные дети, которых царь Метапонт также считал своими, были гораздо красивее родных сыновей Феано, и царь больше любил их. С этого времени Феано начала придумывать, как бы погубить найденных детей, а родным детям обеспечить царствование после смерти Метапонта. Однажды, несколько лет спустя после рождения детей, Метапонт отправился на край города, чтобы принести жертву Артемиде. В это время сыновья Феано уже подросли, и царица воспользовалась случаем и открыла им тайну, рассказав, что старшие сыновья — найденыши неизвестного происхождения и что пришло время, чтобы настоящие царские дети расправились с ними и обеспечили себе отцовское наследство. Старшие сыновья отправились в горы охотиться, за ними следом пошли сыновья Феано с коварным замыслом, и, когда все они были далеко от города, царские сыновья напали на найденышей с охотничьими ножами. Но Посейдон помог своим сыновьям: в неожиданной драке они победили и, защищая свою жизнь, убили двух других. Когда трупы двух царских сыновей принесли во дворец, Феано в отчаянии сама зарезалась охотничьим ножом. Между тем двое других юношей бежали к пастухам, и там-то Посейдон объявил им, что он их отец и что их родная мать несправедливо томится в заключении. Тогда юноши отправились к Десмонту, убили его, а мать свою освободили, Посейдон вернул Меланиппе зрение, и братья вместе с матерью возвратились в Икарию, к царю Метапонту. Они рассказали ему все, что узнали от Посейдона, рассказали также о кознях Феано и о том, как они убили двух ее сыновей. Метапонт тогда взял в жены Меланиппу, а обоих юношей сделал своими наследниками. Эол и Беот в дальнейшем основали Эолиду и Беотию, назвав их своими именами *.

* Hyginus, Fabulae, CLXXXLVI.

ДЕМЕТРА И ГАДЕС

Гея или Ге (Земля) — древняя материнская стихия мира, которая производит и вскармливает живые существа. Ее зовут китотроφος — та, «которая вскармливает юношей». Работа земледельца должна сообразоваться с регулярными сменами времен года: порядок Земли представляет собою неизменную закономерность, поэтому порядок Геи (Земли) и Фемиды (Закона) связаны друг с другом. Они связаны также и потому, что с возникновением частной собственности на землю урегулирование прав пользования землей в первую очередь потребовало законов. Миф это выразил тем, что считает Фемиду дочерью Геи. В изобразительном искусстве дают чаще всего только голову Геи или, самое большее, мы видим верхнюю часть ее тела, поднимающуюся над поверхностью земли. Гея связана со стихией, она внутри земли, тождественна ей. Мать-Земля проявляет себя двояко: это ее материнская сущность, охрана произрастающей из земли жизни, вместе с тем это и обязательный закономерный порядок. Но олимпийским блистающим ореолом окружена также и богиня Деметра. Она также Мать-Земля, но это уже не сама неподвижная и бесформенная земля, а «богиня» земли, вполне уже личность; это — благословение земли, ее таинственные силы, воплощенные в пластическом образе олимпийского совершенства. В религии времен Гомера, правда, ей еще нет места на Олимпе. Гомер приписывает Деметре благословение хлебом и силу, обогащающую земледельца, но в двух своих эпических произведениях («Илиаде» и «Одиссее») он не отводит никакой роли Деметре в ряду великих богов, в их действиях. Он также называет хлеб «хлебом Деметры», и уже в это время, по Гомеру, среди людей, живущих хлебом, подающая хлеб богиня устанавливает определенные, основанные на зако-

не отношения. Но печатью дара Деметры является именно привязанность к земле: смертного от блаженных жителей Олимпа отличает то, что он ест хлеб Деметры. Деметра — «прекрасно-волосая» богиня, но все же это «земная» (khthonia) богиня. Вся ее сущность связана с благодатным хлебом, волосы ее золотисты, как колосья спелого хлеба; у Гомера ее прозвище lik-maia (веющая хлеб) объясняется тем, что это она отделяет зерно от мякины, когда люди веют хлеб лопатой, стоя против ветра. Гомер упоминает один миф: смертный Иасий обнимал Деметру, будучи счастлив в любви, среди борозд три раза вспаханного поля, но об этом узнал Зевс и насмерть поразил молнией смертного возлюбленного богини. От Гесиода мы узнаем, что Деметра и Иасий имели сыном Плутоса, бога богатства, который держит в руке «рог изобилия» и которого воспитывает Эйрена (Мир). Ведь богатство — это дар плодородящей земли, лишь бы не мешала война и не уничтожала трудов земледельца.

Но если в двух эпических произведениях Гомера даром Деметры был только хлеб, пища смертных людей, то в творениях позднейшего времени, например в гомеровском гимне Деметре, богиня выступает перед нами уже со всеми чисто олимпийскими чертами. Богиня принимает участие в олимпийских сборищах и, только рассердившись, оставляет Олимп, однако Зевс делает все, чтобы снова призвать ее в среду богов. И здесь уже Деметра обладает властью сделать смертного бессмертным и вечно юным.

Место культа и святилище Деметры находилось недалеко от Афин, в Элевсине. Здесь гайными обрядами чествовали богиню вместе с ее дочерью Персефой, которую просто называли Корой, то есть «дочерью» богов. Во время этих обрядов гиерофант, «жрец, являющийся нечто священное», раскрывал тайны смерти для посвященных.

Мы не можем сказать, чем при ближайшем рассмотрении являлись эти обряды, что видели глаза счастливых, — это была тайна для непосвященных, а посвященные в Элевсинские мистерии хранили эту тайну. Наверное известно только то, что в центре священных таинств находилось похищение Персефоны. Дочь Деметры похитил владыка смерти; царь подземного мира принудил к браку с ним дочь Земли, плодородной, рождающей жизнь Земли; однако он держал Персефону у себя только в течение зимы голой и бесплодной и вынужден был отправлять ее опять к матери по крайней мере на определенную часть года.

Земля принимает в себя семена, равным образом она принимает в себя и тела умерших, а так как весной из земли прорастает новая жизнь, то тление семени в перегное одновременно есть и брожение новой жизни. Поэтому-то присутствие Де-

метры в земле является также залогом жизни после смерти. Длительная подготовка предшествовала самому посвящению в Элевсинские мистерии, то есть раскрытию священнейших тайн. Кого посвящали осенью, тот уже весной принимал участие в подготовительном освящающем обряде, проходил первую степень посвящения. Сначала только граждане Аттики могли быть «мистами» — посвященными, позднее же, когда в Греции возникло сознание греческого национального единства, каждый грек мог просить о принятии его в священный «приют», но варвары были исключены из него. Посвящение приводило души через смерть к новой жизни. Во время обряда около нового «миста» зажигали погребальный факел и накрывали ему голову, чтобы он стал невидимым, как сам Гадес и как остальные жители подземного мира. Что собой представляли эти переживания смерти и какие обряды способствовали им — об этом мы знаем так же мало, как и о самом утешающем учении, которое для посвященных превращало в отраду самую мысль о смерти. Мы знаем только то, что в Элевсине посвященным обещали посмертную иную судьбу, чем судьба непосвященных. Кто прошел через мистическую смерть, тот узнал смысл смерти и уже со спокойной душой глядел вперед, зная, что со смертью для него начинается новая жизнь. «Счастлив, кто видел их мистерии и идет затем в подземный мир, ему известен конец жизни, он знает ее печальное начало», — говорит Пиндар: по Софоклу, «трижды счастливы те смертные, которые видели священные обряды и теперь возвращаются в мир Гадеса; ведь только им дано жить также и там, а всякого другого там ждут страдания».

Посвященные после их смерти возвращаются в материнское лоно Деметры, непосвященные же не знают этой смягченной стороны смерти; они знают только неумолимый мир вечного крушения, мрачное царство Гадеса, подземный мир.

Гадес или Аид — невидимый бог, который господствует под землей, в вечной отрешенности от богов и от мира живых. Его шлем делает его невидимым; в его царство не проникают лучи солнца, и во время землетрясений Гадес приходит в ужас, опасаясь, что земля разверзнется и его царство предстанет перед глазами живых.

По другим преданиям, не в глубинах земли, а в направлении водной поверхности, на дальнем западе, где заходит солнце, нужно представлять себе эту неизмеримую даль, которая отделяет царство мертвых от живых. Эти два представления люди много раз смешивали, не заботясь о том, чтобы примирить возникающие при этом противоречия: верующий по отношению к смерти с ее великими тайнами чувствовал себя настолько бессильным, что не осмеливался приступить к провер-

ке противоречивых представлений. Вход в подземный мир по различным местным преданиям связывали с различными отверстиями в земле, с глубокими пропастями или с глубокими озерами. По некоторым легендам, вход в подземный мир находится в Лакедемоне, у южного мыса Тэнара, по другим преданиям, это там, «где не пролетает птица», у нижнеитальянского озера Аорн («лишенный птиц», по-латыни *avernus*). Отлетевшая из тела умершего душа сохраняет образ умершего, но она бестелесна, подобна тени. После смерти души умерших идут к реке Ахеронт. Гермес *psykhopompōs* (сопровождающий души) ведет их туда. Харон, перевозчик подземного мира, только тех берет в свою ладью, кого родственники похоронили как положено. Похоронный обряд был различен в разные времена и в различных странах, однако в исторической Греции сожжение мертвых преобладало над преданием их земле. Прах собирали в особый сосуд для остайков; иногда его погребали и воздвигали над ним могильный холм. Для утонувшего и для тех, кого благочестивые родственники не могли похоронить по каким-нибудь иным причинам, по крайней мере устраивали символические похороны; могильный холм воздвигали на их родине, это был «кенотаф», «пустая могила», которая за отсутствием лучшего также удовлетворяла Харона. Мертвым в рот вкладывали монету, «обол», чтобы они могли уплатить Харону за переправу. Вход в подземный мир охранял трехголовый пес Кербер. В числе подземных рек упоминаются Лета — воды «забвения»; кто напьется из нее, тот забывает земную жизнь; затем Кокит — река «стонов» и Стикс — непроходимая река, обтекающая подземный мир; клятва Стиксом считалась самой священной, самой нерушимой клятвой.

Гадес — царь подземного мира, Персефона — его супруга. Под властью Гадеса живут в безрадостном мраке подземные души.

Я б на земле предпочел батраком за ничтожную плату

У бедняка, мужика безнадельного, вечно работать.

Нежели быть здесь царем мертвецов, простившихся с жизнью,* —

сказала душа Ахиллеса Одиссею, спустившемуся в подземное царство живым.

Кроме указанных мистерий, существовало еще более спасительное учение о смерти. Подземное правосудие приговаривало преступников к беспощадной каре, но душам благочестивых людей был открыт путь на «Острова блаженства», или в Элизий, в поля, поросшие асфоделем (диким тюльпаном), где находится возлюбленный Эос, утренней зари, Орион, знаменитый

* Гомер, Одиссея, XI, 489—491, перевод В. Вересаева.

охотник, и где вообще каждая душа после смерти могла заниматься своим прежним любимым занятием.

Для посвященных смерть — блаженный покой, непосвященные в подземном мире остаются вечно неудовлетворенными, они должны решетом носить воду и наполнять ею бездонные бочки — таково мистическое учение о смерти. Посвящение в мистерии обещает всем «telos», счастливое «завершение», совершенное удовлетворение. С другой стороны, при таком религиозном мировосприятии, которое основывает мировой порядок не на мистических переживаниях, а на справедливости, на возмездии за преступления и награде за добрые дела, один и тот же миф получает различные толкования. Вечное беспокойство, бесплодность всех стараний, вечная неудовлетворенность — вот типичная кара для ужасных преступников в подземном мире. Пятьдесят дочерей Даная были преследуемы любовью пятидесяти сыновей их дяди Египта. Данай напрасно бежал из Ливии в Аргос на корабле, построенном с помощью Афины-Паллады: он не смог защитить своих дочерей от ненавистных родственников. Наконец он дал каждой из девушек по кинжалу, с тем чтобы они в первую же ночь вынужденного брака убили своих мужей. Так и случилось, только Гипермнестра пожалела своего мужа Линкея, так как в ней проснулась нежная любовь к нему; им двоим, как показавшим пример сбрацовой супружеской любви, впоследствии был посвящен храм. Остальных сестер после смерти ждало ужасное наказание: мужеубийцы, дочери Даная, или данаиды, в подземном мире должны были вечно носить воду в бездонную бочку. Сизиф, царь Коринфа, который при жизни нередко сбрасывал в море с крутой скалы чужеземцев, в подземном мире вечно катит в гору огромный камень, скатывающийся обратно. Тантал, царь лидийского Сипила, отец Пелопса и Ниобы, был любимцем Зевса и, будучи смертным, мог принимать участие в пиршествах богов. Но чтобы испытать, действительно ли боги всеведущи, он зарезал собственного ребенка и угостил им богов; по другим преданиям, он украденными с пиршества богов нектаром и амброзией осмелился угощать своих друзей. За это в подземном мире он наказан вечной жаждой и вечным голодом: он стоит по колена в воде, но как только наклоняется к ней — струи убегают от его жаждущего рта; над ним — гнущиеся от плодов ветви, но как только он потянется к ним, они поднимаются в недостижимую высоту. Он плетет веревку, которую никогда не может кончить все, что он сплетет, пожирает его осел.

В качестве места пребывания самых преступных душ чаще всего упоминают Тартар, расположенный глубже, чем подземный мир, чем Аид, — царство Гадеса. Там рядом с Танталом мучается Иксион, царь лапифов, отец Пейрифоя, — он осме-

лился бросить взгляд на Геру, за что его и покарал Зевс, привязав к вечно вращающемуся колесу. Там страждут и побежденные титаны, и Титий, сын Геи, которого пронзили своими стрелами Аполлон и Артемида за то, что он осмелился оскорбить их мать Латону. Вечная мука преступника состоит в том, что его печень непрерывно клюют два коршуна.

ПОХИЩЕНИЕ ПЕРСЕФОНЫ

В Нисейской долине, на лугу, собирала цветы дочь Деметры и Зевса, Персефона, со своими подругами океанидами, дочерьми Океана. Они собирали цветы в мягкой луговой траве: розы, шафран, душистые фиалки, ирисы и гиацинты. Тогда Гея по совету Зевса впервые вырастила темный цветок нарцисса, чтобы им приманить прекрасноокую девушку, угодив этим царю «принимающей всех» смерти Полидегмону* (Гадесу). Чудной красотой сиял этот необыкновенный цветок. Он порастил всех, кто только его видел, равно богов и людей, восхитил тем, как он разветвлялся от своего корня в сотнях направлений. От его благоухания смеялось небо, вся земля, смеялось соленое море. С удивлением смотрела на него Персефона и радостно протянула к нему руку, как к красивой игрушке. Но тут разверзлась земля и внезапно появился на своих бессмертных конях многоименный сын Крона, которого люди называли Гадесом, Плутоном и Полидегмоном. Напрасно девушка сопротивлялась, Гадес быстро поднял ее на свою золотую колесницу и увез с собой, хотя она громко кричала.

Персефона в ужасе криком призывала на помощь отца, но никто не услышал ее голоса, ни бог, ни человек, слышала только дочь Персеса, Геката, трехголовая богиня, укутанная в густое покрывало ночи, да Гелиос, бог солнца, блестящий сын Гипперiona. Зевс вдали от богов восседал в храме, полном молитв, принимал жертвоприношения смертных людей и тем предоставил Гадесу возможность похитить девушку. Пока Персефона видела землю, и сияющее небо, и обильное рыбой шумящее море, и лучи солнца, она надеялась, что еще увидит свою величавую мать и семью бессмертных богов. Пока еще была надежда, она хоть и горевала, но была тиха. Но когда ее поглотила глубь земная вместе с колесницей Гадеса, она в отчаянии, собрав все свои силы, стала громко звать свою мать. На голос бессмертной богини откликнулись вершины гор и глубины мо-

* Полидегмон — «вмещающий всех», эпитет Гадеса, бога смерти. — *Прим. ред.*

ря. Персефону услышала также ее величавая мать Деметра, и острая боль пронзила сердце матери. Она разорвала покрывало на своих амброзийных волосах, набросила на плечи синий плащ и помчалась, подобно коршуну, по суше и по водам на розыски дочери. Но никто не хотел сказать ей правды, ни бог, ни человек, к ней не явилась ни одна вещая птица, чтобы принести ей известие. Девять дней скиталась Деметра с горящим факелом в руке; в горе она не дотрагивалась ни до амброзии, ни до сладостного нектара, не освежала тела омовением. На рассвете десятого дня ей встретилась Геката с факелом в руке. Но Геката не знала, кто похитил Персефону. «Я только слышала крик, — сказала она Деметре, — но не видела, кто ее похитил. Я провожу тебя к Солнцу, которое с небесного пути все видит и все слышит. Почти наверное оно сможет все тебе рассказать».

Обрадованная советом, Деметра вместе с Гекатой отправилась к Солнцу: «Скажи мне, светлый Гелиос, ты все знаешь и все видишь, кто похитил мою дочь? Я слышала только ее крик с противоположного конца земли, но когда я вернулась домой, то уже и следов ее не нашла».

Тогда сын Гиппериона, Гелиос, славное Солнце, сказал Деметре всю правду: «Конечно, это сам Зевс причинил тебе горе, это он дал согласие Гадесу, своему брату, царю подземного мира, на то, чтобы он похитил твою дочь и взял ее себе в жены. Но не грусти, Деметра, Гадес — достойный зять, он твой брат, он царь, как Зевс и Посейдон». Так сказал Гелиос и уже погнал дальше своих быстроногих коней. Жестокая боль охватила сердце Деметры, потому что она ненавидела Гадеса, мрачного царя подземного мира, она рассердилась на Зевса, что он согласился на похищение ее дочери. И она решила, что больше не пойдет на Олимп к остальным богам. Лучше смешаться с людьми, изменив свой божественный облик. И она продолжала свои скитания, пока не достигла Элевсина. Перейдя границу города, она уселась на большой камень возле источника и стала ждать, пока не пришли черпать воду жители города. Она приняла образ старой женщины, ее лицо было морщинистым и загорелым, а одежда такая, какую обычно носят женщины, ведущие хозяйство в царских домах, или нянюшки царских детей. В ней никак нельзя было узнать богиню. Из города приходили женщины и девушки с ведрами, с узкогорлыми расписными кувшинами и черпали воду из источника. Пришли дочери царя Келия; в своей цветущей юности они были одна красивей другой, и когда поднимали кувшины на свои прекрасные плечи, то походили на богинь. Они не узнали богини, но ласково заговорили с ней. «Откуда ты и кто ты, тетюшка? Почему ты не идешь в город к женщинам? Среди них нашлась бы подходя-

щая для тебя, такая, которая была бы тебе рада, ты выглядишь сердечной». И Деметра отвечала: «Это очень хорошо с вашей стороны, дети мои, что вы так ласково расспрашиваете чужеземку. Мое имя Део, меня с Крита похитили пираты, чтобы продать в рабство, но я в один прекрасный момент бежала от них, и вот я здесь, после долгих скитаний меня привела сюда судьба, и я не знаю, что это за земля и какой народ живет на ней. Боги благословят вас, девушки, и подадут вам всего, чего вы желаете, достойных мужей, красивых детей, а вы пожалейте меня, помогите устроиться на какую-нибудь работу. Я умею работать, я опытная старая женщина, могу смотреть за домом, нянчить грудных младенцев, укачивать их на руках, взбивать постели на ночь для своих хозяев и могу научить женщин многим прекрасным, тонким рукоделиям». Ей отвечала Каллидика, самая красивая из четырех прекрасных дочерей Келия: «Бабушка, уж так положено людям — переносить все то плохое и хорошее, что посылают нам боги. Но ты пришла в хорошее место, в нашем городе живет много благородных семей, и к кому бы ты ни обратилась, все сердечно тебя примут. Но знаешь, что мне пришло в голову? Подожди здесь, пока мы не вернемся обратно, мы спросим нашу мать, может быть, она примет тебя. И тогда тебе не нужно будет отыскивать другой дом. У нас есть маленький братец, милый крошечный мальчик, запоздалый цветок радости наших родителей; быть может, наша мать, царица Метанейра, доверит его тебе. И если ты станешь его нянчить, тебе будут завидовать другие женщины; ты увидишь, сколько платит няне наша мать». Так сказала Каллидика, затем она и ее сестры быстро наполнили водою из источника свои красивые кувшины и, гордо выступая, так как их плечи совсем не сгибались под тяжестью сосудов, поспешили домой. Дома они рассказали матери о своем разговоре и о том, что пообещали женщине, и Метанейра тотчас же послала их обратно к источнику, чтобы они за подходящую плату пригласили критскую старую женщину в дом Келия. Девушки очень обрадовались, что уже могут помочь старой женщине, и, довольные, быстро побежали обратно, подбегая стройным оленяткам или проворным ланям, стремящимся на сладкую траву пастбища. Лишь развевались их золотистые волосы, да еще нужно было им придерживать свои длинные одежды, чтобы в них не запутаться. Они нашли богиню еще там, подле источника, где и оставили ее: она грустила, сидя на камне, и закрывала лицо свое покрывалом. Девушки привели ее в родительский дом. Царица Метанейра сидела около колонны, маленький сынок был у нее на коленях, девушки подбежали к ней, чтобы сообщить о приходе новой няни для маленького братца.

Деметра остановилась в дверях, она выпрямилась и почти

коснулась головой притолоки и чудным светом наполнила комнату. Царица чуть было не узнала в ней богини. Она уже встала, чтобы с уважением уступить ей свое место, но Деметра не захотела садиться на блестящий трон. Она снова закрыла заплаканное лицо и снова погрузилась в печаль о дочери. Одна из служанок, добродушная женщина по имени Ямба, быстро принесла ей скамью. Деметра села, но долго еще не могла заговорить, думала о погибшей дочери, и жестокая боль сжимала ей сердце.

Ей подали пищу и питье, но она ни к чему не прикоснулась. Ее хотели развеселить, но не могли вызвать у нее улыбки. Тогда Ямба, решив хорошенько развлечь несчастную чужеземку, стала балагурить, строить гримасы, отвешивать поклоны, хохотать, пока наконец Деметра не улыбнулась ей. Затем Метанейра угостила ее красным вином, но Деметра нашла, что ей неудобно пить вино в ее материнском трауре, и выпила лишь приготовленного из ячменя прохладительного напитка. Только тогда могла Метанейра приветствовать ее в своем доме. «Будь счастлива здесь у нас, бедная женщина. Я вижу по твоим глазам, что ты привыкла к лучшей участи, но ведь мы, люди, должны переносить все, что нам отпущено богами, будь то плохое или хорошее. Но в моем доме у тебя будет все, что только есть у меня для себя самой. Я доверяю тебе моего маленького сына. Это крошечный мальчик, которого боги дали мне как позднее счастье. Нянчи его заботливо, и тебе, его воспитательнице, будут завидовать женщины, а как я награжу тебя за это, ты увидишь сама». Деметра поблагодарила: «Боги благословят тебя всем хорошим, добрая женщина. Заботу о твоём маленьком сыне, как ты мне приказала, я беру на себя, и я думаю, что тебе не придется жаловаться на меня. Я знаю целебные травы, умею ворожить, и ты увидишь — в моих руках с маленьким царским сыном не случится беды». Сказав это, она тут же взяла из рук матери маленького Демофонта. Счастливая, смотрела Метанейра, как заботливо прижала его Деметра к своей благоухающей груди.

И вот маленький мальчик стал чудесно расти в доме своих родителей. Он рос сильным, как бог. Он питался не хлебом, как другие люди, а амброзией, подобно богам. Деметра готовила ему амброзию, Деметра нянчила его, она дышала на него своим сладостным дыханием, а ночью, когда никто не видел, она омывала его в чистом пламени огня. Все удивлялись, как быстро развивался ребенок. Деметра хотела сделать его вечно юным и бессмертным. Но Метанейра однажды ночью подкараулила Деметру и громко закричала, когда увидела мальчика в пламени. «Ах, мое бедное дитя, чужеземка сжигает тебя в пламени!» Она громко запричитала и подняла шум на весь

дом. Рассерженная Деметра вынула из огня и положила на землю маленького Демофонта и раздраженно сказала Метанейре: «Вы, смертные люди, неразумны и не можете предугадать ни хорошего, ни плохого. Я хотела сделать твоего сына вечно юным и бессмертным, но ты, глупая, все испортила своим любопытством. Теперь уже его судьба будет человеческой судьбой, но среди людей навсегда останется память о том, как я его растила в моих бессмертных объятиях. Узнай же, я Деметра, владычица божеских и человеческих радостей. Постройте для меня храм, и пусть в него приходит весь народ, я научу тебя потом, как служить в храме, чтобы умиловить мой священный дух». Так сказала богиня, и больше следа не осталось от критской старой жещины: перед Метанейрой стояла богиня во всей ее божественной сияющей сущности. Длинные золотистые волосы падали ей на плечи, чудный аромат исходил от ее одежд, бессмертное лицо осветилось — и весь дом наполнился светом. Затем Деметра оставила царские палаты. У Метанейры остановились в горле слова, она преклонила колена и не имела даже сил поднять ребенка с земли. Он, бедняжка, громко плакал, пока его плач не услышали сестры и не поспешили к нему из своей спальни. Одна из них подняла его, стала укачивать в своих объятиях, успокаивать, другая разводила огонь, третья помогала встать на ноги потерявшей сознание матери. Потом все они обратились к маленькому братцу, передавали его из рук в руки, ласкали, утешали, но тот все не успокаивался. Они не могли заменить ему Деметры. Всю ночь, дрожа всем телом, молилась Метанейра вместе со своими дочерьми, чтобы умиловить Деметру, а наутро она сообщила своему мужу о появлении богини. Царь Келий созвал народ, и люди сразу же принялись за работу. Они возвели на высоком холме алтарь и храм. Работа была быстро закончена, потому что все, от мала до велика, принимали в ней участие.

И златокудрая Деметра поселилась в этом храме. Она сидела посреди храма на блестящем троне, вдали от Олимпа и блаженных богов. Она все оплакивала свою дочь, переживая горечь разлуки и не вспоминала о людях, о благословении вспаханных полей, о том, что судьба вверила ей.

Бедственный год наступил для людей. Напрасно пахали, напрасно сеяли — земля не дала урожая, ибо прекрасновечная Деметра скрылась. Голод наступил в мире. И человеческий род вымер бы на земле, если бы не взялся за ум отец всех людей Зевс. Он призвал златокрылую Ириду и в первый раз послал ее за Деметрой. Подобно птице помчалась Ирида в Элевсин и нашла Деметру посреди храма, закутанную в синие одежды. «Деметра, — почтительно молвила ей Ирида, — отец Зевс послал меня, чтобы я призвала тебя обратно к остальным бо-

гам». Но Деметра не вняла призыву Зевса. Тщетно посылал за ней Зевс и других богов — никто не смог уговорить ее, она оставалась непоколебимой, что бы ей ни говорили. «До тех пор не вернусь на благоухающий Олимп, до тех пор не возвращу хлеба на пашнях, пока не увижу снова с глазу на глаз мою возлюбленную дочь». Наконец Зевс согласился с ней и ласково уговорил Гадеса, чтобы тот отпустил к матери Персефону. Он послал Гермеса в подземный мир, и Гермес передал приказ Зевса привести Персефону: «Ведь если Персефона не вернется к матери, Деметра не даст благодатного дождя полям, а если поля не уродят хлеба, люди погибнут, а если погибнут люди — никто более не будет возносить жертвы бессмертным богам».

Гадес только улыбнулся и поднял брови, глядя лукаво. Он тотчас же сказал Персефоне: «Персефона, отправляйся к своей одетой в синие одежды матери, чтобы она положила конец своему неразумному гневу. Конечно, я не достоин быть ее зятем, хоть я и брат самого Зевса и владыка всего подземного мира, власть над которым я разделяю с тобой». Так сказал Гадес, и Персефона, счастливая, стала готовиться к возвращению к матери. Она быстро взошла на колесницу, Гермес взял в руки вожжи и бич, и они помчались стрелой — глубокое море и высокие горы не были для них препятствием. Быстро они домчались к Элевсинскому храму. Задыхаясь, бросилась Персефона к Деметре, долго обнимали и целовали они друг друга, и уже потом Деметра тревожно спросила дочь, ела ли она что-нибудь в доме Гадеса. И пояснила: «Если ты ела с ним из одного блюда, в этом случае ты его супруга и должна возвратиться к нему». — «Я съела зерно гранатового плода из его рук», — ответила Персефона, и Деметра поняла, что дочь не может остаться с ней навсегда. Весь день они провели вместе в счастливом самозабвении, радуясь друг на друга. Потом отец Зевс прислал прекрасную богиню Рею, чтобы теперь-то она уже привела на Олимп Деметру. У Деметры была еще одна просьба: «Если уж я должна отпустить дочь к Гадесу, то по крайней мере пусть Зевс согласится, чтобы дочь проводила со мной две трети года и пребывала на Олимпе среди богов, а на одну треть года возвращалась бы к мужу в подземный мир». Зевс согласился и на это, лишь бы Деметра пришла на Олимп и послала благодатный дождь на пашни. Наконец-то Деметра поднялась на высокий Олимп, а по пути побывала и на полях смертных людей. Повсюду стояли поблекшие, ржавые хлеба, так как Деметра удержала благодатный дождь. Но теперь там, где ступила нога златовласой богини, возродилась жизнь, пашни дали урожай, вся земля покрылась листвой и цветами, на стеблях налились полные колосья, и скоро тучные снопы были

сложены рядами в скирды. Деметра, «подающая законы» богиня, преподала закон царям Триптолему, Диоклу, Эвмолпу и Келию, указав чин и обряды священного совершения Элевсинских мистерий:

Счастливы те из людей земнородных, кто таинство видел.
Тот же, кто им не причастен, по смерти не будет вовеки
Доли подобной иметь в многосумрачном царстве подземном*.

Только после того как Деметра всему научила смертных царей, она вернулась вместе с дочерью на Олимп. Две славные богини — блажен тот, кого они обе полюбят. Тому в дом посылают они Плутона как постоянного обитателя, который дарит смертным людям богатство **.

ПРАВОСУДИЕ ПОТУСТОРОННЕГО МИРА

Как повествует Гомер, Зевс, Посейдон и Плутон, после того как они получили от отца власть, поделились между собой. Что касается людей, то во времена Крона был установлен следующий закон — и с тех пор ныне и навеки он действителен перед лицом богов: кто из людей справедливо и благочестиво прошел весь свой жизненный путь, тот при наступлении конца отправляется на «Острова блаженных» и там обретает истинное счастье, забыв все земные горести. Кто же при жизни был несправедлив и безбожен — попадает в темницу возмездия и правосудия, которую именуют Тартаром. При Кроне и даже еще в начале господства Зевса судьями были живые люди, и они выносили приговор над живыми людьми, над каждым из них в тот день, когда человек должен был умереть. И было так, что много раз они выносили неправильные приговоры. Тогда Плутон и служители «Островов блаженных» пришли к Зевсу и сообщили ему, что к Плутону, так же как и на острова, иногда приходят люди, заслуживавшие иной судьбы. И Зевс сказал: «Я изменю это. Сейчас, может быть, и имеются ошибки в приговорах, так как люди одетыми предстают перед судьями, ведь им еще при жизни выносятся приговор. Ведь многие люди с низкой душой обладают красивым телом, выставляют напоказ знатное происхождение, большое имущество, и когда приходит им время предстать перед судьями, подле них появляется немало свидетелей, которые показывают, что эти люди были

* Гимн к Деметре Гомера, перевод В. Вересаева, «Эллинские поэты», М., 1929, стр. 50.

** По гимну к Деметре Гомера.

справедливы в жизни. Судей это вводит в заблуждение, тем более, что сами они судят несправедливо. Перед их душами растилается обманчивая пелена их глаз, ушей и всего тела. Все это стоит на их пути: как их собственная оболочка, так и оболочка, окутывающая тех, кто ждет их приговора. Прежде всего следует покончить с тем, чтобы судьи заранее знали своих мертвых, ведь теперь они знают их раньше, чем начинают судить. Впрочем, об этом уже получил наказ Прометей. А затем необходимо, чтобы люди являлись к судьям во всей своей наготе: поэтому приговор над ними следует произносить после их смерти. Необходимо еще чтобы судья был также обнажен, то есть мертв. С обнаженной душой к обнаженной душе умершего сразу же после его смерти является судья, избавившись ото всего, что к нему относилось, оставив на земле все наносные украшения, чтобы приговор мог быть справедливым. Я раньше вас осознал это зло», — ответил Зевс Плутону и служителям «Островов блаженных». — Поэтому судьями я делаю собственных смертных сыновей: двух из Азии — Миноса и Радаманта и одного из Европы — Эака. Они, как только умрут, займут должности судей в поле у трех дорог, откуда два пути идут в противоположных направлениях: один на «Острова блаженных», другой в Тартар. Умерших, явившихся из Азии, будет судить Радамант, из Европы — Эак. На Миноса я возлагаю контроль, он будет произносить приговор в том случае, если двое других судей не смогут решить дела. Таким образом мы достигнем самых справедливых решений, куда направлять каждого из умерших людей» *.

* Plato, Gorgias, LXXIX

ДИОНИС

Среди обитателей Олимпа следует назвать двоих, чье происхождение от смертных матерей особенно подчеркивается мифом. Один из них — Геракл, другой — Дионис. Отец обоих — Зевс, а матери — земные царицы: мать Геракла — Алкмена, Диониса — Семела, дочь фиванского царя Кадма. Оба бога, пройдя тяжкий земной путь, великими страданиями своими заслужили того, чтобы их приняли в среду олимпийцев, и именно земной их путь отражен в мифах с богатейшими подробностями.

Поэтому оба они в известном отношении представляют пример сближения жизни божественной с жизнью человеческой. Но уже здесь бросается в глаза их резкая противоположность: Геракл — это самодисциплина, самоограничение, это образец аскетизма. Дионис — это бог, развязывающий страсти и вызывающий экстаз. Их земные пути мифы представляют таким образом. Геракла уже его мать, в сознании его великой миссии, держала в суровых условиях, воспитывала неприхотливым. Диониса же нянчили нисейские лесные и водяные нимфы, воспитывали его в изобилии, как бы готовя его к тому, чтобы его первым делом было насаждение винограда и ознакомление всей его лесной свиты с опьяняющим вином. Геракла ожидали двенадцать подвигов, укрощение диких сил земли, умиротворение жизни, сокрушение чудовищ, угрожающих миру. Зато Дионис обошел землю, для того чтобы развязать ее дикие силы: в его свите находятся лев и барс. Эти два земные пути все же между собою связаны, как примерный показ двух противоположностей божественной жизни, двух равносуществующих возможностей. Философы учились на примере Геракла самообладанию и скромности. Путь Геракла на Олимп в известном смысле может быть пройден и смертным человеком, например в духе рассуждений

Сократа: боги — это те, кто ни в чем не нуждается, таким образом, ближе всего к богам стоят те люди, которые нуждаются в самом малом. Этому противоположны те требования, с которыми выступает перед людьми Дионис и которые стоят в центре древнего мистического культа Орфиков. Он — *Iysios* (развязывающий), тот, кто уничтожает все дисциплинирующие, стесняющие ограничения. Но его приказания не менее жестки, чем требования Геракла. Семья и общество, из рамок которых Дионис призывает выйти, ведь не только ограничивают человека, но и устанавливают рубежи, охраняющие человеческое существование. Дионис требует безоговорочной преданности, его благородный дар — вино, «радость людей», но там, где его не хотят принимать, Дионис применяет насилие. Дарами Диониса считаются необузданные силы земли, связанные с пышным изобилием, с обеспечивающей произрастание влажностью, с деревьями, с неудержимо прорастающим на них плющом и с буйным ростом виноградных кустов, дающих опьяняющий напиток. Точнее говоря, в Дионисе сконцентрировано представление об изобилии. Уже миф о рождении Диониса выражает страшную, уничтожающую силу присутствия божества. Смертной возлюбленной Зевса была Семела. Ревнивая Гера из коварных побуждений пожелала, чтобы Зевс в божественном облике явился к Семеле. Зевс уже раньше поклялся царице, что исполнит ее желание. теперь клятва связывала его и вынуждала согласиться, хотя он заранее знал, как губительно это согласие. Он появился как излучающий молнии сверкающий бог, и земная женщина не смогла выдержать такой встречи: огонь сжег ее дотла в этом объятии. В момент смерти матери родился Дионис; Зевс извлек младенца из огня, укрыл листвою плюща и таким образом охладил его. а так как младенец еще был недоношен, то Зевс зашил его в собственное бедро, пока тот не окрепнет. Когда ребенок окреп, Зевс доверил его своему посланцу Гермесу, с тем чтобы он отнес ребенка нисейским нимфам. Ниса — это сказочный край, где собирала цветы Персефона, когда ее похитил Гадес. Вот там-то и воспитывали Диониса нимфы и добрый старый Силен.

Когда бог вырос, он стал сажать виноград и всю свою лесную свиту допьяна поил вином, в особенности сатиров, козлоногих демонов изобилия, и силенов (существуют и такие товарищи Диониса, во всем подобные его учителю Силеу). Неразлучным спутником Диониса все же был старый его воспитатель, сам старик Силен, этот особенный образ полубога, который «темнее богов», так как связан с земной сферой, «но лучше людей», так как является непосредственным носителем щедрого изобилия земли и бессмертен именно как хранитель этого изобилия. Силен — это толстобрюхий старик, который

пьет неразбавленное вино и всегда хмелен. На лысой голове у него венок из цветов, и если его случайно встречают охмелевшего, то связывают его гирляндами цветов и заставляют петь. Дионисийское опьянение дает ему способность прорицания, и он учит Мидаса, сказочного фригийского царя, горьким тайнам: «Лучше не родиться, а если уж мы родились, лучше рано умереть». Но если грусть иногда заставляет нас опустить голову, то в этом случае спасает вино. Так иной раз Силен выступает как проповедник пьянства, дающего забвение печали. Изобразительное искусство, как и литература, дает юмористический образ Силена. Его присутствие еще во время битвы гигантов вносит смешные черточки; по одному из преданий, дерзкие противники богов разбегаются при реве осла Силена.

К свите Диониса, к его *thiasos*, относится также Пан, козлоногий сын Гермеса, и шествующие на призыв неумеренным воздействиям менады, или вакханки; чаще всего менады, находящиеся в свите, мчатся по земле, как неудержимо приближающийся вихрь: женщин свиты называют также «тиадами». Когда Дионис в конце своего земного пути попадает на Олимп и вызывает из подземного мира мать, Семела становится богиней и получает имя Тионы (*Thyóné*) от греческого слова *thyei* (неистовствовать). Повсюду на своем пути Дионис распространяет опьянение; тем, кто принимает его дар, он уделяет веселую сторону пьянства, а тех, кто противится опьянению, он жестокими карами заставляет подчиниться его власти. Иногда он ведет шествие, сидя на колеснице, запряженной тиграми; вожжи тигров — виноградные плети, в руках бога шуршащий жезл, обвитый плющом и виноградными листьями, с сосновой шишкой на конце — «тирс». Бывает и так, что Дионис шествует в одиночестве, никто не узнаёт его, а потом вдруг он появляется перед взорами удивленных людей внезапно и неожиданно в своем божественном облике. Представление о сущности Диониса могут дать в совокупности: плющ, произрастающий в неудержимом изобилии, прохладный и влажный; виноградная лоза с ее благородными плодами, дающими радость буйного опьянения; бык с его неукротимым нравом; лев с его устрашающей жестокостью; медведь, едва ворочающий свою медлительную мощь, и почти женственно гибкий барс, подвижной, готовый к нападению. Одно вино еще до некоторой степени приближается к полноте облика Диониса, вино, в которое, согласно восточной сказке, уже Ной, первый библейский винодел, примешивал кровь животных. Поэтому «эпифания» Диониса, то есть появление бога среди людей, в первую очередь связана с обработкой винограда и с вином.

На праздниках Диониса, согласно местным преданиям, в Теосе, на островах Наксосе и Андросе, как и в Элиде, вино било

ключом из земли в дивном изобилии. В легенде говорится, что рядом с вином местами появлялись источники молока. Очевидно, изобилие материнского молока также связывали с Дионисом.

Важнейшие дионисийские празднества в Афинах составляли замкнутый круг праздников, и все они с большей или меньшей очевидностью имели отношение к производству вина, к различным фазам брожения вина и созревания винограда. Праздник Малых Дионисий или Сельских Дионисий проводили в деревнях Аттики в начале зимы, после сбора винограда. Развлечения сборщиков винограда состояли в различных играх. Таковы были «асколи»: молодежь танцевала и прыгала на одной ноге, спотыкаясь, на вымазанных маслом, наполненных вином мехам (askos — мех) на забаву собравшейся толпе; таковы были шумные процессии масок, которые внесли свою лепту в создание афинской драмы (главным образом комедии). Позднее, в период расцвета африканского театрального искусства, странствующие актеры на том же празднике иногда давали представления, которые уже раньше показывались на городской сцене. Во многих отношениях праздником, подобным Малым Дионисиям, был праздник, называемый Алои, праздник сбора урожая, но здесь уже Дионис должен был делить празднование с богиней, благословляющей хлеба, — Деметрой. Название январского праздника Ленеи связано со словом «lenos», означающим чан, в котором выжимают виноград, что указывает на значение праздника. В весенний месяц Антестерион (цветение) на 11-й, 12 и 13-й день происходили Антестерии — праздник, на котором в первый раз пили новое вино. Первый день праздника назывался Pithoigia (откупорка бочек), второй — Khoës (праздник кружек). В эти дни происходило торжественное испробование вина на публичном пиршестве, из которого не исключались и рабы. Каждый надевал на голову венок, сплетенный из свежих весенних цветов, а к концу пира эти цветы относили в храм Диониса; называемый Ленеи. Антестерии (праздник цветов) были одновременно праздником и нового цветения и прошлогоднего вина. Дионис, олицетворяющий божественное изобилие плодотворной влажной, брызжущей соком земли, в какой-то степени имеет дело со смертью. Жизнь и смерть, прошлогоднее вино и новое цветение сталкивались на весеннем празднике, ибо в рыхлом лоне земли жизнь и смерть, брожение, тление прошлогодней растительности и новые ростки — все это существует вместе. Дионис относится к таким богам, которые сходят также и в подземный мир. Дионис привел из подземного мира свою мать, мы узнаем о ее смерти, ее могилу показывают, и одно из преданий считает ее воспитательницей богиню подземного мира Персефону. Богатство весеннего цветения также приходит оттуда

из глубины земли, куда уходят умершие люди, и умершие цветы, и ушедшие (умершие) годы. Поэтому за испробованием вина и цветочными жертвоприношениями следует третий день Антестерией, называемый Хитры (горшечный праздник). В этот день совершают жертвоприношения Гермесу и душам умерших, жертвой являются напитки, налитые в глиняные горшки (khytros). Позднее, в двенадцатый день месяца элафеболиона, начинался праздник Больших или Городских Дионисий, продолжавшийся несколько дней. На этот праздник собирался народ со всей Аттики, чтобы в Афинах, главном городе страны, принять участие в общественном торжестве. В грандиозном шествии по городу несли древнюю статую Диониса, пели детские хоры, общее веселье, музыка, пение наполняли праздничные дни. Богатое цветение разгара лета отличало Большие Дионисии от весеннего праздника цветов Антестерий. Как говорит Пиндар, «когда на божественную землю падают прелестные фиалки, когда в кудри вплетают розы, тогда раздаются песни и звуки флейты и народ в хороводах с лентами на головах воспекает Семелу». На этом празднике Диониса присутствуют Музы в венках из фиалок, а самого Диониса в связи с этим праздником называют «мельпоменом», то есть поющим, по имени Музы Мельпомены, которую впоследствии упоминают как богиню трагедии. Афинская трагедия на этом празднике выражает равное уважение к Дионису — богу, возбуждающему дикие страсти, и к Музам — богиням, смиряющим и формирующим страсти поэтической гармонией. Два дня Больших Дионисий бывают посвящены соревнованиям в области драмы.

В то самое время, когда в более мирных, производящих виноград районах Аттики праздновали Ленеи в период, приближающийся к самым коротким зимним дням, в горах, в первую очередь на Парнасе, менады или вакханки устраивали в честь Диониса дикие оргии, повторяющиеся каждые три года, так называемые «триетерии». Этих фанатичных женщин их неистовое опьянение, их самозабвенная приверженность к Дионису на это время вырывали из семейного круга. Подобным же был праздник Агрианий в Беотии. Женщины бешено мчались в погоне за Дионисом. Но он исчез, напрасно его ищут. Потом вакханки оставляли поиски, считая, что бог «бежал к Музам и скрылся от нас». С этим заключительным аккордом оргия прекращалась. «Дионис бежал к Музам», и неистовство терзающего и самоистязающего опьянения изживало себя. Это опьянение проявлялось в дальнейшем под воздействием Муз, как плодотворное опьянение, создающее вдохновение, как священная радость *mania*, согласно Платону, необходимая для всякого художественного творчества.

С затишьем диких оргий вакханок более мягкое дионисий-

ское опьянение сопровождает всю человеческую жизнь. Дионис выступает в оргиях Вакха и Бассарея (bassarheus — дико шумящий), выступает и как «радость смертных» и как Iysios — разрешающий, в этой роли он не только освобождает дикие страсти, но и является как pausiluros, то есть смягчающий грусть, веселящий. Дионис не только mainomenos (неистовый), но и melrotenos — поющий. Эту сторону Диониса могут узнать те, которые презируют буйное пьянство и «соблюдают меру» в присутствии бога вина. Таков был Анакреон, величайший греческий певец вина и вечный образец для поэтов застольных песен всех времен. Веселый теосский старец никогда не предавался дикому разгулу, но умеренно пользовался вином. «Ну-ка, не будем стучать и шуметь, буйно ликуя, как привыкли пить скифы; будем пить, беседуя или распевая гимны» *. Тут можно узнать Диониса — товарища игр Эрота, голубоглазых нимф и пурпуровой Афродиты. Эта более гармоническая черта бога диких вакханок делает понятным то, что миф в качестве женской пары Диониса может дать нежную представительницу женской преданности, само имя которой — Ариадна — указывает на недоступную чистоту. Ариадна — земная девушка, как и мать Диониса; и, как Семела, она вследствие любви Диониса получает бессмертие: на одной из высоких вершин острова Наксоса она исчезает с глаз людей, для того чтобы следовать за своим божественным супругом на небо. Дети Диониса и Ариадны также связаны с виноградарством и вином, на что указывают уже их имена: Энопион (любитель вина, или цвета вина), Стафил (виноградная кисть), Эвант (цветущий).

Изобразительное искусство большей частью подчеркивает женственность образа Диониса даже в типе так называемого «индийского Диониса», носящего бороду. Безбородый юношеский образ Диониса создается в V веке н. э. Мы видим его в образе ребенка на руках его воспитателя Силена, иногда на руках, а иногда на плече Гермеса, когда посланец богов ведет его к нимфам. В Афинах, на празднике пробы нового вина, Дионис присутствовал среди толпы в виде огромной маски, и этой маске, привязанной к деревянной колосне, как подобию бога, в первую очередь давали испробовать вино. Дионис — единственный из греческих богов, кому приписывается требование, чтобы его почитатель был отождествлен с ним самим. Считалось, что верующий в Вакха сам должен стать «вакхантом» или, если это женщина, «вакханкой». Черты лица Диониса смертный человек

* Мы не скифы; не люблю,
Други, пьянствовать бесчинно.
Нет! За чашей я пою,
Иль беседую невинно

(Перевод А. С. Пушкина)

может придать своему лицу. Человек может принять образ самого Диониса, это можно было представить масками. Бытие Диониса допускалось в такой форме, которая была нужна человеку, представляющему собой Диониса. Это растворение личности, отказ от нее у приверженцев Вакха — вакхантов, является одним из корней театрального искусства. Актер, который у греков всегда выступал перед публикой в маске, отождествлял себя с тем мифологическим героем, которого изображал, подобно тому как вакхант чувствовал себя Вакхом. Мало того: театральное искусство непосредственно выросло из этих отождествлений себя с Дионисом, ибо вначале трагические представления всегда черпали сюжеты из мифов о Дионисе. Позднее мифы о Дионисе были заменены другими мифами, но театральное искусство и далее продолжало оставаться в пределах культа Диониса. Театральные представления всегда происходили на празднике Диониса, а сам театр был также храмом Диониса.

Не случайно, однако, что греческая драма развивалась именно в Афинах, а здесь она выросла из празднества Больших Дионисий. Как мы видели, обычаи маскироваться и разыгрывать драматические представления были связаны и с другими праздниками Диониса; таковы были уже упоминавшиеся нами в связи с Сельскими Дионисиями более свободные народные обычаи, которые позднее, действительно вслед за развитием трагедии, выражая чаяния сельских жителей, преобразовались на афинской сцене в зачатки греческой комедии (например, произведения Аристофана). Но были также и в пределах религиозных обрядов праздничные театральные действия; однако именно ритуальная связанность создавала препятствия для их дальнейшего развития; в качестве примера можно указать на представляемую во второй день явно аристократических Антестерий свадьбу божества с «царицей», женой «архонта базилевса», высокого должностного лица, надзирающего за государственными религиозными учреждениями. В Антестериях принимали участие также и рабы, но это было только некоторое ритуальное примирение рабов и господ, с тем чтобы в течение целого года господа рабовладельцы могли распоряжаться рабами, как им заблагорассудится. На это указывает предписание заключительной формулы праздника: «Слуги, уходите, праздник кончился!» Этот праздник не имел большого отношения к демократии — к этой общественной базе развития греческой трагедии; он являлся воспоминанием о периоде религиозного консерватизма, предшествовавшем реформе Солона. Совсем иначе следует рассматривать праздник Больших Дионисий. Этот праздник был основан Писистратом. Хотя Писистрат и уничтожил многое из достигнутого Солоном, действуя с тираническим

деспотизмом, все же он выступал против аристократов — крупных землевладельцев и опирался в первую очередь на афинских граждан — мелких ремесленников и торговцев. Новый праздник и был организован в противовес аристократическим традициям, поэтому в рамках праздничных обрядов вместо жрецов выступали горожане, а в центре праздника находился хор, сформированный из афинских граждан. О том, что эти новые церемонии «светского» характера имели политическое значение, свидетельствует то, что они служили мишенью для беспощадных насмешек со стороны приверженцев аристократии. Все это не препятствовало, однако, тому, что со временем именно из демократических праздничных хоров развилась греческая трагедия.

После смерти Писистрата один из его сыновей был убит, другой — изгнан. Солоновская демократия была восстановлена и получила дальнейшее развитие. В этот период трагедия быстро продвинулась вперед, она отбросила все религиозные пути и своими более свободными мифологическими инсценировками помогла осмыслить кризис афинской демократии, заставила высказываться прогрессивных, патриотически настроенных афинских граждан и стала одним из величайших факторов развития человеческого самосознания.

ДИОНИС И РАЗБОЙНИКИ

Перейдем теперь к Дионису, сыну прекрасной Семелы. Вот перед нами возник бесконечный морской берег. Дионис стоит на скале, выступающей над морем, и смотрит вокруг горделивым взором, как молодой мужчина, едва вышедший из юношеского возраста. Блестящие кудри пепельно-синих волос обрамляют его лицо, на могучих плечах накинут пурпуровый плащ.

Но вдруг на море появился великолепный корабль: тирренские морские разбойники быстро приближались по морю цвета вина, их вела сюда злая судьба. Они увидели юношу, подмигнули друг другу и проворно выпрыгнули на берег. Схватив юношу, он втолкнули его на корабль, радуясь всем сердцем прекрасной добыче. Они думают: конечно, нам в руки попался какой-нибудь царский сын, за которого нам потом заплатит хороший выкуп его царственный отец. Затем они решили связать юношу и заковать его в тяжелые оковы; но оковы не держались на нем, цепи соскальзывали с его рук и ног. Он же спокойно сидел, и его прекрасные синие глаза смеялись. Кормчий корабля опомнился и крикнул товарищам: «Вы, несчастные! Ведь это.

может быть, кто-нибудь из богов, кого вы взяли в плен? Сила его чудесна и его мощь наш корабль не может вынести. Это или Зевс, или сребролукий Аполлон, или Посейдон, бог моря, потому что он похож не на смертного человека, а на богов, которые живут во дворце на Олимпе. Ну-ка, послушайте меня, отпустите его немедленно обратно на черный берег, не поднимайте на него руку, потому что, если он рассердится, поднимется ужасный шквал и на нас может налететь сильнейший вихрь». Так сказал кормчий, но капитан заворчал на него и ответил со злобой: «Ты глуп, направление ветра ты лучше сам улавливай и по ветру распускай парус, это твое дело, а остальное предоставь нам. Возможно, что пленник приедет с нами в Египет, или на остров Кипр, или к гиперборейцам, которые живут на равнинах, и в конце концов скажет, кто его друзья, и кто родные, и кто заплатит мне за него хороший выкуп, ведь боги в мои руки отдали пленника».

Кормчий должен был уступить. Распустили парус, ветер наполнил и надул его так, что напряглись канаты. Но тут начались чудеса. Вино полилось на палубу; возбуждая желание пить, струились ароматные потоки, от них поднимался запах амброзии. Моряки дивились, поражались, но ни слова не могли вымолвить. Вдруг вокруг верхушки паруса, вырастая со всех сторон, обвилились виноградные лозы, густо повисли виноградные кисти, по мачтам побежал плющ. Все стояло в цветах, а вслед за цветами появились прелестные плоды. На каждой уключине появился венок. Разбойники видели все это и теперь уже сами торопили кормчего, чтобы он поворачивал корабль к берегу. Тот, кто только что был их пленником, у них на глазах, стоя на носу корабля, превратился в чудовищного льва, а посередине корабля вдруг появился мохнатый медведь. Лев громко зарычал и приподнялся, его глаза грозно засверкали. Разбойники в ужасе бросились на другой конец корабля и все столпились вокруг кормчего: авось теперь их защитит его благоразумие. Но страшный бог появился и тут и схватил капитана. Остальные, видевшие это, ринулись один за другим в море. Там все они превратились в дельфинов.

Дионис пощадил одного кормчего. Он так сказал ему: «Не бойся, достойный человек, я тебя полюбил. Знай, я Дионис, звонкоголосый бог, моя мать — Семела, дочь Кадма и возлюбленная Зевса». Затем он сделал кормчего богатым и самым счастливым из людей и снова исчез. Там же, где опьянение вызывает желание петь, присутствует он, сын прекрасноокой Семелы — Дионис *.

* По гимну к Дионису Гомера.

АРИАДНА

Герой Тесей, сын царя Эгея, освободил Афины от ужасной дани, которую афиняне были обязаны выплачивать критскому царю Миносу. Тесей упросил своего отца, чтобы и его отправили на Крит в числе семи юношей и семи девушек, посылаемых время от времени Минотавру; с помощью Афины-Паллады он затем убил пожирающее людей чудовище. Старик Эгей с болью в сердце отпустил в опасный путь сына, который и так был возвращен ему только к старости. Мать Тесея, Эфра, дочь трезенского царя, жила с отцом, и в то время, как Эгей правил в Афинах, Эфра воспитывала сына в Трезене. Когда Тесей стал настолько силен, что смог достать отцовское оружие из-под находящейся на нем скалы, он получил возможность явиться к отцу в Афины. И еще не успел Эгей насмотреться на Тесея горделивым отцовским взором, как уже несчастная судьба и героическая необузданная храбрость юноши снова вырвали из объятий старика сына-героя. Эгей посыпал свои седые волосы землей и песком, не зная, увидится ли он когда-нибудь с Тесеем; на корабле натянули черный парус, и Эгей приказал Тесею, чтобы он заменил черный парус белым, если все будет благополучно, если он убьет Минотавра и будет возвращаться невредимым вместе со спасенными от смерти товарищами. Легкий корабль и благоприятные ветры доставили Тесея в гордую столицу знаменитого Миноса. Афинского героя увидела царская дочь, прекрасная Ариадна, которая до сей поры возмужала на душистом ложе, в нежных объятиях матери, подобно мирту в волнах Эвроты или ярким цветам, колеблющимся под дуновением весеннего ветерка. Царская дочь не сводила глаз с юноши до тех пор, пока все ее существо не охватила любовь, пока пламя Эвроты не проникло до самых глубин ее души. Эрот, который всегда старается вмешаться в человеческие радости, и Афродита, которая властвует над любовью и над морскими волнами, бросили девушку в волны любви, пока она вздыхала по белокурому чужеземцу. Сколько опасений переполняло ее истомившееся сердце! Она побледнела до желтизны, стала подобна светлому золоту, когда Тесей объявил царю, что хочет померяться силами с чудовищем и ждет или смерти, или славы! Ариадна тайно сговорила с чужеземцем и дала ему клубок ниток. Она дала ему клубок потому, что для Минотавра был выстроен такой Лабиринт или грот, в котором переходы шли зигзагообразно, и среди них непременно заблудился бы тот, кого чудовище случайно могло пощадить. Но Тесей, войдя в Лабиринт, разматывал «нить Ариадны» и, когда он с помощью Афины-Паллады убил Минотавра, эта нить вывела его из Лабиринта. Когда вслед за тем Тесей со спасенными товарищами

отправился на родину в Афины, он взял с собою и царскую дочь и, будучи благодарен ей за помощь, обещал жениться на ней.

Ариадна же все равно не могла бы оставаться на Крите, если бы Минос узнал, что она помогала чужестранцу. Из-за любви к Тесею Ариадна покинула отца, мать, сестер, братьев. Но Тесей не остался ей верен и забыл о том, что ей он обязан жизнью. Когда они прибыли на остров Дия (Наксос), Ариадна крепко заснула на берегу, Тесей же оставил спящую девушку и без нее поплыл домой. Проснувшись, Ариадна увидела, что она совершенно одна на необитаемом острове. В громких жалобах изливала она свою горечь и гнев на неверного Тесея. Она поднялась на высокую гору, откуда можно было видеть морскую даль, потом она побежала среди плещущих волн, поднимая одежду над оголенными ногами. Ее уста уже покрылись пеной от ужасных горьких стонов. «Как мог ты оставить меня, покинувшую вместе с тобой берега родины, оставить на безлюдном острове? О предатель Тесей! Значит, ты пренебрегаешь богами, если осмеливаешься возвращаться домой, нарушив клятву и забыв меня! Почему ты, безжалостный, не отказался от своего намерения? Разве не было в тебе ни капли жалости? Ведь не то ты мне обещал, а веселую свадьбу сулил, долгожданные свадебные песни, которые теперь непропетыми развеял в воздухе ветер. Пусть не верит больше женщина мужским клятвам, ибо мужчины клянутся и не скупаются на обещания до тех пор, пока хотят чего-нибудь достигнуть, но как только они получили то, чего желали, они забывают свои слова и не думают о своих клятвах. Я вырвала тебя из пучины смерти, и я скорее пожелаю бы гибели своему брату, чем оставила бы тебя, вероломный, в минуту опасности. И вот мне награда: дикие звери разорвут меня или я стану добычей хищных птиц на этом острове и, если я умру, никто не насыпет могильного холма надо мной. Лев породил тебя на пустынной каменной скале, холодные морские волны выбросили тебя на берег; верно, морское чудовище было твоей матерью, если ты так вознаградил ту, которая тебя спасла для жизни и ее наслаждений. Если уж ты не хотел, чтобы я стала твоей супругой, не хотел праздновать свадьбу с женой-чужеземкой, так как боялся толков у себя на родине, так ты бы по крайней мере привез меня в свой дом как свою верную рабу, чтобы я тебе служила, твои милые члены омывала свежей водой, стлала пурпурную ткань на твое ложе! А теперь, куда мне обратиться, от кого могу я ждать помощи? Без крова, на пустынном острове, а вокруг шумящие морские волны, нет никакой возможности, никакой надежды, чтобы убежать отсюда. Все немо, все заброшено и все сулит смерть. Но до тех пор не померкнет свет моих глаз и не покинут чувства мое усталое

тело, пока я не испрошу справедливой кары для вероломного, и небожители скажут свое слово в час моей смерти! Евмениды, вы, богини мщения, лоб которых увенчан не кудрями, а змеями, ваша шумно дышащая грудь несет гнев, придите сюда, придите, послушайте мои жалобные речи, потому что, увы, я могу только беспомощно жаловаться, ослепленная безумной яростью. Но жалобы мои идут из глубины моего сердца, вы не оставите моей печали не отмщенной; и с каким бездушием я была брошена, с таким же бездушием погрузите в печаль тех, кого больше всего любит Тесей». Это услышал царь небожителей и подал свой знак в ответ на жалобы Ариадны. Земля содрогнулась, и всколыхнулись моря, и одна за другой заблестели звезды.

Тесей в это время плыл уже далеко. Слепой мрак забвения охватил его душу. Как забыл он клятвы, данные Ариадне, так забыл он и просьбу отца. Он не натянул белых парусов. И когда Эгей увидел со стен замка, что приближается корабль под черными парусами, он решил, что беспощадный рок отнял у него милого сына. В отчаянии он бросился со скалы в море. Так забывчивость Тесея оказалась причиной смерти его старого отца и таким образом свершилось проклятие Ариадны.

Ариадна долго смотрела в ту сторону, куда уплыл корабль, душа ее была истерзана горькими мыслями. Но вдруг с другой стороны острова показался Дионис, богато украшенный цветами, он возглавлял шествие, движущееся сплошным потоком. Шествие состояло из сатиров, нисейских силенов и тиад (thiasos). Дионис искал Ариадну, ибо он воспылал к ней любовью. В его свите были менады, они в буйном вакхическом хмеле, шумно ликуя, воклицали: «Эво-э!» Их головы украшали венки из плюща, некоторые из них размахивали тирсами, другие разбрасывали окровавленные члены растерзанного теленка; были и такие, которые шли, опоясав себя змеями. Они справляли оргию и носили вокруг священные предметы, а когда они справляли оргию, то напрасно хотели бы непосвященные подслушать их. Женщины били ладонями в барабан или производили звон и шум металлическими кругами; хрипло гудели горны, а варварские дудки издавали ужасные, шипящие звуки. С такой свитой приближался Дионис к брошенной девушке. И покинутую Тесеем Ариадну утешила любовь бога *.

ЭРИГОНА

Когда Дионис пришел к людям, чтобы открыть им прелесть сладких плодов, снятых с виноградных лоз, он прежде всего явился к царю Икарию.

* Catull., LXIV, 76—269.

Икарий и дочь его Эригона были очень гостеприимны и сердечно приняли Диониса. Тогда бог подарил им мех, полный вина, и повелел, чтобы они познакомили с вином весь земной круг. Царь Икарий погрузил винный мех на повозку и вместе с дочерью и собакой по имени Майра отправился в путь.

Так они прибыли к пастухам Аттики и угостили их вином. Пастухи выпили слишком много и захмелели; и когда они один за другим стали падать на землю, то решили, что царь Икарий дал им яду. Те, кто еще держался на ногах, схватили дубины и убили царя Икария, а его тело оставили непогребенным под деревом. Эригона долго искала отца. Наконец горестный лай верной собаки навел ее на след. Она нашла труп отца под деревом и в горе повесилась на этом же дереве.

Дионис разгневался за это на всю Аттику и в гневе наслал безумие на афинских девушек; нескольких из них постиг тот же конец, как и оплакивавшую отца несчастную Эригону. Когда афиняне запросили прорицания у оракула Аполлона, бог ответил, что Аттику посетило это несчастье потому, что смерть Икария и Эригоны осталась не отмщенной. Тогда покαραли смертью убийц Икария.

Когда же у афинских девушек прошла их болезнь, то в честь Эригоны был установлен праздник — «праздник качелей», ибо как качается на лозе спелая гроздь винограда, так качалось нежное тело Эригоны на дереве над мертвым отцом. Установили также, чтобы во время сбора винограда прежде всего из нового урожая приносили жертву Икарию и Эригоне. Икарий и Эригона уже тогда по желанию Диониса поднялись в звездное небо. Эригона стала созвездием Девы, которое также называется созвездием Справедливости — Дикэ, Икарий стал созвездием Большой Медведицы, Майра же осталась собакой: она — созвездие Пса, или, иначе, Сириус*.

* Hyginus, Fabulae, CXXX.

ГЕРАКЛ

Геракл — дитя Зевса и смертной женщины Алкмены. Он был смертен, но своею борьбой во время своей земной жизни заслужил бессмертие.

Сын необорно-могучий Алкмены прекрасной,
Сила Геракла, приведши к концу многостонные битвы,
Сделал супругой почтенной своею на снежном Олимпе
Златообутою Герой от Зевса рожденную Гебу.
Дело великое между богов совершил он, блаженный.
Ныне ж, бесстаростным ставши навеки, живет без страданий *.

Геракл одарен богами бессмертием, это награда за его земные страдания, это пример торжествующего над смертью человеческого совершенства. Первое требование геракловского идеала — быть господином самого себя. Геракл сам грешный человек, его необузданные страсти уже в детстве приводят его к убийству, а ненависть Геры, сопровождающая его до конца жизни, также всегда толкает его на преступления. Но он всегда искупает вину: один раз он идет на службу к Эврисфею, чтобы выполнить «двенадцать подвигов», в другой раз он берет на себя труд, требующий еще более полной победы над собой, — это рабство у лидийской царицы Омфалы; здесь он должен был носить женское платье и заниматься женскими работами, в то время как герои Эллады снова и снова испытывали в битвах свои силы. Так, между прочим, Геракл не попал на Калидонскую охоту. Двенадцать подвигов Геракла — не только покаяние. Существует предание, что Геракл убил детей от Мегары после свершения двенадцати подвигов. (См. Еврипид, «Неистовый Геракл».) Двенадцать подвигов — это поистине задача всей жизни Геракла: укрощение Земли, стремление дать миру покой

* Гесиод, Теогония, 950—953, перевод В. Вересаева, «Эллинские поэты». М., 1929, стр. 123.

от губительных чудовищ (наши источники говорят, что многие из этих чудовищ или непосредственно вышли из Земли, Геи, или, как, например, Тифон и Эхидна, явились ее же семенем). Последовательность двенадцати подвигов различные источники представляют по-разному, но в существенном источники совпадают: Геракл наряду с олимпийцами осуществляет на земле требование олимпийского мирового порядка. Не напрасно он, смертный, — союзник богов и гигантамахи. Из двенадцати его земных подвигов шесть с полной очевидностью совершены для обеспечения олимпийского мирового порядка; остальные, совершенные попутно, при второстепенных заданиях, все-таки служат той же цели. И когда земные страдания Геракла — следствие мести Несса и порочности земной женщины — стали невыносимы, его, освобожденного костром от чудовищных мук, Зевс вознес на Олимп. Гера также примирилась с ним и отдала ему в жены свою дочь Гебу, богиню юности, олицетворяющую красоту юношеских сил.

Греки совершали надгробные жертвоприношения всем умершим, а Гераклу, выдающемуся мужу, в лице которого весь город мог почтить добродетель, община приносила жертвы коллективно, как святому герою. Однако культ Геракла значил больше, чем обряд почитания героя.

Считалось, что на Олимп вознесли Геракла его заслуги и ему надлежат не только надгробные жертвы; города соревновались, кто первый воздвигнет Гераклу алтарь как богу, высоко стоящему среди олимпийцев. Среди олимпийских богов Геракл был более земным, более твердым, более простым, чем все остальные: это выражал и миф о нем и ритуал. Когда Гераклу приносили жертву, в обряд входило произнесение бранных слов. Мифу известно, что Геракл при благих аскетических намерениях мог прибегать и к насилию. Когда Автолик похитил стада Эврита, то Эврит заподозрил в краже Геракла, сын же Эврита, Ифит, не поверил этому и обратился к самому Гераклу, попросив его помочь найти пропавший скот. Геракл обещал свою помощь Ифиту, принял его у себя и угостил его, но внезапно его охватило безумие и он сбросил своего гостя с тиринфской крепостной стены. В наказание на Геракла была наслана тяжелая болезнь. Он направился в Дельфы за советом к оракулу Аполлона, но Пифия не изрекла ему пророчества. Тогда Геракл в ярости начал грабить храм, похитил треножник и хотел похитить сосуды, чтобы самому для себя устроить прорицания. На защиту святилища прибыл сам Аполлон и вступил в борьбу с Гераклом, но Зевс молнией разъединил борющихся. Тогда Аполлон изрек пророчество: Геракл избавится от своей болезни, лишь если продаст себя на три года в рабство; так Геракл отправился в Лидию к Омфале.

Противоречие между земной жизнью и олимпийским бессмертием Геракла уже в глубокой древности занимало греков, и у Гомера мы встречаемся с таким решением вопроса, что сам Геракл попал на Олимп, а в подземный мир явилось лишь его «подобие» — *eidolòn*. Геродот различает двух Гераклов: один из них — бог, почитанию которого греки научились у египтян, другой Геракл — герой. Благодаря его героическим деяниям его образ с течением времени стал божественным образом. Эта точка зрения заслуживает внимания, она свидетельствует, что Геродот считал границу между миром богов и миром людей непреодолимой для человека. Но как раз сущность представления о Геракле в том и состоит, что оно подчеркивает человеческие заслуги, поднимающие человека до уровня бога. Мы увидим, как в Риме одно время создались такие условия, которые, как раз исходя из этого отношения к человеческим заслугам, поднимали значение культа Геракла.

«Славься, владыка, сын Зевса, подай добродетель и счастье», — так обращается к Гераклу — «льву душою» гомеровский гимн.

Особенно усердно приносили жертвы Гераклу эфебы — юноши, вступающие в ряды мужей. Великие учителя Греции, и прежде всего Продик, софист V века до н. э., указывали на пример Геракла: Геракл должен был выбирать между Наслаждением и Добродетелью, он отклонил соблазн Наслаждения и избрал суровый путь Добродетели. Среди философов в особенности любили ссылаться на Геракла аскеты греко-римского мира — киники. Они собирались в Афинах в храме Геракла *Kynosarges* и, ссылаясь на пример Геракла, проповедовали, что все, за исключением Добродетели, должно быть отброшено. По их мнению, тот продвигается далее всех в подражании Гераклу, кто умеет довольствоваться самым малым. Неприязнательность своих одежд киники оправдывали наготой Геракла. Геракла как совершенного киника изображает следующая сказка Эзопа: когда Геракл появился на Олимпе, он дружески приветствовал каждого из богов, но отвернулся от Плутоса, бога богатства. Удивляясь этому, Зевс потребовал от сына ответа. Геракл отвечал: «Я от него отвернулся с презрением потому, что когда мы оба жили среди людей, то ведь я его почти всегда видел около злых людей».

На закате рабовладельческого общества киники своим аскетизмом, своей неряшливой внешностью как бы бросали вызов господствующему классу, живущему в роскоши. Это была по существу та же критика, которую вел и Сенека, римский философ-стоик. Сенека говорил, что в результате рабства свободные люди, обслуживаемые рабами и не сознающие, что основное свойство человека — это труд, теряют человеческое досто-

инство, его теряют и рабы, принуждаемые к труду ради удобства свободных. Так как ремесла влекли за собой стремление к изнеженности и роскоши. Сенека был склонен не признавать мифологического мастера Дедала; по его мнению, надо было предпочесть учителя киников и их идеал — самого Диогена, Диогена, который, увидя, что какой-то мальчик пьет воду из горсти, устыдился и выбросил свою чашу. Разумеется, отрицание роли технического прогресса ведет к отрицанию общественного развития вообще. Общественная критика киников в конечном счете реакционна в том же смысле, в каком реакционен — совсем в другой обстановке — антикапитализм романтиков. Мифологического Геракла как народного героя воспринял некий сын народа — исключительно интересная фигура в Греции эпохи царей. Он, по-видимому, лучше понял Геракла, чем его современники философы. К этому сыну народа греческие и римские философы относились с таким же недоумением, как и к его мифологическому идеалу — Гераклу.

Речь идет о Сострате, которого на его родине, в Беотии, считали новым Гераклом и который ближе стоял к простому, естественному образу жизни, чем любой из философов-киников. Его суеверно называли также сыном Земли, но он, смеясь, говорил, что его мать пасла коров. Сам он ночевал под открытым небом на Парнасе, постелью ему служила лужайка, пищей — дикие плоды, растущие в горах, а одеждой — волчья шкура. Он вступал в борьбу то с быком, то с медведем и сожалел, что больше нет львов. Образ Сострата приукрашивают чертами, взятыми из народных сказок: когда один из культурнейших людей эпохи — Ирод Аттик принимал Сострата как гостя, тот попросил только молока. Правда, он пожелал, чтобы молоком наполнили самый большой кубок храма, и поставил условием, чтобы молоко не было выдоено женщиной. Он получил, что хотел. Но лишь только он поднес кубок к губам, как уже отодвинул его от себя, промолвив: «Чувствую женщину». Ирод не поверил, чтобы «беотийский Геракл» действительно мог это почувствовать; он немедленно послал к пастухам своих слуг, чтобы те узнали правду. Оказалось, что действительно коз доила женщина.

К сожалению, ни по скептическим, ни по восторженным высказываниям о Сострате мы не можем судить о его подлинной исторической роли; он мог быть представителем какого-нибудь народного движения. Верно только то, что о своем идеале, Геракле, он узнал не из педантичных творений современных ему философов, у которых по большей части теория расходилась с практикой, а из преданий, еще сохранившихся в народной среде. Не часто представляется случай встретить классический миф в качестве народного предания в позднюю эпоху греко-

римского мира (II век до н. э.). Пример Сострата имеет большое значение. У сына народа мы встречаем такие фазы развития черт мифического Геракла, которые помогают правильному пониманию образа Геракла, известного по литературе. Сострат, следуя за своим мифологическим идеалом, не только отрицал роскошь, — это делали и философы-киники. Он стремился улучшить жизнь людей, считая это достойной задачей для своей исключительной силы. Он истреблял грабителей, делал доступными непроходимые пути, перекидывал мосты через овраги. Другой вопрос — источники не дают на него ответа, — что из своих планов мог осуществить Сострат и в каких условиях он их осуществлял. Ясно одно, что в реализации этих планов он усматривал подражание Гераклу.

Это, во всяком случае, показывает нам, как много значили для народа мифы о Геракле. Нам неизвестна связная эпическая обработка этих мифов. Мы не знаем эпических произведений, которые в совершенной, гомеровской форме выразили бы нам народное понимание Геракла. До нас дошли отдельные эпические отрывки, установлению внутренней связи между которыми и может помочь устойчивое народное предание. Основываясь на этом, мы прежде всего отметим те моменты мифологического повествования, где данные о Геракле соприкасаются с данными о Прометее. Слепящий свет молнии, сопровождаемый небесным громом, газы, вырывающиеся из трещин земли и воспламеняющиеся по неизвестным причинам, — вот первая встреча с огнем первобытного человека.

Это отражено в представлении людей о Зевсе как о владыке молний, в представлении о Гефесте как о боге, куящем оружие Зевса. В глубине земли, иногда в потухшем кратере, Гефест кует вместе со своими помощниками циклопами или с карликами — «тельхинами». Много времени прошло, прежде чем человек распознал в опустошающем огне природную силу, которую он может заставить служить ему. Когда человеку в первый раз удалось высечь огонь, он в ужасе отшатнулся от этого первого самостоятельного действия и испытывал такое чувство, будто он ограбил богов и поэтому должен искупить свою вину. Так в представлении человека возник образ Прометея, образ того, кто за свой грех терпит — во имя каждого из людей — наказание, наложенное на него Зевсом, владыкой молний. Человек успокаивает собственную совесть и побуждает себя совершить новые шаги по пути овладения силами природы, когда он слагает легенду об освобожденном Прометее и о Геракле.

Мифы, повествующие о Геракле, сыне Зевса, раскрывают дальнейшее развитие отношений между человеком и природой. Отцом Геракла является Зевс, высшее божество, но так как мать Геракла — земная женщина, то он может достигнуть

Олимпа только после свершения своих великих задач — после победы над такими чудовищами, которые угрожали опустошением мирным городам и цветущим полям человека. Человек еще беззащитен перед стихийными бедствиями, нападением диких животных, болотными испарениями, распространяющимися болезнями, но он уже собирает силы для преодоления враждебной природы. Миф, который заканчивается торжеством человека, укрепляет уверенность человека в себе и побуждает его к накоплению своих сил. Геракл является идеальным образцом не абстрактного человека, но человека, покоряющего природу, трудового человека. Он настоящий народный герой, воодушевляющий также на борьбу с силами зла и в общественной жизни: он тот, кто побеждает коварных царей, нарушающих мир и безопасность народа.

ГЕРАКЛ И ЭВРИСФЕЙ

Ата — безжалостная богиня обмана, дочь Зевса. Ее стопы мягки, неслышны, когда она приближается; тихими шагами ступает она не по земле, а по головам людей. Она причиняет много вреда, подстрекает обычно двух людей друг против друга и поработывает одного из них. Некогда, правда, она жила на Олимпе, но случилось, что она не пощадила самого Зевса.

В тот день, когда в Фивах, окаймленных прекрасными стенами, должен был родиться Геракл, Зевс похвастался перед остальными богами: «Слушайте, слушайте, боги! Илифия даст сегодня солнечному миру мужа, который будет господствовать над всеми окружающими. Он произойдет из семьи, возникшей от моей крови». Но супруга Зевса, Гера, задумала обмануть Зевса. Она так сказала ему: «Поклянись мне нерушимой клятвой, что только тот будет господствовать над всеми окружающими, кто именно сегодня родится в этой семье, происходящей от твоей крови». Так сказала Гера, и Зевс не заподозрил коварства. Он поклялся великой клятвой, и благодаря этой клятве Ата овладела им. А Гера поспешно оставила вершину Олимпа и быстро добралась до Аргоса. Там правил Сфенел, изгнавший законного царя Аргоса — Амфитриона. Гера проникла к жене Сфенела и помогла ей произвести на свет ребенка, хотя для этого еще не пришло время. К Алкмене же Гера не допустила Илифию, задержав ее. Затем Гера явилась с известием к Зевсу, сыну Крона:

— Отец Зевс, владыка сверкающих молний, слушай, какую весть я принесла тебе. Уже родился славный муж, который будет управлять жителями Аргоса. Это — Эврисфей, сын Сфе-

нела. Он достоин того, чтобы царствовать, так как он внук твоего сына Персея».

Зевс почувствовал острую боль в сердце. Схватив Ату за ее густые волосы, он с гневом поклялся, что она не будет больше пребывать на Олимпе, что Ата, которая всем вредит, никогда не возвратится на звездное небо. Он повернул Ату и сбросил ее с Олимпа. Так Ата попала к людям, чтобы вредить людским делам

Но и Зевс также горько вздыхает, вспоминая об Ате, когда видит милого сына Геракла на неподобающей работе, выполняющего трудные приказания Эврисфея *.

ГЕРАКЛ-ДИТЯ

Гераклу и его брату Ификлу, который был моложе Геракла на одну ночь, исполнилось десять месяцев. Алкмена, их мать, омыла их обоих, покормила грудью и вместо колыбели уложила на ночь в медный выпуклый щит, который Амфитрион принес домой с войны. На прощанье она погладила их головки и прошептала им: «Спите, мои крошки, пусть сон ваш будет крепким и сладким, спите, мои душеньки, два маленьких братца, я вас берегу как зеницу ока, спокойно отдыхайте и просыпайтесь с веселым рассветом». И она покачивала огромный щит, пока дети не заснули. Потом успокоился и весь дом.

Но около полуночи коварная Гера подослала двух злых змей, с тем чтобы они погубили маленького Геракла. Извиваясь синими кольцами, проскользнули змеи через порог; в их глазах светился убийственный огонь; шипя, несли они смертельный яд на своих жалах.

Но Зевс стерег прекрасных сыновей Алкмены. Когда змеи извивались уже вблизи медного щита, над щитом-колыбелью появился яркий свет, и дети проснулись.

Ификл расплакался, как только заметил разинутую пасть змеи, взобравшейся на край щита; он отбросил ногой шерстяное покрывало, точно хотел убежать на своих слабых ножках. Маленького же Геракла даже его няня никогда не видала плачущим. Теперь он смело выступил против опасности, своими маленькими ручонками он крепко, как оковами, сжал горло каждой змеи. Змеи обвинили руки Геракла, его спину, стараясь таким образом освободиться.

Между тем плач Ификла разбудил Алкмену. Она громко стала будить мужа: «Проснись, Амфитрион, проснись, вставай

Гомер, Илиада, XIX, 91—133.

скорее, не теряя времени на то, чтобы обуваться и одеваться. Разве ты не слышишь, как плачет наш младший мальчик? И разве ты не видишь, что сейчас, среди ночи, по стенам струится какой-то чудесный свет?» Амфитрион поднялся и снял с гвоздя свой прекрасно выкованный меч. В этот момент чудесный свет уже исчез и ночной мрак снова окутал опочивальню. Проснулись также и слуги и, зевая, протирали глаза.

«Скорее, скорее, слуги, — кричал Амфитрион — дайте свет, откройте дверь!»

Сразу же поднялась беготня. Кто со светильником, кто с факелом, зажженным от очага, все поспешили в покой детей. Всякий хватал что попало, все растерянно озирались, никто не понимал, что случилось, и покои наполнились недоумевающими слугами.

А в детской было на что посмотреть. Малютка Геракл, которого еще не спускали с рук, младенец, обычно прижимающийся к груди матери, приподнялся в своей колыбели-щите и потянулся к отцу, сжимая в своих крохотных ручках двух змей. Со звонким смехом, с детской радостью он показал их и положил к ногам Амфитриона. Ни одна из змей уже не двигалась. По другую сторону колыбели стояла Алкмена, ей едва удалось успокоить Ификла. Прижав его к своей груди, она ласкала его, вытирала его горькие слезы, согревала его маленькое тело, похолодевшее от смертельного испуга. Что касается Геракла, то Амфитриону нужно было лишь уложить его снова под его одеяльце из бараньей шкуры. Геракл, словно ничего не случилось, тотчас же крепко заснул, да и Амфитрион, успокоившись, снова улегся на свое ложе.

Но Алкмена в ту ночь уже не могла больше заснуть. Она поняла, что появление двух змей и героический поступок младенца не что иное, как предзнаменование еще больших чудес. Когда петух в третий раз возвестил рассвет, она послала за Тиресием.

«Открой мне будущее, не утаивай ничего. Хорошее или плохое предназначили боги маленькому Гераклу?» — умоляла она старого прорицателя.

«Не бойся, Алкмена, — сказал слепец, который видел будущее, скрытое от зрячих. — Не бойся, мать сына-героя, не бойся, кровь Персея. Думай только о будущем счастье. Зрение мое давно угасло, но я говорю тебе: много найдется в Греции женщин, которые, скручивая у себя на коленях мягкую пряжу, до позднего вечера будут воспевать имя Алкмены, и будешь ты в почете у аргосских женщин, потому что твой сын поднимется в звездное небо, могучегрудый герой, перед кем склонятся чудовища и люди. Кончится все тем, что после свершения двенадцати подвигов он будет жить в обители Зевса, а то,

что было в нем смертного, останется на трахинском костре. Он справит свадьбу с бессмертной богиней, и его будут чтить те боги, которые ныне подослали ему обительницу пещер — змей, чтобы они погубили его еще ребенком. Затем наступит время, когда волк не будет более драть оленя, — твой сын доставит миру покой. Но хорошенько выслушай меня. Завтра около полуночи сожгите злобных змей, как раз в то время, когда они хотели убить Геракла. Потом соберите пепел, доверьте одному из слуг, чтобы он осторожно бросил пепел в реку, и пусть он не оставит ни одной соринки от пепла, а когда слуга пойдет домой, пусть не оборачивается. Вслед за тем освятите ваш дом очищенной серой и соленой водой и принесите жертву Зевсу, величайшему из богов, моля его о том, чтобы всегда вы были сильнее ваших врагов». — Так сказал престарелый Тиресий и медленно отправился в обратный путь, согбенный под бременем лет.

А Геракл, как побег молодой веточки на пышном дереве, рос и воспитывался в доме Амфитриона на глазах у матери. Его обучал азбуке Лин, сын бога Аполлона, стрельбе из лука обучал Эврит, а управлять лошадьми — сам Амфитрион.

Так воспитывала сына Алкмена. Ложем Геракла была шкура льва, его утренней пищей вместо мяса — корзина дорийского черного хлеба, вмещавшая столько хлеба, сколько было бы достаточно для одного жнеца. Среди дня Геракла не баловали вареной пищей. Одежда его всегда была проста. Алкмена знала, что она воспитывает сына для великих свершений*.

КИФЕРОНСКИЙ ЛЕВ

Дикая несдержанность уже с детства омрачала благородную мощь Геракла. Когда его учитель брат Орфея, Лин, наказал его, мальчик, внезапно рассердившись, лирсей, которую он держал в руке, ударил Лина, и престарелый учитель умер от удара ребенка, наделенного чудесной силой. Амфитрион, боясь, что Геракл во второй раз совершит подобный же поступок, отправил его в луга, к стадам. Здесь Геракл воспитывался среди пастухов; он выделялся своей могучей фигурой и силей. Достаточно было взглянуть на него: его грозная внешность выдавала его, свидетельствуя, что он — сын Зевса. Он был четырех футов ростом, в его глазах сверкал огонь, стрелой и копьем он владел одинаково легко и всегда попадал в цель. Ему было только 18 лет (он жил еще у пастухов), когда

* Theokritos, XXIV, Idyll.

он убил в Кифероне горного льва. Этот киферонский хищник нападал на стада и производил чудовищные опустошения среди скота Амфитриона и Феспия. Феспий был царем Феспии. Геракл явился к нему и заявил, что хочет убить льва. Феспий очень обрадовался и пятьдесят дней принимал Геракла как гостя. Геракл заслужил того, чтобы его радушно принимали, так как избавил край от льва. Геракл содрал шкуру с убитого льва и с тех пор носил ее на плечах, а вместо шлема носил отрубленную голову льва*.

ОРХОМЕН

Возвращаясь с киферонской охоты, Геракл встретился с посланцами Эргина, которые направлялись в Фивы за данью. Эту дань жители Фив уплачивали Эргину по следующей причине. В Климена, царя Орхомена, бросил камнем возница фиванского жителя Менэкея. Климена полумертвым принесли домой, но у него еще хватило силы взять клятву со своего сына Эргина, что тот отомстит за отца. Эргин, получивши власть, отправился походом против Фив. Он убил много народу и принудил Фивы в течение двадцати лет уплачивать ему в качестве дани сто штук скота ежегодно. Вот за этим скотом и шли орхоменские посланцы, когда их встретил Геракл. Геракл отрубил у них уши, носы, связал им за спиной руки и велел передать, что это и есть та дань, которую он посылает Эргину. В ответ на это Эргин двинул войско против Фив. Но теперь со стороны Фив военачальником выступил Геракл, которого сама богиня Афина снабдила оружием. Геракл убил Эргина, убил много орхоменян, а минийцев обратил в бегство. Он не только освободил свой город от разорительной дани, но и принудил орхоменян уплачивать Фивам вдвое большую дань.

Фиванский царь Креон наградил Геракла, отдав ему в жены свою старшую дочь Мегару; младшему брату Геракла, Ификлу, Креон отдал в жены свою младшую дочь**.

ДВЕНАДЦАТЬ ПОДВИГОВ

Боги наделили героического сына Зевса различными дарами. Гермес подарил ему меч, Аполлон — лук, Гефест — панцирь, от Афины Геракл получил пеплос. Сам же он вырубил для себя в Немейской роще палицу.

* Apollod., Biblioth., II, 63—66.

** Apollod., Biblioth., II, 67—70.

Только ненависть Геры не уменьшилась, Гера наслала на Геракла безумие; герой принял собственных детей за жертвенных животных и бросил их в огонь; вместе со своими детьми он бросил в огонь и двух детей Ификла. Когда Геракл пришел в себя и узнал о своем чудовищном поступке, он ушел из родного города. Сначала кающегося героя принял царь Феспий. Феспий заставил Геракла очиститься от скверны совершенного им греха. Но в родной город Геракл все же не вернулся. Он отправился в Дельфы, чтобы испросить совета у Аполлона, где ему поселиться. Тогда-то пифия впервые назвала его Гераклом. До тех пор его звали Алкидом, по его деду Алкею, отцу Амфитриона. Прорицательница-пифия повелела Гераклу идти в Тиринф и служить Эврисфею, царю Микен, и совершить там двенадцать подвигов по приказу Эврисфея. Если он выполнит их, он станет бессмертным. Геракл послушался и явился к Эврисфею.

В первый раз Эврисфей поручил Гераклу убить и принести ему шкуру немейского льва. Этот лев был неуязвим. Он был порождением Тифона, чудовищного сына Земли. Геракл отправился в путь. По дороге он зашел к одному бедному человеку, поденщику по имени Молорх, который принял его очень радушно. Когда Молорх приготовился к жертвоприношению, Геракл сказал ему, чтобы он подождал еще тридцать дней. Если он, Геракл, в течение этого срока вернется невредимым из Немейской рощи, то тогда нужно будет принести жертву Зевсу-Избавителю, если же он не вернется, пусть тогда Молорх готовит поминальную жертву по умершему герою.

Достигнув Немей, Геракл выследил хищника, нацелился и пустил в него стрелу. И тут только он заметил, что стрела не причинила вреда зверю. Он погнался за львом с палицей. Хищник скрылся в пещере, в которой было два выхода. Один из выходов Геракл быстро завалил, а через второй вошел ко льву, схватил его руками и сжимал до тех пор, пока не задушил зверя. Потом взвалил его целиком на плечи. Был уже на исходе тридцатый день, когда Геракл подошел к дому Молорха. Молорх уже думал, что Геракл погиб, и готовился к поминальной жертве. Но герой вошел и сам принес жертву Зевсу-Избавителю.

Когда Геракл появился в Микенах со львом, Эврисфей пришел в ужас от нечеловеческой силы Геракла. Он повелел, чтобы ноги Геракла не было в городе, достаточно будет, если он покажется у городских ворот в доказательство, того, что выполнил приказание. Эврисфей даже скрывался в подземелье, или прятался в страхе в бронзовом сосуде, когда Геракл приближался к городу. Только через слугу, вестника по имени Копрей, Эврисфей сносился с Гераклом.

Второе задание, возложенное Эврисфеем на Геракла, состояло в том, что Геракл должен был убить лернейскую гидру — водяное чудовище, жившее в Лернейском болоте. Гидра выходила оттуда и на всем своем пути опустошала окрестности. У нее было огромное тело и девять голов, из них восемь голов смертных, а одна, находящаяся посредине, бессмертная.

Геракл запряг боевую колесницу и взял с собой в качестве возницы своего племянника Иолая, сына Ификла. Достигнув лернейского болота, Геракл остановил лошадей. Он нашел гидру около источника Амимона, где и было ее убежище. Огненными стрелами Геракл заставил гидру выйти из глубины и хотел свесив палицей сбить все девять голов чудовища, но ему ничего не удалось достигнуть, потому что когда он разбивал одну голову, вместо нее вырастали две другие. На помощь гидре явился гигантский рак. Рака Геракл убил, но для борьбы с гидрой он должен был в конце концов позвать на помощь Иолая. Иолай поджег находящийся поблизости лес и горящими головнями прижигал шеи на месте сбитых у гидры голов, чтобы вместо них не могли вырасти новые. Так Геракл наконец добрался до бессмертной головы гидры, сбил ее также, затем зарыл в землю и повалил на нее гигантскую скалу. Тело гидры он разрезал на части и омочил в ее желчи свои стрелы.

Так Геракл покончил с гидрой, но Эврисфеем не пожелал этот подвиг включить в число намеченных двенадцати подвигов, потому что Геракл совершил его не единолично, а с помощью Иолая.

Третье поручение Эврисфея состояло в том, что Геракл должен был поймать и принести в Микены живую керинейскую лань. У этой лани рога были из золота. Лань была некогда подарена одной тайгетской нимфой богине Артемиде. Зная, что лань — священное животное Артемиды, Геракл щадил ее и старался не нанести ей ран.

Геракл преследовал лань целый год. Наконец измученная лань стала искать спасения на горе Артемиды, но Геракл повсюду следовал за нею. Гонимое животное хотело уже перепрыгнуть через реку Ладон; Геракл был принужден взяться за лук и слегка ранил лань; затем он взвалил ее себе на плечо и через Аркадию отправился с ней в Микены. Но на пути он повстречал богиню Артемиду. Артемиде хотела отнять у Геракла его добычу, выразив ему свое недовольство тем, что он осмелился охотиться за ее священным животным.

Геракл стал оправдываться, говоря, что он вынужден выполнять приказания Эврисфея, и тем смягчил гнев богини. С разрешения Артемиды он принес лань живую в Микены.

Четвертое приказание Эврисфея состояло в том, чтобы Геракл доставил ему живым эриманфского кабана. Этот хищник

спустился с горы Эриманфа, чтобы опустошать окрестности города Псофиды. Геракл отправился в путь. По пути его пригласил к себе в гости кентавр Фол, наполовину человек, наполовину лошадь, сын Силена и нимфы Малей. Фол дал Гераклу жареного мяса, сам же ел сырое, но вина он не мог предложить гостю, потому что бочка с вином была общей собственностью кентавров и эту бочку можно было открывать только тогда, когда все кентавры были в сборе. Но Геракл до тех пор уговаривал Фола, пока тот наконец не открыл бочку. Однако кентавры издали почуяли запах вина и явились в пещеру к Фолу, вооружившись огромными камнями и дубинами. Но Геракл разогнал их и преследовал до самой Малей. В этом краю жил Хирон, с тех пор как лапифы изгнали его с горы Пелион (это произошло после того, как кентавры вступили в борьбу с лапифами на свадьбе Пейрифоя, царя лапифов). Теперь кентавры, которых преследовал Геракл, искали защиты у Хирона. Геракл разил их своими ядовитыми стрелами. Одна из стрел попала также в Хирона. Справедливого кентавра — между прочим, воспитателя Ахилла — Геракл не хотел трогать. Он вытащил стрелу из его раны, взял из рук Хирона лекарство, чтобы положить на рану. Но ничто не помогало: стрела, смоченная желчью гидры, сделала рану неизлечимой. От ужасной боли Хирон бросился в пещеру и хотел там умереть. Но он был бессмертен и смог умереть лишь тогда, когда Зевс вызвал из подземного мира Прометея, а вместо него послал туда Хирона.

Спасшиеся кентавры разбежались в разные стороны, часть — на гору Малей; Эвритион бежал на гору Фолое, а Несс — к реке Эвен, где взял на себя мирную работу перевозчика через реку.

Геракл вернулся к Фолу, и здесь ему пришлось быть свидетелем того как его гостеприимный хозяин также умер. Фол из любопытства вытащил стрелу у одного из павших кентавров, удивляясь, что такие гиганты, как кентавры, могут погибнуть от такой маленькой стрелы. При этом он уронил стрелу себе на ногу, и отравленная стрела мгновенно убила его. Геракл похоронил Фола и отправился дальше. Он вспугнул эриманфского кабана сильным шумом, загнал его в снег и до тех пор гонял его по снегу, пока кабан не изнемог настолько, что Геракл смог взять его и живыми притащить в Микены.

Пятое приказание состояло в том, чтобы в течение одного дня убрать навоз со скотного двора царя Авгия. У Авгия, царя Элиды, сына Гелиоса, было множество скота. Геракл явился к Авгию, сообщил, что пришел в Элиду по приказу Эврисфея и что он берет на себя задачу очистить за один день от скопившегося навоза огромный скотный двор Авгия. В награду Геракл просил одну десятую часть стада Авгия. Авгий не поверил, что Геракл сможет сделать это в течение дня, и поэтому

охотно пообещал дать требуемое вознаграждение. Геракл позвал сына Авгия, Филея, чтобы тот в качестве свидетеля наблюдал за его работой. Геракл поднял балки порога и течение двух могучих рек, Алфея и Пинея, направил через скотный двор. Когда он с этим покончил, то потребовал у царя обещанной платы, но Авгий узнав, что Геракл действовал по приказу Эврисфея, не дал ему десятой части скота и при этом еще отрицал, что вообще что-нибудь обещал Гераклу. Дело попало к судьям. Геракл призвал Филея, и Филей свидетельствовал против отца. Авгий же, не дожидаясь решения судей, изгнал из страны и Филея и Геракла. Филей отправился на остров Дулий, а Геракл — в Олен, к Дексамену. В это время кентавр Эвритион силой взял себе в жены дочь Дексамена Мнесимаху. Дексамен позвал на помощь Геракла; Геракл освободил девушку и убил Эвритиона. Затем он продолжал свой путь в Микены. Он заявил Эврисфею, что выполнил его приказ, но Эврисфей не пожелал признать эту работу в счет назначенных двенадцати под тем предлогом, что Геракл требовал за нее платы.

Шестое поручение Эврисфея состояло в том, чтобы Геракл перебил медноногих, медноклювых прожорливых птиц, живущих возле Стимфалийского болота. Птицы, спасаясь от волков, забрались в дремучие леса этой болотистой местности. Гераклу помогла Афина, она принесла ему от Гефеста две медные трещотки; этими трещотками Геракл поднял такой шум, что птицы, испугавшись, вспорхнули и вылетели из леса. Тут Геракл уже мог направить в них свои стрелы.

В качестве седьмого подвига Геракл должен был привести в Микены критского быка. Этого быка на Крит послал Посейдон, после того как однажды Минос, царь Крита, дал обет, что всё появившееся из моря будет принесено в жертву Посейдону. Но когда море выбросило на берег быка, Миносу стало жаль расставаться с великолепным животным и он отправил быка в свое стадо. Посейдон разгневался на Миноса и наслал на быка бешенство.

По приказу Эврисфея Геракл пришел за быком и стал просить его у Миноса. Минос ответил Гераклу, что пусть он уведет быка, если сможет. Геракл увел быка, но только показал его Эврисфею, а затем отпустил на свободу. Освобожденный бык пробежал через всю Спарту и Аркадию, даже переправился на Истм на Коринфский перешеек и примчался на Марафонскую равнину, находящуюся неподалеку от Афин. Здесь он до тех пор беспокоил жителей края, пока знаменитый афинский герой Тесей не вышел на быка, Тесей повалил быка, затем провел его по улинам Афин и принес в жертву на алтаре Афины-Паллады.

У Диомеда, царя фракийских бистонов, были кони, пожирающие людей. Восьмое задание Геракла и заключалось в том,

чтобы привести Эврисфею этих коней. Геракл совершил и этот подвиг. Он угнал диких коней и поручил своему верному другу Абдеру, сыну Гермеса, сторожить их, пока сам он будет расправляться с Диомедом. Но за это время кони растоптали Абдера; в честь него Геракл основал город Абдеру. Геракл передал коней Эврисфею, тот выпустил их на свободу, и на склонах Олимпа они были растерзаны дикими зверями.

Девятой задачей Геракла было принести пояс царицы амазонок Ипполиты. Племя амазонок, жившее в Скифии, целиком состояло из женщин, но эти женщины умели очень храбро воевать. Их царица Ипполита получила пояс от самого Ареса, бога войны, в знак того, что она является первой среди амазонок. За этим поясом и послал Эврисфей Геракла, так как этого хотела дочь Эврисфея — Адмета.

Геракл с несколькими товарищами прибыл на корабле в Скифию. Когда он сказал Ипполите, по какой причине прибыл, Ипполита обещала отдать ему пояс. Но тогда богиня Гера приняла вид одной из амазонок и распространила слух, что чужеземцы хотят захватить царицу и увезти ее в рабство. Дело дошло до битвы. Геракл убил Ипполиту и взял ее пояс.

Прежде чем вернуться из Скифии на родину, Геракл попал в Троию. Как раз в это время в Трое разразилось великое несчастье, вызванное гневом Апполона и Посейдона. Эти два бога, чтобы испытать царя Лаомедонта, явились к нему, приняв человеческий облик, и за соответствующую плату взялись построить стену вокруг Пергама. Когда стена была готова, Лаомедонт не дал им обещанной платы. Тогда Апполон в наказание за проступок царя наслал на город заразу, а Посейдон выбросил из моря чудовище, которое загубило много людей на троянской равнине.

Было предсказано при этом, что только тогда троянцы смогут отвратить от себя ужасные бедствия, когда царская дочь Гесиона будет брошена чудовищу. Девушку уже положили на берег моря, когда прибыл Геракл. Герой обещал, что он спасет Гесиону, если Лаомедонт отдаст ему в награду тех коней, которых царь получил от Зевса в утешение за похищенного у него сына Ганимеда. При виде опасности Лаомедонт всё пообещал Гераклу, но, когда герой убил чудовище и освободил царскую дочь, троянский царь проявил вероломство. Геракл пригрозил Ласмедонту, но ему нужно было уходить, так как он состоял на службе у Эврисфея. Надо было спешить в Микены чтобы, согласно приказу, доставить пояс Ипполиты. (По свершении двенадцати подвигов Геракл почти совсем разрушил Трою; тогда же он наказал и вероломного Авгия.)

После этого Эврисфей послал Геракла за коровами Гериона: это был десятый подвиг. Герион был сыном Хрисаора и

океаниды Каллирои, это был великан, имевший три туловища, он жил на острове Эрифее неподалеку от Океана. Коровы были пурпурсвого цвета, их пастуха звали Эвритионом. Кроме него, коров сторожил Орто, двухголовый пес, порождение Эхидны и Тифона.

Геракл прошел всю Европу и у Тартесса, на границе Европы и Ливии, установил один против другого два столпа в знак своего великого пути; это — *Геркулесовы столпы*. В Ливии во время пути сильно пекло солнце; Геракл уже натянул тетиву, чтобы пустить стрелу в него. Гелиос, бог Солнца, подивился храбрости Геракла и дал ему огромный золотой челн, чтобы Геракл переплыл в нем океан. Так Геракл достиг острова Эрифейи и на горе Аба провел ночь. Его заметил пес Орто и залаял. Геракл убил пса своей палицей, он убил также Эвритиона, поспешившего на помощь собаке. В том краю также пас коров Гадеса Менетий, он сообщил Гериону о том, что произошло. Геракл в это время уж угнал коров. У реки Антем Герион настиг его, но сделал это на свою беду, потому что Геракл поразил его стрелой. Геракл загнал коров в челн, вместе с ними доплыл до Тартесса и здесь возвратил челн Гелиосу. В пути Геракла ожидало немало препятствий. Два сына Посейдона, Иалебий и Деркий, захотели отобрать коров у Геракла; Геракл убил обоих и отправился далее через Тиррению*. У Региума один бык отбился от стада, бросился в море и вплавь добрался до Сицилии. Он обошел весь соседний край, который в память об этом быке стал называться Италией, потому что на тирренском наречии слово *italos* означает бык. В Сицилии царем был Эрикс, сын Посейдона. Он взял быка в свое стадо. Геракл поручил охранять коров Гефесту, а сам отправился разыскивать убежавшего быка. Когда он увидел быка в стаде Эрикса, то попросил возвратить его, но Эрикс сказал, что отдаст быка только в том случае, если Геракл вступит с ним, Эриксом, в единоборство и победит его. Геракл трижды ударил Эрикса оземь и убил его, потом взял быка и погнал дальше свое стадо по направлению к Ионийскому морю. Здесь Гера наслала бешенство на стадо, так что Геракл едва мог справиться с ним. Но в конце концов он передал коров Эврисфею, который и принес их в жертву Гере.

Теперь Эврисфей послал Геракла за золотыми яблоками гесперид, и это был одиннадцатый подвиг. Некогда эти яблоки Гея подарила Гере в качестве свадебного подарка и Гера доверила эти яблоки четверем гесперидам (Эгле, Эрифее, Гесперии и Аретузе); геспериды держали яблоки в своем саду, и из них выросли прекрасные деревья. Деревья сторожил стоглавый дра-

* То есть Этрурию, в Италии.—Прим. ред.

кон, порождение Эхидны и Тифона. Сад гесперид находился где-то на краю земли. Геракл не знал, в каком направлении нужно идти, чтобы отыскать его. В дороге сын Ареса, Кикн, вызвал Геракла на поединок, но вопрос о победе остался неразрешенным, потому что внезапно ударившая молния разделила двух борющихся героев. У реки Эридана Геракл встретил дочерей Зевса и Феиды — нимф: нимфы дали ему совет распросить о гесперидах у Нерей. Геракл схватил старого морского бога, когда тот спал. Нерей напрасно всячески менял свой облик. Геракл связал Нерей и не отпускал до тех пор, пока тот не указал ему дороги к гесперидам. Гераклу нужно было идти через Ливию. Здесь встретился с ним сын Посейдона и Геи, Антей. Антей был царем Ливии и всех чужеземцев вызывал на поединок, а затем убивал. Невозможно было пересилить его в борьбе: если он уставал, то ему нужно было только коснуться матери — Земли, и силы его возобновлялись. Геракл так победил Антея: он поднял его в воздух и задушил его, не допустив, чтобы он коснулся Земли. Из Ливии Геракл пришел в Египет; здесь царем был Бусирис, сын Посейдона и Лисианассы, дочери Эпафа, внуки Ио. Бусирис, повинаясь пророчеству, всех чужеземцев приносил в жертву Зевсу. Случилось так, что в Египте в течение девяти лет был голод. Пришедший с Кипра прорицатель, по имени Фрасий, сказал, что бедствие прекратится, если из года в год египтяне будут приносить в жертву Зевсу чужеземцев. Фрасий получил достойную награду: он стал первой жертвой Зевсу. Бусирис схватил также и Геракла и повлек его к алтарю, но Геракл разорвал веревки, которыми его связали, и убил Бусириса вместе с его сыном Амфидамантом и слугой Халбием. Геракл прошел через Азию. Однажды во время пути он выпряг быка из упряжки одного пахаря, работавшего в поле, изжарил этого быка и съел. Бедный пахарь только смотрел на то, что происходило, но ничем не мог помочь себе; он лишь издали, стоя на вершине горы, осыпал Геракла ругательствами. Поэтому-то когда впоследствии стали приносить жертвы Гераклу, то жертвоприношение сопровождалось бранью и проклятиями.

На Кавказе Геракл встретил Прометея. Зевс в наказание приковал Прометея к скале и наслал на него беспощадного орла. Орел клевал печень титана. Геракл разбил цепи Прометея и поразил стрелой орла. Этот орел был сыном Эхидны и Тифона. Прометей в благодарность научил Геракла, каким образом можно достать яблоки гесперид.

Геракл поступил по совету Прометея. Когда он достиг земли гипербореев — ибо там находились сады гесперид, — он обратился к титану Атланту, брату гесперид. Атлант стоял в земле гипербореев и держал на своих плечах небесный свод. Геракл

попросил Атланта принести ему несколько яблок, а пока Геракл обещал поддержать небесный свод. Атлант сорвал в саду гесперид три яблока принес их Гераклу. Атлант радовался, что освободился от тяжести небесного свода и не хотел снова брать его на свои плечи. Но Геракл был заранее предупрежден Прометеем о таком намерении Атланта. Он попросил Атланта поддержать небесный свод, пока он сам будет делать себе из волокон подушку, чтобы положить ее на голову, а на подушку поместить небесный свод. Атлант не понял хитрости и встал на прежнее место. Геракл же, освободившись, пошел дальше.

Эврисфей подарил яблоки Гераклу, а Геракл подарил их Афине-Палладе, богиня же вернула яблоки гесперидам, так как эти плоды были священными и их нельзя было держать где угодно. Затем Гераклу предстояло совершить двенадцатый, последний и самый трудный подвиг: привести Кербера из подземного мира. Кербер сторожил подземное царство — это был трехголовый пес с хвостом дракона и с головами змей.

Прежде чем спуститься в подземный мир, Геракл отправился в Элевсин к Эвмолпу и попросил, чтобы тот посвятил его в элевсинские таинства. Но чужеземец не мог быть посвящен в эти таинства. Тогда Геракла усыновил один афинский гражданин по имени Пилий. Кроме того, Геракл должен был очиститься от кровавого греха — убийства кентавров, и только тогда он был посвящен Эвмолпом.

Уже как посвященный, Геракл отправился к южному горному мысу Лакедомона, к Тэнару, где находился вход в подземный мир. Здесь Геракл спустился в царство Гадеса.

Когда души умерших увидели Геракла, то все разбежались, только души Мелеагра и Медузы-Горгоны, убитой Персеем, ожидали его. Геракл вынул меч и направил его против Горгоны, и только Гермес, «проводник душ», который сопровождал также и Геракла, обратил его внимание на то, что он не сможет коснуться мечом Горгоны, так как она всего лишь бесплотная тень. При входе в подземный мир Геракл встретил двух своих друзей, Тесея, афинского героя, и Пейрифоя, царя лапифов; они хотели похитить царицу подземного мира Персефону и в наказание стали пленниками Аида. Геракл освободил Тесея, но когда он протянул руку Пейрифою, земля сдвинулась с места, и Геракл был вынужден оставить Пейрифоя. Перед тем как вступить в подземный мир, Геракл хотел насытить кровью подземные души; он зарезал одну из коров Гадеса. Пастух Менойтен вызвал его за это на единоборство; Геракл переломал ребра Менойтена, так что Персефона тотчас же отозвала Менойтена к себе.

Спустившись в подземный мир, Геракл прямо попросил у Плутона Кербера. Плутон согласился, чтобы трехголовый пес

был взят на землю, но обязал Геракла не употреблять оружия против Кербера. Геракл нашел Кербера у ворот Ахерона, бросился на него, схватил за горло и таким образом вынес его. Он показал Кербера Эврисфею и затем вернул обратно в подземный мир.

Этим подвигом закончилась служба Геракла у Эврисфея*.

* Apollod., Biblioth., II, 71—126.

ГОМЕР И ТРОЯНСКИЙ ЭПИЧЕСКИЙ ЦИКЛ

В преданиях, относящихся к Троянской войне, греческая народная традиция сохранила воспоминания о действительных исторических событиях. На том месте, где по античным преданиям нужно искать Трою, в северо-западном углу Малой Азии, под теперешним Гиссарлыкским холмом, заступ археологов вынес на дневной свет такие находки, которые подтвердили подлинность исторических событий, составляющих основное ядро троянского эпического цикла.

Восторженный читатель «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, Генрих Шлиман, еще в детстве решил, что он отыщет место военных действий троянцев и греков. И то, что было намечено в детстве, он осуществил в зрелом возрасте. В этом Шлиману самоотверженно помогала его жена и его преданные ученики. Шлиман посвятил всю свою жизнь тому, чтобы открыть развалины Трои. Раскопки, начатые Шлиманом в 1870 году, принесли исключительный успех.

На месте Трои уже в глубокой древности (за три тысячи лет до н. э.) находилось человеческое поселение, а над разрушавшимися с течением времени крепостями и городами снова и снова возникали стены новых строений. Благодаря раскопкам здесь удалось установить до сих пор двенадцать различных слоев, двенадцать поселений, построенных одно над другим.

Развалины седьмого слоя обнаруживают следы вражеского нашествия, опустошающего огня; это гомеровская Троя, которая, согласно преданию, стала добычей огня.

В том же самом слое археологи встретили такие же предметы, особенности такие же сосуды, как и в развалинах самого богатого города материковой Греции — в развалинах Микен. Это доказывает, что именно седьмой слой, памятники которого относятся ко второй половине второго тысячелетия до н. э., на-

ходилась в соприкосновении с материковой микенской культурой в пору ее расцвета.

Экономические связи проложили дорогу греческому завоеванию, стремившемуся распространиться и на Малоазиатское побережье. Что в этом завоевании ведущая роль принадлежала именно Микенам, знал уже Гомер, у него под Троей воевал царь Микен, Агамемнон, — верховный вождь греческого войска.

Геродот, знаменитый греческий историк, видел в Троянской войне одно из проявлений древнего антагонизма между Востоком и Западам. Фукидид искал для объяснения событий базы уже экономического характера. Но народные предания совершенно иначе, чем прагматическая историография, объясняют возникновение всякой войны. Оскорбленная честь, отказ искателю руки царской дочери или похищение женщины — вот факты, которые часто фигурируют в различных народных сказаниях как причины великих войн.

Греческие народные предания и поэзия, развивающая далее эти предания, считают, что корни Троянской войны следует искать в двух мифологических браках. Один из них — это брак Зевса и Леды, который дал жизнь Елене, самой прекрасной женщине мира; другой — брак Пелея и Фетиды, от которого родился Ахилл, величайший греческий герой.

Дочь Нерее, морского бога, Фетиду, среброногую богиню, Зевс пожелал взять в супруги, но Прометей предсказал, что сын Фетиды будет могущественнее своего отца. Зевс опасаясь, что его постигнет судьба Крона, принудил к браку с Фетидой смертного Пелея, царя фессалийской Фтии. На свадьбе присутствовали также и боги; они принесли супружеской паре божественные подарки. И только Эриду, богиню раздора, держали вдали от блестящего пира. Но Эрида кинула божественным гостям золотое яблоко с надписью: «самой красивой». Вспыхнула ссора. Три богини — Гера, Афина-Паллада и Афродита оспаривали друг у друга яблоко. Наконец Гермес отвел их на гору Иду, чтобы находящийся там Парис решил, которая из богинь самая красивая.

Парису, сыну троянского царя Приама, было при рождении предсказано, что он принесет гибель своей родине. Поэтому ребенка отнесли на гору Иду. Там его нашли пастухи, которые и воспитали его. Он вырос храбрым мужем и всегда защищал стада и пастухов, почему его стали называть Александром, что значит «мужественный защитник». Здесь, на горе Иде, Парис предстал перед богинями. Афродита, богиня любви и красоты, подкупила Париса, она обещала пастуху гор любовь самой красивой женщины в мире, если он присудит ей, Афродите, яблоко Эриды. Это обещание смутило покой пастушеской жизни Париса. Он сел на корабль, хотя и предупреждала его об опас-

ности пути его верная жена Ойиона, дочь бога реки Кебрена. В Греции его принял как гостя царь Спарты Менелай. Парис злоупотребил правом гостя и похитил жену своего гостеприимного хозяина.

Вся Греция восприняла поступок сына азиатского царя как оскорбление, нанесенное стране. Под предводительством Агамемнона, старшего брата Менелая, греки собрались в Авлидской гавани и выступили против Трои. Прежде всего они отправили посланцев к Приаму с просьбой выдать им Елену и с нею вместе похищенные сокровища, но троянцы отказались это сделать. Тогда началась опустошительная война. Девять лет греки безуспешно осаждали троянскую крепость, и только на десятый год, прибегнув к хитрости, они добились успеха. Одиссей и Диомед похитили из города «Палладион» — упавшую некогда с неба деревянную статую Афины-Паллады, являвшуюся защитницей города. Затем они ввели в город огромного деревянного коня. Хитрый Синон объявил троянцам, что этим подарком греки хотят умиловить Афины-Палладу, разгневанную за похищение «Палладиона», и что сами греки уже снимаются с якоря и отплывают в Грецию, потому что девятилетняя безрезультатная осада убедила их, что они никогда не возьмут Трои. Напрасно предостерегал троянцев Лаокоон. Посейдон, стоявший на стороне греков, выслав из моря двух змей на прорицателя Лаокоона, заботившегося о судьбе своего народа. Змеи задушили Лаокоона и двух его сыновей. В этом троянцы усмотрели наказание богов за то, что Лаокоон осмелился поднять голос против дара, посланного греками Афине-Палладе, и теперь уже с удвоенным усердием стали разбирать стены города, чтобы таким путем можно было ввезти в город деревянного коня. Затем они весело уселись за пиршество, чтобы отпраздновать прекращение девятилетней осады. Но греки не уплыли далеко. Они ожидали лишь знака, который должен был подать им Синон. Когда троянцы отяжелели от вина и отправились на покос, Синон открыл дверцу, имевшуюся в деревянном коне, и сидевшие внутри коня отборные греческие воины вышли оттуда и оказались в стенах Трои. В это же самое время Синон горящим факелом дал знак, призывая обратно, отплывшие было греческие корабли.

И вот Троя внезапно оказалась наполненной врагами. Враги подожгли город, перебили мужчин, а женщин увели в качестве рабынь в Грецию.

«Илиада» Гомера начинается с описания девятого года троянской войны. Троянская крепость еще упорно сопротивляется осаде. Окрестности Трои опустошаются греческими набегами, греки поджигают города, захватывают добычу и вводят пленных, среди них Хрисеиду, дочь жреца Аполлона. Эпическое по-

вестование начинается с появления отца Хрисеиды; основная тема эпоса — гнев Ахиллеса: роковая ссора вождя и величайшего героя Греции с Агамемноном. Вокруг этой темы, мастерски разработанной, поэт живо разворачивает всю историю Троянской войны. Как говорит Гораций в знаменитом письме о поэтике, Гомер увлекает за собой читателя *in medias res* — в самый центр действия. Но Гомер оглядывается также и на прошлое, он рисует роковые последствия совершенных ранее дел, так что мы ясно видим и предшествующие события. Эпос заканчивается примирением Ахилла и Агамемнона, смертью величайшего троянского героя Гектора, погибшего от руки Ахилла в начавшейся снова борьбе, и погребением Гектора.

Помимо прорицания, сама логика событий определяет конец войны: мы предвидим не только то, что с убийством Гектора свершится и судьба Ахилла и что недалеко то время, когда Ахилл падет от стрелы Париса, направленной богом Аполлоном, но и картину грядущего разрушения Трои, издевательства над седой головой Приама, жестокую смерть маленького Астианакта, — эта картина, как безмолвная мрачная тень, сопровождает разворачивающееся эпическое действие.

В событиях, непосредственно предшествующих смерти Ахилла, развитие действия в «Илиаде» как бы повторяется. Герой, оскорбленный вновь, отстраняется от битвы и берется снова за оружие лишь для того, чтобы отомстить за павшего друга. После смерти Гектора на помощь троянцам пришла царица амазонок Пенфесилия со своим женским войском. Ахиллес победил также и ее, но когда Пенфесилия упала перед ним мертвой, в нем вспыхнула любовь к ней и он оплакал убитого врага. Терсит, самый безобразный муж среди греков, стал издеваться по этому поводу над Ахиллом, но Ахилл убил трусливого хулигана, а когда Агамемнон и Диомед упрекнули его за это убийство, Ахилл разгневался и удалился с поля сражения. И только когда его друга Антилоха, сына Нестора, убил союзник троянцев, царь Эфиопии Мемнон, сын Эос и Тифона, только тогда Ахилл снова появился среди воинов. Мемнон был убит Ахиллом, но Эос упростила Зевса даровать бессмертие ее сыну, павшему в бою. В это же время Аполлон направил стрелу Париса в единственно уязвимую часть тела Ахиллеса — в его пяту.

После падения Трои много было сложено легенд также и о возвратившихся на родину греческих вождях. В особенности много рассказывали о приключениях Одиссея. Царь Итаки только после двадцати лет скитаний возвратился на родину. Похождения Одиссея составляют сюжет второго эпического творения, которое предание связывает с именем Гомера, а именно «Одиссеи».

ТРОЯНСКАЯ ВОЙНА

По «Илиаде»

Хрис, жрец Аполлона, пришел к стоянке греческих кораблей с золотым жезлом, увенчанным венцом Аполлона. Он обещал богатый выкуп за свою дочь, пленницу Агамемнона.

«Пусть помогут вам олимпийские боги разрушить город Приама и возвратиться домой невредимыми. Но освободите мою милую дочь и примите выкуп, почтив тем самым сына Зевса, дальновержца Аполлона».

Напрасно все греки увещевали Агамемнона оказать честь жрецу. Агамемнон грубо отказал старцу в его просьбе. Старец удалился, но обратился с мольбой о мести к Аполлону, которого в городе Хрисе почитали под именем Сминтея. Аполлон услышал его. В гневе сошел бог с вершины Олимпа с луком и колчаном за плечами. Страшно зазвенел серебряный лук, и стрелы далеко разящего бога принесли в греческий стан ужасную заразу. Эпидемия поразила животных, а от них перешла на людей. В течение девяти дней беспрерывно горели погребальные костры.

Наконец на десятый день Ахиллес созвал народ на собрание. Здесь Калхас, прорицатель, объяснил причину гнева Аполлона, добавив, что Аполлона до тех пор нельзя будет умиловать, пока не будет возвращена отцу Хрисеида, теперь уже без выкупа. Агамемнон же привязался к прекрасной пленнице, но он не мог отклонить требование своего стана, пожелав, однако, получить возмещение своего ущерба. Тогда Ахиллес в ожесточении упомянул о том, что лишь ради семьи Агамемнона все они пришли к Трое, ведь это жену его брата, Менелая, Елену соблазнил Парис, сын царя Трои. Теперь прямо уже против Ахиллеса направил свою мстительность Агамем-

нон. Так как энергичное выступление Ахиллеса лишило Агамемнона Хрисеиды, то он потребовал себе пленницу Ахиллеса Брисеиду.

Ахиллес совсем было уже обнажил меч против Агамемнона, но Афина-Паллада удержала его руку — один лишь Ахиллес увидел внезапно появившуюся богиню. Ахиллес пощадил жизнь Агамемнона, но поклялся, что удалится с поля битвы: «Все вы потом захотите вернуть Ахиллеса, а ты не сможешь помочь грекам, когда они будут гибнуть от руки мужеубийцы Гектора. Тогда-то и истерзаешься ты в гневе на самого себя за то, что не почтил самого храброго героя среди ахейцев!» Напрасно увещевал их престарелый царь Пилоса Нестор, правивший уже третьим поколением населения, тот самый Нестор, который принимал участие своими советами в борьбе между лапифами и кентаврами, в знаменитой войне, вспыхнувшей на пиру царя лапифов Пейрифоя. Посланцы во главе с Одиссеем возвратили домой Хрисеиду, но и Агамемнон послал двух своих вестников, Талфибия и Эврибата, к шатрам мирмидонян за Брисеидой. Ахиллес приказал своему верному оруженосцу Патроклу вывести Брисеиду. Когда же посланцы Агамемнона удалились с его любимой пленницей, он ушел на берег моря, чтобы поведать своей матери Фетиде свою печаль.

Фетида находилась в глубине моря, подле своего отца, старца Нерее, морского бога, она услышала плач своего смертного сына. Словно облако вышла она из моря, села возле Ахилла, ласково коснулась его рукой и спросила о причине его скорби.

«Дитя мое, почему ты плачешь? Что за печаль посетила твое сердце? Расскажи же, не тая, чтобы знали мы оба».

А затем она заплакала вместе с ним, со своим смертным сыном, ей хотелось бы видеть его счастливым в его жизни, дарованной ему судьбой лишь на короткий срок. Как раз в это время Зевс пребывал у эфиопов; эфиопы были благочестивым сказочным народом, и боги часто посещали его. Когда Зевс на двенадцатый день возвратился на Олимп, Фетида поднялась к нему. Она сослалась на свои старые заслуги: когда однажды боги восстали против Зевса и хотели связать его, только она осталась на его стороне, прислав на Олимп для защиты Зевса сторожкого исполина Бриарея. Теперь Фетида села рядом с Зевсом, левой рукой обхватив его колени, правой же касаясь его подбородка; она попросила его, чтобы он отмстил за ее смертного сына, наделенного лишь короткой жизнью. Зевс недовольно выслушал ее: он боялся своей супруги Геры, которая постоянно бранила его за участливое отношение к троянцам. Но все-таки в знак согласия на просьбу Фетиды, чтобы троянцы до тех пор побеждали, пока Агамемнон не удовлетворит требования Ахиллеса, правитель мира шевельнул бровью.

Фетида возвратилась в море, а Зевс — в свой дворец. Все боги были в сборе и встали со своих мест, когда он вошел. Но Гера напала на него, ибо она видела, что к нему приходила среброхвостая Фетида, которой Зевс за ее спиной что-то обещал. Она беспокоилась за греков, но Зевс отверг вмешательство Геры. Их споры прекратили слова Гефеста: не хватало лишь того, чтобы дела смертных помешали пиру богов. Он убеждал свою мать помириться с Зевсом; ведь ему нельзя противиться. И он протянул кубок Гере. Наполнил нектаром он и кубки остальных богов. Неудержимый смех поднялся среди богов, когда они увидели, как Гефест, прихрамывая, ходил из одного конца палат в другой. Так пировали они целый день; Аполлон играл на лире, а Музы, сменяя друг друга, пели прекрасными голосами.

Когда же зашло солнце, боги отправились отдыхать, каждый в свой дом, туда, где хромой бог-кузнец Гефест построил им с мастерским умением палаты. И Зевса посетил сладкий сон. Он заснул рядом со златотронной Герой.

Всю ночь спали спокойно боги и люди, но Зевса сон покинул. Думал он о том обещании, которое дал Фетиде. Наконец послал он Агамемнону сновидение, предвещающее беду.

Сновидение приняло образ Нестора и явилось в шатер Агамемнона; там спал вождь. Над ним разливался амброзийный сон. Стал призрак над головой Агамемнона:

«Ты спишь, сын Атрея, однако нельзя спать всю ночь мужу, который все решает, на которого столь сильно надеется народ и который за все отвечает. Ныне послушай меня, ибо я посланец Зевса, направленный к тебе. Издали он заботится о тебе. Он приказал, чтобы ты призвал к оружию кудреголовых ахейцев и побыстрее, ибо ныне ты сможешь взять Трою. Желания олимпийцев уже не расходятся, так как мольба Геры уничтожила противоречия между ними...»

Проснувшись, Агамемнон созвал вождей к кораблю Нестора, рассказал всждам о своем сне и призвал их к новому нападению на Трою. Те же решили прежде всего испытать волю народа к борьбе. Совет вождей разошелся. Было созвано народное собрание, и, когда все собрались, слово взял Агамемнон и заявил, что силы их истощены девятилетним сопротивлением троянцев. Он призывал народ сесть на корабли и возвратиться домой. Если они не взяли Трои до сих пор, то в будущем им и вовсе не удастся сделать это.

Греки, теперь уже огромная масса людей, не участвовавших в совете вождей, вняли словам Агамемнона. Собрание пришло в движение, словно взволновавшееся море. С криком ликования они ринулись к кораблям. Так, наверное, и отправились бы они домой, но Гера, испугавшись, поняла, что осуществляется

желание Приама: греки возвращаются домой, оставляя аргосскую Елену среди троянцев. Она послала к грекам Афины, которая сразу нашла Одиссея. Тот моментально понял обстановку, сбросил свой плащ, быстро взял из рук Агамемнона царский скипетр и поспешил к народу. Если он встречал знатного воина, то мягкой речью разъяснял ему, что Агамемнон лишь испытывал их, а простых людей Одиссей принуждал к повиновению и к выдержке, избивая их скипетром. Лишь безобразный Терсит, самый презренный человек среди греков, стал возражать Одиссею, но Одиссей ударил его скипетром. Так Одиссей привлек всех на свою сторону: «из всех достойных дел самое достойное дело Одиссея — это то, что он заставил замолчать крикуна-ругателя».

Чтобы восстановить порядок, Одиссей поднялся и приготовился сказать речь — сама богиня Афина в образе глашатая призвала народ к тишине, чтобы было слышно Одиссея. Одиссей обратил внимание собравшихся на прорицание, согласно которому взятие Трои обещано как раз к концу девятого года.

Народ снова преисполнился желанием продолжать борьбу. Вожди принесли жертвы. Бойцы уже собирались, земля гудела под их ногами, они заполнили поле на берегах реки Скамандр. И лишь люди Ахиллеса — мирмидоняне — не готовились к бою. Народ Микен привел с собой Агамемнон, спартанцев — Менелай, кефалленцев — жителей Итаки и окружающих ее островов — Одиссей, локров — Аякс, сын Оилея, саламинцев — Аякс, сын Теламона; Аякс в отсутствие Ахиллеса был самым храбрым героем среди греков. Жители Филадельфии следовали не за Протесилаем, а за другим вождем, ибо Протесилай, приведший их с родины, был покрыт уже черной землей: он первым высадился на берег и первым пал под Троей, оставив в Филеде свою молодую жену Лаодамию и недостроенный дом. Войском Филоктета предводительствовал Медон, побочный брат локридского Аякса; самого же Филоктета оставили по пути к Трое на острове Лемносе, так как полученная им рана распространяла невыносимое зловоние.

К троянцам Зевс направил Ириду. Те как раз в это время собрались на совет у Приама. Ирида появилась среди них в образе сына Приама, Полита, находившегося в дозоре. Она сообщила троянцам весть о том, что греки готовятся к бою. Услышав это, Гектор распустил совет, и троянцы взялись за оружие.

Поднимая огромную тучу пыли, приближались друг к другу враждебные войска. Троянцы поднимали страшный шум, словно журавли, когда те нападают на низкорослый народ пигмеев («бодающих»). Ахейцы же продвигались вперед молчаливо,

сохраняя достоинство. Во главе троянцев сражался Парис, которого звали также Александром — «мужественным защитником». Потрясая двумя копьями, имевшими металлические наконечники, он вызывал на бой храбрейших из греков. Как лев радуется желанной добыче, так обрадовался Менелай, увидев его. Но перед Менелаем в страхе отступил Александр. Лишь тогда он пришел в себя, когда на него напал Гектор, заклеив его как женолюба, изнеженного соблазнителя.

Александр ответил ему:

— Гектор, я заслужил твои упреки. Ведь сердце твое крепко, словно секира, которой строитель корабля рассекает бревно. Такой топор усиливает размах руки строителя. Но не упрекай меня за желанные дары златой Афродиты, ибо нельзя презирать сверкающие дары богов. Получение их не зависит от нашего желания, а только от расположения богов. Если же ты хочешь, чтоб ныне я вступил в борьбу, сделай так, чтобы отошли в сторону все троянцы и все ахейцы, а меня сведи посредине воинов с любимцем Ареса Менелаем, чтоб мы сразились с ним за Елену и за ее богатства. Тот из нас, кто победит, пусть возьмет себе богатства и уведет с собой женщину. Вы же, скрепив дружбу искренней клятвой, можете спокойно жить на плодородных полях Трои. Ахейцы же пусть возвратятся назад в славный своими конями Аргос и в Грецию, на родину прекрасных женщин.

Обрадовался Гектор словам Париса. Греки тоже приняли эти условия, настояв только на том, чтобы при заключении договора присутствовал сам царь Приам — «ибо не очень-то можно доверять замыслам молодых. Если же в деле участвует старец, то он смотрит вперед и назад сразу, чтобы для обеих сторон была наибольшая польза». Агамемнон послал Талфибия к кораблям за жертвенным ягненком, Гектор же отправил послов в город, чтобы те принесли ягненка и призвали Приама.

А тем временем Ирида вызвала Елену на башню.

В башне у Скейских * ворот сидели старейшины народа вокруг Приама. Из-за преклонных лет они не могли уже воевать, но давали достойные советы. Были подобны они цикадам, которые, сидя в лесу на деревьях, поют звонким голосом. Вот какие старейшины троянцев сидели на башне. Увидев приближающуюся к башне Елену, они обменялись друг с другом крылатыми словами:

— Нельзя гневаться на то, что троянцы и ахейцы ради такой женщины в течение долгого времени терпят столько страданий. В своей красоте она подобна бессмертным богиням. Но сколь красива ни была бы она, пусть уплывает с кораблями домой и не остается здесь на горе нам и нашим детям!

* Западных.— Прим. ред.

Приам дружелюбно подозвал к себе женщину:

— Я не виню тебя. В глазах моих — боги причиной всему. Они подняли против меня многослезную войну ахейцев. — И тотчас же он с вышины окинул взглядом греческий стан. Елена указала на каждого героя в отдельности. На Агамемнона, который когда-то был ее деверем, на Одиссея, Идомenea и других.

В это время пришел посол за Приамом. Престарелый царь ушел в сопровождении Антенора на равнину. С греческой стороны Агамемнон и Одиссей приступили к свершению клятвы. Глашатаи принесли им ягнят и вина, полили на руки царей воду. Черную овцу принесли в жертву Земле, белого овна — Солнцу, а третьего барашка — Зевсу, самому главному хранителю всех договоров.

Так заключили договор.

После этого Приам возвратился в город, ибо он был не в силах видеть своего сына, выступающего против Менелая. Гектор бросил жребий, на долю Париса выпало первым метнуть копье. Но его копье не настигло Менелая. Когда же наступила очередь Менелая, Афродита, накрыв Париса облаком, унесла его от взоров людей.

Боги пировали на Олимпе в чертоге с золотым полом. Гера разливала нектар. Воздавая друг другу честь кубками, они посматривали на Трою. Зевс с насмешкой сказал Гере:

— Вот Менелая помогают две богини, Гера и Афина, но они лишь издали смотрят на него, им и здесь хорошо, в то время как улыбающаяся Афродита всегда находится при Александре. Вот и сегодня она спасла его от верной смерти. Поговорим же о том, что будет дальше, возбудить ли нам снова смертоубийственную борьбу или ниспослать им мирное соглашение? Ибо если все мы выберем мир, то сможет жить и дальше народ Приама в своем городе, а Менелай возьмет с собой аргосскую Елену.

Насупившись, слушали Зевса обе богини. Афина подавила свой гнев, а Гера громко возмутилась:

— Беспощадный Кронид, что говоришь ты опять! Ты желал бы, чтобы все мои труды пропали даром.

С тяжелым сердцем ответил ей тучегонитель Зевс:

— Что сделали тебе Приам и дети Приама? За что ты так ненавидишь их? Ты, наверное, только тогда успокоишься, когда войдешь в город через ворота, проникнешь за его стены и живыми поглотить Приама со всем его народом. Пусть будет по-твоему, чтобы не было больше причины раздора между нами.

Так боги приняли решение о гибели Трои. А чтоб исполнилось это решение, они подготовили нарушение клятвы троянцами. Гера снова послала к людям Афины.

Афина, приняв образ сына Антенора, Лаодокта, нашла Пандара, которому сам Аполлон подарил лук, и убедила его поразить стрелой Менелая. Пандар, знаменитый лучник, вытащил из колчана новую стрелу, обратился с молитвой к Аполлону и обещал, возвратившись домой, принести ему в жертву сто перворожденных ягнят. Затем он натянул лук, тетива зазвенела, и стрела с острым наконечником полетела над толпой.

Но Афина-Паллада хранила Менелая. Словно мать, отгоняющая муху от спящего ребенка, она отклонила стрелу Пандара, так что та лишь поранила Менелая кожу. Из раны полилась кровь. В ужасе позвал Агамемнон к своему брату Махаона, сына Асклепия, знаменитого врача. Тот высосал кровь из раны и намазал ее целебной мазью.

Пока он лечил Менелая, троянцы уже наступали в военном строю. Благодаря нарушению мира Пандаром они стали заносчивы и взялись за оружие, желая снова услышать шум боя.

И Агамемнон пришел в стан греков. Он ободрял каждого героя. Одних он хвалил, в других же возбуждал желание борьбы обидными, пренебрежительными словами:

— Аргивяне, вас не покинет желание борьбы, ибо не станет Зевс на сторону клятвопреступников!

Снова стали друг против друга оба стана.

Продолжался жестокий бой, никто из бойцов не заслуживал упрека. Того, кто оставался невредимым в водовороте боя, возможно, вела за руку сама Афина-Паллада. Только она могла отвращать от человека полет стрел. Ибо в тот день много троянцев и ахейцев упали в пыль рядом друг с другом.

Особую неустрашимость и военный пыл даровала Афина-Паллада Диомеду, сыну Тидея.

Увидел Эней, что Диомед истребляет троянцев. Нашел он Пандара и попросил его сразить своей верной стрелой неизвестного бойца, который принес смерть столь великому числу троянцев — «если он не один из богов, разгневанный на троянцев за их жертвы, ибо страшен гнев бога». Пандар уже знал, что это Диомед. Однажды он уже направлял в него стрелу, но не попал в цель. Лук Пандара в тот раз изменил ему. Пандар взошел на колесницу Энея, и они вместе направились против Диомеда. Тот же нанес стрелой Пандару смертельную рану: стрела Диомеда отсекла от гортани гибкий язык Пандара.

Тогда Эней со щитом и длинным копьем прыгнул с боевой колесницы, чтобы защитить тело погибшего соратника. Тидид же Диомед схватил столь тяжелый камень, что его не могли бы поднять нынешние люди вдвоем, и бросил в Энея. Упал без сознания Эней от страшного удара.

Тут бы и погиб герой Эней, если бы не появилась Афродита. Она обвила своими белыми руками голову любимого сына, а складками своей блестящей одежды скрыла его от глаз греков. Она уже почти вынесла сына их вихря боя, но Диомед стал преследовать ее и ранил руку богини своим копьем. Громко вскрикнула богиня и выпустила из рук сына. Спас его Феб-Аполлон, закрыв синей тучей.

Афродиту же Ирида вывела из гущи сражения и вознесла на Олимп. Прямо на грудь своей матери Дионы упала раненая богиня. Та обняла свою дочь, обласкала и расспросила о ее горе. Гера и Афина злорадно засмеялись, Зевс-отец улыбнулся и, подозвав к себе золотую Афродиту, сказал ей:

— Дитя мое, не твое это дело — заниматься войной!

А в это время Аполлон защищал Энея. Диомед уже и Аполлона перестал почитать. Но страшным голосом загремел на него бог-далновержец:

— Опомнись и отступи, сын Тидея, не вздумай тягаться с богами!

Диомед отступил. Аполлон же перенес Энея в священный Пергам. Там в великом святилище храма Аполлона богиня Латона и Артемида исцелили Энея, сделав его еще более мужественным. Аполлон же создал призрак, точную копию Энея. Пока герой находился в Пергаме, бог пустил этот призрак в гущу битвы. Из-за этого призрака троянцы и греки бились друг с другом.

После этого Аполлон призвал Ареса против Диомеда, переступившего границы дозволенного для людей. Сам Аполлон удалился в Пергам. Арес же снова вмешался в битву.

Афина снова встала рядом с Диомедом, побуждая его теперь напасть уже на Ареса. Сама же она надела шлем Гадеса, сделавший ее невидимой, чтобы остаться недоступной взору Ареса. С помощью Афины Диомед нанес рану и Аресу. Тот стал жаловаться Зевсу. Зевс взглянул на него с презрением:

— Довольно тебе охать возле меня, непостоянный! Из всех жителей Олимпа ты больше всех ненавистен мне, ибо всегда ты любишь опасность, войны и резню. Но все же я не могу дольше оставаться равнодушным к твоим страданиям, ведь ты все же мне сын. Наверно, если бы ты произошел от другого бога, я низринул бы тебя глубже, чем сыновей Урана, титанов.

И Зевс призвал Пэана, врача богов, который приложил целебное лекарство к ране Ареса, от чего тот сразу выздоровел. Геба омыла его и дала ему красивую одежду, и Арес сел подле Зевса, сияя от гордости.

Тогда Гера и Афина снова вернулись во дворец Зевса, ибо они поняли, что человекоубийца Арес прекратил бойню.

Так были предоставлены самим себе люди, сражавшиеся друг против друга на равнине между реками Симоэнтон и Ксантом.

Громовым голосом возбуждал Нестор героев:

— Друзья мои, греки, герои, слуги Ареса, пусть никто не остается позади, заботясь о добыче, но каждый пусть разит противника, потом мы успеем снять с убитых доспехи!

Троянцы готовы были скрыться в город, но их мужество поддержали Эней и Гектор. Сын Приама, Гелен, обладавший даром прорицания, убедил вождей не отдавать приказа войскам о позорном отступлении. Гектора же он послал в город:

«Скажи нашей матери, чтобы она собрала троянок в акрополе у храма Афины. Пусть она положит на колени прекраснокудрой Афины тот свой пеплос, который ей больше всего нравится среди самых больших и красивых. Пусть она пообещает богине двенадцать не знавших ярма годовалых телят и упросит ее сжалиться над городом, над троянскими женщинами и над неразумными младенцами и защитить священный Илион от беспощадного сына Тидея».

Гектор удалился в город. Когда он достиг Скейских ворот и священного дуба Зевса, к нему хлынули толпой женщины Трои. Они спрашивали у него о своих детях, братьях, мужьях. Но Гектор призвал их всех к молитвам и прошел дальше, в прекрасный дворец Приама. Навстречу ему вышла его добрая мать Гекуба:

— Сын мой, зачем ты оставил битву? Ведь окаянные сыны ахейцев свирепствуют вокруг города. Ты пришел, чтобы из акрополя воздеть свои руки с молитвой к Зевсу? Я вынесу медового сладкого вина, чтобы прежде всего ты совершил возлияние отцу Зевсу и остальным бессмертным богам, а затем и сам выпил его. Это было бы хорошо, ведь вино дает силы усталому человеку, а ты утомился, защищая свой род.

Но шлемоблещущий Гектор отказался:

— Не наливай мне сладкого вина, ибо оно бросится мне в ноги и лишит меня сил. Зевсу же я не могу приносить жертву рукой, обагренной кровью... — И он передал приказание Гелена, направив Гекубу с женщинами в храм Афины, а затем отправился на поиски Париса. Гекуба же прежде всего пошла в свою благоухающую опочивальню, где выбрала из роскошных, пестрых одежд самый большой и самый красивый пеплум, блиставший словно звезда. Вместе с другими женщинами она понесла его в акрополь, в храм Афины.

Жрицей Афины в Трое была жена Антенора, прекрасная Теано. Она раскрыла двери храма, куда и вошли женщины. Там

они с громким плачем воздели руки к богине. Теано взяла пеплос, возложила его на колени прекраснокудрой Афины и обратилась к ней с такой молитвой:

— Царица Афина, богиня-защитница города, сломай копье Диомеда и сделай так, чтобы сам он пал перед Скейскими воротами Трои. Если ты сжалишься над городом, над троянскими женщинами и малыми детьми, мы в жертву тебе принесем в твоём храме двенадцать годовалых непорочных телят. — Так она молилась, но Афина-Паллада не вняла ее молитвам.

У себя дома Гектор не нашел своей белорукой жены Андромахи. От ключницы он узнал, что Андромаха с горьким плачем ушла к башне на городской стене взглянуть на поле боя, так как она слышала, что греки прорвались, а троянцы отступают. Как безумная побежала она туда, а за ней кормилица понесла ребенка. Гектор возвратился тем же путем, которым пришел сюда. У Скейских ворот он повстречался со своей супругой. С ней была и служанка с ребенком у груди, с милым сыном Гектора, еще совсем маленьким, подобным прекрасной звезде. Гектор называл его Скамандрием, а остальные — Астианактом, Владыкой города. Молча улыбнулся герой ребенку, Андромаха же, обливаясь слезами, стиснула ему руку и сказала:

— Погубит тебя твоя страсть к битвам! Неужели тебе не жаль ни сына-младенца, ни меня, твою жену, которую ты скоро оставишь вдовой? Если я тебя потеряю, мне будет легче в землю сойти, ибо мне не останется никакого утешения. Если тебя настигнет твой жребий, одна лишь печаль и только печаль будет моим уделом. Ведь нет у меня ни отца, ни матери-царицы, ибо отца моего убил Ахиллес, разрушив Фивы. Было у меня семь братьев; в один и тот же день все они спустились в царство Гадеса, убитые быстроногим божественным Ахиллесом. Мать мою, царицу, он захватил в плен около лесистого Плака, но затем отпустил на свободу за огромный выкуп. В доме моего отца настигла ее богиня Артемида своей стрелой. Гектор, ты теперь для меня и отец, и мать, и брат, и ты же мой прекрасный супруг. Сжалься же надо мной, останься на башне, не делай сиротой своего ребенка и вдовой свою жену! Людей же своих поставь здесь у смоковницы, ибо здесь легче всего войти в город, здесь легче всего преодолеть стену. Трижды уже пытались враги это сделать.

Гектор же ответил ей:

— И я обо всем этом думаю, жена моя. Но ужасно я бы стыдился троянцев и длинноодежных троянок, если б как трус прятался вдали от боя. Да и дух мой не склонится к тому, ибо я уже научился быть бесстрашным и всегда сражаться в первых рядах, защищая добрую славу своего отца и свою собственную. Ибо знаю я своим сердцем, что наступит день и по-

гибнет священный Илисн, а с ним погибнет Приам и народ копыеносца Приама. Но болит мое сердце не столько за троянцев, не столько за Гекубу, не столько за самого Приама-царя, за многочисленных моих братьев, которые как достойные воины падут во прах от рук врагов, сколько за тебя. Более всего я страшусь того, что тебя, плачущую, уведет грек, одетый в доспехи, и лишит тебя свободы, и, может быть, будешь ты в Аргосе ткать на чужом станке для чужеземки и носить воду из источников Мессейды или Гиперии. И напрасно будешь ты отказываться — все равно необходимость заставит все это делать. И если тебя увидит кто-либо проливающую слезы, то скажет о тебе: «Это жена Гектора, того самого, который храбро сражался среди конеборных троянцев, когда бушевала война вокруг Илиона». Так скажет кто-либо и пробудит вновь твою горе, ибо затоскуешь ты по своему мужу, который защитил бы тебя от рабства. Но меня к тому времени уже засыплет могильная земля, и не дойдут до меня твои горестные крики и весть о твоём пленении».

Сказав это, к сыну наклонился славный Гектор. Но тот, плача, повернулся к груди кормилицы, испугавшись отца, его металлических доспехов и шлема, украшенного конской гривой. Засмеялся нежный отец, засмеялась и мать. Снял с головы герой свой блестящий шлем и положил его на землю. Затем он поцеловал сына и, покачав на руках, обратился с просьбой к Зевсу и другим богам, чтобы те сделали его сына еще более славным героем, чем он сам, Гектор. Потом передал сына в руки любимой супруги. Та прижала ребенка к своей благовонной груди, улыбаясь сквозь слезы. Сжалось сердце мужа. Лаская жену, с нежными словами отправил он ее домой. Сам же снова надел свой украшенный конской гривой шлем. Андромаха же пошла домой, часто оглядываясь на мужа, пока не достигла дома Гектора. Там она застала многочисленных служанок, которые также начали плакать. Так еще при жизни был оплакан ими Гектор в своем доме, ибо они не думали уже, что он еще раз вернется домой.

* * *

На рассвете Зевс на самой высокой вершине Олимпа созвал богов на совет и запретил им вмешиваться в борьбу. Потом он запряг златогривых быстрых коней, сам облачился в золото и взял в руки золотой бич. Затем он взошел на колесницу, ударил бичом коней, и они легко полетели между небом и землей. Быстро достиг он богатой источниками горы Иды и остановился на вершине Гаргара. Там он распряг коней и сел на вершину горы, гордый своим могуществом и глядя вниз на город троянцев и на корабли ахейцев.

Греки вооружались, троянцы также толпами выходили из города. Противники сходились друг с другом на поле боя. До тех пор пока солнце не достигло середины небосвода, исход борьбы был неясен. Но вот солнце достигло середины небосвода. Тогда отец Зевс взял в руки золотые весы и на одну чашу положил жребий смерти троянцев, а на другую — греков. Чаша с судьбой греков опустилась до самой земли, а со жребием троянцев — поднялась до неба. Сам Зевс с горы Иды разразился громом и ударил блестящей молнией в войско греков, которые, побледнев, ужаснулись.

Тут троянцы стали побеждать, а греки в страхе перед молнией Зевса — отступить.

Гера и Афина снова пришли на помощь грекам, но Зевс, увидев с горы Иды их приготовления, послал златокудрую Ириду к ним с угрозой, что если они, несмотря на его запрещение, снова примут участие в борьбе, то он лишит силы их коней, разобьет их колесницы, а им самим молнией причинит такие раны, от которых они и в течение десяти лет не вылетят. Волей-неволей пришлось богиням повиноваться. Оры распрягли их пышногривых коней и привязали их к яслям, полным амброзии, а колесницы прислонили к стене. Гера и Афина, хоть и с беспокойным сердцем, заняли свои места среди других богов.

А Зевс-отец прибыл с горы Иды на Олимп и повторил свое запрещение: Гектор будет беспрепятственно истреблять греков до тех пор, пока Ахиллес снова не вступит в борьбу.

* * *

Агамемнон уже горько раскаялся в своем слепом гневе. Он готов был просить прощения у оскорбленного Ахиллеса, вернуть ему Брисеиду, умиловить его драгоценными дарами, красивыми пленницами. Если греки возьмут Трою, то лучшую часть добычи он уступил бы Ахиллесу. А если им удастся возвратиться в Аргос, то он его возьмет в зятя, будет относиться к нему, как к своему любимому сыну Оресту. Ахиллес сможет выбрать себе в жены без выкупа любую из трех дочерей Агамемнона, какая ему понравится, и взять ее с собой в дом Пелея. Агамемнон подарит ему также семь многолюдных городов, с которых Ахиллес может собирать богатую дань. Вожди отправили послов к Ахиллесу, чтобы они передали ему обещания Агамемнона. Во главе посланных был поставлен Феникс, старый воспитатель Ахиллеса. Посланцами были отправлены великий Аякс, сын Теламона, и Одиссей. Их сопровождали двое слуг-вестников.

Ахиллес в это время наслаждался игрой на звонкой форминге, инструменте тонкой работы с серебряной перемычкой сверху. Он воспевал подвиги мужей. Напротив него сидел один лишь Патрокл, молча дожидаясь окончания песни внука Эака. Увидев пришедших посланцев, оба они поднялись со своих мест. Ахиллес оставил свою лиру. Он гостеприимно принял их и приказал Патроклу приготовить пир. Уже в конце трапезы Одиссей поднял кубок за Ахиллеса и перевел речь со щедрости хозяина на бедственное положение греков. Он изложил мирное предложение Агамемнона. Но сердце Ахиллеса не смягчилось.

— Агамемнон ненавистен моему сердцу, подобно воротам Аида. На своих кораблях я захватил двенадцать приморских городов, а пеший захватил одиннадцать в неприветливой земле Трои. Добычу свою я всегда отдавал ему, и он брал из нее лучшую часть. Самым храбрым царям он также дарил подарки, их они могли сохранить до нынешних времен. И лишь у меня он отнял то, что я добыл для себя, — женщину, которая была дорога моему сердцу. Но ради чего греки бьются с троянцами? Зачем привел сюда столько народа сын Атрея? Не ради ли одной пышнокудрой Елены? Или, может быть, никто не любит своих супругов, кроме двух сыновей Атрея? Ведь каждый муж, в ком есть душа, любит свою жену и заботится о ней. Так и я Брисеиду сердцем любил, хотя она была лишь моей пленницей, добытой острием моего копья. Но теперь довольно, больше меня не обманет Агамемнон. Только с вами одними пусть защищает он корабли от губельного огня. Я ведь вижу, что и без меня он многое успел сделать: построил стену, выкопал широкий и глубокий ров вокруг стана, а также поставил колья. Но этим он не сможет сдержать силы мужеубийцы Гектора. Пока я еще сражался среди вас, не осмеливался Гектор завязывать бой вдалеке от города. По крайней мере, если он доходил до Скейских ворот и до дуба, то там уже ждал его я, именно там он едва спасся от меня. Но теперь я не желаю сражаться с Гектором. Завтра, принеся жертвы Зевсу и другим богам, я со своими кораблями отправлюсь домой. Если Посейдон, колеблющий землю, даст мне счастливое плаванье, то на третий день я достигну своей плодородной Фтии. Самое лучшее, по моему, это жизнь: все богатства Трои не сравнятся с жизнью. Если душа хоть однажды улетела через уста, то вместо нее ты не найдешь новой ни при каких трофеях. Сказала мне моя мать, быстроногая богиня Фетида, что я смогу выбирать один из двух жребиев: если я останусь здесь и буду сражаться под городом Троей, то не будет мне возврата домой, но останется моя слава; если же я возвращусь на свою любимую родину, то погибнет моя слава, но жизнь будет долгой. Я бы и вам посоветовал возвратиться домой, ибо не разрушить вам Трои ни-

когда, так как ее защищает своей рукой громовержец Зевс, а ее народ преисполнен мужества. А теперь идите и отнесите мой ответ. Феникс же пусть останется здесь и переночует в моем шатре, чтобы завтра утром, если он захочет этого, отплыть вместе со мной на родину.

Лишь один престарелый Феникс попытался возразить Ахиллесу, роняя слезы из глаз. Остальные молча выслушали суровые слова Ахиллеса. Но и Феникс напрасно ссылаясь на то, что он часто носил у своей груди Ахиллеса, когда тот был ребенком. При отправлении же в Трою Пелей послал его вместе со своим сыном, чтобы он всегда со своей помощью и советом был рядом с Ахиллесом.

Так они и ушли с этим ответом Ахиллеса. Лишь Феникс остался там; Патрокл со слугами приготовил для него ложе в шатре Ахиллеса. Агамемнон в своем шатре уже ждал ответа Ахиллеса. В замешательстве выслушали вожди речь Одиссея, изложившего ответ Ахиллеса. Но вот вскочил Диомед:

— Славный Агамемнон, нельзя было просить о милости Ахиллеса, только еще больше высокомерия вселил ты в его гордое сердце своей просьбой.

Оставшимся вином совершили вожди возлияние богам и разошлись по своим шатрам. Так они отдыхали и наслаждались дарами сна.

Сладкий сон не коснулся лишь Агамемнона, пастыря своего народа. Из глубины его сердца вырывались горькие вздохи, а душа его трепетала за греков. Он смотрел на равнину перед Троей и удивлялся множеству сторожевых огней, а также звукам флейт, свирелей и шуму людской толпы. Потом глядел он на греческие корабли и на поредевшее войско ахейцев и в отчаянии рвал на себе волосы. Собрал он ночью совет вождей.

Нестор заговорил первым. Он спросил, не найдется ли такой смельчак среди воинов, кто бы мог, пробравшись в стан троянцев, узнать их намерения — будут ли они и далее стоять вокруг кораблей греков или возвратятся в город утром.

Эту задачу взял на себя Диомед, но попросил дать ему спутника. Ведь вдвоем большего можно достигнуть, так как один будет помогать другому и то, чего не заметит один, увидит другой. Герои заспорили, так как многим хотелось сопровождать Диомеда. Диомед выбрал товарищем Одиссея, ибо сам он при своей храбрости нуждался именно в осмотрительности этого любимца Афины-Паллады.

А тем временем и Гектор не дал спать троянцам. Он также хотел послать кого-нибудь к грекам, чтобы разведать, охраняют ли они стоянку кораблей или уже готовятся к бегству. Явился Долон, грубый, но быстроногий воин в доспехах, богато украшенных золотом и медью. Он взял на себя задачу

пробраться к кораблям Агамемнона и подслушать речи на совещании греческих вождей. Но Долон не принес Гектору известий из греческого стана. Не успев отойти далеко, он попал в руки Одиссея и Диомеда. Одиссей стал расспрашивать его о стане троянцев, и Долон, отвечая на вопросы Одиссея, рассказал о расположении стана, о том, что в лагере нет особой стражи — каждый троянец бодрствовал около своего огня. Но союзники троянцев спали спокойно, предоставив охрану троянцам, так как у союзников не было поблизости ни детей, ни жен. Герои обратили особое внимание на то, что Долон упомянул о только что прибывших фракийских союзниках Трои, о фракийском царе Ресе и его конях.

— У него самые большие и самые красивые кони. Они белее снега и быстры как ветер. Колесница царя покрыта золотом и серебром. Сам же он прибыл в огромных золотых доспехах, вызывающих удивление. Их следовало бы носить не смертному человеку, а бессмертному богу.

Выведав у Долона все, что им хотелось узнать, они убили его. Одиссей его доспехи принес в дар Афине. Затем они продолжили свой путь туда, где, по словам Долона, должен был спать царь Рес. Найдя фракийцев, они убили двенадцать их воинов, тринадцатым был убит царь. Фракийских лошадей они связали попарно. Тогда же Афина предстала перед Диомедом и напомнила ему, что пора возвращаться домой.

Они вскочили на фракийских коней и были уже далеко, когда Аполлон разбудил родственника Реса — Гиппокоонта. Тот увидел следы ужасной резни, и его горестные крики встревожили троянцев. Но Одиссей и Диомед уже достигли кораблей. Морской водой они смыли с себя пот, умастили тело маслом, а затем устроили пир, совершая из полных кубков возлияния Афине медосладким вином.

Рядом с Тифоном в постели проснулась Эос, Заря, чтобы принести свет и бессмертным и смертным. Зевс же послал грозную Эриду к быстрым кораблям ахейцев. Теперь война для них уже стала желанней возвращения на полых судах в отчизну. Агамемнон громко отдал приказ вооружиться и сам надел оружие и доспехи. Когда же он в обе руки взял по копьё, острия которых распространяли сияние до небес, Афина и Гера приветствовали его громом, воздавая почет царю богатых золотом Микен. Каждый герой поручил возничему охрану своих коней, оставив их около рва; сами же герои в тяжелом вооружении выступили в пешем строю из стана. Истребительную битву разжег Кронид. С высоты он ниспослал кровавую росу, решив в тот день многих воинов отправить к Гадесу.

Вышли и троянцы под предводительством Гектора. Как волки, кинулись друг на друга противники. Радовалась Эрида,

видя это, так как среди богов она была единственной, находившейся на поле боя. Остальные боги спокойно восседали на Олимпе: Зевс же с молнией в руке возлежал на ложе. Златокрылую Ириду он послал к Гектору с приказом удалиться с поля битвы, пока Агамемнон не будет ранен и не оставит поля боя. После этого Гектор может возвратиться к сражению и одержать победу.

Гектор повиновался и отошел. Но Агамемнона настигло копье Коона, и напрасно он хотел подавить свою боль — он вынужден был выйти из боя. Тогда Гектор, словно шквал, налетевший на синее море, снова ринулся в бой. Уже близилась к концу жестокая резня. Лишь Дисмед и Одиссей выдерживали его натиск, пока Диомед, раненный стрелой Париса, не был вынужден удалиться к кораблям. Одиссей остался один и был ранен. Его со всех сторон уже окружили троянцы. Но Аякс и Менелай выручили его из затруднительного положения. Махаон был ранен стрелой Париса. На его защиту Идомений призвал Нестора, ибо врач драгоценнее многих других мужей: он вынимает стрелы и умащает целебной мазью раны.

Ахиллес издали наблюдал за борьбой, радуясь затруднительному положению греков, ибо он понимал, что греки вскоре попросят его о помощи. Но мудрые слова Нестора уже возбудили боевой пыл в сердце верного друга Ахиллеса — Патрокла.

Вскоре троянцы прорвали ограду вокруг стоянки греческих кораблей. Сам Гектор схватил огромный камень — такой не смогли бы поднять и двое людей нашего времени — и им разбил ворота. С мрачным взором, подобным внезапно наступившей ночи, блистая доспехами, ворвался Гектор через ворота в стан греков с двумя копьями в руках. Смертный человек не смог бы его задержать. Он призвал троянцев следовать за ним. Те ринулись на укрепления. Греки подле полых своих судов в страхе взирали на неумолимо приближающуюся толпу.

Аполлон также помогал троянцам. Легко он обвалил края рва, засыпав его, чтобы открыть троянцам путь. Он сокрушил и стены; как ребенок на берегу моря разрушает собственные постройки из песка, так и он растоптал то, что было возведено с огромным трудом греками.

Патрокл, увидев, что троянцы прорвались к кораблям, а греков охватил пагубный ужас, тотчас же поспешил к Ахиллу, думая, что тот теперь вступить в битву.

У кораблей же царил хаос. Греки не могли отбить троянцев, а те не имели сил проникнуть на корабли и в шатры. Тевкр же луком своим, подаренным некогда ему Аполлоном, прицелился в Гектора, но порвалась натянутая тетива, которую герой лишь вчера прикрепил. Гектор увидел это и понял, что Зевс сделал безопасным лук Тевкра. И он стал воодушевлять троянцев на

новую, сильнейшую атаку: ведь тот, кто умрет, погибнет за родину, за жену, за детей, за свой дом, за свою землю! Вот троянцы уже приближаются с горящими факелами, намереваясь поджечь греческие корабли. И когда падал кто-нибудь из троянцев, на его место становился другой. Сам Аякс убил двенадцать троянцев, пытавшихся зажечь греческие суда.

А в это время Патрокл со слезами на глазах говорил Ахиллеса об ужасных бедах, обрушившихся на греков.

— Что будет значить для потомков твое мужество, если ты теперь же не отведешь от греков несправедливый удар? Жестокый! Не мог быть Пелей твоим отцом, а Фетида — матерью. Родился ты из синего моря, из твердой скалы, поэтому столь непреклонно твое сердце. По крайней мере пошли меня с войском мирмидонян и позволь мне облачиться в твои доспехи.

Ахиллес же с ненавистью неотступно думал об Агамемноне и поэтому позволил Патроклу вступить в бой. Он лишь приказал Патроклу, чтобы тот не преследовал врага до города, а вернулся сразу после освобождения кораблей. В это время Гектор уже сломал копье Аякса, тем самым сокрушив последнюю преграду, и троянцам удалось зажечь первый корабль.

Теперь уже сам Ахиллес торопил Патрокла, Патрокл надел доспехи Ахиллеса. Лишь огромное копье он должен был оставить его владельцу; его однажды принес Пелею кентавр Хирон с вершины Пелиона, копье было так тяжело, что его мог поднять только сам Ахиллес. Запряг Автомедонт в боевую колесницу легких, как ветер, бессмертных коней — Ксанфа (Сивого) и Баия (Пятнистого), отцом которых был западный ветер Зефир, а матерью — гарпия Подарга, «быстроногая» богиня бурь. Сам Ахиллес призвал мирмидонян к оружию. Когда же все они собрались вместе и построились в боевой порядок, Ахиллес обратился к ним с краткой и сильной речью: пусть они идут и удовлетворят свое желание биться с врагом, ведь они все время уговаривали Ахиллеса вести их в бой. Тесно сомкнулись мирмидоняне: щит со щитом, шлем со шлемом, воин с воином. Во главе их выступали Патрокл и Автомедонт. Уже одно только их появление напугало троянцев: троянцы думали сначала, что сам Ахиллес возвратился на поле битвы. И Патрокл постоял за себя. Он отогнал троянцев от кораблей и потушил пламя на уже охваченном огнем корабле Протесилая.

Греки вздохнули облегченно и сами стали преследовать троянцев. Вот уже бежит и сам Гектор. Ликийские союзники троянцев занимали самое отдаленное место, мужество в них поддерживал сын Зевса Сарпедон. Но он был убит в столкновении с Патроклом. Напрасно сожалел Зевс, напрасно он хотел вырвать сына из битвы и перенести его в Ликийю. И Зевс

не смог ничего поделать против Мойры — predetermined смертному человеку жребия. Лишь труп Сарпедона смог поручить Зевс Аполлону. Тот сейчас же спустился с горы Иды, под градом стрел вытащил тело, обмыл его в речной воде, умастил амброзией и облачил в одежду богов. Сделав все это, он поручил его двум близнецам — Гипносу и Танату (Сиу и Смерти). Те быстро перенесли тело Сарпедона в Ликию, чтобы там родственники и братья похоронили его и поставили над могилой колонну, ибо умершим положен этот дар.

Патрокл же, забыв слова Ахиллеса, преследовал троянцев и ликийцев до города. Благодаря Патроклу греки могли бы взять Трою, если бы над ее укреплениями не стоял ее защитник Аполлон. Трижды обрушивался Патрокл на городскую стену и трижды отбрасывал его Аполлон, ударяя своей бессмертной рукой в блестящий щит Патрокла. Но когда Патрокл в четвертый раз, подобно богу, бросился на стену, то дальновержец Аполлон загремел ему страшным голосом:

— Отступи, божественный Патрокл, ибо не предназначено роком разрушить Трою твоим копьем и даже не копьем Ахиллеса, хоть он и сильнее тебя.

Патрокл отступил, Аполлон же побудил Гектора выступить против Патрокла. Когда они столкнулись, Патрокл убил возницу Гектора — Кебриона. И вот уже около тела возницы разгорелась борьба. Но Феб-Аполлон сражался против Патрокла. Герой же не знал об этом, ибо бог был скрыт густым туманом. Бог ударил Патрокла по плечам и лбу, сбив с его головы шлем — шлем Ахиллеса, который теперь Зевсом был отдан Гектору. Копье героя сломалось, эгида развязалась, а сам герой лишился сознания; так он оказался безоружен и беззащитен, когда его настигло копье Евфорба. Но он был еще жив, когда оружие Гектора обрушилось на него. Умирая, Патрокл с достоинством отразил насмешки Гектора и предрек троянскому герою, что он падет от руки Ахиллеса. Когда же наступил смертный час Патрокла, его душа, покидая тело и отправляясь к Гадесу, оплакивала гибель героя, сетуя, что ей приходится покидать сильное и молодое тело. Гектор же призадумался над пророчеством умершего, но, подбодрив себя, вырвал копье из его раны и оттолкнул тело, устремившись на Автомедонта, достойного слугу Ахиллеса. Но того подхватили быстроногие, бессмертные кони, подаренные богами Пелею в день его свадьбы.

* * *

Менелай, сын Теламона, призвал на помощь Аякса для защиты тела Патрокла. К тому времени Гектор уже снял доспехи Патрокла и тащил его тело за собой, чтобы отделить го-

лову от плеч, а самое тело бросить троянским собакам. Но, увидев Аякса, отступил, к досаде Главка-ликийца, который надеялся за тело Патрокла получить обратно вооружение Сарпедона. Гектор же не хотел уклоняться от боя и скрылся лишь затем, чтобы надеть на себя доспехи Ахиллеса, снятые им с Патрокла, доспехи, в свое время подаренные отцу Ахиллеса богами-небожителями.

А в это время кони Ахиллеса были далеко от вихря боя. Они лили слезы, ибо первыми узнали о смерти Патрокла. Напрасно хлестал их бичом Автомедонт, напрасно он уговаривал их ласковыми словами, напрасно бранил их — они не хотели возвращаться ни к кораблям, ни в битву, а стояли неподвижно, словно колонны над могилой погребенного человека. Они опустили свои головы к земле и лили горькие слезы по Патроку. Пожалел их Зевс и покачал головой:

— Бедные, зачем мы отдали вас царю Пелею, смертному человеку, коль сами вы вечно молоды и бессмертны! Разве затем, чтобы вы познали у несчастных людей скорбь? Но не будет ездить на вас и на вашей прекрасной колеснице Гектор, так как я этого не допущу. Разве не довольно того, что ему досталось оружие, которым он гордится? Дам я силу вашим ногам и вашему духу, чтобы вы спасли Автомедонта и вынесли его из боя к утлым кораблям. Ныне я даю славу троянцам, пусть они убивают врагов, пока те не достигли кораблей, пока не зайдет солнце и не опустится священный вечер.

И Зевс послал Афины-Палладу внушить стойкость Менелая и его товарищам. А на другой стороне Аполлон воспламенял своими речами Гектора. А Зевс-отец взял в руки сверкающую ярко эгиду, украшенную бахромой, и скрылся среди туч на горе Иде, извергая молнию и гром и потрясая щитом. Дал он победу троянцам и привел в ужас ахейцев. Увидели воины, что сам Зевс помогает троянцам. Аякс, сын Теламона, огляделся вокруг, чтобы по крайней мере послать кого-нибудь к Ахиллесу с печальным известием, но в густом тумане не узнал своих товарищей. Услышав его мольбу, Зевс рассеял туман, снова засияло солнце, и поле битвы открылось взору Аякса. Аякс обратился к Менелая, поручая ему найти сына Нестора, Антилоха, и отправить с ним донесение Ахиллесу. Услышав весть о гибели Патрокла, Антилох остоленел, глаза его наполнились слезами и голос оборвался. Но он подчинился приказу и направился к Ахиллесу с вестью о смерти его самого любимого товарища.

Менелай же вернулся к битве. Но все греки уже только того и хотели, чтоб вырвать тело Патрокла и спасти его от ожесточенного натиска троянцев. В конце концов им удалось это сделать. Менелай и Мерисон подняли тело Патрокла на плечи и

поспешно вынесли его к кораблям. Лишь оба Аякса удерживали некоторое время троянцев, которые все сильней наступали под предводительством Энея и Гектора. Греки бежали перед ними.

Битва еще продолжалась, когда Антилох принес печальную весть к кораблям мирмидонян.

— Горе мне, сын Пелея, от меня ты узнаешь скорбную весть, хотя этого никогда не должно было случиться! Пал Патрокл и уже из-за его тела, лишенного доспехов, идет борьба, а оружие его в руках блещущего шлемом Гектора.

Мрачное облако скорби закрыло Ахиллеса. Обеими руками он посыпал пеплом свою голову, пачкая свое прекрасное лицо, черная зела загрязнила его благоухающий нектаром хитон, а сам он лег на землю, растянувшись в пыли во весь свой могучий рост, и рвал на себе волосы и терзал их. Слуги же и пленницы Ахиллеса и Патрокла испускали горестные крики, выбежав из шатра и окружив героя Ахиллеса. Все они били себя в грудь, едва держась на ногах. Антилох же стоял рядом с Ахиллесом, схватив его руки, в страхе, как бы тот в скорби не причинил сам себе вреда. Тяжко рыдал Ахиллес, так что слышала эти рыдания его мать-царица, восседавшая в глубине моря у своего престарелого отца. А услышав, сама зарыдала. Вокруг нее собрались все богини — все nereиды, жившие в глубине моря. Наполнилась ими серебряная пещера. Все они ударяли себя в грудь, а Фетида начала причитать:

— Слушайте, сестры мои, дочери Нерее, сколь велика моя печаль. Горе мне, несчастной, лишь для скорби родившей самого выдающегося героя! Рос он, словно побег молодой, я сама его вырастила, подобно деревцу на прекрасной, плодородной садовой земле. Я же разрешила ему двинуться на изогнутых кораблях в Илион на борьбу с троянцами. Но не смогу я больше принять его, возвратившегося назад, в дом Пелея. И пока жив он и видит свет сияющего солнца, непрерывно он терпит страдания, а я не могу ему помочь. Но все-таки пойду я, чтобы увидеть моего милого сына и услышать, что за несчастье постигло его.

Сказав так, оставила она пещеру. С ней вышли в слезах и все остальные. Вокруг них расступались морские волны. Достигнув Трои, вышли они одна за другой на берег, где стояли корабли мирмидонян. Рядом с горько плачущим Ахиллесом стала его мать-царица. С горестным воплем обхватила она его голову и жалобно заговорила с ним:

— Отчего ты, сын мой, плачешь, что за печаль в твоем сердце? Скажи, не таясь. Ведь дал Зевс то, о чем ты просил его ранее: добежали греки до кораблей и почувствовали, что им тебя не хватает.

Горестно вздыхая, ответил ей быстроногий Ахиллес:

— Мать моя, это дал олимпиец Зевс. Но разве могу я радоваться этому, если погиб мой любимый соратник Патрокл, которого из друзей я больше всего любил? Я любил его, как самого себя, а теперь я его потерял, убил его Гектор и снял с него чудо-прекрасные доспехи, подаренные Пелею богами в тот день, когда они вынудили тебя к браку со смертным мужчиной. О, если бы ты осталась среди бессмертных богинь моря, а Пелей взял бы себе в жены смертную женщину! И теперь ты не увидишь уже больше сына твоего. Он не вернется домой, ибо мое сердце не позволит мне жить спокойно, пока Гектор не погибнет от моего копья и не поплатится за смерть сына Менетия — Патрокла.

Фетида в слезах предупредила сына о его судьбе, предвещавшей ему близкий конец: ведь после гибели Гектора тотчас же суждено и ему умереть.

— Так пусть я сейчас же умру, — ответил Ахиллес, горько сожалея о своем гневе, который не позволили ему быть вместе с Патроклом в битве. — Я сижу здесь со своими кораблями, бесполезно отягощая землю, хотя среди ахейцев никто со мной не сравняется в битве. Пусть погибнет вражда (Эрида) среди богов и людей и исчезнет гнев, ослепляющий даже мудрых. Ведь он бывает слаще меда, когда зарождается в сердце мужей, а там разрастается, клубясь, как дым. Но в сторону прежний гнев, теперь иду я, чтобы встретиться с тем, кто погубил самую дорогую для меня голову, — с Гектором. А смерть я приму тогда, когда Зевс и другие боги пожелают послать ее мне.

Но у Ахиллеса уже не было его доспехов. Фетида пообещала принести ему на следующее утро новые доспехи от Гефеста, пусть только Ахиллес не вступает до того в борьбу. Она попросила своих морских сестер возвратиться в море и рассказать обо всем их отцу, морскому старцу. Сама же она поднялась на Олимп, чтобы попросить Гефеста дать оружие для ее сына.

А между тем греки продолжали отступать. Тело Патрокла снова находилось в опасности. Гектор трижды приближался к нему. Он уже трижды хватал его за ноги, желая вырвать его у греков, и трижды оба Аякса отбивали тело, но Гектор не отступал. Тогда Гера тайно от Зевса и других богов послала Ириду к Ахиллесу, и та призвала его ко рву. Ахиллес же, хотя у него не было оружия и он не желал нарушать приказ Фетиды, уступил речам Ириды. Он подошел ко рву. Афина прикрыла его плечи эгидой и осветила дивным светом его голову. Трижды прокричал Ахиллес, стоя надо рвом, и трижды приходили в замешательство от одного его вида и голоса троянцы. Теперь греки уже окончательно овладели телом Патрокла. Они положили его на носилки и с плачем окружили его. Вместе с ними

проливал горячие слезы Ахиллес, глядя на своего израненного соратника, посланного им в бой и вернувшегося к нему мертвым.

Всю ночь оплакивали греки Патрокла. Тело его они обмыли и умастили маслом, но Ахиллес предложил не хоронить тело до тех пор, пока он не убьет Гектора и не отберет обратно своего оружия. У погребального костра Патрокла будут убиты двенадцать троянских юношей, а пока троянские пленницы будут день и ночь оплакивать Патрокла.

Фетида же в это время находилась у Гефеста. Бог-кузнец со своей женой Харитой радушно принял ее и с радостью взялся приготовить оружие, так как он издавна был в долгу перед Фетидой. Тотчас же он приступил к работе.

* * *

Как только из волн Океана поднялась в одеянье шафранного цвета Эос (Заря), Фетида достигла кораблей, неся дары бога Гефеста. Сына своего она нашла возле тела Патрокла громко плачущим. С ним плакали и его соратники. Фетида отдала оружие и набальзамировала тело Патрокла нектаром и амброзией.

Ахиллес собрал вокруг себя вождей. Опираясь на свои копья и прихрамывая, пришли в собрание Диомед и Одиссей. Агамемнон все еще страдал от раны. Ахиллес помирился с Агамемноном, горько раскаявшись в своем гневе, который стал причиной гибели многих греков.

Перед собранием положили богатые дары Агамемнона, дорогие сокровища, роскошные сосуды, привели сюда и двенадцать коней, а также семь пленниц, отличавшихся искусными руками; прекрасная Брисеида была восьмой. Поднялся Агамемнон, принес жертву и, воздев руки к небу, поклялся Зевсу, что он не поднимал руки на Брисеиду, пока она была у него. Подарки отнесли в шатер Ахиллеса, сложили там сокровища, посадили женщин, коней же погнали в табун, к остальным коням Ахиллеса. Пришла в шатер и Брисеида, прекрасная, как золотая Афродита. Увидев Патрокла, изуродованного ранами, она громко закричала, царапая свою грудь, нежную шею и прекрасное лицо. Рыдая, она говорила:

— О Патрокл, кого я, несчастная, больше всех любила, ты был жив, когда я уходила отсюда. Ныне же, вернувшись сюда, я нахожу тебя мертвым, вождь народов! Вечно я буду оплакивать тебя, потому что ты всегда был добр ко мне!

Пришли старейшины народа, стали уговаривать Ахиллеса подкрепиться пищей, но он отказался. Около него остались лишь

оба Атрида, Одиссей, Нестор, Идомей и Феникс. Ахиллес все оплакивал Патрокла:

— Не было б больше печали, если бы услышал я о смерти моего отца, который теперь во Фтии проливает слезы, тоскуя по мне.

Так говорил он, рыдая. Старцы также вздыхали, вспоминая о том, что оставили дома. Увидел и пожалел их сын Кроноса. Послал он Афины, которая нектаром и амброзией оросила грудь Ахиллеса, чтобы тот не изнемог от голода.

* * *

Тем временем Зевс приказал Фемиде созвать богов. Та пошла и призвала всех во дворец Зевса. Явились все, кроме Океана, никто не остался — ни потоки, ни реки, ни нимфы, живущие в прекрасных рощах, в источниках и на цветущих лугах. Зевс объявил, что теперь они могут идти на поле троянской битвы и каждый может помогать кому хочет. Сам же он останется на Олимпе и будет оттуда любоваться картиной битвы. Отправились боги и богини. Гера, Афина-Паллада, Посейдон, Гермес и Гефест стали возле греков, а Арес, Аполлон, Артемида, Латона, бог реки Ксанфа и Афродита помогали троянцам.

Когда боги сошли на землю, греки уже побеждали, ибо среди них появился Ахиллес.

Герой искал только Гектора, но Аполлон послал против него Энея. Боги, отступив, наблюдали за смертными сыновьями двух богинь: за сыном Фетиды — Ахиллесом и за сыном Афродиты — Энеем. Когда же они заметили, что Ахиллес уже вот-вот убьет Энея, то вмешался Посейдон, хоть он и был всегда на стороне греков.

— Идемте, спасем Энея от смерти. Разгневаются на нас сын Крона, если Ахиллес его убьет. Ведь ему предназначено роком спастись, чтобы не исчез бесследно, лишившись потомства, род Дардана, ибо больше всех своих смертных детей любил его Зевс. Род же Приама Кронид ненавидит, а потому и уничтожит его. Так что теперь Эней и его потомки из поколения в поколение будут править троянцами.

Когда же троянцы, преследуемые Ахиллесом, добежали до реки Ксанфа, богатой водоворотами, они стремглав бросились в реку, как саранча, изгнанная с полей бушующим огнем. Сам же Ксанф, бог глубоководной бурной реки, счел это чрезмерным и, поднявшись из глубин в мужском облике, обратился к Ахиллесу:

— О Ахиллес, никого нет сильнее тебя и дерзостнее в поступках. Если уж позволил тебе сын Крона перебить всех троянцев, то кончай свое ужасное избиение, выйдя из моего русла в поле. Прекрасные мои волны переполнены трупами, и не могу я излить свои воды в божественное море, ибо мертвые тела преграждают мне путь. Ты же продолжаешь ужасные убийства. Но довольно их было. Остановись. Я удивляюсь и прихожу в ужас, глядя на тебя, вождя народов.

Ахиллес внял журчанью потока:

— Так и будет, как ты приказываешь, божественный Скамандр.— Но опьянение битвы несло его дальше, он не мог остановиться, пока не прогнал троянцев до города, чтобы там помериться силами с Гектором.

Бог реки собрал все свои силы против Ахиллеса. С ревом стал он выбрасывать из волн трупы, пряча живых, чтобы спасти их от рук Ахиллеса. Раздувшись, кинул он свои волны против Ахиллеса, стремясь его уничтожить. Тот уже потерял почву под ногами и ухватился руками за мощный вяз, но берег реки обрушился и дерево свалилось. Густая крона его загородила поток, дерево, как мост, соединило его берега. Цепляясь за упавшее дерево, выбрался на берег Ахиллес. Но река не успокоилась, черные волны преследовали героя, грозя поглотить его. Из затруднительного положения вывели его Посейдон и Афина-Паллада. Однако Скамандр обратился за помощью к своему брату, реке Симозенту, и снова пошел против Ахиллеса, вздымая высокие волны, хлеща его пеной, кровью и кидая на него трупы. Поток чуть было совсем не поглотил героя, когда Гера послала к реке Гефеста — в борьбе богов он был достойным противником Ксанфа,— чтобы Гефест остановил огнем вышедшую из берегов реку. Огонь иссушил силу реки, и лишь после этого Скамандр обещал, что он прекратит преследование Ахиллеса и не будет помогать троянцам, даже если греки зажгут город. Тогда белорукая Гера отозвала своего хромого сына обратно.

Ахиллес был уже вблизи города, троянцы бежали перед ним. Приам раскрыл городские ворота, чтобы принять спасающихся.

Лишь Гектор остался вне городских стен, у Скейских ворот, скованный несущей гибель Мойрой.

Приам увидел прежде всего приближающегося Ахиллеса, затем Гектора у ворот и протянул к Гектору руки с мольбой. Плача, призывала сына и Гекуба, но Гектор не слышал их.

Ахиллес уже приближался, потрясая своим огромным копьем. Гектор обратился к Ахиллесу, призывая его только согласиться с его предложением: победитель снимает с побежденного оружие, а тело отдает близким.

— Гектор, злодей, не говори мне о соглашении! Как невозможен договор между львами и людьми, как нет согласия меж-

ду волками и ягнятами, ибо всегда они желают гибели друг другу, так и я не могу найти для тебя дружеского слова и между нами невозможен никакой договор, пока мы живы оба. Теперь собери все свои силы, ибо тебе уже не спастись. Афина-Паллада моим копьем тебя победит, так что ныне ты сразу заплатишь за все, за смерть моих товарищей, убитых тобой! — И Ахиллес копьем уже ищет, где меньше всего защищают Гектора добытые им у Патрокла доспехи. Вот уже жизнь едва держится в теле Гектора, а он все еще просит Ахиллеса выдать тело его отцу и матери, которые дадут за него богатый выкуп, просит, чтобы тело не было растерзано собаками, но сожжено троянцами и троянками на костре. Но Ахиллес неумолим. И тогда, умирая, сказал ему шлемоблещущий Гектор:

— Берегись, чтоб не разгневались на тебя боги за меня. Настанет день, когда Парис и Феб-Аполлон, каким бы героем ты ни был, убьют и тебя у Скейских ворот!

Ахиллес не придавал значения этому пророчеству:

— Умирай! А я приму свою смерть, когда бы Зевс и другие боги ни захотели послать мне ее.

Ужасное бесчестье придумал Ахиллес. Он проколол в лодыжках обе ноги Гектора и, продернув ремень через них, привязал его к колеснице. Прекрасную голову его он оставил лежать на земле, чтобы она волочилась в пыли за колесницей, которую кони, подгоняемые бичом, повлекли к кораблям. И Зевс позволил врагам так опозорить Гектора на земле его родины! Отец и мать Гектора видели со стены, как пыль облепила голову их сына. Мать его рвала волосы на своей голове и, далеко отбросив роскошное покрывало, рыдала, глядя на сына. Горько рыдал и отец, которого едва смогли удержать, чтобы он не бросился к Ахиллесу с мольбой. Ужасные рыдания наполнили весь город. Услышала их Андромаха, которая до того, ни о чем не подозревая, ткала, сидя дома. Она как раз приказала своим пышноволосым служанкам приготовить теплую воду, чтобы Гектор мог, вернувшись с битвы домой, омыться.

Подобно менаде, ринулась она к стенам, а с ней и служанки. Увидев обесчещенное тело своего мужа позади коней Ахиллеса, она сбросила с себя все украшения, а также покрывало, подаренное ей Афродитой в тот день, когда Гектор увез ее из родительского дома. Потеряв сознание, она повалилась на землю. Вокруг нее стояли другие невестки царя Приама. Придя в себя, она зарыдала, говоря:

— Гектор, горе мое, ибо родились мы оба для одинаковой судьбы: ты — в Трое, во дворце Приама, я же — в Фивах, на склонах лесистого Плака, в доме царя Этиона, который растил меня с самого детства, но лишь для горя и скорбной судьбы. О, лучше бы мне совсем не родиться! Ныне ты спускаешься под

землю, в обителище Гадеса, а меня оставляешь здесь в неутешном горе, вдовою в нашем доме. А мальчик, сын наш, совсем еще мал. Ты уже не станешь с ним рядом, не будете вы радоваться друг на друга. Если сын твой и переживет разрушения ахейцев, вызвавшие столько слез, то и тогда лишь горе и страдания его ожидают, ибо земли его будут запаханы другим хозяином. Дни сиротства лишают ребенка товарищей, совсем неизвестна судьба его, лицо его залито слезами. Бродя, приходит он, бедняжка, к друзьям отца его, касается одежды то одного, то другого. Может быть, кто-нибудь сжалится над ним и протянет ненадолго кубок. Губы он еще может смочить вином, но до неба оно не дойдет. Какой-нибудь богач прогонит мальчика с пира, руку подняв на него и бранью осыпав: «Ступай, твой отец не пирует меж нас!» В слезах он придет к своей матери-вдове. Астианакт, который раньше на коленях дорогого отца съедал лучший кусок, мозг из костей, жир и сало баранье...

Так жаловалась Андромаха, оплакивая своего мужа, и с нею плакали женщины.

* * *

От слез мирмидонян увлажнился песок, от слез их намокли даже доспехи, пока они во главе с Ахиллесом оплакивали Патрокла. Когда же ночью прилег Ахиллес отдохнуть на открытом воздухе на берегу моря, то, едва он уснул, явилась перед ним душа Патрокла: тот же рост, прекрасные глаза, похожие на глаза Патрокла, та же одежда, что носил он в жизни. Стала душа Патрокла над головой Ахиллеса и сказала ему:

— Заснул ты, Ахиллес, и не думаешь обо мне. Обо мне живом думал ты больше, чем ныне о мертвом. Скорей похорони меня, чтобы смог я пройти чрез врата Гадеса. Ныне отогнали меня от себя души, тени умерших, не разрешив перейти мне через реку, чтобы смешаться с ними. Так и брожу я бесцельно около огромных ворот чертогов Аида. Ведь и тебе судьбой суждено погибнуть под Троей, так пусть положат наши кости рядом. Как рядом росли мы в вашем дворце, так пусть и кости наши хранит одна золотая урна.

Ахиллес протянул к нему руки, желая обнять, но не смог этого сделать. Душа Патрокла, словно дым, ушла под землю. Со стоном, пораженный, проснулся Ахиллес и всплеснул руками:

— Так, значит, в царстве Гадеса обитают души и призраки, но нет в них жизни! Ведь целую ночь душа бедного Патрокла, дивно похожая на него самого, стояла надо мной, плакала, жаловалась и давала распоряжения.

Так он сказал, и все принялись плакать. Так их и застала Заря, розоперстая Эос. Агамемнон же в это время послал людей с мулами в лес за деревьями. Возвратившись с горы Иды, они сложили из деревьев холм и подняли на него тело Патрокла. Затем зарезали множество овец и быков. Срезав с них жир, Ахиллес обложил им тело Патрокла. Ободранных животных уложили вокруг. К смертному ложу Ахиллес прислонил сосуды, полные меда и масла. Четырех крепковьюных коней обезглавил Ахиллес и двух псов из девяти своих любимых и бросил на костер. Убил он также двенадцать троянских юношей и возложил их на костер. Затем Ахиллес, зарыдав, стал по имени звать своего товарища:

— Прими мое приветствие, Патрокл, находясь в жилище Гадеса, и возрадуйся, ибо я все исполнил, как тебе обещал. Вместе с тобой двенадцать достойных юношей — сыновей троянских героев — пожрет огонь, а Гектора я отдаю не огню на съеденье, а собакам.

Так грозил Ахиллес, но Гектора не коснулись собаки, ибо дочь Зевса, Афродита, днем и ночью не подпускала их к нему. Она умастила его амброзийным розовым маслом, чтобы не было повреждений после того, как Ахиллес тащил его привязанным к колеснице. А Феб-Аполлон опустил на землю черную тучу туда, где лежало тело Гектора, чтобы защитить его от лучей солнца.

Костер с телом Патрокла не загорался. Тогда Ахиллес обратился с молитвой к Борею — северному ветру, а также к Зефиру, ветру с запада, обещав вознести им жертву, если они раздуют костер. Примчались с божественным шумом два ветра, быстро достигли они Трои, упали на костер, и тотчас же начал трещать огонь. Целую ночь эти ветры поддерживали огонь своим дуновением, а Ахиллес целую ночь черпал вино из золотой чаши, лил его на землю, призывая душу бедного Патрокла. Как отец, оплакивающий сына, рыдал Ахиллес, сжигая кости своего боевого товарища, горькие лил он слезы, медленно обходя костер.

Утром залили костер вином, собрали в золотой сосуд прах Патрокла, над прахом его насыпали небольшой холм, чтобы потом, после смерти Ахиллеса, оставшиеся в живых греки воздвигли над ними обоими высокий и широкий могильный курган.

Затем Ахиллес устроил состязания в память Патрокла и награждал победителей роскошными дарами. После гонок на колесницах, кулачного боя, борьбы, состязания в беге, фехтования, метания диска и стрельбы в цель из лука наступил черед метания копья. Тут появился Агамемнон, и Ахиллес, прежде чем началось состязание, вручил первую награду Агамемнону:

— Атрид, все мы знаем, что ты самый первый.

По окончании состязаний разсались греки, каждый в свой шатер. Был уже вечер, они поужинали и отошли ко сну. Но к Ахиллесу не приходил всеобъемлющий сон. Всю ночь он думал о Патрокле, ворочаясь на ложе. Затем он поднялся и стал бродить по берегу моря. На рассвете же запряг лошадей, снова привязал Гектора к колеснице и трижды потащил его вокруг могилы Патрокла. Затем прилег в своем шатре, оставив тело Гектора в пыли. Но Аполлон охранял его тело, не допуская каких-либо повреждений: он держал над телом золотую эгиду. Остальные боги также сожалели о Гекторе, видя, как Ахиллес в своем горе поступает с его телом. Зевс поручил остроглазому Гермесу похитить тело Гектора. Но Гера, Посейдон, и Афина-Паллада хранили свой гнев против троянцев. На двенадцатый день Аполлон снова обратился с речью к богам, и теперь уже напрасно возражала ему Гера: Зевс решил положить конец надругательству над телом Гектора. Хотя Зевс и был благосклонен к Ахиллесу, сыну богини Фетиды, но и Гектора все же любили боги. Тотчас же Зевс призвал к себе Фетиду. Ирида спустилась за Фетидой в глубину моря. Богиня в это время оплакивала своего смертного сына и хотя ей и стыдно было появляться среди счастливых богов, но раз ее звал Зевс, она должна была прийти.

И сказал ей отец людей и богов:

— Знаю я, что пришла ты на Олимп, богиня Фетида, с великой печалью, неся в своем сердце неутешную скорбь. Но все же скажу, зачем позвал тебя. Девять дней уже, как возникло среди бессмертных несогласие из-за тела Гектора и разрушителя городов Ахиллеса. Иные боги уже поручают Гермесу похитить тело. Но я сказал, что честь выдачи тела присуждаю Ахиллесу, уважая тебя и сохраняя и дальше всю любовь к тебе. Быстрее иди в его стан и передай своему сыну мой приказ. Скажи ему, что негодуют на него боги и больше всего разгневан я сам за то, что в слепой ярости держит он тело Гектора возле кораблей и не выдает его близким. Я же пошлю Ириду к благородному Приаму, чтобы тот отправился к кораблям греков для выкупа сына, принеся подарки Ахиллесу, дабы смягчилось его сердце.

Повиновалась Фетида, спустилась с вершины Олимпа, вошла в шатер сына, стала рядом с ним. Ласково коснувшись его рукой и позвав по имени, сказала богиня:

— Сын мой, до каких пор ты будешь иссушать свою душу слезами и печалью, не помышляя ни о хлебе, ни о женской любви? Ибо не должен ведь ты будешь жить для меня. Близки от тебя твоя смерть и всемогущая судьба.— И она тут же передала ему приказание Зевса.

И ответил ей Ахиллес:

— Так и будет. Пусть принесут выкуп и получают тело, если этого требует сам олимпиец.

Отнесла Ирида приказ Зевса и Приаму. Напрасно удерживала престарелого царя Гекуба. Он достал сокровища, предназначенные Ахиллесу, приказал запрячь в колесницу лошадей, взяв с собой только одного слугу, Идэя.

Выехав на равнину, они повстречали Гермеса, но не признали в нем бога. Гермес принял облик знатного греческого юноши, который приветливо встретил путников, потому что облик Приама напомнил ему его старого отца. Гермес проводил их через весь греческий стан, сомкнув глаза стражей сном, так что никто не заметил их прибытия. Когда они подошли к шатру Ахиллеса, Гермес открыл огромные ворота, которые в другое время открывались тремя слугами. Лишь Ахиллес в одиночку мог открывать их. Только после этого Гермес признался Приаму, кто он такой, и исчез, чтобы никто не увидел его дружескую встречу со смертным.

Приам направился прямо к Ахиллесу, обнял его колена и стал лобызать руки, страшные руки, убившие стольких его сыновей. И сказал Приам с мольбою:

— Ради моего сына пришел я к греческим кораблям; чтобы получить его тело, принес я богатый выкуп. Ты же побойся богов, Ахиллес, сжался над убитым. Вспомни о своем отце. Я ведь несчастнее его, ибо делаю то, чего ни один человек на земле не смог бы сделать: руки убийцы моего сына я прижимаю к своим губам.

Тут зарыдал Ахиллес. Заплакал и Приам. Было им обоим о ком плакать: о Гекторе плакал Приам, о своем отце и Патрокле — Ахиллес. Ласково поднял с колен старика Ахиллес, пожалев его седую голову и белую бороду. Знал он, что лишь кто-либо из богов мог провести Приама через греческий стан. Только бог мог открыть перед Приамом огромные ворота. Вспомнил Ахиллес и приказ Зевса, только что переданный Фетидой. Участливо сказал Ахиллес:

— Так уж прядут боги нити судьбы для несчастных смертных, что должны они жить в горе. Боги же всегда беззаботны. Ибо на пороге дома Зевса стоят два сосуда, наполненные его дарами: один — только горем, другой же — радостью. Тот из людей, кому мечущий молнии Зевс дает смешанные дары из обоих сосудов, переживает то радость, то горе. Тот же, кому достанется только из сосуда, наполненного горем, терпит позор. Голод гонит такого человека по божественной земле, и бродит он, презираемый богами и людьми. Так и Пелею с рождения боги дали прекрасные дары, самым счастливым был он среди людей. Был он богат и правил мирмидонянами. Ему,

смертному, боги дали в жены богиню. Но за это и на него обрушили боги печаль: не произвел он в своем царском дворце потомков царского рода. Есть у него единственный сын, но и того ожидает ранняя смерть. Не могу я заботиться о нем в его старости, ибо далеко от родины провожу время в Трое, огорчая тебя и твоих детей. Слышали мы и э тебе, старец, что раньше и ты жил счастливо. Все земли к северу от острова Лесбоса и между Фригией и Геллеспонтом были твоими. Говорят, что никто с тобой не мог померяться богатством и сыновьями. Но с тех пор, как боги-небожители навлекли на тебя беду, вокруг твоего города постоянно идут сражения и опустошительная резня. Но сдержись же, не плачь непрерывно, ибо ты ничего этим не добьешься; своей скорбью по сыну ты не сможешь его воскресить, а только меня возбудишь против себя.— Так сказал Ахиллес, будучи не в силах слушать рыдания Приама. Он усадил насильно Приама в кресло, хотя тот и не хотел садиться, пока тело его сына лежало невыкупленным в стане врага.

Лишь настойчивые слова Ахиллеса заставили Приама сесть. Ахиллес же вышел и отдал распоряжения о теле Гектора.

Возвратившись к Приаму, Ахиллес объявил ему, что тело его сына уже покойся на смертном ложе, и предложил престарелому царю пищи. Впервые после смерти Гектора Приам ел и пил. Они удивлялись друг другу: Приам — красоте и гигантской фигуре Ахиллесе, Ахиллес же — благородному виду и мягкости речи Приама. После гибели Гектора глаза Приама ни разу не смыкал сон; лишь в пыли своего двора валялся он, бессонный. Теперь же он успокоился. Слуги Ахиллеса постелили ему постель перед шатром, чтобы его не увидели вожди греков, которые могли прийти в шатер Ахиллеса на совет. Но прежде чем улечься спать, Ахиллес пообещал Приаму в течение одиннадцати дней сохранять перемирие, чтобы за это время троянцы могли в безопасности собрать деревья в лесу для погребального костра, оплакать Гектора, похоронить его и насыпать над ним могильный холм.

Затем они легли спать: Приам и его слуга-глашатай—перед шатром, Ахиллес же — в самом шатре.

Но Приам спал недолго. Перед ним предстал Гермес, разбудил его, запряг лошадей в колесницу и вывел Приама со слугой из греческого стана. Когда же они подъехали к броду через реку Ксанф, Гермес возвратился на Олимп. К тому времени Заря в одеянии шафранного цвета пролила свет над всей землей. Приам со слугой прибыли в город с телом Гектора. Первой их увидела из акрополя дочь Приама, Кассандра, которая и созвала народ для встречи тела. Люди прибежали со всех сторон, так что Приам едва мог проехать сквозь толпу.

Внесли тело в знаменитый дворец и возложили на смертное ложе. Вокруг него посадили певцов, затянувших печальные песни. Пели они, а женщины плакали вместе с ними. Плач начала белорукая Андросмаха. Она оплакивала своего мужа и маленького сына, которого, может быть, какой-нибудь жестокий грек увезет рабом на чужбину или же сбросит с башни, мстя за своего брата, или отца, или сына, убитых Гектором.

На десятый день тело Гектора возложили на костер и сожгли, затем загасили огонь вином. Собрав кости Гектора, завернули их в пурпурную мягкую ткань и положили в золотой сосуд. Потом опустили сосуд в глубокую могилу, которую сверху завалили огромными камнями. Быстро насыпали могильный холм, а затем пришли во дворец Приама на поминальный пир.

Так схоронили укротителя коней Гектора.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОДИССЕЯ НА РОДИНУ

По «Одиссее»

Несколько греческих героев, которых под Троей пощадила война, уже были снова дома, преодолев опасности войны и моря. Лишь Одиссей тосковал по родине и жене: нимфа Калипсо насильно удерживала его в своей глубокой пещере, желая сделать его своим мужем.

Все боги жалели его, кроме Посейдона, который питал к божественному Одиссею неутолимый гнев за то, что тот ослепил его сына — Полифема. Но однажды Посейдон гостил у народа эфиопов, жившего на краю земли, и принимал от них великую гекатомбу, состоящую из быков и баранов. Там он наслаждался жертвенным пиршеством, а в это время остальные боги собрались в чертогах Зевса на Олимпе. Совет богов своей речью открыл Зевс. Здесь Афина-Паллада взяла под свою защиту Одиссея.

— О, наш отец Кронид, повелитель царей, болит мое сердце за мудрого Одиссея, за несчастного, который давно уже вдали от милой семьи страдает на омываемом волнами острове, где находится пуп моря. Этот остров покрыт лесами, живет на нем богиня, дочь Атланта, ужасного титана, которому ведомы все глубины и который один поддерживает огромные столбы, подпирающие небо. Его дочь удерживает у себя несчастного Одиссея, который напрасно шлет мольбы богам. Она же, постоянно обольщая его мягкой и плавной речью, добивается того, чтобы забыл он остров Итаку. Но Одиссей лишь о роди-

не и тоскует и не хочет умереть, не увидав по крайней мере дыма, поднимающегося над землей его родины. И только твое сердце не трогает его судьба, Олимпиец! Разве Одиссей не был тебе мил, когда он приносил тебе жертвы у греческих кораблей возле Трои? За что же ты на него гневаешься столь сильно. Зевс?

И решили боги послать Гермеса на остров Огигию. Тот сказал властительнице острова, прекрасноволосой нимфе, чтобы она отпустила Одиссея. Афина же отправилась на Итаку, приняв образ старого друга семьи Одиссея, Ментора, чтобы ободрить своими советами Телемаха, сына Одиссея.

Дом Одиссея был наполнен женихами Пенелопы, расточавшими оставшееся после хозяина добро в роскошных пирах.

Ментор, в котором только после его ухода юноша узнал богиню, уговорил Телемаха, чтобы тот выпроводил из дома женихов матери и отправился искать боевых товарищей своего отца — в Пилосе Нестора, а в Спарте Менелая, которые последними из греческих героев достигли родины. Может быть, от них он услышит что-нибудь об отце.

* *

Утром следующего дня призвал Телемах народ Итаки на собрание. Люди удивлялись, ибо с того времени, когда Одиссей на своих изогнутых кораблях отправился в путь, никто ни разу не призывал их на совет. Телемах изложил жалобу на женихов своей матери, которые заполняли дом Одиссея и постоянными пирами постепенно расточали имущество. Но Антиной обвинил самое Пенелопу:

— Вот уже три года прошло и скоро наступит четвертый, как она обещает: — юноши, женихи мои, — говорит она нам, — подождите лишь, пока я сотку это покрывало — саван для героя, сына Лаэрта. Мы ей верили, она же ночью распускала то, что соткано было ею днем. Так прошли три года, в течение которых она обманывала ахейцев. Когда же наступил четвертый год, одна из ее служанок, которая все это видела, сообщила нам об этом, и мы ее застали как раз тогда, когда она распускала блестящее полотно. Тогда, вольно или невольно, кончила она ткать. Поэтому так тебе отвечают женихи твоей матери: отошли свою мать из дома и прикажи ей выйти замуж, ибо мы не отступим и не вернемся к нашим делам, пока она не выйдет замуж за одного из нас, кого она выберет среди ахейцев.

Но возразил рассудительный Телемах:

— Антиной, не могу я силой отослать из дому родившую меня мать. Вам же скажу: удалитесь из нашего дома, проедайте свое добро, устраивая пиры по очереди друг у друга.

Женихи не знали, что за день до этого Телемах посетила Афина-Паллада. Они с удивлением увидели теперь, что юноша, до того выглядевший беспомощным, вдруг выступил с мужской решительностью.

Теперь они уже не могли его испугать. Он объявил, что едет в Спарту и Пилос узнать о своем отце. Если он услышит, что отец жив и находится по пути на родину, он будет терпеть еще один год, сколь ни тяжела была бы его судьба. Если же узнает, что Одиссей умер, то, возвратившись домой, он насыплет могильный холм, принесет похоронную жертву, как полагается делать в честь умерших, принявших смерть в неизвестной земле, и потом выдаст мать свою замуж.

После собрания Телемах ушел на берег моря и обратился к Афине с мольбой о помощи. Богиня явилась перед ним в образе старого друга Одиссея, Ментора, и дала ему свои советы. Возвратившись домой, нашел он там пирующих женихов, которые с насмешкой пригласили его остаться с ними, но Телемах прошел мимо. Он попросил кормилицу своего отца, Эвриклею, приготовить ему пищу на дорогу и взял с верной кормилицы клятву, что она будет скрывать от его матери, пока это возможно, его отъезд. Когда же он нагрузил корабль и отправился в путь, сама Афина в образе Ментора стала к рулю.

Всю ночь плыл корабль по морю.

С рассветом прибыли в Пилос. Пилосцы в это время как раз справляли праздник: они приносили в жертву Посейдону девять раз по девяти черных быков.

Только закончив жертвенный пир, спросил Нестор чужеземцев, кто они такие. Когда же Телемах сказал, откуда и зачем они прибыли, престарелый царь Пилоса с радостью приветствовал их. Он подробно рассказал, как они добрались до дому после разрушения Трои. Богиня Афина затрудняла им возвращение на родину, ибо среди них был один, утративший в шуме победы рассудительность. Нестор имел в виду Аякса, сына Оилея, который обесчестил Кассандру в храме Афины-Паллады. Об остальных Нестору было известно, что Диомед, Филоктет, а также Идомей возвратились каждый на свою родину. Агамемнон также вернулся домой, где его ждала ужасная смерть. Менелай, наверное, должен знать больше, ибо он совсем недавно вернулся на родину после долгих скитаний. Поэтому-то Нестор и указал на него Телемаху, сам же он не знал об Одиссее ничего определенного. На следующий день Нестор с сыновьями запрягли для Телемаха пышногривых коней, Нестор дал ему в спутники своего самого младшего сына, Писистрата, и направил их в Спарту.

Менелай сердечно принял чужестранцев. И только после того, как они вкусили пищу, он захотел спросить их, кто они и зачем прибыли. Но во время пира речь зашла об Одиссее, и Телемах закрыл пурпурным плащом свои наполнившиеся слезами глаза. Менелай заметил это и узнал гостя.

— Есть мне чему радоваться, ведь в дом мой пришел сын моего друга, который ради меня взял на себя столь тяжкие труды.— И, вспомнив об Одиссее, он заплакал, заплакала и аргивянка Елена, дочь Зевса. Плакал и Телемах. И у сына Нестора не остались сухими глаза, вспомнил он о брате своем Антилохе, которого он уже никогда не увидит, так как тот остался под Троей, сраженный Мемноном, сыном Зари (Эос).

Пока они все плакали, Елена, дочь Зевса, позаботилась о другом. Разом бросила она в вино волшебного снадобья, излечивающего грусть, дающего забвение горя. От него смягчилась печаль. Речь об Одиссее они продолжали, но уже выбирали более приятные воспоминания. Потом все легли спать. Слуги Елены приготовили постель Телемаху и Писистрату в сенях. Лишь на утро следующего дня Телемах вернулся к своей цели — к расспросам. Менелай рассказал ему все, что он узнал об Одиссее от Протея, морского старца, когда тот в Египте предсказал будущее по настоянию Менелая.

А в это время на Итаке женихи узнали, что Телемах все-таки отправился в путь, и испугались его мужественной решимости. Они понимали, что теперь дом Одиссея не останется без хозяина. Ведь до сих пор они не считались с неопытным юношей, а его намерение отправиться в дорогу принимали за пустые слова. Теперь они по предложению Антиноя решили убить Телемаха раньше, чем он успеет возвратиться на родину, и устроили засаду около маленького острова Астерида между островами Итака и Самос.

Пенелопа же одновременно узнала и об отъезде Телемаха и о намерении женихов убить его. Афина-Паллада дала ей утешительный сон.

Утром снова собрались боги во дворце Зевса, на Олимпе. Афина снова подняла голос в защиту Одиссея, теперь уже заботясь и о судьбе Телемаха. В ответ на ее речь Зевс поручил ей же невредимым привести Телемаха домой, расстроив злой умысел женихов. Гермеса же он послал к нимфе Калипсо. Повиновался ему Гермес, быстро надел он на ноги прекрасные свои сандалии, золотые, благоухающие амброзией. Они несли его с дуновением ветра и над морской водой и над беспредельной

землей. В руки он взял свой жезл, которым по своему желанию он смыкал сном глаза людей и им же отгонял сон. Когда же Гермес достиг далекого острова — до Пиерии летел он по воздуху, оттуда по морю скользил, как чайка, ловящая рыбу, — вышел он из фиолетового моря на сушу и шел, пока не достиг огромной пещеры. Там жила прекрасноволосая нимфа, ее-то он и застал в пещере. В очаге ее горел огонь, и запах пылающих поленьев кедра наполнял весь остров. Нимфа была там, она пела прекрасным голосом и ткала на станке с золотым челноком. Густой лес рос около пещеры. Были там осина, ольха и душистый кедр. Между ветвей деревьев гнездились ширококрылые птицы — соколы, совы и морские вороны. Вокруг же пещеры расстилалась лужайка, покрытая пышной травой, били четыре источника с кристально чистой водой. Они брали начало рядом друг с другом и потом растекались в разные стороны. На их берегах цвели фиалки и сельдерей: было на что посмотреть всем, даже и богу. Пришел в восхищение и Гермес и, полюбовавшись на все это, вошел в пещеру.

Содрогнулось сердце Калипсо, когда она выслушала приказ Зевса. Но она знала, что не может ему противиться. Когда Гермес удалился, она вышла на берег моря. Там сидел и плакал Одиссей, глядя на одно лишь море и тоскуя по отчизне. В слезах он проводил дни своей сладостной жизни. Калипсо сказала, что разрешает ему вернуться на родину, пусть только он приготовит себе плот. Клятвой она заверила его, что не замышляет его гибели, посылая на хрупком плоту в морское плавание. В последний раз повела она Одиссея в свою пещеру. Она усадила его на то кресло, с которого только что встал Гермес. Здесь вместе справили пир богиня и смертный мужчина. Поставила нимфа перед Одиссеем еду и питье, употребляемую людьми, самой же ей слуги подавали нектар и амброзию. И сказала богиня:

— Божественный сын Лаэрта, хитроумный Одиссей, ты ведь желаешь тотчас возвратиться домой, в землю отчизны? Иди же и будь счастлив. Но если бы ты знал, какие страдания тебе суждено претерпеть, прежде чем ты достигнешь родины, думаю, что ты остался бы здесь и, став бессмертным, со мной берег бы этот дом, если бы даже и желал увидеть свою супругу, о которой ты постоянно, изо дня в день тоскуешь. Но я ведь знаю, что я не безобразней ее ни лицом, ни станом и что даже не подобает смертной женщине меряться красотой с богиней!

На следующее утро Калипсо снабдила Одиссея орудиями и отвела на край острова. Там он смог выбрать себе осины, ольхи и оливковые деревья, пригодные для постройки плота. Двадцать деревьев срубил Одиссей, затем связал их вместе. Калипсо же дала ему холста для паруса. На четвертый день

плот был готов, а на пятый Одиссей пустился в путь; Калипсо снабдила его едой и питьем и научила находить дорогу по звездам. Семнадцать дней плыл Одиссей, не смыкая все это время глаз, так как он должен был бессменно держать руль, ибо плыл в одиночестве. На восемнадцатый же день показался остров Схерия, это была страна феаков.

А в это время Посейдон, возвращаясь из страны эфиопов, увидел Одиссея, вернуть которого на родину боги решили без ведома Посейдона. Он гневно затряс головой, трезубцем своим собрал тучи и взбудоражил море. Одновременно стали дуть Эвр, Нот, Зефир и Борей. В бушующем вихре разметало плот Одиссея. Сам он погиб бы, если бы ему не помогла дочь Кадма, Ино, которая превратилась из смертной царской дочери в морскую богиню под именем Левкотеи. Она дала ему свое покрывало, чтобы он покрыл им свою грудь и так добрался бы до берега, а потом выбросил спасительное покрывало снова в море.

Два дня и две ночи носило Одиссея по волнам, но покрывало Ино-Левкотеи поддерживало его. На третий день успокоилась морская поверхность. Одиссей наконец достиг земли и около устья одной реки с огромным трудом выбрался на берег. Затем он лег среди прибрежных деревьев, спрятался в куче сухой листвы и листвою же прикрылся. Богиня Афина послала сон его глазам, чтобы он отдохнул после страшной усталости.

Пока Одиссей спал, богиня вошла в город феаков, прямо во дворец царя Алкиноя, а там в образе дочери Диманта, подруги царской дочери Навсикаи, проникла в опочивальню последней. Встав у изголовья дочери царя, она сказала:

— Навсикая, почему ты столь беззаботна? Прекрасные твои одежды загрязнены, а ведь приближается день твоей свадьбы, когда и тебе самой нужно быть красиво одетой и дать красивые одежды тем, кто поедет в дом твоего жениха. Только в этом случае может пойти о тебе добрая слава, которой порадуются твои отец и мать. Ну так вот, как только солнце взойдет, пойдем мыть одежды, и я пойду вместе с тобой, чтобы быстрее закончить дело. Ведь недолго быть тебе девушкой. Проглянь твои руки лучшие из феаков, откуда ты и сама производишь. Попроси же твоего славного отца рано на заре, чтобы приказал запрячь мулов в повозку, куда ты сложишь свои пояса, платья и роскошные полотна. Да и тебе самой много лучше поехать, чем идти пешком, ведь водоемы для мытья далеко от города.

Сказав это, удалилась на Олимп совоокая Афина.

Скоро появилась пышнотронная Эос и разбудила Навсикаю. Удивилась Навсикая своему сну и пошла рассказать о нем

своим родителям, дорогому отцу и матери. Обоих застала она в доме. Мать ее сидела возле очага со служанками за пряжей нитей из морского пурпура. Отец же встретился с нею в дверях, когда направлялся в совет благородных старейшин, куда призывали его феаки. Стала она перед отцом и сказала ему:

— Милый отец, не запрячь ли тебе для меня высокую, легкую повозку, чтобы поехать мне на реку вымыть наши роскошные одежды, так как они лежат грязные? Тебе самому подобает сидеть в чистой одежде в совете среди знатных. Имеешь ты пятерых сыновей в своем доме, двое из них уже женаты, трое — холосты. Все они хотят ходить в хороводах в свежевывытых одеждах. Обо всем этом я ведь забочусь.

Так она говорила отцу, стыдась упомянуть о своей свадьбе, но он все понял сам и приказал слугам запрячь мулов в повозку. Девушка вынесла и положила в повозку одежды, мать дала ей еды и питья и золотой сосуд с маслом. В руки взяла Навсикая бич и блестящие вожжи и погнала мулов. Те двинулись и повезли одежду и девушку. За повозкой же шли служанки.

Водоемы для мытья были у устья реки. Там девушки стали мыть одежды, а мулы в это время щипали медвяный клевер. Затем девушки расстелили одежды на берегу, покрытом галькой, чтобы высушить их на солнце. Сами же искупались и умаслили себя маслом. Они пили и ели, а поев, скинули покрывала и на берегу стали играть в мяч. Белорукая Навсикая запела песню.

Уже совсем было собрались они двинуться домой, но Афина решила по-другому, устроив так, чтобы прежде их отъезда проснулся Одиссей и встретился с девушкой. Царевна хотела кинуть мяч одной из служанок, но промахнулась и попала в глубокий водоворот. Девушки подняли сильный крик, от которого Одиссей проснулся. Затем он вышел из-за кустов. Сорвав ветвь, покрытую листвою, он прикрыл ею свою наготу. Морская тина покрывала его тело. В страхе разбежались девушки, только дочь Алкиноя осталась на месте, ибо Афина вложила ей смелость в сердце. К ней и обратился Одиссей, сказав, что он обнимает ее колени и просит дать ему какую-либо одежду и указать путь к городу.

Царевна возвратила прислужниц, приказала им дать чужеземцу пить и есть и омыть его в реке, так как каждый чужеземец и нищий находится под защитой Зевса. Повиновались ей служанки, но Одиссей сам омылся в реке и облачился в одежды, данные ему Навсикаей. Афина сделала его еще прекрасней и выше. Увидев его после омовенья, Навсикая пришла в изумление.

До черты города Одиссей дошел вместе с девушками, но у храма Посейдона Навсикая оставила его одного и объяснила,

как пройти ко дворцу царя, ибо боялась, чтобы ее не увидели с чужим мужчиной и не начали по этому поводу разговоров. Около священной рощи Афины Одиссей подождал немного, пока, по его расчетам, девушки не достигли дворца.

Лишь только он вошел в город, Афина окутала его густым туманом, чтобы по пути никто не смутил его вопросами. Сама она шла впереди Одиссея, приняв образ девушки, несущей кувшин. У нее попросил Одиссей указать ему дорогу ко дворцу Алкиноя. Афина привела его к царскому дворцу. По дороге она посоветовала ему прежде всего добиться благосклонности царицы Ареты, если он хочет получить помощь от феаков.

Одиссей так и сделал. Во дворце находились в это время все вожди феаков. Пир подходил к концу, и они как раз осушали последний кубок в честь Гермеса, прежде чем пойти отдыхать. Лишь здесь рассеялся туман, скрывавший до времени Одиссея от взоров людей. Молча взирали изумленные феаки, как Одиссей направился прямо к царице и, обняв ее колени, умолял о покровительстве.

Утром следующего дня на народном собрании было решено, как помочь чужеземцу. Алкиной приказал подготовить в путь корабль, впервые спущенный на воду, и отобрать пятьдесят двух юношей из числа самых достойных, чтобы сопровождать Одиссея до его родины. Затем царь пригласил во дворец старейшин своего народа на пир в честь чужеземца.

Царский дворец наполнился гостями. Во время пира слепой певец Демодок пропел им песнь о ссоре Одиссея и Ахиллеса под Троей.

Феаки с наслаждением слушали песни Демодока, Одиссей же скрывал свое лицо под пурпурным плащом, ибо воспоминания вызвали у него слезы, а он стыдился проливать их перед феаками. Один лишь Алкиной заметил это и приказал прекратить песнь. Он пригласил гостей на открытый воздух посмотреть состязания. Царю хотелось, чтобы чужеземец принес к себе на родину добрую славу о ловкости и силе феаков.

Одиссей с грустью смотрел на благородные игры феакийских юношей, с нетерпением ожидая их конца, ибо они напоминали ему о его родине. Но насмешливая речь высокомерного Эвриала пробудила в нем желание принять участие в состязаниях. Он смешался с участниками игр и с помощью Афины так далеко метнул диск, что никто не смог даже приблизительно сделать того же. Алкиной предложил двенадцати князьям феаков одарить чужеземца, сам же он, тринадцатый, тоже не хотел отстать

от них, в особенности же он посоветовал Эвриалу примириться с Одиссеем, призвав на помощь речи и дары, ибо перед этим Эвриал был несправедлив к чужеземцу. Все одобрили слова Алкиноя. Эвриал же преподнес Одиссею медный меч с золотой рукоятью и в ножнах из слоновой кости, сказав при этом:

— Будь счастлив, достойный уважения чужеземец. И если я произнес дерзкое слово, то пусть его развеют ветры. Пусть тебе боги дадут увидеть жену твою и достичь твоей родины, ведь давно ты страдаешь вдали от любимых тобою.

Одиссей, смягчившись, ответил:

— И ты будь счастлив, дорогой мой, пусть боги и тебе ни-
спошлют радость. Ты никогда не пожалеешь, что подарил мне этот прекрасный меч.

Когда же продолжили пир, Одиссей сел рядом с Алкиноем на царское кресло. Они пили и ели, а Демодок в это время воспевал всюнную хитрость Одиссея и историю падения Трои. Теперь Одиссей уже не смог подавить слез. Заметил это Алкиной и снова приказал прекратить песнь, теперь уже попросив чужеземца открыть, кто он, рассказать, что его связывает с греками, сражавшимися под Троей, почему каждый раз наполняются слезами его глаза, как только заходит речь в песне об Илионе.

Тогда Одиссей назвал свое имя и рассказал обо всем своем пути от Трои.

Из-под Илиона ветер занес Одиссея с его товарищами в землю киконув. Здесь они высадились на берег и разрушили город этого племени; им досталась большая добыча, так что каждый был наделен ею. Но родственники жителей разрушенного города отомстили Одиссею, убив многих из его спутников. Спасшиеся от смерти продолжали плавание и уже почти достигли родины, но у мыса Малей их настигла буря и отбросила от греческих берегов.

Опасные ветры девять дней носили корабли Одиссея по изобильному рыбой морю. На десятый день они достигли земли лотофагов. Лотофаги питались цветами. Они угостили спутников Одиссея, не имея злого намерения, медовым лотосом. Но тот, кто попробует лотоса, уже не захочет вернуться на родину, а загорится желанием навсегда остаться у лотофагов. Силой возвратил их, горько плакавших, на корабли Одиссей. Остальным он приказал быстро двигаться дальше, боясь, чтобы кто-нибудь из них не отведал лотоса и не забыл о родине.

Они поплыли дальше и достигли земли циклопов. Эти живут без всяких законов, предоставляя все воле бога. Они не пахут и не сеют, и все у них обильно рождается. Нет у них собраний, на которых они совещались бы о своих делах, и живут они отдельно друг от друга в просторных пещерах на высоких горных вершинах. Каждый из них творит суд над своими же-

нами и детьми, ни с кем не считаясь. Поблизости от земли циклопов имеется ненаселенный остров. К нему пристали Одиссей и его спутники и досыта псели здесь, потому что горные нимфы пригнали к ним диких коз. На одном из кораблей переправились Одиссей и двенадцать его спутников на землю циклопов. Они высадились на берег, захватив с собой мех с вином. Здесь они нашли пещеру Полифема. Циклопа в ней не было. Напрасно товарищи Одиссея умоляли его не ждать циклопа, а взять в пещере сыр, выгнать козлят и ягнят и отправиться дальше на быстром корабле. Одиссея одолело любопытство, он решил дожидаться циклопа.

Вскоре пришел и он сам, он пригнал домой стадо и притащил, производя сильный шум, деревья из леса. Коз, коров и овец он загнал в пещеру, чтобы выдоить их, а козлов, быков и баранов оставил снаружи. К выходу из пещеры он подкатил огромный камень, который не могли бы сдвинуть и двадцать две телеги. Он кончил доить, подложил сосунков-козлят и ягнят под маток, напился сам и развел огонь. Тогда-то он и увидел в пещере пришельцев. Напрасно просил о пощаде Одиссей, призывая Зевса, защитника чужестранцев. Циклоп надменно сказал:

— Ты, чужестранец, или глуп, или пришел очень издалека, если думаешь, что из-за тебя я устражусь богов. Циклопам нет дела ни до Зевса-эгидодержателя, ни до других блаженных богов.

И тотчас же он сожрал двух спутников Одиссея. Остальные пришли в ужас и с плачем стали воздевать руки к Зевсу с мольбой, так как больше не могли ничего предпринять.

Затем циклоп, досыта наевшись и напившись, растянулся в пещере и заснул. Одиссей совсем уже было решил его убить, но сообразил, что в этом случае они не смогут выйти живыми из пещеры, ибо у них не хватит сил отвалить огромный камень от входа. Наутро циклоп сожрал еще двух товарищей Одиссея, затем выгнал стадо из пещеры. Вот тогда-то Одиссей и задумал хитрость против циклопа. Полифем срубил целый оливковый ствол, чтобы использовать его как дубину. От него отрубил Одиссей часть, которую мог поднять обыкновенный человек, заострил ее и спрятал в навозе. Когда же вечером снова пришел домой циклоп и снова поужинал двумя спутниками Одиссея, Одиссей угостил циклопа вином. Циклоп выпил и спросил у Одиссея его имя, чтобы отблагодарить гостя за вино подарком. Одиссей трижды наполнял чашу вином и, когда циклоп опьянел, сказал ему:

— Ты спрашиваешь мое имя, циклоп? Я скажу тебе его, но ты дай мне сначала подарок, обещанный тобою. Мое имя Никто.

И ответил циклоп с жестокой веселостью:

— Я съем тебя, Никто, напоследок, остальных же всех — перед тобой. Вот мой подарок.

Тут же он растянулся во всю свою длину и, опьяненный, уснул. Одиссей сунул в огонь конец приготовленной дубины, товарищи его держали эту дубину, а Одиссей направил обуглившееся дерево в единственный круглый глаз циклопа. Зашипел пар под вонзенной в глаз дубиной, заревел от дикой боли циклоп. Услышали его рев остальные циклопы, прибежали со всех сторон и стали спрашивать ревущего от боли своего товарища:

— Что за беда с тобой стряслась, Полифем, почему так сильно кричишь ты и ночью пробуждаешь нас ото сна?

— Никто меня не убивает, никто не убил меня, но он убивает меня своей хитростью, — услышали они ответ Полифема из пещеры.

Тогда товарищи ответили ему:

— Ну, если никто не трогает тебя и ты там один, то не реви. — И с этими словами они разошлись. Одиссей же обрадовался, что удалась его хитрость: он назвал себя по-гречески Утис (Utis), так ведь действительно могли его ласкательно называть его отец, мать и товарищи. Утис же по-гречески — «никто».

Циклоп с трудом приподнялся и, корчась от боли, дошел ощупью до выхода из пещеры и загородил собою выход, думая, что должны же выйти Одиссей и его товарищи. Но и у Одиссея были свои планы. Он связывал баранов по трое и к среднему под брюхо привязывал по одному из своих спутников. Сам же он прицепился под брюхо самого большого барана. Напрасно ощупывал циклоп баранов, он не нашел ни Одиссея, ни его товарищей.

Выйдя на свободу, они поспешили к своему кораблю, угнав множество животных из стада циклопа. Но время не позволило Одиссею оплакивать тех, кого сожрал безбожный циклоп. Путники быстро отплыли от берега и спаслись. Когда корабль был уже далеко от берега, Одиссей закричал:

— Циклоп, если тебя кто-нибудь спросит, кто лишил тебя глаза, то скажи что это сделал разрушитель городов Одиссей, сын Лаэрта, с Итаки.

Только теперь вспомнил циклоп: давно ему было предсказано, что его лишит зрения человек по имени Одиссей. Полифем ожидал, что это будет подобный ему самому великан. Циклоп обратился к своему отцу, Посейдону, с мольбой об отмщении Одиссею за него. Затем циклоп схватил огромный камень и кинул его вслед Одиссею. Но камень не достиг корабля, лишь взбудоражив море вокруг.

Достигнув необитаемого острова, путники нашли там свои поджидавшие их корабли, разделили угнанных у циклопа овец, чтобы досталось каждому, и принесли жертву Зевсу на берегу моря. Но Зевс не обратил внимания на жертву Одиссея, готовя новые опасности для него и его товарищей.

Оттуда Одиссей прибыл на остров Эола. Эол, царь ветров, с радостью принял его. Когда же Одиссей и его спутники уезжали, Эол дал Одиссею завязанные в бычью шкуру ветры, чтобы обеспечить путникам спокойное плавание по морю. Только Зефира он оставил на свободе, чтобы тот домчал их суда до родины.

На десятый день вдали показались уже берега отчизны. Одиссей как раз крепко заснул, а в это время его товарищи сговорились между собой против него. Они думали, что Эол подарил Одиссею драгоценные сокровища, которыми тот не хочет поделиться с ними. Подталкиваемые любопытством и жадностью, они развязали мех, наполненный ветрами. Ветры были освобождены. Поднялась страшная буря, а когда проснулся Одиссей, было уже поздно. Корабли были отнесены обратно к острову Эола. Снова вышел на берег Одиссей и пошел ко дворцу Эола.

Эол же в это время обедал в кругу своей чудесной семьи. На Одиссея глядели с изумлением:

— Как возвратился ты снова сюда, Одиссей? Какой злой бог преследует тебя? Ведь мы так заботливо отправили тебя в путь, чтобы ты достиг отчизны!

С горечью в сердце ответил Одиссей:

— Беду вызвали мои злые товарищи и не вовремя пришедший ко мне сон. Помогите, ведь вы добры и в ваших силах помочь мне.

Так упрашивал их Одиссей, рассыпая перед ними льстивые слова, но они молчали. Наконец царь Эол ответил:

— Уходи-ка быстрее с острова, несчастнейший из людей! Ибо нельзя мне заботиться и помогать возвратиться на родину тому, кто ненавистен блаженным богам!

В отчаянии поплыли они дальше, дух их слабел и силы иссякали от безостановочной гребли. И не было ниоткуда помощи, которой лишились товарищи Одиссея из-за собственной глупости.

На седьмой день достигли они Лестригонии, земли великанов-людоедов, где самая короткая ночь. Дочь царя-великана, вышедшая как раз из города за водой, привела товарищей Одиссея, посланных им вперед, во дворец своего отца. Они увидели царицу, которая ростом была с гору. Она сразу же позвала из совета царя Антифата, который тотчас сожрал одного из посланцев Одиссея. Остальные посланцы кинулись

обратно к кораблям, но царь поднял на ноги весь город, бежали лестригоны и стали бросать из пращей камни в корабли. Камни были такого размера, что один человек едва ли мог их поднять. Корабли были разбиты, так что из двенадцати остался лишь один, на котором находился Одиссей, вовремя обрубивший мечом веревки у причалов. Люди с других кораблей погибли все до единого.

Спасшиеся в гóре поплыли дальше. Вскоре достигли они острова Эа*, где жила Кирка, дочь Гелиоса. На берегу Одиссей убил оленя, мясом которого его спутники утолили голод. Но они не знали, где находятся. Увидав поднимающийся дым, они поняли, что остров обитаем. Бросили жребий, и Эврилоху выпало идти с двадцатью двумя товарищами, чтобы принести вести об острове.

Плача, уходили они в глубину острова, ибо вспоминали лестригонов и циклопа. Но ничего другого им не оставалось делать. В центре острова, в глубине прекрасной долины, они увидели дворец Кирки, построенный из отшлифованных камней, а вокруг — волков и львов, вилявших хвостами. Путников привлекла к себе песня прекрасноволосой богини, путники увидели ее сидящей за ткацким станком. На их крик Кирка вышла и пригласила их войти. Один лишь Эврилох остался снаружи, заподозрив обман. В доме Кирка накормила и напоила мореплавателей, но подсыпала им в пищу волшебного зелья. Затем она своим волшебным жезлом загнала их в свиной хлев, превратив всех в свиней. Напрасно их ждал Эврилох. Когда его терпение иссякло, он в слезах вернулся к Одиссею с вестью о бесследном исчезновении товарищей. Одиссей с помощью Гермеса принудил волшебницу расколдовать его спутников, превращенных в свиней. После того как волшебная сила Кирки была уничтожена Одиссеем, он призвал во дворец и тех своих товарищей, которые оставались возле кораблей. Из расположения к Одиссею и их хорошо принимала Кирка в течение целого года. Когда они стосковались по родине, Кирка отправила их в путь, снабдив Одиссея добрыми советами. Прежде всего она приказала ему посетить царство мертвых, владения Аида и славной Персефоны, и испросить там предсказаний у Тиресия, слепого прорицателя из Фив, которому Персефона сохранила разум и после его смерти.

Кирка дала им жертвенных животных для богов подземного мира, и как ни страшил товарищей Одиссея путь в царство мертвых, недоступный для живых людей, им пришлось следовать за Одиссеем.

* Мифический остров, который, как думали греки, находился где-то на западе, на самом краю моря.— *Прим. ред.*

Душа Тиресия в подземном царстве дала Одиссею такое предсказание:

— Ты, Одиссей, ищешь пути, ведущего на родину? Но твои поиски затрудняет один из богов. Не может забыть Посейдон, колебатель земли, о тебе. Гневается он на тебя за то, что ты ослепил его любимого сына. Но все же, хоть вас и ожидает множество бед, вы сможете вернуться на родину, если ты сумеешь обуздать желание свое и своих товарищей, когда ваш корабль, плывя по фиолетовому морю, достигнет острова Тринакрии. На острове пасется стадо Гелиоса, который все видит и все слышит; постарайся не нанести этому стаду ущерба, если есть у тебя желание возвратиться домой. Но если вы посягнете на коров Солнца, то погибнет ваш корабль. Если все-таки ты спасешься, то лишь после многих превратностей. И, потеряв всех своих товарищей, ты не скоро достигнешь родины и на чужом корабле. А дома ты также встретишь беду: ты найдешь там наглых мужчин, расточающих твое добро и спорящих из-за руки твоей жены. Покончив с женихами, расправившись с ними хитростью или оружием, снова берись за весло и ищи народ, который не знает моря и никогда не видел кораблей. Этот народ можешь легко узнать: он будет считать весло лопатой для провеивания зерна. Тут воткни в землю свое весло и принеси богатую жертву Посейдону — овцу, быка и свинью. Потом возвращайся домой, а дома принеси гекатомбы богам-небожителям, всем по порядку. А затем наступит для тебя спокойная старость и наконец — тихая смерть, народ же вокруг тебя будет счастлив.

Одиссей беседовал также с душой своей матери Антиклеи. Она сказала, что ее свела в могилу тоска по сыну. Рассказала ему о его верной жене, о сыне, который стал достойным юношей за то время, пока Одиссей отсутствовал, о старом отце Одиссея Лаэрте, который уже не возвращается в город, а живет в деревне среди своих слуг, ночует в поле и, одетый в рубище, лишь печалится о сыне. В слезах слушал ее Одиссей, ему захотелось обнять свою мать, чтобы плакать вместе с ней. Трижды он бросался к ней и трижды ускользала из его рук бестелесная ее душа, как тень или сновидение...

Возвратившись из страны мертвых, Одиссей и его спутники еще раз причалили к острову Эа. Кирка снабдила их продовольствием на дорогу, напутствовала советами, как уберечься от ожидающих их опасностей.

Первой опасностью, о которой предупреждала Кирка, было чарующее пение сирен. Ни один смертный человек не мог ему противиться. Когда плыли мимо них, Одиссей залепил уши

своих спутников воском, но самому ему хотелось послушать их пение. Поэтому он велел привязать себя к мачте и строго приказал, чтобы, если он выразит желание освободиться, то пусть его привяжут еще крепче. Лишь когда корабль отплыл далеко от сирен, спутники Одиссея вынули воск из своих ушей и отвязали Одиссея от мачты.

Затем на их пути встали две скалы, находившиеся друг от друга на расстоянии полета стрелы. На одной из них жила Сцилла, шестиголовое чудовище, издающее ужасный лай, а на другой под огромной смоковницей сидела Харибда, трижды в день извергающая из себя бушующие черные воды и трижды в день поглощающая их. Чтобы не попасть с бушующими водами в пасть Харибды, они гребли по направлению к Сцилле, но здесь потеряли шестерых своих товарищей: шестиголовое чудовище каждой своей пастью схватило с корабля по одному человеку. Оставшиеся в живых быстро поплыли дальше и достигли острова Тринакрии.

Здесь две дочери Гелиоса — Фаятуса — Блестающая и Лампетия — Сверкающая — пасли бессмертные стада своего отца. Одиссей не забыл о прорицании Тиресия, но его изголодавшиеся спутники не посчитались с его запрещением. Пока Одиссей спал, они зарезали самых лучших коров Гелиоса и зажарили их.

Лампетия быстро принесла весть об этом своему отцу, а Гелиос пожаловался богам. Зевс, выслушав его, в наказание вызвал бурю и молнией расколол корабль Одиссея надвое. Товарищей его поглотил водоворот, а самого Одиссея понесло обратно к Сцилле и Харибде, и ему с большим трудом удалось спастись от чудовищ. Девять дней носило его по волнам, пока наконец на десятый день не пригнали его боги к острову Огигии. Здесь его взяла под свое покровительство нимфа Калипсо.

* * *

Вот о скольких приключениях смог рассказать Одиссей. С удивлением слушали его феаки. На следующий день спустили на море корабль. На него сели отборные моряки, но управлять этим кораблем не было необходимости: корабли феаков сами знали путь. Одиссей проспал всю дорогу. Корабль же легко скользил по морю, так что и сокол не смог бы угнаться за ним. Одиссей еще не проснулся, когда они достигли Итаки, пристанища Форкия — престарелого бога моря. Вблизи пещеры нимф моряки-феаки осторожно сняли на берег Одиссея, чтобы не спугнуть его сладкий сон, выгрузили и положили рядом с ним драгоценные сокровища, подаренные ему феаками, а затем возвратились обратно.

Против этих моряков и направил свой гнев Посейдон, увидев, что ненавистный ему Одиссей возвратился на родину и ускользнул из под его власти. На пути домой феаки уже приближались к острову Схерии, когда их настиг Посейдон, схватил корабль своей рукой и превратил его в камень. Внезапно остановился быстрый корабль феаков, как будто бы корнями прикрепленный ко дну моря.

А тем временем Одиссей проснулся. Афина-Паллада окутала его туманом, чтобы его никто не мог узнать. Одиссей же не узнавал родной земли, так долго был он вдали от нее. Он уже совсем было подумал, что феаки злоупотребили его доверием и забросили его на какую-то чужую землю. Быстро подсчитал он свои сокровища, но все они оказались в целости.

Афина-Паллада подошла к Одиссею, приняв образ юноши, пастуха овец. Спросив у нее, в какой земле он находится, Одиссей узнал, что он вернулся в Итаку. Но хитрый Одиссей не выдал себя и солгал, сказав что он бежал с Крита, убив сына Идоменея. Улыбнулась совоокая богиня и ласково коснулась его рукой. Ей понравилось, что она не смогла перехитрить его и что Одиссей не утратил осторожности. И она предстала перед ним в женском образе, выражающем ее божественную сущность: вдруг стала она прекрасной высокой женщиной, искусной в ручных работах. Она рассеяла туман перед взором Одиссея и показала ему землю: гавань Форкия, священную пещеру нимф, в которой стояли каменные ткацкие станки — на них ткали и пряли нимфы — и каменные кувшины, в которые пчелы откладывали мед для нимф. Показала она ему и поросшую лесом гору Нерит. Обрадовался Одиссей, поцеловал землю и обратился с молитвой к невинным нимфам — дочерям Зевса. Они перенесли сокровища в пещеру, вход в которую Афина-Паллада заложила камнем.

Богиня научила Одиссея, как ему следует вести себя, и предупредила его, чтобы он был осторожен. Чтобы его нельзя было узнать, она превратила его в старика нищего. Затем она отправилась в Спарту — позаботиться о возвращении домой Телемаха: своим длительным путешествием юноша уже доказал, что он достоин своего отца, — Афина отправила его в путь, для того чтобы сын Одиссея приобрел себе известность и славу.

Выполняя приказ Афины, Одиссей прежде всего посетил свинопаса Эвмея. Собаки залаяли на оборванного нищего, но достойный свинопас разогнал собак и радушно принял чужеземца, находившегося под защитой Зевса. Одиссей огляделся вокруг и с радостью увидел, что Эвмей и в отсутствие хозяина

заботливо содержал в порядке его имущество, из слов же свсего слуги он понял, что тот сохранил свою верность ему, Одиссею.

А в это время Афина-Паллада напомнила Телемаху, находившемуся в Спарте, о возвращении домой. Когда же Телемах, избежав засады, устроенной женихами, прибыл в Итаку, то прежде всего навестил хутор своего верного свинопаса.

Телемах послал Эвмея сообщить матери о своем прибытии, разрешив верному свинопасу рассказать об этом одной только Пенелопе. Когда Одиссей и Телемах остались одни, перед Одиссеем появилась Афина-Паллада. Телемах же не заметил ее, ибо не каждому боги являются открыто. Лишь Одиссей увидел ее, да еще его собаки. Но собаки не залаяли на нее, с визгом спрятавшись подле загона. Богиня глазами дала знак Одиссею, вызвав его из хижины. Она сказала ему:

— Божественный сын Лаэрта, хитроумный Одиссей, ныне откройся перед своим сыном, чтобы вдвоем вам войти в город, неся смерть женихам. Я же сама ненадолго отстану от вас, а потом догоню, чтобы бороться вместе с вами.

Сказав это, богиня коснулась Одиссея своим золотым жезлом. Сразу же лохмотья нищего сменились прекрасной и свежевывытой одеждой, лицо его округлилось, морщины разгладились, кожа стала смуглой, появилась черная борода. Телемах пришел в изумление, когда Одиссей снова приблизился к нему. Сын Одиссея подумал, что перед ним бог, и в страхе обратился к нему с мольбой. Он не хотел верить тому, что сказал ему Одиссей:

— Я вовсе не бог, почему ты подозреваешь во мне бессмертного? Я твой отец, из-за которого ты пролил столько слез и так страдал от мужчин-насильников. Все, что ты видел, дело богини Афины, которая сделала меня таким, каким ей хотелось, ведь это в ее силах. То она сделала меня подобным нищему, то молодым прекрасным мужчиной. Ибо богам, обитающим на необъятном небе, легко и прославить смертного человека и опозорить его.

Плача, обнял Телемах своего отца, и они заплакали вместе. Так и проплакали бы они до захода солнца, если бы им не нужно было обо многом поговорить. Одиссей в особенности внушал сыну, чтобы тот никому не рассказывал о его прибытии на родину, даже самой Пенелопе и Лаэрту. Ведь превосходящие их силы они смогут одолеть только хитростью. Следовало также испытать, кто из слуг сохранил верность Одиссею.

К вечеру возвратился Эвмей, а к тому времени жезл Афины снова превратил Одиссея в старого нищего.

Телемах провел ночь в хижине Эвмея и только утром пришел к свсей матери, обеспокоенной его отсутствием. Но перед

уходом от Эвмея Телемах приказал свинопасу, чтобы тот отвел в город старого нищего для сбора подаяния. Даже от верного человека он скрыл, кем является в действительности старый нищий.

Когда Одиссей и Эвмей подошли ко дворцу, оттуда был слышен шум голосов развлекающихся женихов и пение Фемия. В воротах лежал старый пес Одиссея Аргус, на которого никто не обращал внимания. Пес этот без Одиссея находился в полном небрежении. Теперь он поднял голову и наострил уши. Верная собака узнала своего хозяина после двадцатилетней разлуки, завиляла хвостом, но уже не смогла подойти к хозяину. Одиссей, растрогавшись, незаметно для Эвмея смахнул слезу с глаз и вошел во дворец. Бедный Аргус все-таки дождался до того, чтоб после двадцати лет увидеть еще раз хозяина; вслед за тем пес тут же издох.

Во дворце Телемах, находившийся среди участников пира, подозвал к себе Эвмея, передал через него пищу для Одиссея и попросил передать ему, чтобы тот обошел всех гостей, прося у них подаяние. Одиссей, как положено, поблагодарил за еду, расстелил на своих коленях нищенскую суму, на нее положил пищу и так поел. Затем он обошел всех гостей по порядку. Каждый ему подал что-нибудь, и только Антиной высокомерно отказал в подаянии.

Пенелопа услышала, как обращается Антиной с чужеземцем, пришедшим к ней в дом, и разгневалась на Антиноя. Она призвала в свою комнату Эвмея, чтобы расспросить его о чужеземце, и сказала Эвмею:

«Наверно, чужестранец человек бывалый, не знает ли он чего-нибудь об Одиссее?» И когда Пенелопа говорила с верным слугой ее дома о том, что если вернется Одиссей, то он вместе с сыном отомстит злым женихам, снизу послышалось громкое чиханье Телемаха. «Это хорошее предзнаменование», — радостно заметила Эвмею царица. Эвмей спустился за чужестранцем, но возвратился с таким его ответом: пусть царица подождет окончания дня, чтобы не привлечь внимания женихов, а тогда он придет к ней с известиями об Одиссее. Одобрив это разумная Пенелопа и стала ждать вечера. Эвмей же простился с Телемахом и к вечеру возвратился в загон.

* * *

Но вот в дом Одиссея пришел местный нищий, известный обжора, которого звали Арнеем. Это имя ему дала мать при рождении, но все юноши звали его Иром, то есть «господином Иридой», ибо он разносил извещения и послания, как это де-

лает богиня Ирида среди богов. Он напал на Одиссея, намереваясь выгнать его из дома, где Ир по старому своему обычаю попрошайничал. Но Одиссей не уступил. Заметил Антиной, что ссорятся двое нищих, расхохотался и стал подстрекать их схватиться друг с другом.

Быстро свалил на землю Одиссей большого, неуклюжего Ира, изо рта Ира хлынула кровь и посыпались зубы. Затем Одиссей вытащил его вон. Женихи покатывались со смеху. Когда Одиссей возвратился, они с громким смехом стали приветствовать его как победителя, а Антиной протянул ему награду — потроха козы.

Пенелопа же спустилась сверху в сопровождении двух служанок. Когда она стала у колонны, державшей крышу, закрыв свое лицо блестящим покрывалом, женихи восхитились ее дивной красотой. Прежде всего она высказала порицание Телемаху за то, что тот участвует в увеселениях женихов и допускает грубые шутки над чужестранцем, который попросил убежища в его доме. Затем, храня честь своего дома, она стала бранить женихов. Радостно слушал свою жену Одиссей. Женихи устыдились и послали своих слуг каждый в свой дом за дорогими подарками для Пенелопы. Но из-за этого они все остались в доме Пенелопы даже тогда, когда хозяйка дома возвратилась к себе наверх.

Тогда Одиссей решил, что наступило время вынести оружие из зала, где происходили пиры. Пока Телемах и Одиссей переносили оружие в ближайшую кладовую, Афина держала золотой светильник. С изумлением смотрел Телемах, как озаляются светом стены. Затем Телемах отправился спать. Теперь Пенелопа стала расспрашивать чужеземца о своем муже. Одиссей выдал себя за брата Идоменея, внука критского царя Миноса. Он рассказал, что на Крите он видел Одиссея, гостившего там, и слышал о нем верное известие: ныне Одиссей поехал в Додону, чтобы перед возвращением на родину получить прорицание у священного дуба Зевса. Пенелопа со слезами на глазах слушала чужеземца, не подозревая, что тот, по ком она плачет, сидит рядом с ней. Чтобы не опозорить свой гостеприимный дом, Пенелопа приказала служанкам снабдить всем необходимым того, кто принес ей добрую весть, и омыть его уставшие в странствиях ноги теплой водой. Одиссей же не соглашался воспользоваться помощью служанок: он разрешил бы омыть себе ноги в крайнем случае только старой служанке. Тогда Пенелопа приказала старой кормилице Одиссея, Эвриклею, омыть чужеземцу ноги. С радостью стала прислуживать ему Эвриклея, ибо из множества гостей, перебивавших у них в доме, ни один не был так похож на Одиссея, как этот чужеземец.

— Другие тоже говорят об этом, матушка, — сказал ей в ответ Одиссей, чтобы рассеять ее подозрение. И он сел спиной к огню, чтобы кормилица не заметила на его ноге старого рубца от раны. Но Эвриклея, принеши котел и смешав в нем холодную воду с горячей, едва только коснулась рукой ноги чужестранца, узнала рубец и выпустила ногу из своих рук. Нога Одиссея ударилась о когел, пролив теплую воду. Глаза верной служанки наполнились слезами, и она воскликнула:

— Дитя мсе, ты, конечно, Одиссей! О, как я не узнала тебя сразу! — И она уже направилась к Пенелопе, чтобы сообщить ей, что пришел ее муж, но Одиссей схватил рукой ее шею и, пока Афина отвлекала внимание Пенелопы, погрозил ей, чтобы она молчала.

Но Эвриклея ответила:

— Дитя мсе, не надо мне грозить. Ты ведь знаешь, что на меня можно положиться и, если нужно, я буду молчать упорно, как камень. Но скажу о другом: если бог отдаст в твои руки женихов, я по порядку расскажу тебе, кто из слуг был неверен тебе.

— Это потом я и сам узнаю, — ответил ей Одиссей. — ты же сохрани лишь тайну, положившись во всем остальном на богов.

Когда наступило утро, Эвриклея дала распоряжение служанкам убрать дом, вымыть сосуды и принести свежей воды. Слуги-мужчины кололи дрова, а девушки быстро наносили воды из источника. Вместе с ними пришел и Эвмей, достойный свинопас. Ныне он обратился к несчастному чужеземцу с несколькими добрыми словами. Мелантей, пастух, стерегущий коз, дурной человек, оказавшийся неверным своему хозяину, пригнал животных для пира женихов. Увидев Одиссея, он бросил ему несколько насмешливых слов. Филэтий, волей-неволей пригнавший по приказу незванных гостей несколько коров своего хозяина, обратился к Одиссею со словами участия. Он вспомнил о своем хозяине, Одиссее, который, если он еще жив, быть может, так же бродит в тяжелой нужде. Ибо в старом нищем он не узнал своего доброго хозяина, приставившего его еще мальчиком к скоту.

Пришли и женихи, и зал быстро наполнился шумом. Пришел и Телемах из народного собрания и приказал поставить для Одиссея возле порога невзрачное сиденье и столик. Он обратился с суровой речью к женихам, сказав, что не потерпит в своем доме оскорбления чужестранца, ищущего приюта. Но с распушенностью этих зазнавшихся людей невозможно было справиться, и их грубый хохот не прекратился. Телемах же

смотрел на своего отца и ждал, когда наконец тот велит ему выступить против наглых женихов.

В тот день Пенелопа приказала принести в зал лук Одиссея и сказала женихам:

— Послушайте меня, гордые женихи, вы вечно едите и пьете во дворце моего давно отсутствующего мужа. Вы говорите, что вас сюда привело только одно намерение, одно желание — взять меня в жены. Вот настало это время! Даю вам лук божественного Одиссея. Тот, кто сможет с наименьшим усилием натянуть тетиву так, чтобы стрела пролетела сквозь обухи двенадцати топоров, за тем я последую, оставив этот дом, этот прекрасный и богатый дворец, где прошли мои молодые годы. Но думаю, что все же буду о нем хоть во сне вспоминать.

Эвмей со слезами на глазах положил перед женихами тяжелый лук. Пастух Филэтий тоже заплакал, узнав оружие своего бедного хозяина.

Телемах установил топоры, вырыв для каждого из них углубление в глиняном полу, выровняв их по шнуру, чтобы они стояли ровно. Стали пробовать женихи, но тщетно. Один за другим они брали в руки гигантский лук Одиссея, но не смогли натянуть его и должны были убедиться, насколько они слабее мужа Пенелопы.

Между тем Одиссей вышел из дому с двумя своими слугами, в верности которых он уже не сомневался.

— Ты, Филэтий, коровий пастух, и ты, Эвмей, свинопас, сказать ли мне вам кое-что или дальше скрывать? Помогли бы вы или нет Одиссею, если бы вдруг он возвратился домой благодаря одному из богов? Встали бы вы за женихов или за Одиссея? Скажите, что подсказывает вам ваше сердце?

— О Зевс-отец, если бы ты исполнил это мое желание! Если бы кто-либо из богов возвратил нам Одиссея, ты бы увидел, какова сила моих рук! — взмолился каждый из верных слуг, и Одиссей им открылся.

От радости заплакали верные слуги и стали целовать его руки и плечи. Так и проплакали бы они до вечера, но Одиссей уговорил их успокоиться, чтобы не раскрылась его тайна. Затем они обсудили, что им делать дальше: как удалить слуг и по знаку Одиссея закрыть двери. Чтобы не возбуждать ничего внимания, они по одному возвратились в дом.

К тому времени уже ясна была неудача женихов, попытавшихся натянуть лук Одиссея. Но Антиной вспомнил, что в тот день в городе народ справлял праздник Аполлона — было новолуние, — и высказал мысль, что, вероятно, не разрешается

натягивать лук в день праздника. Он предложил в тот день больше не делать попыток, а на следующий день утром принести жертву Аполлону, после чего бог, наверное, даст им силу для состязания.

Но теперь Одиссей попросил разрешить ему попробовать свои силы. Напрасно ему отказывали возмущенные женихи: никому из нищих не дано права слушать, что говорят господа за столом. Но Пенелопа настояла, чтобы просьба чужеземца была уважена.

Одиссей взял свой старый любимый лук в руки, повертел его, оглядел справа и слева, не испортил ли его древесный жучок, пока сам он скитался вдали от дома. С удивлением смотрели женихи на его уверенные движения. Он заботливо ощупал его и ударил по тетиве, как певец-мастер ударяет по струнам лиры. Тетива издала музыкальный звук, подобный пению ласточки. Пригорюнились женихи, услышав этот звук. Загремело небо, возрадовался Одиссей благоприятному знамению, посланному сыном Крона. Взял он стрелу, которая лежала наготове на столе — остальные лежали в колчане, — наложил ее на тетиву и выстрелил. Полетела быстрая стрела и не минула цели, пройдя через все отверстия топоров и долот до расположенных напротив дверей.

Телемах же заранее отослал Пенелопу в покои для женщин, а слуг ловко удалил. Когда же Одиссей подал знак Телемаху, тот быстро взял меч и копье и стал рядом с Одиссеем.

Одиссей меж тем сбросил с себя лохмотья и подскочил к двери с луком в руках, а затем высыпал все стрелы из колчана к своим ногам. Так он обратился теперь к женихам:

— Ну, вот и кончилась безобидная стрельба из лука. Теперь мы найдем цель другого рода, пусть только даст мне удачу Аполлон!

Антиной в это время как раз протянул руку к золотому кубку, чтобы выпить вина. Одиссей сделал его своей первой мишенью, поразив его стрелой. Антиной упал замертво. Одиссей же смерил испуганных женихов презрительным взглядом:

— Вы, собаки, не думали, что я вернусь из-под Трои. Потому вы и осмеливались опустошать мой дом и при моей жизни осмеливались домогаться брака с моей женой, не боясь ни мести богов, обитающих на небе, ни мести людей. Но теперь всем вам пришел конец!

Пока у Одиссея были стрелы, он стрелял из лука по очереди в каждого из женихов. Когда же иссякли они, Телемах принес оружие из кладовой — для своего отца, для себя и для двух верных слуг. Но так как в спешке он оставил двери кла-

довой открытыми, то Мелантей притащил оттуда оружие и для женихов. Заметив это, Эвмей и Филэтий без сожаления убили неверного козьего пастуха. Но к этому времени двенадцать женихов успели полностью облачиться в доспехи. Однако все было напрасно — они не смогли ничего предпринять против Одиссея, ибо Афина-Паллада сошла с Олимпа, чтобы защитить своего любимца. Из женихов никто не остался в живых. Одиссей пощадил только Фемия, сохранив ему жизнь, ибо тот лишь по принуждению развлекал женихов своим пением и находился под защитой богов как искусный исполнитель божественных песен. Телемах попросил также пощады для Медонта, прислуживавшего женихам, ибо Медонт всегда заботился о Телемахе, когда тот был еще ребенком.

Тогда Одиссей послал Телемаха за Эвриклеей. Верная кормилица нашла своего хозяина испачканным кровью, словно льва в середине стада. Она чуть не закричала от радости, увидев поверженных в прах злых женихов, но Одиссей предостерег ее:

— Радуйся тише, матушка, сдержи себя и не кричи, ибо грешно было бы хвалиться перед убитыми. Их повергла Мойра, божественная судьба, а также их собственные злодеяния, ибо они не почитали никого на земле, ни добрых, ни злых людей, кто бы им ни повстречался. И он спросил Эвриклею, кто из служанок оказался неверен ему и его семье.

Ликуя, поднялась наверх старая женщина, чтобы сообщить своей госпоже известие о ее муже. Но словам ее не поверила Пенелопа:

— Матушка, боги лишили тебя рассудка. Ведь ты смеешься над моей печалью, принося такой слух и пробуждая меня от сладкого сна! А я еще не спала так крепко с тех пор, как Одиссей отправился в ужасный Илион.

А тем временем Эвринома, верная ключница, омыла Одиссея, умастила его маслом и облачила в прекрасные одежды. Богиня Афина дала ему красоту, сделав его выше и полней, и завив на его голове кудри, как у цветка гиацинта. Он был подобен бессмертным богам, когда совершил омовение. После этого он сел в царское кресло напротив своей жены. Теперь Пенелопа легче узнала бы его, чем в грубой одежде нищего. Но двадцать горьких лет принуждали ее быть осторожной.

— Матушка, вынеси-ка мне ложе во двор, — сказал Одиссей Эвриклею, — ибо я вижу, что у женщины этой железное сердце.

Теперь в последний раз испытала Пенелопа Одиссея, так передав приказ мужа.

— Выставьте во двор то ложе, которое он сделал сам, и застелите его шерстяным покрывалом и сверкающим полотном.

Но тут сказал Одиссей:

— О женщина, трудный приказ ты отдала. Кто же сможет переставить куда-то в другое место мое ложе? Смертный человек не мог бы этого сделать, если он даже очень силен, ибо ложе ксрнями уходит в землю. Огромная олива росла внутри ограды нашего дома, имела она толстый, как колонна, ствол. Вокруг нее я выстроил опочивальню, срубил ее лиственную крону, ствол ее обстругал, сделал подножие ложа и самое ложе, украсив его золотом, серебром и слоновой костью, а затем натянул на нем кожаный ремень, окрашенный в пурпур.

Смягчилась после этих слов Пенелопа, колени ее подкосились, она в слезах подошла к Одиссею, обняла его за шею обеими руками и, целуя его голову, говорила:

— Не гневайся на меня, Одиссей, ведь ты самый разумный из людей. Боги обрекли нас на страдания. Они позавидовали нам и не захотели, чтобы мы всегда оставались рядом друг с другом, проводя вместе нашу молодость, и вместе подошли бы к порогу старости. Прости меня за то, что не приняла тебя с любовью сразу же, как только увидела, не облобызала тебя. Но всегда я боялась, чтобы кто-нибудь не обманул меня лживыми словами, ибо много есть таких, которые строят козни. Но тайну нашего ложа знали только мы вдвоем, да еще одна моя верная служанка, данная мне моим отцом, когда я выходила за тебя замуж.

Заплакали они оба. Как потерпевший кораблекрушение, барахтаясь в пене морской, наконец, достигает берега и может ступить на сушу, так прибыл к Пенелопе ее долгожданный супруг. Так и застала бы их розоперстая Эос плачущими, если бы Афина-Паллада не позаботилась о другом. Ночь уже близилась к концу, но богиня продлила ее и задержала золототронную Эос в Океане, не разрешив ей запрягать быстроногих коней — Лампа и Фаэтонта, приносящих свет людям.

А в это время Эвринома стелила постель, готовя ложе для верных супругов. Насладившись счастливой любовью, стали они рассказывать друг другу о себе. Пенелопа — о том, какой горькой была ее участь дома, Одиссей же — о том, сколько пришлось ему перенести страданий во время странствий, сколько городов он посетил и сколько народов, имеющих разные обычаи, он узнал. Наконец они заснули. Когда Афина решила, что они достаточно спали, она послала утро, чтобы оно принесло свет людям.

Встал после сна Одиссей, простился со своей супругой, разбудил Телемаха, а также коровьего пастуха и свинопаса. Они вчетвером вооружились и покинули дворец. Светло было повсюду на земле, но их Афина вывела из города, скрыв гучным мраком.

Гермес же своим золотым жезлом вызвал души покойных женихов. Полетели они с шуршаньем, словно летучие мыши в глубину пещеры, туда, куда вел их Гермес—мимо струй Оксана и Белой скалы (Левкадийской скалы), мимо ворот Солнца и страны сновидений. Достигли они наконец луга, заросшего асфоделем, где обитали души всех умерших.

Одиссей же и Телемах вместе с коровьим пастухом и свинопасом достигли деревни, где находилось хозяйство Лаэрта, бывшее в полном порядке. Одиссей послал своих спутников в сельский свой дом, а сам разыскал старика отца в саду. Сначала Одиссей выдал себя за чужеземца, приятеля и гостя Одиссея. Плакал Лаэрт и посыпал свою седую голову прахом, слушая рассказ чужестранца о своем сыне. Одиссей не смог более притворяться, слезы выступили и у него на глазах, он обнял своего отца и поцеловал его:

— Здесь, отец, сам я, перестань же плакать!

Но после двадцатилетней разлуки теперь и Лаэрт попросил доказательств. Одиссей показал ему свой рубец от раны на ноге и перечислил деревья в саду, которые отец Подарил ему еще в детстве — тринадцать груш, десять яблонь, сорок смоковниц и пятьдесят рядов виноградных лоз.

Тогда подкосились колени старика и затрепетало сердце. Узнал он по этим признакам сына и радостно обнял его. Только опасался он родственников женихов, когда услышал, что случилось в предыдущий день во дворце. Но Одиссей успокоил его и повел в дом, где к этому времени Телемах и пастухи приготовили пищу. Теперь Лаэрт приказал своему старому слуге омыть его, умастить маслом и облачить в царские одежды. Когда же он совершил омовение, сделала Афина его выше ростом и красивее. Пришел тем временем Долий, старый виноградарь Лаэрта, со своими сыновьями, — они ездили в лес за ветвями для изгороди. Все они вооружились, — Одиссей, Телемах, свинопас, коровий пастух, шесть сыновей Долия и даже сами Лаэрт и Долий, так как необходимость принуждала и этих седовласых старцев принять участие в борьбе.

Против них выступили родственники женихов, ибо к этому времени уже разнеслась весть о кровавом пире.

Но боги на Олимпе решили по-другому. Они хотели, чтобы противники помирились и позабыли о нанесенных друг другу обидах, чтобы жители Итаки теперь любили друг друга, как ранее, и чтобы на острове процветали Плутос — богатство и Эйренэ — Мир. Зевс послал туда Афины. Богиня и без того хотела посетить остров, ибо ее беспокоила судьба Одиссея. И она, явившись в образе Менгора, установила мир на Итаке.

МИФЫ В ГРЕЧЕСКОЙ ТРАГЕДИИ

Греческая трагедия ведет свое происхождение от обрядов, связанных с праздником Диониса, от хоров спутников Диониса, людей, представлявших сатиров. Сатиров изображали в виде козлоногих существ или существ, подобных козлам. Поэтому хор сатиров надевал на себя козлиные шкуры, а праздничные песни этого хора так и назывались «песнями козлов» — *tragódiá* (по-латыни *tragoedia*), от греческих слов *tragos* — козлы и *ódé* — песня, ода. Согласно преданию, Теспид в исполнение хоровых песен ввел новшество, состоявшее в том, что один из актеров отвечал на песнь хора, а так как в греческом языке «гипокрит» значит отвечающий, то этого актера и стали называть гипокритом *. Введением этого новшества Теспид положил начало греческой трагедии; позднее развитие трагедии привело к тому, что сначала два, а затем три актера могли выступать на сцене помимо хора. Сперва страдания Диониса составляли сюжет этих трагических представлений: сын смертной женщины Семелы, Дионис, лишь после тяжких страданий попадает на Олимп, и сам миф о его матери Семеле указывает на суровую сторону жизни Диониса, связанную с его рождением, на сокрушающую силу освобожденной страсти.

В городе Сикионе в VI веке до н. э. впервые на празднике Диониса театральное представление было посвящено не мифу о Дионисе, а судьбе Адраста, то есть мифу, связанному уже с циклом фиванских сказаний. Этот цикл, основным сюжетом ко-

* Греческий глагол *hupokrinomai* уже в поэмах Гомера встречается также и в значении «истолковывать», «объяснять». Поэтому слово *hupokrités*, происходящее от этого глагола, означало «толкователь», «актер», «песнопевец», «декламатор». — *Прим. ред.*

торого является трагическая судьба царя Эдипа, представлял один из тех циклов легенд, которыми позднее чрезвычайно интересовались авторы греческих трагедий.

В мифе об Адрасте рассказывается, что аргосскому царю Адрасту оракул посоветовал отдать двух своих дочерей в жены льву и дикому кабану. Случилось, что Полиник, сын Эдипа, изгнанный своим братом Этеоклом из Фив, прибыл в Аргос. В это же время сюда бежал сын Ойнея, Тидей, который в наказание за убийство был вынужден оставить свою родину — Калидон. Ночью во время бури двое беглецов оказались в сенях гостеприимного дома аргосского царя. Они поспорили из-за лошади; Адраст, услышав шум, вышел и увидел двух чужеземцев, один из которых был покрыт шкурой льва, а другой — кабана. Тут-то и вспомнил царь прорицание. Старшую свою дочь он выдал замуж за Полиника, а младшую — за Тидея, пообещав своим зятям помочь возвратиться на родину. Так был организован поход семи вождей против Фив. До Калидона же очередь не дошла, так как Тидей погиб под Фивами. Из семи вождей удалось спастись только Адрасту. Его крылатый конь Арейон спас своего хозяина от смертельной опасности, чтобы тот десять лет спустя мог собрать свое войско против Фив, теперь уже с детьми вождей предыдущего похода, с эпигонами. Эпигоны (потомки) взяли Фивы, но Адраст потерял своего сына в бою; скорбь по сыну убила его.

Вначале такого рода замена мифа о Дионисе встретила возражения, но позднее получила всеобщее признание и сделала возможным дальнейшее развитие греческой трагедии в Афинах в широких масштабах. Но если рассказ о жизни и страданиях Диониса мог быть дополнен сюжетами других сказаний, то все же театральное искусство осталось до конца связанным с почитанием бога Диониса. Театр в Афинах был построен по соседству с одним из наиболее древних святилищ Диониса и сам считался храмом Диониса. Представления трагедий всегда приходились на время Больших Дионисий и происходили в форме соревнований, в ходе которых авторы трагедий состязались в первенстве. Каждый поэт принимал участие в этих соревнованиях с четырьмя своими произведениями, связанными друг с другом, с так называемой тетралогией. Первые три произведения являлись трилогией трагедий в узком смысле этого слова. К ней примыкало четвертое произведение, так называемая игра сатиров, произведение более веселого характера, дававшее возможность сатирам показать весь свой грубый комизм. В процессе развития в это четвертое представление был включен хор сатиров, сопровождавших Диониса. Но сами мифы в трагедиях показывали власть Диониса разрешителя (*Dionysos Lysios*), развязывающего страсти. Герои трагедии если и не опьяняются

больше вином, то опьяняются лицемерием крови или смерти, это «вакханалии Гадеса», подобно Гераклу в драме Еврипида «Неистовый Геракл», или эти герои пьянеют от любви, от жажды мести или от родственной любви, но во всяком случае страсть захватывает их и они не признают более никаких ограничений, никаких авторитетов.

До нас не дошли ни произведения Теспида и первых авторов трагедий, ни произведения позднейших поэтов, времени упадка трагедии. Мы имеем в своем распоряжении только пьесы трех величайших авторов периода расцвета греческой трагедии—V века до н. э., только наиболее выдающиеся, самые зрелые шедевры искусства: семь трагедий Эсхила, семь трагедий Софокла, семнадцать трагедий и одну сатировскую драму Еврипида. Кроме того, среди произведений Еврипида фигурирует трагедия «Рес», принадлежность которой Еврипиду сомнительна. Это произведение, быть может, является единственной греческой трагедией, написанной не одним из этой великой тройки, а каким-то неизвестным афинским поэтом. Из других трагедий случайно сохранились отрывки, содержащие по несколько строк, главным образом те строки, которые цитируются более поздними греческими или римскими писателями. В начале нашего столетия были обнаружены большие, связанные друг с другом отрывки сатировской драмы Софокла «Следопыты» на тему о похищении скота ребенком Гермесом. Из этих отрывков можно восстановить с небольшими пропусками это произведение почти целиком. Среди других отрывков мы выделяем сатировскую драму Эсхила «Рыбаки с сетью», о которой мы смогли составить себе более полное представление на основе найденного в 1932 году и опубликованного в 1941 году папируса. В веселых, бодрых тонах здесь представлено прибытие на остров Серифос выброшенной в море Данаи и ее сына Персея.

Сюжетом только одной из дошедших до нас трагедий служит миф о Дионисе. Это пьеса Еврипида «Вакханки». В родном городе Диониса, в Фивах, отец Семелы, Кадм, достигнув старости, передал власть своему внуку Пенфею, сыну Агавы. Божественный внук Кадма, Дионис, в это время уже обогнул Азию и возвратился на свою родину, чтобы обрести себе почитателей на греческой земле. Но царь Фив, Пенфей, запрещает народу чтить Диониса, за что бог насыляет буйное помешательство на фиванских женщин, главным образом на сестер свей матери Семелы—Агаву, Автоною и Ино. На горе Киферон буйствующие чтят бога опьянением, подобно менадам, а старый Кадм и прорицатель Тиресий машут тирсами, надев на головы венки из плюща. Пенфей в недоумении смотрит на фанатиков и, желая восстановить в городе прежнее спокойствие, отдает строгий приказ, направленный против неизвестного неразум-

ного культа. Он посылает для обуздания вакханок своего представителя и требует главным образом смерти жреца Диониса, не узнав в жреце самого бога. Когда же царь идет на гору Киферон, чтобы тайно подкараулить безумствующих женщин, его собственная мать Агава открывает его тайное убежище, принимает своего сына за льва и убивает его в безумии. Во главе неистовых женщин, в опьянении, Агава с триумфом несет голову сына и только из слов своего отца начинает понимать ужас своего поступка. Так жители Фив признали Диониса, который с чудовищной жестокостью направляет свою силу против тех, кто не хочет признавать его.

Эсхил, самый старший из трех великих авторов трагедий, называл свои произведения «крохами с богатого стола Гомера». В этом признании Эсхила, скромно преуменьшавшего собственные заслуги, справедливо подчеркнут приоритет Гомера. Ведь, с одной стороны, автор «Илиады» явился наставником великих авторов трагедий в изображении человеческих страстей, а с другой стороны, главные сюжеты греческих трагедий почерпнуты из сказаний троянского цикла, в первую очередь те сюжеты, о которых в гомеровском эпосе имеются только упоминания.

Действие одной из драм Еврипида, посвященной Ифигении («Ифигения в Авлиде»), происходит в авлидском порту, где соединился подготовленный против Трои греческий военный флот. Греки не могли тронуться в путь, напрасно ожидая день за днем благоприятного ветра. Согласно прорицанию Калханта. Агамемнон, главный вождь, должен был в интересах родины принести в жертву Артемиде собственную дочь. Однако богиня отстранила от алтаря девушку и послала вместо нее оленя, чтобы тот был принесен ей в жертву, она не хотела кровью благородной девушки обогреть алтарь. Когда подул благоприятный ветер, богиня обеспечила грекам благополучное плавание, но судьба Ифигении осталась им неизвестной. Клитемнестра с огорчением видела, что из-за Елены, неверной жены Менелая, ее дочь должна быть принесена в жертву, и негодование Клитемнестры обратилось против Агамемнона, верной женой которого она до сих пор была.

Пока Агамемнон сражался под Троей, Клитемнестра правила в Микенах вместе с двоюродным братом Агамемнона Эгистом. О возвращении Агамемнона домой рассказывается в трагедии Эсхила «Агамемнон» — первой части известной трилогии «Орестея». Клитемнестра с притворной радостью принимает возвратившегося после десятилетнего отсутствия мужа, расстилая пурпурный ковер перед сходящим с боевой колесницы героем. Но за словами, исполненными радости, она скрывает коварство. Она приглашает мужа во дворец и там убивает его.

вместе с его пленницей Кассандрой, дочерью царя Приама, привезенной из Трои и обладающей даром прорицания. Гнусная женщина осмеливается защищать себя перед аргосскими гражданами, высокомерно ссылаясь на то, что она лишь отомстила Агамемнону за свою дочь Ифигению. Выступает соучастник ее преступления — Эгист, он в свое оправдание приводит рассказ об ужасном соперничестве двух сыновей Пелопса: отец Агамемнона, Атрей, отомстил отцу Эгиста, Фиесту, сварив детей Фиеста и накормив ими ничего не подозревавшего отца. Теперь же сын Фиеста, Эгист, будет царствовать вместо сына Атрея с неверной женой Агамемнона. Но народ Аргоса не подчинился им: он ждал возвращения Ореста, который воспитывался у царя Фокиды Строфия.

Вторая часть «Орестей» — «Хорэфоры» («Жертва у гроба», дословно — «Приносящие жертву»). Орест с сыном Строфия, Пиладом, прибывает в Аргос и кладет на могилу отца в качестве жертвы один из своих локонов. В это время Электра, дочь Агамемнона и Клитемнестры, со своими слугами приносит жертву на могиле своего отца. Брат и сестра встречаются. Орест знакомится с сестрой, которая в последний раз видела его, когда он был еще ребенком. Они договариваются держать в тайне прибытие Ореста и при помощи хитрости отомстить за своего отца, коварно убитого. Орест стучится во дворец, к нему выходит Клитемнестра. Орест выдает себя за странника, встретившегося во время своих странствий с фокидским Строфием, который и поручил ему доставить в Аргос весть о смерти Ореста. Клитемнестра едва может скрыть свою радость, и только кормилица искренне оплакивает Ореста. Клитемнестра посылает за Эгистом, чтобы тот получил от чужеземца полное доказательство смерти сына. Эгист также хотел увериться в смерти Ореста, ибо смерть Ореста могла бы освободить его от страшного предчувствия грозящей мести. Но вскоре из дома слышится предсмертный стон. Орест покончил с Эгистом. Орест выходит в оцепенении. После убийства Эгиста перед ним встала задача, которую он едва ли может выполнить: теперь он должен отомстить матери за смерть отца. Бог Аполлон приказал ему совершить акт беспощадной мести. Орест убивает свою мать, но после этого приходит в ужас от собственного поступка, и напрасно народ убеждает его в правоте, ликуя по случаю освобождения Аргоса «от двух змей». Орест видит вокруг себя чудовищные образы женщин, одетых в черное и опутанных змеями. Напрасно аргосские женщины утешают его, что это лишь свежая кровь, прилипшая к его рукам, туманит его рассудок. Он видит то, чего никто не видит, и не может остаться в Аргосе. Орест отправляется в Дельфы, к святилищу бога Аполлона, очищающего от греха кровопролития. А в это время аргосские

женщины поют об ужасной судьбе Пелопидов, три поколения которых постигает несчастье.

В сущности, таков же сюжет трагедии Софокла «Электра» и трагедии Еврипида, имеющей то же название. Однако в этих трагедиях большую роль в осуществлении мести играет царская дочь, которая, будучи низведена до положения рабыни — у Еврипида она становится простой крестьянкой, — в течение многих лет, тоскуя, ждет своего брата-избавителя.

«Орестея» Эсхила является единственной полностью дошедшей до нас греческой драматической трилогией. Сюжет ее заключительной части — трагедии «Евмениды» — составляет спасение Ореста, преследуемого Эринниями (общеупотребительным стало их латинское название — фурии). Эриннии, словно собаки по следу дикого зверя, преследуют убившего свою мать Ореста. Последний бежит от них в Дельфы, где Аполлон берет его под свою защиту, сопровождает в Афины, чтобы там Афина-Паллада рассудила Ореста и богинь мщения. Но богиня не берется сама быть судьей на этом страшном судилище и поручает произвести суд избранникам народа Аттики, которых она собирает в священной роще Ареса, на холме Ареса (Areios pagos). Тем самым богиня основывает верховный суд Афин — ареспаг. Вопрос о виновности решался здесь голосованием, если же голоса разделялись на две равные части, то это означало спасение, оправдание подсудимого. Два мировоззрения вступили в борьбу перед ареопагом: Эриннии видели в Оресте только убийцу своей матери, а «новые боги» видели в нем сына, отмстившего за своего отца. Ореста уже едва не осудили большинством в один голос, но за Афиной-Палладой был последний голос, который она и подала за Ореста. Голоса разделились поровну, и тем самым Орест был спасен. Победенные Эриннии захотели теперь обратить свою месть против города Афин, но Афина-Паллада умилоствовала их, она пообещала, что в самом городе, в доме Эрехтея им будут воздавать почести как богам, и этим она превратила возмездие в благословение. Так в Афинах богини мщения Эриннии превратились в Евменид — богинь умилоствления.

В трагедии Еврипида «Орест» главный герой избавляется от преследования людьми. Народ Аргоса обрушивается с проклятиями на Ореста и его сестру, помогавшую ему в осуществлении мести. Брат и сестра ожидают помощи от своего дяди Менелая, но тот не принимает их сторону, в особенности после того, как появляется престарелый Тиндарей, отец Клитемнестры, и угрожает местью всем, кто будет защищать убийцу его дочери. Решением народа Орест и Электра приговариваются к смерти. Пилад также хочет умереть вместе с ними. но Аполлон спасает их от смерти и даже примиряет их с Менелаем и арги-

вянами. Примирение скрепляется браком Ореста и дочери Менелая, Гермiony, Пилад же женится на Электре.

В трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» также рассказывается об очищении от греха Ореста. Аполлон предсказывает Оресту, что он тогда лишь освободится от преследования Эриний, когда принесет из Скифии, от тавров, упавшую с неба статую Артемиды. Орест в сопровождении Пилада достигает Тавриды, а тавры ведут их к своим жрицам, так как по закону тавров каждый чужестранец должен быть принесен в жертву на алтаре Артемиды Диктинны. Жрицей здесь была Ифигения, которую богиня Артемида за несколько лет до того по воздуху перенесла из Авлиды к таврам. В Тавриде Ифигения должна была готовить и освящать людей, предназначенных в жертву богине. Ифигения страшилась своих обязанностей и с болью в сердце вспоминала о греческих празднествах; она ждала подходящего случая, чтобы бежать из Тавриды. Когда Ифигении стало известно, что один из стоящих перед ней чужеземцев — Орест, и когда она услышала о цели его прибытия, она обманула царя тавров Фоанта и в сопровождении Ореста и Пилада бежала со статуей Артемиды из земли тавров.

Отрывки легенд, связанных с Троянской войной, также привлекали внимание авторов греческих трагедий, хотя и не так часто, как предания о судьбе рода Агамемнона.

Две трагедии Софокла посвящены Троянской войне: это «Аякс-биченосец» и «Филоктет». В первой трагедии Аякс саламинский, сын Теламона, замышляет месть против сыновей Атрея, так как доспехи убитого Ахиллеса получил не он, а Одиссей. Афина-Паллада отнимает у Аякса рассудок, и он принимает скот за греческих вождей. Потерявший рассудок герой режет скот, думая, что он убивает вождей греков. У шатра Аякса появляется Одиссей, он хочет поглядеть, что здесь происходит; как раз в это время Аякс тащит одно из животных внутрь шатра, считая, что это его соперник Одиссей. Одиссей с участием наблюдает унижительное состояние несчастного героя. Когда же Аякс приходит в себя, он со стыдом глядит на загубленных животных. Он бродит возле саламинских кораблей, прощаясь с миром, со своей далекой родиной, с Гелиосом (солнцем), с источниками, реками и полями, так как не может пережить охвативший его стыд. Удаляясь от людей, он бросается на свой меч, и его жена Текмесса находит его уже мертвым. Но скорбящая жена и сын Аякса, маленький Эврисак, не могут оставаться спокойными, так как сыновья Атрея и после смерти Аякса не хотят примириться с ним. Сводный брат Аякса, Тевкр, охраняет тело героя и требует отдачи ему последних почестей, на которые умерший имеет право. Только слова Одиссея примиряют Агамемнона и Менелая с погибшим героем.

Одиссей, благородный противник Аякса, убеждает Агамемнона, что умершего следует рассматривать не как врага, а как одного из величайших греческих героев. Лишь после этого главный вождь разрешает погребение тела Аякса.

События трагедии «Филоктет» относятся к последнему периоду осады Трои. На пути к Трое греки оставили Филоктета на острове Лемносе, потому что из его раны, образовавшейся от укуса змеи, исходило невыносимое зловоние. Девять лет провел несчастный на острове в полном одиночестве проклиная и вождей, двух сыновей Атрея, и в особенности Одиссея, предложившего в свое время оставить его на острове. Греки знали из прорицания Гелена, сына Приама, что они смогут взять Трою, если будут владеть луком и стрелами Геракла. Геракл же оставил их в наследство своему верному оруженосцу Филоктету за то, что Филоктет разжег когда-то костер на горе Эте, избавивший Геракла от его невыносимых мук. Филоктета невозможно было уговорить добровольно отдать лук и стрелы. Тогда Одиссей взялся хитростью приобрести оружие Геракла. С сыном Ахиллеса, Неоптолемом, только после смерти своего отца, к концу осады прибывшего с острова Скироса, Одиссей прибыл на остров Лемнос. Сам Одиссей держался в отдалении, а Неоптолема научил, как войти в доверие к Филоктету при помощи лжи. Но в юноше, когда он почти уже завладел желанным оружием, берет верх доброе чувство, ему становится стыдно обманывать несчастного больного, и он признается, что его послал Одиссей и что он ради победы греков хотел войти в доверие к Филоктету и захватить лук и стрелы Геракла. Но то, чего не могло добиться насилие и чего не согласился добиться хитростью честный юноша Неоптолем, совершается благодаря приказу самого Геракла. Скрытый тучей, появляется Геракл уже как бог, явившийся к людям, и приказывает Филоктету, чтобы тот, поборов свою ненависть, помог свершиться року и отправился бы под Трою с луком и стрелами, о которых говорилось в прорицании.

О разрушении Трои и о жестоком убийстве оставшегося сиротой маленького сына Гектора, Астианакта, мы читаем в драме Еврипида «Троянки», а в его же трагедии «Гекуба и Андромаха» — о героических женщинах — матери и жене Гектора, уведенных в унижительное греческое рабство. Один из эпизодов «Илиады» развивает трагедия «Рес», которая также считается произведением Еврипида. Героем ее является Рес, фракийский царь, сын речного бога Стримона и музы Терпсихоры, убитый Одиссеем и Диомедом, когда они в качестве лазутчиков ночью пробирались в троянский стан. В трагедии Еврипида «Елена» мы встречаемся с послегомеровским вариантом мифа об Елене. Парис похищает не самое Елену, дочь Зевса и Ле-

ды, а всего лишь ее призрак. Пока греки в течение девяти лет боролись из-за мнимой Елены, сама она находилась в Египте. Из рук сына царя Протея ее освободил Менелай при своем возвращении на родину.

С циклом сказаний о Троянской войне связана и единственная полностью дошедшая до нас сатирическая драма Еврипида «Циклоп». Сюжетом ее является один из эпизодов «Одиссеи» — ослепление одноглазого людоеда-тиганта. Хор в этом произведении составляют сатиры, попавшие на остров Полифема, Сицилию, при таких обстоятельствах: когда тирренские пираты похитили Диониса, сатиры во главе со старым Силеном стали искать повсюду своего исчезнувшего господина. Полифем захватил их и держал у себя в рабстве. Сатиры освобождают только Одиссей.

* *

Как видим, авторов трагедий в цикле троянских сказаний интересуют в первую очередь данные, предоставляющие возможность показать ужасную судьбу рода, над которым тяготеет проклятие. В сюжете о Пелопидах это история потомков Пелопса, испытывающих удары рока из поколения в поколение. Греческие сказания знают еще один род, к трагической судьбе которого снова и снова возвращаются авторы трагедий. Это род правителей Фив, Лабдакидов, из истории которого черпали свои сюжеты в одинаковой мере Эсхил, Софокл и Еврипид.

Лай, сын Лабдака, царь Фив, получил предсказание, что будет убит рукой своего сына. Поэтому, как только у него родился сын, он приказал проколоть ему ноги и выбросить его на гору Киферон. Но слуга Лая отдал ребенка пастуху коринфского царя Полиба. Царь Полиб воспитал его, как собственного сына. От своих проколотых ног он получил имя Эдип — «человек с распухшими ногами». Когда Эдип вырос, до него дошли слова, пробудившие в нем подозрение, что он не является сыном Полиба. Он отправляется в Дельфы, чтобы спросить оракула о своих родителях. В это же самое время Лая вновь стало беспокоить старое предсказание и он отправляется в Дельфы, чтобы там узнать от оракула о своем сыне. По дороге они встречаются. Возница Лая кричит на Эдипа, чтобы тот уступил дорогу царю, но Эдип гордо продолжает свой путь. Возникает ссора. Лай вступает за своего возницу, и Эдип в ярости убивает Лая, не подозревая, что это его отец. Когда Эдип подошел к Фивам, он узнал, что на границе города свирепствует Сфинкс. Это чудовище с головой прекрасной женщины и туловищем

льва загадало жителям Фив загадку и требовало человеческих жертв до тех пор, пока не найдется человек, который сможет отгадать эту загадку. Шурина Лая, Креонт, взявший после смерти царя Лая власть в Фивах, объявил, что он отдаст в жены свою сестру, вдову царя Лая, Иокасту, тому, кто ответит на вопрос Сфинкса: «Что это такое: утром ходит на четырех ногах, в полдень на двух, а вечером на трех». Эдип отгадал загадку: это человек, который в детстве, на заре своей жизни, ползает на четвереньках, будучи взрослым — ходит на двух ногах, а в старости опирается на палку, словно на третью ногу. Сфинкс, пристыженный, бросается со скалы в морскую пучину, а освобожденный от ужасного чудовища город возводит своего освободителя на трон Лая. Эдип нагромождает одно преступление на другое: не ведая того, убивает своего отца и женится на своей матери, которая рождает ему четырех детей: двух сыновей — Этеокла и Полиника, и двух дочерей — Антигону и Исмену. Но боги в наказание насылают мор на город, царь которого совершил столь тяжкие преступления против человеческого естества.

Так начинается трагедия Софокла «Эдип-царь». Народ Фив и теперь, во время мора, ждет помощи от своего царя, который некогда положил конец опустошениям Сфинкса. Эдип посылает своего шурина Креонта в Дельфы, и тот приносит ответ Аполлона: мор не прекратится до тех пор, пока убийца Лая не понесет заслуженного наказания. Эдип берется за расследование убийства, грозя проклятием тому, кто продолжает его скрывать. А так как сам Эдип во время убийства не жил в Фивах, то он расспрашивает стариков об обстоятельствах смерти Лая. Эдип призывает слепого прорицателя Тиресия. Тот знает правду, но боится сказать ее, и лишь после того, как Эдип заподозрил самого прорицателя, Тиресий бросил ему в лицо обвинение в убийстве. Теперь Эдип обвиняет Креонта в том, что тот подкупил Тиресия, чтобы действовать против него, Эдипа. В сознании своей невиновности Эдип спокойно продолжает дальнейшее расследование. Но с каждым шагом все сильнее стягивается петля вокруг него самого, его уверенность колеблется, наконец перед ним раскрывается вследствие доказательств, не вызывающих никакого сомнения, вся правда: он сам убил Лая, он — сын Лая, он вступил со своей матерью в преступный брак. Все рушится вокруг него: Иокаста кончает жизнь самоубийством, а сам Эдип выкалывает себе глаза, так как после всего случившегося не может больше смотреть на мир.

Умиротворяющий конец ужасной жизни слепого Эдипа, ставшего изгнанником, показан нам в трагедии Софокла «Эдип в Колоне». Эдип в сопровождении своего верного поводыря — дочери Антигоны — попадает в священную рощу Евменид в

Колоне, вблизи Афин. Из Фив его изгнали собственные сыновья, когда выросли, так как они стыдились отцовского преступления. Несчастный отец проклял своих жестоких сыновей, пожелав, чтобы они сами погибли ст рук друг друга. Когда в Колоне Эдип услышал пение соловья и узнал, что вступил в рощу Евменид, то почувствовал с радостью, что его страданиям пришел конец, ведь, согласно прорицанию Аполлона, он должен был умереть в роще Евменид. Жители города хотели изгнать его оттуда, так как на священную территорию вступать никому не разрешалось, но царь Тесей защитил несчастного чужеземца перед своими гражданами, а также против вооруженного отряда Креонта. Этеокл к этому времени изгнал Полиника и теперь с союзными войсками приближался к Фивам. Дело в том, что оракул обещал победу тому городу, на земле которого будет покоем прах Эдипа, поэтому Креонт и хотел силой заставить Эдипа возвратиться в Фивы, но Тесей защитил несчастного старика и его двух дочерей от насилия Креонта. Эдип же хотел вознаградить Афины той благодатью, которую должен был принести его прах земле, принявшей его. Он ушел вместе с Тесеем, ибо смерть его можно было видеть только афинскому царю и только Тесей должен был знать место, где змья примет прах Эдипа. Тесей хотел взять под свою защиту обеих дочерей Эдипа, но Антигона и Исмена отправились в Фивы, чтобы попытаться остановить братоубийственную войну.

Сюжетом трагедий Эсхила «Семеро против Фив» и Еврипида «Финикиянки» является исполнение проклятия Эдипа — братоубийственная война. Этеокл изгнал своего брата Полиника, но тот с помощью своего тестя Адраста организовал поход против своего родного города. Из семи вождей, выступивших против Фив, только Адрасту удалось спастись. Фивы освобождаются от осады. У Еврипида самопожертвование сына Креонта Менэкея спасает город. Но проклятие Эдипа сбывается: защитники города — Этеокл и выступающий против своей родины Полиник — убивают друг друга. Но первого смерть настигла при защите города, и его весь город считает павшим героем, Полиник же привел к городу врага, и Креонт, принявший власть после смерти Этеокла, оставляет Полиника непогребенным как изменника родины, угрожая смертью тому, кто осмелится предать его прах земле. Любовь Антигоны к братьям, показанная в трагедии Софокла «Антигона», не позволяет ей делать различия между одним и другим братом. Она пренебрегает запрещением Креонта, отказывается от своего счастья, которое ожидает ее как невесту сына Креонта, Гемона, и предпочитает умереть, но похоронить своего брата Полиника.

В трагедии Еврипида «Умоляющие о защите» Адраст просит о помощи против Фив и получает ее от Тесея; он идет

против Фив, ибо Креонт хотел оставить непогребенным не только Полиника, но и всех героев, боровшихся с Фивами.

У авторов трагедий миф о Геракле также нашел место среди преданий о родах, над которыми из поколения в поколение тяготеет проклятие за первоначальный грех. В трагедии Еврипида «Неистовый Геракл» Гера посылает против Геракла Лиссу, богиню безумия, и наделенный огромной силой герой в безумии принимает собственных детей за детей Эврисфея и убивает их вместе с их матерью Мегарой. Когда же до его сознания доходит чудовищность своего поступка, то он усматривает источник всех обрушившихся на него несчастий в том, что его отец Амфитрион — ибо у Еврипида Геракл почитает также своего смертного отца наряду с Зевсом — случайно убил своего тестя Электриона, отца Алкмены. С подобным положением мы встречаемся и в трагедии Еврипида «Ипполит». Ипполит был сыном Тесея от амазонки Ипполиты. Молодая жена Тесея, мачеха Ипполита, Федра, влюбилась в Ипполита — это было наказание, насланное ему Афродитой, так как Ипполит почитал только Артемиду; Федра, не получив взаимности, покончила с собой, оговорив невинного Ипполита перед Тесеем в своем прощальном письме к мужу. Когда же Тесей услышал, что Федра покончила самоубийством, он вспомнил своего предка, совершившего преступление, полагая, что это преступление разрушило его семейную жизнь.

Смерть Геракла составляет содержание трагедии Софокла «Трахинянки». Женой Геракла была Деянира, для получения руки которой герою в свое время пришлось бороться с богом реки Ахелоем. Дочь Ойнея счастливо стала женой героя. Теперь она с грустью вспоминает о прежнем своем счастье, жалуясь хору трахинянок на свои заботы и мрачное предчувствие. Когда же она узнает, что ее муж ради дочери Эврита, Иолы, разрушил Эхалию (Ойхалию), она ревниво сравнивает свою увядающую красоту с цветущей молодостью пленной царевны, прибывшей раньше возвращающегося с войны Геракла, и ей приходит на ум мысль о волшебном средстве. Еще когда Деянира и Геракл бежали в Трахину, то реку Эвен сам Геракл перешел вброд, а кентавр Несс, бывший перевозчиком на этой реке, перенес Деяниру сам, взяв ее к себе на плечи. Кентавр этот воспыал любовью к молодой женщине. Услышав испуганный крик жены, Геракл поразил кентавра ядовитой стрелой, пропитанной желчью лернейской гидры. Умирая, Несс посоветовал Деянире собрать его кровь и заботливо сохранить ее, и если она когда-нибудь почувствует, что Геракл охладил к ней, то пусть она натрет его кровью хитон Геракла и это волшебное средство вновь возродит любовь мужа к ней. Теперь она решила воспользоваться советом Несса. Но уже послав

Гераклу смоченный кровью хитон, она заметила, что кусок шерсти которым она смазывала хитон, был охвачен пламенем и сгорел. Однако тревожиться было уже поздно. Так Несс и после своей смерти сумел отомстить Гераклу. Пропитанный его кровью хитон причинил непобедимому герою невыносимые муки. Когда Деянира поняла, что она сделала, она в немой скорби ушла от окружавших ее женщин и наложила на себя руки. Геракл в страшных муках уже желал для себя смерти. В конце концов он взял со своего сына Гилла клятву, что тот отнесет его на гору Эту, там возложить его на костер, а после его смерти возьмет себе в жены Иолу.

Судьбе потомков Геракла посвящена трагедия Еврипида «Гераклиды». После смерти героя против его детей выступил Эврисфей. Те бежали в Афины, где их взял под свою защиту сын Тесея, Демофонт. Эврисфей с войском обрушился на Афины, Демофонт же начал войну в защиту чужеземцев, попросивших у него покровительства. Но прорицание связывало счастливый конец войны с выполнением повеления богов — принести в жертву Персефоне незамужнюю дочь какого-либо благородного отца. Дочь Геракла Макария заявила, что она добровольно отдает свою жизнь ради своих братьев.

Трагедия Эсхила «Прикованный Прометей» раскрывает перед нами картину жестокого наказания титана — бесстрашного защитника людей. По приказу Зевса Гефест со своими двумя помощниками — Кратосом и Бией (Власть и Насилие) приковал этого любившего людей титана к скале в Скифии, в безлюдной пустыне, за то, что тот похитил у богов огонь для людей. Туда же попадает в своих безумных скитаниях Ио, дочь аргоского царя, которую любовь Зевса превратила в корову, а ревность Геры преследовала всюду на земле. Потрясающей является встреча этих двух жертв беспощадной силы Зевса — Прометея, на которого обрушилось властолюбие Зевса, и Ио, жизнь которой была разбита любовью Зевса. В трагедии Эсхила «Молящие» потомки сына Ио, Эпафа, — пятьдесят дочерей Даная ищут защиты на родине своей прародительницы, в Аргосе, когда их дядя, Эгипт, хочет насильно выдать их замуж за пятьдесят своих сыновей.

Трагическое завершение мифа об аргонавтах излагается в трагедии Еврипида «Медея». Неблагодарный Ясон забывает о том, что только с помощью Медеи он приобрел золотое руно. Он охладевает к Медее, оставляет ее и женится на другой. Но Медея страшно мстит ему. Новой невесте своего мужа, Креусе, сна посылает с притворной любезностью наряд невесты, но смоченные ядом одежды сжигают несчастную Креусу. Чтобы

отомстить отцу своих детей, Медея убивает их и улетает по воздуху на колеснице, запряженной драконами, из Коринфа в Афины, где царь Эгей с радостью принимает злую волшебницу. В противоположность Медее героиня трагедии Еврипида Алкестида — воплощение женского самопожертвования. Когда приказ Зевса однажды принудил Аполлона к служению на земле, Аполлон стал пасти стада царя Адмета. А так как Адмет оказался достойным хозяином своего божественного пастуха, то Аполлон наградил его тем, что при посредстве Мойр освободил его от смерти при условии, что среди его близких найдется такой человек, который примет смерть вместо царя. Ни отец, ни мать царя не захотели отдать оставшиеся дни своей жизни, чтобы освободить своего сына от смерти, а молодая жена Адмета, Алкестида, пожертвовала собой ради мужа. Явился уже Танат — Смерть — со своим острым мечом, Алкестида прощается со своей семьей и с богиней домашнего очага Гестией и умирает. Уже во время ее погребения благодарный гость Адмета, Геракл, узнает о случившемся и силой вырывает у Таната его добычу. Алкестида возвращается в среду живых, но в течение трех дней ей нужно очиститься, так как она уже была посвящена подземным богам. Через три дня к женщине, вернувшейся из царства покойя, возвращается ее голос.

С мифом об Аполлоне связана и трагедия Еврипида «Ион». Ион был сыном бога Аполлона и афинской царевны Креусы, героем, давшим свое имя племени ионийцев (герой-эпоним).

Единственной трагедией из всех дошедших до нас, сюжетом которой стал не миф, а современные автору события, является произведение Эсхила «Персы». Но автор этой драмы придал мифологический колорит историческим событиям греко-персидской войны, событиям, определившим судьбу его собственного поколения. Сюжет этой трагедии составляют битвы при Саламине и при Платеях, представленные автором не как победы греков, а как трагедия персов. Вдова Дария, мать Ксеркса, царица Атосса, с беспокойством ждет возвращения своего сына в Сузы. Приходит посланец с печальной вестью: греки победили, персидский флот уничтожен у Саламина. Ксеркс находится на пути домой. Атосса и персидские старейшины обращаются к тени Дария. Является дух Дария. Со свойственной мертвым мудростью Дарий знает, что Ксеркс должен был заплатить за свое преступное высокомерие, выразившееся в том, что он перекинул мост через Геллеспонт, переправляя войска в Европу, и тем самым возложил ярмо на бога моря *. Он не при-

* Греческий историк Геродот сообщает, что Ксеркс перед переправой через Геллеспонт приказал дать в наказание бурным водам Геллеспонта триста ударов кнутом (Herod., V, 35). — Прим. ред.

держивался меры, не уважал границ, установленных божественным порядком. В этом — источник падения Ксеркса. Дарий знает больше, чем сообщил посланец: при Платеях греки разбили сухопутное войско Ксеркса. Ксеркс будет одет в лохмотья, когда он вернется домой, в столицу персов. Атосса идет во дворец, чтобы выйти навстречу своему оборванному сыну с новыми одеждами. Тем временем появляется Ксеркс. Он с горечью перечисляет свои потери, предается горю вместе со старейшинами и сопровождаемый горестными восклицаниями направляется к Атоссе.

Согласно миропониманию авторов греческих трагедий, мост через Геллеспонт, который Ксеркс как «ярмо» возложил на море, был проявлением *гибриса* (*hibris*) — «высокомерия»*, неизбежно обрекающего на гибель человека, восставшего против Посейдона и вообще против богов, выражающих вечный порядок природы. Вместе с тем «гибрис» был тем символом, с помощью которого поэт поднял до уровня легенды историческую действительность своего времени. Но если Эсхил в трагедии «Персы», сообразуясь с требованиями театральных представлений в праздник Диониса, придал мифологическую окраску современным ему событиям, то мы, с другой стороны, должны отметить, что в греческой трагедии мифологическое действие всегда отражало современную действительность, развитие и противоречия греческого рабовладельческого общества, а зачастую и конкретную политическую борьбу периода расцвета, и кризиса афинской демократии. Мы знаем уже, что миф об Оресте первоначально отражал поражение матриархата, победу патриархального родового строя. Эсхил же так переработал древнюю мифологическую традицию, что она одновременно стала выражать позицию самого поэта в одном из острых политических вопросов середины V века до н. э. — вопросе об оценке ареопага, верховной судебной и контролирующей инстанции, полученной в наследство от прошлого, организации, аристократической по своим традициям, но, по убеждению Эсхила, не потерявшей своего значения и в ряду институтов демократии. Софокл в трагедии «Антигона» использовал цикл сказаний о Фивах, между прочим, и для того, чтобы противопоставить волю народа деспотическому самовластию, провозгласить превосходство принципов морали, развивающейся параллельно с развитием общества, над законами, защищающими старый строй. Еврипид уже в последней трети V века до н. э., в период Пелопоннесской войны, в трагедии «Молящие» вкладывает в уста мифического царя Афин Тесея прославление законов афинской демократии, выражающих

* Точнее — наглости, дерзости, насилия, оскорбления. — Прим. ред.

уже волю народа, защищающих интересы народа. Примеры такого рода можно было бы продолжить почти до бесконечности. Даже культовая роль греческой трагедии — ее роль среди обрядов на празднике Диониса — не мешала тому, чтобы авторы трагедий при случае прямо противопоставляли свои выводы, основанные на мифологическом материале, религиозной традиции. Так, например, в драмах Эсхила о Прометее титан, восставший против Зевса, олицетворяет сознание человеком своей независимости от богов; Еврипид в своих «Вакханках» разоблачает в духе греческой философии просветительства — софистики — бесчеловечный в своей основе характер религиозного фанатизма, нарушающего все отношения человеческого общества.

ГРЕЧЕСКИЕ БОГИ В РИМЕ И РИМСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Римский народ познакомился с греческим миром на самой изначальной ступени своего развития. Как и во всех областях жизни, римляне считали греков своими учителями и в области религии. Как во всех областях жизни, так и в области религии они, примкнув к грекам, создали на греческой основе свои собственные религиозные формы.

Мы полагаем, что далее при беглом ознакомлении с римскими богами и римскими мифами следует значительное место уделить также ознакомлению с процессом восприятия Римом греческих богов и греческой мифологии. На первый взгляд может показаться, что мы оправдываем тех, кто отрицает существование римской мифологии. Но такая точка зрения равно далека от нас, как и вторая, сводящаяся к тому, что римляне в противоположность грекам были не способны к созданию своей мифологии вследствие «более практического» склада ума. Этот взгляд обусловлен определенным пониманием римского термина *religio*. Термин *religio*, характеризующий римскую религиозность, в противоположность свободной по самой своей природе фантазии мифа указывает на известную связанность его. Впрочем, некоторые новейшие исследователи утверждают, что термин *religio* ничего общего не имеет с глаголом *religare* (связывать). Слово *religio* первоначально означало «принятие всерьез», «беспоскойство о чем-либо», и происходило от глагола *re-ligare*. Последний же глагол в указанном значении возник в смысле противоположном глаголу *negligere* — пренебрегать чем-либо, не обращать внимания на что-либо, но эта противоположность уже в раннее время была забыта. В соответствии с этим совершеннее всего римскую религию характеризует термин *ritus*; он означает религиозное действие, совершаемое в

строго определенных рамках места, времени, движения, формы и т. д. Оба народа классической древности — греки и римляне — приписывали «откровения» Музам звонкоголосым, родственным нимфам, богиням, жившим вблизи вдохновляющей природы, около источников, в густой тени рощ, в тайных глубинах пещер. Но в то время как греческие Музы (например, у Гесиода) раскрывают происхождение мира, рождение богов, то есть явления мироздания, выраженные языком мифов, а также систему взаимосвязи этих явлений в порядке поколений богов, римские Музы — Камены — вещают в первую очередь о нормах человеческого поведения. В такой роли они выступают и в предании о Нуме, и у Горация, обновившего римский культ Муз.

Греческий миф, имея общее происхождение с религией, являлся фантастическим отражением действительности. Воображение не только создавало богов как высшую ступень обобщения действительных сил природы и общества, используя при этом методы художественной типизации, но развивалось и дальше, выражая в поступках этих богов, в их отношениях друг с другом и с людьми закономерности действительного мира, познанные человеком в очень древние времена. Римская же религия (*religio*) формулировала и устанавливала, часто до мельчайших подробностей, обязанности человека по отношению к богам, созданным фантазией человека. И несомненно, что греческая религия стала основой более свободного полета мифологической фантазии, в то время как религия римская (*religio*) вобрала в себя множество мелочных установлений и осуществляла их при помощи силы.

При всем том ни одна из обеих отмеченных точек зрения не ведет к безусловному отрицанию римской мифологии. Несомненная зависимость римской мифологии от греческой налагает на нас обязанность внимательно проследить путь миграции каждого мифологического образа, его характер, особенности развития и формирования этого образа; не редки случаи, когда тот или иной мифологический образ претерпевает такие изменения своего значения, которые греческую форму этого образа делают носительницей бесспорно италийского содержания. Мы будем иметь возможность очень часто наблюдать этот процесс, а также убедимся в правильности общепринятого положения, что имена римских богов полностью утратили свое первоначальное италийское содержание и стали именами более или менее родственных богов-пришельцев. Тимей, греческий историк, живший в III веке до н. э. в Сицилии, более чем кто бы то ни было использовавший греческие предания, относящиеся к Италии, подчеркивает, что сицилийский источник Аретуза берет начало в Греции. По его сообщению, пелопонесская

речушка Алфей, пройдя через Аркадию и Олимпию, исчезает под землей и, пройдя под морем, достигает острова Сицилии, расположенного на расстоянии четырех тысяч стадий от Греции. В Сицилии же она снова выходит на поверхность. По своему подземному пути она несет экскременты жертвенных животных и иногда золотые сосуды, употреблявшиеся во время праднеств. То и другое появляется иногда в Аретузе во время разлива и служит доказательством ее олимпийского истока. Полибий, вероятно самый суровый критик Тимея, выступавший с позиций рационалистической исторической критики, отрицает такую подземную связь между Аркадией и Сицилией. Но кто может отрицать наличие аркадийских элементов в развитии греческой пастушеской жизни в Сицилии? И кто не принял бы сицилийский источник Аретузу, вдохновлявший Муз, за символ процесса развития греческого духа, ростков греческих идей на земле Италии, очень часто даже в тех случаях, когда на самой греческой почве эти идеи не получали признания, как не было признано скрытое течение реки Алфея.

Что же касается отношений между религией и мифологией, то следует признать, что римская мифология вообще была более религиозной по сравнению с мифологией греческой, а взаимосвязь римской мифологии с религиозными институтами государства была более прочной и более тесной, чем у греческой мифологии. Поэтому в римской мифологии больше выступают на первый план так называемые этиологические элементы, объясняющие причины появления религиозных обычаев, литургических моментов и т. д. Поэтому же мы сравнительно часто встречаемся на периферии римской мифологии с легендами, пригодными для непосредственного обоснования истинности религии. Приведем лишь один пример такой легенды.

Характерной чертой римской религии является то, что она рассматривает пренебрежение божественной волей, проявившейся в знамении, предзнаменовании, как *piaculum* — проступок, грех, требующий или примирения, умиловления бога, или наказания. Предзнаменованием является прежде всего *prodigium* — какое-либо явное изменение, нарушение обычного хода вещей в природе, посредством которого боги неожиданно и без обращений к ним предупреждают человека о чем-либо. По этрусскому образцу прогнозы о будущем в строго установленной форме делали гаруспики по внутренностям жертвенных животных, а авгуры — по полету птиц, по обстоятельствам их появления, численности и по другим чертам поведения птиц. У пятого царя Рима, Тарквиния Приска, были все основания для того, чтобы относиться с приететом к «знамению» (*prodigium*). Ведь Тарквиний Приск, воспитанный в Этрурии сыном грека, изгнанного из Коринфа, обосновал свое право на римский

трон ссылкой на чудесное знамение, а затем использовал «продигий» при назначении своего преемника. Когда он шел в Рим, то, по-видимому, орел схватил с его головы шапку и, пролетев с ней некоторое время по воздуху, возвратил ее на место. Позже, уже в царском доме, на голове одного мальчика, Сервия Туллия, появилось пламя, которое нельзя было погасить и которое ничего не уничтожило. Это был знак, что этот мальчик будет шестым римским царем. Ценить прорицания по полету птиц (*augurium* или *auspicium*), согласно легенде, научило Приска одно чудесное событие. К трем трибам римского народа, основанным создателем города Ромулом, а именно к трибам племен рамнов, тициев и луцеров, говорит Ливий, этот царь захотел присоединить еще несколько центурий. Но известный авгур того времени Атт Навий, не считал возможным производить какое-либо изменение, не запросив птиц, ссылаясь на то, что Ромул создал трибы на основании ауспиций своего времени. Царь, не привыкший к возражениям, разгневался и высокомерно обратился к авгуру: «Так вот, святой человек, узнай по полету птиц, может ли произойти то, что я задумал!» Аугуралии дали положительный ответ. «А я задумал,— сказал победоносно царь,— чтобы ты разрезал точильный камень. Возьми же нож и соверши то, что твои птицы считают возможным совершить». И авгур взял нож и разрезал точильный камень.

Но если мы будем иметь в виду только относительное своеобразие римской мифологии, или ее сдерживающее благоразумие, или же ее подчинение религии, то мы не отметим той черты, которая решительнее всего отделяет римскую мифологию от греческой. Сама религия, от которой римская мифология зависит в той же степени, что и от греческой мифологии, требует изучения ее своеобразной природы. Было бы грубой ошибкой полагать, что римская религия застыла в жестких рамках ритуала (*ritus*). Многочисленные примеры свидетельствуют о тесной и многосторонней связи ее с государственной жизнью. Так, когда в 390 году до н. э. галлы разрушили «Вечный город», среди римского народа стали раздаваться голоса, что вместо трудного возрождения обгорелых развалин жителям следует переселиться в захваченные за несколько лет до этого Вейи. Один из величайших сынов Рима, М. Фурий Камилл, только что возвратившийся из изгнания, сначала защищал город от врага, а затем стал защищать его от неверности его собственных граждан. Историк Ливий, современник Августа, судивший о событиях под углом зрения собственного времени, подчеркивает, что Камилл убедил своих малодушных сограждан в необходимости сохранения города и его восстановления главным образом доводами религиозного характера.

Речь, которую вкладывает в уста Камилла Ливий, является одним из самых поучительных памятников истории римской религии. «Для чего мы отвоевали этот город? — с горечью спрашивает спаситель города. — Для чего мы вырвали его из рук врага, если, только что заняв, оставим его? Пока победа была на стороне галлов, несмотря на то, что враги заняли весь город, римские боги и римские граждане удерживали в своих руках Капитолий и укрепленную часть города и могли там жить. Что же, когда римляне победили и заняли город, крепость и Капитолий будут оставлены? Уж не для того ли, чтобы благоприятный поворот событий навлек на город еще большие опустошения, чем те, которые принесло ему наше несчастье? По моему убеждению, если бы у нас даже не было таких религиозных установлений, основы которых заложены вместе с основанием города и которые передаются от поколения к поколению, столь непосредственно проявилось в наши дни вмешательство богов в римскую историю, что какое-либо пренебрежение к почитанию богов со стороны людей было бы недопустимым. Взгляните на благоприятный и неблагоприятный ход событий многих лет, и вы увидите, что все удавалось тем, кто следовал воле богов, и все несчастья падали на тех, кто пренебрегал богами. Видя уважение к воле богов и тяжкие признаки пренебрежения богами в человеческих отношениях, подумайте, граждане, к какому преступлению готовимся мы сегодня снова, едва поднявшись после наших прежних ошибок, сокрушающих и гибельных. У нас есть город, основанный по воле богов, запрошенных нами. Нет в этом городе такого места, которое не было бы полно религией и богами; не так точно определены дни для принесения праздничных жертв, как те места, где эти жертвоприношения должны совершаться. И вы, граждане, хотите оставить всех этих богов, богов государства и семьи?»

Предание уточняет появление римских богов среди людей данными действительной истории, причем оно делает это гораздо реже в отношении чудесного появления греческих богов (*epiphania*). Главная черта римской религиозности — это почитание сил, проявляющихся в истории. Отсюда следует, что римская мифология имеет свою хронологию, которая может быть отождествлена в общем сначала с хронологией итальянской истории, а затем — истории Рима. По большей части эта историчность — обстановка, в которой находит признание божество. В таких исторических рамках часто получают новое толкование совершенно мифологические по своей природе образы богов, например образ Анна Регенна, в котором следует видеть природу, ежегодно возрождающуюся и стареющую от весны до весны, природу, питающую земледельцев своей щедростью. Это понимание не изменяется от того, происходит ли имя этой

богини от латинского слова «год» — *annus*, как объясняли его раньше, или, как думают теперь, ее греческим именем является имя Деметры, что указывает на ее природу Матери-Земли. Эта богиня выступает дважды в рамках римской истории: одно из пониманий ее образа дает ему место в цикле сказаний об основании Рима, в среде, окружающей Энея, а другая трактовка связывает образ этой богини с классовой борьбой периода Республики, с борьбой между патрициями и плебеями. Последнюю трактовку унаследовала плебейская традиция в противоположность традиции патрициев, выдвинувшей на первый план в интересах господствующего класса образ Менения Агриппы. Таким образом стирались границы между римским мифом и сказанием или легендой.

В основном историческое направление римской мифологии обязывает нас при толковании римских мифов в большей степени считаться с ролью евгемеризма, чем при толковании мифов греческих. Верно также и то, что материал римских сказаний, значительная часть которого и составляет римскую мифологию в более тесном значении этого слова, доходил до нас и даже до классиков латинской поэзии, пройдя уже через фильтр евгемеризма, по крайней мере начиная с того времени, когда «отец римской поэзии», Энний, переработал на латинском языке книгу Евгемера о человеческом происхождении богов и об историческом происхождении мифов. Что у греков считалось потрясением трона богов олимпийцев — с точки зрения просветительской философии, — то у римлян означало возведение на самый высший пьедестал нравственных сил, проявляющихся в исторической стихии, укрепляющее этические основы национальной жизни. Это различие при отрицательном отношении греческих философов к евгемеризму (как учению противоречащему мифологии) и при положительном, апологетическом отношении к нему римских философов (как к учению, пробуждающему историческое сознание) уже само по себе обосновало бы самостоятельную разработку римской мифологии даже в том случае, если бы мы не знали ни одного римского бога, не имеющего под римской оболочкой греческой сущности, и не имели ни одного римского мифа, не созданного по греческому образцу.

Сказание об Энее также можно было бы назвать «крохой с богатого стола Гомера», ведь греческое историческое исследование даже предка римлян нашло у Гомера. Однако в Риме герой, спасшийся из разрушенной Трои, стал богом под именем Юпитера Индигеса (*Juppiter Indiges*) — Юпитера Местного. К сказанию о Ромуле и Реме также легко найти греческую параллель; более других известна история о близнецах, рожденных Тиро, о Пелее и Нелее, которых также выкормило священ-

ное животное (лошадь) их божественного отца Посейдона. Но религиозное чувство римлян поставило основателя города Ромула рядом с его божественным отцом Марсом как представителя римского народа, представителя, выступающего в своем божественном совершенстве под именем Квирина (Quirinus). Это имя связано с наименованием римских граждан «quirites» (толкуемом самым различным образом). Это уже нечто большее, чем греческий культ героев. Можно сказать, что в этих случаях перед нами не навязанное извне объяснение, а присущая римскому мифу евгемеристическая тенденция.

Римляне хранили память о Янусе и Сатурне как о самых древних италийских богах, а о Сатурналиях — празднике Сатурна — как о самом древнем институте римской религии. Совместное господство Януса и Сатурна римляне относили к переходному времени между первобытной и исторической эпохой. Более поздний представитель римской теологии, Макробий, свидетельствует, что фронтон храма Сатурна украшали тритоны. Почему? Макробий знает только, что хвосты этих тритонов скрывались в земле так же, как уходит в безмолвие неизвестности время, предшествующее царствованию Сатурна. С Сатурна начинаются упоминания об исторических событиях; иначе говоря, с упоминания о Сатурне начинается история. Если искать в Сатурне и Янусе двух смертных царей, царствовавших в древности, память о которых сохранила мифология, то это будет даже не евгемеристическая тенденция, характерная для римской мифологии, а настоящий евгемеризм, то есть претенциозные рассуждения и непонимание сущности мифа. Рационализму Евгемера, внедренному Эннием, следуют те римские ученые, которые видят в образе двуликого Януса лишь символическую характеристику проницательного царя, наблюдающего за всем, что делается вокруг него, позади и впереди. Связь Януса с открытыми дверями они объясняют тем, что во время справедливого правления этого царя каждый дом был в безопасности. Хранение государственной казны в храме Сатурна, по мнению евгемеристов, свидетельствует о том, что во время правления Сатурна в Италии не было воровства. Однако первичность Януса и Сатурна следует отнести не к исторической, а к мифологической хронологии. Эти боги не потому стоят первыми в ряду италийских богов, что некогда их признали самыми древними богами, а культ их и праздники — самыми ранними религиозными установлениями Италии, а просто потому, что они олицетворяют всякое начало; ведь самая существенная черта их — стоять в начале чего-либо. Сатурн по самой своей мифологической сущности олицетворяет начало всего исторического развития человечества. Янус же олицетворяет начало каждого отдельного периода истории и каждого нового,

предприятия. Римский праздник в честь Сатурна — Сатурналии — является воспоминанием о счастливом золотом веке, о первоначальном периоде истории человечества; этот праздник в известной мере хранит воспоминание о первобытном коммунизме.

Каждая из затронутых тем имеет свою греческую предысторию, но у римлян чувство времени играет гораздо большую роль, чем у греков. Первоначальное тождество Сатурна и греческого Крона ни на минуту не может вызвать сомнения. Мы знаем, что, согласно самому общеизвестному варианту мифа, Зевс низринул Крона, бога, которого почитали люди золотого века, прямо в глубины Тартара. Но в Риме приобрел большую популярность другой вариант мифа, согласно которому Зевс направил лишнего власти древнего бога в Италию, чтобы он продолжил там золотой век. Миф о золотом веке в Италии первоначально был греческим мифом, принадлежащим к числу тех мифов, в которых рассказывалось о счастливых племенах, живших на границах известного грекам мира. Таким мифическим окраинным народом, принимающим на своих пирах богов в качестве гостей, у Гомера являются эфиопы, живущие на востоке и на западе. К числу таких народов относятся и гипербореи, живущие на далеком севере и на территории нынешней Венгрии. Их посещает Аполлон. Италия также манила первых греческих колонистов своей отдаленностью, с которой они связывали счастливую жизнь; они называли Италию Гесперией, то есть страной захода солнца или страной вечерней зари, и представляли ее в виде чудесного плодового сада. Согласно этому мифу, Янус, царь Гесперии, принимающий бога-изгнанника Сатурна, не кто иной, как представитель мифического счастливоего окраинного народа, оказывающего гостеприимство богам. Отсюда следует, что миф, согласно которому царь Янус тепло принимает прибывшего на корабле Сатурна и добровольно делит с ним свою власть, не мог возникнуть нигде, кроме Греции, ибо географический кругозор греков перед колонизацией Южной Италии на западе ограничивался Италией. В географических представлениях, отразившихся в мифах, такая отдаленность всегда имеет двоякий смысл: с одной стороны, миф помещает на границах известного мира народы, живущие в вечном блаженстве, а с другой стороны, указывает на смертельную опасность, таящуюся на окраинных землях Италии и прилегающей к ней Сицилии, соприкасающихся с потусторонним миром. Последнее указание содержится, например, в мифах, которые заводят сюда Одиссея. Уже в «Одиссее» приключения главного героя, сопряженные со смертельной опасностью, обычно локализуются в этих краях. Согласно одному из мифов цикла «Одиссеи», именно в Италии находит в конце концов смерть

герой, начавший новые приключения уже после счастливого возвращения домой. Для сущности географических представлений мифов характерно, что в той мере, в какой новые открытия расширяют границы известных или даже колонизованных территорий, мифические окраинные земли все далее отодвигаются по направлению к некоему небесному краю. Со временем роль мифического Запада перешла от Италии к Испании и даже к островам Атлантического океана. Так что если бы миф о пребывании Сатурна в Италии остался просто греческим мифом, то, пожалуй, ореол таинственности не закрепился бы за Италией, разведанной греками в процессе исторического общения с ней. Однако прежде, чем это могло произойти, итальянцы заимствовали миф (о пребывании Сатурна в Италии) у греческих колонистов, которых влекли в неизведанные дали одновременно как желание побывать у сказочных народов, живущих в вечном блаженстве, так и жажда опасных приключений в далеких краях, граничащих с потусторонним миром. Миф о Сатурне, типичный миф об окраинных народах, сохранив мифическую оболочку, полностью изменил свое значение, превратившись в мифологическое выражение римского патриотизма.

В этой связи следует сказать также о женской паре Сатурна. Женой Крона была Рея, с которой римляне любили отождествлять малоазийскую мать богов, Кибелу. Так вследствие отождествления Крона и Сатурна систематизирующей теологии пришлось поставить рядом с Сатурном Кибелу. Однако известна и традиция, расходящаяся с этой точкой зрения. Согласно этой традиции, женой Сатурна была Опа, одна из помощниц Земли, олицетворяющая ее материнскую сущность. Опу представляли сидящей на земле и касающейся земли руками. Сатурна вместе с его женой считали зачинателем земледелия, выращивания хлебных злаков и плодоводства. Один из его атрибутов — орудие, с помощью которого был искалечен Крон, в Италии превратилось в орудие, характеризующее Сатурна как бога земледелия, в серп или виноградный нож. Вероятно, и в данном случае не обошлось без каких-либо греческих предпосылок, так как, например, в Кирене, городе греческих колонистов в Африке, во время торжеств в честь Крона участники празднества украшали голову венками из веток смоковницы и дарили друг другу медовые лепешки, чтя бога как создателя меда и плодов. Но в Италии, или, как ее называли, «в земле Сатурна», эта черта получила более полное развитие. Здесь Сатурна почитали как благодетеля отчизны итальянцев, достойного супруга Матери-Земли. Сатурн впервые улучшил благодаря прививкам плодовые деревья, облегчил жизнь людей, заложил основы культуры. О людях золотого века известно, что они не знали земледелия. Человек золотого века довольство-

вался тем, что производила не тронутая человеческой рукой девственная земля. Логическое противоречие в данном случае заключается в том, что тот самый Сатурн, который научил людей земледелию, одним только своим появлением продлил существование золотого века в Италии. При изучении мифологии именно это противоречие ценно для нас, ибо оно убедительно свидетельствует, что здесь перед нами не только ученая латинизация греческого мифа, так как в этом случае создатель мифа мог бы устранить это противоречие. Сквозь искрящуюся оболочку греческого мифа можно рассмотреть крестьянскую основу италийского мифа: в италийском мифе о Сатурне сливается воедино любовь к земле вообще и любовь к италийской земле. Миф же о золотом веке, возникший в мире греческих пастухов, почитавших Артемиду, получил новое место и новую трактовку в мире италийской земледельческой культуры Сатурна. Конечно, греческая мифология, составлявшая часть культуры греков, сильно пленяла лучших представителей римской культуры, и, например, такой великий римский поэт, как Вергилий, сначала в рамках греческой мифологии «Буколик» выразил надежды на возвращение золотого века (питаемые, впрочем, также и пришельцами с Востока), а уже потом нашел по-крестьянски рассудительный и вместе с тем специфически латинский способ изображения золотого века прославлением земледелия и благословенной италийской земли. То осуществление идиллической мечты о золотом веке, которое обещают его «Георгики», не предполагает никаких космогонических изменений, но лишь возвращение римского народа к простому крестьянскому образу жизни и привязанность к священной земле Италии, к земле-производительнице, к земле-отчизне. Миф о золотом веке периода Августа должен быть упомянут в другой связи, но уже теперь мы можем сослаться на строки главного труда Вергилия — «Энеиды», в которых поэт выражает надежду на возвращение и распространение на весь мир Августом счастливых дней Сатурна, особого золотого века Лация.

* * *

Эпоху Сатурна в общественном отношении характеризует то первобытное состояние человека, при котором не существовало частной собственности, общественных различий и не была известна война. Значение храма Сатурна как хранилища казны объясняют тем, что в эпоху Сатурна все было общим и то, что сохранилось от этой идеальной общности имуществ, продолжало существовать уже в виде государственной казны, найдя свое место в храме Сатурна. Образцом для декабрьских празднеств в честь Сатурна — Сатурналий послужили гре-

ческие Кронии (Kronia), которые будто бы праздновались в Афинах. Однако очевидно, что греческий праздник ни по популярности, ни по значению не мог сравниться с римским. В период Сатурналий соблюдались общественные идеалы эпохи Сатурна, по крайней мере в узко ограниченных хронологических рамках праздника — ежегодно с 17 по 21 или даже по 24 декабря. В течение этого времени нельзя было начинать войну, наказывать кого-либо, а в память о равенстве во времена золотого века на праздничном пиру господа и слуги сидели рядом друг с другом и господа даже прислуживали слугам. Правда, иногда по случаю праздника клиенты приносили своим патронам богатые подарки, так что праздник постепенно превращался в дополнительное бремя для бедняков. По предложению трибуна Публиция, выступавшего в защиту бедного люда, было принято решение, что бедные могут дарить богатым только восковую свечу. Об этом решении прочел в старых документах уже упомянутый Макробий, посвятивший в V в. н. э. Сатурналиям особый труд. Вполне понятна роль восковой свечи в праздник, приходившийся на дни зимнего равноденствия. Поэтому можно предполагать, что реформа, имевшая определенную социальную направленность, не ввела нового элемента в уже существовавший народный обычай и оставила нетронутым один из характерных моментов этого праздника, вложив в него новый смысл.

* * *

Только две недели отделяли первые дни Сатурналий от праздника Януса — Нового года. Если праздник в честь Сатурна ежегодно напоминал об идиллическом, счастливом первобытном состоянии человечества и обещал возвращение золотого века в конце времен, отмечал начало и конец исторического бытия человечества, то торжество в честь Януса выдвигало на первый план идею вечно обновляющегося, вечно возникающего, ежегодно все начинающего и все обновляющего времени. В период Римской республики день первого января имел особое значение: на этот день приходилось торжественное вступление в должность в Капитолии новых консулов. Ибо Янус был богом всякого начала, всякого отправления в путь, всякого вступления. Он имел два лица, смотревшие вперед и назад. При входе куда-нибудь он видел и то, что было внутри, и то, что было снаружи. В свой праздник, в день Нового года, он равно не упускал из виду ни прошлого, ни будущего. Как страж дверей он охранял входящих и выходящих, открывал и закрывал двери, в руках у него был ключ. Это двуликое божество скрывалось под двумя противоположными по значению именами: Патульций — открывающий и Ключий — запирающий. Подобные

имена имели и его две спутницы: Антеворта — обращенная вперед и Постворта — обращенная назад.

Выразительности и разъяснению римских религиозных обрядов помогала возможность связывать их с пластическими образами греческих богов. Характерно, что «ученый поэт» (*poeta doctus*) религиозных институтов римлян, Овидий, считал проблематичной божественную сущность Януса, так как в Греции не было аналогичного Янусу божества. Овидий не мог дать ему другой трактовки, кроме отождествления его с греческим Хаосом. Но уже за несколько десятилетий до Овидия Нигидий Фигул выводил образ Януса прямо из греческого Пантеона, ссылаясь на то, что греки почтили Аполлона эпитетом Тирайос (*Thyraios*) как бога дверей, а также на то, что братом римской Дианы, отождествляемой с Артемидой, сестрой Аполлона, можно считать римского бога Диана. Следовательно, Диана можно отождествить с Аполлоном-Фебом. Диан и Феб означают «блистающий». А бога Диана можно отождествить с Янусом, приняв во внимание созвучие их имен. Что касается двух, а в исключительных случаях и четырех, обращенных на все четыре стороны света ликов Януса, то можно сослаться на трехликое изображение Дианы-Гекаты. У этого старого объяснения находятся сторонники и в наше время, и их нельзя обвинять в безусловной ошибке. Большую ошибку совершают те, кто использует это объяснение в качестве доказательства отсутствия у римлян своей мифологии, для доказательства положения, что римская мифология является якобы простой копией мифологии греческой. В случае с Янусом, если о таком случае вообще можно говорить, как и в случае с Сатурном, греческая форма помогла выразить итальянское предание.

Если с Сатурна началась история человечества, то, согласно римской мифологии, история Италии началась тогда, когда Янус, древний бог-царь Италии, принял в свою страну Сатурна. Теперь к неизмеримой устойчивости доисторического периода присоединился фактор времени. Здесь уместно вспомнить, что философы, стремившиеся к раскрытию аллегорического содержания мифов, любили отождествлять имя Крона с греческим словом «хронос» — время. Первоначально Лацием правил Янус вместе с Камесом, от имени которого вся местность получила название Камазены. Имя же Януса носил древний город Яникулум, а затем холм Яникул. Янус же правил, когда к нему на корабле прибыл Сатурн. Янус не только охотно принял изгнанника-царя, но и разделил с ним свою власть, что принесло пользу народу, ибо Сатурн, введя земледелие, заложил в Италии основы исторического бытия. Памятью об этом древнем союзе можно считать изображение на лицевой стороне самой

распространенной древней римской монеты — асса — двуликого Януса, а на обратной стороне — изображение корабля Сатурна. Об этом свидетельствует также детская игра в деньги: кидая монету, вместо восклицания «голова или надпись?» дети в Риме говорили тогда «голова или корабль?» Здесь детская игра верный свидетель старины — *justus testis vetustatis*.

Таким образом, присутствие Сатурна в Италии заложило основы культуры и исторического бытия италиков. Конечно, опасности такой абстрактной формулировки налицо: миф — не философия истории, да и вообще не философия, занимающаяся отвлеченными понятиями. Однако римский миф — это прежде всего миф исторический. Часто он преобразует мифологию природы, взятую у греков в готовом виде, в историческую мифологию. Для того чтобы дать представление о специфически римском значении мифа, мы вынуждены иногда переводить непосредственный язык мифологических образов на язык наших собственных понятий. Мы должны лишь дать себе отчет в том, что этим мы не исчерпываем значения мифа; самое большее — мы ссылаемся на него, и мы не подменяем значения мифа, а лишь готовим к пониманию мифического образа, и это скорее похоже на познание произведения искусства, а не философского тезиса.

Но история — это не только развитие культуры и не только спокойное и идиллическое развитие земледелия народом, вышедшим из состояния варварства. Борьбу в историю Италии внес Эней, явившийся сюда из Трои. Он видел под стенами Трои войну, которая является великим образцом мифологической войны. Римская мифология приписывала Энею не только стремление к поискам новой родины для богов Трои, утративших свою родину, но и вполне определенную роль в истории Италии. По римской мифологии, Эней, своим появлением разделив древние народы Италии, столкнул их друг с другом. Диомед, греческий герой, поселившийся в Италии после Троянской войны, герой, противостоявший под Троей Энею, с ужасом думает о том, что Троянская война будет продолжена теперь уже на земле Италии и нарушит спокойствие золотого века страны Сатурна. И если впоследствии союз, заключенный Энеем с народами Италии, привел к миру и рождению нового народа, то этот же союз окончательно заменил золотой век тяжелыми перипетиями кровопролитной борьбы периода исторического существования. Некоторые элементы старого счастливого бытия сохранились только в обиходе жизни крестьян. Это обстоятельство иногда используют для доказательства того, что крестьяне Италии — это остатки древнего народа Сатурна.

Когда Эней перенес из Трои Пенаты, поставленные в центре государственного культа, он поселил в Италии новых богов,

не оттеснив при этом на задний план старых представителей италийского пантеона. Этот момент, отмеченный древним римским эпосом, наиболее характерен для отношения римлян к религии, проявляющегося не единожды в истории Рима: введение все новых и новых культов в качестве государственных институтов не вело к снижению значения старых культов. В общем в Риме до введения христианства признание новых богов никогда не означало вытеснения старых богов; даже наоборот, новые культы должны были занимать свои места в ряду богов в соответствии с их отношением к давно признанным культам. Камилл в уже цитированной речи с гордостью ссылался на то, что римляне перенесли в Рим чужих богов и ввели почитание новых богов, не забыв своих старых религиозных обязанностей. Типичным результатом борьбы, изображаемой в римских преданиях, являются не победы одного древнего народа над другим и не уничтожение побежденного народа, а соглашение борющихся сторон и слияние двух народов в один (троянцы и италийцы, а затем римляне и сабиняне).

Историческое зерно сказаний такого содержания иногда можно установить на основании археологических находок. При раскопках выделяются два основных слоя: слой латинов, фигурирующих в преданиях о происхождении Рима, и слой сабинян — двух племен, населявших эту местность друг после друга. Первые сжигали своих мертвецов, а вторые предавали трупы земле без сожжения. Эти два различных по своему характеру типа погребений прямо соответствуют двум противоположным религиозным представлениям. В представлении людей, сжигавших трупы, умерший, потеряв свою сущность и силы, окончательно удалялся из жизни; в представлении же людей, предававших трупы земле, умерший возвращался в лоно Матери-Земли, которая производит все живое. Там, в земле, умерший не только находил вечный покой, но и принимал участие в новом увеличении земных сил. Современная наука считает, что слияние этих двух религиозных представлений является самым первым достоверным фактом в истории римской религии. В результате такого слияния господствующим способом захоронения в Риме стало трупосожжение. Но и почитание Матери-Земли — Теллус или Терра Матер (Tellus или Terra Mater) — никогда не отходило на задний план и даже усилилось благодаря восприятию культа греческой богини Деметры, имевшего много схожих черт с культом Матери-Земли. Мы уже встречались с двумя италийскими вариантами образа Матери-Земли — с образами богини Опы и Анны Перенны. Об Опе говорили, что она помогает новорожденным вступить в жизнь, что она даже первая берет ребенка к груди, чтобы накормить его. А Анна Перенна сама нашла смерть в реке Ну-

миции. Однако те божества, которым миф разрешает умирать, в общем по своей сущности олицетворяют природу смерти и подземного мира. Так находит свое выражение другая сторона Матери-Земли — ее связь со смертью, существующая наряду с ее плодородием, питающим людей. Эта черта еще более бросается в глаза в образе богини, называемой *Diva Angerona*, выражающей безмолвие подземного мира. Ее представляли в образе женщины, положившей палец на свои уста. Благодаря этому она является мифологическим синонимом «немой богини» — *Dia Muta* или «матери Ларов» — *Mater Larum*, о которой будет сказано ниже. Мать-Землю под именем *Dea Dia* как богиню плодородия полей почитала коллегия «полевых братьев», *fratres arvales*, состоявшая из двенадцати человек. Эти жрецы, пользовавшиеся большим авторитетом, совершали свои обряды с белой повязкой на лбу, носившей название *infula*, и с венком из колосьев. В своих древних песнях туманного содержания эти жрецы упоминали и о ларах.

Вергилий в «Энеиде» также дает почувствовать присутствие духов — защитников края, *genius loci*, в тех местах Лация, где Эней высадился на берег. А царь Латин принимает пришельцев во дворце своего божественного предка, сына Сатурна, Пика. Постоянное украшение домов римских патрициев составляли восковые изображения (маски) умерших предков семьи — *imagines*. Вергилий относит к далекому прошлому эти атрибуты родового культа, описывая статуи предков в доме царя Латина. Изображения тех богов, которых встретил Эней, дают нам ясное представление по крайней мере о том, кого считали древними богами Италии во времена Вергилия — в период, когда в сильной степени проявлялся интерес к религиозным памятникам Рима с практической точки зрения проведения религиозной реформы. Наряду с изображением Сатурна и Януса — первое место которых в истории религии Рима теперь уже не может нас удивить — здесь занимал свое место отец Сабин, который делил свои функции с Сатурном, поскольку, согласно Вергилию, он первым посадил виноград, а потому его изображали с виноградным ножом в руке. Был там и Пик, известный царь, укротитель лошадей, которого Кирка превратила в дятла. Из других источников известно, что Сабин, или Сабус (*Sabus*), почитался в качестве предка сабинян. В нем они видели сына самого главного их бога — Семо Санкуса (*Semo Sancus*), отождествлявшегося с Геркулесом. Пика сам Вергилий называет отцом Фавна, дедом царя Латина, а в качестве его атрибутов упоминает кривой рожок — *lituus*, короткий плащ, трабею (*trabea*) и круглый щит — *ancile*. О превращении Пика подробно говорит Овидий, помещая италийское сказание, в котором образ Кирки, во всяком случае, является образом

греческого мифа, уже локализованным в Италии, большей частью среди греческих мифов о превращениях (*metamorphoses*). Дятел (*picus*) нашел место и в сказании об основании города Рима в качестве священной птицы бога Марса, которая вместе с известной уже нам волчицей принимает участие в вскармливании брошенных близнецов — Ромула и Рема.

Исторические наслоения итальянской религиозности мастерски изображены в «Энеиде». Описание обстановки, окружающей старого царя, второго древнего поселения является своего рода историко-религиозным фактором. Сам царь Эвандр по происхождению грек из Аркадии, а его мать Кармента выступает как своеобразный итальянский вариант Музы. Праздник, который итальянцы справляют во время прибытия Энея, находит свое этиологическое воплощение в итальянском приключении Геркулеса — убийстве им жившего в пещере людоеда-гиганта Кака. В глазах Эвандра миф о Сатурне, бежавшем от Юпитера в Италию, свидетельствует о золотом веке Италии: Эвандр, рассказывая по примеру Нестора о героических подвигах своей минувшей юности, упоминает о царе Геруле, которого он победил и отправил в Тартар, хотя его божественная мать Ферония, в образе которой мы можем узнать Мать-Землю, трижды возвращала Герулу жизнь.

Древнеиталийским божеством является и предок самого главного итальянского врага Энея — Турна. Это Пилумн. В генеалогии Турна находит свое продолжение на итальянской земле хорошо известный греческий миф, который уже приобрел местный итальянский колорит. Согласно этому мифу, Даная попала в своем ларе в землю Италии, вместе с Пилумном она основала город Ардею и благодаря браку с итальянским богом стала прародительницей Турна. В римской мифологии, придерживающейся прежде всего исторической точки зрения, это генеалогическое предание, указывающее на аргосское происхождение семьи Турна, служило для того, чтобы в противоборстве Турна и Энея показать старую греко-троянскую вражду. Таким образом, по сути дела Троянская война переносилась в счастливую Италию Сатурна.

Все же в римских мифологических преданиях, сформировавшихся под влиянием религии, римская история, непосредственно связанная с греческим мифом о Троянской войне, являлась историей не только ряда кровопролитных войн, но и историей постепенного развития религиозных институтов. До формирования гегемонии Рима на общее происхождение латинов, организованных в самостоятельные племена, указывал справлявшийся каждую весну союзнический праздник — *Feriae Latinae*. Праздничная жертва совершалась в храме Юпитера Лацитариса (*Juppiter Latiaris*) на холме Альбана. Это место торжеств

сохранилось и после того, как ведущая роль у города Альба-Лонга была отнята более молодым Римом, основанным внуком царя Нумитора, изгнанного из Альбы-Лонги по традиционному исчислению в 753 году до н. э.

Священным действием считалось и самое основание города, а первые установления в Риме богослужения в собственном смысле этого слова предание возводило к основателю Рима Ромулу. Он якобы установил порядок богослужения по образцу города Альбы и только в культе Геркулеса принял греческий обряд, введенный Эвандром. Ромул построил также первый в Риме храм в честь Юпитера Феретрия (*Juppiter Feretrius*) в память о победе, одержанной над царем цецинов Акром. Этимология предания связывает это дополнительное имя Юпитера со следующим обстоятельством: будто бы на носилках (по-латыни *feretra*) принесли к старому дубу, стоявшему некогда на месте храма, доспехи, снятые с убитого вождя врагов, — так называемые *spolia opima*. Воле богов также приписывалось то, что действия Ромула, подавшего пример потомкам, не остались без подражания и не были забыты. В истории Рима было еще два случая, когда доспехи, снятые с вражеского вождя — *spolia opima*, — были помещены в храме Юпитера Феретрия: в 428 году до н. э. А. Корнелий Косс принес сюда вооружение побежденного царя города Вейи, Толумния, а в 222 году до н. э. М. Клавдий Марцелл — вооружение царя инсубров Виридомара.

Ко временам Ромула предание относит также культ Юпитера Статора (*Juppiter Stator*), бога, останавливающего отступающих. Когда из-за предательства преступной девы Тарпеи сабиняне ворвались в римскую крепость, а римляне, потеряв голову вследствие успеха врага, отступили, Ромул перед Палатином обратился к богу с мольбой: «Ты, отец богов и людей, удали отсюда врага; освободи римлян от страха перед ними и останови их позорное бегство. Я же даю обет, что на этом месте воздвигну и посвящу тебе храм как Юпитеру Статору, чтобы он напоминал потомкам о твоей помощи, которая спасла город». Когда же он понял, что его просьба принята, он обратился к народу с решительным, не терпящим возражений приказом: «Римляне, Юпитер высочайший и лучший (*Juppiter Optimus Maximus*) приказывает вам остановиться и отсюда снова начать борьбу!» Это была битва, в которой римляне, с новыми силами вступившие в бой, только потому не уничтожили врагов, что их жены, сабинянки, из-за похищения которых их родственники и начали войну против римлян, выступили в качестве посредниц и добились заключения мира между своими отцами — сабинянами и своими мужьями — римлянами. Этот мир в конце концов привел к слиянию обоих народов.

Юпитеру Элицию уже преемник Ромула, Нума Помпилий, воздвиг алтарь на Авентинском холме (Mons Aventinus), как говорят, для того, чтобы выманивать у бога пророчества (латинский глагол *elicerе* означает «выманивать»). Но то, что для миролюбивого Нумы было бы источником благодати, на его недостойного преемника навлекло смертельную опасность. Тулл Гостилий, третий царь Рима, проводивший всю свою жизнь в войнах, обратился к богу тогда, когда его силы оказались на исходе. В городе вспыхнула эпидемия, заболел и сам царь, и тогда, как говорит Ливий, «вместе с его телом надломился и его дух, так что тот самый человек, который до этого считал недостойным царя обращать внимание на религиозные обряды, сам поддался суевериям и народу внушил религиозные настроения. Уже повсюду люди желали возвращения порядка, существовавшего в правление Нумы, и были убеждены, что для их больных тел осталось единственное лекарство — мир и прощение, испрошенные у богов. Как говорит предание, сам царь читал записи Нумы. Прочтя в них о праздничных жертвоприношениях таинственного характера в честь Юпитера Элиция, он скрылся, чтобы принести эти жертвы. Но при совершении обряда он не придерживался священных правил, а потому не только не получил знамения в небе, но рассердил Юпитера таким искажением религиозности, и бог поразил царя молнией и сжег его вместе с его домом».

Различие между Нумой Помпилием и Туллом Гостилием с точки зрения религии проявлялось не только в признании или непризнании обрядов (*ritus*), а и в том, что последний всю свою жизнь проливал кровь, в то время как мирное правление Нумы позволило царю исполнять жреческие функции. Ливий прямо сообщает, что Нума учредил различные жреческие должности и прежде всего должность главного жреца Юпитера — *flamen Dialis*, — так как полагал, что среди его преемников будет больше подобных воинственному Ромулу, чем подобных ему самому, Нуме Помпилию. Точно так же Эней не мог прикоснуться к богам рукой, оскверненной кровью во время Троянской войны, и поэтому поручил Пенаты на время своих странствий Анхизу; по этой же причине, согласно Библии, на долю сына воинственного Давида — царя Соломона, самое имя которого говорит о нем как о поборнике мира, выпало строительство святыни.

Согласно преданию, учителем Нумы Помпилия был греческий философ Пифагор. Это предание опровергли уже римские историки; Ливий замечает, что Пифагор жил столетием позже Нумы. Но все-таки можно понять, почему в деятельности Нумы по созданию государства видели осуществление учения Пифагора. Ведь именно Пифагор предложил воздвигнуть в южно-италийском греческом городе Кротоне храм Муз, чтобы хра-

нить дух согласия среди граждан. Римские Музы назывались Каменами, и Нума Помпилий ссылается на внушения Камен в своих религиозных мероприятиях, обеспечивавших внутренний порядок в государстве. Историк обобщил результаты его правления, говоря, что соседи, сначала опасавшиеся нарушения мира со стороны города, основанного Ромулом, затем преисполнились к этому городу такого уважения, что стали рассматривать как преступление всякое оскорбление насилием Рима, посвятившего себя полностью служению богам.

Местные италийские предания продолжают некоторые греческие мифы, перенося их действия в долину Ариция, посвященную Диане, где богиней источника была нимфа Эгерия, супруга Нумы Помпилия. Мы можем здесь вспомнить миф об Ипполите, который для греков получил окончательную форму в трагедии Еврипида. В Италии, согласно преданию, в окрестностях города Ариция вновь ожил после мученической смерти невинный возлюбленный Артемиды-Дианы, возвращенный к жизни Эскулапом, сыном Аполлона. На бога-целителя поэтому обрушил молнию Юпитер, охраняющий в одинаковой мере свои права и на жизнь и на смерть; возрожденный же Ипполит скрылся под италийским именем Вирбия (Virbius) и занял свое место в местном культе в долине Ариция. На смерть Ипполита намекает следующее: Овидий упоминает о том, что к долине Ариция нельзя приближаться с конями. В этой же местности, а согласно другому преданию, в Риме, в роще у Капенских ворот (porta Capena), римские Музы — Камены окружают Эгерию и передают ей вдохновенные советы и внушения. Нума тайно встретился с Эгерией, и тогда-то богиня сообщила своему смертному мужу наставления Камен. Мифы об Эгерии и Каменах, а также мифы о других италийских божествах-прорицателях, как о Пике и Фавне, содержат предположение, что мероприятия Нумы Помпилия — результат откровения.

Нуме приписывают прежде всего постройку храма Януса. Янус — это бог всякого начала: он отправляет на войну войска, и храм Януса ожидает с раскрытыми воротами возвращающихся домой воинов; поэтому ворота могут быть закрыты лишь в мирное время, а если Рим воюет, то они днем и ночью остаются открытыми. На протяжении всей изменчивой истории Рима только три раза закрывались ворота храма Януса: во время мирного правления Нумы Помпилия, после завершения Пунической войны и в 31 году до н. э., когда император Август после победы при Акциуме положил конец гражданской войне.

Нума установил также дни, когда прекращались занятия общественными делами. Это были «запретные дни» — *dies nefasti* — в противоположность остальным дням — *dies fasti*. Он же основал самые важные жреческие коллегии, например инсти-

тут весталок. Веста — богиня домашнего очага, хранительница постоянного поселения человека. Каждая семья жила вокруг очага, в котором горел неугасимый огонь; у жителей — граждан города, как у одной большой семьи, имелся также общий очаг. Для охраны этого общего очага, который находился в храме Весты, имевшем круглую форму, были приставлены шесть дев-весталок. Их выбирал из самых знатных семей Рима верховный жрец — pontifex maximus, — и избранные им девушки уже с детского возраста готовились к своему священному призванию. Их авторитет был чрезвычайно высок; даже их просьбы о помиловании осужденных на смерть преступников благосклонно принимались. Но если священный огонь угасал, то нерадивую жрицу карали смертью.

Нума основал также коллегия жрецов-салиев в составе двенадцати человек для служения богу войны — Марсу (Mars Gradivus). По преданию, на восьмом году правления этого царя с неба на царский дворец упал щит (ancile), и Эгерия предсказала, что Рим будет существовать до тех пор, пока этот упавший с неба щит будет в сохранности. Царь приказал изготовить одиннадцать копий этого щита так, чтобы среди двенадцати щитов нельзя было узнать подлинный. Охрану этих двенадцати щитов царь поручил двенадцати жрецам, которые один раз в год, припрыгивая и танцуя, проносили по городу щиты, почему их и называли салиями (salire — означает «прыгать»).

Уже в эпоху полуполюгендарных царей римляне стали знакомиться с греческими богами; в особенности это было во времена, когда Римом правили Тарквинии — цари этрусского происхождения. Этрускам, древнему населению Италии, греческую культуру передали итальянские греки-колонисты, к римлянам же через посредство этрусков пришло прежде всего почитание Геракла и Диоскуров. Геракла в Риме называли Геркулесом. Фантазия творца легенды с особой любовью останавливалась на обстоятельствах истории Геракла, связанных с Италией. После того как Геракл угнал коров Гериона, он уничтожил Кака, этого древнеиталийского гиганта, враждебного миру Сатурна. В это же время он посоветовал древним жителям Италии сменить варварский обычай человеческих жертвоприношений на более мягкий и подносить богу подземного царства Дису в качестве жертв вместо человеческих голов маленькие маски.

Латинская форма имен Диоскуров (Кастора и Полидевка) — Кастор и Поллукс. Вместе с ними в Риме почиталась нимфа Ютурна. Храм Диоскуров находился на римском форуме (Forum Romanum), причем легенда связывает его возведение с победой при Регильском озере в 496 году до н. э., ибо Кастор и Поллукс принесли весть о победе в Рим и напоили своих утомленных коней водой источника Ютурны на римском форуме.

Первоначальную основу сказания о Камилле, согласно новейшему исследованию, составили греческие мифы, попавшие в Италию через посредство иллирийцев. Сказание о Камилле, как и сказание о Ютурне, вошли в цикл римских легенд о завоевании римлянами Италии. С точки зрения римлян, они считались, во всяком случае, преданиями италийскими. (Мотив дитяти, путешествующего на метательном оружии, напоминает в особенности сказания об Абариде, жреце Аполлона, прибывшем к грекам от сказочного народа гипербореев и летевшем на стреле; подобный мотив мы встречаем и среди сказаний кочевых народов Азии*.)

Через посредство греческих колонистов Южной Италии в Риме распространилось почитание Феба-Аполлона — *Phoebus Apollo*. В Италии центром культа Аполлона были Кумы, где находилась пещера Сивиллы. Вместе с почитанием Аполлона приобрели авторитет так называемые Сивиллины книги — греческие прорицания в стихах, имевшие неясный, туманный смысл. Специально для этой цели учрежденная жреческая коллегия искала в этих книгах указаний в дни, критические для Рима. Согласно преданию, эти Сивиллины книги были переданы Сивиллой из Кум последнему римскому царю Тарквинию Гордому. Тарквиний, этруск по происхождению, при случае посылал также за пророчествами в святилище Аполлона, в Дельфы. Еще предшественник этого царя, Сервий Туллий, построил храм сестре Феба Аполлона — Диане; Диана, богиня луны, была не только родственна греческой Артемиде, также имеющей отношение к луне, но, как сообщают сохранившиеся от этого времени источники, была полностью тождественна Артемиде. Также и Юпитер [родство которого с греческим Зевсом-отцом (*Zeus Pater*) частично объясняется общим индогерманским происхождением], хотя его культ и получил особое римское развитие, все же, по крайней мере в литературе, полностью отождествляется с греческим Зевсом. Юпитера почитали в Риме как бога, проявившего себя в римской истории, с чем связаны его эпитеты, например Юпитер Пистор или уже упомянутые Феретрий, Статор, Элиций. Когда же Тарквиний Гордый построил на Капитолийском холме храм Юпитера, наделенного чертами греческого Зевса, греческий бог всеобщего мирового порядка получил специфически римскую трактовку: почитание Юпитера Капитолийского (*Juppiter Capitolinus*) все больше становилось идеологическим выражением единства Римской мировой империи,

* Ср. *Moravcsik Gyula*, *Abaris, Priester von Apollon*; *Körösi Csoma Archivum*, 1935, 104-118 l.; *K. Meuli*, *Scythia, Hermes*, 1935, 121—126; *Marót Károly*, *A görög irodalom kezdetei*, 1956, 196 l.

О Камилле: *F. Altheim*, *Messapus*, *Archiv für Religionswissenschaft*, 1931, S. 29.

представлявшей (в глазах римлян) мировой порядок. «Юпитер, взирая на мир из своей цитадели, не видит никого, кроме римлян». У греков Зевс, как мы видели, был богом границ, а равно и хранителем клятвы (*horkos*) и ограды (*herkos*). В храме Юпитера Капитолийского имелось место для божества «границы» (*terminus*). Так называемое этиологическое сказание, разъясняя сущность понятия «*terminus*», отмечает, что оно выражает идею несмещаемости. Когда освящали храм Юпитера на Капитолии, оттуда вынесли статуи всех богов, и лишь статую Терминуса нельзя было тронуть с места.

Одновременно с признанием Сивиллиных книг и с учреждением для наблюдения за этими книгами коллегии жрецов, получавших греческое образование, двери римской государственной религии открылись для любого из греческих богов. Если Рим постигало какое-либо большое несчастье или волновало чудесное знамение — так называемый *prodigium*, то обращались за советом к Сивиллиным книгам. К этим книгам впервые обратились примерно около 500 года до н. э., когда Рим постиг неурожай и связанный с ним голод. По указанию Сивиллиных книг в 496 году был дан обет построить храм богам, хранящим плодородие земли, — Деметре, дарующей хлеб, и Дионису, богу вина. Деметру отождествляли с римской Церерой, а Диониса — с Либером или же Диониса называли Бахусом (это латинская форма одного из эпитетов Диониса), а богиню — спутницу Диониса — называли Либерой. Подобным же образом в 293 году, во время опустошительной эпидемии, был введен культ Асклепия Эпидаврского. Асклепий был изображен в виде змеи. По мнению римлян, в этом образе и появлялся бог-целитель, сын Аполлона. Асклепия римляне называли Эскулапом, а его дочь Гигию — богиней здоровья (*Salus*). К ее свите принадлежал демон смерти — карлик, по-гречески называемый Телесфором; он носил символ всепоглощающей смерти — капюшон, почему латинские надписи и называют его гением с капюшоном — *genius cucullatus*.

В 367 году до н. э., после прекращения борьбы между патрициями и плебеями, на Римском форуме был освящен храм Конкордии — Согласия. В период первой Пунической войны, когда еще не определился ее исход, был освящен храм Надежды (*Spes*), во время занятия Сиракуз — храм Чести (*Honos*), в 216 году, после восстания воинов, — снова храм Согласия. Имеются примеры того, как из безуспешности, запутанности, недуманности человеческих поступков делались выводы об отсутствии божественной силы, приписываемой некоторым богам или отождествляемой с этими богами. И такое сознание отсутствия или недостатка нужной силы требовало введения нового культа. В 217 году, после проигранной битвы при Тразименском

озере, Сивиллины книги в ответ на запрос жрецов предложили построить храм Разуму (Mens), ибо проигрыш битвы был приписан недостатку здравого смысла, необдуманности. От этого с религиозно-исторической точки зрения нельзя отделять те случаи, когда после знамения (prodigium) Сивиллины книги требовали государственного признания того или иного греческого бога. Чувство недостаточности божественных сил, приводившее к признанию отдельных новых богов, не раз проявлялось в истории римского народа, и для удовлетворения этого чувства римляне в большинстве случаев обращались к грекам и находили у них образцы нужных им культов.

Уже в 217 году до н. э. в Риме были установлены торжества в честь двенадцати главных греческих богов (dodekatheon).

Эти двенадцать богов именовались римлянами так: Юпитер (Зевс), Юнона (Гера), Нептун (Посейдон), Минерва (Афина-Паллада), Марс (Арес), Венера (Афродита), Аполлон, Диана (Артемида), Вулкан (Гефест), Веста (Гестия), Меркурий (Гермес) и Церера (Деметра). Вот как расположил имена этих богов один из великих основоположников римской поэзии, Энний, в соответствии с требованиями гекзаметра, употребив при этом сокращенное имя Юпитера — Иовис:

Iuno, Vesta, Minerva, Ceres, Diana, Venus, Mars,
Mercurius, Iovis, Neptunus, Vulcanus, Apollo.

Творцы римской мифологии считали греческую мифологию законченной системой и видели свою задачу в том, чтобы отыскать в этой системе место для всех событий римской мифологии. Но такая тенденция не ставила преград для признания греческих богов в случае, если этого требовали интересы политического характера. В одной из легенд, обосновывающей введение такого нового божества, говорится: весть о вторжении галлов была передана чудесным образом. Один простолюдин, проходя по Новой дороге (Nova via) у подножья Палатинского холма, оксоло рощи Весты, в ночной тишине услышал голос, звучавший чище и звонче, чем голос человека. Голос приказал ему сообщить магистратам о приближении галлов: «Пусть восстановят стены и ворота, ибо если это не будет сделано, то Рим падет». Но на это не обратили внимания из-за низкого происхождения Цедиция (Caedicius), услышавшего божественное предостережение. Однако когда нападение совершилось и победоносный вождь галлов Бренн уже испустил свой страшный клич: «Горе побежденным!» (Vae victis!), решительные действия Камилла предотвратили несчастье. После этого римляне позаботились об удовлетворении бога, откровение которого не было принято во внимание, и посвятили храм «Голосу вещателя» (Aius Locutius). Но отсутствие пластического изображения не-

вого божества свидетельствует в данном случае об отсутствии этого божества у греков.

Естественно, что римляне считали греческую мифологию системой неопровержимой в большей степени, чем считали это сами греки, фантазия которых создала мифологию. Те моменты италийской мифологии, которые не согласовывались с этой системой, нередко терпели неудачу. Вот почему была почти совсем забыта характерная для италийской мифологии богиня Нерио, которая, будучи богиней войны, равной по значению Марсу, имела много черт, роднящих ее с Афиной-Палладой. Но в то время, как последняя была девой, Нерио, хотя и после тяжелой борьбы (как можно об этом догадываться на основе отрывочных сведений), была похищена и взята в жены Марсом. Нельзя также полностью отождествлять Нерио из-за ее воинственной натуры с женой Ареса — Афродитой, так как функции последней были разделены между Минервой и Венерой. Нерио утратила свою мифологическую сущность, и мифические черты, первоначально связанные с ее именем, потеряли свое значение. И только современная реконструкция — мы имеем в виду работу немецкого историка религии Х. Узенера, новаторскую во многих отношениях, — сумела восстановить для нас некогда полный жизни образ этой богини. Ее имя (Нерио, Нериенис, Нерия, Нериене) в сабинском наречии, вероятно, означало «смелый» или же «смелость», «мужество». Марс воспылал к ней страстью и попросил помощи у старой матушки Аппа Репенна, образ которой был одним из самых замечательных в италийской мифологии, хотя и в другой связи. Она сначала обманула влюбленного молодого бога и проникла сама под фатой невесты в его брачную опочивальню. В конце концов опозоренный Марс похитил любимую им девушку. Предание о сабинянках дошло до нас также и в том варианте, когда похищение Нерио упоминается в качестве мифологического прообраза похищения сабинянок. Герсилия, доставшаяся Ромулу, вождю римлян, похитивших сабинянок, примирилась со своей судьбой и побуждала к примирению своих родственников. Герсилия произносит такую молитву: «Нерия, доставшаяся Марсу, к тебе обращаюсь с мольбой, установи мир, благослови наш брак, совершившийся по замыслу твоего мужа, так как нас, девушек, подобно тебе, похитили, дай нам и нашим потомкам детей, а родине — будущие поколения».

В официальном государственном культе богов проявлялось господство греческих богов, а под римскими именами литература и искусство, по существу, признали своей греческую мифологию. Поэтому мы могли неоднократно использовать в качестве источников греческих мифов произведения римских поэтов — Катулла, Вергилия, Овидия, Валерия Флакка и Клавдиана.

В связи с этим в нашей книге среди иллюстраций могут быть помещены памятники, найденные в Помпее, в большинстве случаев созданные греческими мастерами или представляющие собою копии созданий греческих мастеров.

Но простые земледельцы не заменили новыми богами своих древних богов, от которых они ждали благословения и покровительства в семейной жизни, возделывании полей и садов, скотоводстве. Консус был богом, охранявшим брошенные в землю семена, Сильван — богом лесов, Палес — богом или богиней пастбищ. Особая богиня охраняла рогатый скот — Бубона, лошадей — Эпона, пчел — Меллония, плодовые деревья — Помона. Имелся особый бог по удобрению полей — Стеркутий или Стеркулий, которого кое-где отождествляли с Сатурном, а кое-где с Пикумном. Приап — хранитель садов, любивший грубые шутки, — создание греческой фантазии, — считался сыном Гермеса-Меркурия. В Италии он стал более популярным, чем у себя на родине. Фавн, которого можно отождествить с Паном греков, был богом животного мира, а Флору, богиню растительного мира, богиню цветов, можно назвать греческим именем Хлориды, то есть «зеленеющей», «цветущей»; она была супругой Зефира, теплого ветерка, помогающего цветению. Оба они предоставили поэтам возможность придать итальянский колорит возвышенной по своему характеру греческой мифологии. Фавн стал богом-прорицателем и отцом царя Латина. Флора же в одном итальянском мифе играет особую роль, о которой не упоминают источники, по крайней мере дошедшие до нас, в связи с греческим Аресом: Флора передала Юноне чудесный цветок, и аромат цветка сделал богиню матерью. Рождение Марса по римскому календарю приходилось на 1 марта. Овидий относит встречу Юноны с Флорой за девять месяцев до этого, на 2 июня, период самого сильного цветения.

Особые боги управляли каждым отдельным событием семейной жизни, заботливо направляли развитие маленьких детей. Партула помогала матери. Она оберегала новорожденных. Вагитан помогал первому проявлению жизни — плачу, как только ребенок появлялся на свет, Кунина качала колыбель, Румина давала обилие молока груди матери, Куба укладывала в кроватку ребенка, выросшего из колыбели, Оссипаго укрепляла его кости, Фабуллин учил говорить, Итердука вела по дороге и Домидука возвращала в родительский дом.

Господствующий класс Рима, воспринявший греческую образованность, упорно хранил древние религиозные предания, в особенности же связанные с семьей, с домашним очагом. Пенаты (всегда во множественном числе) были божествами, охраняющими домашний очаг, а Лар (Lar Familiaris) — богом семьи, фамилии, первоначально добрым духом умерших предков. В день

рождения главы семьи обращались с молитвой к Гению, боже-
ству, охраняющему жизнь семьи. Около каждого мужчины на-
ходился такой гений, а женщин до конца их жизни сопровождала
Юнона. Души умерших предков назывались манами, богами
манами (*manes* или *di manes*), «добрыми богами», которые жили
в глубине земли, в глубокой яме, в самой нижней части *mundi*
(глубокой впадины на Палатинском холме), которая открыва-
лась трижды в год, и в это время умершие навещали живых.
Умершие появлялись или в виде ларов добрых духов, или лар-
вов (лемуров), устрашающих привидений. «Матерью ларов»
была немая богиня, мать Мута, нимфа болот подземного мира
(*Dea Muta*).

Однако в литературе эти древние образы смерти были в до-
статочной мере отодвинуты на задний план греческими ми-
фами о подземном царстве. У поэтов латинское обозначение под-
земного царства *Ortus* полностью тождественно греческому Га-
десу (Аиду.). Царь подземного мира — Гадес (Аид) или Плу-
тон, латинское имя которого *Dis*, *Dis pater* или *Pluto*. Жену Плу-
тона, Персефону, римляне называли Прозерпиной.

ANNA PERENNA

На мартовские иды приходился праздник Анны Перенчы.
В этот праздник народ предавался веселию на зеленом лугу,
недалеко от берега Тибра. Кое-кто, лежа в траве, совершал воз-
лияния. Большая часть людей проводила день под открытым
небом; были и такие, кто ставил палатку или строил себе хи-
жину из ветвей, покрытых листвой, или просто вешал тогу на
связанные вместе стебли тростника. Солнце припекало их,
вино согревало изнутри, и в час веселия они желали себе
стольких лет жизни, сколько бокалов было ими выпито. И если
бы соответственно числу выпитых бокалов могла продлиться
жизнь человека, то некоторые накликали бы себе годы Нестора
или же обеспечили себе возраст Сивиллы. Они пели, размахи-
вая руками, и, сгрудив в середину винную посуду, исполняли
вокруг нее неуклюжий танец, в это время дева в чудесном на-
ряде, распустив волосы, также кружилась с ними. Шатаясь, все
возвращались домой. Встречные смеялись над ними, признавая,
впрочем, что эти люди действительно счастливы.

Кто же эта богиня, чей праздник Рим праздновал таким об-
разом? Предание дает на этот счет различные толкования.

Как только похоронили несчастную царицу Дидону, кото-
рую испепелил огонь любви к Энею, горевший в ее сердце, и
которую поглотил костер, разожженный ею для себя самой, в
страну, оставшуюся без правительницы, вторглись нумидийцы.

— Я все-таки вошел в покой Дидоны, откуда она столько раз изгоняла меня, отказывая в своей руке,— сказал чванливый нумидийский царь Ярба.

Жители Тира, для которых Дидона построила Карфаген, разбежались.

Потом была вынуждена бежать и младшая сестра царицы Анна.

Со слезами прощалась Анна со стенами, возведенными по приказу ее сестры, и в последний раз навестила дорогой ей прах Дидоны. Она срезала прядь своих волос в качестве надгробной жертвы. Жертвенное масло, возлитое на могильный холм, смешалось с ее горячими слезами. Трижды она произнесла слова прощания и трижды приложилась к погребальной урне, как бы сжимая в объятиях бедную свою сестру. Затем вместе со своими спутниками села на корабль, с грустью оглядываясь на покинутый город своей сестры.

Она направилась к плодородному острову Мелита, с царем которого Баттом ее связывала старая дружба. Батт с подлинным участием выслушал печальную историю двух сестер.

— У меня мало земли, но и ее ты можешь считать своей,— сказал он.— Батт никогда бы не отказал в убежище изгнанникам, если бы он не боялся злого брата Дидоны и Анны — тирского царя Пигмалиона.

Три года спустя Пигмалион явился с войском, чтобы потребовать Анну.

— Мы непривычны к оружию, сказал Анне миролюбивый царь. — Беги отсюда и спасай свою жизнь, как можешь.

Так снова изгнанница доверила воле ветров и волн свое легкое судно: ведь беспощадней любого моря был ее брат. Она держала путь к полям Камеры и была уже недалеко от цели, когда благоприятный ветер перестал дуть и паруса поникли.

— Гребите веслами,— скомандовал кормчий.

Уже приготовились снять паруса, когда неожиданно налетел западный ветер. Напрасны были усилия кормчего, их унесло в открытое море. И снова исчезла из глаз земля, которую они уже заметили. Волны бились о корабль, море бушевало. Пучина извергала белую пену. Над искусством мореходов одержала верх буря, и кормчий надеялся уже не на руль, а только на молитву. Пстерявшую родину финикийскую царевну бросало набегавшими волнами из стороны в сторону, она прикрывала свои глаза мокрой одеждой и считала в это время счастливой Дидону и всех тех, кто в этом мире мог чувствовать под собою землю. В конце концов ветер прибил к берегу Лаврента потрепанное судно.

В то время в Лации уже правил благочестивый Эней, который обрел эту страну вместе с рукой дочери царя Латина.

объединив под своей властью два народа — троянцев и латинов.

Как раз в это время Эней, сняв обувь, проходил по берегу, ставшему его владением в качестве свадебного подарка, разделяя одиночество своего пути лишь с верным Ахатом. Увидев бесцельно бредущую Анну, он не поверил своим глазам:

— Как могла она попасть на землю Латина? — подумал он про себя.

Ахат же громко воскликнул:

— Это Анна!

Услышав свое имя, изгнанница подняла взор и, увидев, кто стоит против нее, не знала, что же ей делать: оставаться ли, бежать ли и в каком укромном месте этой земли искать убежище. Судьба несчастной сестры встала перед ее глазами. Это заметил Эней, у которого воспоминания о Дидоне также вызвали слезы. И он так сказал дрожащей женщине:

— Анна, клянусь землей, которую Рок обещал мне уже в то время, когда я находился у вас, клянусь богами, бывшими тогда со мной и которым я обрел здесь новое пристанище, клянусь, что это боги упрекали меня много раз за то, что я напрасно трачу в Карфагене дорогое время. Но я не думал, что скорбь для сильной духом женщины может быть причиной смерти. Не говори о том, что случилось: я сам встретился с ней и видел ее раны во время своего путешествия в подземное царство. Ты же — сама ли ты решилась или какой-либо бог привел тебя на наши берега — прими все то хорошее, что может тебе дать моя страна. Я в долгу перед тобой и перед памятью Дидоны.

Поверила этим словам Анна, ибо не было у нее никакой другой надежды, за которую она могла бы ухватиться, и рассказала Энею о своих долгих блужданиях. А когда вступила она, одетая в тирские роскошные наряды, в царский дворец. Эней познакомил ее с Лавинией в присутствии безмолвных слуг.

— Дорогая моя жена, тебе поручаю я эту чужестранку, имея на то важную причину: как потерпевший кораблекрушение, я ел ее хлеб и пользовался ее помощью. Она происходит из Тира, а страна ее лежит на ливийском берегу, прошу тебя любить ее так, как добрый брат любит брата.

Все обещала Лавиния, мнимо подавив обиду, но втайне рассердившись. Еще не ясно было ей самой, что она сделает, но ревность не давала ей покоя, и она ломала голову, обдумывая месть.

Ночью во сне Анне явилась кровавая тень Дидоны.

— Беги отсюда, без промедления оставь этот проклятый дом! — сказала она, и пока она говорила, жалобно скрипели на ветру двери.

Анна вскочила и выпрыгнула через низкое окно в поле: страх ослепил ее. У нее не хватило времени даже надеть пояс на свою тунику: она бежала в страхе, как серна, преследуемая волками. Река Нумиций приняла ее в свои волны.

Между тем ее стали искать и подняли в окрестностях сильный шум — следы ног Анны можно было проследить до берега реки. Когда же все успокоилось, Нумиций остановил течение своих вод и показалось, будто бы послышался голос самой исчезнувшей женщины:

— Я стала нимфой кроткого Нумиция, а так как я скрываюсь в вечной реке, то имя мое будет с этих пор Анна Ререп-па — Вечное Течение.

Другие рассказывают иначе.

Когда-то давно, когда еще не было трибунов, защищавших права простого народа, плебеи выселились на Священную гору и не хотели возвращаться в город до тех пор, пока патриции не выполнят их желаний. Но у плебеев кончилась пища, которую они захватили с собой, и они не могли достать хлеба, дара богини Цереры, предназначенного ею для пропитания человека.

В то время жила одна старая женщина; происходила она из предместья Бовилла в границах Рима, и звали ее Анной. Это была бедная, но трудолюбивая женщина. Надев повязку на свои седые волосы, дрожащими руками стала она месить тесто для крестьянских лепешек. Утром, когда лепешки были еще теплые, она делила их среди плебеев. Это поддерживало дух в народе. А когда борьба была кончена и между патрициями и плебеями был восстановлен мир, был учрежден праздник в честь Анны как знак вечной памяти о ней, ибо она в тяжелое время помогла народу*.

ПИК

Пик, сын Сатурна, был царем в Италии. Это был красивый юноша; он выращивал на дальних лугах самых лучших коней. Дриады лесов Лация всегда провожали его взглядами, когда он проходил мимо них, а нимфы итальянских рек Альбулы, Нумиция, Аниена, Альмона, Нара и Фарфара также соперничали друг с другом, ища его любви. Молодой царь из многих выбрал дочь Януса и Венилии, нимфу Каненту (Canens), само имя которой (поющая) указывало на ее дивно красивый голос: своим голосом она могла привести в движение леса и скалы, укрощала диких зверей, задерживала потоки и останавливала

* Ovid., Fasti, III, 523—674.

птиц в их полете. Нимфа родилась на Палатинском холме и как только подросла, отдала свою руку Пику. А пока она пела, ее муж скакал на быстром коне по лесу, преследуя диких кабанов.

Однажды случилось так, что во время охоты Пик попал в тот самый лес, в котором дочь Солнца Кирка искала волшебную траву. Богиня из-за кустов увидела юношу и, пораженная его красотой, неожиданно выронила из опущенных рук с трудом собранную траву. Она уже выходила из кустов, чтобы признаться в своей любви, но быстрый конь унес Пика, а за ним двинулись и царские оруженосцы.

— Ну, что ж, — сказала про себя богиня. — Если я себя хорошо знаю, если не исчезла еще волшебная сила из трав, если не подведут меня мои заклинания, то он не убежит от меня даже если ветер понесет его на своих крыльях.

Тотчас она создала бестелесную тень в образе кабана и приказала ей побежать перед взором царя и исчезнуть в чаще леса, где среди деревьев нет доступной для лошади тропинки. Так и произошло. Пик упорно преследовал тень своей мнимой добычи, а когда достиг чащи леса, то спрыгнул со взмыленного коня и пешком последовал дальше в глубину леса в тщетной надежде убить кабана. А в это время Кирка произносила заклинания, обращаясь к неведомым богам с таинственными песнями, от которых искажался лик белой Луны и собирались тучи вокруг главы ее отца — Солнца. От ее колодовских песен потемнело небо и земля испустила из себя мглу: кромешная тьма скрыла свиту Пика, и царь остался без телохранителей.

Этого-то и ждала Кирка.

— Заклинаю тебя глазами твоими и твоим прекрасным образом, пленившим меня, — обратилась она к царю, оставшемуся с нею наедине, — потуши мою страсть и прими к себе тестем Солнце, не отвергай высокомерно меня, богиню.

Но Пик ответил сурово и кратко:

— Кто бы ты ни была, я не могу быть твоим. Другой принадлежит мое сердце, и я не оскорблю чужой любовью своего брака, пока судьба хранит для меня дочь Януса, Каненту.

Много раз Кирка пыталась добиться своего, но напрасно.

— Ты не уйдешь безнаказанным, — воскликнула наконец она гневно, — и не попадешь более к Каненте!

Дважды она обратилась на запад и дважды на восток, трижды коснулась палкой юноши и трижды пробормотала свои заклинания. Побежал юноша. Сам он удивился, почувствовав, что двигается быстрее обычного. Затем он увидел на своем теле перья. С ужасом понял он, что богиня сделала из него новую птицу для лесов Лация, и в ярости стал наносить твердым клювом многочисленные раны коре деревьев. Крылья его сохрани-

ли пурпурный цвет царской мантии. Золотая пряжка, придерживавшая одежду, превратилась в золотистый пушок вокруг шеи. Ничего более не осталось от прежнего Пика, кроме имени *Picus**; так и зовут его люди.

Когда рассеялся туман, люди, искавшие Пика, обшарили весь лес, но не нашли своего царя, а встретили лишь Кирку, у которой и потребовали вернуть исчезнувшего царя. Они подступили к ней уже с оружием, но Кирка вновь прибегла к колдовству. Она вызвала Ночь и ее богов Эреба и Хаоса и с долгим завыванием обратилась к Гекате. И тут сдвинулся с места лес, застонала земля, оросились кровью луга, глухо загудели каменные скалы, залаяли собаки, почва наполнилась отвратительными змеями, и безмолвные души умерших стали порхать в воздухе.

Кирка поразила удивительным зрелищем свиту Пика, и прежде чем каждый из его телохранителей пришел в себя, он уже превращен был ею в какого-либо зверя.

А в это время дома верная Канента напрасно всем сердцем ждала мужа, напрасно по всем направлениям рассылала слуг для поисков его в лесу. Она горько плакала, бродила полубезумная по полям Лация. Так шесть дней и шесть ночей она не останавливалась и ничего не ела. Она шла по горам и долинам туда, куда ее вел случай, пока наконец на берегу Тибра усталость не одолела ее.

Здесь она прилегла и в скорби начала петь, как лебедь, который в смертный час поет в последний раз самую прекрасную свою песнь. Она поистине истаяла в грусти и медленно рассеялась в воздухе. А место, где это произошло, долго сохраняло память о ней: по имени нимфы Канены его стали называть *Canens* (Певчее) **.

ПОМОНА И ВЕРТУМН

Среди дриад Лация не было ни одной, которая столько заботилась бы о садах или усерднее присматривала за плодовыми деревьями, чем Помона. Она не бродила по лесам или около речек, она любила нивы и ветви, приносящие нежные плоды. В руках она всегда держала кривой виноградный нож, которым срезала слишком буйно разросшиеся ветви или подсаживала в подрезанную кору деревьев черенки; она и поливала, когда нужно было, корни, жаждавшие влаги.

* *Picus* — дятел (лат.) — Прим. ред.

** *Ovid., Metamorph., XIV, 320—434.*

Сад был ее единственной любовью. Она не признавала и не хотела признавать Венеру. Чтобы никто не мог нарушить ее одиночества, она всегда тщательно закрывала двери сада изнутри. Поэтому к ней не могли приблизиться ни сатиры, ни фавны, ни Сильван, бог леса, ни Приап, пугавший садовых воров.

Более всех любил Помону Вертумн, но и он не был счастливее других. Сколько раз он в одежде простого жнеца приносил ей колосья в корзине! Иногда, когда он появлялся перед Помоной, свежий пучок травы оказывался у него в волосах, как у крестьянина, ворошившего сено. Часто бывал у него в крепкой руке кнут, будто он только что выпряг волов из плуга. С виноградным ножом в руке он был садовником или виноградарем, выравнивающим листву и подрезывающим виноград. Лестница также была с ним, будто он собирался снимать фрукты с деревьев. С мечом он был воином, с удилищем — рыбаком, появляясь перед Помоной всегда в новом виде и, каждый раз меняя свой образ, пытался подойти к Помоне, чтобы по крайней мере полюбоваться ею.

Однажды он оделся старой женщиной и, подвязав пестрой повязкой чужие седые волосы к вискам, опираясь на палку, вошел в сад. Он всхлищался плодовым садом, согнув спину, присел на корточки и с земли глядел на отягощенные осенним грузом ветви. Вертумн обратил внимание на вяз, обвитый виноградной лозой. Покачал головой и сказал следующее:

— Если бы это дерево стояло одно, без виноградных лоз, никому бы не было до него дела, разве только любовались бы его листвой. Но и виноградная лоза, если бы она не была соединена с вязом, лежала бы на земле. Но тебя не трогает этот пример, и ты избегаешь супружеской жизни. И плохо делаешь. Ни у Елены, ни у Пенелопы не было больше женихов, чем у тебя. Но ты отворачиваешься от них. Ведь твоей руки просят тысячи — мужчины, боги, полубоги, столько, сколько живет в горах Альбы. Но ты, если у тебя есть разум, все же послушаешь меня, старую женщину, которая больше всех любит тебя: только одного выбери себе мужем — Вертумна. Поверь мне, он сам не может знать себя лучше, чем я его знаю. Он не слоняется бесцельно по белу свету и довольствуется скромным миром садов; и он не такой, как другие искатели руки, которые влюбляются с первого взгляда. Ты — его первая и последняя любовь, лишь тебе он посвятит все свои годы. Добавь к тому же, что он наделен всеми дарами молодости и природы и чего бы ты ни попросила у него, каждое твое слово для него приказ, а каждый твой приказ он счастлив выполнить. Да и удовольствия у вас одни и те же: то, ради чего ты так стараешься, он, счастливый, уже держит в

своей руке. Я говорю о плодах. Ныне же он не беспокоится ни о плодовых деревьях, ни о прекрасной полевой траве, но только о тебе. Имей же к нему сострадание!

Словоохотливая женщина привела примеры, как были наказаны те, кто избегал любви. Вот жестокая Анаксарета превращается в камень за то, что не послушала любившего ее Ифиса.

— Подумай об этом, дочь моя,—склоняла она девушку. — Не будь же такой упрямой и последуй за тем, кто тебя по-настоящему любит. Так весенние заморозки пощадят твои плодовые деревья, так ветры не поколеблют их, когда они в цвету.

Но ничего не добились старушка своими увещаниями. Тогда отбросил в сторону Вертумн свой маскарадный наряд, и точно облако рассеялось вокруг солнца, так перед Помоной вдруг предстал прекрасный юноша. Теперь он мог бы силой заключить ее в свои объятия, но в силе не было нужды: девушка тотчас почувствовала в своем сердце любовь и счастливая бросилась к Вертумну*.

БОГИНЯ МОЛЧАНИЯ (DEA MUTA)

Юпитер полюбил нимфу Ютурну и — хотя это и не приличествует великому богу — слишком сильно страдал от этой любви. Девушка же пряталась то в лесу, то в кустах орешника, то бросалась, увидев бога, в родные волны.

В конце концов Юпитер созвал всех нимф Лация и сказал им следующее:

— Ваша сестра пренебрегает своим собственным счастьем. Вы можете сослужить службу нам обоим, ибо, что для меня величайшее наслаждение, то и для вашей сестры не будет бедой. Преградите лишь ей путь, когда она скользит вдоль берега, чтобы она не смогла погрузиться в волны реки.

Так сказал бог, и нимфы Тибра согласились на это. Но была среди них одна, по имени Лара, одно уже имя которой говорит само за себя: оно было ошибочно произведено из Лала, что значит «болтунья». Говорил ей часто Альмон, бог реки: «Дитя мое, придержи свой язык», — но она не сдерживала себя. И теперь, как только она добралась до волн сестры своей Ютурны, то сказала:

— Избегай берегов! — и повторила ей слова Юпитера. Мало того, она навестила и Юнону и, как бы жалея обманутую супругу, сообщила ей:

* Ovid., Metamorph., XIV, 623—771.

Твой муж любит Ютурну, наяду, нимфу вод!

Юпитер пришел в ярость, и так как нимфа не умела сдерживаться, он вырвал ей язык, а затем позвал Меркурия:

— Сведи эту девушку к дүшам подземного царства. Это достойное жилище для вечной молчальницы. Там она будет нимфой, но нимфой болот подземного царства.

Приказание Юпитера было выполнено. По пути нимфа и Меркурий углубились в рошу. Нимфа понравилась своему провожатому. Меркурий силой овладел ею. Она же могла умолять только взглядом, напрасно пытаясь сказать что-то онемевшими устами.

Так она стала женой Меркурия, и у нее родились два близнеца. Это — лары, охраняющие перекрестки дорог и вечно стоящие на страже города*.

КАМИЛЛА

Против Энея, искавшего новой родины для троянских Пенатов, во главе вольсков, входивших в союзное италийское войско, сражалась греческая девушка Камилла. Она соперничала с ветром в быстроте, так что если она перебегала по посевам, то под ее легкими ногами не гнулся ни один колос, если же она держала путь через море, то волны не успевали замочить ее быстрых ног.

С самых детских лет о ней заботилась богиня Диана.

Ее отец, Метаб, был царем вольсков, но по причине своего деспотического высокомерия был изгнан народом из своей столицы — Приверна. Убегая, царь взял с собой лишь маленькую дочку. С ребенком на руках он бежал по направлению к лесу: его преследовали, отовсюду бросали в него копья.

Вдруг Метабу преградила путь разлившаяся река Амазен. Сам он тотчас бросился бы в поток, но он боялся за дорогую ношу. В конце концов он завернул ребенка в древесную кору и крепко привязал его к огромному копью и, размахиваясь правой рукой, так взмолился Диане:

— Госпожа лесов, дева Диана, тебе я вручаю мою маленькую дочь. Считай ее своей, в то время как я вверяю обманчивому воздуху ее жизнь.

Сказав это, он метнул копье. Плескались волны и, пролетев над мчащейся рекой, Камилла невредимой достигла противоположного берега на рукоятке гудящего копья.

* Ovid., Fasti, II, 581—616.

В это время преследующий их отряд уже настигал их, Метаб кинулся в реку и переплыл ее. На противоположном берегу он вытащил из земли копье, вонзившееся в прибрежную лужайку, и предложил его Диане в качестве обещанного дара за их спасение.

Не было такого приюта, который принял бы его, не было города, который пустил бы его в свои стены, да и его суровый нрав не позволял ему подать руку дружбы кому бы то ни было. В пустынных горах он вел одинокую пастушескую жизнь. Здесь, в чаще лесов, в шалаше, сделанном из колючих ветвей, он вырастил свою дочь на молоке диких зверей и кобылицы, отбившейся от стада.

Едва только ребенок стал на ноги, отец дал ему в руки остроконечное метательное оружие и повесил на слабые плечи колчан, полный стрел, и лук. Девушка не носила в волосах золотых украшений, она не куталась в длинную женскую одежду, но была одета в шкуру тигра, которая прикрывала ей голову и спину. Юноши не смогли бы более умело, чем она, обращаться с копьем и пращей: она убивала на лету стримонского журавля и белого лебедя.

Напрасно матери в этрусских городах желали сделать ее своей невесткой: ей не нужно было ничего, кроме служения Диане; она не расставалась со своей девственностью и не прекращала свои занятия охотой со всеми ее радостями. Когда же высадка троянцев на итальянские берега разделила народы Италии, Камилла заключила союз с Турном, выступившим с войском против Энея. Она находилась среди защитников Лаврента.

Перед решительной битвой богиня Диана послала к ней из своей священной свиты нимфу Опию.

— Милая девушка, приготовься к жестокой войне, — сказала богиня нимфе. — Иди в Лаций и возьми эту стрелу. Тот, кто ранит священное тело моей любимицы, будь то троянец или италиец, искупит вину своей кровью. Тело же бедной девы и оружие, которое я не оставляю врагу в добычу, я сама отнесу в ее отчизну, скрыв их в облаке, чтобы на ее родине воздвигли ей могильный холм.

В последовавшей борьбе за Лаврент никто из защитников города не проявил такой храбрости, как Камилла. Она руководила отрядом вольсков. На войне, как и в мирное время, ее окружали ее верные подруги — Ларина, Тулла, Тарпия, которые были девственницами, подобно ей самой.

На быстроногом коне Камилла то здесь, то там поражала своим верным оружием самых лучших троянских и союзных им этрусских воинов. Напрасно пытался сын лигурийского Авна хитростью принудить ее к бегству.

— В том, чего ты до сих пор достигла, заслуга не твоя, а твоего коня,— сказал он, стараясь задеть этими словами тщеславие девушки.— Вступи со мной в пеший поединок, и ты увидишь, чья слава, подобная ветру, страдает.

Услышав эти слова, Камилла в гневе сошла с коня и, обнажив меч, вступила в поединок. Но хитрый лигуриец вскочил в седло, надеясь, что на коне Камиллы сумеет бежать от нее.

Но пешая дева догнала его. Как сокол голубя, схватила коня за удила и покончила с хитрецом. Один Аррунт всюду следил за ней взглядом, поджидая подходящего момента, чтобы приостановить ее устрашающий бег.

Вот уже Хлорей преследует Камиллу. Хлорей, который был когда-то жрецом Кибелы во Фригии; с женской жадностью пожелала Камилла золотых жреческих атрибутов и жреческой одежды, украшенной золотом. Ничего не видела, ничего не слышала Камилла, радуясь редкой добыче. Спешит использовать благоприятное положение и Аррунт, он хватает оружие и произносит молитву:

— Аполлон, великий наш бог, защищающий священную гору Соракта, бог, в честь которого мы возжигаем костер из еловых ветвей и, как твои благочестивые почитатели, с верой проходим через огонь, оставляя следы наших ног на горячем пепле! Всемогуший отец, дай мне моим оружием стереть это бесчестье. Не добычи я желаю, и славу себе я добуду другими делами. Но пусть рука моя уничтожит это зло и я вернусь без всякой славы в город моих предков.

Услышал эту молитву Аполлон и выполнил одну половину просьбы Аррунта, а вторую развеял по ветру. Он позволил Аррунту пронзить Камиллу копьем, но не дал ему возвращения домой.

Не заметила Камилла копья, которое отняло у нее жизнь. Губы ее вдруг потеряли розовый цвет, а времени у нее хватило только на то, чтобы сказать самой доверенной своей подруге Акке: — До сих пор я не уступала, сестра моя, но теперь злая рана несет мне конец и все вокруг покрывает мрачная тень. Беги отсюда и передай мою просьбу Турну: пусть он займет мое место и защитит город от троянцев! Будь счастлива! — Сказала и, выпустив поводья из рук, упала на землю.

Но и Аррунту не удалось спастись. С ближайших гор за борьбой следила по приказу своей повелительницы нимфа Опия. Она горестно вздохнула, увидев смерть Камиллы.

— Бедная дева, ты понесла беспощадную кару за то, что возбудила против себя троянцев, а не избрала для себя служение Диане и охоту вместе с нами в лесу. Но Диана не покинет тебя, и твоя смерть не останется неотмщенной.

С древних времен у подножья горы стояла могила царя Деркенна с высоким земляным холмом над ней. Оттуда и целилась нимфа, так что, когда Аррунт услышал звук летящей стрелы, железный наконечник уже впился ему в тело. Как только он испустил последний вздох, товарищи его в страхе разбежались, забыв обо всем и оставив убитого на песках домашнего поля.

Опия же, исполнив все, что ей поручила Диана, поднялась на своих крыльях на Олимп*.

КАК

В той местности, где позднее был основан Рим, Геркулес после убийства Герiona гнал его удивительно красивых коров. Гоня стадо перед собой, он переплыл Тибр, а затем остановился в месте, обильном травой, чтобы и коровы воспользовались пастбищем и сам бы он отдохнул после утомительного пути. Здесь он напился и поел, и наконец сон одолел его.

Жил в этой местности пастух, обладавший невероятной силой, звали его Каком. Ему понравились животные редкой красоты, и он решил украсть их, пока их хозяин спит. Но он знал, что если он погонит стадо в свою пещеру, то следы выдадут его. Поэтому, выбрав лишь самых лучших животных, он перетаскивал их в пещеру за хвосты.

Рассветало, когда Геркулес проснулся. Он заметил, что нескольких коров недостает, и стал искать пропавших, но напрасно. Дошел он и до пещеры, но увидел, что следы ведут из пещеры, и это так сбilo его с толку, что, прекратив поиски, он захотел по крайней мере оставшихся животных перегнать в более безопасное место.

Когда он погнал коров далее, то коровы одна за другой стали мычать, призывая пропавших товарищей. Те отвечали им из пещеры, в которой они были скрыты, на что Геркулес и обратил внимание.

Он возвратился к пещере, и тут Как преградил ему путь, но Геркулес схватил свою палицу, и вор напрасно призывал на помощь пастухов — Геркулес покончил с ним.

В это время в тех местах правил бежавший из Греции Эвандр. Его делала правителем не столько царская власть, сколько его большая ученость: он знал буквы, чему не могли не дивиться неграмотные, неотесанные пастухи. Но еще более его почитали ради его матери Карменты, которая считалась

* Vergil., Aeneis, XI, 498—867.

богиней и к которой обращались с вопросами о будущем, прежде чем в Италию пришла Сивилла.

К большой толпе народа подошел Эвандр и увидел, что испуганные пастухи собрались вокруг чужеземца, который не отрицает, что убил Кака своей железной палицей. Эвандр услышал не только о поступке чужеземца, но и о причине этого поступка. Он сразу заметил, что чужеземец выше и величавее других людей. В ответ на вопрос, кто он и откуда, чужеземец назвал своего отца и свою родину.

— Приветствую тебя, сын Юпитера, Геркулес, — сказал на это Эвандр. — Моя мать, толкующая слова богов, предсказала, что ты увеличишь когда-нибудь число небожителей, а здесь, на этой земле, будет поставлен алтарь для почитания тебя, и этот алтарь самый могущественный народ земного круга назовет величайшим Алтарем и будет он освящен служением тебе.

Геркулес протянул ему правую руку и заявил, что вместе с возведением алтаря он принимает и прорицание и что он исполнит свой жребий.

Тотчас, выбрав из стада самую лучшую корову, принесли первую жертву Геркулесу при участии Потичиев и Пинариев. Эти два рода в то время были самыми знатными в той местности.

Случилось так, что Потичии оказались ближе и тотчас им были предложены внутренности животного, принесенного в жертву. Пинарии же появились уже после того, как внутренности были съедены, ко второй половине пира. Отсюда впоследствии появился обычай, согласно которому Пинарии, пока существовал их род, не могли вкушать что-либо из внутренностей жертвенного животного. Потичии же, после того как Эвандр обучил их, в течение многих поколений были жрецами — исполнителями этого обряда, пока весь род Потичиев не вымер и не передал жреческую должность официальным лицам, назначенным для этого *.

* Liv., Ab Urbe condita, I, 7.

РИМСКИЙ ЭПОС

Ливий в начале своего обширного труда, в котором он излагает историю Рима «от основания Города» до своего времени, говорит, что следует отдать справедливость древним и признать, что они, присоединив к человеческим деяниям также отношения с богами, сделали историю возникновения города весьма возвышенной. Он находит, что предания, касающиеся предыстории основания города Рима и истории самого основания, скорее достойны именоваться поэзией, нежели историей. Но с надменностью римлянина, приглушив свое критическое чутье, Ливий не хочет ни подтверждать, ни опровергать эти предания. Он особенно подчеркивает, что если и существовал когда-либо такой народ, который мог бы по праву вести свое происхождение от самих богов, то слава римского народа делает понятным, какой это народ. А те народы, которые испытывают над собой власть римлян, уже спокойно могут признать, что предком римлян является бог Марс.

Большая часть легенд об основании итальянских (и сицилийских) городов обладает чертами, связывающими эти сказания с циклом сказаний о Трое. В этих легендах иногда мелькает также слабое напоминание об истории заселения Великой Греции. Греки, колонизовавшие Южную Италию, видели в жителях Италии либо своих родственников, ушедших в древние времена на далекий Запад, либо остатки своих старых врагов, вероятно, в зависимости от того, дружелюбно или враждебно проявляли себя жители Италии по отношению к колонистам. Уже Гесиод знает о том, что Латин, давший свое имя народу латинян, является сыном Одиссея и Кирки. По данным других источников, город Арпы был основан греком Диомедом, а го-

род Патавий — троянцем Антенором. Ранее Троянской войны основан потомком троянцев сицилийский город Эгеста, или Сегеста; дочь Лаомедонта Эгеста, или Сегеста, бежала в Сицилию от морского чудовища, пожиравшего главным образом девственников. Посейдон наслал на Трою это морское чудовище, чтобы наказать Лаомедонта за его вероломство. Девушка Эгеста, или Сегеста, стала женой сицилийского бога реки Криниза (Кримисса) и матерью Акеста, который впоследствии основал город, названный им именем его матери. Среди троянских преданий, имеющих некоторое отношение к италийскому продолжению троянской истории, наибольшее значение имеет легенда об Энее. Эта легенда в своем окончательном виде представляет собою главным образом мифологические рассуждения греческих систематизаторов, а не народную фантазию. Но, во всем признакам, уже до того, как эта легенда окончательно сложилась, она пустила корни в Италии, куда ее могли занести в VIII—VII веках до н. э. греческие колонисты. Это вполне возможно, поскольку недавно найдены изображения Энея, изготовленные на территории Этрурии в VI веке до н. э.

Сказание об Энее связано непосредственно с Гомером. В «Илиаде» сохранилось пророчество о том, что родственник Приама по побочной линии, происходящий от богов Эней, после разрушения города Приама будет править троянцами. Были предания и о соперничестве между домами Приама и Энея. Так, греческий логограф Акусилай около 500 года до н. э. прямо указывает, что Троянскую войну вызвала Афродита, услышав о предсказании, согласно которому после Приама власть будет закреплена за ее сыном. Как кажется, поэты сначала ограничивали территорию, занятую троянцами и находящуюся под властью Энея, склонами горы Иды. Но около 500 года до н. э. сицилийский греческий поэт Стесихор уводит Энея в Гесперию, а немного позднее Гелланик направляет его прямо в Рим. Греческий историк с острова Сицилии, Тимей, оказавший весьма сильное влияние на других историков, сообщает, что греки после занятия Трои разрешили свободно удалиться из Трои нескольким троянским героям, державшимся до конца при защите города. Им было позволено также взять имущества столько, сколько каждый может унести. В то время как другие нагрузили себя серебром и золотом, Эней взвалил себе на плечи старика-отца. Столь прекрасное проявление сыновней любви пробудило в греках уважение, и они разрешили Энею еще раз возвратиться домой и взять все, что он захочет. Но на этот раз Эней не кинулся на сокровища, а стал отыскивать среди развалин домашних богов. Тем самым он заслужил возможность вывести остатки троянского народа на новую родину.

Влияние Тимея проявилось, между прочим, и в том, что в римлянах укоренилось сознание их троянского происхождения. Уже начиная с III века до н. э. из этого делались политические выводы. Так, например, в 232 году до н. э., когда при эпирском дворе обсуждалось ходатайство акарнанцев, ссылались на то, что акарнанцы заслуживают римской поддержки, ибо в свое время из всех греков только они не принимали участия в Троянской войне. Один из знатнейших родов Рима — род Юлиев (*gens Julia*) особенно чтит в лице Энея или в лице его сына Юла своего предка. Под этим же предлогом еще Юлий Цезарь выступал как сторонник Трои, а его приемный сын император Август благосклонно отнесся к тому, что Вергилий именно Энея сделал главным героем своего эпоса.

Вергилий при разработке сказания об Энее, рисуя яркие картины прошлого, настоящего и будущего, связал историю Рима с политическими устремлениями Августа. С точки зрения истории религии понятно стремление Вергилия объединить различные наслоения римской мифологии, создав из них даже не систему мифов, а единую художественную композицию. Благодаря образу Энея, спасшемуся из Трои, предание об основании римско-латинской родины становится в самую непосредственную связь с греческой мифологией, так что мы можем легко узнать богов гомеровского Олимпа под именами Юпитера и Юноны, Венеры и Марса, Меркурия и Нептуна. Но в культе Аполлона на горе Соракте прослеживается культ италийского божества — волка Сорана; Аполлон же Аквиумский представлен так, чтобы Август, победитель Антония и Клеопатры, мог указать на него, как на своего покровителя. Образ мифического Энея — вместе с целым рядом его предполагаемых потомков до Юлия Цезаря и Августа — прочно вошел в историю Рима. Троянские Пенаты, которые Эней привез в Лаций, составили государственный культ; с другой стороны, ту новую среду, в которую Эней переселил богов, потерявших свою троянскую родину, освящали древние боги Италии, связанные с италийской религией. А те события, в центре которых стоит Эней, ведут не только к основанию римской государственности; в преданиях о них заключается также этиологическое сказание о римской литургии. Сам Эней, например, положил начало благочестивому празднику Паренталий, когда он приносил жертву на могиле своего отца в годовщину его смерти, а Гелен научил его порядку жертвоприношения, ставшему обязательным для потомков. Так, когда приносят жертву, то покрывают голову пурпурной одеждой, чтобы во время священнодействия не померещился образ врага как дурное предзнаменование. Генеалогическая линия Энея служила не столько для того, чтобы дока-

зять происхождение Августа от богини Венеры, сколько для того, чтобы показать историю Рима в зародыше (*in pise*), вывести Энея в качестве предка длинного ряда потомков, а благодаря этому осветить историю в ее развитии, как бы показать дуб, покрытый листвой, в его желуде.

Самую эту генеалогию, как и отдельные части легенды об Энее, кое в чем отлично от Вергилия дает Ливий. Так, например, по Ливию, Латин, царь древнего города Лация, абориген страны, узнав о знатном происхождении Энея, вступает с ним в союз и выдает за него свою дочь Лавинию. Оттесненный на задний план Турн проигрывает битву против Энея и Латина, троянцев и аборигенов, выступающих в неразрывном союзе. В этой битве гибнет вождь победивших союзников царь Латин. Ливий выражает сомнение в тождестве Аскания и Юла. Ему известно такое решение вопроса, согласно которому Юл, сын Энея от Креусы, родившийся в Трое, был предком рода Юлиев, а Асканий, сын Энея и Лавинии, был основателем рода Альбы-Лонги. По этому толкованию, трон Альбы-Лонги занимали один за другим сын Аскания, воспитанный в лесу Сильвий, сын последнего Эней Сильвий, сын Энея Сильвия — Латин Сильвий, а затем Альба, Атис, Капис, Капет, Тиберин (давший свое имя реке Тибру), Агриппа, Ромул Сильвий, Авентин и Прока. Младший из двух сыновей Проки, Амулий, лишил престола законного наследника Нумитора. У Вергилия нет указаний на тождественность Аскания и Юла; основатель династии Альбы-Лонги — сын Энея и Лавинии, Сильвий; из царей Альбы-Лонги до Ромула Вергилий упоминает лишь Прока, Каписа, Нумитора, а также Сильвия Энея.

Чтобы у изгнанного Нумитора не осталось потомства, Амулий сделал его единственную дочь Илию — а по другому варианту Рею Сильвию — весталкой, так как весталки не могли выходить замуж. Но у девы весталки родились от бога Марса два близнеца — Ромул и Рем. Тогда жестокий Амулий бросил дочь Нумитора в реку Тибр, но бог этой реки отец Тиберин подхватил ее и сделал своей женой. По приказу царя близнецы также должны были быть брошены в реку, но слуги пощадили их и оставили младенцев на берегу, где их вскормила волчица. Здесь их нашел пастух Фаустул, воспитавший вместе со своей женой Аккой Ларенцией детей бога Марса. Они-то — точнее Ромул, которому вещая птица предопределила первенство — и основали Рим. А когда Рем пренебрежительно перепрыгнул через стены строившегося города, Ромул в гневе убил его. Римляне в критические моменты их истории видели во всякой беде, которая настигала Рим, наказание за невинно пролитую кровь Рема, за преступление братоубийства, совершившееся во время основания города.

ЭНЕИ

Далеко-далеко, напротив италийских берегов, стоял в древности город Карфаген, основанный колонистами Тира. На всем круге земном Юнона более всего любила этот город и ценила его больше места своего рождения — острова Самоса. Здесь она держала свое оружие и пышные колесницы, и уже в древние времена в душе ее созрел план, если Рок позволит это, сделать этот город владыкой народов. Но услышала она, что от троянской крови родится новый могущественный народ, который впоследствии разрушит тирские города: такую судьбу предрекли Карфагену богини Рока — Парки.

Испугалась этого богиня, ибо она не забыла о старой войне, которую вела под Троей из-за любимых ею греков, не изгладилась из ее памяти и прежние обиды, из-за которых она ненавидела весь народ Трои, а особенно не могла она забыть приговора Париса, который пренебрег ею ради красоты Венеры, а также те почести, которые Юпитер оказывал Ганимеду в ущерб ей, Юноне. Поэтому она долго препятствовала горсточке троянцев, которых пощадило оружие греков, достигнуть Лациума. В течение многих лет они должны были блуждать.

Они уже совсем были уверены, что их путь приближается к концу. Вот уже остров Сицилия почти исчез с горизонта; счастливые, они подставили паруса ветру, и их суда разрезают железными носами волны моря. Но Юнона заметила их и, храня в сердце вечную рану, сказала про себя:

— Следует ли мне разрешить им это? Или Рок запрещает мне отдалить царя троянцев от Италии? Паллада сожгла корабли греков за единственное преступление Аякса, а я, царица богов, в одном лице сестра и супруга Юпитера, столько лет безрезультатно борюсь с троянцами! Кто же, увидев это, будет чтить божественную власть Юноны или, преклонив колена, принесет жертву на мой алтарь?

И пылая гневом, так обратилась небожительница к царю Эолу, который держал в повинсении ветры, заключенные в огромной пещере:

— Эол, — сказала, умоляя бога ветров, Юнона, — Юпитер тебе дал огромную власть успокаивать или приводить в беспорядок волны. По Тирренскому морю плывут на судах мои враги; они переносят в Италию самый Илион и Пенаты побежденных богов Трои. Дай же силу ветрам, погрузи суда в воду, разбей мореходов и разбросай их тела по морю. Четырнадцать нимф служат мне, самая прекрасная из них — Дейопея. Ее то и отдам я тебе в награду, чтобы она стала твоей женой на вечные времена и подарила бы тебе прекрасных детей.

Это желание супруги Юпитера было приказом для Эола. Вонзил он обратный конец своего трезубца в гору, и через образовавшийся пролом внезапно вырвались на море из глубины пещеры ветры Эвр, Нот и буйный Африк: одновременно погна-ли они к берегам огромные волны. Громкие крики мореплава-телей смешались с шумом ударов весел. Тучи внезапно закры-ли небо от взоров троянцев, черная ночь опустилась на море. Загремели полюсы неба, заблестали частые молнии, каждая из которых грозила смертью.

Окоченели члены Энея; подняв обе руки к звездам, он вос-кликнул:

— Трижды счастлив тот, что пал в бою под стенами Трои!

Едва он это сказал, как северный ветер с шумом сорвал парус, вздыбив волны до неба; весла сломались, судно задро-жало и накренилось к волнам, а волны поднялись, как горы. На корму одного из кораблей, на котором находился верный Оронт с ликийскими союзниками, на глазах Энея обрушился огромный столб воды: кормчий сорвался с судна и полетел вниз головой в море, а волны тем временем трижды повернули корабль на одном месте, и крутящийся водоворот поглотил его. То тут, то там на волнах всплывали люди, оружие, доски и разбросанные в разные стороны троянские сокровища. Вот буря повредила уже и могучий корабль Илионея, героя Ахата, Абанта и старого Алета; в корабли через пробоины хлынула вода.

А между тем Нептун заметил бурю и поднял голову из волн, чтобы обозреть море. Он увидел разбросанные суда Энея и понял, что многих троянцев поглотили волны; бог моря знал, что причиной всему этому — гнев Юноны.

— Вы настолько уверены в себе, что, не спросив меня, осме-лились тревожить спокойствие земли и моря! — обратился он к ветрам. — Плохо бы вам пришлось, если бы я не поторопился успокоить разбушевавшиеся волны. Но в следующий раз вы не отделаетесь так легко. Теперь же уносите ноги прочь и ска-жите свсему владыке: не ему достались господство над морем и знак власти — трезубец, а мне.

Так сказал он и вслед за этим немедленно успокоил бу-щующее море, рассеял тучи и возвратил на небо блистающее солнце. Дочь Нереея — Кимотоя, Тритон и сам Нептун своим трезубцем сняли с острых рифов корабли, а потом Нептун от-крыл им путь между огромных отмелей и по гребням волн ум-чался на своей легкой колеснице.

Эней и его оставшиеся в живых товарищи в поисках бли-жайшего берега попали на побережье Ливии. Они вошли в за-щищенный от ветров залив, по соседству с которым находи-лась пещера нимф, скрывавшая источники с пресной водой.

Здесь собрались вместе оставшиеся семь кораблей. Троянцы, истосковавшиеся по суше, высадились на берег и в изнеможении распростерлись на песке. Первой заботой Ахата было развести огонь. Все очень устали, но тем не менее достали с кораблей оставшееся зерно и ручную мельницу и сначала высушили зерно, а затем размололи его.

Тем временем Эней, поднявшийся на вершину одной из скал, вглядывался в морскую даль, не покажутся ли где-либо остальные корабли троянцев. Но корабли не появлялись на горизонте. Зато три оленя показались на берегу, а за ними в долине паслось целое стадо оленей.

Эней погнался за стадом и не успокоился до тех пор, пока не поразил стрелами семерых животных, по числу кораблей. Затем он возвратился к кораблям и разделил среди своих товарищей добычу. Потом налил каждому вина, которое преподнес им в дар при отплытии из Сицилии Акест, троянец по происхождению. Эней стал утешать своих друзей такими словами:

— Друзья мои, ведь мы уже видели трудные времена, перенесли более тяжелые несчастья, но и им бог положил конец. Соберите все свое мужество: когда-нибудь, может быть, вам будет приятно об этом вспомнить. В столь трудном странствовании мы стремимся к Лацию, где Рок указал для нас новую родину: по предначертанию богов там возродится новая Троя.

Говоря это, он подавлял собственную боль и старался вдохнуть в своих товарищей бодрость. Те же приступили к приготовлению яств из оленьих туш, а затем все они ели и пили; удовлетворив же свой голод, вспомнили и своих отсутствующих товарищей. Они не знали, живы те или погибли. Эней в особенности оплакивал Оронта, Амика, Лика, Гиаса и Клоанта.

Меж тем Юпитер, обозревая с неба всю землю, обратил свой взгляд и на Ливию. К нему подошла со слезами на глазах Венера и обратилась с такими словами:

— Могущественный Юпитер, что мог сделать против тебя мой сын Эней, что сделали троянцы, почему из-за Италии перед ними закрыт весь круг земной? Ведь ты сам обещал, что от них произойдет римский народ, который даст законы всему миру. Что могло отвлечь тебя, отец мой, от этого решения? Ведь после разрушения Трои я утешала себя этим твоим обещанием, и вот теперь такая судьба постигла их! Ведь удалось же Антенору спастись от греков, достичь берега в Иллирийском заливе; он смог основать город Патавий и теперь мирно живет, между тем как Энею, который ведет свое происхождение от тебя самого, не удастся попасть в Италию, и он стал жертвой гнева Юноны. И это ли награда за благочестие? Так дай же нам ту власть, которую ты обещал!

В ответ улыбнулся отец людей и богов, взглядом осветил бурное небо и коснулся поцелуем уст своей дочери.

— Не бойся Киферея, — успокоил он ее, — судьба твоего сына не будет иной. — И он раскрыл перед богиней будущее: битвы, которые ожидают Энея в Италии, основание города Альбы-Лонги сыном Энея, Асканием Юлом, затем основание Рима потомком Энея Ромулом и величие Рима, подчиняющего себе весь мир. Потомком Энея будет член рода Юлиев, происходящего от Юла, — Октавиан, чье правление принесет долгожданный мир. Залог этого мира — примирение Ромула, пролившего кровь брата на заре римской истории, с Ремом, а символом мира на земле будут закрытые двери храма Януса.

Юпитер тут же послал Меркурия, чтобы тот подготовил появление Энея у царицы Дидоны, дабы спасающиеся троянцы не встретили в Карфагене закрытых дверей.

Заботливый Эней после ночи, проведенной им в думах, решил, что, когда рассветет, он выяснит, живут ли в этом краю, куда забросила их буря, люди или дикие животные. Суда были спрятаны в чаще прибрежных деревьев; с собой он взял в качестве провожатого лишь верного Ахата.

Посреди леса перед Энеем в образе девушки-охотницы явилась его мать; за плечами у нее висел лук, волосы развевал ветер, легкая одежда была завязана узлом выше обнаженных колен.

— Скажите мне, юноши, — обратилась она к троянцам, — не встретились ли вам моя сестра, преследующая кабана?

— Я ничего не слышал о твоей сестре, — ответил Эней, — и не знаю, как мне тебя называть! Твой взгляд и голос свидетельствуют о том, что ты богиня, сестра Феба или одна из нимф. Будь благосклонна и помоги нам в нашей беде, кто бы ты ни была; скажи по крайней мере, где мы находимся, ибо мы бродим здесь, не зная, куда нас занесла буря. На твой алтарь мы принесем потом благодарственную жертву.

Но Венера покачала головой.

— Я не достойна такого почитания; все тирские девушки обычно носят колчан за плечами, а на ноги надевают пурпурные котурны. — Затем она с готовностью ответила на вопросы чужестранца: это город финикийских поселенцев в царстве пунов, в котором правит бежавшая из Тира от своего брата царица Дидона. Она рассказала и о бегстве Дидоны. Мужем Дидоны был Сихей. Не было человека в Финикии, имевшего земли более, чем он. А царем там был Пигмалион — брат Дидоны. Не взирая на любовь Дидоны к мужу, он из алчности убил Сихея. Это злодеяние скрывалось им до тех пор, пока несчастной жене во сне не явился призрак мужа, не раскрыл тайну своей смерти и не убедил Дидону бежать. Многие нена-

видели Пигмалиона, у многих были причины бояться этого деспота; все они присоединились к Дидоне, погрузили сокровища на корабли — Сихей, обладая всеведением умерших, указал своей супруге и спрятанные сокровища, — и в конце концов они достигли Ливии, где купили землю. Ярба, царь Ливии, сначала хотел изгнать пришельцев, но когда Дидона в обмен на свои сокровища попросила у него лишь столько земли, сколько нужно для того, чтобы расстелить шкуру одного быка для отдыха после утомительного пути, он охотно вступил в сделку. Он не подумал о том, что финикийцы разрежут шкуру быка на узкие полосы и таким образом смогут занять большую территорию. На ней теперь уже возведен город, это Карфаген.

Лишь рассказав все это, спросила богиня, скрывая свое всеведение:

— А кто же вы, откуда вы пришли и куда направляетесь?
На это ответил Эней:

— Мы пришли из Трои, если ты слышала об этом древнем городе. Я — Эней, а везу я с собой богов, спасенных из вражеских рук, в Италии я ищу новую родину. С двадцатью кораблями я вышел в море, моя мать, богиня, указывала путь, но только семь из моих кораблей спаслись от бури. Ныне вслепую бреду я по пустыням Африки; и Европа и Азия отринули меня.

Но Венера не дала ему больше жаловаться.

— Кто бы ты ни был, — перебила она его, — не думаю, чтобы ненависть богов привела тебя сюда, в город пунов. Лишь продолжи свой путь до порога царицы. К тебе вернутся потерянные тобой товарищи и твои корабли, ибо не напрасно мои родители научили меня гаданию по полету птиц. Посмотри только на эти двенадцать белых лебедей: орел преследовал их, но они уже достигли земли, весело захлопали крыльями и начинают испускать крики. Так достигают или уже достигли гавани твои корабли, теперь же иди дальше, куда тебя приведет дорога.

Сказав это, Венера повернулась, розовым светом блеснула ее шея, кудри распространили божественное благоухание, одежда сразу же покрыла ее ноги и, наконец, ее поступь выдала в ней богиню. Когда же Эней узнал свою мать, он обратился к ее исчезающему образу:

— За что же ты столь жестока ко мне, что обманываешь меня, твоего сына, своим призраком? Почему мы не могли обмениваться друг с другом словами, как мать с сыном?

Богиня окутала обоих мужей густым туманом, чтобы на пути никто их не заметил. Сама же она радостно возвратилась в свое пафосское святилище.

По пути Эней дивился на грандиозные постройки Карфагена и смешался с усердно трудившимися там людьми — ведь

он мог видеть все, а его самого никто не мог заметить из-за чудесного тумана, окружавшего его; глядя на все это, Эней вздохнул:

— Эти уже счастливы, ведь стены их города уже возводятся!

В центре города, в тенистой роще, стоял храм Юноны. Тут впервые нашел утешение Эней, увидев на стенах храма сцены из Троянской войны, среди которых он узнал и свое изображение.

— Есть ли в мире место, — сказал Ахат, — до которого бы не дошла весть о наших страданиях? Вот и Приам здесь, и здесь награда славным — слеза, падающая на мертвый камень, а душу трогает мысль о смертном, о земном! Не кручинься больше: слава троянцев может вселить и в тебя надежду на спасение.

Эней еще не нагляделся на все чудеса, когда в храме появилась в сопровождении отряда юношей прекрасная Дидона. Она заняла место на троне, чтобы объявить законы и распределить работы по строительству. Вдруг Эней увидел, что вместе с большой толпой в храм вошли Антей, Сергест, Клоант и другие троянцы, которых он считал погибшими, так как видел их поглощенными мрачной пучиной моря.

Эней и Ахат стояли потрясенные этим зрелищем, и первым их желанием было протянуть руки своим обретенным товарищам, но необычное их положение смутило их. Они остались под защитой тумана и слушали, какая судьба постигла их товарищей, на каком берегу они оставили свои корабли и как они сюда попали. Каждый из этого посольства представлял свой корабль. Они пришли в храм к царице с мольбой о защите. Илионей изложил их просьбу. Из его слов Эней узнал, что жители Ливии не разрешили пристать к своим берегам кораблям отставших от него товарищей. Но когда царица узнала, что потерпевшие кораблекрушение троянцы плыли под водительством Энея к берегам Италии, она обещала им свою поддержку:

— Прогоните из своих сердец заботу, троянцы. Трудное положение моей только что основанной страны принуждает меня тщательно охранять ее границы. Но кто не знает о народе Энея и о городе Трое? Если бы только ваш вождь был здесь! Мои верные люди осмотрят побережье, может быть, и его сюда прибила буря.

Едва она успела это сказать, как туман вокруг Энея и Ахата рассеялся. Перед взорами всех присутствующих предстал Эней, чей лик и стан указывали на его божественное происхождение. Он обратился к царице:

— Тот, кого вы ищете, здесь, — сказал он неожиданно. — Я — троянский Эней, спасшийся из волн ливийского моря. Мы не

можем отблагодарить тебя, царица, за твою доброту, за то, что только ты пожалела Трои в ее невыразимых страданиях и приняла в свой дом и в свой город нас, беглецов, потерявших все, что у нас было. Боги тебе воздадут должную награду, и куда бы ни занесла меня судьба, я буду помнить, чем я обязан тебе. — Затем он подошел к товарищам и обнял их одного за другим.

Дидона слышала об Энее еще в отчем доме. Теперь же, опомнившись от неожиданности, она с горячим гостеприимством приняла героя божественного происхождения в царском дворце, а к кораблям его товарищей она отправила двадцать быков, сто свиней и сто ягнят с овцами.

Энея не оставляла в покое отцовская любовь. Он послал Ахата за Асканием, а также велел принести несколько драгоценных женских украшений из оставшихся сокровищ Трои.

Венера же не успокоилась. Она приказала Купидону, чтобы тот, приняв образ Аскания, появился на пиру у царицы Дидоны и тайно зажег в ее груди пламя любви к Энею. С радостью подчинился приказанию своей матери Купидон, сбросив свои крылья, в то время как богиня влила в члены Аскания сладкий сон и нежно перенесла мальчика в своих объятиях в кипрский Идалий, где и спрятала в тенистой роще, полной божественного благоухания. Тогда-то и смог Купидон спокойно выполнить порученную ему задачу.

На пиру же пуны дивились и дарам Энея, их щедрому богатству и удивительной красоте его сына. Сама Дидона в восхищении взяла мальчика на колени, а Купидон в образе Аскания пробудил в сердце Дидоны, не подозревавшей об этом, любовь к Энею, вытесняя мало-помалу из ее сердца образ Сихея. Держа в руке золотой кубок, полный вина, Дидона просила богов, чтобы потомки как троянцев, так и выходцев из Тира с радостью вспоминали этот день.

До поздней ночи пировали все вместе, слушая песни и долго беседуя. В эту ночь в сердце несчастной Дидоны запылало пламя любви. Она расспрашивала гостя о подробностях Троянской войны.

— Расскажи нам все, — попросила она наконец, — Расскажи нам с самого начала о кознях греков, о своих странствиях, о превратностях своей судьбы. Ведь уже седьмой год ты бродишь по свету.

Тут все замолкли, устремив внимательные взоры на Энея. И тот с высокого ложа начал свой рассказ:

— Ты велишь мне, царица, возобновить невыразимую скорбь. А между тем гаснущие звезды зовут уже ко сну. Но если ты столь сильно жаждешь узнать о нашей судьбе и услы-

шать о последних битвах под стенами Трои, хоть и содрогается моя душа от этих воспоминаний, я начну.

И он рассказал о последних часах Трои, обо всем, что произошло с этим городом, о хитрости Синона, о невиданной до толе мученической смерти Лаокоона. Самого Энея глубокой ночью посетила во сне тень павшего в бою Гектора. Призрак так объяснил свой приход:

— Беги отсюда, сын богини, вырвись из пламени. Враг уже вступил на стены, Троя рушится. Мы сделали все, что могли сделать ради родины и Приама. Если бы было возможно защитить город сильной рукой, он был бы защищен мсею десницею. Но Троя поручает тебе свои святыни и своих домашних богов (свои Пенаты), пусть они будут твоими спутниками в странствиях, predetermined судьбой, для них ищи стены! — Так сказал он и вынес из святилища статую Весты, украшенную повязками, а также неугасимый огонь.

Внезапно возникший шум боя положил конец видению. Эней пробудился и поспешил на крышу дома, чтобы оттуда поглядеть, что делается вокруг. Тогда-то он убедился в вероломстве греков. Город пылал. Дом Деифоба уже обрушился, запылал и дом его соседа Укалегона. Языки багрового пламени отражались в волнах Сигейского залива. Схватив оружие, Эней устремился к сражавшимся, но навстречу ему уже бежал Пантой, жрец Аполлона, со святынями и поверженными богами Трои в руках, таща за собой маленького внука, чтобы по крайней мере их укрыть в доме Анхиза, казавшемся ему наиболее безопасным.

— Настал последний день. Мы были троянцами, но беспощадный Юпитер предал все в руки греков, — крикнул Пантой пришедшему в отчаяние Энею. И ринулся дальше, среди битвы и пламени.

Эней встретил своих верных соратников. Решительно вступили они в безнадежный бой со все прибывавшими в город греками, пока наконец Пирр, сын Ахиллеса, не разрушил стены царского дворца и не убил Приама. Увидев обезображенное тело престарелого царя, Эней вспомнил и о своем дряхлом отце Анхизе, и о своей супруге Креусе, и о своем маленьком сыне Юле. Пред Энеем явилась его мать Венера и раскрыла перед его взором смертного то, что в другое время оставалось бы скрытым: Трою уже нельзя спасти, ибо боги против нее.

Эней внял словам матери, решился на бегство и возвратился за своей семьей. Но Анхиз сказал, что с него довольно уже пережитого рансе разрушения родного города, когда Геркулес взял Трою вероломного Лаомедонта.

— Вы, у кого еще не иссякли юношеские силы, спасайтесь отсюда. Если бы небожителям было угодно, чтобы я жил

дольше, они защитили бы мою родину. Попрощайтесь со мной и оставьте меня одного, я смогу и один умереть, ведь найдется милосердный враг, который сжадется надо мной и убьет меня, пожелав того, что у меня имеется. Меня ненавидят боги, и никому я не приношу пользы с тех пор, как Юпитер порастил меня молнией. — И напрасно плакали Эней, Креуса и маленький Асканий, они не смогли изменить его решения.

— Ты думаешь, отец, что я могу тебя оставить здесь? — сказал огорченно Эней. — Если ты хочешь прибавить к развалинам Трои разрушение твоей семьи, пусть так и будет: вот придет Пирр, убийца Приама, тот, кто убивает детей на глазах у отца, а отца предает смерти перед алтарем. Но я возвращусь к сражающимся и умру, по крайней мере отмстив за всех.

Уже снова Эней протянул руки к оружию и собрался уйти. Но путь ему преградила Креуса, держа перед собой маленького Юла: — Если ты идешь на смерть, то и мы идем с тобою, если же ты надеешься на свое оружие, то прежде всего защити этот дом. Ибо на кого же останется маленький Юл, твой отец и я, которую ты звал своей супругой?

Дом наполнился воплями бедной женщины. Неожиданно появилось чудесное знамение. На темени Юла, находившегося около родителей, появился легкий венчик из пламени; не причиняя вреда, он коснулся его мягких кудрей и висков. В страхе они принялись тушить огонь водою, принесенной из источника. Но Анхиз, обрадованный, обратил взор к звездам и, подняв руки к небу, воскликнул:

— Всемогуший Юпитер, взгляни на нас и, если мы заслужили того, пошли нам свою помощь и подтверди эти чудесные знаки.

В ответ на это раздался гром и с неба упала звезда, влача за собой сквозь темноту ночи длинный светлый след. Пролетев над крышей дома, она исчезла в лесу на горе Иде, светлой бороздой указывая путь. По ее следу вся окрестность вдали задымилась серой.

Тогда поднялся уже и Анхиз:

— Теперь уже нельзя медлить: я иду туда, куда меня поведут. Боги отцов, вы сохраните мой дом и моего внука. Это было знамение от вас, и в вашей власти теперь Троя. Я повинуюсь судьбе и не противлюсь уходу, я иду с тобой, сын мой.

Эней взвалил на плечи больного отца, взял за руку Юла. Креуса следовала за ними в нескольких шагах позади. Святыни и Пенаты держал в руках Анхиз, ибо Эней только что вышел из битвы — его руки, оскверненные кровью, пока они не были омыты живой струей воды, не могли касаться святынь. Слуг своих они встретили у храма Цереры, стоявшего на краю города.

Никогда еще до сих пор оружие греков не страшило героя, но теперь, с отцом на плечах, ведя за руку ребенка, он пугался каждого шороха. Они только что вышли из города, когда позади послышался топот ног. Анхизу почудилось сверкание оружия. Они свернули с главного пути в сторону, а Креуса осталась позади; лишь у храма Цереры Эней заметил ее горестное для него исчезновение.

Поручив своего сына, отца и Пенаты своим товарищам, которых он встретил в условленном месте, он устремился обратно в город. Здесь ему пришлось увидеть страшные опустошения, совершенные надменным врагом, но напрасно он искал Креусу, напрасно снова и снова призывал ее.

Наконец перед ним явилась тень Креусы: ее фигура была как будто выше обычного. Голос замер у Энея в гортани. Креуса же обратилась к Энею со словами утешения:

— Зачем предаешься ты жестокой скорби, мой дорогой супруг? Боги не захотели, чтобы я тебя сопровождала. Перед тобою длинный путь, на берегах Тибра тебя ожидает царство и супруга царского рода. Перестань же плакать о любимой Креусе. Не уведут меня греки в числе троянских рабынь, я невестка Венеры, и ныне мать богов, Кибела, оставляет меня при себе в этих местах. Будь счастлив и всегда люби нашего сына.

Трижды хотел обнять ее Эней и трижды выскальзывал из его рук призрак Креусы, подобный легкому ветру или крылатому сну.

Эней возвратился к своим товарищам, оставшимся у храма Цереры. Подойдя к ним, он увидел, что за время его отсутствия отряд беглецов, обречших себя на изгнание, сильно вырос. До рассвета греки заняли все городские ворота, так что больше никто не мог ни войти, ни выйти из Трои. Энею не оставалось ничего другого, как удалиться со своими людьми в горы.

Там они построили для себя корабли и, так как летнее время этому благоприятствовало, пустились в море, со слезами на глазах простившись с землей, на которой некогда стояла Троя.

Впервые они пристали к берегам Фракии. Здесь Эней уже задумал основать город. Он решил начать с жертвоприношений. В ближайших зарослях мирта он выломал покрытую листвою ветвь, чтобы украсить ею алтари богов. Но из сломанного мирта закапала кровь, а из листвы послышался голос:

— За что ты так со мной обращаешься, Эней? Не оскверняй своих благочестивых рук, ибо это каплет моя кровь. Я Полидор, которого здесь убили. Беги лучше из этой жестокой страны!

Так Эней узнал о печальной судьбе своего родственника Полидора. Царь Приам послал его, своего самого младшего сына, к своему союзнику, царю Фракии, чтобы спасти хотя бы его, если Троя будет разрушена. Но царь Фракии поступил вероломно: когда стало известно о победе греков, он убил мальчика, чтобы завладеть троянскими сокровищами, данными Приамом Полидору.

Эней, отдав последние почести своему несчастному родственнику, поспешно оставил вместе со своим народом Фракию. Затем они остановились на острове Делосе. Здесь Аний, царь острова и жрец Аполлона, старый друг Анхиза, с радостью принял их. В святилище же Аполлона они получили прорицание:

— Могучие троянцы, та земля, откуда произошли ваши предки, счастливо примет вас в свое лоно. Ищите же свою древнюю мать; там будет править дом Энея, его сыны и сыны сынов его в течение многих поколений.

Анхиз разъяснил, что древняя родина — это остров Крит, оттуда пришел в Трою его шестой предок — Тевкр. Так они переплыли на остров Крит, где Эней заложил городские стены. Но и здесь чудесные знамения помешали поселению троянцев: губительный мор обрушился на людей и высохли поля.

Они уже решили было возвратиться на остров Делос и снова просить совета у Аполлона, когда ночью в потоке яркого света предстали перед очами Энея троянские боги, спасенные им из пламени горящего города, и сами Пенаты разъяснили, что Аполлон понимал под древней родиной не Крит, а Италию. Теперь и Анхиз вспомнил непонятные слова Кассандры, которая связывала будущее троянцев с Гесперией, со сказочной страной запада, но в то время никто не принял всерьез прорицания девы, провидевшей будущее.

Положившись на новое пророчество, троянцы снова вышли в море. Всеистребляющая буря настигла их в этом плавании. Три дня и три ночи они не видели солнца и звезд. Их кормчий Палинур не мог припомнить пути.

На четвертый день они достигли Строфадских островов. Пристали к берегу и здесь устроили жертвенный пир, заколов несколько быков из числа пасшихся здесь без всякого присмотра животных. Но тут отвратительные гарпии помешали им, как некогда царю Финею, отведать пищу. Когда троянцы взялись за оружие, чтобы прогнать гарпий, одна из них, Келено, привела их в ужас жестоким прорицанием:

— Юпитер возвестил Фебу, а Феб мне: вы достигнете Италии, но не сможете выстроить город до тех пор, пока голод не принудит вас грызть столы, пожирая их!

Бежав отсюда, несчастные троянцы поплыли между греческими островами и вдоль греческих берегов. В эфирском городе

Бутроте они встретились с троянцами: там правил Гелен, сын Приама, обладавший даром прорицания, с вдовой Гектора Андромахой. Жестокий Пирр, сын Ахилла, привел их сюда, а затем соединил их, раба и рабыню. Но после смерти Пирра Гелен чудесным образом стал царем в этом краю и, желая возместить потери Трои, назвал реку своей новой родины Симоэнтосом, а крепости — Пергамсом и Илионом в память о Трое.

Гелен и Андромаха радостно приняли Энея. Гелен изрек прорицание: их путь окончится там, где они встретят на берегу реки белую веприцу с тридцатью головами приплода. Он предупредил также Энея, чтобы тот обошел стороной восточные берега Италии, обращенные в сторону Греции, и остерегался бы Сциллы и Харибды, а также чтобы он примирился с богиней Юноной, а если достигнет Кум, то пусть испросит прорицания у Сивиллы.

Гелен щедро одарил всех, а Андромаха в память о бедном маленьком Астианакте дала Асканию одежды, расшитые ее собственными руками.

Эней, приняв совет Гелена, старался приблизиться к Италии с запада. Чтобы обойти Сциллу и Харибду, они обошли также и остров Сицилию. В Дрепане умер Анхиз; это была горестная потеря, к которой сыновнее сердце Энея не было подготовлено ни прорицаниями беспощадной Келено, ни прорицаниями Гелена.

— Оттуда бог направил нас к вашим берегам, — закончил рассказ о своем пути Эней.

Но царица Дидона уже не могла отделаться от своей страсти. Наутро она жаловалась своей сестре, Анне:

— С тех пор как умер мой бедный муж и с тех пор как мы утратили нашу отчизну, наш божественный гость — первый, кто смутил мою душу. Но пусть меня раньше поглотит земля, чем я стану неверной моей первой любви, — добавила она и зрыдала.

Но верная сестра успокоила ее мятущуюся совесть.

— Я вижу руку богов, содействие Юноны в том, что именно сюда прибила буря троянские корабли. Как был бы возвеличен наш город таким браком! Завистливые соседи следят за строительством стен, а ненависть нашего брата грозит войной. Как же возвысится слава пунов, если ее будет защищать оружие троянцев!

Они идут в храм, приносят жертвы богам, но прорицатели не могут на этот раз угадать будущего по внутренностям жертвенных животных.

Увидела с неба Юнона страдания Дидоны, увидела она также, что строительство города со времени прибытия Энея не продвинулось вперед.

— Да, прекрасную победу одержала ты со своим Купидоном, — во гневе напала она на Венеру. — Велика ли слава в том, что двое богов победили одну женщину хитростью? Ты достигла всего, чего хотела: Дидона сгорает в пламени страсти. Но почему бы нам не заключить союз, чтобы обеим сообща править этим общим народом!

— Кто же столь безумен, чтобы отвергать руку, предлагающую мир? — согласилась Венера. — Вопрос лишь в том, хочет ли Юпитер, чтобы троянцы и выходцы из Тира объединились в один народ?

— Это уж поручи мне.

И они договорились, что, когда Эней и Дидона пойдут в лес на охоту, неожиданная буря настигнет их в пути, а затем богини устроят так, что Эней и Дидона скроются в одной и той же пещере, в то время как их свита разбежится. Там свершится их тайный брак, а затем появится Юнона, богиня брачных уз, чтобы скрепить их тайный брак силой закона.

Так и произошло, как условились две богини.

Однако тотчас же Фама (Молва), богиня, переносящая на своих крылах вести, богиня, тело которой покрывает столько перьев, сколько у нее бдительных глаз, постоянно внемлющих ушей, и столько же ртов и языков, — Фама отправилась по городам Ливии с новостью, что пришел Эней, троянец по происхождению, и что Дидона проводит с ним всю зиму. До Ярбы, царя гетулов, также дошла весть об этих событиях.

Весть эта зажгла безумный гнев в его душе. Ведь когда Дидона прибыла в Африку и купила у него землю, он просил руки тирской царицы. Но она отвергла его, сына Юпитера-Аммона, чтобы теперь жить в свое удовольствие с чужеземцем, выброшенным на берег. Негодуя, он обратился к Юпитеру, которому в своем царстве он воздвиг сто храмов, сто алтарей.

— Всемогущий Юпитер, видишь ли ты все это или напрасно мы страшимся молний, которые ты мечешь? А в тучах блещут разве слепые огни и ничего не значат твои громы?

Выслушал Юпитер жалобу царя гетулов, обратил свой взор в сторону Карфагена, а затем послал туда Меркурия и сказал ему:

— Ступай, сын мой, и отнеси мой приказ забывшему о своем призвании Энею: он должен править Италией и устанавливать законы для всего мира. Скажи ему, чтобы он немедленно сел на корабль и отправлялся в путь.

Меркурий принял к сведению слова Юпитера и, надев на ноги золотые сандалии, поспешил в Карфаген. В это время Эней, одетый уже в тирский пурпур, руководил строительством города царицы Дидоны. Царица подарила ему ниспадающую с плеч мантию и меч, изукрашенный яшмой.

Посол богов направился прямо к Энею.

— Ты строишь по прихоти женщины город Карфаген и забыл о своих обязанностях. Юпитер послал меня к тебе с блистающего Олимпа и велел передать тебе: чего ты ищешь на полях Ливии? Если тебя не трогает собственная слава, то взгляни на Аскания: ему принадлежит царство Италии, земля Рима!

Сказав это, исчез из глаз смертного Меркурий.

У Энея от страха волосы стали дыбом, голос же замер в гортани, так испугало его появление бога. Но он готов был исполнить приказ богов и уже горел желанием покинуть землю, где провел столь прекрасные дни. Он не знал лишь, как сообщить Дидоне это решение. Поэтому он тайно отдал приказ своим верным товарищам подготовить корабли к отплытию. Те были счастливы выполнить это распоряжение.

Однако любящее сердце царицы нельзя было обмануть. Она заметила приготовления и стала страстно осыпать Энея упреками:

— Чего могу ожидать я от жизни, если ты покинешь меня? Мой злой брат Пигмалион разрушит мой город или возьмет меня в плен Ярба, царь гетулов, которого я прогневала тем, что тебе отдала свою руку. Если б я родила от тебя сына и маленький Эней играл бы в моем царском дворце, его лицо напоминало бы мне всегда твои черты и я не чувствовала бы себя покинутой.

И Энею эти слова причиняли боль, но проснувшееся в нем сознание своего предназначения не позволяло ему колебаться. В последний раз Дидона посылает свою сестру к кораблям:

— Скажи жестокому Энею, чтобы дождался он по крайней мере более благоприятных востров: я не хочу более, чтобы он ради моей любви отказывался от Лация, лишь прошу его остаться на время, достаточное для того, чтобы он научил меня примириться с моим жребием.

Но Эней, хоть и текли из глаз его слезы, остался непреклонным.

Бедная Дидона пожелала себе смерти. В этом решении утверждали ее и ночные видения; ей казалось, что она слышит голос Сихея, призывающего ее к себе. Но чтобы отвлечь внимание Анны, Дидона придавала своему лицу веселое выражение.

— Я уже знаю средство, — говорила она ей, внушая мнимую надежду, — как возвратить его к себе или по крайней мере как мне навсегда забыть любимого мужа. Этому научила меня жрица Гесперид в Массилии. Помоги мне возложить на костер все, что осталось от Энея: оставленное им в спальне оружие, брошенные им одежды и наше общее супружеское ложе.

Так они и сделали, призвав к костру богов подземного мира — Эреба, Хаоса, а также трехликую Гекату.

Была ночь, и все живое было объято сном. Лишь Дидоне не давали покоя гнев и любовь.

Энея же, спавшего спокойным сном на своем корабле, подготовленном к плаванию, бог Меркурий разбудил, чтобы он воспользовался благоприятным ветром. Будит Эней своих товарищей и приказывает отплывать. Он сам разрубает выхваченным из ножен мечом канаты, державшие корабли. Все быстро берутся за весла.

На рассвете Дидона напрасно искала глазами корабли из окна своего дворца.

— Итак, уехал? — воскликнула она, ударяя в отчаянии себя в грудь. — И нет никого в городе, кто преследовал бы вероломного? Пусть услышат боги мою мольбу: если и суждено Энею достичь назначенных Роком берегов, то пусть там он вступит в борьбу с отважным народом, пусть будет разлучен с Юлом, пусть увидит позорную гибель своих людей. А если наконец он сможет установить на позорных условиях мир, пусть не сможет долго им пользоваться. И пусть вечная ненависть разделяет его и мой народы, и пусть появится среди потомков пунов мститель, который отомстит за меня его внукам.

Затем она обратилась к сложенному накануне костру и, обнажив меч Энея, стала готовиться к смерти.

— Я жила и тот путь, который предназначила мне судьба, совершила. Я основала прекрасный город, и никто не был бы счастливее меня, если бы корабли троянцев не пристали к нашим берегам. Ныне умираю неотмщенной, и все же пусть я умру! — И без слов она упала на меч Энея. Ее приближенные застали ее уже истекающей кровью.

Печальная весть распространилась по всему городу. С горестным воплем поспешила к умирающей сестре Анна:

— Так вот для чего должна была я собственными руками готовить тебе этот костер! Почему же ты не взяла меня с собой в смертный путь?

Трижды поднималась несчастная Дидона и трижды вновь падала на ложе. Она умирала трудно, ибо решилась на гибель раньше срока. Наконец Юнона в небесах сжалилась над нею и послала к ней Ириду. Ирида, крылья которой горят тысячью цветов радуги, встав у нее в головах, срезала прядь волос Дидоны и принесла ее в жертву богу подземного царства Плутону, а душу Дидоны отделила от тела.

К тому времени троянские корабли ушли уже далеко, и лишь издали увидел Эней, как свет костра несчастной Дидоны отражался на стенах города.

Они уже видели повсюду лишь море и небо, но небо вдруг потемнело над ними. Кормчий Палинур первый заметил, что надвигается буря, и дал Энею мудрый совет уступить изменившемуся ветру и направить корабли к Сицилии. Так они возвратились к Акесту, принимавшему их уже один раз в Сицилии как гостей. И теперь он не отказал им в щедром гостеприимстве.

Как раз год прошел с того времени, когда в Сицилии был похоронен Анхиз. Как будто сами боги предопределили, чтобы Эней смог у праха отца благочестиво отметить скорбную годовщину.

Наутро после прибытия Эней собрал народ. Акест тоже присоединился к ним. Священным деревом своей матери — миртом покрыл свою голову Эней. То же сделали и остальные. Две чаши с чистым вином, две чаши со свежим молоком, две чаши со священной кровью жертвенных животных вылил он на землю. Затем Эней рассыпал на могиле багряные цветы и со вздохом произнес:

— Привет тебе, отец мой, привет вам, вновь обретенный священный прах, дух отца и могильные тени! Не дано нам судьбою искать вместе с тобой края Италии, поля, предназначенные нам роком, и еще неведомую реку Авзонии — Тибр.

Едва успел он это сказать, как из святилища выползла змея, свернувшаяся перед тем в семь колец, проскользнула среди алтарей, попробовав жертвенную пищу, и исчезла за могильным холмом. Эней же не знал, был ли то гений того места, служитель ли духа отца, но все-таки постарался с еще большей пышностью продолжить начатый обряд жертвоприношения в память отца.

На девятый день после этого начались праздничные состязания между троянцами и сицилийцами, устроенные Энеем в память сб Анхизе. За состязанием в гребле, где победил Клоант с помощью Портуна, бога гаваней, последовали состязания в беге, кулачные бои и стрельба в цель. Под конец юноша Асканий со своими товарищами показал военную игру на конях, называемую троянскими гонками.

Еще продолжалась игра, когда Юнона послала с небес к кораблям Ириду. Здесь женщины оплакивали Анхиза, когда среди них появилась Ирида в образе старухи Берои и призвала их сжечь корабли, чтобы окончить бесцельные странствования. Уставшие от долгого плавания женщины, послушались ее слов и, схватив факелы с алтарей Нептуна, кинули их на корабли.

Издали мужи увидели дым. Были прекращены праздничные игры, и все поспешили к кораблям. Услышав мольбу Энея, Юпитер пролил дождь, и огонь потух. Четыре корабля сгорели, а остальные были спасены

Тогда мудрый старец Навт посоветовал Энею отделить храбрых мужей, готовых перенести все опасности, от малодушных и взять с собой дальше лишь храбрых, а малодушных оставить с женщинами у Акеста. Ночью, во сне, Энею явился Анхиз, и дух отца внушил ему принять совет Навта.

— Возьми с собой в Италию лишь самых сильных духом, избранных юношей, ибо ты должен будешь там победить жестокий народ, — сказал Анхиз и приказал сыну также отыскать его в подземном мире с помощью Сивиллы.

Эней так и сделал. Акест был доволен, что увеличилось население, над которым он господствовал. Он основал для оставшихся троянцев город, получивший имя Акеста.

Тем временем Венера попросила у Нептуна помощи для своего сына; бог моря обещал богине, родившейся из моря, что теперь Эней беспрепятственно достигнет берегов Италии. Море ждет лишь одного человека как жертву, как выкуп за всех остальных.

Этой единственной жертвой стал Палинур, бывший дотеле бдительным кормчим. Но на этом пути он заснул ночью у руля и сонный упал в море. Эней оплакивал его и взял на себя управление кораблем.

Так скользил корабль Энея к берегам, где находился город Кумы.

Здесь они высадились. Эней отыскал храм Аполлона, построенный Дедалом, когда тот бежал из плена Миноса. В скале была огромная пещера, через сто выходов которой слышались пророчества Сивиллы, жрицы Аполлона, когда ее посещало божество.

— Сделай так, чтобы троянцев более не преследовали несчастья, — молил Эней Аполлона, а затем обратился к Сивилле. — Не вверяй своих прорицаний древесным листьям, чтобы не могли играть ими быстрые ветры. Прошу тебя, сама изреки предсказание.

И Сивилла, которая уже не могла противиться божеству, переполнившему ее грудь, так отвечала устами, покрытыми пеной:

— Тебя, прошедшего сквозь великие опасности на море, еще большие опасности ожидают на суше. Достигнут троянцы Лавиния. Об этом ты не заботься. Но они пожалеют. Лучше бы им не достигать его. Я вижу войны, истребительные войны. Я вижу Тибр, полный крови. В Лации уже рожден новый Ахиллес, также сын богини. А Юнона не перестанет преследовать троянцев, в то время как ты, находящийся в ужасном положении, кто знает, сколько еще народов и сколько городов в Италии будешь молить о помощи. И снова женщина-чужеземка навлечет на троянцев горе. Но ты не поддавайся беде:

путь спасения — чего ты меньше всего ожидаешь — откроется тебе со стороны греческого города.

Так говорила Сивилла. Энея же не уstraшили ее туманные речи — он был готов ко всему. Лишь одного просил он у Сивиллы — указать ему путь в подземное царство, чтобы он мог выполнить приказание отца.

И Сивилла помогла ему своими советами. Где-то в глубине леса скрыта золотая ветвь. Ее следует отыскать прежде всего, так как Прозерпина, царица подземного мира, ожидает ее в дар от приходящих к ней. Если эту ветвь срывают, на ее месте вырастает другая, также из золота. Сорвать же ее может лишь тот, кому это предначертано Роком. И еще на один долг благочестия обратила внимание Энея Сивилла: один из его соратников лежит непогребенным на берегу. Ему он должен отдать последние почести, прежде чем осмелится пуститься в путь в подземное царство.

Печальными раздумьями наполнили эти слова Энея. Вместе со своим верным спутником Ахатом он старался отгадать, кого же имела в виду Сивилла. И тут они нашли на берегу труп Мисена. Мисен был трубачом Гектора, а после смерти последнего примкнул к Энею. На берегу он пытался свистеть в пустые раковины, призывая в безумии богов на состязание. Но ревнивый Тритон, морской трубач, погрузил его в волны между скалами.

Все оплакали его, а затем пошли в лес собирать деревья для погребального костра. Эней пошел вместе со всеми. В лесу он выискивал взором среди деревьев золотую ветвь.

Вдруг два голубя — любимые птицы матери Энея, Венеры, — появились над его головой. Они-то и привели Энея к золотой ветке. Он благополучно сорвал ее с дерева, на которое сели оба голубя. За это время остальные закончили приготовления к погребению Мисена. После совершения обряда сам Эней позаботился о том, чтобы над прахом Мисена на вершине горы был воздвигнут достойный памятник. А гора с того времени в память о нем зовется именем Мисена.

Затем Эней приступил к жертвоприношениям, предписанным Сивиллой, на берегу черного озера, испарения которого убивали птиц, пролетающих над ним. Ночью Эней принес жертвы богам подземного мира, а на рассвете, в сопровождении одной лишь Сивиллы, смело вступил в Авернские ворота, ведущие в подземное царство.

Они достигли Ахеронта. У реки Кокит встретили они Харона. Этот перевозчик выбирал души, толпившиеся у его челна, и перевозил только тех, тела которых были погребены. А непогребенным предстояло еще в течение сотни лет скитаться. В печальной толпе непогребенных Эней узнал Оронта и Палинура.

Харон хотел задержать и Энея, но Сивилла показала ему золотую ветвь, которую она несла с собой спрятанной под одеждой.

Вот на них с лаем кинулся Кербер. Но когда Сивилла увидела на шее этого стража подземного мира извивающихся змей, она кинула в пасть псу пряник, начиненный одурманивающими зелиями. Пес схватил всеми тремя разинутыми ртами брошенный ему кусок, и тотчас же его огромное тело растянулось в пещере. Теперь уже ничто не преграждало путь Энею.

Тотчас же они услышали плач душ умерших в младенческом возрасте, а затем вопли несправедливо приговоренных к смерти и самоубийц. Судья подземного мира Минос каждому определил его место.

На скорбных полях живут те, кого свела в могилу несчастная любовь: здесь в лесу бродила со своей свежей раной царица Дидона.

— Так, значит, правду сказали мне о тебе, бедная Дидона, — обратился к ней Эней со слезами на глазах, — и я невольно оказался причиной твоей печальной смерти!

Но Дидона повернулась к нему спиной и поспешила в тенистые заросли, где ждал ее со своей любовью ее первый муж Сихей. Эней же, потрясенный, взглядом проводил ее исчезающий образ.

Сивилла привела Энея к дворцу Плутона. На его пороге он положил золотую ветвь и окропил себя свежей водой. Так прошел он через ворота туда, где раскинулись прекрасные цветущие луга. Перед его взором открылись рощи блаженных. Здесь находились те, кто отдал жизнь за родину, кто всю жизнь был жрецом с чистой душой, кто был благочестивым поэтом, служителем Феба в каждом своем слове, кто посвятил себя искусствам и этим делал жизнь благородней, — одним словом, все те, кто заслужил память людей о себе. Всем им голову обвивает белоснежная повязка. Мусей, певец древности, которого окружала большая толпа и который возвышался над всеми, указал путь пришельцам, ищущим Анхиза.

Отец же Анхиз в глубине цветущей долины взирал на длинный ряд своих внуков — на души, готовые подняться к дневному свету. Увидев Энея, он протянул ему обе руки и со слезами на глазах воскликнул:

— Ты пришел все-таки, твое благочестие преодолело трудный путь, и я могу теперь видеть тебя и слышать твой голос!

Трижды протягивал Эней свои руки, чтобы обнять своего отца, но трижды из рук его выскальзывал призрак, подобно легкому ветру или крылатому сну.

Вокруг них на берегу Леты витали души, подобно тому как пчелы, наполняя луг жужжаньем, летают в летнее время, са-

дятся на пестрые цветы и реют вокруг белых лилий. Это были души, очищенные от всего телесного в течение своих тысячетлетних страданий в подземном царстве. Они должны были из вод Леты испытать забвения, прежде чем начать новую жизнь.

Там толпились и потомки Энея. С высокого холма Анхиз указал на будущие поколения. Ряд его потомков открывал Сильвий, сын Энея, который позже должен родиться в Италии: он будет царем и предком царей, его воспитает в лесу его мать, изгнанница Лавиния. Был среди потомков и Ромул, основатель города Рима. Был там и потомок Юла, Август, который возродит в Лации золотой век, существовавший при Сатурне. Там в ряд стояли великие деятели римской истории, которым надлежало осуществить призвание Рима: управлять народами, устанавливать законы, щадить побежденных и ниспровергать войной непокорных.

После путешествия по подземному царству Эней возвратился к своим товарищам. Плывя вдоль берега, они достигли гавани Кайеты. Здесь они и бросили якорь.

Пристань эта получила свое название от Кайеты, верной кормилицы Энея, которая умерла именно в этом месте. Эней с установленными благочестивыми обрядами похоронил ее, прежде чем двинуться дальше. Они проплыли мимо земли Кирки, издали услышав жалобные голоса людей, превращенных дочерью Солнца в животных. Нептун послал Энею благоприятный ветер, чтобы не нужно было приставать к этим опасным берегам.

На рассвете они увидели устье Тибра. Тень густой рощи скрывала его, пенье различных птиц услаждало слух. Благополучно вошли корабли Энея и его товарищей в бухту, образуемую устьем реки.

В то время Лацием в течение долгих лет мирно правил старый Латин, сын бога Фавна и нимфы Марики. У него не было сыновей, а лишь одна дочь Лавиния, которая еще не была замужем и из-за руки которой соперничали итальянские юноши. Особенно настойчиво добивался ее руки Турн, молодой и красивый царь рутулов. Царице Амате хотелось, чтобы именно он стал мужем ее дочери. Но этому браку препятствовали различные знамения.

Посреди царского дворца стояло священное лавровое дерево. Его нашел сам царь Латин, когда закладывал город. Он посвятил его Аполлону, окружил стеной и по имени этого дерева, лавра, назвал свой народ лаврентами. Неожиданно на вершину дерева сел рой пчел, неизвестно откуда прилетевший с сильным жужжанием. Из этого чудесного предзнаменования

прорицатели сделали вывод, что Лавиния станет женой чужеземца, пришедшего издалека.

В другой раз, когда царь возжигал жертвенный огонь на алтарях, а Лавиния стояла рядом с ним, людям показалось, будто ее волосы и одежда охвачены огнем, все тело окутано дымом, а искры летят до крыши дома. Из этого видения заключили, что она принесет народу великую войну.

Царя беспокоили эти предзнаменования, и поэтому он посетил оракула своего отца, бога Фавна. Этот оракул находился в роще около источника Альбуны. Сюда сходились люди из всей Италии, ожидая ответа на свои сомнения. Кто приносил сюда жертвенные дары, а затем ложился на ночь на шкуры убитых овец, тот, одурманенный серными испарениями источника, во сне видел чудесные явления и слышал различные голоса, разговаривал с богами и в глубине Аверна беседовал с самим Ахеронтом.

— Сын мой, не отдавай свою дочь замуж за уроженца Лация, — услышал из глубины рощи царь Латин. — Издалека придет жених, кровь которого возвысит наше имя до звезд и внуки которого увидят у своих ног весь земной круг.

Фама, богиня молвы, разнесла это пророчество уже по всей Италии, когда троянские корабли пристали к берегам Лация.

Эней, Юл и другие вожди расположились в тени высокого дерева и стали готовить себе простой обед. Они клали на плоские лепешки, которые служили им как бы столом, дикие плоды. Когда же плоды были съедены, они коснулись зубами и лепешек.

— Вот мы уже и столы едим, голодные, — сказал шутливо Юл. Это заставило Энея вспомнить прорицание гарпии: там будет положен конец их странствованиям, где голод принудит их есть столы.

— Приветствую тебя, земля, предназначенная мне судьбой! Приветствуют вас и верные Пенаты Трои! Здесь наш дом и наша родина! — И окружив свои виски зеленеющей веткой, он обратился с мольбой к богам, и прежде всего к гению места, Теллурию; к земле, к окрестным нимфам и к еще неизвестным рекам.

На следующий день они ознакомились с местностью. Эней отправил сто послов с дарами и со знаком мира — оливковыми ветвями — к царскому дворцу. Пока послы шли туда, чтобы снискать благоволение Латина, сам Эней начал возводить городские стены на берегу моря.

До Латина уже дошла весть о том, что прибыли в незнакомой одежде и грозные на вид мужи. Престарелый царь принял послов во дворце своего божественного предка Пика.

— Если сюда вас забросила буря, — сказал он ласково, — то не пренебрегайте гостеприимством латинов. Ведь это народ Сатурна, которому не нужны законы, чтобы быть справедливым.

От имени послов Энея ему ответил Илионей:

— Не случайная буря и не обманчивая звезда привели нас сюда, но, потеряв свою родину, мы наметили этот город целью своего пути. Спасшись от бури, столкнувшей друг против друга Европу и Азию, мы ищем скромного места поселения для наших старых богов и берега, который не таил бы злого намерения, мы ищем воды и воздуха, которые были бы доступны для каждого. Будем мы достойны твоего царства и не принесем мы тебе ущерба, если ты примешь нас. Другим народам также хотелось бы вступить с нами в союз, но нас заставил Рок отыскивать твою землю. Отсюда происходил предок троянцев Дардан; Аполлон повелел, чтобы мы снова нашли Тибр и священные топи источника Нумика. — С этими словами он преподнес дары Энея, сокровища Трои, спасенные из пламени: золотой кубок Анхиза, царский скипетр Приама, одежды, расшитые руками троянок.

Латин вспомнил пророчество.

— Мы дадим тебе, троянец, все, что ты просишь, — сказал он радостно, — пусть только сам Эней придет ко мне, я пожму ему руку как союзнику. А пока отнесите ему мои слова: есть у меня дочь-девица, о которой оракул возвестил, что она возьмет себе мужем чужеземца, прибывшего издалека. Если меня не обманывает предчувствие, то он — тот, о ком возвестил мне Рок.

Пешком пришли послы Энея, а возвратились на конях: Латин подарил каждому из них по скакуну в богатом уборе, а Энею послал колесницу, запряженную парой коней, происходивших от коней Солнца.

Боль пронзила сердце Юноны, когда она увидела, что Эней уже строит город.

«Если сама я не могу достичь своей цели, то двину богов-небожителей и Ахеронт», — подумала она и устремилась к Фурии подземного мира Аллекто.

— Спаси мою честь, — сказала она ненавистнице Аллекто, дочери Ночи. — Расстрой этот брак, ведь ты можешь даже дружных братьев вооружить друг против друга.

Прежде всего Аллекто отыскала Амату и одну из змей из своих волос спрятала у нее на груди, наполнив ее ядом.

— Значит, Лавиния будет женой пришедшего троянца? — обратилась жалобным голосом царица к своему мужу. — Но разве тебя не связывает обещание, которое ты дал Турну? Если уж к этому тебя принуждает приказ твоего отца Фавна и ты желаешь иметь зятем чужеземца, то подумай о том, что чужой землей можно считать ведь всякую область, которая непод-

властна твоей царской воле. А затем, ведь если хорошенько подумать, то окажется, что предки Турна происходили из далеких Микен. Это Инах и Акризий.

Когда же она увидела, что Латина не убеждают ее слова, то, объятая яростью, устремилась в лес, увлекая за собой и дочь, чтобы спрятать ее от жениха. Затем она призывает женщин и говорит:

— Послушайте, латинские матери, если ваши благочестивые души не отвернулись от несчастной Аматы, если вас гложет забота о материнских правах, то сбросьте повязки с ваших волос и справьте со мною в лесу оргию в честь Бахуса.

Нарушив мир в доме Латина, фурия направилась в столицу рутулов Ардею и здесь, явившись во сне Турну, стала возбуждать его на борьбу против соперника. Затем она вызвала смятение на берегу моря, где охотился Юл. Здесь она натравила его собак на оленя, принадлежавшего сыновьям Тирра, царского пастуха. Этого оленя сыновья Тирра отняли когда-то от вымени матери, а затем его воспитала их сестра Сильвия, так что олень стал ручным, привык к рукам и столу своей госпожи. К ночи он всегда возвращался со своих прогулок по лесам к приюту пастуха.

Этого-то оленя и погнали собаки по берегу реки, куда он шел, чтобы напиться свежей воды. Юл не был ленив, он нацелился своим оружием и попал в прекрасного зверя. Бедняга прибежал раненый домой и жалобным ревом наполнил дом. Сильвия призвала на помощь пастухов. Те же — ибо яд Аллекто скрывается и в немой тишине леса — пришли кто с чем мог: кто с обожженным колом, кто с дубиной, полной острых сучков. Они столкнулись с троянцами, затеяли бой, и вот уже самый старший сын Тирра, Альмон, падает, сраженный троянской стрелой. Та же судьба постигает престарелого Галеса, самого богатого в Авзонии человека. Он имел бесчисленные стада и землю, распаханную сотней плугов, и предстал перед сражающимися с намерением склонить их к миру.

С гордостью Аллекто сообщила Юноне, чего она достигла. Это удовлетворило богиню, и она отправила Аллекто снова в подземный мир. Остальное Юнона могла довершить уже сама.

Пришли пастухи в город, принеся с собою тело молодого Альмона и старого Галеса, чтобы Латин сам посмотрел и принял меры. Пришел и Турн и еще более увеличил общее смятение, объявив, что троянцы приняты в страну, приняты в царский род, в то время, как он сам изгнан с порога царского дворца. Пришли и те мужья, от которых по призыву Аматы ушли в лес их жены. Все они требуют у Латина начать войну с троянцами. Сам же он не хочет нарушить союзническую верность, которую он только что обещал Энею, но не может и

успокоить страсти. И, возложив ответственность на Турна, он заперся во дворце.

А Юнона распахивает ворота храма Януса — царь Латин не мог решиться на это сам — и тем самым дает знак для начала войны. В итальянских городах — Атине, Тибуре, Ардее, Крусту-мерни и Антемнах — начинается лихорадочная подготовка к войне, их жители куют оружие.

Готовые к войне, выступают союзники Турна. Первым идет безбожный царь этрусков Мезенций со своим сыном Лавсом, который стоил большего, чем его отец. В войну вступают также Авентин, сын Геркулеса, тибуртские близнецы Катила и Кора, основатель города Пренесте, Кекул, сын бога Вулкана, а также потомок Нептуна, Мессап, и другие. Выше всех их на голову был царь рутулов Турн. Отряды вольсков привела девушка Камилла. Из крепости Лаврента подал Турн знак к войне. Он направил также послов в город Диомеда с просьбой, чтобы этот город, как основанный греками, предоставил ему помощь в войне против старых врагов греков — троянцев.

Эней также видел приготовления к войне. Ни днем, ни ночью заботы не давали ему покоя. Во сне предстал перед ним бог реки Тибра, Тиберин. Он внезапно появился среди тополей с венцом из тростника на голове и посоветовал Энею вступить в союз с царем города Паллантея, выходцем из Аркадии, Эвандром, который издавна находился во враждебных отношениях с латинами. Он повторил прорицание, что город Энея будет воздвигнут там, где Эней встретит белую веприцу с тридцатью поросятами. Он обратил внимание Энея на необходимость примирения путем жертвоприношения и молитв с самым сильным его врагом — Юноной. Сказав все это, он исчез в глубоком лоне реки.

Эней не мог больше спать. Он смотрел на лучи восходящего солнца и, зачерпнув горстью речной воды, обратился к нимфам Лаврента и к самому отцу Тиберину:

— Тебя, который пощадил нас в нашей беде, буду всегда и всюду чтить и приносить тебе дары, богатый властелин вод Гесперии. Но пусть будет со мною и помогает мне твоя сила, выполни свое обещанье!

Едва он так сказал, как на берегу Тибра появилась белая веприца с тридцатью белыми поросятами. Всех их принес Эней в жертву Юноне в знак примирения. А Тибр вдруг успокоил свои волны, дав путь Энею, который с несколькими товарищами отправился к Эвандру, в город, построенный на месте будущего Рима.

В тот день Эвандр вместе со своим народом праздновал ежегодный праздник Геркулеса в память о том времени, когда Геркулес, возвращаясь после борьбы с Герионом, освободил

этот край от Кака, гиганта, жившего в пещере. Он сердечно принял Энея, в котором признал сына своего старого друга, ласково принял и товарищей Энея, усадил их за праздничный стол и заключил с ним союз.

Ночь они провели в скромном приюте Эвандра, жившего с простотой, свойственной золотому веку. Утром старый царь отправил Энея в путь, отдав ему своего единственного сына Палланта с четырьмястами воинов в залог их союза. За большей вооруженной помощью Эвандр отправил Энея к этрускам, царь которых, Мезенций, изгнанный за безбожие и деспотическую жестокость, находился в стане Турна, почему и мог рассчитывать Эней, противник Турна, на союз с этрусками.

Около этрусской столицы Агиллы (Цере) Эней встретился с этрусками и их вождем Тархоном. В это время среди туч появилась в сверкающем блеске Венера. Она принесла в дар своему сыну Энею прекрасное оружие, изготовленное по ее просьбе супругом Венеры, Вулканом. Особенно красивы были украшения щита. Здесь бог, знающий будущее, изобразил историю Рима, потомков Аскания-Юла, начиная с детства Ромула и Рема до битвы при Акциуме, в которой Октавиан Август победил ссюзника Клеопатры Антония. В этой битве сам акциумский Аполлон, управляющий человеческими действиями, победил аморфных богов Востока, египетского бога Анубиса, бога с собачьей головой, поднявшего оружие против Нептуна, Венеры и Минервы.

Пока с обеих сторон велись приготовления и Эней находился вдали от только что основанного города, Юнона послала Ириду к Турну, чтобы посоветовать ему, воспользовавшись отсутствием Энея, предпринять решительные действия. Троянцы, заметив приближение отряда Турна, укрылись за стеной города. Как голодный волк рыскает вокруг овчарни, так Турн ищет прохода через стены. Поняв, что его старания здесь напрасны, он направил свою ярость в другом направлении: схватив в руки горящий факел, он призывает товарищей своих сжечь корабли троянцев, стоящие у берега.

Но Кибела, чьи сосны рубил Эней в лесу горы Иды для строительства флота, еще раньше выпросила у Юпитера особую привилегию, а именно: как только троянцам не нужны будут их корабли, пусть эти корабли превратятся в морских нимф. Теперь, после выступления Турна, мать богов поняла, что настал сбежанный день. Она появилась перед сражающимися войсками и обратилась к ним громовым голосом:

— Не спешите вооружаться для защиты своих кораблей, троянцы! Турн скорее подожжет море, чем эти священные сосны. Вам же, богини моря, — обратилась она к кораблям, — ваша мать приказывает, отделившись от берега, уйти в путь.

Тотчас же все корабли порвали канаты, привязывавшие их к берегу, и, словно дельфины, врезались носами в волны. Когда же они всплыли, оказалось, что каждый корабль превратился в прекрасную девушку-нимфу.

— По крайней мере троянцы остались без кораблей и теперь не смогут спастись морем, — сказал Турн, считая это превращение знамением своей победы. И в его стане, окружавшем город, началось веселье.

А внутри городских стен троянцы были озабочены тем, как сообщить Энею о своем затруднительном положении. Два друга, Нис и Эвриал, которым было поручено охранять ворота, взялись с опасностью для жизни прорваться через стан рутулов и известить Энея. По пути они произвели большое опустошение среди врагов, отяжелевших от вина и сна, и взяли богатую добычу, но уже вне стана им повстречался Вольсцент с отрядом в триста всадников.

Только что захваченный как трофей, шлем на Эвриале сверкнул в темноте ночи и выдал Эвриала. Нис успел убежать в лес. Бегству же Эвриала помешала тяжелая добыча. Но когда Нис издали увидел, что Вольсцент угрожает жизни его верного друга, он ринулся из зарослей на Вольсцента.

— Здесь я, замысливший это дело! — воскликнул Нис. — Я небом клянусь, что не совершал и не мог совершить преступления этот юноша, он лишь чрезмерно любил своего несчастного друга.

Но кровь Эвриала уже пролилась. Голова его откинулась назад. Он умер так, как умирает пурпурный цветок, подрезанный плугом у корня. Нис отомстил Вольсценту за смерть друга, и затем сам упал, сраженный, рядом с другом.

* * *

Эней же, не подозревая о том, что нужно было защищать против отважного нападения возродившуюся в Италии Трою, вместе с Паллантом находился у вождя этрусков Тархона. Этрусские с радостью вступили с ним в союз, так как древнее пророчество обещало им, что чужеземный вождь приведет их к победе. Завершив свои дела, Эней повернул свои корабли в обратный путь по Тибру, сопровождаемый своими новыми союзниками — сыном Эвандра, Паллантом, и вспомогательным отрядом этрусков, занявшим тридцать кораблей.

Была ночь. На своем корабле рулем правил сам Эней. Вдруг он заметил хоровод морских нимф.

— Ты бодрствуешь, божественный Эней? — обращается к нему одна из нимф, Кимодокея. — Бодрствуй же и подними свои паруса! Мы — сосны с гор Иды, бывшие некогда твоими кораблями, теперь же — морские нимфы. — И она рассказала, как

и почему превратила Кибела корабли в нимф, как выступил Турн против троянцев и в каком трудном положении находится Асканий вместе с остальными троянцами.

Эней обратился с молитвой к Кибеле и приказал своим товарищам готовиться к битве. Наутро увидел он издали осажденный город троянцев. Заметив приближающегося Энея, троянцы на городских стенах возликовали. Вокруг головы Энея вилось золотистое пламя. Это видение вызвало у италийцев удивление, но не повлияло на смелость и самоуверенность Турна.

Турн хотел помешать высадке на берег вновь прибывших воинов. Вспыхнула жаркая схватка. Обе стороны отважно сражались. Вступили в схватку друг против друга два юноши-героя — Паллант и Лавс. Турн по совету своей сестры, нимфы Ютурны, поспешил на помощь Лавсу.

Напрасно Паллант молил о помощи божественного гостя и друга своего отца — Геркулеса. Героический юноша Паллант пал, сраженный копьем Турна. Труп героя Турн отослал аркадцам, забрав себе в качестве трофеев его роскошные доспехи, а также тяжелый, с выпуклыми украшениями, пояс. Доспехи и пояс юноши Турн гордо надел на себя.

Эней не позабыл о том сердечном гостеприимстве, которое Эвандр оказал ему, чужеземцу. За смерть Палланта он захотел тут же отомстить. Но Юнона вырвала из битвы Турна и направила его в Ардею, крепость его предков.

После Турна в самую гущу сражающихся вступил Мезенций. Эней нанес ему тяжелую рану. Лавс, увидев это, поспешил на помощь. Лишь до этого момента Парки пряли Лавсу нить его жизни, Эней убил его, а затем сам же оплакивал благородного юношу.

Между тем Мезенций омывал свою рану на берегу Тибра. Он часто посылал гонцов к сражающимся, чтобы ему приносили вести о сыне, пока наконец ему не принесли на щите тело Лавса. Мезенций посыпал прахом свои седые волосы.

— Разве я настолько привязан к жизни, чтобы ценой жизни моего сына я мог продолжать жить? — воскликнул он и, не заботясь более о своей глубокой ране, возвратился в бой, чтобы настигнуть Энея. А когда сам пал от руки Энея, единственной его просьбой было:

— Не воспрепятствуй тому, чтобы тело мое предали земле. Знаю, что собственный мой народ ненавидит меня. Защити меня после моей смерти от его ярости и позволь предать меня вместе с сыном погребению в общей могиле.

На рассвете следующего дня Эней повесил оружие Мезенция на дуб, лишенный листьев, как знак победы в честь Марса. Затем он простился со своими погибшими соратниками, кото-

рые ценой своей жизни приобретали для троянцев родину в Италии. Тело юноши Палланта с почестями, достойными его героической смерти, он отправил домой, Эвандру, в сопровождении отряда избранных мужей. Затем он заключил перемирие с латинами на двенадцать дней, чтобы обе стороны могли похоронить своих мертвецов.

Еще продолжались траурные дни, когда в Лаврент возвратились, не выполнив своей задачи, послы латинов, отправленные к Диомеду. Греческий герой, не возвратившийся из Трои домой, на землю своих предков, а основавший в Апулии новый город, Арпы, отказался заключить союз против остатков троянцев, защищаемых богами. Он даже посоветовал латинам добиться мира с троянцами.

Собравшись на собрание в царском дворце, вокруг трона Латина, вожди латинов выслушали ответ Диомеда. Престарелый царь охотно заключил бы мир с троянцами. Он даже был склонен выделить троянцам из своего царства область, пригодную для поселения.

Старый враг Турна, Дранкей, одобрил это и выразил пожелание, чтобы для скрепления мира Энею была предложена рука царской дочери. Если же Турн не согласен, пусть он вступит в единоборство с троянским героем, но пусть не стремится к тому, чтобы ради него был опустошен весь Лаций.

— Ты, Дранкей, много говоришь, когда война требует сильных рук, — напал на него с гневом Турн, не желавший и слышать о том, чтобы просить мира. Он был готов вступить в единоборство с Энеем.

Но к этому времени перемирию пришел конец. В Лавренте еще спорили, произнося речи, когда Эней начал наступление против города.

— Так держите совет и сидите, восхваляя мир, а в это время враги с оружием врываются в нашу страну! — воскликнул, одерживая верх, Турн и поспешил к выходу из города. Он быстро построил для защиты города отряды союзников.

А в это время внутри города старый Латин обвинял себя в том, что он не принял Энея как зятя. Весь город готовился к борьбе. Жители старались укрепить ворота. Матери, окружив толпой царицу, несли свои дары в крепость, где находился храм богини — защитницы города. С молитвами прошла туда и Лавиния, невольная виновница ужасных бедствий, стыдливо опустив очи.

В битве, развернувшейся перед городом, отважнее всех проявила себя Камилла. Укоряющие слова Тархона едва могли удерживать от бегства союзников троянцев — этрусков, пока героическая девушка не погибла. За ее гибель отомстила посланница богини Дианы.

Весть о смерти Камиллы застала Турна в лесу. Он возвратился к городу и неожиданно настиг Энея под стенами города. Вожди чуть было не столкнулись, но наступила ночь. Обе стороны тогда отошли в свои станы.

Наутро Турн явился к Латину, чтобы объявить о своей готовности вступить в поединок с Энеем: пусть Лавиния будет женой победителя. Напрасно престарелый царь говорил, что в Лации есть и другие достойные Турна девушки: нужно отдать руку Лавинии в качестве залога мира пришедшему издалека жениху, о котором давно уже было дано пророчество, и не подвергать опасности народ латинов, а жизнь молодого Турна — верной гибели. Напрасно удерживала Турна и плачущая царица Амата. Турн запряг в колесницу коней, равных в скорости ветру, которых подарила дочь Борея, Орифия, его предку, богу Пилумну. Взял он меч, изготовленный самим Вулканом для его отца, Давна, и закаленный в водах Стикса. Эней же надел вооружение, подаренное ему матерью.

Юнона с Альбанского холма наблюдала за приготовлениями. Заботясь о Турне, она с такой речью обратилась к сестре Турна, Ютурне, нимфе источников, которую страсть Юпитера сделала богиней:

— Ты знаешь, что из всех латинских девушек, которых дарил страстью Юпитер, лишь тебя я люблю. Я охотно дала бы место тебе и на небе. Говорю тебе заранее, какая скорбь ожидает тебя, чтобы ты после меня не винила. До сих пор я могла защищать Турна и ваши стены, но ныне уже Рок, которому твой брат готовится противостоять, превосходит его силы. С силой врага приближается день, уготованный ему Парками. Иди и попытайся своим присутствием сделать все, что сможешь, для своего брата.

Лила слезы Ютурна и ударяла себя кулаком в грудь. Но Юнона наставляла ее:

— Теперь не время для слез. Спеш и, если можешь, вырви своего брата у смерти.

Тем временем враждовавшие стороны скрепили договор клятвой Энея и Латина.

Но тут среди рутулов появилась Ютурна, принявшая облик одного из героических бойцов, Камерта. Она внесла беспокойство в ряды рутулов.

— И вам не стыдно? — укоряла она их. — Вместо общего выступления вы подвергаете опасности одну лишь жизнь! Едва ли нас меньше числом, едва ли мы слабее объединенного войска троянцев, аркадцев и этрусков! Если бы выступили все, то на каждого из нас пришлось бы едва ли по одному противнику. Но если Турн победит, вся слава достанется ему, если же он погибнет, то всех нас ждет вечное рабство!

Эта речь влила желание сражаться в тех, кто уже радовался миру. Этому способствовало и небесное знамение: орел напал с высоты на стаю прибрежных птиц и схватил нежного лебедя, после чего остальные птицы густой стаей начали преследовать орла и вынудили его выпустить свою жертву. Это знамение так разъяснил гадатель Толумний:

— Я узнал волю богов, — возликовал он. — Я, я пойду впереди! Все вы берите оружие. Все как один спасайте вашего царя от опасности и увидите, как побежит пришелец, опустошивший ваши берега! — И с этими словами он метнул копье, нарушив только что заключенный договор.

Среди союзников Энея находились девять сыновей аркадца Гиlipпа. Одного из них настигло брошенное наобум оружие. Остальные братья, чтобы отомстить, устремились на латинов, и в один момент снова вспыхнула кровавая сеча. Сам царь Латин в тревоге возвратился в город богов, оскорбленных нарушением договора, заключенного в их присутствии. Напрасно протягивал невооруженную руку благочестивый Эней:

— Куда же вы мчитесь? Усмирите свой гнев! Уже заключен договор и установлены условия: я один буду сражаться с Турном. Не бойтесь!

Но его примиряющие слова поглотил хаос. Сам же Эней был ранен стрелой. С противной стороны Турн уже в беспощадном воинственном неистовстве устремился против народа Энея. Асканий и верный Ахат увидели истекающего кровью Энея. Любимец Аполлона, Япиг, пытался лечить его, но не мог вытащить стрелу из раны до тех пор, пока Венера, скрывшись в темном облаке, не принесла тайно целебную траву, сорванную ею в горах критской Иды. Когда же прекратилось кровотечение и боль, острие стрелы легко поддалось руке врачевателя.

— Быстро несите оружие герою! — воскликнул Япиг. — Ибо не моя рука, а рука бога исцелила тебя, и это призыв к еще большим делам, Эней!

Эней простился с сыном:

— Мужеству учись у меня, а счастьем — у других! — И, надев оружие, возвратился к сражающимся. Вокруг него битва разразилась с ужасающей силой. Вот погиб уже авгур Толумний, первый нарушивший перемирие. Эней искал взглядом Турна, но его боевую колесницу отвела с пути Энея Ютурна, принявшая облик возницы Турна.

Казалось, Юпитер хотел, чтобы троянцы и италийцы в столь жестокой борьбе истребили друг друга, прежде чем эти два народа объединятся в вечном союзе.

Наконец, по внушению своей прекрасной матери, Эней отдал приказ:

— Уж если латины не сдаются сами, то я уничтожу причи-

ну этой войны — разрушу столицу Латина, сравнив с землей дымящиеся крыши! Быстро несите факелы и мстите огнем за нарушенный договор!

Великое смятение возникло в городе. Признавая себя виновницей бедствий, царица Амата кончила жизнь самоубийством. Лавиния и Латин погрузились в печаль. Горестные крики со стен города достигли Турна. Ютурна же более не могла защитить его от опасности.

— Рок побеждает, сестра, — сказал он Ютурне, которую узнал в облике своего возницы. — Не удерживай меня, пойдем туда, куда призывает нас бог и беспощадная Фортуна. — И возвратившись к сражающимся, под стенами города он встретился наконец с Энеем.

Оба вождя сошлись в боевой схватке. Но меч Турна сломался. Вблизи стояло посвященное Фавну оливковое дерево. Троянцы срубили его, как ненужное препятствие. В корне этого дерева засело копье Энея. Потерявший ум от страха Турн, взмолился:

— Фавн, молю тебя, сжался надо мной, и ты, Мать-Земля, удержи железо, ведь я всегда чтил вас, а ныне народ Энея войной осквернил вас.

Эней не мог вытащить копья до тех пор, пока Ютурна не заменила Турну сломанного оружия. После этого Венера освободила копье Энея из корней, и оба героя снова устремились друг на друга.

Юнона наблюдала за борьбой из темной тучи. К ней приблизился Юпитер и стал упрекать ее за то, что она не может примириться с судьбой и направила Ютурну в безнадежный бой.

— Игра подходит к концу. Ты преследовала троянцев на суше и на воде, разожгла безмерный огонь войны, сумела унижить царский дом и примешать скорбь к радостям свадьбы. Но запрещаю тебе идти дальше по этому пути!

Потупив взор, отвечала Юнона:

— Пожалуй, я кончу борьбу. Но об одном лишь прошу, и это не расходится с предначертаниями Рока: если они скрепят счастливым браком свой союз, не должны латины менять свое имя и зваться троянцами и не нужно им менять их одежду и язык. Пусть останется Лаций, как и был, под властью альбанских царей из поколения в поколение. Пусть италийское мужество укрепит будущую власть римлян. Погибла Троя, так пусть же теперь и имя Трои сгинет.

Юпитер согласился с этим.

— Пусть сохраняют древний язык и древний обычай жители Авзонии. Пусть они оставят и свое имя, и лишь кровь их пусть смешается с кровью поселившихся среди них троянцев. Лишь

порядок поклонения богам будет установлен по троянскому обычаю. И их всех я сделаю латинами с единым языком. Тот народ, который произойдет от авзонийской крови, увидишь, будет благочестием выделяться среди всех людей и даже среди всех богов. И ни один народ на земле не будет подобно им столь высоко чтить тебя.

И вот Юнона покинула тучу. Юпитер же послал одну из фурий к Турну. Та в образе совы, несущей смерть, испугала Ютурну, которая находилась около своего брата.

— И этот дар я приняла за свою любовь! — зарыдала Ютурна, она рвала на себе волосы, царапала свое лицо ногтями и била кулаками в грудь, так как почувствовала неотвратимую близость смерти. — Если бы Юпитер не дал мне вечной жизни, я могла бы по крайней мере сопровождать своего несчастного брата в царство теней. О, почему земля не может разверзнуть свою глубину, чтобы я, богиня, могла попасть к душам подземного мира.

Сказав так, она покрыла голову синим покрывалом, и, тяжело вздыхая, скрылась в волнах глубокой реки.

Турна охватил ужасный страх смерти, когда он не нашел более рядом с собой ни сестры, ни своего возницы. Чувство смертельного одиночества сковало его силы.

Он остался один на один с Энеем, который метнул в него свое копьё. Раненный копьем в бедро, опустившись на колени, Турн протянул с мольбой руку Энею.

— Я это заслужил. Пользуйся своим счастьем, — сказал он. — Но если ты можешь сжалиться над бедным отцом — ведь и у тебя был престарелый отец, Анхиз, — смилуйся над седидами Давна и отдай меня моим родным. Ты победил. Теперь латины могут увидеть, как побежденный с мольбой протягивает руку. Твоей женой будет Лавиния. Но не иди дальше в своей ненависти.

Эней уже готов был пощадить поверженного врага, но вдруг заметил у него на плече перевязь Палланта, взятую Турном в виде трофея. Эней вспомнил о жестоком горе, которое причинила ему смерть любимого им юноши. И воскликнул он в гневе:

— Ты надеялся спастись от меня оружием, снятым с моего верного друга! Паллант наносит тебе эту смертельную рану! — И с этими словами отнял у Турна жизнь*.

РОМУЛ И РЕМ

Рано утром пришла на берег реки весталка Сильвия, чтобы в свежей воде омыть священную утварь храма; колышавшейся мягкой походкой приближалась она к слегка покато́му берегу,

* Vergil., Aeneis.

неся на голове глиняный кувшин. Придя к берегу, она поставила сосуды, а сама опустилась на землю, чтобы немного отдохнуть. Она подставила ветерку свою грудь и поправила растрепавшиеся кудри. И пока она сидела, тенистые ивы, щебечущие птицы и легкий плеск воды убаюкали ее.

Увидел ее Марс и влюбился в нее. Девушка же не знала, что во сне ее обнимал бог. Проснувшись, она промолвила, опершись на иву:

— Какой счастливый я видела сон! Я стояла у алтаря, шерстяная повязка упала у меня со лба, и из нее выросли две пальмы. Одна была выше другой, своими густыми ветвями она покрыла всю землю, а листья ее достигали звезд. Но мой дядя хотел срубить оба дерева, и сердце мое содрогнулось, когда я увидела это. Однако птица Марса, дятел, и волчица защитили обе пальмы.

Так говорила жрица Весты, наполняя кувшин водой. И хотя силы ее уменьшились, она подняла кувшин.

Сильвия стала матерью Ромула и Рема. Когда узнал об этом жестокий Амулий, присвоивший себе царство Нумитора, отца Сильвии, он приказал слугам утопить новорожденных в Тибре. Но вода реки ужаснулась преступлению и нежно вынесла младенцев на сушу. Волчица кормила их молоком из своих сосцов, а дятел приносил им пищу, пока их не нашел Фаустул, добрый пастух, который вместе со своей женой Аккой Ларенцией воспитал обоих.

Когда юношам было по восемнадцати лет, они уже творили суд среди пастухов. Они смело выступали против разбойников и возвращали хозяевам угнанный у них скот. Позднее они убили Амулия и возвратили своему деду царство в Альбе-Лонге*.

* * *

Ромул и Рем решили основать новый город. По полету птиц они хотели выяснить, кому из них закладывать стены. Ромул пошел на Палатинский холм, а Рем — на Авентинский. Оттуда они следили за полетом птиц. Рем увидел шесть птиц, а Ромул — двенадцать, так что последнему досталось право закладывать город.

В праздник богини Палесы они начали работу. Они выкопали ров и бросили туда хлебные зерна, затем свезли туда землю с соседних участков и поставили над засыпанным ровом алтарь, на котором вскоре запылало пламя жертвенного огня. После этого Ромул провел борозду плугом, в который были запряжены белоснежный бык и корова. Эта борозда наметила место городской стены. Ромул произнес молитву:

* Ovid., Fasti, III, 11—68.

— Юпитер, отец Марс и мать Веста, помогите основанию города! Пусть этот город живет долго и господствует над всем миром!

Юпитер подал благоприятный знак: слева загремел гром и сверкнула молния. Вскоре поднялась стена города. Руководил работой Целер, которого назначил для этого Ромул, приказав ему:

— Позаботься о том, чтобы никто не перескакивал через стены. Тот, кто посмеет это сделать, будет предан смерти!

Рем, не знавший об этом приказе, начал насмехаться над низкими стенами:

— Разве могут они защитить народ? — И с этими словами он перепрыгнул через стены.

Целер убил его лопатой. Когда же Ромул узнал об этом, он проглотил слезы и затаил горе в груди, чтобы показать пример.

— Пусть только посмеет враг прыгать через мои стены! — сказал он. Но, воздавая последние почести Рему, он дал волю своей тайной скорби, целовал брата, прося прощения у того, кому помимо своей воли причинил смерть. Вместе с ним плакали Фаустул и Акка и будущие граждане города *.

КВИРИН

Бог оружия Марс, увидев новые стены и узнав о многих войнах, в которых Ромул оказался победителем, обратился к Юпитеру с такими словами:

— Могущество римского государства уже обеспечено. Теперь нет необходимости, чтобы моя кровь, мой сын служил этому государству. Отдай же отцу его сына. Если второй уже пал, пусть Ромул вместо Рема останется при мне. «Будет один, которого ты поднимешь в голубизну неба», — обещал ты мне, а словам Юпитера нельзя не сбыться.

Одобрил эти слова Юпитер. От его кивка зашатались оба полюса земли и задвигались плечи Атланта под тяжестью неба.

На том месте, где в старину было Козье болото, творил суд над своим народом Ромул. И вот исчезло солнце, небо закрыли тучи и хлынул ливень. С одной стороны загремел гром, с другой — молния расколола небосвод. Каждый искал убежища, и среди общей тревоги царь вознесся на небо на боевой колеснице своего отца Марса.

Когда обнаружили исчезновение Ромула, все опечалились.

* Ovid., Fasti, IV, 811—855.

Чуть было не обвинили народных старейшин в убийстве. Это мнение совсем было взяло верх, ибо они перед исчезновением царя обступали его, творившего суд.

Но случилось так, что как раз над Альбой-Лонгой проходил Прокул Юлий. Это было в ночное время, при ярко светившей луне, так что не были нужны факелы. Внезапно возле него возникло движение, слева задрожала изгородь. Он в страхе отступил, и волосы у него стали дыбом на голове, а на дороге перед ним появился выше человеческого роста, одетый в роскошную тогу с пурпурной каймой Ромул, который сказал так:

— Удержи граждан Рима, квиритов, от печали, не оскорбляйте слезами моей божественной сущности. Пусть лучше приносят фимиам и пусть благочестивая толпа возносит молитвы новому божеству, Квирину, созданию моего отца. Продолжайте упорно воевать.

Так приказал взятый на небо Ромул, под именем Квирина ставший божеством. Прокул Юлий собрал народ и повторил ему слова повеления. Новому богу построили храм и ежегодно 17 февраля стали справлять праздник в честь него. Один из римских холмов, на северо-западном склоне которого стоял храм Квирина, называется также холмом Квирина — *Collis Quirinalis* *.

* Ovid., *Fasti*, II, 481—512.

ВОСТОЧНЫЕ БОГИ НА ЗАПАДЕ

Основываясь на предании о сохранении Римом спасенных Энеем Пенатов, римляне видели в своем городе новый Илион. Как признанные потомки троянцев, они считали своим благочестивым долгом восстановление Илиона и хотели, чтобы разрушенный город возродился вновь, как Феникс, чудесная восточная птица, возрождающаяся из пепла.

Вера в свое троянское происхождение побуждала римлян прежде всего к государственному признанию восточных богов. Сивиллины книги во время второй Пунической войны поставили победу римлян в зависимость от принятия малоазийской богини Ма, или Кибелы. Этой богине, которую называли Великой Матерью — Magna Mater, или «Матерью богов», и которую отождествляли с греческой Реей, женой Крона (у римлян — Сатурн), поклонялись на горе Иде. С разрешения пергамского царя Аттала из Пессинунта был привезен огромный черный камень, с которым связывали присутствие богини. В ее честь был установлен праздник с состязаниями и выстроен храм. В этом случае троянская романтика заставила римлян принять восточную богиню до некоторой степени под предлогом благочестия. В то же время государственная религия Рима стала защищаться против других восточных богов, ссылаясь на необходимость сохранения в чистоте обычая предков (*mos maiorum*). Римлянам, высоко ценившим чувство меры, свойственное древней религии, культ Кибелы был особенно антипатичен своим экстатическим ритуалом так называемых галлов (*gallus*) — жрецов, оплакивающих любимца богини — Аттиса. Однако с расширением границ Римской мировой империи такая защита недолго могла препятствовать проникновению в римскую религию элементов восточных религий. Императорское время Муниций Феликс оха-

рактизовал следующим образом: каждый народ почитает собственных богов: элевсинцы — Цереру, фригийцы — Великую Мать, эпидавряне — Эскулапа, халдеи — Ваала, сирийцы — Астарту, тавры — Диану, галлы — Меркурия. Рим же чтит богов всего мира. Уже греки классического периода знали об Аммоне, находящемся в одном из оазисов пустыни. Египетского бога-прорицателя они отождествляли с самим Зевсом (Зевс, или Юпитер-Аммон). Типичным примером синкретизма, обобщения двух различных религиозных систем, слияния их элементов может служить египетско-греческий культ Сараписа в Александрии. Религиозные идеи эллинизма облегчили проникновение в Рим восточных богов. Особенно много в Риме было почитателей египетской богини Изиды, жены Озириса и матери Гора.

Главным образом воины-наемники иностранного происхождения распространяли повсюду своих богов, иногда же, как, например, в случае с богом города Долиха в Коммагене, Юпитером Долихенским (*Juppiter Dolichenus*), — под именем римских богов. Такое «римское понимание» варварских богов называлось *interpretatio Romana*. Сирийские воины распространили культ богини Атаргатис (*Atargatis*), которую называли сирийской богиней (*Dea Syria*). Наемники, происходившие из Коммагены, расположенной вблизи Персии, или расквартированные там, принесли в Рим культ Бога Солнца — Митры. Один из храмов Митры находился в Аквинкуме, в окрестностях Старой Буды (Обуды)*. Также под персидским влиянием было объявлено божеством Время, символом которого была змея, кусающая свой собственный хвост, чем выражался характер этого божества — постоянно повторяющиеся циклы. Персидский бог Зрван почитался под греческим именем Эон (*Aion*) и под латинским — Эвум (*Aevum*), его часто отождествляли с Кроном-Сатурном. Известно, что Сатурн считался богом золотого века; представление о времени, получившее выражение в культе Эона, в ту эпоху в значительной степени усиливало ожидания возвращения счастливого века Сатурна, сильно распространенные в то время. В этом сказывалось и еврейское влияние, которое проникло главным образом благодаря псевдосивилинным книгам, заключавшим в себе написанные греческим гекзаметром пророчества о наступлении времени «пришествия Мессии». Вероятно, ожиданиям века Сатурна способствовало и название в римском календаре субботы днем Сатурна, так что век Сатурна можно было легко отождествлять с представлением о «вечной субботе».

Так пополнился новыми восточными элементами миф о золотом веке, заимствованный греками с Востока еще в архаиче-

* На окраине Будапешта (Венгрия). — Прим. ред.

ский период. Римляне же по праву считали этот миф греческим преданием, восходящим к Гесиоду. В период гражданских войн и после них угнетенные слои рабовладельческого общества, а также многие представители господствующего класса, чувствовавшие непрочность своей власти, находили утешение в этом мифе, обновленном восточными заимствованиями. Гесиод со своей крестьянской рассудительностью понимал, что время, в которое он живет, — это жестокий «железный век» и у людей много горя, но вместе с горем боги дают и блага. Полный упадок, самая низшая ступень моральной распушенности у Гесиода выступают лишь как предвестие будущего; он считает также чудесным знамение будущего, например, то, что люди могут рождаться с седыми волосами. Окончательное падение человечества у Гесиода — это признак того, что век, в котором он живет, приближается к концу и будет сменен другим, как когда-то век золотой был сменен серебряным. Римский поэт эпохи мирового господства Рима, Овидий, в начале империи, в своем веке видел выражение полного упадка и воплощение зла. Он не разделял надежд тех современных ему поэтов, которые провозглашали близкое наступление нового золотого века. Хотя Гесиод и признавал возможность возвращения к изначальному счастью, он со вздохом говорил о настоящем (железном веке). По его мнению вряд ли стоило в это время жить. Лучше было бы или раньше умереть, или позже родиться. В последний период гражданских войн и в период принципата Августа многие утешали себя верой в возвращение золотого века после полного крушения мира. Наступление золотого века Вергилий связывал с рождением чудесного младенца; в этом отношении он испытывал влияние мессианистических пророчеств Востока, переданных поздними Сивиллиными книгами, и влияние пастушеской поэмы Феокрита о рождении Геркулеса. Впоследствии люди, жаждавшие мира после кровопролитных войн, ожидали возвращения золотого века от каждого нового императора. Лстецы же, ни в коей степени не считаясь с фактическим положением вещей, прямо объявляли императоров людьми, установившими золотой век. Поэтому в каждом новом императоре видели «нового Геркулеса», того Геркулеса, которому мудрый Тиресий предрек, что он установит такой мир на земле, когда волк не будет трогать серну.

Несомненно, что один из величайших поэтов Рима, Вергилий, не ведая того, способствовал обожествлению императоров, подготовке так называемого императорского культа. Именно в этом смысле были использованы его пастушеские поэмы, в особенности четвертая эклога, где говорится о рождении чудесного младенца. Впрочем, важную роль в возрождении мифа о золотом веке сыграла и сицилийская пастушеская поэзия. Свою

лепту в подготовку императорского культа внес обширный эпос «Энеида». Вергилий, излагая историю спасения Энея, его скитаний и прибытия в Лаций, замечает, что прорицания, полученные Энеем, и украшения на щите Энея уже предсказывают будущее: правление семьи Юлия, происходящей от Энея, а также правление приемного сына Юлия Цезаря — Августа, установившего золотой век. Христианство также по-своему понимало мир в период Августа: церковная литература видит проявление сущности Иисуса Христа также и в том, что он захотел, чтобы его рождение было озарено светом мира. Но христианская легенда уже с иронией относится к тому, что Август, император-язычник, мог установить вечный мир. Как гласит эта легенда, Аполлон предсказал, что мир Августа будет существовать до тех пор, пока дева не родит сына. Ясно, что мир будет существовать вечно, говорили римляне и поставили алтарь «вечному Миру», который в ночь рождения Иисуса развалился. Но поскольку этот алтарь (Ara Pacis) был действительно выстроен, он представлял собою создание римского классического искусства, конгениальное поэзии Вергилия. С другой стороны, легенду о золотом веке ничто не могло исказить более, чем применение ее символов после окончательного падения Римской республики официальными льстецами для восхваления самых кровожадных деспотов. Впоследствии же церковь, союзница феодалов, использовав христианско-евангельский вариант этого мифа, смогла выковать новые цепи для сознания угнетенных и эксплуатируемых трудящихся.

КИБЕЛА

В окрестностях Трои, на горах Диндиме и Кибеле, а также на прекрасной Иде, омытой источниками, любила жить Мать Богов. Когда же Эней перенес Трою на итальянские поля, богиня также чуть было не последовала за кораблями, перевозившими святыни. Но она поняла, что еще не пришло время для того, чтобы Рок потребовал ее божественного присутствия в Лации и поэтому осталась в прежних местах.

По прошествии длительного времени могущественный Рим насчитывал уже пять столетий своего существования, и когда он возвысился над покоренным миром, жрец заглянул в Сивиллины книги и прочел там следующее:

— Не достаёт Матери: отыщите Мать, римляне! А когда она явится, примите ее с чистыми руками!

Но отцы не поняли двусмысленного, туманного пророчества. Они не знали, кто такая Мать, кого недостаёт и для чего

следует ее искать. Аполлон, у которого они попросили совета, ответил так:

— Примите к себе Мать Богов. Ее вы можете встретить на горе Иде!

Тогда за ней были отправлены знатные послы.

Царем во Фригии тогда был Аттал. Сначала он отказал римлянам в их просьбе. Но сотряслась с гулом земля, и в глубине святилища сама богиня произнесла:

— Я хочу, чтобы за мной пришли. Немедленно отпусти меня в путь, в который я отправлюсь добровольно. Рим достоин того, чтобы туда пришли все боги.

Испугался царь при звуках ее голоса.

— Так иди же, — сказал он. — Но ты и так остаешься нашей, ведь и Рим ведет свое происхождение от фригийских предков.

В ответ на это множество топоров принялись рубить деревья, такие же, из каких когда-то спасающийся Эней построил свои корабли. Тысячи рук соединились в работе, и вскоре был готов к принятию Матери Богов-небожителей огромный корабль с выжженными на нем украшениями.

Богиня спокойно и в безопасности проплыла по волнам своего сына Нептуна через Геллеспонт, мимо греческих островов, обогнула южные берега Италии, проплыла мимо Сицилии и достигла устья Тибра.

К гавани Остия навстречу ей вышел весь Рим: всадники, сенат и простой народ. Вышли матроны с дочерьми и невестками. Вышли и хранительницы священного огня — весталки.

Хотели протащить пришедший издалека корабль по руслу реки канатами. Натянулись канаты. Мужские руки изнемогали, но судно не двигалось. Каждый тянул из всех сил. Мощные усилия сопровождались криками. Но корабль стоял без движения, словно остров посреди моря. По чудесному знаку ноги мужчин как бы вросли в землю.

Была там одна женщина, Клавдия Квинта, красота которой была достойна ее благородного происхождения. Это была женщина непорочной жизни, но в ее чистоте сомневались, ее добродетели повредили сплетни, ее коснулись ложные обвинения. Ее нарядная одежда, красивая прическа, любовь к легкой болтовне говорили против нее, по мнению суровых стариков. Сама она, уверенная в своей правоте, лишь смеялась над ложными пересудами, но люди охотно верили плохому.

Теперь эта подозреваемая в грехах женщина отделилась от толпы почтенных матерей и погрузила обе руки в чистую воду реки. Трижды она полила этой водой свою голову, трижды поднимала руки к небу. Тот, кто видел это, думал, что она лишилась рассудка. Ее распущенные волосы касались колен, а взгляд

застыл на изображении богини. Уста ее произнесли следующие слова:

— Услышь меня, милостивая богиня, Мать Богов. Услышь мою мольбу, с которой я склоняюсь до земли. Сомневаются в моей невинности. Если ты признаешь меня виновной, то и я признаю, что этого заслужила, и буду готова принять смерть и наказание. Но если я невинна, то ты оправдаешь мою жизнь и в своей чистоте ты снизойдешь к этой чистой руке.

Сказав это, она коснулась каната и потянула его. Богиня сдвинулась с места, последовала за женщиной, тем самым дав доказательство чистоты этой женщины. Радостный крик народа долетел до неба.

Так достигли поворота Тибра.

Наступила ночь. Канаты привязали к стволу дуба. Утолив жажду и поев, все предались легкому сну.

Рассвело. Канаты отвязали от дуба. Посыпали фимиам на огонь наскоро сделанного алтаря. Перед увенчанным кораблем принесли в жертву еще не бывших в работе животных.

Там, где быстрые воды Альмона впадают в Тибр, одетый в пурпур седой жрец омыл в воде Альмона статую богини и ее священные атрибуты. А в это время его товарищи ликовали, играли на благозвучных флейтах и били ловкими руками в барабан.

Во главе процессии шла Клавдия. Теперь счастливая толпа чествовала ее, так как богиня дала свидетельство чистоты ее жизни. Сама же богиня въехала в город на колеснице через Капенские ворота (*Porta Capena*). На всем ее пути запряженных в ее колесницу коров осыпали цветами *.

ИЗИДА И ОЗИРИС

Рея держала в тайне свой брак с Кроном, но Гелиос, всевидящее Солнце, узнал об этом и проклял ее, сказав, что никогда не наступит такой месяц и год, в которые она смогла бы произвести на свет детей. Гермес, сам любивший богиню, однажды играл в кости с богиней Луны Селеной и выиграл семидесятую часть каждого дня. Частички он объединил, и получился целых пять дней. Эти добавочные дни он присоединил к 360 дням года, состоявшего из двенадцати месяцев, по тридцати дней каждый. Эти пять дней, стоящие вне годов и месяцев,— дни рождения богов.

* Ovid., *Fasti*, IV, 299—346.

Первым родился Озирис. При его появлении на свет раздался божественный голос, возвестивший, что в мир пришел господин всего сущего. Один человек, по имени Памил, в это время в Фивах черпал воду, он услышал голос, исходящий из храма Зевса. Голос приказал Памилу объявить, что родился великий царь, благодетель Озирис. Памил также был назван Озирисом, ибо так велел Крон. В честь его вошел в обычай праздник Памилии.

Во второй день родился Аруэрис, которого некоторые отождествляют с Аполлоном, другие же называют Великим Гором. В третий день родился Тифон, проявивший свою натуру насильника уже в первые минуты после рождения. На четвертый день родилась Изиды, на пятый — Нефтида, которую называют или Афродитой, или Победой. Отцом Озириса и Аруэриса был Гелиос, отцом Изиды — Гермес, отцом Тифона и Нефтиды — Кронос. Нефтида стала женой Тифона, Изиды же и Озирис любили друг друга еще до рождения.

Когда Озирис стал царем, он избавил египтян от трудностей их убогой полуживотной жизни, обучил земледелию, дал им законы и научил воздавать почести богам. Затем он двинулся в путь, чтобы умиротворить всю землю, причем ему для этого не понадобилось оружия. Он достигал этого речами, здравыми доводами. Он привлекал к себе людей пением, звуками музыки. Поэтому его отождествляют с Дионисом.

Пока Озирис был далеко, только бдительность Изиды удерживала Тифона от различного рода нововведений. Когда же Озирис был уже на пути к дому, Тифон затеял против него козни. Сообщниками Тифона были семьдесят два мужа и одна эфиопская царица, по имени Асо.

Тифон тайно измерил Озириса и по длине его тела приготовил красивый, богато украшенный ларь, который он принес на пир. Ларь всем понравился, все удивлялись такой работе. Тифон же как бы в шутку сказал, что он подарит ларь тому, кому он придется в пору, чтобы в нем лежать. Все по очереди пробовали лечь в него, но никому он не подошел, пока в него не лег Озирис. Тогда прибежали сообщники Тифона, захлопнули крышку ларя, забили ее снаружи гвоздями и залили расплавленным свинцом. Затем притащили они ларь к реке и через Танисское устье Нила выбросили его в море.

Жившие в окрестностях Хеммиса паны и сатиры первыми узнали и разнесли печальную весть о случившемся. Поэтому и сейчас «паническим страхом» называют внезапно возникшую тревогу толпы.

Как только Изиды узнала о судьбе мужа, она вырвала прядь своих волос, надела траур и отправилась в долгие странствия, в котором ее сопровождал Анупис, хранящий богов так же, как

человека охраняют собаки. Кого бы ни встретила Изида, у всех она нерешительно спрашивала об Озирисе. Узнала она о нем от маленьких детей. Случилось так, что именно они видели все и указали ей устье реки, где друзья Тифона выбросили ларь в море. С этого времени египтяне думают, что дети обладают способностью к прорицаниям. Они делают выводы о будущем, особенно на основании тех слов, которые дети произносят в запальчивости, играя во дворе храма.

Узнала далее Изида от богов, что в окрестностях Библа море ласково вынесло ларь на берег. Прибой же укрыл его в кустах. Кусты неожиданно дали нежный отросток. Этот отросток в течение короткого времени разросся чудесным образом, обвил и скрыл полностью ларь. Царь Библа удивился необычно сильно разросшемуся дереву и срубил его ствол, который заключал в себе оставшийся незамеченным ларь. Этот ствол царь и использовал в качестве колонны, поддерживавшей крышу его дворца.

Прибыв в Библ, богиня села у источника. Одета она была в бедную одежду, глаза ее были заплаканы. Она не вступала ни с кем в разговоры. Лишь со слугами царицы Библа она была приветлива и считала их достойными своей любви. Она заплетала им волосы и придавала их коже аромат, который исходил от нее самой. Когда царица увидела своих слуг, она страстно пожелала увидеть чужеземную женщину. Так Изида попала в число доверенных людей царицы и стала кормилицей царского сына. Царя звали Малкандр, царицу — Астарта, по другим данным — Саосис, или Неманун.

Изида кормила ребенка, вкладывая ему палец в рот. Ночью же она огнем очищала его тело от тленных тканей. Сама она в образе ласточки порхала вокруг колонны и пела печальные песни. Однажды царица подсматривала за ней и закричала, увидев своего ребенка в огне. Тем самым она лишила бессмертия своего сына. Богиня же открыла, кто она, и попросила дать ей колонну, поддерживающую крышу.

Затем она без труда вытащила ларь из колонны. Пустую же колонну она завернула в свое покрывало и, облив мирровым маслом, отдала царской семье. (Семья царя из поколения в поколение свято хранила в библском храме Изиды этот деревянный ствол.) Затем, склонясь на ларь, она разразилась ужасным воплем, так что, услышав его, умер самый младший сын царя. Старшего мальчика царя она взяла с собой. Превратив ларь в корабль, богиня отправилась в путь. Во время пути, на рассвете, река Федра подняла жестокий ветер. Тогда богиня в гневе высушила русло реки.

Как только Изида достигла пустыни и осталась одна, она открыла ларь и, прижавшись лицом к лицу умершего мужа,

стала целовать его и плакать. Ребенок, прибывший вместе с ней из Библа, тихо подошел к ней и стал свидетелем ее печали. Богиня заметила это, обернулась к нему и бросила на него гневный взгляд. От страха мальчик умер. Однако царского сына после его смерти стали чтить ради богини. Говорят, что он тот самый Манерос, которого египтяне упоминают в своих песнях во время пиров.

Сын Изиды и Озириса, Гор, воспитывался в Буто. Когда Изиды отправилась в путь, чтобы навестить ребенка, она куда-то спрятала ларь. Тифон же, который днем и ночью следил за ней, при лунном свете нашел его. Он узнал тело Озириса, рассек его на четырнадцать частей, разбросав их в разные стороны.

Узнав об этом, Изиды в челне из папируса через тростники снова отправилась на поиски Озириса. Благочестивое предание насчитывает на египетской земле несколько могил Озириса. Может быть, Изиды насыпала могильный холм там, где она находила какую-либо часть тела Озириса, а может быть, она сделала несколько его подобий, отдав каждое из них различным городам. Сделала она это, с одной стороны, для того, чтобы как можно больше городов почитало Озириса, а с другой стороны, чтобы запутать Тифона на случай, если он когда-либо победит Гору и захочет найти настоящую могилу Озириса.

Впоследствии Озирис явился из подземного мира, чтобы подготовить своего сына Гору к борьбе с Тифоном. Прежде всего он спросил у него, что он считает самым благородным делом. На это Гор ответил:

— Добиться успокоения для моего отца и моей матери, несправедливо пострадавших.

Второй вопрос был:

— Какое из животных может принести наибольшую пользу тому, кто идет на войну?

— Конь,— ответил Гор.

Удивился Озирис, почему сын не назвал льва, но Гор разъяснил, что лев может принести пользу тому, кто нуждается в его помощи, а конь хорош тем, что благодаря ему человек догоняет и уничтожает врага. Услышав это, обрадовался Озирис, ибо понял, что Гор уже в должной степени подготовлен к борьбе.

На сторону Гору перешли несколько человек, в том числе и подруга Тифона, Туэрис, которую Гор спас однажды от преследования змеи. Борьба с Тифоном продолжалась несколько дней, и наконец Гор победил. Но Изиды, которой сын передал связанного Тифона, не убила его, а, развязав, отпустила. Так что Гору пришлось еще два раза бороться против Тифона *.

* Plut., De Iside et Osiride, XII—XIX

ПЕЩЕРА АИОНА

Где-то далеко-далеко, в таком отдалении, какого мы не можем представить, да и представление богов едва ли может достигнуть этой дали, есть одна скрытая пещера. Это — жилище суровой матери годов, неизмеримого Времени, которое из своих могучих недр щедро посылает века, ожидая их обратно. Всю пещеру обвила кругом губительная своей божественной силой змея. Чешуя ее мерцает зеленоватым блеском, в пасти она держит свой хвост; безмолвно извиваясь, она ведет счет каждому новому возникновению жизни.

В дверях, при входе в пещеру сидит и охраняет вход женщина, очень пожилая, благородного вида. Это природа. Души, порхающие вокруг, льнут к ней. Почтенный старец отмечает непреходящие законы, он рассчитывает путь звезд, определяет путь человеческой жизни и устанавливает для каждого неизменный срок, кому сколько жить и когда умереть. Он следит за тем, что дает миру неопределенный путь Марса и твердо установленный ход Юпитера, что предвещает путь быстро движущейся Луны и трудная дорога Сатурна, а также движение богини Киферы Венеры по ее сверкающей орбите и путь килленского Меркурия, спутника Феба.

На пороге этой пещеры стоит Феб-Аполлон, блистающее Солнце. Владычица Природа идет вперед него, а старец склоняет свою седую голову перед его гордыми лучами. Распахиваются тяжелые створки дверей, раскрывается глубокое святилище, обнаруживая местонахождение Времени со всеми его тайнами. Здесь помещаются века, каждый из которых имеет свой металл: там толпятся годы медного века, здесь — суровый железный век, а вон там — отливающий белизной серебряный век. В отдельных углах дворца, едва касаясь земли, стоят золотые годы, словно какое-то золотое стадо. Из него выбирает Солнце самый прекрасный год, чтобы от имени Стилихона — военного вождя, избранного консулом, — получил он свое имя. Затем Солнце (Феб) приказывает, чтобы все стадо следовало за этим годом, и говорит им всем:

— Вот здесь стоит консул, по желанию которого мы откладывали до сих пор появление золотого века. Теперь же идите, годы, в которые уже давно верят смертные. Несите с собой благородные силы, чтобы снова расцветали человеческие способности. Веселите вином сердца, щедро рассыпайте зерно. Пусть Змея между двух Медведей не дышит морозом, шипя, а Медведь пусть не нагоняет безмерную стужу. Пусть месяц Льва не пышет в ярости огнем, а месяц Рака не приходит с уничтожающей засухой. Водолей же пусть не посылает так расщепительно дождь, чтобы не мокли семена в земле. С розовых

рогов златоуного Овна пусть проливается на землю плодородная весна и не бьет градом налившиеся маслины Скорпион. Пусть помогает осенним росткам Дева, а созвездие Пса тише лает на отяжелевшие виноградники.

Сказал это Феб-Солнце и пошел с блестящим снопом лучей к садам, уже окропленным росой, в долину, которую окружает огненный ручей, туда, где пасутся кони Феба. Свои длинные волосы и гриву коня Феб украсил благоуханными венками: с одной стороны Люцифер, а с другой — Аврора украшают его кудри. Золотой год улыбается около его вожжей, издалика указывая ими консула.

Повернулся полюс мира, и в начале пути звезды написали в небесном календаре имя Стилихона *.

* Claudianus, De Laudibus Stilichonis, II, 424—476.

МИФ И СКАЗКА

После поэтов золотого периода римской литературы, века Августа, классическая мифология, опирающаяся на живое предание, остающееся во всей его изменчивости верным себе, выступает перед нами уже только в исключительных случаях. Сначала общий кризис рабовладельческого общества поколебал основы того отношения к действительности, того признания величия человека, которые нашли выражение в мифах. А затем церковь объявила войну — номинально «языческим богам», а в действительности — свободе человеческого сознания и любви к жизни. Но продолжают жить как самые выразительные образы, поистине принадлежащие сокровищнице всех европейских языков, такие выражения, как «титаническая борьба», «борьба гигантов», «муки Тантала», «Сизифов труд» и т. д. Такое естественное применение мифологических образов сложилось уже у поэтов и ораторов поздней античности.

Но для дальнейшего существования мифов имеется еще одна возможность. В эпоху средневековья в ходе развития европейского общества исчезло то «мифологическое отношение к природе», которое Маркс считал характерным для греческого искусства. Такое отношение исчезло вовсе не вследствие «действительного господства человека над силами природы», а вследствие того, что потребовалось безусловное признание чудес, заменивших мифологическое восприятие законов природы. Кроме того, церковь своей строгой регламентацией положила предел свободному использованию в литературе и искусстве сокровищницы образов и представлений, мифологических по своему происхождению, тогда как античные религиозные институты допускали это по отношению к поэтам и художникам, развивавшим далее мифологию. Следовательно, миф мог продолжать свое скрытое

существование лишь в областях, слабее контролируемых церковью, прежде всего в народной сказке, затем в легендах, лишь внешне, перекрасивших мифологические предания с введением христианства. Нередко мифы использовались еретическими движениями, народными по своему характеру. Уже греческая философия с презрением именovala сказками поэтические предания о богах. Собственно говоря, отсюда, из употребления этого слова греческими философами, ведет свое происхождение термин *миф*, означавший первоначально «слово», «речь», «беседа», «сказка». Именно это словоупотребление свидетельствует о том, что в период расцвета греческой мифологии «миф» и «сказка» были не полностью тождественные понятия. В мифе в большей степени проявляется соблюдение законов действительности, к сказке же примешивается юмор, легкомыслие, игривость. Уже в старое время замечалось влияние мифа на сказку и наоборот. В соответствии с этим появлялись переходные формы. Естественно, что не из всякого мифа вырастала сказка, так что нельзя утверждать, что каждая сказка была когда-то мифом, но несомненно, что были мифы, ставшие еще в древности сказками. Так образы старой мифологии, оттесненные на задний план олимпийской мировой системой Гомера (циклопы, Кирка и др.), продолжают жить в «Одиссее» как мотивы сказок. Сам Гомер со своим высокохудожественным чутьем указывает косвенно на это обстоятельство, вкладывая истории об этих персонажах в уста Одиссея, «человека, пришедшего издалека». Он также резко отделяет эти истории от греческих песен, исполнители которых в сильной степени претендуют на подлинность содержания песен.

Но, конечно, все это вовсе не позволяет нам считать сказку вообще и при всех обстоятельствах лишь продуктом разложения мифов, утративших свою подлинность. Следует считаться со специфическими особенностями складывания сказок уже в древние времена. Мотивы аттической народной комедии дают особенно яркое представление о «народной сказке» как характерном эпическом произведении класса крестьян. С другой стороны, законы, определяющие структуру сказки, — трехчленное деление и кое-что другое в этом направлении — говорят о связи ее не только с крестьянскими рассказами. Большая часть сказок сложилась в устной передаче рассказов, не связанных формой, как свободная импровизация, внутри лишь формальной схемы, что одновременно и ограничивало и облегчало рассказ. Поэтому сказки могли принимать — в большинстве случаев до «окончательного» их выражения поэтами — форму мифов. Во всяком случае, целый ряд мотивов народных сказок, а также структура народных сказок свидетельствуют, что творения фантазии трудового народа попали в число генеалогических пре-

даний, характерных для господствующего класса. В качестве примера укажем на роль самого младшего царского сына и царицы, пекущей хлеб, в сказании о Пердикке. Следует считать-ся со «сказками нянюшки», игравшими роль уже в самые древние времена. В этом значении выступают и «сказки бабушки» — греческие *graódes mythos* и римские *anilis fabula*. Они могли служить прежде всего для утешения, убаюкивания детей, для их развлечения. (Уже в IV веке до н. э. Платон, ссылаясь на восприимчивость детей, хотел узаконить их выборы в государственные органы.)

Прекрасный пример мифической сказки, утративший черты достоверности, представляет собой античная сказка об Амуре и Психее. Греческое слово *Psyhhé* означает душу. Часто душа изображается с крыльями бабочки. Амур, молодой бог любви, у римлян играл роль греческого Эроса. Прежде чем душа соединяется с женихом, ниспосланным небом, с самой Любовью, в вечном счастье, она получает представление о жестокой стороне любви и должна заслужить смерть взятой на себя борьбой. Этот миф, первоначально исполненный глубокого смысла, свое дальнейшее развитие получил, вероятно, под восточным влиянием. Для Апулея же, остроумного римского писателя II века н. э., этот миф был не более чем сказкой. Он вставил ее в свой роман «Золотой осел» (или «Метаморфозы») в качестве «бабушкиной сказки» (*anilis fabula*), вложив его в уста старой женщины, утешающей девушку, попавшую в плен к разбойникам. Это уже не миф. Тонкое чутье Апулея позволило ему преподнести вместо мифа сказку как аллегорию. Богов он называет римскими именами: Эроса — Амуром, Афродиту — Венерой, Деметру — Церерой, но оставляет греческое имя девушки — Психея. Он как будто не заботится вообще об аллегорическом звучании сказки. Ведь если бы он заменил Психею латинской *Aníta*, то прелестная сказка, потерявшая свою мифологическую ценность, неизбежно превратилась бы в поучительную аллегорию.

ПЕРДИККА

В иллирийскую землю из Аргоса бежали три брата — Гаванес, Аероп и Пердикка. Из иллирийской земли они перебрались дальше, в верхнюю Македонию, и достигли города Лебаи. Там они поступили на службу к царю. Старший брат стерег лошадей, средний — коров, а самый младший — коз и овец.

В старину и цари жили бедно, а не только народ. Сама царица пекла хлеб своим пастухам. Каждый раз, когда она делала это, хлеб самого младшего пастуха — Пердикки — увеличи-

вался вдвое. Заметив это, она сказала об этом царю. Царь не принял эти слова за шутку, а увидел в случившемся предзнаменование какого-то важного события. Вызвав трех братьев, он приказал им оставить страну. Но они заявили, что не сделают ни шагу, пока царь не уплатит им за работу.

Как раз в этот момент солнце заглянуло в окошко. Безбожный царь показал на солнечные лучи и сказал:

— Вот что я отдаю вам, это ваше вознаграждение!

Два старших брата, Гаванес и Аероп, пораженные стояли молча, а самый младший брат вытащил нож и очертил им то место на полу дворца, куда падали солнечные лучи.

— Мы принимаем, господин, то, что ты нам даешь,— сказал он, трижды зачерпнув солнечные лучи и как бы спрятав их себе на грудь. Затем братья удалились.

Когда они ушли, один из советников царя обратил его внимание на то, что сделал самый младший брат, сказав, что сделано это неспроста. Услышав это, царь пришел в ярость и послал за тремя пастухами всадников с приказанием убить пастухов.

В этой местности есть река, которой и поныне потомки трех братьев приносят жертвы как богу-спасителю. И недаром, ибо как только три брата перешли реку, она неожиданно разлилась так, что всадники не могли ее перейти. Пастухи же поселились в другой части Македонии, вблизи садов Мидаса, там, где растут дикие розы, одна ароматнее другой, причем в каждой из них по шестидесяти лепестков. Говорят, что в этом саду однажды Мидас поймал старого Силена, а тот раскрыл перед ним тайную мудрость природы. Над садом поднималась гора Бермий, которую снег делал непреодолимой.

Этим краем прежде всего и завладели братья, а затем распространили свою власть на всю Македонию. Пердикка обрел право на нее, получив от царя в качестве платы солнце Македонии.

Этот Пердикка был предком в седьмом колене царя Александра — предка Александра Великого *.

АМУР И ПСИХЕЯ

Жили некогда царь и царица. Было у них три дочери, одна красивее другой. А самая младшая была столь прекрасна, что нельзя и рассказать.

Из далеких земель приходили полюбоваться ее чудесной

* Herod., VIII, 137—139.

красотой. Люди уже стали говорить о том, что сама богиня любви и красоты Венера появилась среди них. И не плели более венков для алтаря Венеры, но сыпали цветы под ноги младшей дочери царя.

Разгневалась на это истинная Венера и сказала, тряся в негодовании головой:

— Неужели же с этой смертной девушкой я разделю мое божественное достоинство? Далее я не могу этого переносить!

И она тут же призвала своего сына, крылатого молодого бога — шаловливого, дерзкого Амура. Она привела его в тот город, где жили царские дочери, и показала ему Психею. Так, если мне не изменяет память, звали самую младшую дочь царя.

— Если ты действительно любишь свою мать,— сказала Венера Амуру,— ты должен наказать эту девушку, ибо ее красота затмевает мою красоту. Пусти ей в сердце одну из твоих быстрых стрел, воспламени ее любовью к самому последнему, самому несчастному мужчине в мире. Пусть он будет беглецом, бродягой или столь жалким, что не будет ему равного в несчастье.

Так сказала Венера и отпустила сына с горячим поцелуем, а сама возвратилась в море. Розовыми ступнями она коснулась мягкой голубой волны и вот уже ждет на гребне волны своих спутников. Ей не пришлось долго ждать: явились Нереиды, поющие хсром, явились и тритоны. Один звучно трубит в раковину, другой шелковым покрывалом защищает богиню от зноя, третий держит перед ней зеркало. Все они быстро садятся в колесницу богини и скользят вместе с ней по поверхности моря.

Психея же ничего этого не знает. Она лишь грустит и печалится дома, ибо повсюду говорят о ее красоте, но не приходят за ней ни царь, ни царевич, даже из простого народа никто не просит ее руки. Обе ее сестры уже давно стали женами соседних царей, а Психея, самая красивая среди них, неотлучно сидит дома и оплакивает свою одинокую красоту.

Подумал тогда царь, что, наверно, здесь действует рука какого-либо бога. Ибо и он гордился красотой самой младшей дочери и постоянно удивлялся, что нет жениха. Не долго думая, он отправляется в известное святилище Аполлона в Милете, мольбами и жертвоприношениями он просит совета и жениха для своей дочери.

Аполлон так ответил царю:

— Поставь свою дочь на вершину горы, но раньше оплачь ее, как дорогого тебе покойника, и наряди ее, как прекрасную невесту. Не надейся иметь зятя из людей. Беспощадный бог придет за твоей дочерью, бог, который подчиняет себе весь мир и устрашает своим оружием самого Юпитера.

Бедный царь в большом горе возвратился домой, чтобы

передать прорицание своей жене. Плач и горестные восклицания переполняли дом в течение нескольких дней. Затем стали готовиться исполнять все, что приказал Аполлон.

Все население дворца облачается в свадебные наряды, но горестные песни играют флейтисты, а звуки брачного хора переходят в рыдания. Бедная маленькая Психея фатой невесты утирает слезы, а с ней вместе плачет и весь город. Но приказ бога должен быть исполнен.

Сопровождают Психею на гору, с ней идет весь свадебный хор, идут и родители. Психея утешает их:

— Зачем вы омрачаете горькими рыданиями свою печальную старость? Зачем проливаете слезы и рвете свои незапятнанные седины? Тогда надо было вам плакать, когда все называли меня новой Венерой. Ибо я знаю и чувствую, что ныне должна я быть наказана за свою безмерную красоту. Но ведите же быстрее меня на вершину горы. Зачем медлить, оттягивать то, что должно случиться?

Они ускорили шаги, проводили дочь на вершину горы и оставили ее там одну на скале, залив слезами свадебные факелы. Возвратился домой весь свадебный хор, возвратились и несчастные родители, они забились в самый темный угол дворца, ибо после утраты дочери не хотели больше видеть дневной свет.

Психея же плакала на вершине скалы, и все тело ее содрогалось от страха. Но вот подул западный ветер, мягкий Зефир. Нежно касаясь складок одежды девушки, он понемногу надувает, словно паруса, мягкий шелк ее платья, поднимает девушку и несет, несет в горные долины. Там он укладывает ее в одной укромной долине на мягкое ложе цветущего луга.

* * *

После долгого плача Психея уснула на росистой траве. Пробудившись ото сна, она встала освеженная, в хорошем настроении.

Когда же она огляделась вокруг, то раскрыла рот от удивления, увидев такую красоту!

Огромные густолиственные деревья украшали рощу, в середине которой струился кристально чистый источник. Но что же высилось рядом с источником? Царский дворец! Всякий, имеющий глаза, увидел бы, что создан он не человеческими руками. Золотые колонны поддерживали резной потолок из лимонного дерева и слоновой кости, со стен смотрели на входивших, как бы встречая их, отлитые из серебра изображения животных. Пол же покрывала цветная мозаика из драгоценных камней. Нога маленькой Психеи то здесь, то там ступала по

алмазам и настоящим жемчугам. Все кругом сверкало. Дворец не нуждался в окнах для освещения, ибо изобилие золота заменяло солнечный свет.

Вся эта красота так увлекла Психею, что под конец она забыла про страх. Она смело идет вперед, оглядывает каждый угол и видит целую грудку таких сокровищ, которые ей никогда и не снились. Она дивится также тому, что эти сокровища не упрятаны под замок и никто их не охраняет.

Пока она дивилась всему этому, она услышала голос, называвший ее по имени. Она огляделась, но никого не увидела кругом. А бестелесный голос говорил:

— Зачем удивляешься этим сокровищам, госпожа? Ведь это все твое. Иди же в свою спальню, отдохни на ложе, а затем, если тебе будет угодно, прими освежающее омовение. Мы, бестелесные голоса, — твои слуги, ты не пожалуешься на нас. Когда же ты совершишь омовение, будет накрыт царский стол.

Все произошло так, как она пожелала. Она выпалась, затем умылась и уже тогда села за стол, уставленный снэдью. Она пила и ела. После же трапезы невидимый голос пел для нее, а невидимый музыкант играл на кифаре.

Так в наслаждении она провела день. Вечером отправилась она ко сну. Была уже ночь, когда услышала она приближение нежного, но звонкого голоса. Пришел ее неизвестный муж.

Он был подле нее до рассвета, а перед наступлением дня ушел. Так проходил день за днем. Психея никогда не видела своего супруга, а только слышала его голос. И этот голос был счастьем в ее одинокой жизни.

Между тем родители ее все более старились в великом неослабевающем горе. Со временем весть об исчезновении Психеи достигла и соседних стран. Услышали эту весть и сестры Психеи. Одевшись с ног до головы в траур, они поспешили к своим родителям, чтобы их утешить.

В ту же ночь невидимый супруг сказал Психее:

— Дорская Психея, любимая моя жена, величайшая опасность угрожает нашему счастью. Сестры твои ищут тебя и скоро придут на ту горную вершину, откуда я тебя унес. Если ты услышишь их жалобные речи с вершины, не отвечай им, ибо иначе ты причинишь мне большое горе, а на себя навлечешь ужасную опасность.

Психея обещала, что все будет так, как хочет ее супруг.

Но весь следующий день бедняжка провела в слезах. Теперь она чувствовала себя запертой в тюрьме и лишенной человеческого общества, ведь она даже не может видеть своих дорогих сестер и не может утешить их, хотя они печалются именно о ней.

В тот день не милы были Психее ни освежающее омовение,

ни пища, ни питье. Весь день она лила слезы, пока вечером ее не одолел сон.

Ночью пришел ее супруг, обнял ее, заплаканную, и стал корить ее с нежной грустью:

— Разве это ты мне обещала, маленькая Психея? Как я могу надеяться на тебя, если ты день и ночь проводишь в слезах и даже в моих объятиях продолжаешь плакать? Делай же, как тебе хочется, уступи своим опасным желаниям. Но вспомни только о моих увещеваниях, когда наступит позднее раскаяние.

Слезами и мольбами добилась Психея согласия мужа принять ее сестер в качестве гостей и утешить их ласковой рукой в их печали о ней. Супруг уступил ей и разрешил одарить ее сестер золотом, драгоценными камнями — чем только она захочет. Он только предупредил ее, чтобы она ни в чем не следовала советам своих сестер и не уступала бы никогда кощунственному желанию увидеть своего мужа, ибо в противном случае он должен будет покинуть ее навсегда.

Психея поблагодарила своего мужа и обещала, что все будет так, как он хочет.

— Лучше я сто раз умру, чем лишусь тебя,— добавила она, утирая слезы.

* * *

С рассветом муж Психеи снова исчез.

Утром сестры Психеи уже стояли на том утесе, откуда она исчезла. Они горько плакали и издавали горестные восклицания, призывая Психею, так что имя ее повторяло эхо гор.

Внизу, в глубине долины, услышала это Психея, выбежала из дворца и воскликнула:

— Не плачьте, не печальтесь более, ибо я, кого вы оплакиваете здесь!

Она зовет Зефира, и тот — так как муж ее ночью разрешил это сделать — переносит к ней на своих легких крыльях ее сестер с вершины горы.

Вот была радость, когда они встретились! Они обнимали и целовали друг друга.

— Заходите же, посмотрите мое жилище,— приглашает Психея своих сестер во дворец. Она показывает им все, щедро угощает их, ибо к этому времени невидимые слуги уже накрыли стол.

Но если вначале сестры радовались тому, что они встретились со своей младшей сестрой, которую считали погибшей, то потом, увидев окружающую их роскошь и множество драгоценностей, они воспылали злой завистью. Конечно, самым большим их желанием было узнать, кто же может быть хозяином этого чудесного дворца, кто же супруг Психеи. Они расспрашивали

об этом Психею, но та не забыла запрещения своего мужа. Сначала она отмалчивалась, но сестры не прекращали ее настойчиво расспрашивать.

Поэтому бедняжка была вынуждена солгать. Она сказала им, что ее господин — прекрасный молодой человек, с подбородком, покрытым мягким пушком, что он редко бывает дома, ибо занят охотой в лесах и полях. А чтобы не открылся ее обман, она теперь уже спешила отделаться от своих дорогих гостей. Она подарила им драгоценных ожерелий и прекрасных украшений столько, сколько они могли унести. Затем она быстро призвала Зефира, чтобы тот отнес их так же, как и доставил.

В дороге зависть сестер еще больше усилилась.

— Вот насколько несправедливо счастье, — начала одна из них. — Как же так? Все трое мы — дети одних родителей, царские дочери, и вот мы, старшие, вдали от родителей, в чужой стране служанки наших мужей, а она — самая младшая — жена бога! Ты видела, сестра, сколько сокровищ в ее дворце, сколько там золотых ожерелий, прекрасных одежд, сколько блестящего жемчуга! И если правда то, что она рассказала о свем муже, то, наверно, ее божественный муж и ее сделает богиней. Во всяком случае, она так держится, будто она уже богиня. А я, несчастная, могу любоваться дома только лысиной своего старого мужа, который все в доме держит от меня на замке!

— Можешь не говорить об этом, — продолжала другая, — знает о том и Психея. Поэтому она так и вела себя с нами, как со служанками ее мужа. Или ты не заметила, как высокомерно она с нами разговаривала, как быстро выпроводила нас из дома и как скуп одарила драгоценностями? Не будь я царицей, если не отомщу за этот позор, если не лишу ее этого великого счастья!

Тотчас же они договорились, чтобы никому и ни о чем не рассказывать. Они спрятали сокровища, подаренные им Психеей, разорвали свои одежды, докрасна натерли глаза и в слезах вернулись к своим родителям.

В сердце бедной царской четы возобновилась старая печаль, и родители вместе со своими дочерьми с горьким рыданьем оплакивали Психею. А злые дочери с тайной радостью продолжали скрывать, что они встретили Психею.

После этого они возвратились домой, каждая к своему мужу, и продолжали вынашивать злобные планы против Психеи.

Этой ночью муж сказал Психее:

— Знаешь ли ты, какая опасность опять угрожает тебе? И если ты не удвоишь осторожности, то она настигнет тебя. Твои злые сестры стремятся разрушить наше счастье. Они придут, чтобы уговорить тебя тайно увидеть мой облик. Но говорю тебе, что, увидев меня один раз, ты больше не увидишь

меня совсем и даже голоса не услышишь. Поэтому, если эти злые ведьмы придут сюда еще раз, не говори с ними ни слова или, если этого твоя душа не сможет вынести, по крайней мере, если зайдет речь обо мне, не слушай их. Ведь ты знаешь, что скоро у тебя будет ребенок и, если наша тайна сохранится, он будет богом; если же ты раскросшь тайну, он будет смертным.

Услышав это обещание, Психея не помнила себя от радости и счастья.

Но вот опять пришли сестры, и Зефир, хотя и неохотно (что он мог поделать, когда ему приказала Психея?), перенес их на своих крыльях.

Как льстили эти ведьмы, как они притворялись! Им трудно было овладеть доверием маленькой Психеи.

Она угостила их разными яствами, призвала невидимых певцов усладить слух своих сестер. Те же ткали преступную сеть лживыми речами. Начинают расспросы с малого и идут все дальше: каков ее муж? Стар или молод? А маленькая простушка уже забыла, что она придумала в прошлый раз, и в замешательстве говорит, что ее муж на нагруженном корабле объезжает мир, торгуя драгоценными сокровищами, не молод и не стар, что легкая седина уже тронула его волосы.

И чтобы не запутаться во лжи, она быстро сует им в руки драгоценности и спешит поручить их слуге своего мужа, легкому Зефиру.

Возвращаясь домой, сестры ведут такой разговор:

— Ну, что ты скажешь, сестра, о новой лжи этой дуры? Ее муж так быстро состарился! В прошлый раз он был юношей с пушком на подбородке, а теперь у него уже седина в волосах! Психея или врет или никогда не видела собственного мужа, но нам-то нужно узнать правду. Ибо если Психея сама не может его увидеть, то тогда ясно, что он бог. А если это так, я просто лопну от зависти.

Они не вернулись к своим мужьям, следующую ночь провели у своих родителей, а наутро поспешили снова на горную вершину и с одинокой скалы на крыльях западного ветра — прямо к Психее.

— Наша маленькая бедная сестрица, — обратились они к ней с притворным смирением, — ты здесь беззаботно живешь в одиночестве и не подозреваешь об опасности, которая тебе угрожает. Хорошо, что мы на страже. Ибо мы узнали, кто твой муж: не человек, не бог, а гигантский ядовитый змей. Вспомни о прорицании Аполлона; твоим мужем, сказал бог, будет жестокое существо, которого боится сам Юпитер. Крестьяне видели ядовитого змея, возвращавшегося вечером домой. Он лишь ждет, когда ты располнеешь, чтобы сжрать тебя, а если у

тебя будет ребеночек, то и его вместе с тобой. Подумай же, послушать ли тебе совета твоих добрых сестер или оставаться далее со своим отвратительным змеем. Мы же исполнили наш сестринский долг, предупредив тебя.

У бедной простушки Психеи дрожь прошла по спине. Из головы ее вылетели все наставления мужа, забыла она и собственные обещания. Она беспомощно прижалась к своим сестрам:

— Ах, не оставьте меня в беде, ведь крестьяне могли вам сказать правду. Я должна признаться, что никогда не видела своего мужа, а только слышала его голос, так как он всегда приходил вечером, а когда наступал день, он удалялся. Он всегда грозил мне, бедой, если я захочу хоть однажды посмотреть на него. Ах, дайте мне совет — что мне делать, куда обратиться?

Тогда злобно заблестели глаза обеих ведьм, случилось то, чего они так ждали. Перебивая друг друга, они стали быстро засыпать ее советами:

— Тайно сделай такие приготовления: возьми с собой в спальню остро отточенный нож, затем приготовь ярко горящую лампу, наполненную маслом, и прикрой ее горшком. Когда же змей придет и ты почувствуешь по его дыханию, что он уже уснул, соскользни с постели, сними горшок с лампы и отруби ножом голову змея, ибо в темноте ты можешь ошибиться. Не бойся, мы будем поблизости. Если ты покончишь со змеем, то мы позаботимся о том, чтобы найти тебе среди людей мужа, достойного тебя.

Сказали они это, а сами позаботились больше всего о том, чтобы не сстаться с ней. Когда их слова влили достаточно яда в душу Психеи, они поспешили унести свои шкуры в страхе перед местью бога. Тотчас же сели они на корабли и до дома не останавливались.

* * *

Психея осталась одна со своими думами и сомнениями. То верит она, то не верит тому, что сестры ей говорили. То ненавидит этого змея, то пылает любовью к мужу, которого никогда не видела. Долго колебалась она, послушаться ли запрещения супруга или слов сестер. Но вот наступил вечер, и Психея сделала то, что посоветовали ей сестры.

Пришла ночь, а с ночной темнотой пришел муж Психеи. Вскоре он заснул. Тогда Психея собрала все свои силы, вытащила острый нож, сняла горшок с лампы, подняла ее над постелью и смотрит, смотрит, кто же лежит рядом с ней. И кого же она там видит?

Видит она самого прекрасного, самого нежного из безжалостных существ — самого сына Венеры, Амура, Любовь. Там

спал прекрасный бог и сладко улыбался во сне. При виде его огонь лампы заиграл веселее и лезвие ножа сильнее заблестело.

Бедная Психея побледнела и в страхе упала на колени. Она бы сама себя пронзила ножом, если бы он, к счастью, не выпал из ее дрожащих рук. Она стояла на коленях перед постелью, изнемогая, и приходила в себя лишь благодаря тому, что могла любоваться красотой бога. От него она не могла отвести взора.

Видела она золотисто-белокурую голову, разметавшиеся кудри благоухающих волос, которые окаймляют молочно-белую шею и розовые щеки. Локоны его разметались в беспорядке. Их золотистый блеск затмевал огонь лампы. На плечах у спящего блестели росистые крылья. И они отдыхали, но их легкие белые перья постоянно колебались.

Перед кроватью лежали лук и колчан, наполненные заостренными стрелами. С любопытством смотрела Психея на оружие своего возлюбленного супруга, взяла одну из стрел и собственными пальцами попробовала, острая она или нет. Выступила кровь. Сама того не зная, маленькая Психея ранила себя неугасимой любовью к богу любви Амуру. Полная страсти к Амуру, она покрывала его горячими поцелуями. Она спешила его целовать, боясь, что он проснется.

Но ее масляная лампа, то ли из зависти, то ли потому, что не могла утерпеть, чтобы не коснуться прекрасного тела крылатого бога, брызнула каплей горячего масла на правое плечо бога.

В испуге вскочил Амур; открыв глаза, он сразу все понял и выскользнул из объятий Психеи, поднявшись в воздух. Напрасно ухватила за него Психея, напрасно держалась она за его ногу — он улетел ввысь, не останавливаясь. Психея в отчаянии упала на землю. Но влюбленный бог не мог оставить свою возлюбленную, ничего не сказав ей.

— Маленькая, простодушная Психея, разве для этого я нарушил наказ моей матери? Ведь она приказала, чтобы я внушил тебе страсть к самому жалкому человеку на земле. Разве для того я сам предпочел быть твоим супругом, чтобы ты приняла меня за змея и пожелала отрубить мне голову? Теперь ты видишь, что напрасно я тебя предостерегал. Ты послушалась «хорошего» совета твоих злых сестер! Эти ведьмы будут за это беспощадно наказаны, а тебя я накажу лишь тем, что удалюсь от тебя.— Сказав это, он на крыльях поднялся ввысь.

Психея же без сил распростерлась на земле. Взором она следила, пока могла, за полетом своего повелителя и горько плакала. После того как он исчез из ее глаз, она добрела до ближайшей речки и бросилась в ее волны. Но речка знала, что имеет дело с супругой бога: она нежно вынесла Психею на берег, покрытый цветами, в мягкую зеленую траву.

Случайно на этом берегу сидел Пан, пастушеский козлоногий бог. Ласковыми словами он утешал девушку:

— Послушай меня, милая девушка, я действительно простой пастух, но я уже стар и много видел. Я хорошо вижу — это любовная страсть, от нее ты страдаешь, но от нее не следует умирать. Оставь свою печаль, подумай лучше, как и чем ты можешь умиловать Амура, ибо нельзя отрицать того, что он немного избалован.

Псблагодарила Психея пастушеского бога за его совет и тронулась в путь. Следуя своей дорогой, она попала в страну, где царствовал муж одной из ее сестер. Она пришла к сестре и сказала ей:

— Вспомни, сестра моя, что вы посоветовали мне. Я все сделала так, как вы мне сказали, но когда я подняла лампу над кроватью, я увидела вместо ядовитого змея дивную красоту — самого прекрасного сына Венеры. Я смотрела, смотрела долго с лампой в руке, и случайно капля горячего масла капнула ему на плечо. Он проснулся и, увидев меня с ножом в руке, сказал гневно: «Убирайся от меня, а на твое место я возьму в жены твою старшую сестру». Тут же он призвал Зефира, который и вынес меня из дворца.

Не успела еще Психея кончить свою речь, как ее злая сестра поспешно оставила ее, какой-то ложью отделалась от мужа, села на корабль, откуда, потеряв рассудок, устремилась на одинокую скалу горной вершины. Хотя дул какой-то другой ветер, она подумала, что это Зефир, посланный за ней богом Амуром.

— Прими же меня к себе, твою достойную супругу, Амур, — воскликнула она, — а ты, Зефир, отнеси твою новую госпожу к твоему господину! — И с этими словами, раскинув руки, она бросилась в пропасть, где тотчас же разбилась о скалы.

Не заставило себя долго ждать и наказание для другой сестры. В своих дальнейших скитаниях Психея достигла страны, где жила другая сестра. Ей она сказала то же самое, что и первой сестре. Эта также поверила, что только она — достойная супруга для Амура. И она также разбилась о скалы.

А Психея все искала и искала своего исчезнувшего мужа. Он же лежал в доме своей матери и страдал от раны, причиненной каплей масла.

Прекрасная белая чайка принесла Венере весть о том, что ее сын лежит больной. Но болтливая птица знала и большую новость:

— Весь мир говорит о том, что Амур занимается любовью среди гор, Венера же все купается в море, а между тем народы одичали, ибо весть Венера с сыном должны рассыпать по земле прекрасную страсть, супружескую верность, благородное мужество и вообще все, что прекрасно и исполнено желаний.

Все это прекрасная белая чайка наболтала в уши Венеры.

— Так мой невинный сынок имеет любовницу! — взорвалась гневом Венера. — Скажи же мне скорее, моя единственная верная слуга, кто та девушка, которая его соблазнила. Нимфа ли она по крайней мере, или одна из Ор, или одна из девяти Муз, или, может быть, какая-нибудь из трех Граций, сопровождающих меня?

— Не знаю я, кем она может быть, я слышала только, что зовут ее Психеей, — ответила чайка.

Тут гнев целиком овладел богиней:

— Психея? Может быть, та самая, которая своей красотой затмевает мою собственную красоту? Неужели этот негодник думает, что я для этого указала ему Психею?

И не медля далее, она поднялась на поверхность моря и поспешила в свой золотой дворец. Действительно, чайка сказала правду — там на постели лежал Амур. Уже с порога напустилась на него Венера:

— Как прекрасно то, что ты сделал! Так-то ты послушался слов твоей матери! Еще ребенок, а уже женщины на уме! За моей спиной ты берешь в жены ту самую царскую дочь, смертную женщину, которую я приказала тебе жестоко наказать! Ну, постой же, негодный, ты еще пожалеешь об этом! Отниму я у тебя твои крылья, лук и колчан со стрелами и передам сыну одного из моих слуг. Он будет моим сыном вместо тебя, так как ты не заслуживаешь этого.

Гнев все еще клокотал в ней, когда она, захлопнув за собой двери, оставила сына. Такой и встретили ее Церера и Юнона.

— Что с тобой? — спрашивают они ее. — Почему ты так гневно сдвинула брови над твоими прекрасными глазами?

— Хорошо, что я встретила вас, — отвечает им Венера, — ведь вы уже слышали о позоре, постигшем мой дом. Помогите мне найти беглянку Психею, жену моего сына.

Конечно, Церера и Юнона уже знали обо всем.

— Что же плохого совершил твой сын? То, что он полюбил прекрасную Психею и женился на ней? Но это в порядке вещей. Ведь он уже взрослый юноша, и только ты думаешь, что он всегда останется ребенком.

Но их утешающие слова лишь подлили масла в огонь. Венера, увидев, что они не принимают всерьез причиненную ей обиду, тотчас покинула их и возвратилась в море.

* * *

А в это время Психея днем и ночью искала своего мужа, чтобы вымолить у него прощение. Если уж она недостойна быть его женой, то по крайней мере ей хотелось, чтобы он оставил ее у себя как последнюю из служанок.

На своем пути она увидела какой-то храм и подумала, что нужно и туда заглянуть — может быть, именно там живет ее господин.

И поспешно вошла она в храм. Она увидела только снопы, тучные колосья, венки жнецов, серпы, косы и другие орудия жатвы, сваленные в беспорядке, как будто их только что бросили. Психея все это разложила в порядке.

Увидела это Церера, милостивая богиня, — ибо это в ее храм забрела Психея — и еще издали сказала ей:

— Бедная маленькая Психея, ищет тебя Венера по всему свету, готова тебе смерть, а ты заботишься о том, чтобы убраться из моего храма!

Психея бросилась к ногам богини, горько плача и подметая землю распущенными волосами. Она прissiла Цереру:

— Прошу тебя, собирающую урожай, дающую благодать, не прогнй меня отсюда, позволь мне спрятаться на несколько дней среди снопов, пока не смягчится гнев Венеры ко мне или по крайней мере пока я не отдохну немного от долгого пути.

Но Церера ответила:

— Венера — моя родственница, к тому же меня с ней связывает дружба. Так что как бы я тебя ни жалела, я не могу скрывать ее беглую служанку.

Со слезами идет Психея дальше и достигает храма Юноны. Осушив слезы, она умоляет супругу Юпитера принять ее.

Но и Юнона прогнала ее:

— Жаль мне тебя, маленькая Психея, но Венера — моя невестка, и я всегда любила ее, как свою дочь. Да кроме того, я не могу дать тебе пристанища как беглой служанке.

Что же еще могла поделать Психея? Всюду ее считали только беглой служанкой и не давали ей убежища. Она подумала, что самое лучшее — это добровольно явиться к Венере, а там уже будет ясно, что делать дальше. Втайне же она надеялась увидеть Амура в доме его матери. Но, сильно страшась карающей руки Венеры, она долго ободряла себя, пока не собрала все свое мужество, чтобы предстать перед взором Венеры.

Венера же, увидев смертельно уставшую от долгих странствий и дрожащую от страха Психею, обратилась к ней с насмешкой.

— Ну вот, наконец-то ты догадалась посетить свою свекровь, — сказала она, нахмутив брови. — Или, может быть, ты хочешь проведать своего мужа, который лежит в постели, мучась раной, тобой нанесенной? Но не бойся, я буду доброй свекровью, я научу тебя приличиям.

Затем она призвала своих слуг и дала им в руки кнут, чтобы те избили Психею. Потом снова призвала ее к себе и сказала:

— Не думай, что ты настоящая жена моего сына. Я не давала согласия на ваш брак и никогда не дам. Ты просто моя служанка, понимаешь? А если ты меня не слушаешься, то увидишь сама, что произойдет.

Она насыпала перед Психеей кучу зерен — пшеницу, рожь, ячмень, просо, мак, горох, чечевицу, бобы — и перемешала их.

— Ты самая последняя из моих служанок, и если ты не будешь работать, то не получишь пищи. Видишь эту кучу? К вечеру выбери из нее и разложи отдельно по кучкам все зерна. К моему приходу чтобы это было сделано!

Но маленькая Психея и не приступала к работе. Она знала, что не может исполнить ее не только к вечеру, но и вообще когда-либо, такая огромная куча лежала перед ней. Она сидела в одиночестве, не шевелясь, и не знала, что произойдет дальше.

Но над ней сжалился маленький муравей и обратился к своим товарищам:

— Идемте, идемте, муравьи, крошечные дети Матери-Земли, идемте поможем супруге Амура!

Тут из всех углов поползли муравьи волнами по комнате, и вскоре семена были разобраны. Психее нужно было лишь следить за их работой.

Вечером явилась Венера и с удивлением увидела, что все сделано именно так, как она приказала. Бросив Психее кусок сухого хлеба, она отправилась спать.

А в это время Амур находился под сильной охраной. Венера приказала его сторожить, чтобы он не смог оставить свою комнату. Отчасти это было сделано для того, чтобы он не начал снова свои проказы и не разбередил себе рану, а отчасти для того, чтобы он не встретился с Психеей. Так они, находясь под одной крышей, не могли видеть друг друга.

Рано утром на следующий день Венера вызвала к себе Психею, чтобы отдать ей новое приказание.

— Видишь ты заросли на берегу реки? Там пасутся золоторуные овцы без пастухов. Теперь я тебе приказываю, чтобы ты принесла мне клочок золотой шерсти от самой прекрасной овцы.

С радостью пошла туда Психея и думала о том, что если бы она там погибла, то по крайней мере наступил бы конец ее страданиям. Но на берегу реки шелестящая тростинка так ей шепнула на ухо:

— Подожди, подожди, Психея, не подходи сейчас к золоторуным овцам. В это время, в полдень, солнечный зной делает их дикими и они убивают своими острыми рогами приближающихся к ним. Подожди лишь до вечерних сумерек, скройся до этого времени в тени платана и жди, пока овцы отдыхают среди деревьев. Клочки их шерсти в достаточном количестве остаются

ся на шипах кустов, так что, когда ты туда проберешься, тебе нужно будет только потрясти ветви и подобрать золотую шерсть.

Психея так и сделала. Вечером она принесла золотое руно Венере.

— Ты думаешь, я не знаю, кто тебе помог? — бросила ей в гнев Венера и отдала новый приказ.— Видишь ты горную вершину над скалой? Там берет начало мрачный источник, питающий своими черными водами реку подземного мира — Кокит. Оттуда ты принесешь мне ледяной воды.— И она вручила ей маленькую скляночку из хрусталя.

Пошла туда Психея и нашла черный источник. Но здесь она поняла, каксй жестокий приказ отдала ей Венера. Из высокой скалы, с недоступной высоты, бил ключ и падал по острым камням в глубину, а рядом с источником вечно бодрствовали два страшных дракона.

Черные волны плескались и восклицали, повергая Психею в ужас.

— Беги! — восклицала одна из волн.— Чего ты хочешь? — спрашивала другая.— Куда ты идешь? Смотри сюда! Спасайся! Погибнешь! — и так далее. Бедная маленькая Психея от ужаса почти окаменела.

К счастью, в это время туда прилетел огромный орел Юпитера.

— Маленькая бедная простушка Психея, — обратился к ней орел.— Уж не думаешь ли ты, что тебе удастся достать хотя бы каплю из этого источника? Разве ты не знаешь, что даже боги боятся его? — И взяв у Психеи ее склянку, он полетел к скалам, поставил под падающую воду и наполнил сосуд. Шипели оба ядовитых дракона, но орел шепнул им в уши, что Венера послала его за водой, и тем самым смягчил драконов.

Счастливая, взяла Психея у орла полный сосуд и отнесла его Венере. Но той и этого не было достаточно.

— Возьми вот эту банку,— сказала она, не ожидая, пока Психея хоть немного отдохнет.— Иди с ней в подземное царство и попроси у Прозерпины от моего имени, чтобы та дала по крайней мере однодневную порцию эликсира красоты, так как свой я весь израсходовала, ухаживая за своим больным сыном. Но поторопись с этим, ибо мне нужно спешить на Олимп, к остальным богам.

Теперь уже ясно видела Психея, что Венера хотела любой ценой ее погубить. Подумав об этом, она взошла на высокую башню, чтобы броситься с нее. Но башня сказала ей:

— Маленькая бедная Психея, что это тебе пришло в голову? Действительно, если ты прыгнешь с меня и разобьешься, ты попадешь в подземный мир, к душам умерших, но в этом

случае ты никогда не сможешь оттуда выйти. Послушай меня хорошо. Недалеко отсюда находится Лакедемон и совсем рядом — гора Тэнар. Там каждый укажет тебе вход в подземное царство. Увидишь там тропинку. Иди по ней спокойно до конца. Она приведет тебя к дворцу царя подземного мира. Но не ходи с пустыми руками. В обеих руках у тебя должно быть по одной медовой лепешке, а во рту — две медные монеты. Когда ты пройдешь по дороге достаточно далеко, ты увидишь хромого осла, а с ним хромого старика, который попросит тебя положить несколько поленьев на спину осла. Но ты не отвечай ему, а иди дальше вперед. Ты достигнешь реки и увидишь там перевозчика, которого зовут Харон. Он переправит тебя в своем челне на противоположный берег. Только заплати ему за перевоз. Тебе нужно только раскрыть рот, и он сам возьмет из него предназначенные для него деньги. Из волн реки к тебе будет взывать старик, чтобы ты взяла его в челн, но ты не обращай на него внимания. На противоположном берегу ты встретишь старух-ткачих, которые попросят тебя помочь им в работе. Но ты их не слушай. Ибо всех их послала Венера, чтобы они помогли ей выманить у тебя хоть одну медовую лепешку. Но если ты потеряешь одну из лепешек, ты не выйдешь на белый свет. Дворец Плутона сторожит трехглавый пес Кербер, и если ты отдашь ему одну из лепешек, то достигнешь Прозерпины. Царица подземного мира ласково примет тебя, предложит тебе мягкое сиденье и предложит поесть разных яств. Но ты скромно сядь на землю и попроси для себя лишь один кусок хлеба, а затем скажи о цели твоего прихода. Как только склянка будет наполнена, тотчас же возвращайся обратно. Отдай трехглавому псу вторую медовую лепешку, чтобы он выпустил тебя из дворца, отдай Харону вторую свою монету, чтобы он перевез тебя на этот берег, и возвращайся по той же дороге, по которой пришла. Лишь об одном тебя предупреждаю: не вздумай открыть склянку, чтобы посмотреть, что в ней находится.

Психея, ни минуты не медля, сделала все так, как ей посоветовала башня. Взяла она в руки две медовые лепешки, а в рот две монеты. Встретился ей хромой осел со своим хромым хозяином. Просил ее старик взять его к себе в лодку, выходили к ней старухи-ткачихи, но Психея не слушала их. Монетой заплатила она за переправу, лепешкой накормила трехглавого пса и таким образом достигла Прозерпины. Не приняла она мягкого сиденья, не попробовала яств, предложенных царицей подземного мира, а села на землю и попросила лишь кусок хлеба, а затем сказала, зачем ее послала Венера. Получив то, что просила, на обратном пути она отдала вторую лепешку Керберу, второй медной монетой заплатила Харону и таким образом снова достигла белого света.

Но тут любопытство одолело ее, и она открыла баночку. Но там не было ни капли эликсира, дающего красоту. Баночка была наполнена глубоким сном подземного царства. Вырвался сон из баночки и охватил все члены Психеи, отчего она тотчас же уснула.

К счастью, к этому времени Амур выздоровел от раны. Сильно тосковал он по своей Психее, так что напрасно мать его закрывала двери — он вылетел в окно. Он вовремя нашел Психею, ибо еще немного, и она могла бы заснуть навеки.

Но Амур согнал с нее сон и снова собрал его в баночку. Психею же он слегка уколол острием стрелы, чтобы она проснулась.

— Ну, вот видишь, — сказал ей Амур, когда она наконец открыла глаза, — ты едва не заснула навеки из-за своего любопытства! Но отнеси скорее моей матери то, за чем она тебя послала, а что будет дальше, увидим потом, — Психея и слова не успела сказать, как Амур улетел от нее на легких крыльях.

Психея же быстро пошла и отдала Венере подарок Прозерпины.

Теперь уже было все хорошо. Амур выздоровел, и никто уже не мог удержать этого плута или отклонить от того, что он задумал. Он полетел прямо на небо и предстал перед Юпитером.

Юпитера не нужно было долго убеждать. Он потрепал Амура по щечкам и обещал сделать для него все, что тот просит. Тотчас же Юпитер послал Меркурия созвать всех богов на совет.

— Все вы знаете Амура, маленького плута, от которого каждому из нас доставалось. Но теперь он попал в беду. Он полюбил одну девушку и даже тайно сделал ее своей женой, но Венера не хочет согласиться на их брак. Давайте-ка, боги, поженем их здесь, на небе, по установленному порядку, а затем пусть Венера попытается переменить наше решение!

Боги одобрили это предложение, и Меркурий тотчас же отправился за Психеей. Немедленно был накрыт праздничный стол. Были там Юпитер с Юноной и все остальные боги. Сам Бахус наполнял их чаши нектаром, и только Юпитеру прислуживал его особый виночерпий — Ганимед. Свадебные кушанья готовил Вулкан, цветами стол осыпали прекрасные богини времен года — Оры. Грации распространяли бальзамические благовония в небесной палате, а Музы пели.

Аполлон играл на кифаре, а Венера — что же ей еще оставалось делать? — сама танцевала на свадьбе своего сына.

Так Психея стала теперь уже неразлучной женой Амура. Вскоре у них родилась прекрасная дочь, которую мы, люди, называем Наслаждением *.

* Apul., Metamorph., IV, 28; VI, 24.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
ПРОИСХОЖДЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ МИФОВ	17
1. Мифы и мифологические образы .	17
2. Направления в мифологии	22
3. Религия и мифология в свете марксизма-ленинизма	25
4. Современное значение сравнительной мифологии .	43
Сотворение мира	49
Женщина, вытесанная из дерева	52
Потоп .	53
Самсон .	56
Амиран .	62
Кузнец Велунд .	71
Липпо и Тапио	75
Чудесный олень	79
Чингис . .	80
Царица Неба	85
Садко	87
МУЗЫ	94
Орфей и Эвридика	107
Арион .	108
Пиндар	109
ВОЗНИКНОВЕНИЕ МИРА (КОСМОГОНΙΑ) И ПОЯВЛЕНИЕ БОГОВ	
(ТЕОГОНΙΑ) .	112
Человеческая культура .	114
Мом .	117
Пандора .	117
Века истории .	119
Потоп	121
Девкалион и Пирра .	122

ОЛИМП	126
Гигантомахия . . .	130
Филемон и Бавкида	133
ЗЕВС И ГЕРА	136
Европа	144
Персей	146
АФИНА-ПАЛЛАДА, АРЕС И ГЕФЕСТ	150
Арахна	165
Дедал и Икар .	167
АПОЛЛОН И АРТЕМИДА	170
Рождение Аполлона .	178
Дафна	180
Мелампод	182
Кирена	184
Ниоба	185
Калидонская охота	188
Актеон .	189
✕ АФРОДИТА	192
Анхиз	196
Пигмалион	199
Нарцисс и Эхо	201
Геро и Леандр	205
ГЕРМЕС	210
Первые деяния Гермеса .	212
Гермес и дровосек .	216
ПОСЕЙДОН И БОЖЕСТВА МОРЕ	218
Акид и Галатея	224
Тесей и Минос .	227
Фрикс и Гелла	229
Аргонавты	230
Меланиппа	239
ДЕМЕТРА И ГАДЕС	241
Похищение Персефоны . .	246
Правосудие потустороннего мира	252
ДИОНИС	254
Дионис и разбойники .	261
Ариадна	263
Эригона .	265
ГЕРАКЛ	267
Геракл и Эврисфей	272
Геракл-дитя .	273
Киферонский лев	275
Орхомен	276

ГОМЕР И ТРОЯНСКИЙ ЭПИЧЕСКИЙ ЦИКЛ	286
Троянская война по «Илиаде» .	290
Возвращение Одиссея на родину по «Одиссее»	320
МИФЫ В ГРЕЧЕСКОЙ ТРАГЕДИИ	345
ГРЕЧЕСКИЕ БОГИ В РИМЕ И РИМСКАЯ МИФОЛОГИЯ	361
Аппа Регеппа	386
Пик	389
Помона и Вертумн	391
Богиня молчания (Dea Muta)	393
Камилла .	394
Как .	397
РИМСКИЙ ЭПОС	399
Эней . . .	403
Ромул и Рем	434
Квирин	436
ВОСТОЧНЫЕ БОГИ НА ЗАПАДЕ	438
Кибела	441
Изида и Озирис .	443
Пещера Аиона .	447
МИФ И СКАЗКА	449
Пердикка . . .	451
Амур и Психея .	452

Тренчени-Вальдапфель Имре
МИФОЛОГИЯ

Редактор Л. Э. ПОЛЯКОВА. Художник Г. И. Мануйлов
Художественный редактор Б. И. Астафьев. Технический редактор Н. В. Зотова
Корректор Е. Б. Марксон

Сдано в производство 13/VII—1959 г. Подписано в печ. 27/VIII—1959 г.
Бумага 60×92¹/₁₆ = 15,8 бум. л. Печ. л, 33,5 в т/ч 32 вкл. Уч.-изд. л. 32,5.
Изд. № 6/4180. Цена 15 р. 85 к. Зак. тип. № 678

Издательство иностранной литературы
Москва, Ново-Алексеевская, 52

Московская типография № 8 Управления полиграфической
промышленности Мосгорсовнархоза
Москва, Ново-Алексеевская, 52

